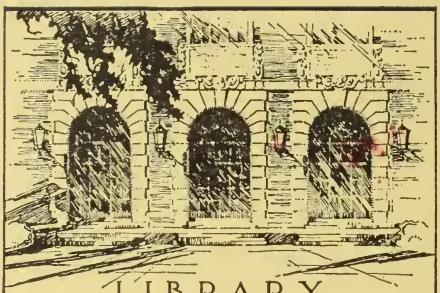


LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

891.705
RUS
1915
no.7

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается книга
(изданіе Д. Е. Жуковскаго):

П

РАТ А.

П

Сборникъ ст 19.

Въ этомъ сборни е рядъ
другихъ статей, п сбор-
никъ „Patriotica“ кѣ на-
шего философскаг нтелли-
генція и націонал ктября
1909 г.“ (сравни А. И.

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

JUL 20 1979
JUL 6 1979
JUL 05 1991
JUN 23 1991
MAR 02 2000

L161—O-1096

Книго

Во вс

Выпускъ третій и об-
щественнымъ е.

ХО

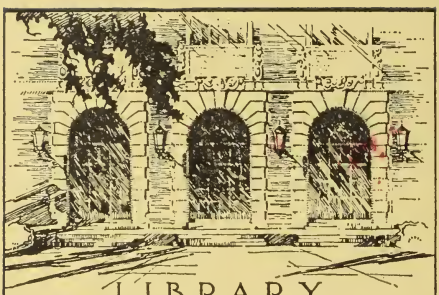
Критическія вен-

Введеніе. Отдѣ сть.

ХО

Критика нѣкоторыхъ основныхъ проблемъ и положеній политической экономіи.

Глава I. Проблема производства и проблема вмѣненія. Глава II. Проблема т. н. „распредѣленія“. Глава III. Политическая экономія и бухгалтерія. Глава IV. Цѣна и доходы. Глава V. Доходъ и капиталъ. Глава VI. Заключеніе. Экскурсы и указатели къ обѣимъ частямъ.



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

891.705
RUS
1915
no.7

Во всѣхъ к… …нига

П… …Струве.

PATRIOTICA.

Политика, культура, религія, соціализмъ.

Сборникъ статей за пять лѣтъ (1905—1910 гг.). Стр. 619.

Въ этомъ сборникѣ помѣщена статья **„Великая Россія“**, а также рядъ другихъ статей, посвященныхъ вопросамъ внѣшней политики. Въ сборникъ „Patriotica“ кромѣ того вошли статьи: „Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія“, „Интеллигенція и революція“, „Интеллигенція и національное лицо“, „Герценъ“, „Левъ Толстой“ и „17 октября 1909 г.“ (сравнительная характеристика П. А. Столыпина и А. И. Гучкова).

Цѣна 3 руб.

Книгоиздательство В. П. РЯБУШИНСКАГО.

Москва, Кудринская Садовая, д. 6.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается книга:

Выпускъ третій Изслѣдованій и работъ по политической экономіи и общественнымъ знаніямъ, издаваемыхъ подъ редакц. П. Б. Струве.

ПЕТРЪ СТРУВЕ.

ХОЗЯЙСТВО и ЦѢНА.

Критическія изслѣдованія по теоріи и исторіи хозяйственной жизни.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Введеніе. Отдѣлъ I. Хозяйство и общество. Отдѣлъ II. Цѣна-цѣнность.
Стр. XXXV + 358. Ц. 3 р. 50 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

ХОЗЯЙСТВО и ЦѢНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Критика нѣкоторыхъ основныхъ проблемъ и положеній политической экономіи.

Глава I. Проблема производства и проблема вмѣненія. Глава II. Проблема т. н. „распредѣленія“. Глава III. Политическая экономія и бухгалтерія. Глава IV. Цѣна и доходы. Глава V. Доходъ и капиталъ. Глава VI. Заключеніе. Экскурсы и указатели къ обѣимъ частямъ.

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ПАБЕЛЪ БУРЕ
С.ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВА
НЕВСКІЙ ПР. 23 КУЗНЕЦКІЙ М.

СОБСТВЕННАЯ ФАБРИКА...

Иллюстрированный прейсъ-курантъ за № 203 высылается безплатно.

...СОБСТВЕННАЯ ФАБРИКА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ОРГАНЪ

ЕВРЕЙСКАЯ НЕДѢЛЯ.

Подписная цѣна съ 1-го іюля до конца года 2 руб. 50 коп., на 3 мѣсяца 1 руб. 25 коп., на 1 мѣсяцъ 50 коп. Цѣна отдѣльнаго номера 10 коп.

Отдѣльные номера продаются у газетчиковъ.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Пробный номеръ по требованію высылается безплатно.

Адресъ главной конторы и редакціи: Москва, Маросейка, Петроверигскій пер., д. 5, кв. 23, телефонъ 4-44-63.

Въ журналѣ введенъ юридическій отдѣлъ, которымъ руководитъ петроградскій прис. повѣр. Л. М. Айзенбергъ; въ частности, подписчикамъ „Еврейской Недѣли“ будутъ даваться совѣты и указанія изъ области такъ называемаго еврейскаго права.

Петръ Струве.

КРѢПОСТНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Изслѣдованія по экономической исторіи Россіи въ XVIII и XIX вв.

Содержаніе: I. Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX в. II. Попытки артельной организаціи крѣпостныхъ крестьянъ. III. Крѣпостная статистика. IV. Изъ исторіи идеи крестьянскаго землеустрйства. V. Первая попытка возбужденія крестьянскаго вопроса въ царствованіе Александра II. VI. Маклеръ слугъ и рабочихъ людей. VII. Два отзыва (о книгѣ В. Г. Бажаева и И. И. Игнатовичъ). Стр. 340 съ тремя таблицами и діаграммой. **Цѣна 2 руб.**

Изданіе М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ. Москва, Тверской бульваръ, 6.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ПРИ ТИПОГРАФІИ

„Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°".

МОСКВА, Пименовская улица, собственный домъ.

Новости, поступившія на складъ.

Записная книжка и календарь для преподавателей на 1915—1916 годъ. Составленъ группой преподавателей т-ва „Природа и школа". М. 1915 г. Ц. въ мягк. коленк. перепл. 50 коп.

Можетъ ли Германія побѣдить? Рессурсы и стремленія ея народа по наблюденіямъ американца. Переводъ съ англійскаго. Ц. 1 р.

Зло Германіи и его религіозно-философскія причины. Проф. П. Страхова. Ц. 35 к.

„Война и культура". Серія брошюръ, посвященныхъ войнѣ и различнымъ связаннымъ съ нею вопросамъ, издаваемая подъ редакціей Исторической комиссіи при Учебномъ отдѣлѣ о-ва распр. техн. знаній. Вышло 34 брошюры, цѣною отъ 8 до 18 к. Слѣдующіе выпуски печатаются.

Задача серіи—дать широкимъ массамъ рядъ недорогихъ и доступныхъ по языку и содержанію книжекъ, въ которыхъ можно было бы найти отклики на всѣ событія текущаго момента.

„Подробная карманная карта военныхъ дѣйствій". Цѣна въ папкѣ 60 к.

Не уступая по числу названій самымъ подробнымъ изъ имѣющихся въ продажѣ картъ, эта карта имѣетъ то преимущество, что исполнена въ 5 красокъ, въ масштабѣ 1:2,500,000; имѣетъ отчетливый рельефъ и небольшой форматъ, который, благодаря особой системѣ складыванія, даетъ возможность пользоваться картой въ любыхъ условіяхъ. Карта содержитъ политическую карту европейскихъ державъ и карты 6 театровъ военныхъ дѣйствій.

Карта военныхъ дѣйствій въ Закавказьѣ и Азіатской Россіи. Размѣръ 15×24, на плотной бумагѣ, въ 5 красокъ. Масштабъ 1:1,000,000. Цѣна 50 к.

Крестьянское переустройство. С. Т. Семенова. Три статьи. I. Общинное крестьянство. II. Новые хозяева. III. Интеллигенція и народъ. Ц. 40 к.

Разведеніе и сборъ аптекарскихъ травъ въ Англіи. Статья В. А. Уотмафа. Перев. съ англ. М. А. Лазаревой. Подъ ред. и съ предислов. В. Н. Маракуева. Съ 13 рисунками. Ц. 35 к.

Вычисленіе процентовъ. Руководство вычисленія процентовъ для банковъ, банкирскихъ и коммерческихъ конторъ. Вычисленіе сдѣлано отъ $^1/_8$ до 10% на 180 дней и за полные 7—12 мѣсяцевъ отъ 1 руб., до 10,000. Составилъ П. К. Прянишниковъ. Цѣна въ перепл. 5 р.

Картины по физической географіи. Составили преподаватели: С. В. Агаповъ, Б. П. Кащенко, М. К. Цвѣтаева и В. А. Шереметевскій. Рисовалъ художникъ В. Ватагинъ. Серія I (6 картинъ): 1) Приливъ. 2) Отливъ. 3) Горная цѣпь. 4) Горная рѣка. 5) Ледникъ (общій видъ). 6) Ледяная гора. Размѣръ картины безъ полей 52×70 с/м., съ полями—76×96 с/м. Пояснительный текстъ къ картинамъ составленъ Б. П. Кащенко. Цѣна I-ой серіи (6 картинъ)—6 р. Цѣна текста—30 к.

Москва. Путеводитель. Историческая комиссія учебнаго отдѣла общ. распр. технич. знаній. Подъ редакціей Е. А. Звягинцева, М. Н. Коваленскаго, М. С. Сергѣева и К. В. Сивкова. Съ 54 иллюстраціями, 6 планами и 4 діаграммами. 702 стр. Ц. въ мягк. коленкор. перепл. съ рис. худ. П. Афанасьева 2 р. 50 к.

Изданія, состоящія на складѣ Товарищества.

Лѣтнія загородныя прогулки дѣтей. И. Н. Морозова. Подъ ред. и съ предисл. д-ра медиц. В. Е. Игнатьева. Съ 3 иллюстр. на мѣлов. бум. Ц. 40 к.

Путеводители-сборники изданія „Образовательныхъ экскурсій". **Парижъ.** 286 стр., съ 49 иллюстр. на мѣлов. бум. **Италія.** 222 стр., съ 51 иллюстр. на мѣлов. бум. **Римъ.** 256 стр., съ 36 иллюстр. на мѣлов. бум. **Швейцарія.** 193 стр., съ 48 иллюстр. на мѣлов. бум. Ц. каждой книги въ полукож. перепл. 1 р. 50 к.

Римъ. Справочникъ-путеводитель. Б. Грифцова. 154 стр. съ планомъ города и музеевъ. Изд. „Образовательныя экскурсіи". Ц. 75 к.

Пространный христіанскій катехизисъ православной каѳолической восточной церкви въ изложеніи безвопросномъ. Василія, епископа Можайскаго. Курсъ повторительный. Изд. 2-е. Ц. 30 к.

Исторія православной христіанской церкви. Его же. Изд. 2-е. Ц. 80 к.

Живые звуки родной рѣчи. Всемірный методъ. Обученіе чтенію и письму въ пяти книгахъ. П. И. Ретсепа. Книга I: Звуки. Букварь-самоучитель въ школѣ и дома, для дѣтей и взрослыхъ. Ц. 20 к. Книга II: Слоги. Основы чтенія и письма. Съ 1450 рисунками. Ц. 50 к. Книга III: Слова и ихъ формы или практическая этимологія. Первыя письменныя упражненія послѣ азбуки. Ц. 75 к. Книга IV: Обоснованіе метода и руководство для учителей. Конспектъ. Ц. 50 к.

Русскіе писатели послѣ-гоголевскаго періода въ біографіяхъ, образцахъ и характеристикахъ. А. Н. Сальникова. Съ портретами въ текстѣ и спискомъ темъ для ученическихъ сочиненій и классныхъ бесѣдъ. Курсъ VIII класса гимназій и реальныхъ училищъ. Ц. 2 р. 50 к.

Слово о полку Игоревѣ. Замѣтки объ изслѣдованіяхъ памятника и переложеніе на современный языкъ. Н. М. Павлова. Ц. 50 к.

Этюды объ Островскомъ. Н. П. Кашина. (Къ исторіи текста произведеній А. Н. Островскаго.) Томы I и II. Ц. по 2 р.

Греческо-русскій словарь, изданный кіевскимъ отдѣл. общества классической филологіи и педагогіи. А. О. Поспишиля. Изд. 3-е, исправл. и дополн. Ц. 2 р. 60 к.

Записки по методикѣ исторіи. Д. А. Маркова, директора Саратовскаго учител. инст. Изд. 3-е, испр. Ц. 1 р.

Сборникъ вопросовъ и задачъ по всеобщей исторіи. Его же. (Съ приложеніемъ хронологіи.) I. Древняя исторія. Пособіе для учащихъ и учащихся. Ц. 40 к.

Всеобщая исторія. Э. Лависса. Для дѣтей старш. возраста. Съ приложен. 13 хромолитогр. картъ на отдѣльн. листахъ. Перев. съ послѣдн. французскаго изданія. Ц. 1 р. 20 к.

Что разсказывали греки и римляне о своихъ богахъ и герояхъ. Н. А. Куна. Ч. I. 62 иллюстраціи въ текстѣ и 16 иллюстрацій на отдѣльныхъ листахъ. Редакція Исторической комиссіи при Учебн. отд. о-ва распр. техн. знаній. Цѣна въ изящномъ перепл. 2 р. 25 к.

Русская лѣтопись для первонач. чтенія. С. М. Соловьева. Изд. 4-е. Ц. 50 к.

Общедоступн. чтенія по русской исторіи. Его же. 3-е изд. Ц. 75 к.

Курсъ новой исторіи. Его же. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Русская исторія для начальныхъ школъ. Составилъ Н. Горбовъ. Изд. 19-е, исправленное. Ц. 20 к.

О внѣшнихъ пріемахъ воспитанія въ народной школѣ. Его же. Изд. 2-е. Ц. 30 к.

Первые шаги въ наукѣ о землѣ. Проф. І. Вальтера. Общедост. введеніе и наставленіе къ производ. наблюденій. Съ 102 рисунк. и 123 задачами. Перев. А. К. Носкова. Изд. 2-е подъ ред. А. А. Чернова и проф. Д. Н. Анучина. Ц. 70 к.

Начальный курсъ географіи. А. Крубера, С. Григорьева, А. Баркова и С. Чефранова. Изданіе 10-е. (10 цвѣтныхъ картъ и 150 діаграммъ и иллюстрацій въ текстѣ.) Цѣна въ прочн. коленк. перепл. 90 к.

Курсъ географіи внѣевропейскихъ странъ (Азія, Африка, Америка, Австралія). Ихъ же. 35 цвѣтн. картъ и 200 иллюстр. и діаграммъ въ текстѣ. Изд. 8-е. Ц. въ прочн. коленкор. перепл. 1 р.

Курсъ географіи Европы. Ихъ же. (Западная Европа.) 21 цвѣтн. картинъ, 9 діаграммъ и 200 иллюстрац. въ текстѣ. Изд. 3-е, вновь переработ. и сокращен. Цѣна въ прочн. коленкоров. перепл. 1 р.

Иллюстрированные географическіе сборники ихъ же:

Азія. 4-е, исправл. и дополн. изданіе, 548 стр., 86 иллюстр. Ц. 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к. **Африка.** 3-е, испр. и доп. изд., 512 стр., 62 иллюстр. Ц. 2 р., въ изящн. пер. 2 р. 60 к. **Америка.** 3-е, исправл. и дополн. изданіе, 640 стр., 72 иллюстр. Ц. 2 р. 25 к., въ изящн. перепл. 2 р. 85 к. **Австралія и полярныя страны.** 469 стр., 70 иллюстр. Изд. 3-е, исправл. и дополн. Ц. 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к. **Европа.** 4-е, исправл. и дополн. изданіе, 752 стр., 95 иллюстр. Ц. 2 р. 75 к., въ изящн. перепл. 3 р. 35 к. **Азіатская Россія.** 3-е, исправлен. и дополнен. изданіе. 584 стр., 100 иллюстр. Ц. 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к. **Европейская Россія.** 4-е, исправлен. и дополнен. изданіе. 600 стр., 90 иллюстр. Ц. 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к.

941.705
R115
1915
v.7

Солнце, его строеніе и силы, изъ него исходящія. С. Меча. Съ рисунк. въ текстѣ. Изд. 2-е. Ц. 50 к. **Географія, какъ наука и какъ учебный предметъ.** Его же. Изд. 4-е. Ц. 20 к. **Первые уроки географіи.** Его же. Изд. 18-е. Со многими рисунками въ текстѣ. Ц. 40 к. **Маленькая географія Россіи.** Его же. Со многими рисунками въ текстѣ. Изд. 7-е. Ц. 30 к. **Россія.** Его же. Учебникъ отечеств. географіи. Со мног. рис. Изд. 30-е. Ц. 60 к. **Россія.** Его же. Географ. сборникъ для чтенія въ семьѣ и школѣ. Изд. 12-е. Ц. 1 р. **Кавказъ.** Его же. Изд. 13-е. Ц. 50 к. **Финляндія.** Его же. Изд. 9-е. Ц. 50 к. **Уроки географіи Европы.** Его же. Изд. 8-е. Со мног. рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. **Альпы.** Его же. Изд. 12-е. Ц. 30 к. **Англія.** Его же. Изд. 3-е. Ц. 50 к. **Бельгія и Голландія.** Его же. Ц. 30 к. **Балканскій полуостровъ.** Его же. Греція, Критъ, Турція, Черногорія Сербія, Болгарія и Румынія. Ц. 50 к. **Испанія и Португалія.** Его же. Изд. 2-е. Ц. 40 к. **Италія.** Его же. Изд. 4-е. Ц. 50 к. **Скандинавія и Данія.** Его же. (Швеція, Норвегія, Данія, острова Фарёръ и Исландія.) Очеркъ. Изд. 2-е. Ц. 40 к. **Швейцарія.** Его же. Изд. 4-е. Ц. 30 к. **Палестина и Аравія.** Его же. Изд. 10-е. Ц. 30 к. **Сахара и Нилъ.** Его же. Изд. 10-е. Ц. 30 к. **Центральная Азія.** Его же. Изд. 11-е. Ц. 30 к. **Гренландія.** Его же. Географическій очеркъ страны и разсказъ о путешествіи Ф. Нансена. Съ 11 рис. въ текстѣ. Изд. 7-е. Ц. 50 к. **Австралія и Тасманія.** Его же. Изд. 8-е. Ц. 50 к. **Географическіе этюды.** Его же. Семь публичныхъ лекцій по всеобщей географіи. (1. Земля прежде и теперь. 2. Полярная экспедиція Нансена. 3. Сутки на Цейлонѣ. 4. Великій океанъ. 5. Вулканы. 6. Поѣздка къ Ніагарѣ. 7. Вашингтонъ, столица Соединенныхъ Штатовъ.) Со мног. рис. въ текстѣ. Изд. 3-е. Ц. 70 к.

Города. К. Гассерта. Географическій этюдъ. Въ переводѣ и передѣлкѣ съ нѣмецкаго, съ добавлен. Л. Д. Синицкаго. Съ 31 иллюстр. Ц. 75 к.

Европейская Россія. А. Геттнера. Антропогеографическій этюдъ. Съ 21 картой въ текстѣ. Перев. съ нѣмецк. Л. Синицкой. Ц. 1 р.

Европейская Россія. А. Филиппсона. Перев. съ нѣмецк. Подъ ред. А. А. Крубера. Съ 9 картами и 32 иллюстр. въ текстѣ. Ц. 80 к.

Элементы общаго землевѣдѣнія. Е. М. Чепурковскаго. Со многими рисунками и картами въ текстѣ. Часть I. Ц. 1 р. 50 к.

Начальный курсъ физической географіи. А. Кронеберга. Съ рисунк. и цвѣтными картами въ текстѣ. Руководство для средн. учебн. заведен. Ц. 75 к.

Краткая физическая географія. И. Словцова, бывш. директ. тюменьскаго реальн. уч. Курсъ VI кл. реальн. учил. 5-е изд., съ 48 рис. въ текстѣ. Ц. 75 к.

Мысли о лучшей постановкѣ преподаванія и изученія математики въ средней и высшей школѣ и о самостоятельныхъ штудіяхъ. Е. Дюринга. Съ приложеніемъ этюда „Критика основъ дифференціальнаго исчисленія". Перев. съ нѣмецк. Н. Маракуева. Ц. 1 р.

Ариѳметическія упражненія и задачи, съ прибавленіемъ теоретическаго курса для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебн. заведеній. К. Н. Виноградова. 2-е изд., переработан. и дополненное. Ц. 40 к.

Элементарная алгебра. Н. Н. Маракуева. Курсъ систематическій, въ двухъ томахъ. Т. I. Теорія. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Ц. 6 р. Т. II. Задачи. Съ 255 чертежами въ текстѣ. Свыше 3,500 задачъ съ отвѣтами и рѣшеніями. Ц. 6 р.

Рѣшеніе „Сборника алгебраическихъ задачъ В. М. Ипатова". П. А. Ситковскаго и В. В. Черневскаго. Ц. 1 р.

Сборникъ геометрическихъ задачъ на вращеніе различныхъ фигуръ. В. Полидорова. Ц. 25 к.

Методическое пособіе къ рѣшенію геометрическихъ задачъ. Г. Лемэра. Задачи на построеніе. 211 фигуръ въ текстѣ. Перев. съ франц. Н. Маракуева. Ц. 1 р. 50 к.

Пособіе къ рѣшенію геометрическихъ задачъ. Н. Н. Маракуева. Задачи на вычисленіе. Ц. 2 р.

Основной курсъ начертательной геометріи. Д. Н. Головнина, адъюнктъ-проф. Пособіе для учащихся и для самообразованія. Часть I. Точка. Прямая. Плоскость. Съ атласомъ изъ 154 чертежей. Ц. 2 р. 25 к. Часть II. Кривыя поверхности. Съ атласомъ изъ 84 чертежей. Ц. 2 р.

Руководство высшей геометріи. М. Шаль (M. Challes). Переводъ съ послѣдняго (2-го) французск. изд. А. Безрукова. Съ 198 чертежами. Ц. 5 р. 50 к.

Элементы дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій. В. Гренвиля. Для инженеровъ, техниковъ и для изученія безъ помощи учителя. Перев. съ англійск. Н. Н. Маракуева. Съ 236 чертежами въ текстѣ. Ц. 3 р. 50 к.

Введеніе въ теорію функцій съ одной перемѣнною. Жюля Таннери. Перев. съ франц. А. Безруковъ. Томъ. I. Изд. 2-е. Ц. 5 р. Томъ. II. Изд. 2-е. Съ замѣткою Гадамара. Ц. 5 р.

Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика.) Э. Дебо. Съ приложеніемъ главы: „Опыты безъ приборовъ". 505 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к., въ коленк. переп. 2 р.

Популярная физика. В. Натансона, проф. Перев. съ польск. А. Р—аго. Съ 140 рисунк. въ текстѣ. Ц. 85 к.

Ученіе о свѣтѣ. Э. Эдзера. Перев. съ англ. Н. Маракуева. Съ 306 фигур. въ текстѣ, 2 цвѣтными таблицами и 1 черной таблицей солнечн. спектра. Ц. 4 р.

Рѣчи и статьи. Д. К. Максуэлля. (О дѣйствіи на разстояніи. Молекулы. Атомъ. Притяженіе. Эоиръ.) Переводъ Н. Н. Маракуева. Ц. 80 к.

Элементарные уроки по электричеству и магнетизму. Ф. Сильвануса Томпсона. Перев. Н. Н. Маракуева съ послѣдняго 35-го изданія. Съ прибавленіями переводчика: 1) О явленіи Зеемана. 2) О токахъ Тесла. 3) О телеграфѣ Маркони. 4) О телефонографѣ Поульсена. Съ 294 фигурами въ текстѣ и 2 магнитными картами. Изд. 2-е. Ц. 3 р.

Сборникъ задачъ по физикѣ для реальныхъ училищъ, съ рѣшеніями. Е. Жадовскаго, директ. бѣлевск. реал. учил. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

Руководство къ рѣшенію задачъ по физикѣ. Н. Н. Маракуева. Курсъ средней школы. 956 задачъ съ отвѣтами и рѣшеніями и съ 284 фиг. въ текстѣ. Ц. 3 р.

Руководство къ практическимъ занятіямъ по химическому качественному анализу. Е. Жадовскаго, дирек. бѣлев. реальн. учил. Курсъ VI класса реальн. учил. Съ 12 рисунк. въ текстѣ и 8 таблицами. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Пособіе къ практическ. занятіямъ по неорганической химіи. С. Жуковскаго. Съ предисл. Ив. Каблукова. Изд. 3-е, подъ ред. В. Ниландера. Ц. 80 к.

Краткій повторител. курсъ (Repetitorium) органической химіи по Булыгинскому, Реформатскому и Тамману. И. Бѣлозерова. Ц. 1 р.

Популярная минералогія. К. Ф. Петерса. Переводъ съ нѣмецк. В. И. М. Съ 58 рис. и чертежами на отдѣл. табл. Ц. 80 к.

Критическая исторія общихъ принциповъ механики, съ приложеніемъ дидактической главы объ изученіи физико-математическихъ наукъ. Е. Дюринга. Перев. съ нѣмецк. Н. Маракуева. Ц. 4 р.

Руководство теоретической (раціональной) механики. П. Аппеля (Paul Appell), члена института, декана факультета наукъ въ Парижѣ. **Т. I. Статика. Динамика точки.** Пер. съ послѣдн. (3-го) франц. изд. 1909 г. А. Безруковъ. Ц. 6 р. **Т. II. Динамика системъ. Аналитич. механика.** Его же. Ц. 5 р. 50 к. **Т. III. Равновѣсіе и движеніе сплошныхъ средин.** Его же. Съ замѣткою Э. и Ф. Коссера объ Евклидовскомъ дѣйствіи. Ц. 6 р.

Краткій курсъ естествознанія и гигіены. М. Рашковичъ, врача. Т. I, съ 201 рис. Ц. 1 р. 25 к. Т. II, съ 206 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Растеніе и его жизнь. Е. Варминга, проф. Начальный учебникъ ботаники для среднихъ учебн. завед. и учител. семинарій. Переводъ съ 4-го датскаго изданія, съ измѣненіями и дополненіями Л. М. Кречетовича, прив.-доц. Моск. унив. Съ 5 табл. въ краскахъ и 284 рис. въ текстѣ. Изд. 2-е. Ц. въ перепл. 1 р. 20 к.

Общая ботаника. Л. Жерардена. Дополненная О. Томе. Перев. съ 23 изд. „Книги природы". Съ 68 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р.

Ботаника для садовниковъ и огородниковъ. Л. А. Золотарева. Пособіе для практиковъ, любителей, учителей народныхъ школъ и учениковъ школъ садоводства. Часть первая. Съ 101 рис. въ текстѣ. Цѣна 70 к.

Очерки изъ жизни растеній. О. Шмейля. Переводъ съ нѣмецкаго (съ измѣненіями и дополненіями) С. Григорьева, Л. Синицкаго и С. Чефранова. 443 стр., съ 40 цвѣтными таблицами и многочислен. рис. въ текстѣ художн. В. Гейбаха. 2-е переработ. изд. Ц. 3 р., въ изящномъ, тиснен. въ нѣск. красокъ, перепл. 3 р. 75 к.

Растительный міръ. Гастона Бонье, члена института, проф. въ Сорбоннѣ. Съ 230 фигурами въ текстѣ. Пер. Н. Н. Маракуева. Ц. 1 р. 50 к.

Учебникъ ботаники для высшихъ учебныхъ заведеній. Страсбургера, Э., д-ра, Нолль, Ф., д-ра, Карстена, Г., д-ра, Шенка, Г., д-ра, и Шимпера, д-ра. Перев. съ 9-го нѣмец. изд. М. И. Голенкина и В. А. Дейнеги. Изд. 3-е, полное, съ 802 рисунками, отчасти въ краскахъ. Ц. 4 р.

Начальный курсъ зоологіи. Проф. М. А. Мензбира. Примѣнительно къ програм. реал. учил. Часть I: Позвоночныя. 248 стран. текста съ 268 рисунк., изъ которыхъ 13 въ краск. 3-е, переработ. изд. Ц. въ прочн. коленкор. перепл. 1 р. 20 к.

Начальный курсъ зоологіи. Его же. Часть вторая: Безпозвоночныя. 188 стр. текста съ 192 рисунками, изъ которыхъ 13 въ краскахъ. 3-е, переработанное изданіе. Ц. въ прочн. коленкоров. перепл. 1 р. 20 к.

Руководство къ зоологіи. Т. Д. Паркера, и В. А. Гасвелль. Переводъ съ англ. М. А. Мензбира. Томъ I, первая половина. Съ 317 рисунками. Ц. 3 р. Т. I, вторая половина. Съ 346 рисунками. Ц. 3 р.

Полный каталогъ находящихся на складѣ при типографіи изданій по требованію высылается безплатно.

Книжные магазины пользуются обычною уступкой.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

КНИГА VII

МОСКВА И ПЕТРОГРАДЪ

1915

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская ул., соб. д.
Москва—1915.

Книга не инт

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Павла Сухотина** 1

II. СЕРЕЖА НЕСТРОЕВЪ. Романъ.—**Георгія Чулкова.** *Продолженіе* 2

III. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Сергѣя Есенина** 27

IV. МНОГОЛЮБИМАЯ ЭВА. Романъ **Агнесы Хеннингсенъ.** Съ датскаго.—Перев. **М. П. Благовѣщенской.** *Продолженіе* . 29

V. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Н. Гумилева** 79

VI. ВЕСНА.—**Николая Шапира** 80

VII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Николая Ашукина** 86

VIII. ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ ЗАВТРА. Романъ **Гвидо да Верона.** (*Guido da Verona.* „La vita comincia domani". Romanzo). Съ итальянскаго.—Перев. **З. Н. Журавской.** *Окончаніе* 87

IX. НА МЖАЙКѢ. Очерки жизни на хуторахъ.—**Л. Нелидовой** 135

X. ДІОНИСЪ ВЪ РЕЛИГІИ И ПОЭЗІИ.—**Ѳ. Зѣлинскаго** . . 1

XI. ВОЙНА И ФРАНЦІЯ.—† **Г. Э. Тастевена** 22

XII. ИЗЪ ИСТОРІИ ПРУССКОЙ РЕАКЦІИ ТРИДЦАТЫХЪ И СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ. Дневникъ Фарнгагена фонъ-Энзе.—**Г. В. Вернадскаго** 39

XIII. АННА АХМАТОВА.—**Н. В. Недоброво** 50

XIV. МАТЕРІАЛЫ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ. Письма Л. Н. Толстого къ Н. А. Некрасову.—**Н. Ашукина** 69

XV. РЕЛИГІЯ ВОСКРЕШЕНІЯ. „Философія общаго дѣла" Н. Ѳ. Ѳедорова.—**Николая Бердяева** 75

Стр.

XVI. ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ. Обзоры и замѣтки. **I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.** 1. Соннино. **А. Коральника.**—2. Философія войны. **И. О. Левина.**—3. Кооперативы и ихъ враги. **I. Кулишера. II. Литература и искусство.** Памяти Г. Э. Тастевена. **Георгія Чулкова. III. Философское движеніе.** О русской философіи во Франціи. **С. Аскольдова. IV. Школа и воспитаніе.** Японскій университетъ. **Бориса Шацкаго** 1

XVII. КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Критико-библіографическій отдѣлъ. I. Книги:** Литература, исторія литературы и литературная критика.—Правовѣдѣніе.—Педагогика и народное образованіе.—Естествознаніе.—Справочныя изданія. **II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюня по 1 іюля 1915 г.** 1

XVIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

1. Редакція принимаетъ только рукописи, переписанныя на машинкѣ или совершенно четко перомъ; рукописи неразборчивыя не читаются.

2. На прочтеніе рукописи полагается срокъ отъ 6 недѣль до 2 мѣсяцевъ.

3. Мелкія рукописи (меньше 1 печатнаго листа) и рукописи стихотвореній не сохраняются, и редакція рекомендуетъ авторамъ такихъ произведеній оставлять у себя ихъ копіи.

4. По поводу мелкихъ рукописей и стихотвореній редакція не вступаетъ съ гг. авторами ни въ переговоры, ни въ переписку, хотя бы на отвѣтъ были приложены марки. Авторы такихъ произведеній, не получившіе отвѣта въ теченіе 2 мѣсяцевъ, могутъ располагать ими по своему усмотрѣнію.

5. Обратная пересылка рукописей по почтѣ производится за счетъ гг. авторовъ и притомъ исключительно *заказной* бандеролью.

Редакторъ принимаетъ по понедѣльникамъ отъ 2—5 ч.

Секретарь—по четвергамъ отъ 3—5 ч., а также въ дни и часы пріемовъ редактора.

* *
*

Опять брожу у рѣчки малой,
Сажусь въ тѣни дуплистыхъ ивъ.
Все тотъ же миръ и сонъ бывалый,
И такъ же, вольно-прихотливъ,
Змѣится путь, синѣютъ дали...
О, милый край моей печали!

Своимъ неприхотливымъ сѣнямъ
Ты далъ благую тишину,
Простой пріютъ—сердечнымъ пенямъ
И примирительному сну,
И вздохамъ грѹди утомленной
Въ тѣни деревъ, въ травѣ зеленой.

Отдавшись думамъ простодушнымъ,
Люблю весь день бродить одинъ
И довѣрять устамъ воздушнымъ—
Отзывамъ лѣса и долинъ—
То пѣсни жалобы юдольной,
То грустный зовъ, то крикъ невольный.

Ихъ свѣетъ поля вѣтеръ влажный,
Окличетъ рощу и въ оврагъ
Умчитъ далече звукъ протяжный,
Растаетъ вздохомъ на кустахъ,
И снова миръ и вечеръ мглистый...
О, край любви земной и чистой!

Павелъ Сухотинъ.

СЕРЕЖА НЕСТРОЕВЪ.[1])

Романъ.

XV.

Сережа полюбилъ Вѣрочку „суевѣрно“. Онъ изнемогалъ отъ желанія увидѣть ее и не смѣлъ къ ней итти.

Иногда Сережа старался увѣрить себя, что онъ равнодушенъ къ Вѣрочкѣ. Какое ему въ сущности дѣло до этой Вѣрочки Успенской? И какая непріятная у нея сестра къ тому же. И такъ ли ужъ чиста и цѣломудренна Вѣрочка? Почему она съ такимъ отвращеніемъ говоритъ объ этомъ Балябьевѣ? И что значатъ въ самомъ дѣлѣ въ ея устахъ такія выраженія: „Онъ грязный, а вы чистый“. Если она знаетъ, что Балябьевъ „грязный“, она, должно быть, многое знаетъ такое, чего четырнадцатилѣтняя дѣвочка совсѣмъ не должна знать. Но Вѣрочка Успенская не только знаетъ, что значитъ „грязный“,—она много думала объ этомъ. „Главное, чтобы чистота была“. О, это ужъ не ребяческая мысль! У этой Вѣрочки не дѣтское воображеніе.

„Но смѣю ли я такъ судить ее?—думалъ Сережа въ настоящемъ отчаяніи.—Это у меня въ сердцѣ такой мракъ, что я готовъ даже Вѣрочку заподозрить въ самомъ скверномъ, въ самомъ темномъ. Но это неправда и клевета. Нѣтъ никого цѣломудреннѣе ея. Надо скорѣе бѣжать къ ней“.

Но онъ медлилъ исполнить свое рѣшеніе.

Ему мерещились ея влажные синіе глаза, нѣжный ротъ, золотые волосы...

— О, милая! О, чистая! О, сестра моя!—шепталъ Сережа непрестанно. Однажды приснилась ему Вѣрочка. Но сонъ былъ нехорошій. Наяву ничего подобнаго ему не грезилось. Наяву онъ не посмѣлъ бы такъ представить себѣ Вѣрочку. Сонъ былъ длин-

---

[1]) *Продолженіе.* См. *Русская Мысль* 1915 г., кн. V и VI.

ный, запутанный, кое-чего Сережа не могъ вспомнить, когда проснулся, но то, что вспомнилъ, было какъ-то странно и чуждо Сережѣ: какъ будто не самъ онъ это видѣлъ во снѣ, а кто-то другой, такой же, какъ онъ, Сережа, но всетаки не онъ, пришелъ и разсказалъ ему этотъ сонъ. Сонъ этотъ приснился Сережѣ, когда онъ однажды въ сумерки, не раздѣваясь, задремалъ у себя на диванѣ. И вотъ что ему тогда привидѣлось.

Идетъ будто бы Сережа или двойникъ его по какому-то грязному, темному переулку. Фонари далеко одинъ отъ другого. Въ двухъ-трехъ шагахъ ничего не видно. Похоже на осеннюю глухую ночь. Идетъ такъ Сережинъ двойникъ, а самъ Сережа какъ будто бы наблюдаетъ за нимъ со стороны и знаетъ, что у него на сердцѣ. Переулокъ подозрительный, нехорошій. Про такіе переулки только читалъ Сережа и зналъ отчасти изъ разговоровъ, но самъ никогда въ этихъ трущобахъ не бывалъ. Въ окнахъ вездѣ спущены шторы, а за шторами свѣтъ. Въ иныхъ домахъ двери полуотворены и тамъ тоже свѣтъ и лѣстницы, покрытыя красными коврами, затоптанными и мерзкими, какъ и весь этотъ гнусный переулокъ. И вотъ заходитъ Сережинъ двойникъ въ одинъ изъ такихъ домовъ, подымается по грязной лѣстницѣ наверхъ, распахиваетъ дверь и видитъ изъ передней, что тамъ маскарадъ въ залѣ, что пляшутъ маски. Визжатъ скрипки и бренчитъ рояль. И противно Сережѣ, и заманчиво пойти туда и посмотрѣть на всѣхъ. А тамъ взялись всѣ за руки, и негръ съ бѣлыми зубами кричитъ громко:

— Grand rond, s'il vous plaît!

— И всѣ вертятся, вертятся, какъ одержимые — толстая брюнетка, одѣтая въ какой-то восточный нарядъ, пьеро въ бѣломъ балахонѣ, солидный сѣдой господинъ съ подвязаннымъ обезьяньимъ хвостомъ подъ фалдами фрака и еще какіе-то уроды — всѣ кричатъ и пляшутъ. Но громче всѣхъ кричитъ негръ съ бѣлыми зубами:

— Grand rond, s'il vous plaît!

У Сережи даже голова закружилась отъ этого пестраго хоровода. И вдругъ надъ самымъ его ухомъ чей-то голосъ:

— Это цвѣточки, а ягодки будутъ впереди.

И голосъ отвратительный — сладкій и безстыдный. Это самъ Балябьевъ очутился около Сережи въ передней и тянетъ мальчика куда-то.

„Неужели это Балябьевъ?—думаетъ Сережа.—Да, это онъ. Это его блѣдное, матовое лицо; темная узкая полоска усовъ; криво усмѣхающіяся губы, такія красныя“.

— Да куда вы меня тянете?—будто бы говоритъ Сережа, вырывая свою руку изъ цѣпкихъ рукъ Балябьева.

— Идите! Идите! Ужъ я знаю, куда...

И Сережа будто бы нехотя идетъ за нимъ въ какой-то коридоръ; и стыдно ему, и жутко, и соблазнительно почему-то итти такъ за этимъ Балябьевымъ.

— Вотъ сюда,—говоритъ Балябьевъ, указывая на дверь.—Постучите, а то и такъ входите. А мнѣ некогда, знаете ли. Я свое дѣло сдѣлалъ. Съ меня довольно. Мнѣ въ залу надо, молодой человѣкъ.

Сережа постучалъ. Чей-то голосъ отвѣтилъ:

— Войдите.

И вотъ Сережа, оказывается, уже въ комнатѣ. Какая-то дѣвочка въ бѣломъ лифчикѣ сидитъ на диванѣ спиною къ Сережѣ и, не оглядываясь, говоритъ шопотомъ:

— Дверь заприте.

Сережа заперъ дверь ключомъ, а у него уже въ головѣ мысль, что дѣвочка эта—Вѣрочка. Онъ не видѣлъ ея лица, но уже знаетъ, что это она. Конечно, это она—ея узкія плечики и золотые волосы.

А дѣвочка, не обертываясь, говоритъ:

— Что же вы стали! Идите скорѣе! Помогите мнѣ...

Она, оказывается, въ тазу ноги моетъ... Сережѣ неловко и стыдно, а Вѣрочка улыбается. На глазахъ у нея слезы, а она все-таки улыбается.

— Вотъ возьмите кувшинъ и полейте мнѣ на ноги. Въ немъ теплая вода.

Сережа сдѣлалъ, какъ она ему сказала. Но она опять приказываетъ:

— Что это вы такой неловкій! Развѣ не видите мохнатое полотенце на стулѣ? Что же вы своего дѣла не знаете!

Сережа сталъ на колѣни покорно и вытираетъ ноги у Вѣрочки. А она приговариваетъ:

— Хорошо. Вотъ теперь хорошо. Видите, какія у меня ножки стали—теплыя и розовыя. Вамъ не хочется ихъ поцѣловать, Сережа?

У Сережи голова закружилась, уронилъ онъ лицо въ ея колѣни, и вдругъ стало ему страшно. Да, полно, Вѣрочка ли это? Она ли?

Поднялъ Сережа голову, а на стулѣ передъ нимъ сидитъ въ бѣломъ лифчикѣ вовсе не Вѣрочка, а мартышка-обезьяна—задираетъ мохнатую лапу обезьяна и скалитъ бѣлые зубы:

— Grand rond, s'il vous plaît!—кричитъ по-французски обезьяна.

И Сережа въ ужасѣ просыпается и не можетъ понять, сонъ это или не сонъ.

— Спишь ты или не спишь?—спрашиваетъ его кто-то, смѣясь, и тормошитъ за плечо.

— Кто это?—вскочилъ, наконецъ, съ дивана Сережа и сталъ шарить электрическій выключатель.

— Это я, братъ. Чего это ты такъ переполошился?—смѣялся Ѳома.

Это былъ сонъ.

— Мнѣ сонъ мерзкій приснился,—признался Сережа, радуясь, что сонъ всетаки только сонъ.

— Какой сонъ?—заинтересовался Ѳома.

— Такъ, обезьяна одна,—усмѣхнулся Сережа.—И переулокъ какой-то гадкій.

— А я, братъ, въ одной книжкѣ читалъ, что то, что мы снами называемъ, это будто бы полусны, обрывочки разные настоящихъ сновъ и дѣйствительности. Понимаешь? Мы, проснувшись, вспоминаемъ только самое послѣднее мгновеніе сна, иногда очень содержательное. Но самое главное мы вспомнить не можемъ. И будто бы въ глубокомъ, подлинномъ снѣ есть свой особенный порядокъ, законъ, строй, какъ и въ дѣйствительности, а извѣстный намъ во снѣ безпорядокъ происходитъ только отъ смѣшенія сна съ дѣйствительностью. Это, такъ сказать, пограничный безпорядокъ. А? Вѣдь, это правдоподобно. Можетъ быть, это въ самомъ дѣлѣ такъ? А любопытно было бы удержать какънибудь въ памяти эти самые глубокіе сны. Правда? А?

— Правда,—согласился Сережа, удивленный нѣсколько, что Ѳома заинтересовался такъ снами.

— Мнѣ тоже иногда странные сны снятся,—сказалъ Ѳома.—Хочешь разскажу, что мнѣ вчера приснилось?

— Хочу.

— Иду я будто бы отъ Иверской часовни по Тверской,—началъ Ѳома.—И знаешь, тамъ есть на правой рукѣ китайскій магазинъ?.. Такъ вотъ я будто бы захожу въ этотъ магазинъ. Ему бы надо быть закрытымъ по случаю поздняго часа, но онъ, оказывается, отпертъ. Электричество, впрочемъ, не горитъ и приказчиковъ не видно. Въ магазинѣ полумракъ, и только фонарь съ улицы свѣтитъ. И вотъ я чувствую, что среди этихъ китайскихъ болвановъ, вѣеровъ, вазъ, тростниковыхъ всякихъ штукъ есть кто-то живой. „Навѣрное,—думаю,—гдѣ-нибудь здѣсь китаецъ спрятался“. Тогда я принялся шарить по угламъ—и вижу, въ одномъ

углу Будда сидитъ, т.-е. не настоящій Будда, а простой китаецъ, но сидитъ онъ, какъ обыкновенно Будду изображаютъ, со сложенными и поджатыми ногами. Какъ сейчасъ вижу синіе у него чулки и черныя туфли съ бѣлыми подошвами. „Что вы тутъ дѣлаете?“—спрашиваю у китайца. „Бога,—говоритъ,—разбираю“.—„Какъ Бога?“ — „Развѣ,—говоритъ,—не видите сами?“ И вотъ я вижу, что у китайца на колѣняхъ механизмъ какой-то: не то часы, не то барометръ, не то еще какой-то аппаратъ—колесики, стрѣлки, рычажки—и все тикаетъ, ходитъ, вертится. Я разсердился. „Гдѣ же,—говорю,—Богъ“? А китаецъ мнѣ языкъ показываетъ и пальцемъ въ механизмъ тычетъ. Какъ тебѣ это покажется? Сонъ-то, братъ, аллегорическій... А?

— И тебѣ, Ѳома, тоже гадкій сонъ приснился.

— А твой лучше? Ты мнѣ всетаки его не разсказалъ.

— Ѳома! У меня тоска!

— Тосковать не надо,—сказалъ Ѳома убѣжденно.—Тоска отъ романтизма.

— А у тебя, Ѳома, тоски не бываетъ?

— Тоски не бываетъ, а скука—да, бываетъ.

— Скука?

— Да. Вотъ какъ если бы въ болото зайти и заблудиться. Все вокругъ ровное, сѣрое, мокрое, вязкое...

— Ты что же тогда дѣлаешь?

— Водку пью или къ „отчаявшимся“ иду.

— Водку? Я не зналъ, что ты водку пьешь. А что такое „отчаявшіеся“?

— Не слыхалъ? А это, братъ, такое общество особое. Они по провинціи больше ютятся. А въ Москвѣ они завербовали пока пять человѣкъ всего—семинаристъ, гимназистъ, двѣ гимназистки. Есть и руководитель — студентъ, техникъ. Общество называется „Союзомъ отчаявшихся“.

— Почему такъ?

— Ихъ идеалъ—пуля въ лобъ. Понимаешь? Потому и „отчаявшіеся“.

— Зачѣмъ же ты къ нимъ ходишь? Вѣдь, ты, Ѳома, одинъ разъ самъ сказалъ, что „въ человѣка вѣришь“.

— Что-жъ! Я не отрекаюсь. Сказалъ. Я къ нимъ изъ любопытства хожу. Они меня хотятъ своей правдѣ научить. Дураки! Впрочемъ, отчасти я съ ними согласенъ.

— Въ чемъ согласенъ?

— Въ томъ согласенъ, что ничего запретнаго нѣтъ. Если вкусно, бери и ѣшь. Они это съ надрывомъ дѣлаютъ, а я безъ над-

рыва. Они торопятся очень и чтобы непремѣнно потомъ пулю въ лобъ. А я хочу безъ пули обойтись и не тороплюсь. Впрочемъ, я тебѣ сказалъ, что они дураки. Если бы ты зналъ, напримѣръ, какую они литературу читаютъ. Курамъ на смѣхъ! Самую глупенькую порнографію, но непремѣнно подъ натуралистическимъ соусомъ съ ницшеанскимъ оттѣнкомъ. Уморительное общество! Пойдемъ къ нимъ какъ-нибудь.

— Пойдемъ, пожалуй.

— Чудесно. Ты мнѣ только скажи, когда явится желаніе.

— Хорошо. Скажу. А знаешь, я у Грюнвальда былъ!

— Скучно небось?

— Онъ очень неглупый этотъ Грюнвальдъ, и друзья у него хорошіе.

— А тебѣ было скучно. Я, вѣдь, тебя знаю. Ты тихоня и въ Бога вѣришь, а тебѣ со мною веселѣе, чѣмъ съ Грюнвальдомъ.

— Въ томъ-то и дѣло, Ѳома, что я хочу вѣрить въ Бога, но не вѣрю. Я вѣрю, что безъ Бога нѣтъ смысла въ жизни, но уже не могу вѣрить, что Богъ есть, то-есть такой, какого мнѣ надо.

— Такого Бога, какого мнѣ китаецъ ночью показывалъ, не хочешь, значитъ?

— Не хочу, Ѳома.

— Вѣрь въ человѣка, Сережа. Человѣкъ все можетъ. Дураки пропадутъ, а умники сами станутъ богами. Все это не такъ весело, какъ у Мечникова. Я знаю, что всякія тамъ „противорѣчія“ останутся, и пусть останутся. Безъ противорѣчій скучно, братъ. Пусть будетъ одному пріятно, а другому больно. Это хорошо, что разнообразіе. Понимаешь? Кому пріятно, тотъ пусть не раскисаетъ, а кому больно, тотъ пусть самую боль въ радость превратитъ. Можно, братъ, боль въ радость превратить.

Они помолчали.

— Ѳома!—неожиданно сказалъ Сережа,—я признаюсь тебѣ. Я влюбленъ, Ѳома.

— Вотъ какъ!—пробормоталъ Ѳома, опустивъ голову.—Этого, братъ, я не понимаю. Никогда не былъ влюбленъ. И долженъ тебѣ сказать, что влюбленность вообще не вмѣщается въ мою философію. Безъ нея все понятно и убѣдительно. А если ее допустить, то-есть не какъ что-то физіологическое, а какъ нѣчто самостоятельное, весь мой порядокъ нарушенъ. А я не люблю безпорядка. Я не хочу влюбленности. Она мѣшаетъ порядку.

— Ѳома! Я влюбленъ,—повторилъ Сережа, восхищаясь тѣмъ, что онъ произноситъ вслухъ то, чего не рѣшался сказать самому себѣ.—Ахъ, какъ хорошо! Я влюбленъ.

Ѳома съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Прощай, братъ. Мнѣ теперь съ тобою мудрено сговориться. Когда это пройдетъ, ты меня позови.

И онъ ушелъ, оставивъ Сережу въ какомъ-то странномъ состояніи восторга и умиленія.

XVI.

Зима въ томъ году была снѣжная. Плющиху такъ замело въ нѣсколько вьюжныхъ дней, что дворники съ ногъ сбились, сгребая снѣгъ. Смоленскій бульваръ, Левшинскій переулокъ, Большой и Малый—все было подъ бѣлымъ густымъ платомъ. Небо въ бѣлой мглѣ, казалось, придвинулось къ землѣ совсѣмъ низко.

Въ одинъ изъ такихъ снѣжныхъ вечеровъ поѣхалъ Сережа въ Художественный театръ смотрѣть Чехова. Извозчикъ попался хорошій, и то, что санки неслись быстро, свистѣлъ вѣтеръ, бросая въ лицо сухой снѣгъ, и сквозь бѣлую мглу метели мелькали повсюду огни фонарей, витрины и свѣтящіяся вывѣски,—все это было хорошо, бодро и празднично.

Но у Сережи неугомонное сердце билось тревожно, и даже эта крѣпкая зимняя дородная Москва казалась ему невеселой сказкой.

Три недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ признался Ѳомѣ, что влюбленъ. На другой же день, послѣ свиданія съ Ѳомою, утромъ, Сережа проснулся съ чувствомъ раскаянія и смущенія. Зачѣмъ онъ *солгалъ* Ѳомѣ, что влюбленъ? Ни восторга, ни умиленія вовсе не было тогда въ душѣ Сережи. Осталась одна только горечь отъ сознанія, что для него, Сережи, никогда не будетъ доступенъ этотъ таинственный міръ любви.

Онъ не пошелъ къ Вѣрочкѣ въ назначенный день. Правда, черезъ три дня онъ былъ въ Каретномъ ряду и дважды прошелъ мимо того огромнаго семиэтажнаго дома, но это была случайность. Онъ просто бродилъ такъ. Разумѣется, если бы онъ встрѣтилъ Вѣрочку, онъ подошелъ бы къ ней и, пожалуй, извинился бы, что опять не пришелъ къ ней, какъ обѣщалъ. Но развѣ это важно въ концѣ-концовъ? Да и едва ли Вѣрочка ждала его въ тотъ вечеръ. Она, вѣроятно, и не думала о немъ. У нея, вѣроятно, есть свои интересы. Какое ей дѣло въ самомъ дѣлѣ до гимназиста Нестроева? Они ровесники. Но Сережа еще мальчишка, а Вѣрочка уже дѣвушка. Можетъ быть, этотъ Балябьевъ даже ухаживаетъ за нею? Или еще кто-нибудь. Ея сестра сказала, что у Вѣрочки не бываютъ молодые люди, но, вѣдь, они бываютъ, однако, у Тамары Борисовны. Не все ли это равно?

Въ Художественномъ театрѣ было, какъ всегда, уютно и провинціально. Со сцены звучали, тихо волнуя и умиляя, знакомыя милыя чеховскія слова, и грустные люди, недоумѣвая, слонялись по чеховскимъ комнатамъ, играли въ лото, пили чай и какъ будто въ разсѣянности кончали жизнь самоубійствомъ.

Все это было какъ музыка—нѣжная, сладостная, чудесная и дремотная. Было хорошо, но такъ хорошо, что не хотѣлось жить. А у Сережи за послѣдніе дни только одинъ вопросъ возникалъ въ душѣ—жить или не жить?

Въ антрактѣ Сережа ходилъ по сѣрому фойе, гдѣ по стѣнамъ чинно висѣли сѣрыя фотографіи писателей—великихъ и малыхъ. Публика была скромная, не то что на первомъ представленіи. Разговаривали неувѣренно, шопотомъ и слонялись по фойе такъ же уныло, какъ и чеховскіе люди на сценѣ. И Сережа ходилъ покорно кругомъ, стараясь не наступить на волочившіяся платья медлительныхъ дамъ.

Въ слѣдующемъ антрактѣ, когда сдвинулся сѣрый занавѣсъ, Сережа замѣтилъ въ ложѣ бенуара Валентину Матвѣевну. Она была одна. Сережѣ захотѣлось пойти къ ней, услышать ея голосъ, коснуться ея руки, лѣнивой и нѣжной. Онъ вышелъ въ коридоръ. Но не рѣшился постучать въ дверь. А Валентина Матвѣевна не выходила изъ ложи. Сережа топтался у двери, и отъ волненія у него, какъ всегда, безпокойно стучало сердце. Онъ самъ удивлялся, почему ему такъ хочется увидѣть Валентину Матвѣевну. Кончился антрактъ. Сережа вмѣсто того, чтобы итти на свое мѣсто, постучалъ, наконецъ, въ дверь, а подвернувшійся случайно капельдинеръ поспѣшилъ отпереть ее, и Сережа очутился въ ложѣ Валентины Матвѣевны. Въ зрительномъ залѣ было уже темно, раздвигался занавѣсъ.

— Ахъ, это ты, Сережа!—ласково усмѣхнулась Валентина Матвѣевна.—Садись вотъ сюда. Я одна въ ложѣ.

— Я не помѣшаю вамъ?

— Молчи! Молчи!—сказала шопотомъ Валентина Матвѣевна.

Со сцены звучали знакомыя грустныя слова, которыя Сережа зналъ наизусть, а рядомъ съ нимъ была грустная, очаровательная, обреченная на печаль, какъ и тѣ обреченныя, которыя томились тамъ, за освѣщенною рампою.

„Не сонъ ли все это?—думалъ Сережа.—И то, что Валентина Матвѣевна положила сейчасъ свою руку на мою руку, не сонъ ли? Почему мнѣ такъ легко съ нею? Вотъ кому можно все разсказать о себѣ, не стыдясь. Вѣрочка многаго не пойметъ и не проститъ, а Валентина Матвѣевна все пойметъ и все проститъ“.

Когда кончился актъ и освѣтили залъ, Валентина Матвѣевна, улыбаясь, сказала Сережѣ:

— Я одна, а ложу беру, потому что не терплю тѣсноты. Я рада, что ты пришелъ. Мнѣ про тебя разсказывали Богъ знаетъ что, будто бы тебя изъ гимназіи исключили и ты въ тюрьмѣ сидѣлъ. Правда?

— Правда.

— Какъ же это такъ? разскажи.

— Да это неважно, — усмѣхнулся Сережа. — Меня на улицѣ со студентами забрали. А то, что въ гимназіи проходятъ, я и дома могу. Меня хотятъ въ Швейцарію отправить потомъ.

— А тоска твоя прошла?

— Нѣтъ, не прошла. Но вотъ, когда съ вами такъ сижу, то лучше почему-то. Легко.

— О! О! Да ты, Сережа, какъ рыцарь говоришь... Только ты хитришь, я вижу. Если бы правду говорилъ, давно бы ко мнѣ пришелъ. Ты, вѣдь, знаешь, что я теперь не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ живу, въ Каретномъ ряду, какъ разъ противъ дома Маслобоева,—такой огромный семиэтажный домъ тамъ есть. Я тебя нѣсколько разъ изъ окна видѣла. Ты все ходишь почему-то около того дома. Я думала, что ты меня ищешь. У тебя тамъ знакомые есть, въ этомъ домѣ? Да что съ тобою? Ты что-то смутился, Сережа? Я что-нибудь непріятное сказала?

— Нѣтъ, ничего. Что вы!

Во время послѣдняго акта Сережа сидѣлъ какъ въ туманѣ. Ему казалось, что Валентина Матвѣевна смотритъ не на сцену, а на него, и это волновало его.

„Какими она странными духами душится“, думалъ Сережа, чувствуя, что какой-то особенный запахъ, пряный и пьяный, дурманитъ ему голову.

Еще не кончился актъ, когда Валентина Матвѣевна тронула за руку Сережу и сказала ему на ухо:

— Я пойду одѣваться и внизу подожду тебя въ автомобилѣ. Ты не мѣшкайся. Я тебя подвезу домой.

И она оставила Сережу одного.

Когда онъ вышелъ на театральный подъѣздъ, метели не было. Рѣдкія снѣжинки вѣяли въ воздухѣ и медлили упасть на землю. Шумѣли извозчики. Толпа текла изъ театра какъ будто очнувшаяся отъ сна и, должно быть, довольная, что вернулась къ повседневности. На другой сторонѣ Камергерскаго переулка стоялъ автомобиль, и въ немъ сидѣла закутанная въ мѣха Валентина Матвѣевна. Она замѣтила Сережу и муфтой сдѣлала ему знакъ.

— Хочешь прокатиться за городъ? — сказала Валентина Матвѣевна, когда шоферъ взялся за руль.

— Хочу,—сказалъ Сережа, которому вдругъ стало весело отъ свѣжаго воздуха, отъ блестящихъ глазъ его ласковой сосѣдки и отъ возможности быстро мчаться куда-то.

Онъ не раскаивался, что сказалъ „хочу“.

Радостно было пролетѣть какъ на крыльяхъ мимо вокзала, потомъ мчаться въ какихъ-то полуосвѣщенныхъ аллеяхъ, встрѣчать цвѣтные огни другихъ автомобилей и чувствовать рядомъ то затихающую, то безпричинно смѣющуюся Валентину Матвѣевну.

Да она ли это была? Не сама ли сказочная Снѣжная Дѣва взяла къ себѣ Сережу въ санки и мчитъ его Богъ вѣсть въ какую волшебную даль?

XVII.

У обѣихъ сестеръ Успенскихъ были синіе глаза, золотистые волосы; обѣ были худенькія, съ узкими плечами... Но характеры у сестеръ были разные, и оттого, должно быть, казалось, что и лица у нихъ совсѣмъ иныя. Черты были тѣ же, но какъ-то по-иному освѣщались онѣ изнутри.

Старшая, Тамара, своей судьбѣ предалась покорно, лѣниво. Какъ ни складывалась жизнь, она только улыбалась невесело, но со всѣмъ мирилась. Когда умеръ отецъ, и она съ сестрою остались безъ всякихъ средствъ, кто-то изъ знакомыхъ, съ которыми она участвовала однажды въ любительскомъ спектаклѣ, посовѣтовалъ ей пойти на сцену. Она такъ и сдѣлала. Не приняли на Императорскую сцену, зато приняли въ „Фарсъ“ на выходныя роли съ жалованьемъ въ пятьдесятъ рублей. На такія деньги жить въ столицѣ невозможно. Правда, Вѣрочка зарабатывала перепискою на машинкѣ рублей тридцать въ мѣсяцъ, но и это не спасало отъ нужды. Вскорѣ, впрочемъ, Тамара Борисовна познакомилась съ барономъ Мерціусомъ, который заинтересовался ея судьбою. Онъ былъ ей не противенъ, и она стала его фавориткою, о чемъ Вѣрочка боялась догадаться. У барона были знакомые, которыхъ онъ охотно приводилъ къ Тамарѣ Борисовнѣ. Такъ появился Балябьевъ, а за нимъ и другіе. Играть приходилось мало, а за послѣднее время и вовсе ролей не давали. Съ тѣхъ поръ, какъ баронъ взялъ подъ свое покровительство Тамару Борисовну, у сестеръ нужды не было; Тамара Борисовна сказала сестрѣ, что ей прибавили жалованья. Если баронъ не заѣзжалъ за Тамарою и не увозилъ ее ужинать въ „Прагу“ или еще куда-нибудь, она

обыкновенно валялась на диванѣ и читала занятныя книжки, чаще по-французски: „Les trois mousquetaires“ Дюма или „Rocambole“ Понсонъ дю-Террайя или еще что-нибудь въ этомъ родѣ. При этомъ она любила, чтобы рядомъ на столикѣ стоялъ ликеръ попроще и послаще. Она тянула его понемножку рюмочками и ѣла конфеты. У Вѣрочки былъ не такой покладистый характеръ, какъ у сестры. Было въ ней что-то непримиримое и неистовое. Какъ будто ее оскорбилъ кто-то когда-то, а она этого оскорбителя простить не можетъ. И этотъ фантастическій оскорбитель являлся въ ея воображеніи непрестанно. Она и въ гимназіи чувствовала себя всегда такъ, какъ будто бы ея призваніе—съ кѣмъ-то бороться. Вездѣ ей мерещились угнетаемые и угнетатели: то ей кажется, что подруги обижаютъ какую-нибудь дѣвочку, и она спѣшитъ взять ее подъ свое покровительство; то учительница отнеслась къ кому-нибудь несправедливо, и она должна выразить свое негодованіе; то сама она стала жертвою какой-то ужасной интриги и клеветы.

Съ Вѣрочкою нелегко было ужиться, но подруги и учительницы какъ будто уважали ее и въ то же время опасались отчасти: ужъ очень она была во всемъ требовательна и строга. Немудрено, что лицо ея, совсѣмъ сходное съ лицомъ сестры, казалось, однако, такимъ отличнымъ. Праведный гнѣвъ преображалъ всѣ ея черты. Всегда она была взволнована, и какъ-то не по-дѣтски. Только на кладбищѣ, у отцовской могилы, чувствовала она себя маленькой, безпомощной и жалкой, и тогда поникала вся, не помня о томъ, что *надо быть непримиримой.*

Была у Вѣрочки еще одна особенность — какое-то изступленное цѣломудріе, какая-то необычайная стыдливость. И эта черта была, какъ тотчасъ же понялъ Сережа, не совсѣмъ дѣтская. Ребенокъ цѣломудренный не стыдливъ: міръ для него рай. А если душа застыдилась, значитъ что-то въ ней самой неблагополучно. Нѣтъ, Вѣрочка была не ребенокъ: слишкомъ рано стала она самостоятельной; слишкомъ рано стала усердною читательницей разнообразнѣйшихъ сочинителей; слишкомъ рано задумалась надъ тѣмъ, что значитъ *любовь,* и угадывала то, имя чему *развратъ.*

Кромѣ того, Вѣрочка была мечтательницей. Она вѣрила, что въ одинъ прекрасный день явится чудесный, благороднѣйшій и умнѣйшій человѣкъ, который пойметъ и оцѣнитъ ея сердце и тотчасъ же научитъ ее, какъ надо жить, чтобы не погибнуть. Этотъ человѣкъ, разумѣется, будетъ воплощеніемъ чистоты и цѣломудрія. У него дивное лицо. Онъ не знаетъ страха. Онъ всѣмъ готовъ пожертвовать. Онъ, конечно, борется за угнетенныхъ.

Такого человѣка Вѣрочка еще не видѣла никогда, но такой человѣкъ долженъ быть на свѣтѣ.

Когда Вѣрочка въ первый разъ увидѣла Сережу на кладбищѣ, ей понравились его глаза, какъ будто изумленные чѣмъ-то необычайнымъ и таинственнымъ, его странная стыдливая улыбка и то, какъ онъ заговорилъ съ нею такъ неожиданно, такъ сердечно.

Правда, Сережа былъ не *тотъ*, о комъ она мечтала. *Тотъ* былъ взрослый, а Сережа былъ подростокъ, но какая-то нѣжность къ мальчику появилась у нея въ душѣ. Она ждала его не безъ волненія, какого раньше не знала. Но онъ долго не приходилъ. Потомъ пришелъ, она была съ нимъ откровенна—и вдругъ онъ опять пропалъ. Почему онъ не приходитъ? Не случилось ли съ нимъ чего-нибудь? Вѣрочка недоумѣвала, сердиться ли на Сережу и презирать его или, напротивъ, волноваться за его судьбу и, можетъ быть, раздѣлить съ нимъ его участь. Не попалъ ли онъ опять въ тюрьму? Но какъ объ этомъ узнать? Спросить у сестры его, у Ниночки Нестроевой? Но возможно ли это, когда она сама предупредила Сережу, что не надо говорить Ниночкѣ объ ихъ знакомствѣ.

Въ такой тревогѣ и печали была Вѣрочка.

Она мучилась нѣсколько дней. Наконецъ, она рѣшилась на этотъ „ужасный“ шагъ. Послѣ урока геометріи, когда на доскѣ были еще начерчены многоугольники и учитель въ зеленомъ фракѣ медлилъ на порогѣ, укоряя одну ученицу за разсѣянность, Вѣрочка подошла къ Нинѣ Нестроевой, которая въ это время у окна шепталась съ одной изъ своихъ подругъ о какомъ-то приключеніи на каткѣ.

— Я хочу спросить васъ, Нестроева,—сказала Вѣрочка и оглянулась нерѣшительно на гимназистку, съ которой только что шепталась Ниночка.

— О чемъ?—прищурила глазки Ниночка, которая не долюбливала Вѣрочку за то, что она „много о себѣ воображаетъ и корчитъ изъ себя добродѣтельную“.

— О вашемъ братѣ.

— Что? о Сережѣ?—изумилась Нина.—Вы развѣ его знаете?

— Да, знаю... Что съ нимъ? Онъ здоровъ? Онъ не арестованъ опять?

— Онъ дома и, кажется, чувствуетъ себя хорошо,—усмѣхнулась Нина.—А вы очень безпокоитесь? Я ему передамъ. Какъ же вы съ нимъ познакомились?

— Можете не передавать,—вдругъ поблѣднѣла Вѣрочка въ

страшномъ гнѣвѣ и возмущеніи.—Я не очень интересуюсь вашимъ братомъ. Я только удивилась, что онъ не пришелъ въ тотъ день, когда хотѣлъ прійти. Вотъ и все.

— Да, это невѣжливо, — иронически согласилась Нина. — Только вы не придавайте этому значенія. У меня братецъ большой чудакъ.

— Чудакъ онъ или не чудакъ, вы не можете судить.

— Почему это?

— Потому что онъ старше и развитѣе васъ.

— Вы, я вижу, Успенская, просто влюблены въ моего брата,— тотчасъ же отомстила Ниночка за высокомѣріе подруги.—Вамъ и кажется, что умнѣе его никого на свѣтѣ нѣтъ...

Не слушая отвѣта, Ниночка громко засмѣялась и, задѣвъ локтемъ „гордячку“, выбѣжала изъ класса въ коридоръ, гдѣ шумѣли гимназистки.

Выдавъ Нинѣ Сережину тайну, Вѣрочка почувствовала раскаяніе и тотчасъ же разсердилась на себя за снисходительность къ этому „обманщику“ и „лицемѣру“. Ему будетъ непріятно, что Нина знаетъ о его знакомствѣ съ нею, и пусть.

Но все же это было малымъ утѣшеніемъ. Вѣрочка была разстроена чрезвычайно.

А дома было тоже неблагополучно. Баронъ Мерціусъ очень и очень не нравился Вѣрочкѣ, но она его рѣдко видѣла, и онъ былъ для нея почти миѳическое лицо—злой демонъ, увлекающій куда-то Тамару отъ нея, Вѣрочки. Это было грустно. Еще мучительнѣе было появленіе Балябьева. Баронъ какъ-то странно велъ себя—нерѣдко привозилъ своихъ знакомыхъ къ Тамарѣ Борисовнѣ, а самъ куда-то скрывался. Всѣхъ этихъ балябьевскихъ и баронскихъ пріятелей Вѣрочка и презирала, и боялась. Что-то оскорбительное было въ ихъ ухаживаніи за сестрой. Такъ чувствовала Вѣрочка и возмущалась снисходительностью Тамары.

„Выгнать бы изъ дома всѣхъ этихъ пустыхъ фатовъ!“—мечтала Вѣрочка. Смутныя подозрѣнія мелькали у нея въ головѣ, но она страшилась спросить сестру о томъ, что казалось ей циничнымъ и низкимъ.

— Не можетъ быть! Не можетъ быть!—лепетала она въ отчаяніи и тоскѣ.

Въ то время, когда Вѣрочка такъ мучилась и тосковала, Сережа не переставалъ о ней мечтать.

И вотъ однажды за обѣдомъ, когда сходилась за столомъ вся семья Нестроевыхъ, совершенно неожиданно для Сережи ему пришлось сдѣлать нѣкоторыя признанія относительно своего зна-

комства съ Вѣрочкой. Случилось это вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Въ самомъ началѣ обѣда Ниночка проявляла нетерпѣніе и старалась вызвать Сережу на разговоръ, но тотъ, какъ всегда, былъ разсѣянъ, молчаливъ и съ совершенной искренностью не понималъ намековъ Ниночки. Та спрашивала, не скучаетъ ли онъ, нѣтъ ли у него новыхъ знакомствъ, не думаетъ ли онъ давать уроки кому-нибудь изъ гимназистокъ, напримѣръ. Но всѣ ея старанія были тщетны. Сережа былъ занятъ своими мыслями.

Наконецъ, Ниночка, прищуривъ глазки и насмѣшливо улыбаясь, спросила Сережу:

— Гдѣ это ты познакомился съ нашею гимназисткою Успенскою? Она о тебѣ справлялась. Очень обижена, что ты къ ней не пришелъ, когда обѣщалъ.

— Скажи ей, что я не могъ, никакъ не могъ,—пробормоталъ Сережа, не умѣя скрыть своего волненія.

То, что Нина такъ небрежно говоритъ о Вѣрочкѣ, смутило его чрезвычайно.

Но Нина продолжала щурить глазки, улыбаться и разговаривать о томъ же, наслаждаясь Сережинымъ смущеніемъ.

— Хочешь, я скажу ей, что ты вовсе и не намѣренъ ей дѣлать визитъ? Вѣдь, ты, конечно, не пойдешь къ ней въ гости?

— Не знаю. Можетъ быть и пойду,—сказалъ Сережа твердо, негодуя на Ниночку.

— Я бы на твоемъ мѣстѣ не пошла къ этой дѣвицѣ.

— Почему?

— У насъ въ гимназіи всѣ ее считаютъ неинтересной и глупой. И живетъ она съ какой-то неприличной особой. Говорятъ, что это сестра ея. А можетъ быть, не сестра. Фамилія какая-то другая. Съ этою Успенскою на улицѣ кланяться неловко.

— Какія ты глупости говоришь, Ниночка,—сказалъ Сережа, блѣднѣя.—Сестра у нея актриса. А сама Вѣрочка Успенская умная и прекрасная. И тебѣ слѣдовало бы искать ея дружбы.

Ниночка фальшиво разсмѣялась:

— У нея манеры, какъ у горничной. И какія претензіи при этомъ!

Сережа нахмурился и молчалъ. На этотъ разговоръ всѣ, разумѣется, обратили вниманіе. Больше всего онъ обезпокоилъ Марью Петровну.

„У Сережи романъ,—думала онъ въ тревогѣ.—Вотъ еще новости. Какъ рано развиваются теперь дѣти. Надо будетъ погово-

рить съ нимъ. Надо его предостеречь. Но во всякомъ случаѣ это надо сдѣлать осторожно и гуманно".

— Сережа!—сказала она мягко.—Гдѣ же ты познакомился съ этой гимназисткой?

— Въ монастырѣ.

— Какой романтизмъ!—снисходительно засмѣялась Елена, которая со времени ареста Сережи стала относиться къ нему доброжелательнѣе.

Улыбнулся Андрей Ивановичъ, улыбнулась Марья Петровна. Но Сережа не раздѣлялъ веселаго настроенія своихъ родственниковъ.

— Какъ такъ? Въ монастырѣ?—сочла нужнымъ еще разъ спросить Марья Петровна.

— Въ монастырѣ. На кладбищѣ. У могилы ея отца. Вамъ всѣмъ зачѣмъ собственно это надо знать?—сказалъ вдругъ Сережа, отодвигая тарелку и подымаясь.—Извините. Мнѣ ѣсть не хочется. Я уйду.

И, не дожидаясь отвѣта, Сережа вышелъ изъ столовой. Это было его первое столкновеніе съ родственниками. Оно произвело тяжелое впечатлѣніе и на Марью Петровну, и на Андрея Ивановича.

— Какой онъ нервный! Какой онъ нервный!—повторяла растерявшаяся Марья Петровна.

Андрей Ивановичъ сдѣлалъ выговоръ Ниночкѣ за неделикатные, по его мнѣнію, вопросы, которые она задавала брату. Ниночка надула губки.

Сережа былъ очень взволнованъ не тѣмъ, что узнали его тайну, а тѣмъ, что Вѣрочка сама рѣшилась спросить о немъ у Нины. Значитъ, она думаетъ о немъ. Значитъ, она ждетъ его.

XVIII.

Вѣрочка Успенская ждетъ Сережу. Но зачѣмъ онъ пойдетъ къ ней? Въ сотый разъ онъ говорилъ себѣ, что не смѣетъ итти къ Вѣрочкѣ. Онъ неравнодушенъ къ ней: вотъ поэтому и не смѣетъ онъ къ ней итти. Нѣтъ, обманывать себя нечего: Сережѣ нѣтъ пути назадъ. Сережа погибъ. А если такъ, значитъ, нечего обольщать себя надеждою.

Ѳома разсказалъ про какой-то „союзъ отчаявшихся". Вотъ Сережѣ куда надо итти—не къ Вѣрочкѣ, а къ этимъ самымъ отчаявшимся. Ѳома говорилъ, что они дураки. Пусть дураки, только бы не быть одному. Въ это время случайно пришелъ Ѳома.

— Здравствуй, Ѳома! Я очень радъ, что ты пришелъ. Не можешь ли ты меня познакомить съ этими отчаявшимися? Я бы не прочь... А?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ. Хоть сегодня, хоть сейчасъ... У нихъ какъ разъ по субботамъ собранія. Идемъ, братъ.

— Идемъ.

Собраніе должно было состояться у Псонина, студента техника, первокурсника, который и руководилъ московскимъ кружкомъ. Членовъ было пять человѣкъ—гимназистъ, семинаристъ, ученикъ театральнаго училища и двѣ гимназистки.

Псонинъ жилъ въ Козихинскомъ переулкѣ, на Малой Бронной. Всѣ москвичи знаютъ эту „Козиху“, гдѣ въ героическія времена ютились студенческія „землячества“, гдѣ „конспиративныя“ собранія смѣнялись литературными диспутами, гдѣ порою—особенно въ Татьянинъ день—устраивались юношескіе кутежи и московское студенчество предавалось чрезвычайному разгулу. Въ то время, когда Псонинъ жилъ тамъ, по-прежнему знаменитый переулокъ въ значительной части своей былъ населенъ студентами, но былъ уже иной бытъ, и разгулъ сталъ инымъ, болѣе мрачнымъ и темнымъ.

Псонинъ жилъ въ шестомъ этажѣ огромнаго грязнаго дома. Ѳома и Сережа не безъ труда нашли квартиру, гдѣ нанималъ онъ комнату. Въ передней было дымно и пахло чѣмъ-то скернымъ. Изъ-за перегородки высунулась лохматая голова какого-то человѣка, явно нетрезваго; пробѣжала по коридору полуодѣтая женщина въ папильоткахъ.

Ѳома увѣренно постучалъ въ дверь. Кто-то крикнулъ „войдите“, и мальчики переступили порогъ, гдѣ засѣдалъ „союзъ отчаявшихся“. Ѳома торжественно представилъ Сережу собранію.

— Сергѣй Андреевичъ Нестроевъ.

— Очень радъ съ вами познакомиться,—сказалъ Псонинъ тонкимъ голосомъ, который не вязался какъ-то съ его бородатымъ лицомъ.—Мы о васъ слыхали. Не угодно ли чаю? И позвольте намъ продолжать наше занятіе. Господинъ Сладкомѣстовъ читаетъ свое произведеніе, романъ. Онъ, знаете ли, вотъ уже пятое собраніе намъ его читаетъ и сегодня послѣднія страницы дочитываетъ.

Сережа со стаканомъ чая сѣлъ въ уголъ. Ѳома развалился на диванѣ. Сладкомѣстовъ снова принялся за чтеніе своего романа. Этотъ сочинитель былъ уже на возрастѣ. Ему было, повидимому, лѣтъ девятнадцать-двадцать. Онъ, какъ потомъ Сережа узналъ, изгнанъ былъ въ прошломъ году изъ семинаріи за дурные успѣ-

хи и отчасти за атеизмъ. Впрочемъ, онъ и самъ желалъ покинуть непріятное ему учебное заведеніе. Какой-то писатель поощрялъ его литературныя занятія. И Сладкомѣстовъ рѣшилъ посвятить себя музамъ.

Лицо у этого романиста было туповатое.

Къ удивленію Сережи, романъ молодого человѣка не лишенъ былъ нѣкоторой изобразительности. Авторъ не безъ удовольствія описывалъ въ заключительной главѣ, какъ его герой, которымъ онъ, повидимому, искренно любовался, соединяется съ двумя женщинами въ теченіе получаса времени, при чемъ успѣваетъ объяснить обѣимъ своимъ любовницамъ, что онъ предается половымъ излишествамъ исключительно изъ презрѣнія къ нравственности, а не по какимъ-либо инымъ причинамъ. Женское бѣлье и все прочее было описано съ натуралистическими подробностями.

Сережа съ изумленіемъ замѣтилъ, что романъ весьма нравится „отчаявшимся“.

Когда Сладкомѣстовъ окончилъ чтеніе, всѣ поспѣшили выразить свое одобреніе. Ученикъ театральнаго училища, Кисниковъ, молодой человѣкъ лѣтъ семнадцати, у котораго языкъ худо помѣщался во рту, сказалъ, что романъ великолѣпенъ, что въ немъ много „темперамента“. Гимназистъ Курченко, самый юный изъ присутствующихъ, замѣтилъ, что „Сладкомѣстовъ за поясъ заткнетъ самого Золя“. Гимназистка постарше, Зоя Фламина, объявила, что она въ восторгѣ отъ героя, но что она въ жизни еще не встрѣчала такихъ и очень боится, что ей и не придется познакомиться когда-нибудь съ подобнымъ человѣкомъ. Эта Зоя Фламина была недурненькая блондинка, съ алыми капризными губками и съ весьма развитымъ станомъ. Другая гимназистка, Таня Любушкина, совсѣмъ еще дѣвочка, блѣдненькая и худенькая, съ какъ бы испуганными глазками и съ виноватою улыбкою на ребяческихъ невинныхъ губахъ, призналась, что романъ ей тоже очень нравится, но что она не понимаетъ, почему герой все-таки не застрѣлился въ концѣ-концовъ. „Лучше, чтобы онъ застрѣлился“.

— Я думаю написать еще романъ съ тѣмъ же героемъ. И тамъ онъ застрѣлится,—утѣшилъ гимназистку Сладкомѣстовъ.

Псонинъ говорилъ довольно долго, удивляя Сережу своимъ голосомъ. Онъ присоединился отчасти къ мнѣнію маленькой гимназистки. Въ самомъ дѣлѣ, напрасно герой Сладкомѣстова не покончилъ съ собою. Тогда яснѣе была бы идея.

— Мы, вѣдь, такъ разсуждаемъ,—сказалъ Псонинъ, обращаясь

къ Сережѣ:—Современное научное знаніе окончательно уничтожило вѣру въ божество, а слѣдовательно, во всякіе абсолютные идеалы. Нравственность—не болѣе, какъ предразсудокъ. Поэтому всякія препятствія, которыя общество ставитъ тому, кто желаетъ наслаждаться, суть нѣчто враждебное *новому* человѣку. Новый человѣкъ будетъ наслаждаться во что бы то ни стало. Но такъ какъ рано или поздно ему грозитъ смерть, то, во избѣжаніе этого насилія надъ нимъ со стороны природы, онъ долженъ самъ своевременно и самовольно застрѣлиться. Мы называемъ себя „отчаявшимися“ лишь иронически. Въ сущности мы вовсе не отчаялись. Напротивъ, мы въ жизни побѣдители, а не побѣжденные.

Псонинъ пропищалъ это все своимъ непріятнымъ бабьимъ голосомъ съ видимымъ удовольствіемъ. Этотъ „руководитель“ союза былъ одѣтъ въ мягкую блузу; штаны его были запрятаны въ высокіе щегольскіе лакированные сапоги.

— Какъ вы относитесь къ моей точкѣ зрѣнія?—прогнусавилъ онъ, опять обращаясь къ Сережѣ.

— Я думаю, что эту мысль отчасти развивалъ Кирилловъ у Достоевскаго, но только у него это было гораздо глубже и обоснованнѣе. Я говорю о вашей идеѣ самоубійства,— сказалъ Сережа, нѣсколько смущаясь рѣзкостью своего замѣчанія.

Но Псонинъ ничуть не обидѣлся.

— Вотъ какъ! Это въ какомъ же романѣ-то?—небрежно освѣдомился онъ у Сережи.—Я, знаете ли, Достоевскаго не всего читалъ. Я не очень его уважаю. Онъ, вѣдь, славянофилъ былъ. Это, вѣдь, глупая штука и весьма устарѣвшая, то-есть славянофильство тамъ всякое или вотъ христіанство еще тоже, знаете ли. Умному человѣку на это на все наплевать. Вы какъ думаете?

Сережа молчалъ.

Въ это время ученикъ театральнаго училища приготовилъ трапезу — колбасу, сыръ, пиво, коньякъ и сладкій пирогъ. Всѣ стали усаживаться за столъ.

— А вы какого мнѣнія о романѣ?—спросилъ гимназистъ Ѳому.

— Романъ прескверный,—спокойно сказалъ Ѳома, жуя колбасу.

Авторъ кисло усмѣхнулся, скосивъ на Ѳому узкіе свои глазки.

— Почему же такъ?—торопился поспорить гимназистъ.—Вы его, вѣроятно, находите безнравственнымъ? Но нравственность всегда относительна. Это, во-первыхъ.

— Дѣло тутъ не въ нравственности,—перебилъ Ѳома гимназиста, не церемонясь съ мальчикомъ.—Дѣло не въ нравственности, а въ дурномъ вкусѣ. Прежде, чѣмъ разсуждать объ идеѣ ро-

мана, надо выяснить, насколько онъ грамотенъ и эстетически пріемлемъ. Романъ господина Сладкомѣстова такъ фальшивъ и скученъ, что какую угодно идею скомпрометируетъ. О вкусѣ, конечно, не спорятъ, но ваше замѣчаніе, Курченко, что авторъ романа не уступитъ Золя, довольно забавно. Хотя я вовсе не склоненъ думать, что Золя былъ очень уменъ, но онъ обладалъ, по крайней мѣрѣ, даромъ изображать жизнь въ ея, такъ сказать, *коллективѣ*. Однимъ словомъ, чувствовалъ людей и землю, какъ муравейникъ. Въ этомъ было своеобразіе. А въ романѣ господина Сладкомѣстова одно только поверхностное резонерство и не менѣе поверхностный реализмъ, или даже вѣрнѣе шаблонъ реализма.

— Это вы эстетически критикуете,—загнусавилъ Псонинъ.— А вы все-таки, Грибовъ, скажите намъ ваше мнѣніе объ идейной сторонѣ романа.

— Къ чорту романъ,—усмѣхнулся небрежно Ѳома.—Если же вамъ угодно знать мое мнѣніе объ идеѣ вашего кружка, то я, пожалуй, готовъ высказаться.

— Ахъ, это очень интересно! Какое ваше мнѣніе въ самомъ дѣлѣ?—сказала Зоя и потянулась за сыромъ.—Дайте мнѣ кусочекъ сыра, Псонинъ.

— Мое мнѣніе такое,—неторопливо отвѣтилъ Ѳома, рисуясь нѣсколько своимъ презрительнымъ спокойствіемъ.—Идея вашего кружка—идея старая и ветхая. Дѣло не въ идеѣ, а въ психологіи. Зачѣмъ вы, собственно, собрались вмѣстѣ? Чтобы колбасу жевать и слушать скверные романы господина Сладкомѣстова? Или вы серьезно хотите осуществить вашу идею на дѣлѣ? Признаюсь, мнѣ сдается, что вы, извините, просто трусы. У васъ одни только разговоры. Никто изъ васъ не рѣшится покончить жизнь самоубійствомъ. Едва ли, впрочемъ, кто-нибудь изъ васъ способенъ осуществить и первую часть программы, то-есть явно и смѣло нарушить требованія общественной нравственности.

— Позвольте! Это какъ же такъ! Я васъ не понимаю, Грибовъ,—обидѣлся Псонинъ.—Откуда вы могли вывести такое заключеніе?

— Вы не имѣете права говорить, что мы трусы!—возмутился гимназистъ.—Я вамъ докажу, что я не трусъ.

— И я! И я!—простонала Таня Любушкина въ чрезвычайномъ волненіи.—И я застрѣлюсь. Непремѣнно застрѣлюсь!

Ѳома былъ очень доволенъ своей провокаціей.

— Превосходно!—воскликнулъ онъ, гримасничая по обыкновенію и смѣясь.—Даю вамъ слово, что если хоть одинъ изъ васъ

застрѣлится въ самомъ дѣлѣ, то черезъ недѣлю у васъ въ кружкѣ окажется не пять, а пятьдесятъ членовъ. Я первый подумаю, не присоединиться ли къ вамъ. Я не обѣщаю, но чувствую, что будетъ нѣкоторый соблазнъ. Разумѣется, при условіи, что вы избавите меня отъ вашей литературы.

— Литература не обязательна,—сказалъ Псонинъ.—Можно и безъ литературы.

Сережа сидѣлъ рядомъ съ Таней Любушкиной. Онъ наклонился къ ней и прошепталъ, стараясь, чтобы другіе его не услышали:

— Бросьте этотъ кружокъ. О смерти нельзя такъ при всѣхъ говорить, какъ здѣсь говорятъ.

Блѣдненькая, худенькая гимназистка не то съ удивленіемъ, не то съ испугомъ посмотрѣла на Сережу, виновато и смущенно улыбаясь.

— А вы развѣ не считаете самоубійство благороднымъ поступкомъ?

— Нѣтъ, не считаю.

— Но вѣдь жизнь такая отвратительная,—прошептала она нерѣшительно, робко взглянувъ на Курченко.

Во время этого разговора ученикъ театральнаго училища, Кисниковъ, сосредоточилъ свое вниманіе на коньякѣ. Онъ уже началъ пить, когда Сладкомѣстовъ читалъ свой романъ, и теперь говорилъ что-то нескладное. Трудно было понять, чего онъ хочетъ.

— Вы о чемъ, Кисниковъ?—спросилъ его, наконецъ, Псонинъ, замѣтивъ, что онъ почему-то тянется къ нему.

Выяснилось не безъ труда, что пьяный Кисниковъ считаетъ несправедливымъ, чтобы Зоя сидѣла все время на колѣняхъ у Псонина.

— Я тоже хочу! Пусть у меня!—бормоталъ онъ сердито.

— Мнѣ все равно. Я могу,—сказала, смѣясь, Зоя и усѣлась на колѣни къ охмелѣвшему ученику театральнаго училища.

— Прощайте, господа. Я иду,—сказалъ Сережа, вставая.

— Вамъ что же, Нестроевъ, понравилось у насъ или нѣтъ?—спросилъ Псонинъ, недовѣрчиво оглядывая Сережу.

— Нѣтъ, не понравилось,—сказалъ Сережа твердо.

— Ну, какъ угодно,—усмѣхнулся Псонинъ.—Была бы честь предложена...

— И я съ тобою,—заторопился Ѳома.

Они вышли изъ псонинской квартиры нѣсколько утомленные и раздраженные безтолковымъ диспутомъ. До Тверского бульвара

шли молча. Надо было Сережѣ повернуть направо, на Никитскій бульваръ, а домой итти не хотѣлось.

— Я тебя провожу,—сказалъ онъ, обращаясь къ Ѳомѣ, который шелъ по Тверской.

Была оттепель. Снѣгъ потемнѣлъ мѣстами. Свѣтила холодная луна. Бульваръ, какъ всегда зимою въ этотъ часъ, былъ безлюденъ. И скелеты деревьевъ, съ которыхъ опалъ подтаявшій снѣгъ, чернѣли уныло и мрачно.

Товарищи вышли къ памятнику Пушкина. На скамейкахъ сидѣли съ вытянутыми ногами какіе-то люди, уставшіе, должно быть, шататься безцѣльно по ночному бульвару. На воротахъ Страстного монастыря часы пробили полночь. По Тверской время отъ времени мчались автомобили и лихачи. На углахъ топтались женщины съ папиросками въ зубахъ.

— Тутъ недалеко одинъ ночной ресторанчикъ есть,—сказалъ Ѳома, гримасничая.—Зайдемъ, если тебѣ спать не хочется. Только тамъ проститутки всегда. Можетъ быть, тебѣ непріятно?

— Проститутки? Нѣтъ, мнѣ все равно. А знаешь, Ѳома, мнѣ одна проститутка сказала такое доброе слово, какого никто мнѣ не говорилъ!

— Гдѣ? Когда?—заинтересовался Ѳома.

— Случайно. На Пречистенскомъ бульварѣ я сидѣлъ. Я бы хотѣлъ поговорить съ нею еще разъ.

— Вотъ, можетъ быть, и встрѣтимъ ее.

— Нѣтъ, Ѳома, я никогда ея не найду. Я лица ея не видѣлъ. Можетъ быть, и лучше, что я лица ея не видѣлъ.

— Что же она тебѣ сказала?

— Она сказала, что отчаиваться не надо, что, если кого люди не простятъ, Богъ проститъ.

— Гмъ!—промычалъ неопредѣленно Ѳома.—А вотъ кстати объ отчаяніи. Эти ребята изъ „Союза отчаявшихся“ какъ тебѣ показались? Вѣдь, дураки, не правда ли?

— Да, кажется, что такъ. А знаешь, Ѳома? Эта гимназистка, которая помоложе, блѣденькая... Вѣдь она убьетъ себя...

— Ты думаешь? Можетъ быть. И пусть. Не все ли равно?

— Нѣтъ, это дурно, очень дурно, если она себя убьетъ. Мы всѣ въ этомъ виноваты будемъ—и ты, и я.

— Никто, братъ, ни въ чемъ не виноватъ... Вотъ и кабачокъ мой, однако...

Они вошли въ ночной ресторанчикъ.

Въ немъ было тѣсно, и синій дымъ отъ сигаръ плавалъ вол-

нистыми клубами. Только одинъ столикъ былъ свободенъ, и Ѳома поспѣшилъ его занять, заказавъ себѣ виски.

— А ты чего?

— Мнѣ все равно. Попробую и я виски. Я никогда не пилъ.

Трезвыхъ было мало. Опершись локтями на липкіе, облитые пивомъ столики, завсегдатаи кабачка курили мрачно, мутными и больными глазами оглядывая женщинъ. Въ кабачкѣ былъ баръ. На высокихъ табуреткахъ молодые люди, болтая ногами въ подвернутыхъ брюкахъ, тянули черезъ соломинки ликерныя смѣси.

— Чего ты все о невѣстѣ поминаешь?— говорила сердито рыжая проститутка своему собутыльнику студенту.—Сегодня я твоя невѣста. Слышишь ты, лохматый?

— Не нужны мнѣ твои пять рублей. Мнѣ деликатность нужна, мой милый!—восклицала какая-то женщина въ другомъ углу.

— Быть или не быть? Вотъ въ чемъ вопросъ, — повторялъ упрямо господинъ съ синимъ, худо выбритымъ лицомъ. — Быть или не быть?

И опять черезъ минуту—все такъ же уныло и упрямо:

— Быть или не быть? Вотъ въ чемъ вопросъ...

За стойкою дородная нѣмка, безстрастная на своемъ отвѣтственномъ посту, разливала пухлою рукою въ тяжеломъ браслетѣ спиртные напитки.

— Мнѣ здѣсь нравится,—сказалъ Ѳома.—Здѣсь, другъ мой, всѣ становятся мыслителями. Только и разговору, что о суетѣ суетъ.

И какъ будто въ подтвержденіе словъ Ѳомы изъ сосѣдняго угла донеслись чьи-то вздохи и кто-то пробасилъ не безъ грусти:

— Все полетитъ къ чорту на рога! Все! Слава—фантасмагорія, золото—фантасмагорія, и ты, моя красавица, тоже фантасмагорія...

Сережа хлебнулъ виски изъ высокаго стаканчика со льдомъ.

— Я не опьянѣю, Ѳома?

— Ничего, ничего, отъ одного стаканчика не опьянѣешь,— сказалъ Ѳома, усмѣхаясь.

— Впрочемъ, не все ли равно? Я, пожалуй, не прочь опьянѣть.

— Вотъ какъ!—искоса посмотрѣлъ Ѳома на товарища.

— Не все ли равно?—повторилъ Сережа, чувствуя, что онъ уже пьянѣетъ.—А все-таки мнѣ жалко гимназисточку. Какъ ее зовутъ? Таня Любушкина? Вотъ ее мнѣ жалко, право.

Сережа не замѣчалъ, что Ѳома занялся разговоромъ съ со-

сѣдкою, молоденькой, худенькой дѣвушкой, съ неровно подведенными глазами и слишкомъ алымъ ртомъ.

— Мнѣ тоже здѣсь нравится, — продолжалъ Сережа, плохо сознавая, кому онъ дѣлаетъ сейчасъ свои признанія.—Здѣсь все очень фантастично и неблагополучно. Я не люблю благополучія, Ѳома. Лучше пусть все вертится, какъ здѣсь вертится, чѣмъ неподвижность эта. Ахъ, Ѳома, если бы ты зналъ, какой я недостойный человѣкъ! Мнѣ на-дняхъ пойдетъ семнадцатый годъ, и взрослые скажутъ пожалуй, что я мальчикъ, но это вздоръ, Ѳома. Я уже человѣкъ. Во мнѣ уже все предопредѣлено. Еще ничего не сложилось, но складывается. Это все равно. Я уже знаю, какъ все складывается. Вотъ почему я могу сказать, что я недостойный человѣкъ. А виски, братъ, пьяная штука. У меня голова кружится. Но это ничего. Это даже лучше. У меня мысли въ безпорядкѣ, но зато у меня сейчасъ вдохновеніе, Ѳома. Вѣришь или не вѣришь? Ты не обижайся, Ѳома. Я тебѣ одному истину скажу. Хочешь? Я тебѣ скажу, что я очень скверный, а ты еще хуже. Я все тебѣ объясню. Слушай. Я скверный потому, что я не вѣрю, что меня „Богъ проститъ“, какъ вѣритъ та женщина, про которую я тебѣ разсказывалъ, а ты еще хуже меня. Ты не вѣришь въ то, что кто-то долженъ оправдать тебя. У тебя, Ѳома, скептицизмъ есть, но это поверхностный скептицизмъ. Тебѣ все какое-то утѣшеніе мерещится. Ты понимаешь, что противорѣчія всегда останутся, а между тѣмъ и эти противорѣчія тебѣ нужны для какого-то благополучія. Ѳома! Ты какъ по канату ходишь. Но такъ, на канатѣ, жизнь нельзя прожить. А, вѣдь, жить надо. Или умереть надо? А?

— Хочешь еще виски?—сказалъ Ѳома, не слушая Сережу и подливая ему изъ бутылки.

— Ѳома! Я тебѣ сказалъ однажды, что я влюбленъ. На другой день я думалъ, что это неправда, а сегодня опять вѣрю, что это такъ. Она еще дѣвочка. Но она и взрослая, какъ мы съ тобою. Она замученная уже. Ее люди мучили, и сама она себя мучила. У нея совсѣмъ синіе глаза... Печальные такіе. Ты понимаешь, Ѳома, что значитъ, когда у дѣвочки глаза грустные? И такіе грустные, какъ у взрослой? Но я совсѣмъ ея недостоинъ. Я эту дѣвочку во снѣ вижу, Ѳома. Ахъ, Ѳома, какіе мнѣ сны снятся! Какіе сны! А ты знаешь Валентину Матвѣевну? Я съ нею въ автомобилѣ за городомъ катался. Снѣгъ тогда сухой былъ. Она удивительная, эта Валентина Матвѣевна. Мнѣ съ нею не стыдно. Мнѣ кажется, я могу ей все сказать. Она все пойметъ и все проститъ. Вотъ она какая, эта Валентина Матвѣевна.

Въ то время, когда Сережа такъ несвязно и нескладно говорилъ, обращаясь не то къ Ѳомѣ, не то къ самому себѣ, въ ресторанѣ появились новые посѣтители. Это была компанія молодежи. Почти всѣ были уже навеселѣ. Повидимому, они перекочевали сюда изъ какого-нибудь иного ресторана, запертаго уже въ этотъ поздній часъ.

Въ этой компаніи былъ ученикъ инженернаго училища, два лицеиста, совсѣмъ молоденькій офицеръ и еще юноша въ штатскомъ, который, замѣтивъ Сережу, сказалъ что-то на ухо одному изъ лицеистовъ. Лицеистъ громко и одобрительно засмѣялся и безцеремонно оглядѣлъ Сережу.

Несмотря на то, что голова Сережи была въ туманѣ, онъ тотчасъ же сообразилъ, что этотъ молодой человѣкъ въ штатскомъ— Nicolas, съ которымъ у Ниночки бываютъ тайныя свиданія.

Компанія молодыхъ людей заказала кофе и ликеры. Къ ихъ столику подсѣли дамы, и юноши принялись ихъ угощать съ преувеличенной любезностью.

„Вотъ этотъ Nicolas, склонившійся сейчасъ надъ лифомъ горбоносой проститутки, вѣроятно, такими же глазами смотритъ на Ниночку“,—подумалъ Сережа, чувствуя, что онъ трезвѣетъ и ощущая при этомъ въ сердцѣ какую-то особенную болѣзненную пустоту.

„Надо сейчасъ что-то сдѣлать,—мелькнуло въ головѣ у Сережи.—Надо подойти къ Nicolas и оскорбить его“.

Но безволіе и странная слабость овладѣли Сережею.

„Я просто трусъ, должно быть, — подумалъ онъ. — Вотъ и сердце какъ странно колотится. Трусъ я или не трусъ? Оскорбить Nicolas? Зачѣмъ? Глупость! Боже мой! Какая глупость!“

— Какъ васъ зовутъ, моя прелестная?—обратился Nicolas къ своей сосѣдкѣ.

— Ниной зовутъ,—сказала горбоносая проститутка и потянулась за ликеромъ.

— Фатальное совпаденіе!—крикнулъ, смѣясь, лицеистъ.

Nicolas тоже громко засмѣялся.

— Постой, Ѳома. Мнѣ туда надо. Извини, — сказалъ Сережа, отодвигая столикъ и со стаканомъ виски направляясь къ веселой компаніи.

— Кубенко! Вы... Вы...—началъ было что-то говорить Сережа, но вдругъ, какъ-то странно всхлипывая, засмѣялся и, неловко поднявъ руку, плеснулъ виски прямо въ лицо Nicolas.

Молоденькій офицерикъ стукнулъ кулакомъ по столу. Кто-то закричалъ „наглость“ или что-то въ этомъ родѣ. Nicolas бросился

на Сережу съ кулаками, но уже многоопытные лакеи стояли между подростками, и метръ д'отель тащилъ Сережу къ выходу.

— Налимонились, молодой человѣкъ! Такъ нельзя-съ. Надо и пить умѣючи.

Швейцаръ сердито распахнулъ дверь. Сережа очутился на улицѣ, и тотчасъ же рядомъ появился Ѳома съ Сережиною шапкою въ рукѣ.

— Что это, братъ, съ тобою приключилось! — гримасничалъ Ѳома, изумленный поступкомъ Сережи.—За что ты его? Пойдемъ, однако, домой. Я тебя довезу, пожалуй. Потомъ объяснишь. Вотъ еще исторія, чортъ возьми.

Ѳома усадилъ Сережу на извозчика, и они поѣхали. За эти два часа опять подморозило, и шелъ снѣгъ, но сильный вѣтеръ сметалъ его съ дороги, и санки то скребли полозьями по камнямъ, то увязали въ сугробахъ.

— Ахъ, какъ мнѣ стыдно, Ѳома! Какъ стыдно! — бормоталъ Сережа, закрывая лицо руками.

Георгій Чулковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Стихотворенія.

1.

Инокъ.

Пойду въ скуфейкѣ, свѣтлый инокъ,
Степной тропой къ монастырямъ;
Сухой кошель изъ хворостинокъ
Повѣшу за плечи къ кудрямъ.
Хочу концы твои измѣрить,
Родная Русь, я по росѣ,
И въ счастье ближняго повѣрить
На взбороненной полосѣ.
Иду. Въ травѣ звенитъ мой посохъ,
Въ лицо махаетъ шаль зари;
Сгребая сѣно на покосахъ,
Поютъ мнѣ пѣсни косари.
Глядя за кольца лычныхъ пряселъ,
Одной лишь грезой мыслю я:
Счастливъ, кто жизнь свою украсилъ
Трудомъ земного бытія.
Съ улыбкой радостнаго счастья
Иду въ другіе берега,
Вкусивъ безплотнаго причастья,
Молясь на копны и стога.

2.

Калики.

Проходили калики деревнями,
Выпивали подъ окнами квасу;
У церквей предъ затворами древними

Поклонялись Пречистому Спасу.
Пробиралися странники по полю,
Пѣли стихъ о сладчайшемъ Исусѣ.
Мимо клячи съ поклажами топали,
Подпѣвали горластые гуси.
Ковыляли убогіе по стаду,
Говорили зазорныя рѣчи:
Всѣ единому служимъ мы Господу,
Опоясавъ вериги на плечи.
Вынимали калики поспѣшливо
Для коровъ сбереженныя крохи.
И кричали пастушки насмѣшливо:
— Дѣвки въ пляску! Идутъ скоморохи.

3.

Вечеръ.

На лазоревыя ткани
Пролилъ краски багрянецъ.
Въ темной рощѣ по полянѣ
Плачетъ смѣхомъ бубенецъ.
Затуманились лощины,
Серебромъ покрылся мохъ.
Черезъ прясла и овины
Кажетъ мѣсяцъ бѣлый рогъ.
По дорогѣ лихо, бойко,
Развѣвая пѣнный потъ,
Скачетъ бѣшеная тройка
На поселокъ въ хороводъ.
Смотрятъ дѣвушки лукаво
На красавца сквозь плетень.
Парень бравый кучерявый
Ломитъ шапку набекрень.
Ярче розовой рубахи
Зори вешнія горятъ.
Позолоченныя бляхи
Съ бубенцами говорятъ.

Сергѣй Есенинъ.

МНОГОЛЮБИМАЯ ЭВА. [1])

Романъ **Агнесы Хеннингсенъ.**

Съ датскаго.

IV.

„Какъ утромъ все свѣтлѣе!“ Это было первой мыслью Эвы, когда она проснулась на слѣдующій день въ своей комнатѣ. Собственно говоря, она провела очень пріятно время на вечерѣ Крузе... большую часть времени. А главное, она познакомилась съ Хемпелемъ, теперь онъ ея другъ, онъ, этотъ артистъ, которымъ она такъ восхищалась!

Сидя передъ зеркаломъ и причесываясь, она особенно была довольна своими рыжими волосами. За свою наружность ей безпокоиться нечего,—подумала она съ улыбкой,—но...

Въ дверь раздался тихій стукъ, словно въ нее тыкала своимъ клювомъ птица. Вслѣдъ за этимъ въ комнату вошла четырехлѣтняя дочь хозяйки, Лиза.

— Ты принесла мнѣ письмо, милочка моя!—радостно воскликнула Эва. Она сейчасъ же увидала на конвертѣ незнакомый почеркъ—значитъ, письмо отъ Хемпеля!

Она разорвала конвертъ и громко засмѣялась. Такъ и есть, Хемпель успѣлъ уже написать!

— Да, но я не начну его читать, пока не останусь одна,—сказала она, взяла за ручку маленькую Лизу и вывела изъ комнаты.

Послѣ этого она принялась за письмо, и на ея лицѣ появилось недовольное выраженіе. Какъ сухо онъ пишетъ! Онъ только и писалъ, что сегодня же будетъ говорить съ новымъ директоромъ. Разрѣшаетъ ли она ему дѣйствовать въ ея интересахъ? Послѣ свиданія съ директоромъ онъ сообщитъ ей о результатѣ

---

[1]) *Продолженіе.* См. *Русская Мысль* 1915 г., кн. VI.

ихъ переговоровъ. Прійти ему къ ней или она къ нему зайдетъ? Посланный ждетъ отвѣта. Съ искреннимъ уваженіемъ Хемпель.

— И ничего больше?—проговорила она съ улыбкой.—Ничего, кромѣ самаго главнаго: онъ поговоритъ съ директоромъ, и она увидитъ его сегодня!

Она взяла свою визитную карточку и стоя написала нѣсколько словъ, стараясь писать красивѣе: „Спасибо. Поговорите обо мнѣ. Я сегодня весь день дома и буду ждать васъ".

И она сейчасъ же вышла въ коридоръ, хотя на ней было только розовое кимоно. Вмѣстѣ съ письмомъ она дала посыльному пятьдесятъ эре. Пусть и другіе чувствуютъ, когда у нея счастливый день,—къ этому она привыкла еще дома.

Она быстро вошла въ комнату,—ей хотѣлось поскорѣе взглянуть, похожъ ли его почеркъ на него самого, но вдругъ она остановилась посреди комнаты. Есть ли еще другія женщины, которыя съ такой быстротой переходили бы отъ одного мужчины къ другому? Неужели это правда, что у нея нѣтъ сердца?

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ. Что же, какъ бы то ни было, но она во всякомъ случаѣ не будетъ притворяться. Вѣдь если бы она притворялась, то ей-то самой отъ этого было бы ничуть не легче!

Въ дверь снова тихо постучали. Это былъ хорошо знакомый стукъ самой хозяйки, фру Боргесенъ.

Эва еще ниже опустила голову надъ письмомъ—у милой фру Боргесенъ какъ разъ болѣлъ глазъ, и она не повязывала его; это было ужасно!... Да, его почеркъ походитъ на него самого...

— Подумайте, фрёкенъ Паульсенъ,—сказала фру Боргесенъ.—Тамъ въ передней господинъ, который непремѣнно хочетъ говорить съ вами.

— Да,—отвѣтила Эва, не поднимая головы,—но это невозможно.

— Онъ такъ тихо сказалъ свое имя, а мнѣ неловко было переспрашивать. Но мнѣ послышалось, будто это самъ директоръ.

Эва спрятала письмо и такъ, для порядка, слегка напудрила носъ, хотя онъ былъ совсѣмъ бѣлый.

— Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь, фру Боргесенъ, вамъ придется его спросить.—И Эва тихонько подошла къ двери, которая осталась пріотворенной.

— Да, это я! Это я стою тутъ, словно наказанный!—И съ этими словами въ комнату Эвы быстро вошелъ Крузе, съ цилиндромъ на головѣ, маленькій и улыбающійся, какъ всегда.—Къ двѣнадцати часамъ мнѣ надо быть въ театрѣ на засѣданіи. Но

предварительно мнѣ необходимо поговорить съ вами. До завтрака есть еще достаточно времени. Я подожду, пока вы переодѣнетесь.

Фру Боргесенъ прикрыла рукой свой больной глазъ и, обойдя Крузе сзади, вышла изъ комнаты.

— Еще одна раненая,—произнесъ съ улыбкой Крузе, глядя хозяйкѣ вслѣдъ и потомъ быстро снова оборачиваясь къ Эвѣ.

— Шляпа!—сказала Эва, въ ужасѣ глядя на него.—И какъ ты могъ войти, когда она была здѣсь, а я еще не одѣта даже!

— Ахъ, прости,—отвѣтилъ онъ съ улыбкой.—Маленькая жеманница!—Онъ положилъ шляпу на столъ и не сводилъ съ нея глазъ. — Господи, да на тебѣ этотъ очаровательный розовый пеньюаръ, все такой же свѣжій и веселый...

— Я не буду съ тобой завтракать,—прервала она его, отходя отъ него въ сторону.—И почему это вдругъ стало безразлично, будутъ люди говорить о насъ или нѣтъ?

— Выслушай же меня, милая моя.—Онъ снялъ пальто.—Я не голоденъ! Я останусь здѣсь! Послушай... только сядь сперва, тогда мы поговоримъ толкомъ.

Онъ сѣлъ у стола и отставилъ въ сторону нѣсколько бездѣлушекъ, чтобы было мѣсто для рукъ, но въ то же время онъ обдумывалъ свои слова.

— Вчера вечеромъ ты имѣла успѣхъ. Но тебѣ еще многому надо поучиться. И вѣдь тебѣ самой хотѣлось учиться гдѣ-нибудь въ широкомъ свѣтѣ. Не такъ ли ты часто сама говорила?

— Да-а,—проговорила она и вдругъ заинтересовалась его словами и сѣла противъ него.

— Сегодня вечеромъ я уѣзжаю въ Берлинъ, дня черезъ два оттуда въ Мюнхенъ, а потомъ въ Парижъ.

— Такъ что же?—сказала она неувѣренно, и она улыбнулась, чтобы скрыть чувство зависти.—Такъ изъ твоего путешествія выйдетъ наконецъ что-нибудь? Я очень рада.

— Д... И я беру тебя съ собой.

Она вскочила и хотѣла крикнуть: „Я не хочу!“, но сейчасъ же снова сѣла и опустила голову. Нѣтъ, она не въ силахъ сказать это ему такъ сразу. Это такъ неожиданно, что онъ хочетъ взять ее съ собой, такъ мило съ его стороны.

Онъ покручивалъ свои усы и, повидимому, наслаждался ея удивленіемъ.

Но, наконецъ, ему надоѣли ея опущенные глаза и смущенное лицо, словно у невѣсты, которая стоитъ подъ вѣнцомъ.

— Можетъ быть,—продолжалъ онъ,—тебѣ захочется остаться

въ Мюнхенѣ? Тамъ есть учитель пѣнія, у котораго тебѣ все равно придется поучиться. Тогда и я тамъ останусь.

Она посмотрѣла на него и глубоко вздохнула. Но такъ и не произнесла ни слова.

Тогда онъ засмѣялся:

— Да, да, таращь на меня свои милые глазки. Ей-Богу, я все сдѣлалъ, чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ тебя, когда замѣтилъ, что дѣло принимаетъ слишкомъ серьезный оборотъ. И, какъ это обыкновенно со мной бываетъ, я принялъ окончательное рѣшеніе въ самую послѣднюю минуту. Но смѣшнѣе всего то, что какъ только я принялъ это рѣшеніе, такъ моего паршиваго настроенія какъ не бывало.

Она прижала руки къ груди. Да, у нея есть сердце. Во всякомъ случаѣ для тѣхъ, у кого есть сердце для нея и кто проявляетъ это такъ, какъ онъ сейчасъ. О, ей стало даже больно!

— Правда, на меня нѣсколько подѣйствовалъ Хемпель,—сказалъ онъ,—этого я не буду отрицать. Но все равно, рано или поздно, я пришелъ бы къ тому же.

„Нѣтъ, мнѣ никогда этого не выговорить,—подумала она.—Никогда!“

Онъ нервнымъ движеніемъ сталъ ощупывать свои карманы, разыскивая папиросы. Не найдя ничего, онъ опять посмотрѣлъ на нее и улыбнулся.

— Знаешь, мнѣ кажется, что давно уже пора тебѣ броситься мнѣ на шею.

Она встала и подошла къ окну. „Теперь онъ долженъ все понять,—подумала она.—О, теперь онъ все понялъ!“

— Вѣдь при такихъ обстоятельствахъ тебѣ незачѣмъ бояться за свою репутацію?—спросилъ онъ, неувѣренно откашливаясь.—Ты всегда говорила, что репутація существуетъ только въ Копенгагенѣ.

Она не слушала его больше. У нея появилось вдругъ такое чувство, о какомъ ей часто приходилось читать: ей казалось, будто позади нея раскрылась пропасть. Между ними... Да, она стоитъ спиной къ вырытой могилѣ.

— Тебѣ остается только съѣздить къ матери, а вѣдь она женщина благоразумная. А потомъ часъ пойдетъ на упаковку вещей...

Онъ вдругъ замолчалъ. Онъ услыхалъ, что она плачетъ. Ей-Богу, она опустилась на стулъ у окна и горько плакала. Онъ засмѣялся.

Подойдя къ ней, онъ нѣжно обнялъ ее и тихо сказалъ:

— Что же это значитъ? Мы больше не влюблены? Вѣрно?

— Да,—прошептала она и разрыдалась пуще прежняго.

— Ну, полно, отъ этого мы не помремъ,—сказалъ онъ, нѣжно прижимая ее къ себѣ.

Она перестала плакать, она обрадовалась, что все сошло такъ легко, но въ то же время это было ей нѣсколько обидно. О, какъ отрадно прижиматься головой къ его груди! Она съ наслажденіемъ вдыхала въ себя этотъ пріятный, такъ хорошо знакомый ей запахъ.

Онъ опять засмѣялся.

— Ты извини... но право все это напоминаетъ мнѣ комедію, которая называется „Любовь“... Я рѣшаюсь, наконецъ, соединиться на всю жизнь съ дѣвушкой, потому что чувствую, что она отъ меня уходитъ. А она взяла да и ушла!

Онъ началъ играть ея ухомъ, закрывая его и раскрывая.

— Въ сущности, ты никогда не была влюблена въ меня, такъ что въ этомъ отношеніи перемѣна небольшая.

— Пожалуй, что и нѣтъ,—пробормотала она и, какъ бы стыдясь, еще глубже уткнулась лицомъ въ его грудь.

— Да и Хемпеля ты не любишь,—произнесъ онъ рѣзко и съ судорожной улыбкой, и онъ слегка оттолкнулъ ее.—Ты можешь кланяться ему отъ меня и сказать, что этого никогда и не будетъ. Есть на землѣ только одинъ человѣкъ, въ котораго ты способна влюбиться. Это Эва Паульсенъ.

— Неправда!—крикнула она.

— Ну, успокойся, успокойся!—И онъ снова прижалъ ея голову къ себѣ.—Ты можешь этому только радоваться. Зато чувственности у тебя хватитъ на двоихъ.

— Что ты говоришь?—спросила она, дѣлая попытку отстраниться отъ него.

— Нѣтъ, нѣтъ, не двигайся.—Онъ взялъ ее за шею и прижалъ къ себѣ.—Маленькая плутовка! Эти глаза я хорошо знаю.

— Это потому, что я плакала,—сказала она, и она нѣжно потерлась щекой о его грудь.

— Ты настоящее грудное дитя, которому суютъ въ ротъ пустую соску. Стоитъ только подойти къ тебѣ и приласкать, какъ ты перестаешь плакать. Никогда не видалъ я еще такого изнѣженнаго существа, а я, слава Богу, жилъ долго.

Она тихо засмѣялась. Что за вздоръ онъ говоритъ!

Она обняла его обѣими руками и сложила руки у него на спинѣ. Ей было пріятно чувствовать, что она крѣпко держитъ его. Какъ странно, думала она, онъ былъ ея мужемъ, а теперь она разстается съ нимъ.

Онъ молча смотрѣлъ на ея затылокъ, которымъ она тихо двигала взадъ и впередъ. Кровь бросилась ему въ голову.

Онъ наморщилъ свои тонкія брови. Нѣтъ, онъ пришелъ вовсе не для этого! Напротивъ, ему гораздо легче добиться чего-нибудь отъ нея, когда она находится въ такомъ состояніи. Онъ хочетъ чего-нибудь опредѣленнаго и рѣшительнаго!

Онъ провелъ нѣжно рукой по ея лицу.

— Будемъ же благоразумны...

Она поймала губами его руку и въ то же время смотрѣла на него затуманенными глазами. Нѣтъ, теперь ей хорошо, и она не отойдетъ отъ него.

Увидя ея взглядъ, онъ поблѣднѣлъ.

— Такъ вотъ чего она хочетъ!—воскликнулъ онъ въ восторгѣ, отталкивая ее отъ себя и потомъ снова прижимая ее къ своей груди.

Она отскочила отъ него и смотрѣла на него зажмуренными глазами, словно ей въ лицо свѣтило солнце.

— Это еще что?—спросилъ онъ, нахмуривая брови.—Неужели ты думаешь, что безнаказанно можешь обжигать мое сердце твоимъ дыханіемъ?

— Обжигать?

Она отвернулась отъ него, забывъ про его присутствіе. Ее охватила такая же радость, какую она почувствовала, когда сдѣлалась женщиной... тогда она убѣжала отъ всѣхъ людей, бросилась по дорогѣ, съ такимъ чувствомъ, будто бѣжала навстрѣчу чему-то таинственному и прекрасному, для чего стоило жить!

— Повторяю тебѣ еще разъ!—крикнулъ онъ.—Я не могу терять времени... Я долженъ договориться съ тобой до чего-нибудь... Что случилось? Чего ты хочешь?

Она обернулась къ нему все съ тѣмъ же растерянным выраженіемъ на лицѣ. Она сама не сознавала, чего она хочетъ.

— Не уходи,—попросила она тихо.

— У насъ будутъ объясненія?

Она кивнула головой. Ей необходимо было удержать его, чтобы привести свои чувства въ ясность.

— Агнеса Карпъ осталась у тебя вчера вечеромъ?—спросила она тихо.—Она вернулась потомъ?

— Откуда тебѣ это могло прійти въ голову?

Эва вспыхнула и выпрямилась.

— Вчера ты мнѣ сказалъ правду, будто между вами что-то было. И это было за послѣднее время?

— Да, въ самое послѣднее время... былъ одинъ... или два... такихъ маленькихъ несчастныхъ случая.

— Почему ты не оставилъ ея вчера вечеромъ у себя, разъ она этого хотѣла?

Его передернуло.

— Да потому, что она до такой степени дрессирована! Она все время напоминаетъ мнѣ моего друга Тюге. Не знаю женщины противнѣе той, которая всему выучилась и которая никогда не бываетъ естественной.

Эва слушала его съ широко раскрытыми глазами.

Онъ быстро подошелъ къ ней и поцѣловалъ ее.

— Нѣтъ, вотъ ты—другое дѣло! Потому у меня никогда не хватало духу говорить тебѣ что-нибудь... Ты лучше всего такая, какова ты на самомъ дѣлѣ.

— Почему?—спросила она шопотомъ.

Онъ началъ медленно осыпать ее поцѣлуями. Наконецъ, онъ засмѣялся.

— Развѣ я не правъ?—спросилъ онъ, откидывая волосы съ ея лба.—Съ маленькими дѣвочками не надо говорить ни о чемъ. Онѣ сами собой станутъ такими, какими должны быть.

— Но почему же?—спросила она съ волненіемъ, глядя на него.—Почему?

— Это превращеніе дѣлается понемножку, но тѣмъ оно вѣрнѣе.

— Да, но я хочу, чтобы это было сейчасъ же!

При этихъ словахъ на ея лицѣ снова появилось холодное, энергичное выраженіе; она подошла къ двери и заперла ее. . .

. . . . . .

. . . . . .

„О, если буду счастлива теперь,—подумала она,—если я такая же женщина, какъ и всѣ другія, тогда я поѣду съ нимъ! И тогда я буду счастлива!“

V.

Въ тотъ же день въ пять часовъ Хемпель поднимался по лѣстницѣ къ фрёкенъ Паульсенъ. Выходя изъ автомобиля, онъ бросилъ папироску, но черезъ минуту онъ закурилъ новую—иначе ему никакъ не взобраться въ четвертый этажъ.

Онъ позвонилъ такъ тихо, какъ только это было возможно. И сталъ ждать съ любезнымъ выраженіемъ на лицѣ, котораго ему не пришлось перемѣнить, такъ какъ дверь ему отворила сама Эва Паульсенъ.

Однако, онъ все-таки съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. Видъ у нея былъ какой-то утомленный; она была въ темномъ, застегнутомъ доверху костюмѣ для гулянья, даже на шляпѣ у нея не было никакихъ признаковъ жизнерадостнаго настроенія. Неужели она до сихъ поръ еще не могла стряхнуть съ себя непріятнаго впечатлѣнія послѣ вчерашняго вечера?

— Я слышала, какъ подъѣхалъ вашъ автомобиль,—сказала она, быстро пожимая его руку и не глядя ему въ глаза.—А я была уже одѣта.

Онъ долгимъ взглядомъ посмотрѣлъ на дверь, которую она заперла за собой.

— Неужели же вы меня сейчасъ же и выбросите за дверь? Развѣ мнѣ нельзя посмотрѣть, какъ вы живете?

— Нѣтъ, я ненавижу эти комнаты.

И она стала быстро спускаться съ лѣстницы, продолжая думать о комнатахъ и о томъ, что теперь она, дѣйствительно, ненавидитъ ихъ.

Вдругъ она остановилась.

— Мы сдѣлаемъ длинную прогулку, не правда ли?

— Что̀, вы говорите, мы сдѣлаемъ?

— Хорошую прогулку, и въ это время мы поговоримъ.

— Развѣ вы не знаете, что я уже старый человѣкъ, что мнѣ сорокъ лѣтъ?

Съ этими словами онъ взялъ ее подъ руку тѣмъ граціознымъ жестомъ, за которое ему многое позволялось.

— За послѣдніе двадцать лѣтъ я почти совсѣмъ не ходилъ пѣшкомъ. Мы возьмемъ автомобиль. Если вы хотите говорить со мной, то вамъ придется сѣсть въ него.

— Ну, въ такомъ случаѣ поѣдемте,—согласилась она.—Но не туда, гдѣ есть люди.

— Да, пока мы не доѣдемъ до „Феникса“.

— Нѣтъ, я не хочу туда.

— Не хочу, не хочу!—и онъ посмотрѣлъ на нее широко раскрытыми глазами.—Вы написали: „Я весь день дома“, а это означаетъ: распоряжайтесь! А я не могу разговаривать съ людьми, если не сижу за столомъ, да еще лучше всего послѣ хорошаго обѣда.

Она кивнула въ знакъ согласія, и они продолжали спускаться.

Онъ пожалъ слегка плечами. „Крузе былъ у нея,—подумалъ онъ.—Тутъ, должно быть, разрывъ и примиреніе и тому подобное“.

Она замедлила шаги. Не остаться ли ей лучше дома?

Но она сейчасъ же крѣпко прижала къ себѣ муфту. Нѣтъ, она должна поговорить съ нимъ! Она познакомилась съ нимъ только вчера. А между тѣмъ, онъ единственный, съ кѣмъ она можетъ поговорить и отвести свою душу!

Онъ растворилъ передъ ней дверь на улицу.

— О, что за воздухъ, что за погода!—воскликнула она.

— Развѣ вы этого до сихъ поръ не замѣчали?

— Нѣтъ, я проспала почти весь день.

Онъ всталъ у дверцы автомобиля вмѣсто шоффера и подождалъ, пока она вошла.

— Можетъ быть, вы все-таки хотите сперва проѣхаться?

— Да, въ такую погоду нельзя не прокатиться.

— Поѣзжайте на Люнгбювейенъ!—сказалъ онъ, садясь рядомъ съ ней.

Кожа на автомобилѣ сверкала такъ тепло на солнцѣ, была такого пріятнаго зеленаго цвѣта!

— Сегодня настоящій лѣтній день,—сказала она, откидываясь назадъ.—И шины совсѣмъ новыя. Ѣхать такъ пріятно, совсѣмъ не трясетъ.—„И голосъ у него такой удивительно пріятный,—подумала она.—Сейчасъ онъ заговоритъ“.

— Вотъ какъ, теперь все кажется вамъ пріятнымъ,—замѣтилъ онъ.

— Да,—отвѣтила она со смѣхомъ.—И это такъ глупо, что забываешь, когда у тебя нехорошо на душѣ, что настроеніе мѣняется, стоитъ только перемѣнить обстановку.

— И перемѣнить общество,—сказалъ онъ, заглядывая ей въ глаза.

— Что же, разскажите, что вамъ отвѣтилъ директоръ,—перемѣнила она разговоръ.—И кто такой этотъ директоръ? Разскажите все!

— Нѣтъ. Я ничего вамъ не разскажу до тѣхъ поръ, пока не закурю послѣобѣденную сигару. Теперь сидите спокойно и грѣйтесь на солнышкѣ.

Въ Фридриксбергской аллеѣ они повстрѣчали мать и фру Фангель, которыя шли подъ руку.

Всѣ обмѣнялись привѣтствіями. Мать помахала рукой и крикнула:

— Да, да, весна!

Они проѣхали мимо.

— Здѣсь мы, конечно, повстрѣчаемъ всѣхъ,—сказала Эва.—Въ такую погоду никто не сидитъ дома. Нѣтъ, лучше пойдемте куда-нибудь.

Хемпель привсталъ, чтобы не кричать шоферу:

— Поверните. Бредгаде, Фениксъ... Однако, вы капризная,— сказалъ онъ, снова усаживаясь рядомъ съ ней.—Или вы чѣмъ-нибудь очень огорчены. Придется вамъ исповѣдаться.

Она прижалась къ углу.

Ахъ, лишь бы Крузе не отложилъ своего отъѣзда! Конечно, онъ тоже гуляетъ въ такую погоду. Да и всѣ теперь на улицѣ. А онъ-то думаетъ, что она сидитъ дома и размышляетъ, ѣхать съ нимъ или нѣтъ.

— Хотите, мы поѣдемъ другой дорогой?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, вѣдь мы сейчасъ пріѣдемъ,—отвѣтила она съ любезной улыбкой.

Она не хотѣла давать ему лишній поводъ думать, что она капризничаетъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія онъ сказалъ:

— У меня къ вамъ маленькая просьба. Пожалуйста, не откажите.

Она съ тревогой посмотрѣла на него:

— Въ чемъ дѣло?

— Разрѣшите остановиться передъ моимъ табачнымъ магазиномъ. Я вспомнилъ, что безъ своей сигары... я буду чувствовать себя не въ своей тарелкѣ.

Они остановились передъ табачнымъ магазиномъ.

Ей показалось, что онъ какъ-то особенно медлительно вышелъ изъ автомобиля. Боже, до чего равномѣрно онъ шагаетъ по тротуару! И какая у него эффектная фигура... хотя плечи нѣсколько угловаты!

Вотъ онъ остановился... Что это? Вмѣсто того, чтобы войти въ табачный магазинъ, онъ поворачиваетъ и заходитъ въ цвѣточный... „О, Боже, зачѣмъ это, зачѣмъ!—думала Эва.—Я въ тысячу разъ предпочитаю остаться безъ цвѣтовъ, чѣмъ сидѣть тутъ, точно на выставкѣ, и чувствовать, что всѣ таращатъ на меня глаза“.

Она сдѣлала движеніе, чтобы еще глубже спрятаться въ своемъ углу, и вдругъ увидала...

— Нильсъ!—крикнула она.

И она сама удивилась той искренней радости, которая охватила ее, когда она увидѣла своего милаго братишку. Она не могла удержаться отъ улыбки, замѣтивъ, что Нильсъ успѣлъ уже вырасти изъ того костюма, который ему подарили къ Рождеству.

Нильсъ снялъ шляпу, ничѣмъ не проявляя удивленія, и хотѣлъ пройти дальше со своей милой улыбкой на губахъ.

— Нильсъ, мнѣ надо поговорить съ тобой!

— А-а,—сказалъ онъ, подходя къ дверцѣ автомобиля.—Здравствуй. Какъ поживаешь?

— Присядь ко мнѣ сюда на минутку. Я съ Эйнаромъ Хемпелемъ... онъ хочетъ составить мнѣ протекцію къ новому директору и поговорить съ нимъ относительно меня. Ты, вѣрно, уже читалъ въ газетахъ о томъ, что Крузе пришлось совершенно неожиданно отказаться отъ театра? Правда, вѣдь со стороны Крузе очень умно было скрывать это до послѣдней возможности... Да сядь же сюда. Господинъ Хемпель пошелъ въ магазинъ. А мнѣ такъ хочется поговорить съ кѣмъ-нибудь изъ близкихъ.

— Нѣтъ, ужъ я лучше постою здѣсь,—отвѣтилъ Нильсъ.—Кстати, мать ждетъ тебя сегодня вечеромъ.

— Я только что встрѣтила ее съ фру Фангель,—сказала Эва, и лицо у нея приняло серьезное выраженіе.

Посмотрѣвъ на Нильса, она опять улыбнулась.

— Во всякомъ случаѣ, милый мой, тебѣ придется постоять здѣсь, пока мы не отъѣдемъ. Мнѣ какъ-то... у меня такъ тревожно на душѣ. Да, за послѣднія сутки мнѣ пришлось много пережить... изъ-за этой исторіи съ театромъ. Мать не говорила тебѣ, что вчера вечеромъ у Крузе была непріятная компанія?

— Нѣтъ.

Эва улыбнулась.

— Впрочемъ, что могла она замѣтить, разъ она была уже дома часъ спустя, какъ выѣхала!

— Нѣтъ, такъ рано она не возвращалась.

— Не возвращалась?

Братъ и сестра посмотрѣли другъ на друга въ испугѣ.

Нильсъ опустилъ глаза. „Какой я дуракъ!“—подумалъ онъ.

Эва поспѣшила заговорить:

— Господи, съ какими только людьми намъ приходится водить компанію!... Всѣ хороши!

— О, это пустяки,—замѣтилъ Нильсъ.—Вѣдь намъ все равно не приходится выбирать. Мы принадлежимъ къ одному кругу.

— Да, правда,—согласилась Эва, кивнувъ головой.

Съ минуту она смотрѣла на него.

— Подумать,—сказала она задумчиво,—что и ты, Нильсъ, сдѣлаешься писателемъ или вообще какимъ-нибудь художникомъ. Это прямо ужасно! Въ этомъ есть что-то странное... это и слишкомъ мало, и слишкомъ много.

— Люди ужъ родятся такими,—отвѣтилъ Нильсъ.—А кромѣ

того, въ томъ, что они становятся художниками, есть извѣстное преимущество.

Эва горько улыбнулась.

— Да... но это тяжело, когда и мать также... художница.

— Пустяки,—отвѣтилъ опять Нильсъ.—Что же, она имѣетъ право высказывать свое мнѣніе,—подумалъ онъ.—Но она должна была бы знать, что ихъ мать ведетъ себя всегда прилично и съ достоинствомъ.

Въ эту минуту Эва замѣтила, что Хемпель перешелъ уже въ табачный магазинъ.

— Я протелефонирую матери и скажу, приду ли я сегодня вечеромъ,—сказала она.

Она вдругъ посмотрѣла на брата такимъ взглядомъ, будто она разставалась съ нимъ навсегда, и снова обратила вниманіе на то, что онъ выросъ изъ платья.

— Знаешь что, Нильсъ, вѣдь я никогда не дарила тебѣ ничего.

— Такъ что же?

— У меня есть сто кронъ, которыя я могу подарить тебѣ. А ты можешь дѣлать съ ними, что хочешь.

— Спасибо,—отвѣтилъ Нильсъ. — Мать страшно обрадуется этому.

Эва замѣтила, что онъ весь вспыхнулъ отъ радости. И она въ первый разъ поняла, какъ тяжело матери изворачиваться. На душѣ у нея стало тепло.

— Вонъ идетъ твой Крузе,—сказалъ Нильсъ.

— Сюда?—спросила Эва, оглядываясь по сторонамъ.

— Нѣтъ, онъ направляется къ площади.

— Одинъ?

— Нѣтъ... онъ съ этой... какъ ее... съ фрёкенъ Зентой.

Эву слегка передернуло отъ неожиданности. Что же, если онъ уже разгуливаетъ съ другой и чувствуетъ себя хорошо, то и она можетъ считать себя совершенно свободной.

— Зента,—повторила она,—что это за имя?

— Да, такъ ее зовутъ. Она простая конторщица, но она бываетъ у Крузе, потому что у нея есть подруга, которая поетъ прямо-таки ужасно. — Нильсъ улыбнулся, довольный своимъ остроуміемъ.—Достаточно съ тебя этого?

Эва встала. Ей захотѣлось посмотрѣть на нихъ.

— Да вѣдь это та самая молодая дѣвушка, съ выраженіемъ непоколебимой вѣрности на лицѣ, какъ ее характеризовала мать.

Она оживленно говоритъ ему что-то—это издали видно. Но онъ идетъ нѣсколько позади нея... и не слушаетъ даже ея.

Эва сѣла.

— Вотъ идетъ твой Эйнаръ Хемпель,—сказалъ опять Нильсъ.

Онъ поспѣшилъ еще разъ поблагодарить Эву за подарокъ и сказалъ, что ему хочется поскорѣе прійти домой и порадовать мать. Еще разъ поклонившись, онъ быстро зашагалъ впередъ.

Хемпель, который стоялъ въ сторонѣ съ любезнымъ выраженіемъ на лицѣ, готовясь быть представленнымъ, съ облегченіемъ вздохнулъ и сѣлъ рядомъ съ Эвой.

— Такъ, значитъ, въ Фениксъ!—сказалъ онъ.

Онъ усѣлся поудобнѣе, продолжая держать букетъ въ рукахъ, и прибавилъ:

— Теперь на душѣ у меня миръ и покой.

— Да,—сказала Эва. Этотъ покой и она почувствовала сейчасъ же, какъ только онъ очутился рядомъ съ ней... Что это за милый и деликатный человѣкъ! Вотъ, напримѣръ, онъ сидитъ съ большимъ букетомъ цвѣтовъ, завернутымъ въ шелковистую бумагу... потому что... ну, да, потому что въ такой охапкѣ цвѣтовъ есть что-то компрометирующее для молодой дѣвушки.

Когда Эва замѣтила, что они уже на площади и скоро пріѣдутъ, она отвернула голову, чтобы сосредоточиться и выяснить себѣ, чего она, собственно, хочетъ. Да, она скажетъ ему, что теперь ея завѣтное желаніе можетъ быть исполнено, что она можетъ поѣхать за границу учиться пѣнію. Но съ Крузе! Не остаться ли ей лучше здѣсь, такъ какъ Крузе имѣетъ на нее какое-то особенное вліяніе... да, она такъ прямо и скажетъ, что она не можетъ противостоять ему, уступаетъ, а потомъ чувствуетъ себя несчастной, чувствуетъ, что она никуда не годится... Нѣтъ, нѣтъ, у нея никогда не хватитъ духу выговорить это! Но... Ахъ, они уже пріѣхали!

Эвѣ было очень непріятно входить въ большой ресторанъ. Но тамъ было очень мало посѣтителей, и вскорѣ ей стало казаться, что въ залѣ нѣтъ никого, кромѣ нихъ двоихъ и ихъ стола, усѣяннаго его розами.

Однако, вначалѣ она всетаки чувствовала нѣкоторое смущеніе и сидѣла прямо и неподвижно, пока вдругъ не сдѣлала открытія, что ресторанъ вовсе ужъ не такое мѣсто, гдѣ приходится выходить изъ себя отъ нетерпѣнія въ ожиданіи кушаній, доводя несчастныхъ кельнеровъ до послѣдней степени нервности. Такъ бывало раза два, когда она посѣщала ресторанъ въ обществѣ Крузе. Здѣсь же всѣ говорили тихо и дружелюбно, такъ что не-

вольно являлось такое чувство, будто сейчасъ подадутъ все самое лучшее, что только есть въ ресторанѣ. Эва откинулась на спинку кресла и наслаждалась. „О,—подумала она,—все-таки жизнь даетъ мнѣ гораздо больше, чѣмъ многимъ другимъ. Все будетъ еще моимъ".

— Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы вы разсказали мнѣ о вашихъ путешествіяхъ,—сказала она, мѣшая ложкой супъ.—Я никогда еще не путешествовала, но я непремѣнно хочу посмотрѣть широкій свѣтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ онъ, посмотрѣвъ на нее.

Она даже не спросила, почему онъ такъ обрадовался этому. Она еще разъ попросила его разсказать и стала медленно попивать изъ рюмки вино.

— Что же разсказывать о путешествіяхъ? Путешествія для него настоящее мученіе,—сказалъ онъ.—Въ особенности ему противны гостиницы. Онъ не можетъ примириться съ необходимостью ложиться въ постель, въ которой только что лежалъ кто-нибудь другой... Отчасти по этой же причинѣ онъ боится самыхъ красивыхъ женщинъ...

Она засмѣялась. И вдругъ она заговорила тономъ, который—она сама это чувствовала—появился у нея оттого, что она выпила немного вина: она сказала, что онъ не долженъ думать, что можетъ говорить ей что-нибудь неприличное только потому, что она любила Крузе, да и теперь еще любитъ, конечно... да и всегда... будетъ любить.

— Любите Крузе,—повторилъ онъ, съ испугомъ глядя на нее.—Ужъ не хотите ли вы разсказать всю свою біографію?

— Да.

— Во всякомъ случаѣ, только не теперь, когда каждую минуту приходятъ мѣнять намъ тарелки. Посмотрите, вотъ пришелъ одинъ старый господинъ, а я терпѣть не могу, когда позади меня кто-нибудь сидитъ.

— Такъ сядьте же возлѣ меня на диванъ.

Онъ пересѣлъ къ ней.

— Крузе,—начала она сейчасъ же,—Крузе говорилъ мнѣ иногда неприличныя вещи, какъ и всѣмъ другимъ, но, говоря что-нибудь подобное, онъ не ухаживалъ за мной. А вотъ вы... вотъ такъ вы смотрите въ глаза, когда говорите что-нибудь рискованное...—и она показала, какъ онъ смотритъ, и засмѣялась.—Правда, у меня глаза не такіе красивые, какъ у васъ, и это не такъ выходитъ. У васъ глаза миндалевидные и препротивные! Они совсѣмъ не идутъ къ вамъ.

— Не смѣю прерывать васъ,—сказалъ онъ тихо, указывая глазами на лакея,—но...

Тогда она заговорила о книгахъ и о музыкѣ, чтобы не терять времени, пока лакей мѣнялъ тарелки. Конечно, о книгахъ Хемпеля и о музыкѣ Хемпеля.

Но какъ только они остались одни, она посмотрѣла на него рѣшительно и заявила:

— Наконецъ-то! Теперь я буду говорить съ вами.

Онъ взялъ ее за руку.

— Вы это нарочно или по разсѣянности? Вѣдь вы глотаете устрицы съ бородой.

— Мнѣ такъ и нельзя поговорить съ вами?—спросила она.— Вы забыли, что я ушла вчера, когда мнѣ стало не по душѣ. Я и теперь уйду, если вы не позволите мнѣ говорить съ вами. Скажите, по крайней мѣрѣ, что рѣшилъ новый директоръ? Кто онъ такой?

— Человѣкъ этотъ—Осборнъ, урожденный Мюллеръ. Да...— Хемпель вынулъ изъ портсигара сигару и сталъ внимательно осматривать и ощупывать ее.—Вышло все не такъ хорошо, какъ я этого ожидалъ.

Она засмѣялась нѣсколько смущенно.

— Въ самомъ дѣлѣ? Представьте себѣ, въ настоящую минуту мнѣ это почти безразлично.

— Я могъ добиться только того, что за вами останется то же жалованье, которое вы до сихъ поръ получали.

— А роли?—спросила она,—пристально глядя на него.

— Да этотъ дуракъ не вѣритъ въ васъ, какъ я его ни убѣждалъ... Подобные люди вѣчно твердятъ о вкусахъ публики, но на дѣлѣ они сообразуются только со своей собственной глупостью.

— Давайте, выпьемте за то, что все это пустяки,—сказала она, протягивая ему его рюмку.

Онъ разсѣянно взялъ рюмку и заговорилъ, продолжая ходъ своихъ мыслей:

— Лучше было бы вамъ куда-нибудь уѣхать, чтобы хорошенько позаняться. Изъ вашего голоса можно многое сдѣлать. Я слушалъ васъ внимательно.

— Вотъ это думаетъ и Крузе также,—сказала она, отставляя отъ себя рюмку.

Онъ бросилъ на нее испытующій взглядъ.

— Уѣзжайте въ Лондонъ! Тамъ я могу быть вамъ полезенъ.

Она склонила голову, улыбнулась и начала нервно собирать

со стола розы. Неужели онъ дѣйствительно предложилъ ей поѣхать съ нимъ? О, съ какой радостью, съ какимъ восторгомъ она поѣхала бы съ нимъ! Вѣдь она любитъ его!

— Вы обдумываете это?—спросилъ онъ.

— Да.—Она смяла въ рукѣ цвѣты и беззвучно шептала про себя:—Нѣтъ, я не поѣду. Потому что я влюблена въ тебя. А разъ я влюблена въ тебя, то я не хочу, чтобы ты испыталъ разочарованіе.

— Ваше долгое раздумье не очень-то лестно для меня.

Она быстро взглянула на него.

— Нѣтъ, оно лестно! Я скажу вамъ истинную правду. Оно только... только унизительно для меня.

„До чего она мила со своей безконечной серьезностью!“—подумалъ онъ. Онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы сѣсть ближе къ ней, но потомъ вспомнилъ стараго господина и только опустилъ руку на диванъ и дотронулся до ея платья.

„А что, если...—со вздохомъ подумала она,—что, если я брошу безполезную борьбу?“

— Я могъ бы быть вамъ очень полезенъ,—прошепталъ онъ.—Я былъ бы такъ счастливъ!

„Счастливъ,—подумала она, подбирая свое платье.—Что въ этомъ, вѣдь я-то все равно не могу быть счастлива“.

Онъ сдѣлалъ знакъ лакею, и тотъ подошелъ съ бутылкой вина. Онъ взялъ отъ него всю корзинку, чтобы тотъ не подходилъ больше.

— Какъ я былъ бы счастливъ,—прошепталъ онъ опять.

Она съежилась въ углу дивана. Но не сводила съ него широко раскрытыхъ глазъ, и въ нихъ появилось выраженіе непреклонной рѣшимости.

— Вы знаете, на что я не способна?

Онъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, но ничего не сказалъ и только подумалъ: „Что это у нея за трагическое лицо!“

— Я не могу любить,—прошептала она, опуская глаза.—Нѣтъ, могу... но недостаточно... не до самозабвенія. Я прихожу только въ глубокое отчаяніе...

Онъ улыбнулся. Его охватило чувство такой же глубокой нѣжности, какъ наканунѣ вечеромъ, когда у него мелькнуло предположеніе, что, можетъ быть, она не принадлежала Крузе. И онъ во второй разъ улыбнулся при мысли о томъ, что онъ долженъ овладѣть собой и отнестись къ ея словамъ трагически, тогда какъ они только обрадовали его.

„Онъ смѣется надо мной,—подумала она, выпрямляясь.—Онъ

сидитъ себѣ и улыбается съ отвратительнымъ видомъ опытнаго мужчины!“

Онъ налилъ вина въ рюмки и сказалъ съ какимъ-то таинственнымъ видомъ, что такова большая часть молодыхъ женщинъ. И скоро это станетъ иначе. Вѣдь, какъ извѣстно, существуютъ девяносто девять способовъ сдѣлать счастливой свою возлюбленную. Но это такъ мило, это такъ пріятно слышать.

Она откашлянулась и хотѣла крикнуть ему въ лицо: что это? Ужъ не хочетъ ли онъ производить эксперименты надъ ней? Вѣдь она сказала это только для того, чтобы на всю жизнь отдѣлаться отъ мужчинъ.

Но она ничего не сказала и продолжала сидѣть молча. Она старалась подавить рыданія. Разъ это ни къ чему не повело, то глупо было бы теперь говорить что-нибудь, совсѣмъ глупо!

— Что случилось?—спросилъ онъ робко, беря ея руку.—Неужели же вамъ такъ трудно рѣшиться?

Она попыталась отнять у него руку. Нѣтъ, этого нельзя, вѣдь въ ней загорѣлась кровь уже только оттого, что онъ дотронулся до ея платья.

Онъ позволилъ ей отнять руку, но потомъ еще крѣпче схватилъ ее и уже не выпускалъ больше.

— Вѣдь мы стали друзьями съ перваго взгляда,—сказалъ онъ тихо.

Друзьями. Вотъ она и надѣялась, что это будетъ такъ.

— У меня есть къ вамъ просьба,—прошептала она, и ея глаза вдругъ наполнились слезами.—Можно мнѣ не возвращаться теперь домой?—И въ эту минуту ей представилось такъ ясно, что она сидитъ одна у фру Боргесенъ или у матери въ обществѣ ея подругъ. О, избави Богъ очутиться теперь одной дома, чтобы снова отдаться мучительнымъ мыслямъ о томъ, что она не можетъ отдѣлаться отъ Крузе.

— А, можетъ быть, мы могли бы проѣхаться немного?—прибавила она быстро.—Право, не знаю, что со мной? Я устала, мною овладѣло какое-то равнодушіе... Я думаю, это отъ вина.

— Въ такомъ случаѣ поѣшьте,—сказалъ онъ, оглядываясь, чтобы позвать лакея.—Знаете, что такое влюбленность?—спросилъ онъ вдругъ съ улыбкой.—Это мы съ вами почувствовали сейчасъ же съ перваго раза.

„Да, но что, если я скажу ему, что я еще сегодня принадлежала другому?—промелькнуло у нея въ головѣ.—Это былъ бы хорошій выходъ. Тогда онъ не захотѣлъ бы меня!“

— Вы и я можемъ быть увѣрены другъ въ другѣ!—сказалъ

онъ, выпуская ея руку изъ своей, такъ какъ въ эту минуту къ нимъ подошелъ лакей.

— Ахъ, нѣтъ, держите мою руку, а то мнѣ холодно,—прошептала она невольно.

Она широко раскрыла свои глаза, удивляясь своей интонаціи.

Такъ, значитъ, это безнадежно стараться быть другой, итти наперекоръ своей натурѣ! Хорошо, въ такомъ случаѣ она останется сама собой. Зачѣмъ бороться?

Она тихо улыбнулась, взяла вилку и ножъ и начала ѣсть.

VI.

— Вѣдь прошло два цѣлыхъ года! Два года съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись въ послѣдній разъ! — крикнулъ Крузе. Онъ стоялъ въ узкомъ корридорѣ гостиницы рядомъ съ парой дамскихъ башмаковъ и ласково улыбался запертой двери.—Напрасно ты будешь притворяться, что спишь!

Отвѣта все не было.

Онъ стучалъ уже нѣсколько разъ, а теперь онъ сталъ колотить въ дверь изо всѣхъ силъ.

— Эва!... Да Эва же, скоро одиннадцать часовъ!

Онъ приложилъ ухо къ двери. Слава Богу, раздался легкій стукъ туфель на высокихъ каблукахъ по тонкому ковру.

— Отлично!—сказалъ онъ, отнимая свою маленькую энергичную головку отъ двери.

Однако, дверь передъ нимъ продолжала оставаться такой же плоской и глупой.

— Ну, теперь она будетъ зря тратить время на то, чтобы одѣваться... Здѣсь настоящая парижская грязь!—сказалъ онъ брезгливо, переступая ногами.—Я даже брюки завернулъ, но эта грязь все-таки даетъ себя чувствовать.

— Эва!—крикнулъ онъ опять.—Это Крузе! Мнѣ необходимо поговорить съ тобой!

Наконецъ-то раздался знакомый голосъ, который защебеталъ:

— Ахъ, это Крузе! Боже, какъ это пріятно!

Голосъ приблизился къ двери и продолжалъ:

— А я спросонья ничего не понимала и думала, что слышу все это во снѣ. Ахъ, какъ пріятно! Когда ты пріѣхалъ въ Парижъ?

— Да отвори же!

— Я не одѣта. Я только что вскочила съ постели.

— Да не все ли равно! Каждый изъ насъ останется при своемъ полѣ.

По другую сторону двери раздался легкій смѣхъ, а потомъ опять послышался голосъ:

— Ты знаешь „Извозчичій кабачокъ“? Такъ вотъ мы встрѣтимся тамъ черезъ часъ.

— Эва! Развѣ ты не знаешь, что парижане находятъ неприличнымъ, когда дамы заставляютъ красиваго мужчину стоять за дверью... Отвори же скорѣе!

— Я поскорѣе одѣнусь.

— Господи, да на что же это похоже! Вѣдь я влюбленъ уже въ другую! Я до зарѣзу влюбленъ въ другую!

Тогда только щелкнулъ замокъ, и дверь отворилась.

Крузе прихватилъ заодно башмаки, которые все время такъ скромно и одиноко стояли рядомъ съ нимъ у запертой двери, быстро вошелъ и заперъ за собой дверь.

Только теперь онъ посмотрѣлъ на нее. Румяная, веселая и спокойная, стояла она передъ нимъ въ ночной рубашкѣ.

— Это поразительно,—пробормоталъ онъ, съ удивленіемъ и восхищеніемъ глядя на нее.

— Но ты совсѣмъ непохожа больше на молодую дѣвушку!— сказалъ онъ съ огорченіемъ, ставя башмаки на полъ.—Куда дѣвалась твоя милая, виноватая улыбка?

Она не отрывала отъ него глазъ. Какъ странно ей было снова увидаться съ нимъ теперь, когда между ними остались только дружескія отношенія. Не отворачиваясь отъ него, она протянула руки назадъ къ платяному шкафу, чтобы достать что-нибудь и накинуть на себя.

— Но когда же вы пріѣхали... извини, я буду говорить „вы“ даже и тогда, когда мы наединѣ, чтобы привыкнуть къ этому.

— Какъ хочешь,—отвѣтилъ онъ, помогая ей накинуть пеньюаръ.—Господи, это все тотъ же милый розовый пеньюаръ? Такъ онъ еще живъ?

— Когда вы пріѣхали въ Парижъ?

— Около недѣли тому назадъ.

— Такъ давно! А когда вы, наконецъ, рѣшили посѣтить меня, то вы врываетесь ко мнѣ, словно моей жизни угрожаетъ опасность! Впрочемъ, другого отъ васъ и ожидать нельзя. Или у васъ есть ко мнѣ какое-нибудь дѣло?

— Нѣтъ, я не хочу отъ васъ ничего опредѣленнаго... Значитъ, ты живешь на углу Rue de Geine и Boulevard St. Germain.

Онъ осмотрѣлся кругомъ въ большой полутемной комнатѣ и сморщилъ носъ.

— Нѣтъ, я вижу по всему, что у васъ есть ко мнѣ какое-то опредѣленное дѣло,—сказала она.—Садитесь же!

— Садитесь! Тутъ такъ все отвратительно, что и садиться не хочется. И зачѣмъ ты живешь въ такой... выражаясь деликатно... въ такой гостиницѣ?

— Ахъ, здѣсь такъ много солнца.—Она растворила настежь двери балкона.—Вотъ, monsieur, посмотрите, сколько свѣта ворвалось въ комнату! И прислушайтесь къ этому „шуму юга“. Неправда ли, хорошо?

Не слушая ее, онъ со страхомъ посмотрѣлъ на свои свѣтлыя брюки и на цыпочкахъ подошелъ къ постели.—Одна постель только вполнѣ чистая въ этой комнатѣ!—И, слегка подпрыгнувъ, онъ усѣлся на краю высокой кровати.—О, узнаю тебя, прекрасная Франція! Да, кстати, здѣсь должно быть очень дешево жить,—прибавилъ онъ съ содроганіемъ.—Надѣюсь, мой другъ Эйнаръ Хемпель не потерялъ еще голоса?

— Ахъ, что за вздоръ, — засмѣялась она. — Меня содержитъ мать. Она говоритъ, что нехорошо, когда къ любви примѣшиваются денежныя дѣла: это портитъ все. Но я этого не понимаю...

Она вдругъ замолчала. Господи, да вѣдь онъ совсѣмъ не слушаетъ ее! Да, онъ дѣйствительно ни капельки не влюбленъ больше въ нее! Но что съ нимъ?

Онъ въ задумчивости перебиралъ ея кольца, лежавшія на ночномъ столикѣ.

— А, значитъ Хемпелю разрѣшается поставлять тебѣ только брилліанты и жемчугъ?

„Почему онъ опять заговорилъ объ этомъ?—подумала она.—Ужъ не хочетъ ли онъ попросить въ долгъ? Вѣдь, говорятъ, что онъ долженъ всѣмъ кругомъ“.

Она подошла къ нему поближе и остановилась въ нѣкоторомъ смущеніи.

— Иди, иди ко мнѣ!—сказалъ онъ, протягивая къ ней руки.—Мнѣ хочется спросить тебя кое о чемъ.

Она довѣрчиво вложила свою руку въ его и стала обдумывать, что она скажетъ Хемпелю, чтобы заставить его помочь Крузе.

— Эва! Скажи, была ли ты счастлива эти два года, милая моя?

— Ты только это и хочешь знать? Извини, я опять говорю тебѣ „ты“, но это отъ радости. Да, я самая счастливая женщина въ мірѣ!

Она отняла отъ него свою руку и отошла на нѣсколько шаговъ.

— Я одна изъ счастливѣйшихъ среди милліоновъ женщинъ! Да, это такъ! Кромѣ того, ты, вѣроятно, слышалъ, что и съ пѣніемъ у меня дѣло идетъ очень хорошо? Само собой разумѣется, ты обѣжалъ уже всѣхъ скандинавцевъ, которыми кишитъ Парижъ весною. Мать, Зента Юль...

— Да, Зента...

— Она не разсказывала тебѣ, что мое пѣніе теперь чего-нибудь да стоитъ?

— Да. — Въ маленькихъ сентиментальныхъ глазахъ Крузе сверкнулъ огонекъ.—Не правда ли, ты увѣровала теперь въ старую истину, утверждающую, что трудъ лучше всего?

— Нѣтъ.

— Вздоръ!—Крузе спрыгнулъ съ кровати.—Вотъ именно тыто и должна смотрѣть на то, другое, только какъ на развлеченіе! Такая у тебя натура. У тебя натура благоразумнаго мужчины.

— Нѣтъ, теперь ты иди ко мнѣ!—сказала она съ улыбкой, протягивая къ нему руки съ тѣмъ же жестомъ, съ какимъ онъ только что протягивалъ свои руки къ ней.— Мнѣ надо сказать тебѣ кое-что!

Она притянула его къ раскрытой двери на балконъ и указала ему на балконъ на противоположной сторонѣ улицы. Тамъ стояла молодая парочка, которая нѣжно цѣловалась.

— Посмотри на нихъ. Каждое утро въ половинѣ одиннадцатаго они начинаютъ съ того, что завтракаютъ на балконѣ, и тутъ они принимаютъ твердое рѣшеніе, что сегодня... сегодня они будутъ вести себя благоразумно. А въ одиннадцать часовъ дѣло обстоитъ уже такъ, какъ ты это самъ видишь.

— Недурно!—замѣтилъ Крузе.—Она очаровательна.

Эва сдѣлала широкій жестъ рукой, какъ бы привѣтствуя ихъ, и сказала:

— Это Парижъ!

— Ну, то же самое происходитъ и въ другихъ мѣстахъ.

— Но тутъ этимъ насыщенъ весь воздухъ! Повсюду видишь это. И вотъ я хотѣла только сказать, что неудивительно, если это доставляетъ мнѣ радость. Это доставляетъ мнѣ гораздо большее удовольствіе, чѣмъ музыка! Для меня это... источникъ вѣчной жизни. Мнѣ даже пріятно видѣть, когда мужчины приглашаютъ на улицахъ дѣвушекъ. Я прямо-таки огорчена за нихъ, когда онѣ напрасно бродятъ всю ночь... А на эту парочку я любуюсь каждый день. Иногда я въ восторгѣ отбѣгаю въ комнату, сжимаю кулаки и раскрываю свои объятія...

Говоря это, она отбѣжала въ комнату и показала, какъ она раскрываетъ объятія.

— И я говорю самой себѣ: въ этой жизни я принимаю живое участіе. У меня есть человѣкъ, который дѣлаетъ меня счастливой!

Она улыбнулась нѣсколько смущенно и поправила шпильку въ волосахъ.

Крузе опустился на стулъ возлѣ балкона и проворчалъ:

— Смотри, не сглазь!

— Я понимаю даже Зенту,—сказала Эва, садясь противъ него.— Вѣдь ты знаешь ея исторію?

— Нѣтъ.—Крузе опустилъ глаза.—И знать не хочу.

— Я тебѣ разскажу. Она была деревенской учительницей. За милю отъ нея жила другая семнадцатилѣтняя дѣвушка, такая же одинокая... Грета...—Эва насмѣшливо улыбнулась,—съ соловьинымъ голосомъ... Однажды ночью Зента проснулась и увидала, что кто-то пробирается къ ней въ окно. Это была Грета. Она прошла пѣшкомъ цѣлую милю по замерзшей проселочной дорогѣ, чтобы хоть недолго побыть со своей подругой. Чтобы согрѣться, она скользнула въ постель къ Зентѣ, и онѣ долго лежали и шопотомъ разговаривали другъ съ другомъ. Слѣдующую ночь Зента побѣжала къ Гретѣ. Вообще, съ тѣхъ поръ всегда Зента бѣгала къ Гретѣ, потому что она здоровѣе своей подруги. Часто случалось, что, разговаривая другъ съ другомъ, онѣ засыпали, прильнувъ одна къ другой...

— И прекрасно,—прервалъ ее Крузе, какъ бы просыпаясь отъ своихъ мыслей,—но мнѣ все это не нравится.

— И вотъ эта любовь продолжается уже почти восемь лѣтъ. И обѣ онѣ увѣряютъ, что ни одинъ мужчина не способенъ подавить въ нихъ это чувство. Въ этомъ есть что-то красивое.

Крузе вынулъ изъ кармана носовой платокъ и сталъ смахивать пыль съ лацкана своей куртки. На лицѣ его появилось выраженіе рѣшимости.

Онъ быстрымъ движеніемъ спряталъ носовой платокъ и посмотрѣлъ Эвѣ прямо въ лицо.

— Знаешь, это въ высшей степени странно, что такая женщина, какъ ты, въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ оставалась вѣрной такому человѣку, какъ Августъ.

— Да, только Августъ...—отвѣтила она съ улыбкой, откидываясь на спинку стула.

— И онъ не измѣняетъ тебѣ... какъ я?

— Измѣняетъ.

— Да?

— Само собой разумѣется, онъ измѣняетъ мнѣ. Таковы всѣ мужчины изъ той категоріи, къ которой принадлежитъ онъ. Впрочемъ, дѣлаетъ онъ это не такъ, какъ другіе... не передъ самымъ моимъ носомъ... съ какимъ-нибудь ничтожествомъ... Только, когда онъ въ Лондонѣ, а я въ Парижѣ...

— Да, да. Это меня не интересуетъ.—Крузе всталъ съ недовольнымъ видомъ.—Во всякомъ случаѣ, я желалъ бы тебѣ человѣка, который отнюдь не былъ бы двойникомъ твоего Августа или твоего, блаженной памяти, Вильгельма. Да, молодая женщина должна имѣть человѣка, который твердо и опредѣленно сказалъ бы ей: я люблю тебя. Я хочу жить и умереть для тебя, и тому подобное.

Эва засмѣялась и задумчиво посмотрѣла на свою голую ногу въ шелковой туфлѣ.

— О, ты навѣрное кое-что слышалъ! Слышалъ о моемъ толстомъ другѣ директорѣ. Ты видѣлъ его?

— Нѣтъ, я говорю теперь совершенно серьезно.

Крузе подошелъ къ ней.

— Дорогая Эва,—сказалъ онъ, нѣжно проводя рукой по ея щекѣ,—по правдѣ говоря, я не ожидалъ найти тебя такой... со свѣжимъ румянцемъ на щекахъ... Я думалъ, что ты уже совсѣмъ увяла.

Помолчавъ съ минуту, онъ тихо прибавилъ, и въ голосѣ его послышались злыя нотки:

— Да, я ожидалъ найти тебя увядшей... увядшей, благодаря всей вашей извращенности! Это ужасно, это досадно... Я сказалъ бы это и самому Августу въ лицо. Блѣднѣй, блѣднѣй и злись на меня—я всегда буду говорить это!

— Я и не думаю блѣднѣть,—отвѣтила она, спокойно глядя на него.—Я могу посмотрѣть тебѣ прямо въ глаза и сказать, что все, чѣмъ мой возлюбленный можетъ доставить мнѣ счастье, представляется мнѣ естественнымъ.

Она слегка улыбнулась.

— Итакъ, будь спокоенъ за румянецъ на моихъ щекахъ... Но я зла на тебя, это правда.—Она встала и со смѣхомъ потрясла его за плечо.—Кто просилъ тебя приходить сюда съ проповѣдями? Это совсѣмъ непохоже на тебя. Потому-то тебѣ и не удалась твоя миссія.

— Кто-то подошелъ къ двери,—прошепталъ онъ, быстро поворачиваясь.—Да, стучатъ.

— И пусть стучатъ!... Скажи, ужъ не просилъ ли тебя толстый директоръ поговорить со мной?

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY

— Все еще стучатъ,—сказалъ онъ, прислушиваясь.—Спроси, кто это. Я думаю, что это Зента.

Эва стала вдругъ серьезной.

— Ужъ не Зента ли подослала тебя сюда? Вѣдь она терпѣть не можетъ Августа. Впрочемъ, нѣтъ, это на Зенту непохоже.

— Да... то-есть...—Крузе какъ-то весь съежился и быстро прибавилъ:—Она говорила, что хочетъ прійти къ тебѣ... А я долженъ былъ подготовить тебя.

— Къ чему? Ужъ не случилось ли чего-нибудь съ Августомъ?

— Пусть она сама тебѣ разскажетъ.

— Да говори же! Не случилось ли чего-нибудь съ Августомъ?

Снова раздался стукъ въ дверь и послышался взволнованный голосъ:

— Эва, открой, это я, Зента,—ея голосъ былъ неузнаваемъ, она говорила хрипло и отрывисто.

Эва съ испугомъ посмотрѣла на Крузе.

— Ты слышалъ ея голосъ?... Значитъ, случилось что-нибудь съ Гретой... Слышно, что она плакала!

— Эва, отвори,—сказалъ Крузе.—Вѣдь это Зента. . .

— Нѣтъ.—Эва удержала Крузе.—Я не могу впустить ее, вѣдь я полуголая.

— Ты все такая же жеманница. Такъ лягъ въ постель,—прошепталъ Крузе, освобождаясь отъ нея.—Нельзя же заставлять ее дольше ждать.—И онъ направился къ двери.

Эва сбросила съ себя пеньюаръ и туфли и прыгнула въ постель. „Какъ взволновался Крузе!—подумала она.—И все это изъза Зенты. Неужели же мужчина можетъ влюбиться въ Зенту?“

Она едва успѣла натянуть на себя одѣяло, какъ въ комнату почти вбѣжала Зента. У нея была все та же прелестная фигура, которая еще больше выдѣлялась въ элегантномъ свѣтло-сѣромъ костюмѣ. Она совсѣмъ не измѣнилась.

Холодно поздоровавшись съ Эвой и Крузе, она сказала Эвѣ съ дѣланной улыбкой:

— Извини, что я помѣшала тебѣ такъ не во́-время.

„Что съ ней?—подумала Эва, сидя въ постели и устремляя на вошедшую удивленный взоръ.—Что у нея за лицо! Она взволнована и держитъ себя принужденно. Но лицо у нея все такое же красивое и оживленное, несмотря на выдающіяся скулы. Да, она плакала! Отъ нея вѣетъ холодомъ“.

— Пожалуйста, садитесь,—сказалъ Крузе.

„Боже, какой у него нѣжный голосъ“,—подумала Эва, опуская глаза. Онъ сказалъ эти обыкновенныя слова такъ тепло и ласково,

что она вспомнила былыя времена... и при этомъ сердце ея какъ-то болѣзненно и глупо сжалось. Подумать только, что онъ влюбленъ въ Зенту!

Она оторвалась отъ своихъ мыслей и снова посмотрѣла на Зенту. Да, у этой несчастной такое выраженіе на лицѣ, словно Грета, по крайней мѣрѣ, лишила себя жизни.

— Зента,—сказала она ласково,—что случилось?

Зента повернулась къ ней. Но вмѣсто того, чтобы отвѣтить, она бросилась на колѣни передъ маленькимъ соломеннымъ столикомъ, положила на него голову и разрыдалась:

— Зачѣмъ заставили вы меня стоять у дверей! Зачѣмъ вы такъ долго заставили меня ждать!

Эва выскочила изъ постели и, какъ была, босикомъ, опустилась на колѣни рядомъ съ ней.

— Да не плачь же такъ, милая Зента!

— Не плачь!—Зента подняла голову и устремила на Эву насмѣшливый взглядъ.—Я не пролила ни одной слезинки ни ночью, ни теперь.

Эва посмотрѣла на нее. Сухіе глаза, да еще послѣ такихъ рыданій!... и выраженіе лица совсѣмъ не такое, какое обыкновенно бываетъ у нея. Эва въ ужасѣ повернулась къ Крузе и прошептала:

— Куда дѣвалась Грета?

— О, вся эта недостойная исторія не вызоветъ у меня ни единой слезинки,—продолжала Зента.—Но я пришла въ нервное состояніе только оттого, что вы заставили меня стоять въ коридорѣ, когда знали, какъ мнѣ тяжело.—И съ этими словами она встала, и на лицѣ ея появилось гнѣвное выраженіе.

— Послушай, Зента,—сказала Эва, также поднимаясь съ колѣнъ.—Я не могла себѣ представить... Къ тому же ты никогда не обращаешь вниманія на такія мелочи...

Зента вдругъ расхохоталась и посмотрѣла на Крузе:

— Ну вотъ, меня можно поздравить съ первымъ истерическимъ припадкомъ!

— Да, пожалуй, это дѣйствительно было нѣчто вродѣ припадка,—отвѣтилъ Крузе, подходя къ балконной двери. Ему стало скучно. Онъ зналъ, что завтра Зента отнесется ко всему съ благоразуміемъ здороваго мужчины. Къ тому же онъ почувствовалъ голодъ.

— Эва, ты, кажется, спросила, какъ все произошло,—сказала вдругъ Зента.—Милая моя, во-первыхъ, произошло все это въ Фонтенебло! Она во что бы то ни стало хотѣла поѣхать въ Фон-

тенебло, чтобы увидать кровать Наполеона. Да, это произошло въ „лѣсахъ Фонтенебло", какъ говорится въ пѣснѣ.

— Крузе, — позвала Эва взволнованно, подходя къ нему. Своимъ взглядомъ она какъ бы спрашивала его, ужъ не сошла ли Зента съ ума.—Теперь я хочу знать все толкомъ.

— Да дѣло въ томъ, что Грета пропадала всю ночь,—отвѣтилъ онъ тихо.—Она знала, что не возвратится, и взяла съ собой саквояжъ, но Зентѣ она ничего не сказала. Однимъ словомъ, она уѣхала съ любовникомъ.

— Господи, и это все!—воскликнула Эва.

— Все!—крикнула Зента. Она сложила руки и заломила ихъ, она дрожала, и ротъ ея скривился въ усмѣшку.—Все... ну развѣ она не очаровательна! Развѣ я не говорила тебѣ, милый Вильгельмъ... я говорила, что она приметъ это именно такъ... и такъ къ этому относятся всѣ въ этомъ проклятомъ кружкѣ! Развѣ я не говорила, что она испорчена въ конецъ! А теперь и Грету постигла та же участь. Вотъ каковы они, эти... эти...

Она изо всѣхъ силъ ударила по глиняной вазѣ, стоявшей на краю стола, и та съ грохотомъ упала на полъ.

— Поганый сбродъ!—крикнула она.

Она замолчала и приложила руку къ груди. Она задыхалась такъ, словно пробѣжала далекое разстояніе и словно собиралась снова заговорить.

Черезъ мгновеніе она обернулась къ Эвѣ и продолжала:

— Это твоя вина! Это вы всѣ виноваты, потому что вы на все смотрите снисходительно! Вы считаете себя въ правѣ обманывать вашихъ женъ, вашихъ любовницъ, вѣдь вы мужчины!...

— Грета,—продолжала она съ тоской,—но вѣдь она смотрѣла на васъ, другихъ, такъ же, какъ я!... Да, вотъ отъ этого-то сердце и разрывается на части.—Она ухватилась обѣими руками за лобъ и начала изо всѣхъ силъ заглаживать волосы со лба на затылокъ, какъ бы стараясь вызвать физическую боль, которая заглушила бы ея душевныя страданія.

— О, если бы она была теперь здѣсь,—прошептала она вдругъ.—Если бы она теперь была здѣсь! Я подъ самый корень обстригла бы ей волосы. Она поняла бы это наказаніе... Жалкое существо... она...

Ея голосъ снова прервался, и она должна была перевести дыханіе. Невѣрными шагами подошла она къ графину и выпила воды, потомъ она опустилась на стулъ и закрыла глаза.

Крузе поднялъ вазу и покачалъ головой.

„Никто не отличается такой строгой нравственностью,—поду-

малъ онъ,—какъ тѣ, у кого она съ большимъ изъяномъ.—Но во всякомъ случаѣ, Зента великолѣпна въ эту минуту!"

Эва надѣла туфли и пенюаръ. Теперь она выскажетъ имъ откровенно свое мнѣніе.

— Простите,—сказала Зента, и ея лицо приняло вдругъ спокойное выраженіе.—Я чуть не лишилась чувствъ отъ злости, да и ты обманулъ меня немножко, Крузе. Ты знаешь, Эва, онъ обѣщалъ разсказать тебѣ все. Ты должна была узнать истину, чтобы соотвѣтствующимъ образомъ держать себя... Вѣдь Грета пропадаетъ съ Эйнаромъ Хемпелемъ вотъ уже цѣлыя сутки.

Воцарилось мучительное молчаніе. Никто не пошевелился даже.

Черезъ минуту Эва сдѣлала маленькое движеніе и сказала:

— А я все-таки повторяю: и это все? Я думала, что Грета, по крайней мѣрѣ, умерла.

— Что Грета умерла,—повторила Зента шопотомъ.

Эва отвернулась отъ нея и, скользнувъ взглядомъ по Крузе, смущенно улыбнулась:

— Да, конечно, это въ нѣкоторомъ родѣ маленькій сюрпризъ.

И она подошла къ балконной двери, чтобы не смотрѣть ни на кого.

Но вдругъ передъ ея глазами встала картина тѣхъ двоихъ „въ лѣсахъ Фонтенебло". И послѣднія два слова неумолчно звучали въ ея ушахъ съ той жалобной интонаціей, съ которой ихъ произнесла Зента.

— Почему повѣрила она этому?—прошептала Зента.—О Гретѣ... Вѣдь не слышала же она что-нибудь отъ него!

Крузе покачалъ головой.

— А я-то думала, что она лишила себя жизни,—сказала Эва, не оборачиваясь, но повышая голосъ, чтобы ее могли слышать, чтобы главнымъ образомъ ее слышала эта аффектированная Зента.—А впрочемъ, мы вѣдь не знаемъ еще ничего. Можетъ быть, она, дѣйствительно, лишила себя жизни.

Она насмѣшливо улыбнулась самой себѣ.

„О, опасности никакой нѣтъ, въ это мгновеніе Грета жива и здорова. И они навѣрное остановились въ той самой гостиницѣ, въ коридорѣ которой такія прекрасныя картины; Августъ такъ гордился ими... Теперь она, навѣрное, сидитъ на одномъ изъ балконовъ, выходящихъ на лѣсъ, и расчесываетъ свои черные волосы. Ахъ, и надо же, чтобы у нея были великолѣпные черные волосы, какъ у Агнесы Карпъ!"

— Да заговорите же со мной такъ, чтобы я хоть что-нибудь

могла понять, — произнесла Зента жалобнымъ тономъ. — Почему она все время говоритъ о томъ, что Грета умерла?

— Повидимому, она думаетъ, что для тебя полезно предполагать самое худшее. Да такъ это и есть.—Съ этими словами Крузе подошелъ къ ней.—Но не забывай также и того, что твой старый другъ помираетъ отъ голода.

— Никто ничего не знаетъ,—продолжала Эва.—Вѣдь они поѣхали въ автомобилѣ; по крайней мѣрѣ, онъ сказалъ мнѣ, что собирается ѣхать въ автомобилѣ... Быть можетъ, оба они лежатъ теперь мертвые гдѣ-нибудь тамъ „въ лѣсахъ Фонтенебло".

При этихъ словахъ Эва замѣтила, что къ ея горлу подступаютъ слезы, и она поспѣшила дать своимъ мыслямъ другое направленіе.

— Ну, что касается пѣнія, то эта кукла совсѣмъ не умѣетъ пѣть. А этого Августу не перенести. Въ концѣ-концовъ, во всей этой исторіи нѣтъ ничего серьезнаго.

Она повернулась къ Крузе и Зентѣ.

— Теперь надо намъ попытаться прійти въ хорошее настроеніе духа,—сказала она съ улыбкой.—И, пожалуйста, уйдите отсюда куда-нибудь, чтобы я имѣла, наконецъ, возможность одѣться.

Зента уставилась на нее. Глаза ея вдругъ наполнилась слезами, но она тоже начала улыбаться при видѣ улыбки Эвы.

— Значитъ, ты хотѣла только попугать меня, чтобы заставить опомниться! Да, но, благодаря этому, благодаря твоимъ разговорамъ о смерти, я пришла въ такое сентиментальное настроеніе, что готова разревѣться.

Она такъ привыкла всегда думать о своемъ туалетѣ, что и теперь, несмотря на свое волненіе, разложила на колѣняхъ носовой платокъ и наклонилась надъ нимъ, чтобы слезы могли падать на него.

— У тебя уже давно засуха,—сказалъ Крузе,—слезы помогутъ тебѣ.

Поплакавъ немного, Зента встала и вытерла носъ.

— Ну, вотъ, теперь я готова.

— Мы отправимся куда-нибудь, гдѣ кормятъ очень хорошо,—сказалъ Крузе, кивая Эвѣ и направляясь къ двери.

— Не сердись на меня,—проговорила Зента, держа руку Эвы въ своей и глядя на нее съ обычнымъ выраженіемъ блестящими отъ слезъ глазами.—У тебя не то, милая Эва,—прошептала она.—Это нѣчто другое, чѣмъ то мимолетное чувство, со вздохами, страстью и тому подобнымъ, что такъ быстро налетаетъ и проходитъ. У насъ, во всякомъ случаѣ, была истинная любовь, это вѣрно!

— Августъ и я думаемъ то же самое, — отвѣтила Эва шопотомъ.—Вотъ почему я не обращаю никакого вниманія на это маленькое приключеніе „въ лѣсахъ Фонтенебло“. Совѣтую и тебѣ отнестись къ этому такъ же.

Зента испытующе посмотрѣла на нее и сказала:

— Нѣтъ, я боюсь.

— Ну, вы начали перешептываться!—воскликнулъ Крузе.—Нѣтъ, каково, онѣ уже перешептываются, какъ лучшія подруги.

— Такъ не забудь: „Извозчичій кабачокъ“. Приходи туда,—прошептала опять Зента.—Я уговорю его, пока мы будемъ спускаться съ лѣстницы. Ты понимаешь, я хочу только туда... До свиданія, Эва,—сказала она громко.—Неужели ты ночью спишь съ папильотками, милая моя?

— Ну, теперь пойдутъ разговоры о туалетѣ,—со вздохомъ произнесъ Крузе.—Ради всего святого, Эва, не провожай насъ до дверей, а то разговорамъ не будетъ конца.

Однако, Эва проводила ихъ даже до коридора. Когда они начали уже спускаться съ лѣстницы, она вдругъ крикнула торжествующимъ тономъ:

— Будь спокойна, милая моя Зента! Я удержу его при себѣ. Вотъ этими десятью пальцами,—и она растопырила свои длинные, тонкіе пальцы, протянувъ руки впередъ.

VII.

„Извозчичій кабачокъ“ оказался очень неудачнымъ во всѣхъ отношеніяхъ мѣстомъ, въ особенности теперь, когда Крузе удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ.

Дышать можно было только снаружи, а тротуаръ былъ узкій, столы качались и стояли очень тѣсно другъ возлѣ друга.

Видъ изъ кабачка открывался на маленькую площадь, на которой стояли дилижансы. По большей части видны были только крупы громадныхъ лошадей, стоявшихъ хвостами къ тротуару кафе.

Зента со свойственной ей находчивостью сказала Крузе:

— Здѣсь, въ сущности, ужасно. Но это начинаетъ казаться только тогда, когда смотришь на все твоими глазами, а смотришь твоими глазами, когда ты тутъ.

Она какъ бы прислушивалась къ своимъ собственнымъ словамъ. Что это, кажется, она снизошла до того, что заискиваетъ передъ нимъ, передъ мужчиной! И она внутренне засмѣялась надъ собой:

„О, милая Зента, ты пришла сюда, потому что надѣешься,

что она будетъ разыскивать тебя здѣсь. До чего ты боишься остаться одна!“

И вслухъ она еще прибавила, обращаясь къ Крузе:

— Да, нельзя сказать, чтобы здѣсь была элегантная обстановка.

Крузе оказался настолько снисходительнымъ, что согласился сѣсть за столъ и даже объявилъ, что все это ерунда, что онъ бывалъ и въ худшихъ мѣстахъ.

— Грета и я, мы смотрѣли на все другими глазами, потому что пришли сюда вскорѣ послѣ того, какъ покинули Данію.— Зента медленно опустилась на стулъ и съ удивленіемъ осмотрѣлась по сторонамъ.—Неужели это было годъ тому назадъ? Да, здѣсь, дѣйствительно, ужасно!

Крузе сохранялъ свое мужество лишь до тѣхъ поръ, пока къ нему не подошелъ гарсонъ. Онъ даже не взглянулъ на него, но на лицѣ его появилась такая гримаса, точно онъ смаковалъ его грязный фракъ.

— Какъ вы можете переносить это,—вздохнулъ онъ.—Такая обстановка всегда напоминаетъ мнѣ мою собственную ужасную бѣдность.

Зента быстро вскинула на него глазами. Лицо его было почти совсѣмъ серьезно.

Въ ея глазахъ мелькнула усмѣшка. Теперь она разскажетъ ему, что у нея есть много денегъ! Господи, какое счастье, когда имѣешь возможность доставить удовольствіе другому!

Но едва она заговорила, какъ она опять впала въ минорный тонъ:

— Ты знаешь, Грета и я, мы были богаты... и вовсе не въ такомъ смыслѣ, въ какомъ ты понимаешь это, что насъ было двое для того, чтобы загонять экономію.

— А въ какомъ же?—спросилъ онъ вѣжливо и равнодушно раскрылъ меню.

— Я вѣдь очень богата,—отвѣтила она, вдругъ оживляясь.— Ужасно богата! Господи, это только артисты и художники способны повѣрить тому, что мы пріѣхали въ Парижъ и живемъ здѣсь... двое взрослыхъ людей... на то жалованье, которое я получаю въ конторѣ! Вѣдь я получила наслѣдство, идіотъ ты этакій!

Онъ быстро вскинулъ на нее глазами:

— Это правда?

— Мнѣ оставила наслѣдство моя крестная мать. Конечно, это правда.

Крузе снова началъ разсматривать меню, и на лицѣ его легла тѣнь.

„И охота ей откровенничать съ человѣкомъ,—подумалъ онъ,—у котораго никогда нѣтъ денегъ!“

— Но что здѣсь за цѣны!—сказалъ онъ громко.—Да, вашъ „Извозчичій кабачокъ“ никогда не видалъ у себя ни одного извозчика... Прямо безсовѣстныя цѣны!

— Сегодня, во всякомъ случаѣ, я угощаю всѣхъ самымъ изысканнымъ завтракомъ,—заявила Зента.

— Что же, сдѣлай одолженіе!

Онъ придвинулъ свой стулъ къ столу и началъ вслухъ читать меню.

„Чортъ возьми,—думалъ онъ,—вѣдь она знаетъ, что я живу на векселя. И должна же она понимать, что я не пропускаю никого, у кого можно перехватить денегъ!“

— Выбирай сама,—сказалъ онъ ей, придвигая къ ней меню.—А я пока посижу и подумаю о другомъ.

— О чемъ?

— Да ни о чемъ.

— Нѣтъ, скажи мнѣ.

— Ну, это ужъ ты виновата... за минуту передъ этимъ я думалъ только о ѣдѣ.

— Такъ скажи же, о чемъ ты думаешь теперь?

— А теперь у меня мелькнула такая мысль: наслѣдство... деньги! Наслѣдство... деньги! Что если Хемпель совсѣмъ не покажется здѣсь сегодня...

Зента, какъ по командѣ, опустила глаза при имени Хемпеля.

— ...дѣло въ томъ, что онъ долженъ дать мнѣ сегодня въ долгъ шестьсотъ кронъ.

Зента медленно подняла на него глаза.

— Неужели тебѣ могло прійти въ голову брать въ долгъ деньги у этого разбойника?

— Что же, я ничего не имѣю противъ Августа, онъ мнѣ нравится.

— Лучше возьми эти деньги у меня. Не могу сказать, чтобы это была большая честь для меня, но...

Крузе отрицательно покачалъ головой, и на лицѣ его появилось печальное, но рѣшительное выраженіе.

— Нѣтъ, ты возьмешь у меня!—сказала она, хватая его за руку.—Ты долженъ знать, что я скрывала это ото всѣхъ, потому что не хочу помогать никому другому, кромѣ матери... и Греты. Ну, помогать матери это мой долгъ... Господи, да пойми же, что ты доставилъ бы мнѣ этимъ удовольствіе...

— Нѣтъ, я всегда говорилъ: любить надо одну женщину, а деньги нужно брать у другой.

Она отбросила его руку.

— Твоя влюбленность въ меня это просто фиглярство!

Онъ растерянно посмотрѣлъ на нее. Да, она, дѣйствительно, грубовата, да и лицо у нея угловатое, съ широкими скулами. Онъ кивнулъ ей и сказалъ коротко:

— Можетъ быть, ты и права.

— Это то же самое, что и съ твоимъ другомъ Хемпелемъ и съ моей „подругой“,—сказала она насмѣшливо.—Вами до такой степени овладѣла жажда чего-нибудь новаго, что вы принялись теперь за насъ. Вамъ во что бы то ни стало хочется завладѣть нами и только потому, что вы для насъ совсѣмъ не существуете. Совсѣмъ не существуете!

Онъ снова кивнулъ головой такъ же беззастѣнчиво:

— Совершенно вѣрно, и очень пріятно, что вы сдѣлали это открытіе.

Ея блестящіе глаза потемнѣли, и въ нихъ появилось презрѣніе.

„О, эти мужчины! Она давно научилась презирать ихъ. Еще тогда, когда ея отецъ, видный офицеръ, воспитывалъ ея крошечныхъ братьевъ. — Мальчику стыдно плакать, — говорилъ онъ.— Мальчику стыдно трусить... Даже Крузе и тотъ не на высотѣ положенія... чортъ возьми, вѣдь онъ же хочетъ этихъ денегъ!“

— Rognons de veau. Это значитъ телячьи почки, — сказалъ Крузе, съ недовольнымъ видомъ снова раскрывая меню.—Намъ надо, наконецъ, что-нибудь поѣсть. Иначе мы все время будемъ ворчать другъ на друга.

— Вонъ идетъ Осборнъ,—бросила Зента вскользь.

Крузе радостно обернулся къ площади и увидалъ вдали нѣсколько тучную фигуру директора.

— Я думаю, онъ тебѣ не очень-то нравится?—спросилъ онъ, съ тревогой взглянувъ на нее.—Онъ очень хорошій человѣкъ, этого отъ него не отнимешь. Но онъ не отличается изяществомъ.

Зента ничего не отвѣтила, она вынула изъ кармана самопишущее перо и чековую книжку, написала на вырванномъ бланкѣ нѣсколько словъ и протянула его Крузе.

— Конечно, это пустяки, часто такіе люди бываютъ лучшими,—продолжалъ Крузе нѣсколько нервно, но онъ все-таки посмотрѣлъ, въ порядкѣ ли чекъ.—Очень часто по внѣшности нѣкоторыхъ людей нельзя себѣ составить представленія о томъ, насколько они испорчены... Спасибо,—бросилъ онъ, какъ бы вспомнивъ, что надо поблагодарить, и небрежно сунулъ чекъ себѣ въ

карманъ, не отрывая глазъ отъ директора, который медленно шелъ черезъ площадь.—Ну, теперь онъ запѣлъ!

До нихъ ясно донеслись слова пѣсни, хотя Осборнъ пѣлъ въ носъ, подражая пѣвцамъ варьетэ:

„Mein Herz ist wie ein Omnibus...“

Зента сдѣлала видъ, будто тоже смотритъ на Осборна, но въ то же время она прошептала съ раздраженіемъ:

— Если бы ты былъ женщиной, то ты сейчасъ понялъ бы, что доставилъ мнѣ удовольствіе! Ты же показалъ мнѣ, что я доставила тебѣ удовольствіе.

— Несмотря на то, что я до мозга костей чувствую себя несчастнымъ изъ-за этого, милая моя Зента.—Съ этими словами Крузе повернулъ ее за плечи и посмотрѣлъ ей въ глаза.—Ты понимаешь, вѣдь это наклонная плоскость... Я не спрашиваю даже, насколько велико наслѣдство... Я слишкомъ хорошо знаю себя.

— Ну, прости меня,—и она крѣпко пожала его руку, хотя директоръ былъ уже въ двухъ шагахъ отъ нихъ.—Противный! Вотъ я уже снова готова разревѣться. Что мнѣ дѣлать?

— Пустяки, вѣдь этотъ толстякъ видитъ только одну Эву... Идите, идите, Осборнъ!—Крузе протянулъ руку директору.—Здравствуйте. Вы знаете самого себя, Осборнъ?

— Я думалъ, что вы спросите меня, знаю ли я фрёкенъ Юль.—И съ этими словами Осборнъ поклонился Зентѣ очень низко, несмотря на свою тучность.—Слава Богу, я знаю фрёкенъ Юль.

Онъ поспѣшилъ отвести глаза отъ ея заплаканнаго лица.

„Она безъ подруги,—подумалъ онъ.—Что случилось?“

Онъ остановился въ смущеніи, напоминая зеленаго юношу; руки его болтались вдоль тѣла, и онъ не зналъ, что ему предпринять.

— Послушайте, Крузе,—произнесъ онъ, наконецъ,—скажите мнѣ честно и откровенно, не сѣсть ли мнѣ лучше за отдѣльный столъ.

Крузе подалъ ему стулъ и отвѣтилъ:

— Мы сидимъ здѣсь и разсуждаемъ о томъ, что не надо слѣдовать старинному правилу, которое преподаетъ: познай самого себя,—потому что правило это никуда не годится. Вѣдь, слѣдуя ему, теряешь аппетитъ по отношенію къ другимъ.

— Да, мнѣ таки-прямо противно смотрѣть на самого себя,—замѣтилъ Осборнъ, печально качая своей красивой головой.

„Неужели же она не придетъ, эта очаровательная Эва“, прибавилъ онъ мысленно.

Крузе придвинулъ меню къ Осборну и подчеркнулъ ногтемъ.

— Rognons de veau. Мы возьмемъ себѣ всѣ трое телячьи почки. Сообщите объ этомъ этимъ грязнымъ лакеямъ. Вы такъ хорошо умѣете смотрѣть мимо людей. Ты подумай, Зента, ему противно смотрѣть на самого себя! Это ему-то, съ его тридцатью годами! Съ его курчавыми волосами, прекрасными глазами, откормленнымъ тѣломъ... да, да, Осборнъ, вы съ перваго же взгляда производите впечатлѣніе откормленнаго юноши.

Осборнъ заказалъ большой завтракъ, не задумываясь и очень тихо. Послѣ этого онъ взялъ карту винъ и хотѣлъ предложить хорошее бордо. Потомъ онъ подумалъ:

„Нѣтъ, для этой дѣвушки, которую такъ любитъ Эва, необходимо сегодня что-нибудь возбуждающее! Эва,—повторилъ онъ про себя, водя пальцемъ по названіямъ винъ.—Господи, только повторять про себя это имя, и это доставляетъ наслажденіе!...“

— Cordon rouge!—сказалъ онъ громко.

Только послѣ этого онъ обернулся къ Крузе:

— Какъ вамъ не стыдно было назвать меня „откормленнымъ юношей“, Крузе! Вѣдь вотъ изъ-за этого-то женщины никогда и не любятъ меня ради меня самого... даже моя жена.

Крузе посмотрѣлъ на него.

— Неужели вы до такой степени недовѣрчивы, Осборнъ? Въ такомъ случаѣ вамъ придется отказаться отъ денегъ, власти и театра, чтобы стать вполнѣ счастливымъ.

— Нѣтъ, лучше я ужъ останусь при всемъ этомъ,—быстро сказалъ Осборнъ, словно онъ боялся, что его сейчасъ ограбятъ.— Въ сущности, пріятнѣе всего самому любить! Не правда ли, фрёкенъ Юль?

— Въ этомъ отношеніи я не компетентна,—отвѣтила Зента.

— Ну, а любить я умѣю,—замѣтилъ съ улыбкой Осборнъ, обнажая рядъ великолѣпныхъ зубовъ.

— Да, я влюбленъ. Да иначе не имѣешь права совать носъ въ Парижъ!

— Она должна скоро прійти сюда, Осборнъ,—замѣтилъ Крузе,—если только вы ждете фрёкенъ Паульсенъ.

— Нѣтъ, меня просто заинтересовали пассажиры, которые садятся въ омнибусъ,—отвѣтилъ Осборнъ.

„Нечего сказать, хорошъ отвѣтъ, влюбленный ты идіотъ“, обругалъ онъ мысленно самого себя.

Но онъ продолжалъ сидѣть спиной къ другимъ, забывъ о ихъ присутствіи. Онъ мечталъ и улыбался... онъ вдругъ пришелъ въ такое же настроеніе, въ какомъ былъ, когда появился въ кафе. И онъ замурлыкалъ:

„Mein Herz ist wie ein Omnibus,
Die Damen sind die Passagiere,
Sie steigen ein, sie steigen aus...“

— Спасибо, спасибо,—сказалъ Крузе,—только для васъ было бы полезнѣе упражняться въ датскомъ языкѣ. Вѣдь вы говорите, какъ ютландецъ съ юга... Поговоримте-ка лучше о вашемъ театрѣ.

При этихъ словахъ Осборнъ сейчасъ же повернулся къ столу. Онъ съ величайшимъ уваженіемъ относился къ Крузе, какъ къ знатоку театральнаго дѣла. Самъ онъ былъ когда-то актеромъ въ маленькомъ варьетэ въ Гамбургѣ, а потомъ подвизался на сценѣ одного изъ загородныхъ копенгагенскихъ театровъ, и ему настолько повезло, что онъ въ концѣ-концовъ сдѣлался директоромъ стараго популярнаго театра Крузе. При замѣчаніи Крузе онъ сейчасъ же насторожилъ уши, готовясь проглотить каждое его слово, и сказалъ:

— Да, да, Крузе, подѣлитесь со мной вашимъ опытомъ, а главное, посвятите меня въ тѣ причины, благодаря которымъ вы провалились. Мнѣ все это пригодится.

— Ну, какой тамъ опытъ!... Вотъ, совѣтую вамъ пригласить Эву Паульсенъ на этотъ же сезонъ.

У Осборна появилось на лицѣ растерянное выраженіе:

— Вы, конечно, правы...

— Но?—быстро продолжалъ Крузе.

— Да, голосъ у нея удивительный. Съ нимъ случилось чудесное превращеніе... въ Копенгагенѣ онъ мнѣ какъ-то не особенно нравился... Но теперь онъ прекрасный.

— Но?... Да говорите же!

— Я какъ разъ рѣшилъ пригласить фрёкенъ Грету Андерсенъ.

Зенту слегка передернуло. Она поспѣшила повернуть свой стулъ такъ, чтобы другіе не видѣли ея лица. О, вчера такое предложеніе было бы для нихъ болѣе, чѣмъ наслѣдствомъ, болѣе всего, на что онѣ только могли разсчитывать!

Крузе въ изумленіи сталъ теребить одинъ усъ и задумался. Ужъ не сошелъ ли съ ума Осборнъ?

— Конечно, дѣло это еще не рѣшено окончательно,—продолжалъ Осборнъ, мелькомъ взглянувъ на Зенту.—А потому лучше вы не говорите этого вашей подругѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—отвѣтила Зента, чувствуя, что она вспыхнула до корней волосъ.

Мысленно она съ досадой спросила себя, почему она пришла въ такое смущеніе. Она перестала понимать себя. Вчера еще она готова была поклясться въ томъ, что ни у кого нѣтъ такого пре-

краснаго голоса, какъ у Греты. А сегодня она удивлялась, что нашелся человѣкъ, которому голосъ Греты нравится.

„Странно все это“, думалъ Крузе. Впрочемъ, онъ не любилъ вмѣшиваться въ дѣла молоденькихъ дѣвушекъ. А въ данномъ случаѣ онъ сознавалъ, что предложеніе Осборна имѣетъ гораздо больше значенія для Греты, чѣмъ для Эвы.

— А, наконецъ-то насъ собираются кормить!—сказалъ Крузе, дѣлая широкій жестъ рукой и какъ бы привѣтствуя лакея.—Осборнъ, распоряжайтесь!

На лицѣ Осборна появилась довольная улыбка, и онъ сказалъ:

— Моя жена всегда говоритъ, что ѣда для меня гораздо важнѣе любви.

Онъ сталъ разставлять на столѣ кушанья и бутылки своими изящными руками. Потомъ онъ розлилъ вино, поднялъ бокалъ и началъ:

— Господа...

— Какъ хорошо, что намъ дали раковины! — сказалъ Крузе, выбирая самую аппетитную для Зенты. — И вы хорошо распорядились, господинъ директоръ... вѣдь здѣсь хорошаго краснаго вина нѣтъ, его отсылаютъ въ Германію... здѣсь же надо пить только шампанское.

Даже Зента, и та заявила, что она голодна, какъ волкъ. И она отпила нѣсколько большихъ глотковъ изъ своего бокала.

Однако, настроеніе снова упало, и разговоръ не клеился.

— Чортъ возьми!—сказалъ Крузе, вертясь во всѣ стороны.— Вы такъ неспокойно сидите, Осборнъ, что у меня во всемъ тѣлѣ появился зудъ!... Неужели же „фру Паульсенъ и Сыновья“ также измѣнятъ намъ?

— И сыновья? — спросила Зента. — Вѣдь у нея только одинъ сынъ.

На лицѣ Осборна появилась смущенная улыбка.

— Да, приходится только пожалѣть дочь, если фру Паульсенъ... дѣйствительно... съ этимъ молодымъ человѣкомъ...

— Напротивъ...—начала Зента.

Но она не договорила и только мысленно закончила свою фразу. Она хотѣла сказать, что здѣсь въ Парижѣ всякое отступленіе отъ нравственности только доставляетъ удовольствіе Эвѣ.

Но что такое нравственность? Она въ первый разъ задала себѣ этотъ вопросъ. „А ты сама?“, подумала она. И она промолчала, а на лицѣ ея появилось еще болѣе строгое выраженіе, чѣмъ обыкновенно.

Крузе, который все время не сводилъ глазъ съ площади, вдругъ заоралъ:

— Еще приборъ!

Осборнъ въ испугѣ вскочилъ съ мѣста.

— Можно подумать, что ты крикнулъ: человѣкъ за бортомъ!— замѣтила Зента.

Крузе засмѣялся.

— Осборнъ, а развѣ вы не чувствуете себя какъ бы смытымъ волной, какъ только появляется фрёкенъ Паульсенъ?

Но Осборнъ не слышалъ его. Вотъ она идетъ по площади своей граціозной походкой... осанка у нея царственная.

— Еще приборъ!—вдругъ крикнулъ онъ.—Еще вина, еще кушанья, еще приборовъ для всѣхъ!

Онъ быстро обернулся къ Крузе и съ улыбкой покачалъ головой.

„Нѣтъ, я уже не въ силахъ больше скрывать этого,—подумалъ онъ.—Съ этимъ ничего не подѣлаешь“.

— Послушайте, Крузе,—сказалъ онъ громко,—ну, есть ли на свѣтѣ что-нибудь прелестнѣе молодой дѣвушки въ бѣломъ платьѣ?

И, не дожидаясь отвѣта, онъ снова обернулся къ залитой солнцемъ площади и устремилъ свой взглядъ на Эву.

— Она идетъ все быстрѣе и быстрѣе по мѣрѣ того, какъ приближается къ намъ,—объявилъ онъ.

Съ этими словами онъ опять посмотрѣлъ на Крузе, и на его лицѣ появилось печальное выраженіе.

— Но... развѣ она одна?

— Да, повидимому,—отвѣтилъ Крузе, отхлебывая изъ бокала.

Дойдя до столиковъ, Эва крикнула:

— Развѣ остальные еще не пришли?

— Да, какъ вамъ это нравится?—съ улыбкой отвѣтилъ Крузе, идя къ ней навстрѣчу.

— Какъ хорошо, что вы-то хоть здѣсь!—сказала она, останавливаясь и переводя дыханіе.

Крузе на мгновеніе остановилъ на ней свой взглядъ, любуясь ея красотой. Она была въ большой бѣлой шляпѣ.

„Господи, да вѣдь она, кажется, плакала! — подумалъ онъ. — Какъ, и ты плакала, милое мужественное созданіе?“

Онъ взялъ ее подъ руку и тихо сказалъ:

— Вѣдь ты не ожидала, что увидишь его здѣсь? Вѣдь ты умница?... И послушай: посовѣтуй Зентѣ немедленно же разойтись съ Гретой.

— Нѣтъ... Да Зента и сама, все равно, не согласилась бы на это.

— Ну, посуди сама,—прошепталъ онъ грустно,—мнѣ кажется, что все покончено... однимъ ударомъ. Впрочемъ, ты сама увидишь!

Онъ быстро пошелъ съ ней къ другимъ.

— Осборнъ, я сказалъ фрёкенъ Паульсенъ, что она настоящая парижанка.

Осборнъ молча склонился. Онъ ни на минуту не отрывалъ своихъ карихъ глазъ отъ лица Эвы.

Она крѣпко пожала руки ему и Зентѣ.

— Какъ хорошо, что вы здѣсь!

Она опустилась на стулъ рядомъ съ Зентой и сказала:

— Какъ мнѣ хотѣлось, чтобы вы ушли съ Крузе и оставили меня одну! И какъ я потомъ жалѣла объ этомъ.

Крузе посмотрѣлъ на ея глаза.

— Да, ты кажется, дѣйствительно...

— Рѣкой! - И она кивнула ему съ улыбкой.—Господи, какъ мало люди знаютъ самихъ себя! Не успѣли оба вы исчезнуть, какъ я всецѣло перешла на сторону Зенты, я бросилась ничкомъ на кровать и стала взывать къ вѣрности. О, господинъ Осборнъ, если бы вы знали, до чего я становлюсь сентиментальна, когда остаюсь одна!—прибавила она, придвигая свой стулъ къ Осборну.—Нѣтъ, я больше никогда, никогда не буду оставаться одна!-

На его красивыхъ губахъ появилась улыбка, но глаза его все такъ же серьезно и неотступно смотрѣли ей въ лицо.

Она взглянула на него... и внутренне засмѣялась. „Большая часть женщинъ не замѣтила бы его влюбленности,—подумала она.—На лицѣ его выраженіе полной растерянности, на немъ написано безграничное восхищеніе и „оскорбительное вожделѣніе“... Но на меня это дѣйствуетъ благотворно, какъ солнечная ванна!“

— Что за прелестные зубы у васъ,—сказала она ему.

Онъ весь вспыхнулъ отъ радости.

— И что у васъ за глаза! Неужели ваша жена не называетъ васъ „Фидель“, разъ у васъ такіе глаза?... Ахъ, вы должны простить меня,—прервала она себя, съ улыбкой глядя на Крузе,—я всегда дѣлаюсь такой слащавой послѣ слезъ. Да и мѣсто здѣсь очаровательное.

— Теперь вамъ пора удовлетворить вашъ голодъ,—сказалъ Крузе.—Посмотрите, сколько здѣсь всего наставлено.

— Да, я только посмотрю...

Она встала. Ей показалось, что на площади появился Хемпель... Нѣтъ, это другой господинъ; онъ идетъ такъ же медленно, какъ Хемпель.

Съ минуту она постояла на мѣстѣ, стараясь побороть въ себѣ чувство разочарованія. Она посмотрѣла на кіоскъ, въ которомъ публика ожидала омнибуса. Онъ былъ полонъ народа... самаго

пестраго народа, въ разнообразныхъ костюмахъ; всѣ стояли съ номерками въ рукахъ. Эва вспомнила, что эта толпа часто доставляла удовольствіе Августу, когда онъ сидѣлъ въ этомъ кафе.

— Нѣтъ, посмотрите на эту женщину съ огненнымъ бантомъ надъ самыми глазами! — воскликнула она. — Она некрасива, но нельзя сомнѣваться въ томъ, кто она по профессіи... и все-таки всѣ чрезвычайно вѣжливы съ ней.—Она со вздохомъ сѣла.—Да, здѣсь всѣ считаются людьми!

Крузе усердно ѣлъ.

— Неужели вы думаете, что у насъ есть хоть малѣйшее желаніе смотрѣть на нее...

— ...когда вы съ нами,—перебилъ его Осборнъ.

Эва улыбнулась.

— Вотъ такъ всегда говоритъ „маменькинъ сынокъ“, что всѣ женщины въ Парижѣ удивительны.

— Сынокъ?—спросилъ Крузе.

— Да, Нильсъ. Да и другой говоритъ то же самое.—Она улыбнулась, взяла свой бокалъ и подняла его.—О, жизнь длится долго! И каждый разъ, когда я думаю о матери, мнѣ кажется также, что жизнь прекрасна.

— Подождите, подождите!—остановилъ ее Осборнъ очень рѣшительно.—Выпейте первый бокалъ со мной!

Они чокнулись. Ему удалось на мгновеніе остановить на себѣ ея взглядъ.

Потомъ онъ тихо спросилъ ее:

— Отчего вы такъ печальны? О,—прибавилъ онъ шопотомъ,— я готовъ былъ бы своими собственными руками вырвать себѣ всѣ зубы, если бы это могло принести вамъ хоть какую-нибудь пользу!

Она слегка улыбнулась. „Да, теперь онъ навѣрное раскаивается въ томъ, что два года тому назадъ не предложилъ мнѣ ангажемента въ своемъ театрѣ,—подумала она. — Но теперь уже слишкомъ поздно, толстый директоръ, теперь я выйду замужъ за Августа“.

— Вы принесли мнѣ облегченіе однимъ вашимъ присутствіемъ,—сказала она.—Я никогда больше не буду оставаться одна. И если сегодня еще случится что-нибудь непріятное, то...—Она вся содрогнулась какъ отъ озноба и сама улыбнулась этому.—Тогда...

Она вскинула головой и пропѣла:

На это есть Максимъ!

— Великолѣпно!—сказалъ Крузе.—Осборнъ любитъ варьетэ.

Эва вдругъ придвинула къ себѣ блюдо и начала ѣсть. „Надо

переговорить съ Зентой, прежде чѣмъ они придутъ,—думала она.— Разъ они такъ долго не появляются, то мнѣ лучше всего сдѣлать видъ, будто я совсѣмъ равнодушна ко всему этому... А что, если они совсѣмъ не придутъ?"

На лицѣ ея появилось испуганное выраженіе, и ножъ, и вилка задрожали въ ея рукахъ. „Да, это становится непонятнымъ,— думала она,—вѣдь онъ сказалъ, что навѣрное будетъ здѣсь въ опредѣленное время!"

Она мелькомъ взглянула на Зенту и подумала: „Отчего такъ раскраснѣлись твои щеки, милая Зента? Конечно, ты думаешь, что это отъ вина! Да, но кому удалось заставить тебя выпить вина вмѣсто того, чтобы утопиться въ Сенѣ, что болѣе походило бы на тебя! Все это сдѣлалъ Крузе и то, что онъ влюбленъ въ тебя!"

— До чего очаровательны наши кавалеры. Они сидятъ и любуются нами,—сказала она, кивая Крузе и снова принимаясь за ѣду. — Для опечаленной женщины такой взглядъ настолько же благотворенъ, какъ удобреніе для розъ зимой... Ну, я сыта!

— И до чего опечаленныя женщины нервны, въ особенности, когда онѣ стараются владѣть собой,—замѣтилъ Крузе.

Эва быстро встала и пересѣла къ другому столу.

— Зента, мнѣ надо поговорить съ тобой, — сказала она. Поймавъ на себѣ огорченный взглядъ Осборна, она прибавила:—На одну секунду, не больше!... Зента!

Зента неохотно встала, быстро подошла къ Эвѣ и остановилась передъ ней, выпрямившись во весь ростъ.

— Ну?

— Нѣтъ, сядь.—Эва посмотрѣла на нее необыкновенно ласково.—Какъ ты себя чувствуешь?

— Развѣ можно чувствовать что-нибудь, когда сидишь здѣсь и наливаешься шампанскимъ!

— У тебя такой покорный, благоразумный видъ,—сказала Эва какъ-то неувѣренно. — Не будетъ ли лучше всего, если мы сдѣлаемъ видъ, будто ничего не случилось?

Зента засмѣялась.

— Да. Сегодня ночью я рѣшила лишить себя жизни. Когда я шла сюда, то у меня явилось желаніе выколотить изъ нея все любопытство. Теперь же я хочу сдѣлать видъ, будто я совершенно равнодушна ко всему этому.

На мгновеніе она остановила на Эвѣ упорный взглядъ и прибавила:

— И пусть она отправляется на всѣ четыре стороны и дѣлаетъ все, что ей угодно!

— Но что касается тебя, милая Эва,—продолжала она съ насмѣшливой улыбкой,—разъ ты хочешь прикинуться, будто ничего не видишь, чтобы только избѣжать непріятнаго столкновенія между вами... для тебя, мнѣ кажется, положеніе принимаетъ тѣмъ болѣе серьезный характеръ, чѣмъ дольше они будутъ отсутствовать. Развѣ онъ не обѣщалъ тебѣ, что будетъ здѣсь сегодня?

— Да... но не совсѣмъ навѣрное,—пробормотала Эва.

Зента взяла изъ ея рукъ зонтикъ и стала ударять острымъ концомъ по асфальту...

— Чѣмъ безсовѣстнѣе они себя ведутъ...—Она подняла голову, и на лицѣ ея появилось гнѣвное выраженіе.—Нѣтъ, ты подумай только, эта сумасшедшая преспокойнѣйшимъ образомъ укладывала вчера свои вещи въ чемоданъ! Иначе никто ничего и не заподозрилъ бы. Вѣдь онъ всѣхъ насъ по очереди бралъ на свои поѣздки въ автомобилѣ.

— Я ничего не хочу слышать объ этомъ!—съ сердцемъ бросила Эва, беря изъ ея рукъ свой зонтикъ.—Сядь же... Обдумаемъ все какъ слѣдуетъ.

Она раскрыла зонтикъ, чтобы на мгновеніе скрыться отъ взоровъ другихъ. На нее умиротворяющимъ образомъ дѣйствовало розовое освѣщеніе, которое давалъ раскрытый зонтикъ, а также то мимолетное чувство покоя, которое охватило ее отъ сознанія, что никто не видитъ ея лица. „Вѣдь я хорошо знаю, что онъ любитъ только меня,—успокаивала она себя.—Почему же меня охватилъ такой страхъ... вѣдь я знаю, что только меня онъ и любитъ“.

И она улыбнулась самой себѣ, поймавъ себя на томъ, что ея настроеніе сейчасъ же измѣнилось къ лучшему, только благодаря розоватому отблеску отъ зонтика. Но вѣдь у Августа и у нея есть тайна, а потому они должны любить другъ друга до самой смерти!

— Ну?—спросила Зента.

— Да, Зента, чѣмъ больше я думаю объ этомъ...—Эва рѣшительнымъ жестомъ закрыла зонтикъ.—Придутъ ли они сегодня или черезъ два дня—это, все равно, лишь маленькое приключеніе! Любятъ они насъ!

— Насъ!—повторила Зента, и она приподняла металлическій стулъ и съ шумомъ снова поставила его.—Пожалуйста, не сравнивай! Прошу тебя, не сравнивай! Ваше „счастье“—это нѣчто обыкновенное, обычное!

Она замолчала и провела рукой по своимъ разгоряченнымъ щекамъ. Потомъ она прибавила громко:

— А потому ты имѣешь право сравнивать себя съ нами... только теперь!

Эва ласково улыбнулась.

— Зента... если бы ты только знала...

Она вдругъ стала серьезной и задумалась. „Нѣтъ, это невозможно сказать Зентѣ, которая къ тому же стоитъ съ каменнымъ лицомъ".

— Ну,—сказала она,—извини, что я побезпокоила тебя. Намъ, конечно, пріятнѣе сидѣть тамъ съ ними.

Зента даже плечами не пожала. Она быстро подошла къ столу, за которымъ сидѣли мужчины, сѣла на свое прежнее мѣсто и налила себѣ въ рюмку коньяку.

Эва остановилась на самомъ солнцѣ, подняла голову вверхъ и закрыла глаза. Ей казалось, что на душѣ у нея станетъ легче, если ее какъ слѣдуетъ пропечетъ солнцемъ.

Потомъ она подошла къ столу, придвинула свой стулъ вплотную къ стулу Крузе и сказала:

— Теперь вы должны говорить со мной только объ одномъ: о томъ, что у меня прекрасный голосъ!

— Да, это правда,—отвѣтилъ Крузе, глядя на свою хорошую сигару.—У васъ дѣйствительно прекрасный голосъ!

— Нѣтъ, скажите это болѣе убѣжденнымъ тономъ.

— Въ такомъ случаѣ наклонитесь! — И Крузе обнялъ ее за плечи и прошепталъ ей на ухо: — Ты поешь такъ, что твоему знатоку музыки сейчасъ же опротивѣетъ маленькая нахальная Грета.

— Вотъ именно такъ я и хочу пѣть,—отвѣтила она ему шопотомъ, глядя ему прямо въ глаза и кивая головой.—И если мнѣ это дѣйствительно удастся, то я никогда никому другому не буду пѣть, какъ только ему. Понимаешь?

Она быстро обернулась къ Осборну.

— И знаете, что вы должны сказать мнѣ, господинъ Осборнъ? Что мы четверо не должны разлучаться сегодня весь день... я не хочу оставаться одна...

Вдругъ ея взглядъ остановился на одной точкѣ.

— Августъ!

Она опустила глаза. „Вотъ онъ! Вотъ онъ идетъ! Откуда мнѣ набраться силъ, чтобы въ первый разъ взглянуть на него, — подумала она,—въ особенности теперь, когда другіе знаютъ это".

Каріе глаза Осборна неотступно слѣдили за ней съ выраженіемъ безграничной преданности. Онъ повернулся къ Крузе и сказалъ тихо:

— Вонъ идетъ господинъ Эйнаръ Хемпель... тамъ на площади.

Крузе повернулся къ площади. Да, вонъ идетъ его старый другъ... но до чего онъ худъ... какъ онъ состарился за эти два года!

Хемпель шелъ по площади такой походкой, будто онъ торопился, но двигался онъ все-таки очень медленно; вся его фигура производила впечатлѣніе какого-то механизма, который, того и гляди, сломается и перестанетъ дѣйствовать.

— То-то я замѣтилъ въ воздухѣ нервозность,—искоса взглянувъ на Зенту, сказалъ Крузе.

Зента дѣйствительно расплескала изъ рюмки коньякъ.

Эва нахмурила брови.

— Вотъ мы снова заговорили такъ, будто господинъ Осборнъ все знаетъ!

— Да вѣдь никто не сказалъ ни слова,—пробормоталъ Крузе.—А впрочемъ...

Осборнъ наклонился къ Эвѣ и прошепталъ:

— Не забывайте, что я... что я охотно проползъ бы отсюда до Версаля на колѣняхъ, если бы я только могъ помочь вамъ этимъ!

„Сейчасъ онъ будетъ здѣсь,—подумала Эва, боясь поднять глаза.—Можетъ быть, онъ уже въ какихъ-нибудь десяти шагахъ отсюда!“

Зента выпрямилась и насмѣшливо улыбнулась, когда появилась фигура Хемпеля:

„Изъ-за этой-то развалины ее бросили!“

Хемпель поклонился уже издалека и держалъ шляпу въ рукѣ. У него не было уже больше головы молодого императора... на его помятомъ лицѣ лежалъ непріятный отпечатокъ; волосы у него были какіе-то замученные; свѣтлый элегантный костюмъ казался слишкомъ молодымъ для него.

„Бѣдный Августъ,—подумалъ Крузе, весело отвѣчая на его поклонъ.—Его царствію насталъ конецъ“.

Хемпель остановился на нѣкоторомъ разстояніи отъ стола, опираясь на палку, и молча смотрѣлъ на своихъ поклонниковъ, которые обыкновенно съ тріумфомъ встрѣчали его.

Всѣ молчали. Ну, этимъ онъ обязанъ фрёкенъ Зентѣ съ ея плебейскимъ и въ то же время аристократическимъ лицомъ.

Онъ спокойно подошелъ, широко раскрылъ свои большіе глаза и громко сказалъ своимъ звучнымъ голосомъ:

— Здравствуй, Эва! Какъ чувствуютъ себя дамы? А вы, господинъ директоръ? Очень пріятно снова увидать тебя, Крузе.

„И это все,—подумала Зента.—И этого достаточно для этихъ троихъ идіотовъ, поклоняющихся искусству! Сейчасъ онъ снова превратится въ того Эйнара Хемпеля, который своимъ пѣніемъ заставляетъ ихъ ползать передъ собой на колѣняхъ".

Да, Эва дѣйствительно улыбалась своимъ мыслямъ. Когда она бывала въ разлукѣ съ нимъ хотя бы сутки и потомъ снова видѣла его... при первыхъ же звукахъ его голоса... на сценѣ или дома, то...

„Нѣтъ, ты единственный, кого я могу любить всѣмъ своимъ сердцемъ, насколько у меня есть сердце!—воскликнула она мысленно.—Ты останешься моимъ навсегда!"

— Ты завтракалъ?—спросила она, не глядя на него и очищая ему мѣсто возлѣ себя.

— Да, ты завтракалъ?—сказалъ Крузе.—Какъ пріятно снова увидаться съ тобой. Видъ у тебя прямо великолѣпный!

— Спасибо, я выпью только немного виски,—отвѣтилъ Хемпель.

Осборнъ сейчасъ же съ готовностью велѣлъ подать виски.

Опять наступило то краснорѣчивое молчаніе, которое говоритъ о томъ, о чемъ никто не хочетъ упоминать.

Хемпель вертѣлъ въ своихъ блѣдныхъ рукахъ портсигаръ.

— Почему здѣсь нѣтъ сегодня Эдиты Паульсенъ съ сыновьями, Эва?

— По всей вѣроятности, они все утро провели на выставкѣ, изъ-за Нильса,—отвѣтила она, все еще не глядя на него.—Вѣдь Нильсъ добился, наконецъ, своего и сталъ художникомъ.

— А гдѣ твой австрійскій лейтенантъ?

— Я этого не знаю.

— Ну а поэтъ изъ Хельсингёра? Ты видѣлъ его Крузе?

— Нѣтъ, сегодня я его не видалъ.

— А ваша подруга, фрёкенъ Юль... она также измѣнила намъ?

Зента наклонилась къ нему съ легкой улыбкой.

— Мы какъ разъ говорили о томъ, что, можетъ быть, вы знаете, придетъ ли Грета. Со вчерашняго утра никто ея не видалъ.

На лицѣ Крузе появилась та же натянутая улыбка, какъ и у нея, но она сейчасъ же перешла въ искреннюю, когда онъ подумалъ:

„Что за молодчина эта дѣвушка!"

Эва вспыхнула.

„Что за глупое провокаторство,—возмущалась она мысленно.—Можно подумать, что она ловитъ какого-нибудь глупаго дере-

венскаго парня! Но вѣдь этимъ она только заставляетъ меня еще больше держать его руку".

— Мы утѣшали себя предположеніемъ, что вашъ автомобиль сломался,—продолжала Зента,—что это случилось поздно вечеромъ.

„Не отвѣчай имъ ничего",—мысленно просила Эва, кивнувъ головой Хемпелю.

Хемпель спокойно улыбался, глядя на кончикъ своей сигары.

— Нѣтъ, мы возвратились во́-время.

Онъ посмотрѣлъ на Зенту, словно ему пришла въ голову какая-то мысль.

— Не случилось ли чего-нибудь съ ея ключами? Это смѣшно, но она такъ стѣсняется всякихъ пустяковъ. А тутъ было даже нѣчто таинственное... она не хотѣла даже позволить подвезти себя къ самымъ дверямъ.

— Да, потому что своимъ звонкомъ она подняла бы на ноги весь пансіонъ.

— Вотъ она и предпочла пойти къ фру Паульсенъ, у которой мы за пять минутъ до этого видѣли въ окнахъ свѣтъ.

Зента замолчала, и на лицѣ ея появилось растерянное выраженіе. Неужели имъ удалось вовлечь въ свой обманъ фру Паульсенъ?

„Продолжай, продолжай, Августъ,—думала Эва.—Мнѣ ты скажешь всю правду. Потому что я не принадлежу къ числу пошлыхъ обывательницъ, которыя до того честолюбивы, что хотятъ быть всѣмъ!"

И вдругъ у нея стало такъ легко на душѣ, что она принялась вертѣть свой зонтикъ. О, у нея только одно желаніе—быть первой! А это такъ и есть на самомъ дѣлѣ.

Тутъ Зента заговорила, наконецъ, очень рѣзкимъ голосомъ:

— Ключъ у нея былъ съ собой. Я видѣла, что она положила его въ свой саквояжъ подъ ночную рубашку.

— А я надѣялся увидѣть сегодня фрёкенъ Андерсенъ здѣсь, господинъ директоръ,—сказалъ Хемпель нѣсколько быстрѣе обыкновеннаго.—Я думалъ покончить сегодня же съ ангажементомъ.

— Да,—отвѣтилъ неопредѣленно Осборнъ.

— Вчера я возилъ фрёкенъ Грету въ Фонтенебло, гдѣ мы обѣдали. Тамъ я заставилъ ее пѣть. И голосъ ея поразилъ меня еще болѣе, чѣмъ въ послѣдній разъ.

„Въ послѣдній разъ!"

Эва схватила свой носовой платокъ и свернула его въ комокъ.

„Значитъ, они бывали вмѣстѣ каждый разъ, когда онъ извинялся передо мной въ томъ, что не можетъ прійти!“

— Она была въ голосѣ,—продолжалъ Хемпель.—И робости ея какъ не бывало. Въ ея пѣніи широкій размахъ! Въ исполненіи ея чувствуется тонкая отдѣлка, необходимая для сцены.

„Видно, что онъ очень влюбленъ въ нее!—подумала Эва, кусая кончикъ носового платка.—Онъ до того увлеченъ ею, что забываетъ, кто слушаетъ его“.

— Не правъ ли я, Крузе?—спросилъ Хемпель.

Крузе посмотрѣлъ на Эву.

Эва замѣтила это и слегка кивнула ему. И тутъ она вспомнила, что Грета принадлежала къ числу женщинъ, которыя заставляютъ своихъ друзей оказывать имъ услуги.

„Во всякомъ случаѣ,—подумала она, разглаживая на колѣняхъ носовой платокъ,—я должна употребить всѣ усилія къ тому, чтобы удержать его. И для чего мнѣ непремѣнно быть первой? Я буду для него тѣмъ, чѣмъ могу быть!“

— Ты слышалъ, что я сказалъ, Крузе? Ты не находишь, что я правъ?

Осборнъ отвернулся на мгновеніе такъ, что лица его никто не видѣлъ, и на немъ появилось напряженное выраженіе; видно было, что его мысли усиленно работаютъ.

„Одно я знаю,—подумалъ онъ,—что для моего театра необходимъ онъ самъ! До будущаго сезона ему не протянуть. Если только онъ согласится пріѣхать ко мнѣ на гастроль, то я возьму и Грету Андерсенъ. А то мнѣ нѣтъ никакого дѣла до его подругъ“.

— Крузе, я спрашиваю, ты не находишь, что я правъ?

— Да-а,—протянулъ Крузе неопредѣленно.—У нея дѣйствительно опереточный голосъ.

— Нѣтъ, у нея оперный голосъ, господинъ директоръ. Да и по внѣшности она создана для сцены.

— Н-да.

— Н-да! Вы всегда говорите н-да, когда вамъ надо сказать да. Я же хочу во что бы то ни стало покончить съ этимъ дѣломъ прежде, чѣмъ уѣду отсюда.

— Дѣло, видите ли, въ томъ, что я хотѣлъ поговорить съ вами относительно вашего гастролированія у меня,—сказалъ Осборнъ.—Я прошу васъ пріѣхать на гастроли, господинъ Эйнаръ Хемпель.

Хемпель захлопнулъ свой портсигаръ и сказалъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ:

— Въ такомъ случаѣ не будемъ больше говорить объ этомъ. Мы не навязываемся, господинъ Осборнъ.

Эва вздохнула. Да, онъ никогда не навязывался до сегодня. Никогда не былъ навязчивъ ради самого себя. Никогда ради нея!

— Ахъ, помилуйте, помилуйте!—сказалъ Осборнъ, а мысленно онъ прибавилъ: „Да и я не навязываюсь, потому что это ни къ чему не поведетъ“.

Онъ обернулся къ площади и запѣлъ вполголоса:

„Mein Herz ist wie ein Omnibus...“

Зента подняла бокалъ, чтобы чокнуться съ Эвой... по случаю ея фіаско.

Но Эва не замѣтила этого. Она быстро застегивала свои перчатки. Теперь она, по крайней мѣрѣ, покажетъ, что умѣетъ постоять за себя!

— Господинъ Осборнъ,—позвала она тихо.

Осборнъ повернулся къ ней и уставился на нее глазами, словно не вѣрилъ, что она заговорила именно съ нимъ, что на его долю выпало такое счастье!

— Господинъ Осборнъ, что думаете вы объ Эвѣ Паульсенъ?—спросила она съ легкой усмѣшкой.

— Все, что только есть лучшаго на небѣ и на землѣ,—прошепталъ онъ серьезно.

Она нахмурила брови.

— И по отношенію къ театру?

— Н-да.

— А впрочемъ, я спросила это только въ шутку,—заговорила она быстро.—Не обращайте на это вниманія.

Осборнъ оправилъ свой жилетъ и сказалъ дѣловымъ тономъ:

— Вотъ что, фрёкенъ Паульсенъ, не хотите ли вы прійти ко мнѣ на этихъ же дняхъ, когда для васъ это будетъ удобно?

— Это еще что такое?—спросилъ Хемпель, прищуривая глаза.—Фрёкенъ Паульсенъ не поступитъ теперь въ копенгагенскій театръ... Эва, такими вещами не шутятъ,—прибавилъ онъ, понижая голосъ,—и не портятъ дѣло другимъ.

— Я и не шучу,—отвѣтила она.

Крузе вскочилъ и ударилъ своимъ маленькимъ кулакомъ по столу.

— Garçon!—крикнулъ онъ.—Моему терпѣнію насталъ конецъ, я не хочу, чтобы этотъ майскій день былъ окончательно испорченъ для меня,—сказалъ онъ съ раздраженіемъ, глядя на Обор-

на, и онъ бросилъ лакею, остановившемуся передъ нимъ:—Un moment, monsieur? Провались къ чорту! Un moment!

И онъ съ мольбой посмотрѣлъ на Эву:

— Уведите Хемпеля вонъ туда, гдѣ вы разговаривали съ Зентой, настройте его, или пусть онъ васъ настроитъ. Лишь бы только среди насъ царила гармонія! А пока мы съ Осборномъ подумаемъ о томъ, что намъ выпить.

Эва встала. Ее заразила горячность Крузе.

— Да, да, пойдемъ, Августъ,—сказала она.

Не удостоивъ его ни однимъ взглядомъ, не задумываясь надъ тѣмъ, хочетъ онъ этого или нѣтъ, она направилась къ крайнему столику.

Хемпель медленно послѣдовалъ за ней. Онъ остановился у стола и сталъ говорить о томъ, что онъ на ногахъ съ шести часовъ утра. Вдругъ онъ улыбнулся и сказалъ:

— Я рѣшилъ непремѣнно завести себѣ бритвенную машинку,—и онъ сталъ объяснять разницу между бритвенной машинкой и другими бритвами.

„Онъ обращается со мной совсѣмъ такъ, какъ будто бы мы были мужъ и жена,—подумала Эва.—Прекрасно, я послѣдую его примѣру“.

Она ударила рукой по столу и крикнула:

— Августъ!

Тутъ онъ какъ будто опомнился.

— Извини,—сказалъ онъ ей съ улыбкой.

— И вотъ... „и вотъ любви блаженство снисходитъ на меня“,—тихо проговорила она, какъ бы смѣясь надъ собой.—Но вѣдь это такъ! Вблизи Августа я чувствую покой. Къ тому же мы мужъ и жена!

Она посмотрѣла на него со свѣтлой улыбкой.

„Ты опять здѣсь съ твоими милыми, милыми глазами“,—подумала она, и ей захотѣлось сказать это громко, и больше ничего не говорить.

Она взяла его подъ руку и повела дальше по проходу между столиками.

Вдругъ она расхохоталась весело и беззаботно.

— Ты опять измѣнилъ мнѣ! И я должна сердиться на тебя.

— Да, но я думалъ, что мы сядемъ за столикъ и спросимъ виски.

Она остановилась. Голосъ ея сдѣлался серьезнымъ.

— Августъ... почему... почему ты выбралъ ее?

— Ахъ, вздоръ!

— Ну да, тебѣ, конечно, нельзя признаться въ этомъ! Но положимъ, что это не она. Почему же ты пошелъ вообще къ кому бы то ни было, когда я твоя?

— Если ты хочешь говорить, то намъ, по крайней мѣрѣ, надо сѣсть.

— Августъ...—Она слегка прильнула къ нему, устремила свой взглядъ на его рукавъ и прошептала, гладя его рукой:—Вѣдь это правда, что намъ вдвоемъ такъ хорошо... что я единственная, которая... ну, да, что я то, что ты такъ часто говорилъ обо мнѣ?

— Да.—Онъ широко раскрылъ глаза.—Единственная sans peur...

— Ну, да...—Она взяла его подъ руку и прижалась къ нему.—Такъ почему же въ такомъ случаѣ...?

— Вотъ видишь ли,—отвѣтилъ онъ тихо, отворачиваясь отъ нея,—является вдругъ желаніе обладать женщиной... другого порядка.

Ея глаза стали совсѣмъ круглыми; она буквально вытаращила ихъ, глядя на него. Медленно она отняла свою руку.

— Вѣдь должна же ты это понимать,—проговорилъ онъ.

Ея ротъ слегка раскрылся.

„Понимаю ли я это?—подумала она.—Да. Но понимаю ли я, что у него хватило духу сказать мнѣ это?“ Она медленно покачала головой. Нѣтъ, этого ей никогда не понять. Нельзя же сказать калѣкѣ: теперь мнѣ хочется посмотрѣть на здороваго человѣка.

— Да, милая Эва...—И на его лицѣ появилась боязливая улыбка. Вѣдь ея милое личико покрылось смертельной блѣдностью,—ты это хорошо понимаешь.

„Да, необходимо видѣть нормальныхъ людей,—повторяла она мысленно.—Но нельзя же говорить это въ лицо калѣкѣ! Не могъ онъ сказать это ей, если онъ хоть сколько-нибудь любитъ ее!“

— Вотъ именно потому, что ты такая умная и хорошая, я и хочу связать навсегда свою судьбу съ твоей,—сказалъ онъ, беря ее за руку.

Она выпрямилась. Она заморгала глазами, какъ бы желая скорѣе измѣнить ихъ выраженіе, и холодно посмотрѣла на него.

— Нѣтъ, изъ нашего брака ничего не выйдетъ... во всякомъ случаѣ, его придется отложить... Дѣло въ томъ, что я сперва хочу попытаться сдѣлаться нормальнымъ человѣкомъ!

Онъ выпустилъ ея руку.

— Какъ это нехорошо!..

— Да, дѣлаешься иногда грубой... также!

Она закинула голову, такъ что перья на ея шляпѣ заколыхались.

— Теперь я хочу... я хочу, чтобы меня полюбилъ настоящій буржуа... я хочу имѣть человѣка, который сказалъ бы мнѣ: „Я люблю тебя, я буду жить для тебя и умру, любя тебя“, который былъ бы мнѣ вѣренъ. И я также хочу здороваго человѣка!

Она вдругъ поникла головой.

„Какъ я лгу,—подумала она.—Мнѣ хочется выплакаться. Мнѣ хочется спрятаться отъ нихъ всѣхъ и выть, какъ собака“.

— Хочешь, мы проѣдемся немного?—спросилъ онъ тихо.—Нѣтъ никакого основанія принимать это такъ близко къ сердцу.

— Совершенно вѣрно, нѣтъ никакого основанія,—отвѣтила она съ усмѣшкой, чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ него.

Съ минуту она стояла, какъ бы обдумывая что-то, потомъ сказала:

— Нѣтъ, я лучше поѣду домой, мнѣ хочется остаться одной и обдумать все.—Она слегка кивнула ему и прибавила:—Кланяйся остальнымъ.

Онъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ. Въ сущности, эта размолвка была для него какъ нельзя кстати, пока Грета здѣсь, а уѣдетъ она черезъ недѣлю.

— Эва!—позвалъ онъ вдругъ.

Она невольно обернулась при звукѣ его голоса.

„Боже, какой онъ старый,—подумала она, и сердце ея сильно забилось.—Такимъ я любила тебя больше всего!“

На мгновеніе она остановилась и говорила себѣ, стараясь ожесточить свое сердце: „Но вѣдь этого ему было мало! Да и не изъ за-меня у него сегодня такой болѣзненный и старческій видъ.“

На лицѣ ея появилась насмѣшливая улыбка: „Да, да, онъ принималъ сегодня морфій, несмотря на свое стремленіе къ естественности; это я сейчасъ же замѣтила“.

Она кивнула ему и пошла дальше.

— Эва!—позвалъ онъ опять.

Она слегка вздрогнула, но пошла еще быстрѣе.

Выйдя на площадь, она увидала, что омнибусъ только что тронулся. Она бросилась бѣжать и догнала его.

Перев. **М. П. Благовѣщенская.**

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Дождь.

Сквозь дождемъ забрызганныя стекла
Міръ мнѣ кажется рябымъ.
Я гляжу: ничто въ немъ не поблекло
И не сдѣлалось чужимъ.

Только зелень стала чуть зловѣщей,
Точно пролитъ купоросъ,
Но зато рисуется въ ней рѣзче
Круглый кустъ кровавыхъ розъ.

Капли въ лужахъ плещутся размѣрнѣй
И бормочутъ свой псаломъ,
Какъ монашенки въ часы вечерни,
Скорымъ, тонкимъ голоскомъ.

Слава, слава небу въ тучахъ черныхъ,
То рѣка весною, гдѣ
Вмѣсто рыбъ стволы деревьевъ горныхъ
Въ буйной мечутся водѣ;

Въ гиблыхъ омутахъ волшебныхъ мельницъ
Ржанье водяныхъ коней...
И душѣ, несчастнѣйшей изъ плѣнницъ,
Такъ и слаще и вольнѣй!

Н. Гумилевъ.

ВЕСНА.

Стрѣлами, золотыми стрѣлами полонъ воздухъ. Съ полудня—сіяющій день и этотъ вѣющій воздухъ! Теперь розовый закатъ надъ Москвой, и по улицамъ ея движется густая толпа—не разобрать почти лицъ въ этомъ свѣтѣ. Нѣтъ, тѣ безъ злобы, безъ грубыхъ и темныхъ желаній, что сейчасъ идутъ подъ весеннимъ небомъ; медленно возвращаются, жалѣя каждаго мгновенія заката. Какъ звѣзды, катятся къ концу своего дня души людей. И такъ же шла среди другихъ Анна Коренева, катилась звѣздочка Анна. Она заходила по дѣлу къ Петрову, другу отца, и не застала; только повернулась у дверей. Потомъ она была въ книжной лавкѣ-библіотекѣ, побывала въ пыльной прохладѣ темноватой комнаты—и опять отдалась свѣтлому весеннему току; а подъ рукой у нея теперь нужная книжка.

На Аннѣ собранная изъ бархата шапочка, еще безъ граціознаго пера, того волшебнаго весенняго пера. Она не знаетъ, что, залитая свѣтомъ заходящаго солнца, маленькая, темно одѣтая, она почти незамѣтна для людей. Но ей ничего и не нужно: только бы не мѣшали! Какъ пріятно видѣть свои озаренныя издали плечи, нести на нихъ свѣтъ мирнаго солнца—и вдыхать, вдыхать! Какъ насладиться?! Душа ослѣплена весной, она уже не ищетъ, а видитъ восторгъ, какъ бы не свой, и сладко неподвижна въ просторѣ жизни. Пусть даже закатъ этотъ гаснетъ... Въ самихъ мечтательныхъ представленіяхъ души—рай, котораго не утратить.

Анна идетъ и только жалѣетъ, что не тѣ башмаки у нея надѣты: нужно бы чуть постукивающіе, на которыхъ такъ легко ступать. Какъ нѣжно благоуханно—а туда, гдѣ садится солнце, еще больно смотрѣть... Больна и потемнѣлость жизни кругомъ, когда опять обернешься прямо. Вонъ справа церковка отступаетъ въ розовомъ свѣтѣ, маленькая, съ золотыми главами. Туда ведетъ тропа... А слѣва—бульваръ внизъ, весь зачерненный гу-

ляющими; и ложится, кажется, безконечно. Милая Москва! Все медленнѣе, медленно, какъ само солнце, идетъ дальше Анночка. Надвинулся на пути кто-то высокій, темный... Вотъ идутъ быстро, шумятъ: компанія. Загудѣлъ автомобиль... Мѣшаютъ, мѣшаютъ! Но Анночка еще идетъ толпою, все нерѣшительнѣе, все тише. Вдохнешь воздухъ—и подымется, и успокоенно опустится мягкая глубина тѣла, и ноги слегка замлѣютъ. Откуда этотъ воздухъ? Отсюда изъ Москвы уже недалеко до Волги — можетъ быть потому такой воздухъ?

Но вотъ улица точно сама кончилась. Анна свернула съ пути и попала въ боковую уличку, наполненную прохладой... Покойную, не-живую. А! домъ недалеко... Зачѣмъ домой? Сѣсть бы на бульварахъ... Или пойти къ знакомымъ, къ милымъ Владиміровымъ... Все равно, она полна воздухомъ весны и тайно покойна. Когда-нибудь въ этотъ часъ люди будутъ просто залетать далеко. А гдѣ братъ? Пообѣдалъ и ушелъ. Вмѣсто него сейчасъ какое-то свѣтлое, пустое мѣсто—и нѣжность. И никого нѣтъ, никого... Въ этомъ одиночествѣ доходитъ Анна до своего дома и во дворъ входитъ осторожно, глубоко дыша, какъ бы боясь задѣть за что-то. Поднимается нѣсколько ступенекъ уже по темной лѣстницѣ. Вотъ она въ своей квартиркѣ, въ крошечной прихожей. Глаза ничего не видятъ; легкая, сквозной шерсти кофточка снимается пріятными тугими движеніями рукъ и плечъ. Вотъ и въ комнатѣ. Въ двухъ небольшихъ окнахъ—новый, непріятный свѣтъ... И Анна тотчасъ же порывисто, неосторожно вдыхаетъ, почти слезами, этотъ воздухъ своей дѣвичьей комнаты.

Она сняла свою шапочку; оставила ее тутъ же, на косыхъ подушкахъ маленькой постели. И не оправивъ волосъ, избѣгая неживого зеркала, подошла къ темной стѣнѣ комнаты—туда, откуда смотрятъ, всѣ вмѣстѣ, портреты. Уютно-жизненное, таинственное мѣсто. Вотъ братъ... Это еще до пріѣзда сюда снято. Всегда красивый! Покойная мать. Отецъ... Надо ему написать въ Екатеринбургъ, еще попросить немного денегъ. А вотъ и Зина... Вотъ она, ея спасительница: высокая грудь, спокойные сѣрые глаза и гладкіе волосы Мадонны. Отчего никогда нѣтъ всего, что нужно, и нельзя къ ней прижаться сейчасъ? Никогда! И захотѣлось сейчасъ же написать ей, еще не быть въ этой комнатѣ: улетѣть на крыльяхъ письма къ Зинѣ туда, гдѣ теперь тоже весенній вечеръ—въ глубину освѣщенной этимъ же садящимся солнцемъ провинціи.

И отъ портрета Зины она тотчасъ же перешла къ письму. Съ удовлетвореніемъ по-прежнему не видя кругомъ комнаты, до-

стала, касаясь грудями края стола, письменныя принадлежности. Уперлась тонкимъ твердымъ перомъ—и на бѣломъ чистомъ листѣ съ вензелемъ задрожалъ красивый, нѣжный почеркъ Анночки.

...„Пишу тебѣ, Зина, такъ просто потому, что хочется поговорить съ тобой. Сейчасъ вернулась домой, гуляла. Какой сегодня воздухъ! Этотъ же воздухъ, это же солнце сейчасъ и тамъ, гдѣ ты... Милая ты моя спасительница! Какъ будто вижу, что солнце освѣщаетъ и тебя: твою прическу, улыбку рта, знакомое платье. Ты большая, сильная женщина! Хорошо быть большой женщиной? Милая! Ахъ, нѣтъ, все равно сейчасъ: чувствую себя какой-то чистой дѣвочкой. Да, мы были очень милы дѣтьми, а теперь, и что дальше — не знаю. Для чего-нибудь ты спасла меня изъ пруда! Теперь все новое... Развѣ мы, женщины, тѣ, чѣмъ были раньше, страшно долго? Но вѣдь мягкость и чистота никогда не перестанутъ быть нужны? Таить въ себѣ нераспространимый источникъ чистоты, любви, тишины... Что-нибудь тамъ дѣлать, хоть бы какъ я въ моей лабораторіи. И знать, что если бы всѣ были такими, уже отъ этого одного все было бы иначе“...

. . . . . .

И тою же Москвой, ея улицами, дыша сладостью той же весны, еще гулялъ братъ Анны, студентъ Николай. Раньше онъ сидѣлъ далеко гдѣ-то на бульварахъ. Потомъ еще больше захватило... Пріятно чернѣли на солнцѣ изъ-подъ фуражки волосы студента; лучъ скользилъ и освѣщалъ сбоку прозрачный карій глазъ. На него всѣ поочередно взглядывали: какъ будто не московскій и не столичный студентъ, а просто какой-то желанный русскій юноша. Кореневъ тоже вольно, медленно движется, тоже дышитъ сладостью весны. Идутъ женщины, массоны весны: на всѣхъ свѣтлый цвѣтъ какой-нибудь, или весеннее перо на шляпѣ— то граціозное, вольное перо. У всѣхъ откинутыя или опущенныя головы, и свѣтлая тайна въ глазахъ. Идетъ борьба взглядовъ на улицѣ, взмахи молодости и чистоты. Но Кореневъ такъ только смотритъ, не думаетъ. Воздушный храмъ души раскинулся, наконецъ, такъ покойно и гордо...

Но стало уже позднѣе. Уже меньше народу; воздухъ посвѣжѣлъ, сталъ строже, и шумъ города какъ будто умеръ для слуха. И надо всѣмъ, до ночи, встаетъ смутное застывающее небо. Кажется, что не здѣсь, на землѣ—а тамъ, по этому блѣдному голубому небу ходятъ и движутся черныя задумчивыя фигуры порѣдѣвшей толпы: оттого такая тишина. Одни дома горятъ въ воздухѣ *своимъ*, яснымъ, покойнымъ свѣтомъ.

Николай опять на пескѣ бульвара. Ни листочка въ этомъ

воздухѣ; деревья вверху всѣ замерли еще черными, голыми сучками. Свѣжесть впервые проникла въ тѣло... И вдругъ, по знакомому ощутилъ Кореневъ легкій склонъ бульвара — и въ дали его какъ бы свое второе, очищенное и сладостное тѣло. Тамъ она! Пройти нѣсколько шаговъ по этому бульвару—и станетъ виденъ темно-сѣрый домъ, гдѣ живетъ черноволосая Ирма Мюллеръ. Ирма... Три, четыре свиданья съ ней: она не хочетъ мѣшать его со своей жизнью. Какой чулокъ бывалъ надѣтъ на ея ногѣ... Какъ сходился корсетъ надъ ея бедрами... И эти черныя, вѣчно прекрасныя сростающіяся брови! Что есть танецъ, который она танцуетъ на эстрадѣ подъ огнями, для толпы, только дѣлало ея тѣло желаннѣе, выпуклѣе и неотразимѣе. И въ душѣ ея что-то. За тысячи верстъ отъ здѣшней жизни, за океаномъ, словно могло бы быть серьезное, огромное счастье съ ней. Что значитъ танцовщица-венгерка Ирма среди русскаго большого города? А потому это такъ,—думалъ Кореневъ, уже спускаясь по бульвару,— что пустота ее окружаетъ: нѣтъ никого. И давно уже окружаетъ, еще съ той поры, когда черныя косы были тоньше и короче, и слабѣе грудь и прекрасныя руки.

Вотъ темно-сѣрый домъ Ирмы. Хочется встрѣчи самой свѣтлой и чистой! Хочется стать лицомъ къ лицу съ существомъ безупречно прекраснымъ, въ одеждѣ, скрывшей ноги, знакъ земного происхожденія. Juventus! И оправивъ рукой волосы, Николай медленно вошелъ въ ворота дома.

...Какъ всегда она стала передъ нимъ, поражая строгой, пышной красотой. Средній гордый ростъ... Глаза смотрятъ въ упоръ, не отдаваясь, тебя перенося на свой путь: покоряйся! Она тоже только что вернулась и обрадовалась ему, вся еще свѣжая отъ весенняго воздуха. Взоръ плѣнялся голубымъ сукномъ ея платья, изгибомъ черныхъ лоснистыхъ волосъ на вискахъ, нерусскимъ взглядомъ умнопобѣдныхъ глазъ. „Komme näher... Wie glücklich! Wo warst du heute, Nicolas?“ Пока гасли въ комнатахъ послѣдніе лучи заката и оба они еще были видны въ большомъ чистомъ зеркалѣ, они оставались въ просторной, богато убранной гостиной: Ирма въ своемъ тонкомъ суконномъ платьѣ, застегнутомъ до горла. У корпуса прохладнаго гармоничнаго рояля, хранящаго свои блики... Медлили въ низкихъ креслахъ... Еще долго въ легкихъ касаньяхъ ея кожа отдавала свѣжесть весенней улицы. Потомъ въ крошечной высокой спальнѣ Ирмы. Нужно было уйти не надолго, и снова войти на ясный зовъ. . . . . .

Потомъ онъ долженъ быть проститься и уйти, разставаясь съ

потемнѣвшими комнатами безъ провожатаго, и опять увидѣть весну и городъ.

Какъ будто его одеждами, одеждами большого сладостнаго покоя одѣлась весна: ночь и молодая золотая луна надъ Москвой. Но казалось, это все тотъ же сладостный, вѣрный вечеръ весны, время безъ срока и перемѣны: такъ нѣженъ и покоренъ воздухъ у лица, такъ ясно виденъ знакомый городъ и легко итти по его камнямъ.

Надъ городомъ стоялъ легкій, далекій гулъ.

Ирма не умѣетъ иначе: хочетъ потомъ быть одна, безъ свидѣтеля своего униженія. Будетъ спать покойно, не смѣшивая ни съ чьимъ своего дыханія. И утромъ будетъ одна передъ зеркалами, затягивая въ корсетъ и въ сукно платья свое нѣжно выпуклое, колеблющееся тѣло. Весь день будетъ гордой и недоступной, съ смущающимъ счастьемъ жизни въ самыхъ углахъ черныхъ глазъ, взирающихъ на людей.

Мимо все же какихъ-то существъ живыхъ Кореневъ проходилъ улицами и переулками Москвы, съ ихъ невѣдомыми церковками и садами. Его домъ недалеко. За спиной оставалась луна, свѣтило ночи, высоко лежащее въ небѣ, какъ женское нѣжное тѣло, съ своими вѣчными смутными пятнами. Какая-то тѣнь легла на міръ... Словно молчаливо собирались плыть вдоль тротуаровъ ночныхъ улицъ недвижные извозчики. Среди родной Москвы! Часъ.

А въ глазахъ снова воскресала Ирма, мерещилась, наполняла мысленный взоръ. Отъ этого состоянья становилось тепло, и совсѣмъ терялась гдѣ-то ночь: другой, второй человѣкъ жилъ въ тебѣ тѣлесно, каждое дыханье словно исходило оттуда, издалека. И съ этимъ вторымъ человѣкомъ было даже тяжело итти и дышать въ этой ночи

Кореневъ остановился передъ своимъ домомъ и снялъ фуражку. А гдѣ сестра Анна? Гдѣ маленькая сестра единородная? Какъ странно: этотъ же вечеръ—золотой закатъ и встающее безсмертное небо—и въ другой душѣ. И тамъ отразились тѣ же восторги весны... Можетъ быть давно спитъ. А можетъ быть, до сихъ поръ блуждаетъ со своими знакомыми, одними касаніями счастья дерзая украсить свою женскую ночь.

Его тѣло слабо влеклось дальше; онъ уже былъ на краю сна, глубокаго, радостнаго. На темной лѣстницѣ онъ понюхалъ руку, пахнувшую свиданьемъ. Да, маленькое пальто Анны уже виситъ на своемъ мѣстѣ въ передней. Когда онъ проходилъ

мимо запертой двери, почудилось словно рыданье. Въ коридорѣ, смутно освѣщенномъ, оставалась какая-то тайна и красота. Душа Коренева еще парила высоко. Какъ бы два масла, желтое и голубое, отстаивались въ ней и, не смѣшиваясь, легко кружились: въ нихъ была весна и само небо, съ его ласковою борьбою красокъ. И мысленно ложась, наконецъ, въ объятья этого высокаго весенняго неба, онъ открылъ дверь въ свою комнату, чтобы тотчасъ же раздѣться и уснуть. . . . . .

Широки и прекрасны волны несущей насъ жизни. Но не отразиться въ нихъ ясно ни твоему лицу, ни чужому. Несемся—и что́ видитъ, чѣмъ наслаждается каждый въ часъ смутнаго преображенія весны, когда передъ нами далекое, прекрасное лицо просыпающейся вѣчной природы?

Николай Шапиръ.

Весной.

И снова ясный серпъ луны
Затепленъ бѣлой ночью мая,
И вѣтеръ, штору колыхая,
Несетъ дыханіе весны.
И снова грустенъ я и боленъ—
Въ душѣ раскрытое окно
Воспоминаньями полно,
И только имъ я подневоленъ.

Какъ много, много долгихъ лѣтъ
Отъ первыхъ зорь любви мелькнуло,
Но память въ сердцѣ не уснула—
И не погасъ чудесный свѣтъ.
И пусть теперь весна другая,
Слеза о прошломъ горяча,
И плачетъ тонкая свѣча,
Подъ вешнимъ вѣтромъ оплывая...

Николай Ашукинъ.

ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ ЗАВТРА. [1])

Романъ **Гвидо да Верона.**

Съ итальянскаго.

Guido da Verona. La vita comincia domani. Milano, 1913.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

VII.

Простившись съ Новеллой и ея родными, Ферето спокойно вышелъ на улицу, не принимая никакихъ мѣръ, чтобы укрыться отъ шпіоновъ, ходившихъ за нимъ по пятамъ.

Надъ шумнымъ городомъ спустился темный вечеръ, но улицы, полныя движенія, уже начинали бѣлѣть отъ электрическихъ огней. Андреа шелъ домой пѣшкомъ, избѣгая особенно людныхъ улицъ и осторожно пробираясь сѣтью узкихъ переулковъ.

Онъ шагалъ быстро, весело, наслаждаясь теплымъ вечеромъ, какъ душистой теплой ванной, и на сердцѣ у него было злорадно-весело, и отъ этого сердце билось ускореннымъ темпомъ. Онъ чувствовалъ себя побѣдителемъ, господиномъ положенія и съ холодной жестокостью думалъ о томъ, какъ онъ отомститъ своимъ врагамъ.

Буря пронеслась надъ его головой, но не свалила его; наоборотъ, онъ вышелъ изъ нея сильнѣе прежняго, такъ какъ въ немъ вспыхнулъ весь его прежній воинственный задоръ. Онъ снова сталъ вождемъ; какъ прежде, ему повиновались, не раздумывая, съ беззавѣтной преданностью, опьяняющей вождей. То, что онъ убилъ и былъ публично обвиненъ въ убійствѣ, отнюдь не казалось ему достаточнымъ для того, чтобы надъ нимъ восторжествовалъ законъ: онъ былъ такъ тирански увѣренъ въ своемъ верховномъ правѣ, что никогда добровольно не подста-

---

[1]) *Окончаніе.* См. *Русская Мысль* 1915 г., кн. I—VI.

вилъ бы своихъ рукъ подъ оковы, ибо не признавалъ въ мірѣ такой силы и власти, которая смѣла бы сколько-нибудь ограничить его царственную власть.

А если бы насталъ такой день, Ферентo отказался бы повиноваться: никто не увидалъ бы его на скамьѣ подсудимыхъ, между двумя сбирами—такого торжества для своего честолюбія Сальваторе Донадеи не дождется.

Если бы на то пошло, онъ не отступилъ бы и передъ открытымъ бунтомъ и дорого бы продалъ свою жизнь: прежде, чѣмъ взять его, пришлось бы выдержать серьезный бой съ его приверженцами, и, въ концѣ-концовъ, онъ достался бы въ руки врагамъ уже мертвымъ.

Законъ годится для устрашенія мелкихъ анархистовъ, но не для него—онъ вождь: стоитъ ему дать знакъ, какъ начнется жестокая рѣзня. Въ душѣ его кипѣла жгучая ненависть противъ всѣхъ этихъ людишекъ, осмѣлившихся обойтись съ нимъ, какъ съ заурядnымъ человѣкомъ. Во время битвы въ немъ загорались всѣ жестокіе и властные инстинкты, дѣлавшіе изъ этого апостола идей неукротимаго владыку надъ людьми.

Въ этотъ вечеръ для него было уже несомнѣннымъ, что битва должна быть имъ выиграна. Врачи, которымъ поручено было вскрытіе трупа, были всѣ трое хорошо знакомы; всѣ ихъ профессіональные недочеты и честолюбивые замыслы каждаго онъ зналъ, какъ хозяинъ знаетъ слабости и недостатки своихъ слугъ, и зналъ, что, хотя бы имъ и заплатили деньги, хотя бы у нихъ и были подозрѣнія, никогда они не осмѣлятся дать заключеніе въ ущербъ ему, Ферентo, тѣмъ болѣе, что доказательствъ нѣтъ и ихъ найти нельзя.

И сами обвинители смутно чувствовали, что не видать имъ Андреа Ферентo на скамьѣ подсудимыхъ; и даже тѣ, кто, по злобѣ или изъ зависти, убаюкивалъ себя такой надеждой, не признавались въ ней открыто, опасаясь его мести. Знали, что онъ человѣкъ сильный и что сильные никогда не бываютъ одиноки,—что за него отомстятъ, если не самъ онъ, такъ сплоченная олигархія, которая не терпитъ, когда сколько-нибудь урѣзываютъ ея права и привилегіи. Въ томъ-то и заключалась сила Андреа Ферентo, что, если бы его свалили, если бы сами его сторонники соблазнились и предали его, онъ въ своемъ паденіи увлекъ бы за собою слишкомъ многихъ, возсталъ бы грознымъ обвинителемъ противъ этой самой олигархіи, которая отреклась отъ него, и, разъ сбросивъ маску, даже одинъ, безъ сторонниковъ, могъ бы поднять такой скандалъ, какого не запомнитъ вся страна.

Онъ велъ свою игру такъ ловко и умѣло, что отстоять его было не трудно, но, будь это даже и очень трудно, его постарались бы спасти любой цѣной, чтобъ отстоять въ немъ привилегію, которой многіе сотни разъ требовали для себя. Всего страшнѣй и сильнѣй не тотъ человѣкъ, который былъ сообщникомъ, а тотъ, который, самъ не путаясь, знаетъ и видѣлъ чужіе плутни и грѣхи. До сихъ поръ онъ не напоминалъ объ этомъ, но теперь онъ велъ войну, его травили на смерть, и, чтобъ не упасть, онъ, молча, наскоро, давалъ знакъ всѣмъ тѣмъ, кто долженъ былъ ему повиноваться.

Убилъ онъ или не убилъ—для нихъ это неважно; но если стая озвѣрѣлыхъ псовъ потащитъ его на площадь—надъ этимъ стоитъ призадуматься, потому что „сегодня ты, а завтра я“, и не годится такого человѣка отдавать на поруганіе плебсу.

О! сколько завистниковъ слѣдили жадными глазами за каждымъ его шагомъ, ходили за нимъ по пятамъ, готовые зашипѣть и броситься, и загрызть его, только бы онъ упалъ на колѣни,—завистниковъ не только политическихъ, но и профессіональныхъ, и личныхъ враговъ—сколько посредственностей, въ сравненіи съ которыми онъ стоялъ на недосягаемой высотѣ и которыя съ замираніемъ сердца чаяли минуты, когда онъ будетъ пресмыкаться въ прахѣ у ихъ ногъ.

Онъ хорошо зналъ это, и его гордость тѣшило, что безсильный гнѣвъ этихъ людей разбивается о него, какъ о неприступную скалу. Можетъ быть, даже въ самой его клиникѣ, въ святилищѣ, гдѣ онъ училъ и цѣлилъ, соперники, не имѣющіе шансовъ превзойти его инымъ путемъ, ждутъ не дождутся, когда другіе нанесутъ ему смертельный ударъ. Сколько Сальваторе Донадеи, большихъ и маленькихъ, завидуютъ его славѣ и, безвѣстные, безмолвные, подъ маской дружбы, ждутъ, когда можно будетъ открыто залаять на него.

Одинъ только изъ всѣхъ посмѣлъ,—обнаруживъ стремительное, необдуманное мужество, рискнувъ въ свою очередь очень многимъ—своимъ положеніемъ; для такого человѣка, какъ Донадеи, скупого, осторожнаго, жуликоватаго,—это было очень много. Но онъ поддался страсти, увѣрился, что нападеніе должно достигнуть цѣли, и, ставъ во главѣ атакующихъ, сжегъ за собой мосты.

Правда, у него были свои сторонники и покровители, люди весьма вліятельные, но все же авторъ статей, подписываемыхъ „Ergo“, не соблюдалъ даже и той элементарной осторожности, которая обязываетъ каждаго обвинителя и полемиста непрестанно

держать въ памяти статьи Уголовнаго Кодекса, относящіяся къ диффамаціи. А Сальваторе Донадеи бросилъ камень—и счелъ своего врага уже мертвымъ.

Очевидно, для него было свирѣпымъ наслажденіемъ первому нанести ударъ ненавистному противнику, и это настолько ослѣпило его, что онъ не допускалъ и мысли, что ударъ можетъ попасть мимо цѣли.

Слишкомъ ужъ онъ понадѣялся на д-ра Паольери и другихъ, видѣвшихъ трупъ Фіеско; должно быть, такъ ошеломленъ былъ нежданно открывшейся возможностью, что тутъ же, сразу принялъ ее своею мыслью и желаніемъ, не то, чтобы не обсуждая ея, но обсуждая пристрастно, заранѣе твердо увѣренный, что такого рода обвиненія, правдиваго или хотя бы лишь правдоподобнаго, достаточно, чтобы морально погубить такого человѣка, какъ Ференто.

Онъ, вѣроятно, даже не вникалъ въ самую сущность обвиненія и не задавался вопросомъ, дѣйствительно ли виноватъ Ференто; достаточно было того, что передъ судомъ его можно обвинить въ подобномъ преступленіи, натравить на него всю бѣшеную свору своихъ партійныхъ сторонниковъ, стащить его съ пьедестала и пригвоздить къ позорному столбу его любовь.

Всю жизнь человѣкъ этотъ былъ для него кошмаромъ. Сальваторе Донадеи воображалъ, что онъ борется за свою идею—въ дѣйствительности, онъ боролся только противъ идей Ференто; онъ считалъ себя честолюбцемъ отъ природы—на самомъ дѣлѣ, его честолюбіе вытекало только изъ желанія помѣряться силою съ Ференто; и ненавидѣлъ-то онъ его главнымъ образомъ за то, что Ференто, вмѣсто того, чтобы поднять перчатку, только отмахивался отъ нея, какъ отъ назойливаго комара.

Съ годами эта ненависть до того укоренилась въ немъ, что онъ отдалъ бы и свою вѣру, и свой журналъ, и свои деньги, и даже дѣтей своихъ за удовольствіе повалить противника наземь, навалиться на него и задушить, какъ гасятъ плащомъ огонь поверженной лампады. И въ моментъ, когда это показалось ему возможнымъ и осуществимымъ, этотъ коварный и осторожный человѣкъ далъ опьянить себя жестокою надеждой.

Съ того дня, когда Сальви и Метелло пришли къ нему съ предложеніемъ гнусной сдѣлки, онъ не зналъ минуты покоя. Онъ составилъ планъ нападенія, разыскивалъ и подкупалъ свидѣтелей, училъ ихъ, какъ показывать, подкупилъ часть печати и пустилъ въ ходъ все свое вліяніе, какъ политика, журналиста и главы католической партіи, чтобы поскорѣе пробилъ часъ гене-

ральной стычки и публичной огласки заговора, сотканнаго во мракѣ.

Если-бъ Андреа Ферентo былъ только платоническимъ глашатаемъ идей, одинокимъ искателемъ истины, героически удалившимся отъ міра, безъ сомнѣнія, эти господа, и численностью своей, и еще крѣпкимъ владычествомъ предразсудка надъ людьми, легко бы одолѣли его. Но Андреа Ферентo былъ, кромѣ того, еще и дѣятель, боецъ, человѣкъ партіи, любившій жизнь, въ которой владычествуютъ сильные, знающій, что выше всѣхъ общественныхъ силъ, объединяющихся для того, чтобы предотвратить воцареніе одного, всегда стояла и будетъ стоять сила одинокаго.

Онъ издѣвался въ душѣ надъ тѣми, кто надѣялся увидать его, Ферентo, жалкимъ и приниженнымъ, готовымъ сознаться въ своемъ преступленіи на скамьѣ подсудимыхъ. Неужто же онъ столько лѣтъ изучалъ матерію, столько лѣтъ провозглашалъ со своей каѳедры послѣднія слова науки для того только, чтобы, когда ему самому довелось уничтожить живое существо, влить въ жилы жертвы ядъ, присутствіе котораго можетъ установить любой экспертъ. Ну, нѣтъ! Свое преступленіе онъ обставилъ, какъ научный опытъ: природа шире, чѣмъ это извѣстно фармацевтамъ-отравителямъ, которые уповаютъ только на молчаніе могилъ. Не затѣмъ онъ, Андреа Ферентo, талантливѣйшій изъ европейскихъ ученыхъ, день за днемъ, недѣлю за недѣлей обдумывалъ свое преступленіе и подготовлялъ его спокойно, съ полной обдуманностью, которую даетъ не знающая страха воля.

Вначалѣ, правда, онъ боялся—не людского правосудія, а силы партій, объединившихся противъ него, способныхъ, безъ сомнѣнія, и подкупить экспертовъ, и вынудить ихъ дать сомнительное заключеніе, и на основаніи этого притянуть его къ уголовному суду или, по крайней мѣрѣ, отпустить его оправданнымъ по недостатку уликъ. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы въ одинъ день разрушить все дѣло цѣлой его жизни, и возможно, что на это у его враговъ могло хватить силы. Вначалѣ онъ серьезно опасался этого, такъ какъ напали на него врасплохъ, а онъ ужъ много лѣтъ брезгливо сторонился компромиссовъ и обмановъ.

Но передъ лицомъ опасности онъ съ удивительною быстротой снова очутился на своемъ боевомъ посту и воскресилъ въ своей памяти всѣ стратегическіе пріемы, которыми въ былое время добивался власти.

И давленію, которое оказывали на слѣдственную власть его противники, онъ противопоставилъ другое давленіе, болѣе сильное; если у враговъ его было тайное намѣреніе повліять на

экспертовъ, онъ заставилъ выборъ пасть на такихъ людей, которые могутъ устоять противъ всякаго соблазна; если часть печати въ первое время яростно нападала на него, онъ постепенно, предостереженіями и угрозами, заставилъ редакторовъ газетъ обуздать не въ мѣру пылкихъ сотрудниковъ; а тѣмъ временемъ, съ своей стороны, терпѣливо, съ аккуратностью картезіанскаго монаха, подготовлялъ привлеченіе Сальваторе Донадеи къ суду за диффамацію, которое было бы хорошимъ урокомъ для этого кроткаго агнца, подписывавшагося псевдонимомъ: „Ergo“.

Онъ хорошо зналъ, что для крупнаго дѣла нуженъ и крупный адвокатъ, и ежедневно проводилъ по нѣсколько часовъ въ кабинетѣ сенатора Ипполито Сандонато, который силою своего слова покорялъ и судей, и присяжныхъ, и, несмотря на свой преклонный возрастъ, оставался пылкимъ и отважнымъ, какъ начинающій юристъ.

Разъ битва начата, нельзя было ни проиграть ея, ни выиграть наполовину, и среди нервнаго напряженія, вызываемаго въ немъ этой борьбой, подлинная исторія его преступленія отошла на задній планъ, почти затушевалась въ его памяти новыми бурными переживаніями.

Онъ шагалъ легко, перебирая въ умѣ самыя отдаленныя послѣдствія всего случившагося,—сегодня особенно веселый, такъ какъ ему пришла въ голову удачная мысль, которую Ипполито Сандонато рѣшилъ осуществить.

Этотъ добрый Танкредо Сальви, такъ горячо ревнующій объ интересахъ правосудія, такой безкорыстный и неподкупный, словно францисканецъ...

Почему бы и ему, въ свой чередъ, не попробовать купить эти продажныя души и не обезвредить наемниковъ врага? На войнѣ всѣ средства хороши. Его адвокатъ нашелъ прекрасный способъ, совершенно безопасный, позондировать почву, пощупать этого фиктивнаго обвинителя, питающаго такую очевидную слабость къ звонкой и иной монетѣ.

Раздумывая обо всемъ этомъ, онъ незамѣтно дошелъ почти до дому, какъ вдругъ до него изъ сосѣдней большой улицы донесся смутный говоръ и дорогу ему загородила куда-то бѣгущая толпа.

До дома оставалось всего нѣсколько шаговъ, только завернуть за уголъ; дальше чернѣла кишащая народомъ площадь, съ которой и доносились крики. Андреа не могъ разобрать, въ чемъ

дѣло, но, очевидно, кричали газетчики, во всю глотку выкрикивая какую-то неожиданную новость, и продавали нарасхватъ летучіе листки. Почти одновременно и позади него раздались тѣ же крики, и, обернувшись, онъ увидалъ съ полдюжины газетчиковъ, красныхъ и осипшихъ отъ непрерывнаго крика, пыхтящихъ подъ тяжестью пачекъ газетъ, которыя они тащили; а за ними—толпу, быстро разбиравшую у нихъ вечернія приложенія съ крупными заголовками. Они вихремъ пронеслись мимо Андреа, и тутъ онъ услыхалъ...

Поблѣднѣлъ, какъ полотно, ушамъ не вѣря, озираясь кругомъ и тщательно прислушиваясь... Но нѣтъ, онъ не ошибся; газетчики, дѣйствительно, орали:

— Убійство Сальваторе Донадеи!.. Приложеніе къ *Эпохѣ*... Приложеніе къ *Новому Журналу*... Убійство Сальваторе Донадеи!..

Андреа ничего уже не видѣлъ и не слышалъ. Передъ глазами у него поплыли красные круги, сердце заколотилось въ груди—онъ самъ не зналъ, отъ радости или отъ страха... Потомъ остановился—ему вдругъ показалось, что всѣ эти люди смотрятъ на него, какъ бы подозрѣвая его и въ этомъ новомъ преступленіи. Смерть цѣплялась за него, какъ неотступная подруга. Инстинктивно ему захотѣлось бѣжать, куда глаза глядятъ... потомъ, кинуться въ самую гущу этой толпы и крикнуть, что есть мочи: „Не я... не я!..“.

Прибѣжали новые газетчики; вся улица казалась бѣлой отъ развернутыхъ листовъ. Машинально онъ пошарилъ въ карманѣ, нашелъ монетку, купилъ приложеніе и, не читая, почти бѣгомъ добѣжалъ до дому. У воротъ стояла толпа; онъ протискался черезъ нее, очутился во дворѣ, освѣщенномъ ацетиленовымъ фонаремъ. Кто-то шелъ ему навстрѣчу; онъ разсѣянно спросилъ:

— Что такое случилось?—и развернулъ газету.

Заглянулъ—и громко вскрикнулъ, прочтя въ заголовкѣ столбца: „Убійца—ассистентъ Андреа Ферето, Эдиджіо Розалесъ“.

— Да нѣтъ же! Нѣтъ! Не можетъ быть!—восклицалъ онъ съ отчаяніемъ, въ то же время пробѣгая строку за строкой и не замѣчая, что около него уже столпился кружокъ безмолвныхъ зрителей.

Отъ времени до времени онъ испуганно оглядывался на нихъ и продолжалъ читать, съ жадностью и съ ужасомъ.

Въ замѣткѣ сообщалось, что нѣсколько часовъ тому назадъ, когда Сальваторе Донадеи выходилъ изъ редакціи своей газеты вмѣстѣ съ завѣдующимъ хроникой, въ подъѣздѣ ему неожиданно загородилъ дорогу какой-то молодой человѣкъ и выстрѣлилъ въ

него въ упоръ изъ револьвера, трижды подъ-рядъ, при каждомъ выстрѣлѣ восклицая:

— Баста! Будетъ съ васъ! Достаточно!

Двѣ пули угодили въ грудь и одна въ лобъ; Донадеи упалъ на мѣстѣ мертвымъ.

Юноша швырнулъ на его трупъ дымящійся револьверъ, повернулся къ улицѣ и крикнулъ:

— Онъ хотѣлъ убить святого... я отомстилъ за него.

И скрылся. Все—въ одно мгновеніе.

Десять минутъ спустя убійца явился въ полицію заявить о своемъ преступленіи, при чемъ, вмѣсто всякаго объясненія, повторялъ тѣ же слова, съ упорствомъ и спокойствіемъ загипнотизированнаго. Во время допроса въ участкѣ онъ отвѣчалъ спокойно, хотя правая рука его, убившая, все время дрожала и онъ придерживалъ ее лѣвой. Убійца далъ о себѣ слѣдующія свѣдѣнія:

— Меня зовутъ Эдиджіо Розалесъ; мнѣ двадцать шесть лѣтъ; я сирота, семьи и родныхъ у меня нѣтъ; я—старшій ассистентъ профессора Ферento. Этому человѣку я всѣмъ обязанъ и только ему одному: избавивъ его отъ врага, я только выполнилъ долгъ благодарности.

— Вы были знакомы съ Донадеи?

— Нѣтъ.

— Вамъ извѣстно, что онъ умеръ?

— Да; я и хотѣлъ убить его.

Ни единый мускулъ, ни одна черта въ его лицѣ не дрогнули, это нѣжное юношеское лицо было недвижно, словно каменное; только зрачки, словно утратившіе всякую способность выраженія, горѣли неподвижнымъ огнемъ и, казалось, уходили все дальше и дальше вглубь.

Ферento рванулся впередъ, растолкалъ стоявшихъ около него; выбѣжалъ на улицу, вскочилъ въ первый попавшійся извозчичій экипажъ и велѣлъ ѣхать на ближайшій полицейскій пунктъ.

— Я хочу видѣть его, сейчасъ же, сейчасъ же... видѣть его...

Полицейскій комиссаръ пригласилъ его въ свой кабинетъ; ввели Розалеса, между двухъ жандармовъ, блѣднаго, съ поднятымъ воротникомъ. Ясный лобъ его и нѣжные, какъ у женщины, глаза блистали экстатическимъ спокойствіемъ.

Ферento кинулся къ нему, словно хотѣлъ вырвать его изъ рукъ безстрастныхъ стражей, рослыхъ, бравыхъ, вытянутыхъ въ струнку, въ наглухо застегнутыхъ мундирахъ.

— Розалесъ! Дитя мое! Что вы сдѣлали? Зачѣмъ вы это сдѣлали?...

Вмѣсто отвѣта, юноша, весь дрожа, упалъ къ ногамъ учителя и съ рыданіемъ обхватилъ руками его колѣни, лепеча:

— Простите, простите... я не могъ допустить, чтобъ вы... чтобъ васъ...

Ферепто почти насильно поднялъ его, и, какъ отецъ съ сыномъ, какъ два брата, они долго плакали, обнявшись...

VIII.

Слѣдствіе длилось еще нѣкоторое время, пока эксперты не вынесли категорически отрицательнаго заключенія относительно присутствія яда, и затѣмъ было прекращено, а преступленіе Андреа Ферепто признано несуществующимъ.

Разсѣченный трупъ Джіорджіо вернулся на маленькое деревенское кладбище продолжать свой прерванный сонъ подъ отцвѣтшими маками, сонно клонившимися долу на тонкихъ стебляхъ, подъ тяжестью зрѣлыхъ сѣмянъ, и желтѣющими листьями, сорванными вѣтромъ съ деревьевъ.

Такъ пронеслась буря надъ головой непокорнаго и развѣялась облакомъ пыли, и слабый отголосокъ ея замеръ вдали.

Въ самый трагическій моментъ борьбы юный фанатикъ кинулся въ самую гущу дерущихся—спасать своего пророка, и хотя героизмъ его ничуть не повліялъ на исходъ дѣла, здѣсь, какъ и всегда, міръ не могъ не восхищаться этимъ варварски великолѣпнымъ подвигомъ.

Какъ и думалъ, какъ и желалъ Ферепто, битва была выиграна безусловно, на всѣхъ позиціяхъ, безъ оговорокъ; путь очищенъ, и онъ снова могъ итти дальше, къ головокружительнымъ высотамъ. Этотъ новый искусъ создалъ ему новую фалангу сильныхъ и сплоченныхъ приверженцевъ, которые готовы были защищать его съ оружіемъ въ рукахъ до послѣдней капли крови, и теперь онъ могъ направить, куда ему угодно, свою тріумфальную колесницу.

Пораженная въ самое сердце, враждебная факція легко сдалась, и теперь Андреа могъ выбирать способы мести. Толпа, та самая толпа, которая бѣсновалась при одномъ его имени, теперь рукоплескала ему; убѣдилась она или нѣтъ въ его невинности—все же онъ оказался сильнѣй своихъ враговъ, и этого было достаточно, такъ какъ, по логикѣ жизни, кто силенъ, тотъ и правъ.

Онъ еще не достигъ предѣла зрѣлости; ему было всего лишь

тридцать восемь лѣтъ, и жизнь лежала передъ нимъ, яркая и полная, какъ у двадцатилѣтняго юноши. Онъ былъ убѣжденъ, что шелъ правымъ путемъ, по-своему умѣлъ различать добро и зло и свое убѣжденіе исповѣдывалъ съ полной искренностью. Если онъ согрѣшилъ, то лишь гордыней—тѣмъ, что не хотѣлъ принять чужихъ боговъ и создалъ себѣ своего, рождающагося и умирающаго вмѣстѣ съ человѣкомъ.

IX.

Тѣмъ временемъ въ домѣ Джіорджіо Фіеско Новелла родила Андреа сына.

Онъ родился легко, въ часъ, когда на небѣ загораются звѣзды, въ тихой комнаткѣ, куда въ открытое окно вливались ароматы осени.

Новеллу усыпили, чтобъ избавить ее отъ страданій. Проснувшись, она улыбнулась, ища глазами милаго, который слѣдилъ за ней изъ темноты. Медленно приподняла надъ одѣяломъ полунагую руку, чтобы позвать его, потомъ прижалась щекой къ подушкѣ и закрыла глаза.

Въ синіе квадраты оконъ глядѣли тихія звѣзды; съ улицы не доносилось никакого шума. Дитя, выношенное съ такими бурями душевными и мукой, рожденное цѣною смерти, вступило въ міръ въ часъ абсолютнаго покоя.

Его приняла на руки сѣдая мать Новеллы. Она еще не забыла, что сама родила и вырастила, одного за другимъ, троихъ дѣтей, и что-то отъ ея угасшей молодости оживало въ этомъ невнятномъ крикѣ, который былъ уже человѣческимъ голосомъ.

И какъ же могла она, усталая и старая, не улыбнуться этому цвѣтку? Да... тѣни... тѣни... Но для матери, ужъ не рождающей, единственное, что еще прекрасно въ мірѣ,—это трепетъ новой жизни... Сама она была непорочной, вѣрной супругой, но что такое проступокъ, который общество зоветъ грѣхомъ, передъ святыней новаго существа, родившагося въ міръ?... И старыя морщинистыя руки радостно дрожали, укладывая въ колыбельку крохотное тѣльце.

Дочь ея согрѣшила, но она выносила подъ сердцемъ своимъ новаго человѣка, и въ глазахъ матери это снимало съ нея грѣхъ, покрывало распутство любовницы святой и мучительной чистотою материнства. И она инстинктивно забывала объ умершемъ, чтобъ оберегать и любить только тѣхъ, кто неумолимо продолжаетъ жизнь.

И Марія-Дора, еще недавно мрачно слѣдившая за тѣмъ, какъ изъ глубокой ямы вытаскивали гробъ Джіорджіо, теперь съ улыбкой, съ почти материнской нѣжностью склонялась надъ колыбелькой, выложенной мягкими подушечками, гдѣ крохотный живой клубочекъ силился открыть щелочки-глазки и слипшіяся губки, чтобы взглянуть на міръ, чтобы вздохнуть.

Въ сосѣдней комнатѣ въ темнотѣ стоялъ у окна юродивый и смотрѣлъ на звѣзды и взвизгивалъ отъ радости, какъ мальчикъ, когда съ неба падала звѣзда. И, какъ всегда, при этомъ сочинялъ стихи—о звѣздахъ, горящихъ соломинкахъ, которыя падаютъ съ неба и которыя надо ловить въ перчаткахъ.

Ферento, безмолвный и сосредоточенный, не отходилъ отъ Новеллы, не отрывалъ глазъ отъ постели, уже оправленной, на которой покоилась она—неузнаваемая, тѣнь самой себя, блѣдная, съ прилипшей ко лбу прядью волосъ. Обнаженная рука ея покоилась на одѣялѣ, и на рукѣ блестѣлъ браслетъ, котораго она, несмотря на трауръ, никогда не снимала. Такъ странно блестѣлъ въ темнотѣ тоненькій золотой обручикъ, словно былъ свѣтящимся центромъ комнаты и черныхъ спиралей тѣни, обвивавшихся вокругъ нея.

И золотистый отсвѣтъ отъ него ложился на руку, но кисть была недвижна и удивительно бѣла, почти прозрачна. Дыханіе спящей слегка приподнимало простыню; ноги были прикрыты красивымъ couvre-pieds изъ ирландскаго гипюра, съ голубой атласной лентой, продернутой въ кружева и завязанной по краямъ четырьмя пышными бантами.

Стоячая лампада, невидимая подъ густымъ абажуромъ, лила слабый, убаюкивающій свѣтъ; вдали гдѣ-то тикали часы; на ночномъ столикѣ у кровати въ бокалѣ стояли три розы.

Какъ онъ любилъ ее! Какъ любилъ! Съ какою болью! Съ какою нестерпимою печалью... до муки... до слезъ...

Теперь у нихъ былъ сынъ; теперь они были связаны на всю жизнь. Но онъ не чувствовалъ, что у него есть сынъ, хоть этотъ сынъ уже родился и былъ показанъ отцу. Онъ чувствовалъ только одно: любовь къ ней, любовь, желаніе и страхъ... Но и это все по-иному, по-новому...

Неожиданно онъ задалъ себѣ вопросъ: останется ли она красивой?

И почувствовалъ, что красота ея ему необходима.

Потомъ оглянулся назадъ, на все, свершенное имъ для того, чтобъ дождаться этой минуты, и у него даже голова закружилась, какъ будто онъ заглянулъ въ бездонную пропасть собственной любви.

И снова въ сердцѣ его всплыло на поверхность почти эротическое ощущеніе ихъ сообщничества. Онъ представилъ ее себѣ такой, какой она бывала ночью, безумной, улыбающейся въ своей ненасытимой страсти, и на него повѣяло нѣжнымъ запахомъ ея.

Изъ сосѣднихъ комнатъ доносился говоръ голосовъ, но въ этой полутемной комнатѣ слышны были только звуки ночи... Ихъ здѣсь оставили вдвоемъ, а тамъ были родные, докторъ, акушерка, слуги, всѣ домашніе, столпившіеся у колыбели, склонясь надъ новой, только лишь затеплившейся жизнью, какъ надъ чудомъ, которое всегда дивитъ живыхъ.

Новелла спокойно спала, утомленная выполненнымъ долгомъ материнства, и, должно быть, даже во снѣ чувствовала облегченіе. На губахъ ея, припухшихъ и слегка искривленныхъ, блуждала какая-то пьяная улыбка...

Въ сосѣдней комнатѣ напѣвалъ юродивый:

Sorella... non erano fili
Di paghlia, e nemmeno d'argento;
Non eranoche un po'di Sento
Rosso... ne ho prese piu che cento;
M'hanno bruciato i guanti.
Je diamo al bambino piccino
Le stelle filanti, filanti? [1])

Они были одни въ тихой комнатѣ; налетавшій теплый вѣтерокъ надувалъ занавѣси, не сдвигая ихъ, не призводя ни малѣйшаго шума. За окномъ, казалось, колыхался покровъ изъ черной кисеи, заключенный въ лазурный кругъ, и внутри круга буйно свѣтили звѣзды, словно свѣтящіеся червячки, пойманные въ тончайшую сѣтку.

Теперь онъ думалъ о томъ, что любитъ ее, любитъ страстно, до забвенія всего на свѣтѣ; любовь эта словно вливала въ его жилы пьянящій сокъ опіума.

X.

Но онъ убилъ...

Устраненіе соперника было въ его глазахъ жестокимъ но необходимымъ актомъ утвержденія своего господства, и совѣсть не корила его, и его не терзали угрызенія, терзающія малодушныхъ. Если иной разъ на него нападали сомнѣнія, онъ безъ труда

---

[1]) Сестра, то были не соломинки и не серебряныя нити... то былъ лишь красивый вѣтеръ... я поймалъ ихъ больше сотни; онѣ сожгли мнѣ перчатки... хочешь, дадимъ ихъ маленькому мальчику, эти падучія звѣзды?

быстро овладѣвалъ собой и, поразмысливъ, отгонялъ ихъ. Мелкіе страхи средняго человѣка были ему чужды, но его мучило другое—ложь и молчаніе, котораго онъ, какъ человѣкъ мужественный, не могъ себѣ простить.

На него напали врасплохъ; онъ защищался всѣми средствами, въ томъ числѣ и ложью, ибо въ борьбѣ человѣка съ человѣкомъ все дозволено, только бы одолѣть противника. Но теперь, когда борьба окончилась, его обманъ внушалъ ему непобѣдимое отвращеніе, ибо человѣкъ можетъ солгать въ часъ опасности, но жить всю жизнь во лжи не долженъ.

Съ одной стороны, онъ былъ въ мирѣ съ своей совѣстью—такъ, по крайней мѣрѣ, ему казалось; съ другой—чувствовалъ, какъ онъ съ каждымъ днемъ становится чуждъ и противенъ самому себѣ; и это нравственное бремя тяготило, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе.

Мѣсяцы шли за мѣсяцами; исторія одной смерти закончилась эпилогомъ у колыбели новорожденнаго; чтобъ отдохнуть и дать людямъ немного позабыть о себѣ, онъ провелъ нѣсколько недѣль въ глухой деревнѣ, вмѣстѣ съ Новеллой и семьей Новеллы, лелѣявшей ихъ мальчика.

Теперь уже никто изъ Ланди, даже и Марія-Дора, не сомнѣвался въ томъ, что Андреа, дѣйствительно, былъ невиновенъ: ни малѣйшее сомнѣніе не приходило имъ въ голову—такъ глубоко укоренилось въ сердцѣ простого человѣка уваженіе къ приговору суда. Притомъ же, съ рожденіемъ этого ребенка, котораго всѣ молча признавали его сыномъ, Андреа завоевалъ какъ бы право на ихъ любовь; еще немного, и въ домѣ снова будетъ свадьба; усопшій не оставилъ себѣ замѣстителя, и семья, какъ живой организмъ, безсознательно ищущій себѣ господина, сплотилась около тѣхъ, кто продолжаетъ родъ. Въ этомъ не было ни жестокости, ни равнодушія—такъ всегда и вездѣ бываетъ, ибо право мертваго надъ живыми не идетъ дальше извѣстнаго предѣла.

Только поздней осенью Андреа вернулся въ свою клинику, а Ланди—въ свой деревенскій домикъ. Но вскорѣ послѣ того Новелла, которая не умѣла жить вдали отъ милаго, вернулась въ городъ и въ послѣдній разъ поселилась въ домѣ Джіорджіо Фіеско, оставивъ ребенка на попеченіе бабушки.

Материнство не убило ея красоты—напротивъ, послѣ родовъ она какъ будто еще помолодѣла, стала еще жизнерадостнѣй и безъ страха, безъ стыда, полною чашей пила свое блаженство. Весной они рѣшили повѣнчаться, и жизнь разстилалась передъ молодою женщиной, какъ залитый солнцемъ цвѣтущій лугъ.

И Андреа также все время тянуло быть поближе къ ней; возлѣ нея онъ забывался; на ея груди затихала его мука, и теперь онъ уже не могъ обходиться безъ нея, какъ безъ любимаго наркотика. Вдали отъ нея все мѣнялось.

Она вернулась веселою, какъ дѣвочка; съ изумительной легкостью она оправилась отъ пережитой драмы. Иной разъ она забывала даже, что у нея есть ребенокъ, и была только любовницей, радостной, смѣющейся.

Это была ея настоящая, первая молодость, не успѣвшая расцвѣсть во время ея печальнаго замужества, и теперь, если присмотрѣться, Новелла больше прежняго походила на свою младшую златоволосую сестру.

Современемъ, съ первыми признаками старости, она станетъ настоящей матерью, но теперь, пока все ея прекрасное тѣло зоветъ и влечетъ къ наслажденію, пока молодая кровь огнемъ бѣжитъ по жиламъ, пока сквозь завѣсу золотистыхъ рѣсницъ міръ представляется ей залитымъ солнцемъ цвѣтущимъ лугомъ... хоть и вдова, хотя и мать, хоть и запутанная въ темную и опасную драму, она умѣла только любить до самозабвенія, только тянуться грѣшными руками къ своему блаженству.

Когда Андреа затуманивался, одной ея ласки достаточно было, чтобы лицо его прояснилось, и это сознаніе своей безпредѣльной власти надъ нимъ мѣшало ей подмѣтить и вглядѣться въ кризисы, которые переживала душа любимаго. Ея собственная радость заслоняла отъ нея чужую боль, ибо, поистинѣ, немногіе мужчины умѣютъ быть такими нечуткими и до такой степени ничего не замѣчающими, какъ иной разъ бываетъ женщина.

Для ея лихорадочнаго нетерпѣнія дни и недѣли тянулись слишкомъ медленно: ей хотѣлось бы, чтобъ каждое утро было послѣднимъ передъ свадьбой. Но порою смутный страхъ тѣснилъ ей сердце, омрачая ея радость: человѣкъ такъ пріучился къ скорби, что, когда ему хорошо, когда сбывается счастливая мечта, онъ испытываетъ суевѣрную тревогу; только усиліемъ разума мы заставляемъ себя вѣрить въ счастье—отъ природы человѣкъ предрасположенъ ждать дурного.

Дни смѣняли другъ друга, какъ зерна четокъ; домъ Джіорджіо Фіеско былъ слишкомъ великъ для одной Новеллы; ей было тамъ не по себѣ и почему-то грустно. И она старалась проводить тамъ какъ можно меньше времени—только тѣ часы, которые Андреа дѣлилъ между клиникой и университетомъ. Къ ней на домъ онъ никогда не приходилъ; оба, словно по безмолвному уговору уважая мертваго, оберегали святость его очага.

Но какъ только близился часъ возвращенія Андреа, она прикрывала смѣющееся лицо траурною вуалью и съ восхитительнымъ чувствомъ виноватости, всячески стараясь не привлекать на себя анонимнаго любопытства улицы, ѣхала къ Андреа.

Обыкновенно она пріѣзжала раньше его и ждала его съ замираніемъ сердца, словно они вѣкъ не видѣлись, и, притаивъ дыханіе, прислушивалась къ звуку его шаговъ.

Иногда она не отпускала его, или, по крайней мѣрѣ, задерживала, такъ что онъ опаздывалъ, съ какой-то ребяческой жестокостью наслаждаясь этими минутами, украденными у суроваго долга; съ тѣхъ поръ, какъ она вошла такъ близко въ его жизнь, онъ научился любить и ея маленькіе женскіе капризы и съ улыбкой исполнять ихъ. Вечеромъ они ужинали вмѣстѣ за столомъ, украшеннымъ цвѣтами; кушанья, тонкія и легкія, она заботливо выбирала сама. Никакія развлеченія не замѣнили бы имъ прелести этого домашняго уюта, и суровый, сильный, властный человѣкъ погружался въ эту благоуханную атмосферу, созданную женщиной, съ наслажденіемъ кочевника, усталаго отъ непогоды и неожиданно уснувшаго на мягкой постели, подъ теплымъ шелковымъ одѣяломъ.

Теперь его квартира была полна разныхъ вещей, которыя Новелла приносила для себя: зеркалъ, бѣлья, туалетныхъ принадлежностей, несчетныхъ вазъ съ цвѣтами, множества граціозныхъ и безполезныхъ бездѣлушекъ, которыми она всегда окружала себя; и всѣ эти бездѣлки начинали становиться почти необходимыми и для него, занимать видное мѣсто въ его суровой жизни.

Она оставалась у него далеко за полночь, иной разъ до утра, и на утро онъ съ удовольствіемъ находилъ въ гардеробной ея капотикъ, ея туфельки, чинно стоящія рядомъ или опрокинутыя, на подножкѣ кровати или на коврикѣ въ ванной; любилъ смотрѣть, какъ блестятъ на полу шпильки, выпавшія изъ ея волосъ, любилъ находить на мраморномъ умывальникѣ, на туалетномъ или подзеркальномъ столикѣ флакончики, коробочки и баночки, пудренницы, напильники, пуховки, завивальные щипцы, гребенки и духи—весь блестящій арсеналъ, который служитъ женской красотѣ.

Мало-по-малу онъ такъ пристрастился къ этимъ пустячкамъ, что теперь уже не могъ бы жить безъ нихъ: безъ Новеллы, безъ всѣхъ этихъ ея вещицъ, которыя она разбрасывала по всѣмъ комнатамъ, домъ, гдѣ онъ прожилъ столько лѣтъ, показался бы ему ненавистнымъ и унылымъ; безъ этого запаха духовъ, который она оставляла за собой и который словно легкимъ флеромъ об-

волакивалъ каждый предметъ, ему недоставало бы самой главной, самой благодѣтельной части воздуха, которымъ онъ дышалъ.

Онъ привыкъ уже къ тому, что она поджидала его, спрятавшись за дверью, и неожиданно кидалась ему на шею; научился узнавать шелестъ ея черной юбки, стукъ каблучковъ по паркету; и эти звуки, сопровождавшіе ее, онъ слышалъ иной разъ и въ ея отсутствіе, и почувствовалъ бы себя несчастнѣйшимъ изъ людей, если-бъ ему сказали, что онъ больше никогда ихъ не услышитъ.

Стѣны дома какъ бы хранили отзвуки ея бархатнаго голоса, зеркала научились хранить ея изображеніе, всѣ предметы—помнить о ней.

Это была уже не просто любовь, но растущее безуміе, какая-то болѣзненная потребность въ ней, въ ея присутствіи и близости, тонкій ядъ, отравлявшій кровь, благодѣтельный и опасный, какъ морфій.

Вечерами они иногда катались вмѣстѣ за городомъ подолгу въ закрытомъ автомобилѣ. Зима была мягкая, ночи нерѣдко звѣздныя; свѣтъ рефлекторовъ неожиданно разрывалъ ночныя тѣни съ трескомъ обваливающихся потолковъ. Моторъ гудѣлъ человѣческимъ голосомъ. Иногда она спала у него на рукахъ, покачиваясь отъ каждаго толчка, безъ шляпы, съ растрепавшимися волосами, отъ времени до времени въ полудремотѣ поднимая лицо, чтобы онъ поцѣловалъ ее.

Въ темнотѣ она не видѣла, какимъ огнемъ пылалъ его недвижный взоръ, и не подозрѣвала, какимъ бѣшенымъ вихремъ роились мысли за этимъ блѣднымъ лбомъ.

Дорога неслась навстрѣчу, какъ рѣка между двухъ темныхъ береговъ.

Когда они поворачивали обратно, городъ казался вначалѣ темной грудой, приподнятой надъ окружающей равниной; затѣмъ, мало-по-малу, вырисовывался отчетливѣй подъ куполомъ красноватаго дыма и начиналъ трепетать вдали огоньками, словно огромный лагерь, гдѣ часовые ходятъ съ потайными фонарями, оберегая покой спящихъ.

Когда они въѣзжали на мощеную улицу, обоимъ становилось какъ-то страшно; Новелла приглаживала волосы, надѣвала шляпу, закутывалась траурною вуалью...

Такъ они прожили нѣсколько мѣсяцевъ. Въ воздухѣ подчасъ ужъ вѣяло весной; утренній иней сталъ изъ серебрянаго розоватымъ.

Однажды утромъ Андреа подумалъ: „Я усталъ“.

Усталъ—съ чего бы? Невыразимая усталость тяжкимъ бременемъ давила его душу. Онъ подмѣтилъ въ себѣ странную перемѣну—его самого точно подмѣнили.

Онъ весь усталъ, усталъ отъ всего — отъ пройденнаго пути, отъ работы собственнаго мозга.

Давно уже онъ не входилъ въ свою лабораторію; чтобъ не отвѣчать на докучные вопросы, онъ удалилъ отъ себя, поручивъ ему завѣдывать аптекой клиники, молодого бактеріолога, уже много лѣтъ помогавшаго ему во всѣхъ его опытахъ. Ему скучно было даже думать о своихъ прерванныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ: ни опыты, ни научныя книги не интересовали его больше. Съ него вдругъ спала маска, и онъ увидѣлъ себя другимъ человѣкомъ, чѣмъ считалъ до того; но общая усталость мѣшала ему стать себѣ судьей.

Безъ сомнѣнія, эта усталость унесла и значительную часть его любви къ страждущему человѣчеству и желанія цѣлить его; былая миссія превратилась для него въ ремесло, необходимое, но непріятное.

Машинально онъ продолжалъ руководить клиническимъ институтомъ и цѣлой фалангой врачей, изо дня въ день склоняться надъ вѣчными загадками матеріи и смерти, но въ то же время ему казалось, что внутренній голосъ вышучиваетъ его, какъ человѣка, дѣлающаго завѣдомо безполезное дѣло.

Часто, словно новичокъ, онъ съ любопытствомъ вглядывался въ мертвыхъ, и, такъ какъ смерть была неизбѣжнымъ финаломъ жизни всякой живой твари, ему казалось совершенно неважнымъ, умрутъ ли *другіе* нѣсколькими днями раньше или позже.

Другіе... онъ теперь не понималъ, какъ это можно *жить для другихъ*... Эгоизмъ его росъ съ каждымъ днемъ, но теперь онъ былъ чуждъ всякаго честолюбія и желанія первенствовать; самая жажда знанія была заглушена умственной лѣнью.

Какой-то червячокъ завелся въ стройномъ зданіи его разсудка и подтачивалъ циклопическія колонны архитрава, и, мнилось ему, все зданіе грозитъ вотъ-вотъ рухнуть, а онъ не въ состояніи былъ подвести новую, болѣе прочную арку подъ ту, которой угрожало крушеніе.

Онъ спрашивалъ себя:

„А если бы я не любилъ жены Джіорджіо, если-бъ ея беременность не угрожала вскорѣ обнаружиться, а просто, однажды вечеромъ онъ пришелъ бы ко мнѣ и попросилъ бы, чтобъ я помогъ ему скорѣе умереть,—попросилъ бы, какъ у друга, помощи и освобожденія,—помогъ бы я ему? Послушался бы его?“

Я рѣшительно отвѣчалъ себѣ: „Да“.

„При такихъ обстоятельствахъ мучился бы я потомъ угрызеніями?“

Отвѣтъ получился такой же рѣшительный: „Нѣтъ“.

„Такъ почему же теперь я мучусь? Значитъ, есть два способа убивать: одинъ—достойный осужденія, другой—не заслуживающій его“.

Въ душѣ человѣка, привыкшаго отвергать все, что не вытекало изъ твердо установленной истины, поселялся мучительный разладъ между мыслью и чувствомъ, между той частью насъ самихъ, которую мы творимъ своею волей, и тою, которая намъ досталась по наслѣдству отъ далекихъ предковъ. Мозгъ—наша собственность, сердце—нѣтъ; оно жило до насъ несчетные вѣка въ груди другихъ людей; освободить его изъ цѣпей, наложенныхъ до насъ другими, всего труднѣе.

А его усталость шла отъ сердца.

Въ глазахъ разсудка онъ согрѣшилъ исключительно передъ отрицательной волей къ смерти, присущей матеріи, какъ нѣкое божественное свойство. Его преступленіе было въ томъ, что онъ нарушилъ основной законъ, сдѣлался сообщникомъ врага, который долженъ быть ненавистенъ человѣку. Для врача, для апостола жизни такое сообщничество было предательствомъ; даже устраняя сердце, онъ не могъ не сознавать этого мозгомъ.

Онъ бѣжалъ съ поля битвы, дезертировалъ, бросивъ знамя.

Если-бъ, какъ онъ убѣдилъ себя, выводъ его былъ правиленъ, и жизнь была только случайностью и безполезностью, можно было бы отнимать ее, не слыша этого внутренняго протеста, этого крика возмущенія вселенной противъ произвольнаго отнятія жизни.

Но если и самый сильный человѣкъ не въ силахъ заглушить въ себѣ этого крика, значитъ ли это, что въ Непознаваемомъ есть сила, которая ни при какихъ условіяхъ не поддается мысли человѣка?—не Богъ, конечно, но и не Безполезность...

И червячокъ заползалъ все дальше, все глубже въ трещины, казалось бы, незыблемаго дворца его мысли.

Изъ всѣхъ человѣческихъ проступковъ предательство всегда казалось ему наиболѣе презрѣннымъ. Даже и въ преступленіи можетъ быть красота, если въ немъ есть отвага, мужество. Но въ предательствѣ нѣтъ мужества и красоты... а онъ всякій разъ чувствовалъ себя предателемъ, когда склонялся надъ одромъ больного, разыгрывая благодѣтеля, спасителя, — *онъ, который убилъ.*

Другіе врачи его клиники, можетъ быть, и меньше его знаютъ, но они достойнѣе; у нихъ тоже бываютъ руки въ крови, но они ранятъ, чтобы исцѣлить; когда кто-нибудь изъ нихъ бралъ изъ шкафчика и осторожно смѣшивалъ вмѣстѣ микроскопическія дозы ядовъ, Андреа всякій разъ вспоминалось, какъ *онъ* коварно и медлительно готовилъ ядъ для того, чтобы постепенно, малыми дозами, причинить смерть, не оставляющую никакихъ слѣдовъ. Самый видъ строгаго бѣлаго зданія, гдѣ къ человѣческому страданію относились благоговѣйно, какъ къ святынѣ, былъ ему непріятенъ—онъ чувствовалъ себя здѣсь какъ бы изгнанникомъ. Въ широкихъ, длинныхъ коридорахъ ему ужъ не встрѣчался свѣтлый обликъ Розалеса, и отъ этого больнѣй всего щемило сердце, а это давало чувствовать себя на каждомъ шагу.

Ежеминутно онъ по привычкѣ оборачивался, думая, что увидитъ его. Высокій, бѣлокурый, въ длинномъ бѣломъ халатѣ, съ глубокимъ шрамомъ, прорѣзывавшимъ бороду, съ раскрытой тетрадью въ рукѣ, въ которой онъ быстро записывалъ, скрипя стилографическимъ перомъ, инструкціи профессора,—юноша, какъ живой, стоялъ передъ его глазами.

Но въ дѣйствительности Розалесъ былъ далеко, въ другомъ халатѣ, сѣромъ, арестантскомъ... можетъ быть, и ему въ эту минуту представлялся длинный коридоръ и посреди нѣ обожаемый учитель.

Спасти его, добиться оправданія не удалось; Ферентo добился одного — признанія его неотвѣтственнымъ, дѣйствовавшимъ не въ полномъ разумѣ; вмѣсто тюрьмы Розалесъ попалъ въ сумасшедшій домъ, и не проходило дня, чтобы его профессоръ не предпринималъ чего-нибудь для облегченія его участи или сокращенія срока наказанія.

Среди больныхъ, среди умирающихъ и выздоравливающихъ онъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, чувствовалъ себя чужимъ; агонія, умираніе внушали ему теперь только отвращеніе; клиника уже не казалась ему священнымъ храмомъ, воздвигнутымъ человѣческому страданію, но домомъ скорби, гдѣ выставлялись наружу всѣ язвы плоти. Порой его неудержимо тянуло поскорѣй на свѣжій воздухъ или въ объятія любовницы, гдѣ онъ находилъ отдыхъ и забвеніе.

Онъ побѣдилъ, но побѣда была ему горька. Законъ призналъ его невиннымъ; общественное мнѣніе не раздѣляло вполнѣ этой увѣренности. Если партеръ и рукоплескалъ праведному судьѣ, принимая за чистую монету приговоръ, то все же многіе въ толпѣ сохраняли на лицахъ недоумѣнное или недовѣрчивое вы-

раженіе и шопоткомъ жаловались другъ другу на привилегіи сильныхъ. Въ самой его клиникѣ, среди прославленныхъ врачей, работавшихъ въ ней, было немало завистниковъ и честолюбцевъ, которые хоть и скрывали свою зависть, но при случаѣ рады были бы подставить ножку знаменитости. Точно то же чувствовалось и въ университетѣ, среди профессоровъ, которыхъ всѣхъ Ферентo затмевалъ своей черезчуръ громкой славой.

Въ министерствѣ втайнѣ велась интрига съ цѣлью лишить его каѳедры; вслѣдствіе темныхъ происковъ конгрегацій и вліятельныхъ синдикатовъ даже больныхъ въ его клиникѣ послѣ скандала стало много меньше. Въ аристократическихъ и высокопоставленныхъ семействахъ, имѣвшихъ обыкновеніе въ трудныхъ случаяхъ обращаться къ нему, какъ къ самому надежному цѣлителю, теперь, даже и при серьезныхъ заболѣваніяхъ, избѣгали приглашать его.

Все это онъ видѣлъ и ничуть не изумлялся, и не чувствовалъ ни малѣйшаго желанія продолжать борьбу, которая вначалѣ такъ опьяняла его. Уступить насилію—никогда; но послѣ побѣды скрестить руки на груди и не обращать вниманія на докучныхъ, тревожившихъ его комариными уколами,—отчего же нѣтъ? Ему такъ же наскучило имѣть сторонниковъ, какъ и имѣть враговъ. Онъ зналъ, что легко могъ бы справиться съ этими нападеніями изъ-за угла, но ничего не предпринималъ для этого, предпочитая дать отдыхъ пустой душѣ и съ царственнымъ небреженіемъ пустить по вѣтру свою побѣду.

Ему нетрудно было бы довести до конца свою месть—онъ не пожелалъ этого; нетрудно было разрушить оковы, разсѣять атмосферу подозрительности, окружавшую его,—и этого онъ также не хотѣлъ. Въ бою онъ показалъ, что можетъ драться, какъ мужчина; теперь ему хотѣлось показать, что бываютъ минуты въ жизни, когда непостыдно и уйти отъ боя.

Законъ не осудилъ его—онъ самъ осудилъ себя, молча, въ одиночествѣ—актомъ, самымъ прекраснымъ и самымъ жестокимъ, какой онъ только могъ свершить,—воспретивъ себѣ дальнѣйшія побѣды.

Не самое убійство, но измѣна знамени тяготила его, и ежеминутно его тянуло бросить вызовъ своимъ врагамъ, крикнувъ имъ въ лицо всю правду. Будь онъ свободенъ и одинъ, онъ это сдѣлалъ бы, но два существа, связанныя съ нимъ, какъ соучастники, налагали на него долгъ молчанія—и онъ молчалъ.

Его душевная борьба была долгой и упорной, но насталъ день, когда онъ вдругъ рѣшился: написалъ письмо министру,

отказываясь отъ университетской каѳедры, и въ тотъ же день, собравъ въ большой залѣ клиники всѣхъ своихъ врачей, коротко сообщилъ имъ, что свою клинику онъ приноситъ въ даръ коммунѣ и руководство ею передаетъ старѣйшему изъ своихъ коллегъ, профессору Даміато—который больше всѣхъ завидовалъ Ферентo и горячѣе всѣхъ надѣялся, что обвиненіе стащитъ его съ пьедестала.

Врачи, которыми онъ столько лѣтъ руководилъ, хотя большинство изъ нихъ были много старше его, чрезвычайно изумились и огорчились такой вѣстью и недоумѣнно молчали. Говорилъ одинъ Ферентo; они всѣ сидѣли полукругомъ; онъ стоялъ поодаль, выпрямившись во весь ростъ, заложивъ руки въ карманы, слегка откинувъ голову съ красивой львиной гривой. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ; стальные глаза свѣтились спокойствіемъ и твердою рѣшимостью, голосъ не дрогнулъ, пока всѣ слова не отзвучали. Заканчивая фразу, онъ каждый разъ слегка пристукивалъ правой ногою по полу.

Они молча смотрѣли на него, не смѣя прервать его рѣчь.

— Итакъ, друзья мои, вы пойдете дальше, мужественно и добросовѣстно, какъ и раньше, по указанному вамъ мною пути; я же въ данный моментъ нуждаюсь только въ отдыхѣ... вѣрнѣй— въ покоѣ.

Онъ опустилъ глаза, неожиданно загорѣвшіеся, и умолкъ, но слова его, казалось, еще звучали въ безмолвной залѣ; потомъ повелъ рукой, какъ бы привѣтствуя всѣхъ, и круто повернулся къ выходу. Но тутъ вдругъ сразу у всѣхъ развязались языки; всѣ, какъ одинъ человѣкъ, повскакали съ мѣстъ и взволнованно окружили своего директора, покидавшаго ихъ.

Онъ ни словомъ не коснулся своей душевной драмы, но всѣмъ казалось, что они понимаютъ истину: не боленъ онъ и не усталъ, но оскорбленъ до глубины души и опечаленъ этой гнусной травлей. Выставленный у позорнаго столба на потѣху всей странѣ, грубо поруганный въ своихъ самыхъ интимныхъ чувствахъ, принужденный выйти на площадь, онъ защищался, какъ умѣлъ; но теперь сердце не выдержало: такая тоска, такое разочарованіе было въ его душѣ, что онъ всему предпочиталъ изгнаніе.

И эти люди, несмотря на всю свою зависть къ нему, на его вспыльчивость и рѣзкость, умѣвшіе его цѣнить, видѣвшіе его столько лѣтъ, съ неослабной любовью и преданностью дѣлу, съ несравненной красотой ума и сердца, съ неизмѣннымъ спокойствіемъ и добротой, во главѣ этого благодѣтельнаго учрежденія, гдѣ онъ воистину былъ геніемъ-цѣлителемъ, всего себя отдавав-

шимъ людямъ, которые потомъ такъ оскорбили его,—его, являвшагося воистину ихъ учителемъ, товарищемъ и знаменемъ—вѣдь и завистники, и злобствующіе понимаютъ и цѣнятъ силу—всѣ, и даже главный его соперникъ, уничтоженный такимъ великодушіемъ, единодушно окружили Ференто, шумно протестуя, убѣждая, прося и требуя, чтобъ онъ не уходилъ.

Все, что есть добраго и честнаго въ человѣческой душѣ, цвѣло въ эту минуту на ихъ лицахъ, на ихъ устахъ, въ жестахъ рукъ, которыя съ ласковымъ насиліемъ удерживали Ференто. Изъ уваженія къ нему никто не смѣлъ заговорить объ его личной драмѣ, но каждый, казалось, говорилъ ему:

— Полноте! Что за важность? Развѣ не здѣсь вашъ домъ?... Не здѣсь ваша семья?... Огромная семья, которая васъ знаетъ и умѣетъ васъ цѣнить. Мы будемъ вамъ оплотомъ и оградой... Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно, немыслимо! Кому же мы будемъ повиноваться, если вы уйдете?

Склонивъ голову, онъ молча слушалъ, не отнимая рукъ у тѣхъ, кто пожималъ ихъ, и, вмѣсто отвѣта, смотрѣлъ внутрь самого себя и больше, чѣмъ когда-нибудь, терзался искушеніемъ покрыть весь этотъ шумъ, крикнувъ:

„Безумцы, развѣ вы не знаете, что я, дѣйствительно, убилъ? Я, Андреа Ференто, своими руками убилъ человѣка!“

Искушеніе было до того сильно, что ему казалось, онъ и въ самомъ дѣлѣ крикнулъ это. И онъ поднялъ на нихъ усталые глаза.

Нѣтъ, онъ не въ правѣ дать себѣ еще и это торжество, еще больше превознести себя, еще больше увѣровать въ свою собственную ложь... Онъ измѣнилъ имъ, предалъ ихъ—и не смѣетъ претендовать даже на красоту публичнаго покаянія...

Среди этихъ людей были искренно вѣрившіе въ его невинность, но не было ни одного, которому онъ могъ бы сказать: „Да, я убилъ“,—спокойно, какъ говорятъ: „Я выполнилъ свой долгъ“.

И все же, соблазнъ сказать на прощанье всю правду этимъ своимъ товарищамъ былъ почти непреодолимъ, и Андреа удержала мысль только о той, которую онъ любилъ, ея образъ, который вытѣснилъ изъ его сердца всѣ другіе и говорилъ ему: „Молчи“. И, принося ей послѣдній даръ, потому что онъ любилъ ее, любилъ... онъ не сказалъ.

Онъ посмотрѣлъ въ лицо одному, другому, потомъ всѣмъ, словно силясь запечатлѣть въ памяти ихъ образы, словно повелѣвая имъ умолкнуть передъ его верховной волей, и, отступивъ назадъ, рѣзко и рѣшительно выговорилъ:

— Нѣтъ. Я ухожу. Рѣшеніе мое неизмѣнно.

XI.

— Я не могу понять, почему ты предпочитаешь, чтобъ я уѣхала безъ тебя?—вкрадчиво говорила Новелла.—Скажи, Андреа, почему ты хочешь, чтобъ я снова очутилась одна среди этихъ страшныхъ воспоминаній? Нѣтъ, нѣтъ, Андреа, поѣзжай и ты—это необходимо.

— Почему это необходимо?

— Что подумаютъ папа и мама, и Марія-Дора, да и всѣ, если ты уклонишься отъ выполненія того, что мнѣ представляется долгомъ, тягостнымъ, но неизбѣжнымъ? Вѣдь послѣзавтра годовщина.

— Уже?—разсѣянно уронилъ онъ, глядя не на нее, а на голубыя спирали дыма, шедшія отъ его папиросы.

День уже клонился къ вечеру; на улицѣ зажигались фонари. Днемъ шелъ дождикъ, а теперь прояснившееся небо выглядывало въ просвѣты бѣгущихъ по небу тучъ, и воздухъ, освѣженный весеннимъ дождикомъ, благоухалъ.

Новелла сидѣла у окна; она была еще въ траурѣ, но на колѣняхъ у нея лежала легкая цвѣтная блузка, вся изъ батиста, лентъ и кружевъ, которую она перешивала. На шеѣ у нея уже снова красовалась нитка жемчуга, а на пальцѣ удивительный рубинъ; изъ-подъ черной юбки выглядывала шаловливо оборочка нижней юбки, розовой. Подъ прозрачнымъ тюлемъ, прикрывавшимъ, не скрывая ихъ, шею и плечи, розовѣли ленточки тончайшей батистовой сорочки. Шелковыя нити, которыми она шила, прилипали къ ея платью; на среднемъ пальцѣ ея правой руки былъ надѣтъ золотой наперстокъ.

— И потомъ,—продолжала она, опуская на колѣни шитье,—я не хочу ѣхать одна: я тамъ умру съ тоски. Разстаться съ тобой, хотя бы на одинъ день, для меня дурное предзнаменованіе... нѣтъ, обѣщай мнѣ, что ты поѣдешь, милый!

Съ низенькаго диванчика, на которомъ онъ сидѣлъ неподалеку, онъ протянулъ руку, чтобы пожать ея протянутую ручку.

— Обѣщаешь?—настаивала она.

— Зачѣмъ ты хочешь насильно заставить меня это сдѣлать?—спросилъ онъ тѣмъ особеннымъ голосомъ, которымъ говорилъ только съ нею.—Мнѣ тяжело и непріятно снова видѣть этотъ домъ, эту могилу; итти на кладбище—мнѣ это кажется жестокою насмѣшкой. Развѣ ты не понимаешь?

Она задумалась, потомъ, склонивъ головку, возразила:

— Совсѣмъ забыть о ней еще болѣе жестоко.

Андреа не отвѣтилъ, бросилъ докуренную папироску въ пепельницу и машинально закурилъ другую.

— Какъ ты много куришь!...

— Какъ всегда, Новелла.—И, сосчитавъ окурки, накопившіеся въ пепельницѣ, онъ добавилъ:—Впрочемъ, ты права, я черезчуръ много курю.

Она отошла отъ окна и подсѣла къ нему на диванчикъ. Лазурь небесъ темнѣла; сквозь городскіе шумы перезванивались далекіе колокола. На горизонтѣ пылалъ костеръ заката.

Она обняла его за плечо обѣими руками, прижалась къ нему щекой и сказала:

— Скажи мнѣ, что еще случилось? Что съ тобою?

Ея дыханіе щекотало ему шею.

— Ты больше не любишь меня?—допытывалась она лукаво, сама не вѣря тому, что говоритъ.—Ты разлюбилъ меня?

Онъ приподнялъ ее съ дивана и посадилъ къ себѣ на колѣни, такъ что всѣмъ своимъ тѣломъ ощущалъ ея тяжесть, ея теплоту. Вмѣсто отвѣта онъ цѣловалъ ея душистые волосы, мягкіе, какъ пухъ, перебирая ихъ губами. И въ то же время обнималъ одной рукой ея гибкій станъ, другой поддерживалъ тонкую ножку, лежавшую на налокотникѣ дивана.

Вотъ такъ, съ нею, лицо его прояснялось; подъ лучами ея красоты онъ забывалъ все. Порой онъ смотрѣлъ на нее съ изумленіемъ, какъ будто никогда раньше не видалъ ея; ласкалъ ее съ какимъ-то благоговѣйнымъ трепетомъ. Когда мучительныя мысли осаждали его мозгъ, онъ бралъ ея маленькія ручки и прижималъ ихъ къ своимъ вискамъ. Эти ручки были бѣлыя, какъ восточный жемчугъ, медлительныя, ласковыя, томныя, словно не умѣющія дѣлать ничего другого, какъ только расточать ласки.

Такой красавицей она еще никогда не была—ни тогда, когда онъ впервые увидалъ ее, ни когда въ первый разъ ее поцѣловалъ. За эти дни, такіе бурные и драматическіе для него, она успѣла отдохнуть; послѣ родовъ она словно возродилась, здоровая, счастливая, влюбленная, съ душой спокойной, ничего не помнящей. Она теперь мечтала только объ одномъ—отдать послѣдній долгъ усопшему, справить годовщину, порвать послѣднее звено цѣпи и черезъ нѣкоторое время обвѣнчаться съ нимъ, чтобы стать *его* ужъ навсегда, передъ Богомъ и людьми.

Она не огорчалась тѣмъ, что онъ покидаетъ свой славный постъ и добровольно, по какимъ-то невыясненнымъ причинамъ, обрекаетъ себя на бездѣйствіе и изгнаніе,—вѣдь это давало ей воможность еще тѣснѣе оплести его своей ревнивою любовью. Ей онъ объяснилъ свое рѣшеніе очень просто: онъ усталъ, о немъ слишкомъ много говорятъ; ему давно уже хотѣлось измѣнить

свой образъ жизни, избавить себя отъ утомительнаго и не окупающагося труда и жить болѣе замкнуто, можетъ быть, даже не здѣсь—далеко отсюда и совсѣмъ по-другому... Представилась возможность—онъ воспользовался ею...

Она повѣрила или сдѣлала видъ, что повѣрила всему, и съ женской чуткостью и добротой рѣшила, что больное сердце надо лѣчить исподволь. Замѣнить ему все и всѣхъ, не только любить его, но постепенно накинуть покровъ забвенія на его молчаливое горе—что же могло быть пріятнѣй для нея? И она спокойно сказала:

— Да, Андреа, ты хорошо сдѣлалъ, ты правъ; я и раньше думала, что тебѣ слѣдуетъ такъ поступить.

И, поднимая къ нему лицо для поцѣлуя, прошептала:

— Хочешь, уѣдемъ далеко—туда, гдѣ насъ никто не знаетъ?...

Но больное сердце не выздоравливало; наоборотъ, съ каждымъ днемъ его душевная усталость сказывалась все замѣтнѣе; порой ей чудилось въ Андреа что-то странное, двусмысленное, чего она не понимала. Въ такія минуты, прижимаясь къ нему, словно заглядывая смѣющимися глазами въ его молчаливое горе, она ласково шептала:

— Ну, разскажи мнѣ, что такое еще случилось? Что съ тобою?

Онъ отвѣчалъ уклончиво, туманно, но слушался ея, какъ мальчикъ, и, такъ какъ ей хотѣлось, чтобъ онъ ѣхалъ съ нею, онъ сдался и поѣхалъ.

Поѣздъ быстро мчалъ ихъ среди тѣхъ самыхъ колеблемыхъ вѣтромъ нивъ, которыя годъ тому назадъ навѣяли столько сладкихъ грезъ мечтательному Танкредо Сальви. И такъ же соблазнительно манила даль, окутанная золотистой дымкой.

Было бы унизительно бояться этого дома, этой могилы; Андреа *не хотѣлъ* бояться; отчасти потому онъ и послушался Новеллы, что хотѣлъ подвергнуть себя испытанію. И всетаки все раздражало его: поѣздъ шелъ и недостаточно быстро, и недостаточно медленно; онъ самъ не зналъ, хотѣлось ли ему доѣхать поскорѣе или вовсе не доѣхать. Ему казалось, что бываютъ въ жизни минуты, когда живые вынуждены стыдиться того, что живутъ, передъ мертвыми, хотя тѣ и не видятъ ихъ; ему мерещилось, что въ этомъ уголкѣ земли, куда они теперь въѣзжали, всѣ, самые обыкновенные предметы: деревья, улицы, дома, животныя и люди,—всѣ смотрятъ какъ-то особенно—настороженно и многозначительно, какъ бы подчеркивая контрастъ между *живымъ* и *неживымъ*.

Съ какимъ-то насмѣшливымъ любопытствомъ онъ провѣрялъ

себя и ловилъ на мысли, что вотъ-вотъ случится что-нибудь такое, отъ чего ему станетъ страшно, и онъ долженъ будетъ сознаться себѣ, что боится. Въ дѣйствительности онъ испытывалъ только смутное удивленіе, вродѣ того, какъ человѣкъ, которому приснился голосъ или шумъ и который, проснувшись, продолжаетъ слышать тотъ же голосъ.

Человѣкъ, который убилъ, вернувшись на мѣсто своего преступленія, начиналъ ощущать свой антагонизмъ со всѣмъ живущимъ.

И Новелла говорила мало; что-то, быть можетъ, просто ритмичный стукъ колесъ вагоновъ, непріятно дѣйствовало на обоихъ, словно имъ предстояло пройти долгій путь въ туманѣ, подъ мелкимъ моросящимъ дождикомъ, который не промочитъ насквозь, но все время холодитъ и раздражаетъ кожу.

Онъ понималъ ея молчаніе, она—его; сидя рядомъ, оба сомнѣваясь, хорошо ли они сдѣлали, что поѣхали сюда, смотрѣли въ окна на бѣгущую навстрѣчу даль—туманную даль, за которой былъ свободный міръ...

Первой они замѣтили на перронѣ долговязую фигуру Маркуччіо, махавшаго руками, привѣтствуя подходившій поѣздъ. Марія-Дора удерживала его за фалды, чтобы надъ нимъ не потѣшалась публика, но юродивый такъ обрадовался, когда поѣздъ остановился, что захохоталъ, подпрыгнулъ и подбросилъ въ воздухъ свой котелокъ. Тогда отецъ взялъ его подъ руку, а какой-то мужикъ пошелъ поднимать шляпу, упавшую на рельсы.

Въ лѣтніе вечера городскіе обыватели отъ нечего дѣлать, для развлеченія ходили встрѣчать поѣзда, такъ что на вокзалѣ всегда толпился народъ. Чтобы укрыться отъ любопытныхъ взоровъ, Андреа, Новелла, Марія-Дора, Стефано и Маркуччіо поспѣшили сѣсть въ коляску, дожидавшуюся ихъ,—огромную плетеную корзину, покрытую сѣрымъ балдахиномъ и запряженную на крестьянскій манеръ парой дюжихъ лошадей, которыя быстро помчали ихъ къ виллѣ.

Оба погруженные въ воспоминанія недалекаго прошлаго, Новелла и Андреа почти забыли о предстоявшей имъ радости—увидѣть своего ребенка—и были поражены, когда навстрѣчу имъ вышла рослая, здоровая кормилица со спеленатымъ малюткой на рукахъ, все время шевелившимъ крохотными красными ручонками.

Оба быстро переглянулись, сами не зная, тронуты они или имъ стыдно, и, чтобы скрыть смущеніе, оба разомъ нагнулись надъ плечистой кормилицей, отъ которой пріятно пахло молокомъ. А она, ухмыляясь во все загорѣлое широкое лицо, подняла на

округленныхъ рукахъ ребенка—счастливаго инфанта, казалось, принадлежавшаго ей больше, чѣмъ матери.

Лошади отъѣхали; колеса заскрипѣли по песку. Домъ смотрѣлъ весело; всѣ окна горѣли на солнцѣ, кромѣ одного, завѣшеннаго. Оба разомъ невольно взглянули на это окно.

Мама Франческа разсказывала Новеллѣ нескончаемыя исторіи про ея мальчика.

— Онъ такой хитрый, настоящій дьяволенокъ... такой умный... и сильный... все ужъ понимаетъ... навѣрно, начнетъ говорить раньше, чѣмъ другія дѣти... и, какъ двѣ капли воды, похожъ на Маркуччіо, когда онъ былъ маленькимъ...

Явился Маурицiо, въ своей неизмѣнной охотничьей курткѣ и шляпѣ съ перомъ, поздоровался съ новоприбывшими, и тотчасъ же Марія-Дора, сухо и рѣзко, какъ она всегда обращалась съ этимъ своимъ поклонникомъ, шепнула ему:

— Видѣли?

— Что?

— Что?...—передразнила она его.—Не валяйте дурака.

Онъ пожалъ плечами, сокрушенно глядя на свою мучительницу, которая не доходила ему и до плеча, хотя была не очень маленькая. А она снова повторила:

— Видѣли?

— Кого? Андреа?

— Ну, конечно.

— Худой?...

— Худой.

— И мрачный?...

— Мрачный.

Въ веселой дачкѣ ничего не измѣнилось; войдя въ комнаты, влюбленные сразу воскресили всѣ свои далекіе кошмары, сразу почувствовали себя снова другомъ и женой умершаго.

Призракъ его продолжалъ жить здѣсь. Не въ могилѣ, но здѣсь, на стеклянной верандѣ, въ кожаномъ креслѣ съ наваленными на него подушками, возлѣ Маркуччіо, который, какъ всегда, писалъ или вязалъ чулокъ, быстро перебирая спицами... въ нижней залѣ, гдѣ стоялъ рояль, чудесный большой рояль чернаго дерева, на которомъ однажды въ полдень, чтобы развлечь больного, Новелла играла головокружительную фугу Баха... И всего упорнѣе тамъ, въ запертой, темной, всѣми покинутой комнатѣ.

Оба невольно вздрогнули.

И въ ихъ любовь, почти забывшую о томъ, что она еще запретная, снова вкрался былой страхъ, сознаніе измѣны, лихорадка

столькихъ страстныхъ ласкъ, которыми они дарили другъ друга вблизи умирающаго...

Настала ночь... въ одной изъ верхнихъ спаленъ кормилица укачивала дитя, напѣвая ему жалобную и протяжную колыбельную пѣсенку, которую словно повторяли старыя стѣны:

Fai la ninna, fai la nanna
Fantolino della mamma
...della mamma...

Имъ отвели комнаты рядомъ, раздѣленныя даже не стѣной, а лишь перегородкой, сквозь которую былъ слышенъ каждый шорохъ, и, казалось, въ толщѣ перегородки все время что-то безшумно падало, какъ снѣгъ... они были далеки и близки, объединенные своимъ грѣхомъ, словно повитые однимъ холоднымъ погребальнымъ саваномъ. Мысленно они старались оба отдалиться другъ отъ друга, и обоимъ казалось, что темнота сближаетъ ихъ, что они вмѣстѣ, уста съ устами, сердце съ сердцемъ, на вѣкъ, на смерть слитые въ томящемъ до ужаса объятіи.

И память, минута за минутой, воскрешала для обоихъ ту полузабытую ночь, когда лунный свѣтъ въ комнатѣ, освѣщенной слабымъ свѣтомъ ночника, заливалъ всю кровать, на которой лежалъ мертвецъ, и онъ казался выставленнымъ на показъ, на свѣтящемся катафалкѣ, подъ бѣлымъ свѣтомъ электричества, такимъ же холоднымъ и блѣднымъ, какъ его умершее тѣло.

— Смотри, какъ онъ спокоенъ,—говорилъ Андреа.

Но она, не отвѣчая, глядѣла на мертвеца, пристально, удерживая дыханіе.

Одна рука умершаго лежала поверхъ одѣяла, давя на него, какъ свинцовая.

Несчетныя звѣзды за окномъ горѣли фосфорическимъ свѣтомъ, какъ пылающій смоляной факелъ, какъ осколки стекла на пескѣ въ лучахъ солнца.

— Смотри, какъ онъ спокоенъ...

Въ голубоватомъ звѣздномъ свѣтѣ волосы ея у корней искрились и сверкали.

Она стояла между нимъ и мертвымъ, поникнувъ головой, сложивъ руки крестомъ на груди, такъ что пальцы приходились подъ подбородкомъ.

— Джіорджіо,—выговорила она, не окликая его, но словно убѣждая себя, что это именно онъ, а не другой.

И протянула руку, словно хотѣла дотронуться до него, но дотронулась только до одѣяла и тотчасъ отдернула руку.

Ей хотѣлось, несмотря на присутствіе Андреа, нѣжно, какъ сестра, проститься съ усопшимъ, сказать ему ласковое слово, ласково прильнуть губами къ его лбу. Хотѣлось плакать о немъ—такъ, чтобы онъ видѣлъ ея горе, хоть онъ и не можетъ видѣть,—сказать ему, хоть онъ и не услышитъ:—Бѣдный, бѣдный другъ мой...

Ей вспомнилось, что они разстались безъ прощальныхъ словъ, безъ поцѣлуя, не обмѣнявшись довѣрчивымъ признаніемъ, не сказавъ ни одного изъ тѣхъ значительныхъ словъ, которыя дѣлаютъ смерть менѣе мрачной.

— Ты звалъ меня—а меня не было возлѣ тебя. Ты хотѣлъ видѣть меня—я не пришла. Быть можетъ, хотѣлъ довѣрить мнѣ, мнѣ одной, твое послѣднее желаніе—и я не могла его выслушать...

Никогда, никогда я не слыхала отъ тебя иныхъ словъ, кромѣ словъ любви...

— Смотри, какъ онъ спокоенъ...

Она опустилась на одно колѣно, а на другое оперлась локтемъ и положила голову на руку.

А онъ, Андреа, смотрѣлъ на мертваго, и ему казалось дикой профанаціей, что возлѣ трупа *она*, вся мірская, грѣшная. Эти двѣ недвижныхъ фигуры, казалось, занимали всю комнату, покрытыя однимъ луннымъ плащомъ.

Неожиданно она повернулась на согнутомъ колѣнѣ и почти безшумно свалилась на полъ. Туфля соскочила съ розовой босой ноги, подпрыгнула и опрокинулась; капотъ на груди распахнулся; пышная грудь, приподнявъ рубашку, образовала посрединѣ глубокую впадину.

Андреа посмотрѣлъ на нее, потомъ на мертваго, и ему показалось страннымъ, что тотъ не нагибается взглянуть на нее.

— Ты видишь?—мысленно говорилъ онъ покойнику, смѣясь беззвучнымъ внутреннимъ смѣхомъ, не доходившимъ до устъ.—Ты видишь?..

Ему показалось, что дверь позади отворяется. Онъ обернулся.

— Нѣтъ никого...

За окномъ, на черной вѣткѣ, покачиваясь, пѣлъ соловей, словно въ насмѣшку, такъ громко и такъ близко, что пѣніе его оглушало. Квадратъ окна казался лазурнымъ каналомъ, вливавшимся въ безконечность.

— У-у-у. Кышъ! Не надо здѣсь пѣть. Убирайся!..

Соловей перепрыгнулъ на другую вѣтку. Онъ сидѣлъ на большой магноліи, и слышно было, какъ шуршали его перышки о звонкіе твердые листья.

— Ты видишь?

Ночной вѣтерокъ шаловливо влетѣлъ въ окно и растрепалъ волосы у мертвеца; тучка набѣжала на луну, и комната сразу погрузилась во мракъ.

— Ты видишь?..

Тучка постепенно сошла, и снова лунный свѣтъ залилъ комнату—сначала мягкій, потомъ яркій, какъ свѣтъ электричества.

— Прочь... прочь... Уйдемъ отсюда!—забормотала Новелла, поднимаясь на ноги.—Уведи меня.

На порогѣ комнаты Андреа они инстинктивно поцѣловались.

— Дай мнѣ пить,—попросила она, задыхаясь.—Я умираю отъ жажды.

— Воды? У меня нѣтъ ничего, кромѣ воды.

Среди очарованной ночи соловей разсыпался безконечной мелодической трелью... словно брызнула въ воздухъ высокая струя фонтана. Порой во время паузы въ соловьиную пѣснь врывалось хохочущее кваканье лягушки, словно ей щекотали липкое, жирное брюхо, или же сама она одурѣла отъ запаха жасмина.

Онъ присѣлъ на край кровати, зажавъ руки между колѣнями, понуривъ голову.

Новелла, не спѣша, обошла всю комнату и остановилась у окна, глядя туда, въ звѣздную ночь.

Поднявшійся вѣтеръ колыхалъ траву на лугахъ, и она поминутно мѣняла цвѣтъ. На высокомъ деревѣ осыпался большой бѣлый цвѣтокъ магноліи; бѣлые лепестки лежали подъ деревомъ, словно осколки фарфора.

Новелла подошла къ милому, коснулась рукой его волосъ.

— Который часъ? Ужъ поздно?

Онъ разсѣянно взглянулъ на часы.

— Четвертый.

Предутренній вѣтеръ шевелилъ верхушки деревьевъ; далекіе луга поминутно мѣняли цвѣтъ.

— Что же намъ теперь дѣлать?

— Не знаю.

Она стояла передъ нимъ, положивъ руки ему на плечи... лицо ея было почти спрятано у нея на груди; не касаясь ея, онъ все же чувствовалъ близость ея обнаженнаго тѣла, запахъ тонкаго батиста, пропитаннаго ароматомъ ея тѣла.

— Ты любила его!—вскричалъ онъ вдругъ гнѣвно, не поднимая головы.

— Нѣтъ... молчи...

...и, словно, чтобы заглушить его слова, прильнула къ его губамъ страстнымъ поцѣлуемъ...

..Потомъ, вдали, на самомъ краю горизонта, между поблѣднѣвшими звѣздами, заклубился волнистый бѣловатый паръ, словно столбъ дыма, поднявшійся не надъ пожарищемъ, но надъ далекимъ ледовитымъ моремъ. Въ окно, вмѣстѣ съ плывучимъ запахомъ нарциссовъ, съ предутреннимъ шелестомъ листьевъ, вливалась волна прохлады, почти видимой глазу.

На вогнутомъ востокѣ свѣтлѣло; далекіе луга мѣняли цвѣтъ.

Онъ застегнулъ батистовую сорочку на ея обнажившейся груди, укуталъ ее въ шелковый халатикъ и, поцѣловавъ въ затуманенные глаза, шепнулъ ей:

— Ты спишь?..

Болѣе долгой и тревожной ночи они никогда еще не переживали. Ихъ раздѣляла лишь перегородка, хрупкая перегородка, сквозь которую можно было видѣть и слышать другъ друга, и дверь, не запертая на ключъ, которая, казалось, вотъ-вотъ распахнется.

Никогда еще они не любили другъ друга съ такою остротой, съ такимъ неумолимымъ сознаніемъ своего сообщничества.

Почему его не помѣстили въ его прошлогодней комнатѣ? Кто это изъ домашнихъ счелъ необходимымъ проявить эту жестокую деликатность? Почему его положили рядомъ съ Новеллой, раздѣливъ ихъ только дверью, которую ничего не стоило открыть?

На другое утро оба встрѣтились мертвенно-блѣдные, какъ будто въ эту ночь они опять убили. И, какъ во снѣ, отбыли религіозный обрядъ—панихиду, отслуженную въ церкви. И еще разъ, изъ какой-то двусмысленной, странной деликатности, ихъ оставили вдвоемъ—на кладбищѣ.

Они пришли полями, не глядя другъ на друга, съ полными руками цвѣтовъ. Яркое солнце слѣпило имъ глаза; горизонтъ маячилъ передъ ними, словно морская гладь, когда глядишь на нее съ носа корабля.

Новелла быстро шла, то беря подъ руку Андреа, то отдаляясь отъ него; стебельки травы и соломинки цѣплялись за подолъ ея шелестящаго шелковаго платья, и на каждомъ шагу поблескивали стальныя пряжки ея туфелекъ.

Въ это весеннее утро она казалась болѣе женственной, чѣмъ когда-либо.

— Андреа!..

— Любовь моя!..

Это слово вырвалось у него само собой, инстинктивно, какъ поцѣлуй. И онъ сейчасъ же раскаялся въ этомъ.

— Ты слишкомъ скоро идешь—я не поспѣваю за тобой.

Онъ замедлилъ шагъ, и они пошли рядомъ между двухъ изгородей изъ бѣлой акаціи, душистые гроздья которой опьяняли своимъ ароматомъ. За изгородями, тамъ и сямъ виднѣлись быки, важно и медлительно шагавшіе, увлекая за собой пахаря и плугъ.

На ней не было ни шляпы, ни накидки—ничего, кромѣ кружевного шарфа, накинутаго на голову, но въ этомъ уборѣ ея прозрачная кожа была прекрасна, какъ драгоцѣнный камень.

— Андреа!

— Что?

— Я не спала сегодня.

— И я не спалъ.

Она говорила вполголоса, онъ—громко.

Сверкнули на солнцѣ бѣлые памятники; она сказала:

— Погоди.

Онъ остановился на минутку, потомъ почти украдкой взялъ ее за руку и повелъ дальше.

Неожиданно для самихъ себя, у могилы оба замѣтили, что имъ совсѣмъ не страшно. Подобно всему остальному, и ощущеніе смерти живетъ лишь въ мысли человѣка. Оба вдругъ разглядѣли, что на дворѣ дивное весеннее утро, что плодородная земля набухаетъ волей къ новому рожденію, что яркій, весь пронизанный свѣтомъ воздухъ веселитъ, могилы не что иное, какъ маленькіе садики, а въ вѣтвяхъ деревьевъ на кладбищѣ вьютъ гнѣзда и поютъ птицы.

Она сказала, какъ тогда, кладя цвѣты на могилу:

— Мой бѣдный, бѣдный другъ...

Онъ, съ какимъ-то недоумѣніемъ, прочелъ надпись, вырѣзанную на плитѣ:

Джіорджіо Ауреліо Фіеско
Инженеръ Гасвильскаго рудника,
Строитель Чимбрскаго моста
Родился... умеръ...
Миръ.

— *Миръ?..* что это значитъ?—Обѣтованіе, предостереженіе, насмѣшка. Правда... гипотеза?..

— Слово, и только—ничего больше.

Миръ. И все же казалось, что въ это слово вложено болѣе серьезное значеніе, чѣмъ во всѣ прочія, болѣе глубокое, безпредѣльное...—*Миръ*.

„Кто его убилъ?“ „Я; да, я это помню“. „Это страшно?“ „Нѣтъ, совсѣмъ не страшно; пустяки“.

Передъ темной землей, укрывающей въ себѣ непрерывное гніеніе, гдѣ каждое зернышко праха слагается изъ разложенія, смерть переставала быть страшной, становилась лишь абстрактнымъ понятіемъ, какъ и это слово: *миръ*,—чѣмъ-то вродѣ смутнаго воспоминанія о томъ, что было, въ томъ, что будетъ.

Андреа еще разъ прочелъ надпись на плитѣ, на этотъ разъ съ большимъ вниманіемъ:

Джіорджіо Ауреліо Фіеско
Инженеръ Гасвильскаго рудника...

Внезапно, какъ будто въ его мозгу разорвался пологъ мрака, онъ увидѣлъ Джіорджіо, какимъ онъ зналъ его, когда они вмѣстѣ отправлялись на завоеваніе жизни,—молодымъ, сильнымъ, рѣшительнымъ. И это маленькое словечко всего изъ четырехъ буквъ: *миръ* показалось ему вдругъ насмѣшливымъ, какъ ироническая гримаса смерти.

На полированномъ мраморѣ игралъ солнечный лучъ, обводя радужнымъ вѣнчикомъ трехугольникъ буквы *А*, вершина котораго горѣла, какъ зажженная спичка; камень пылалъ всѣми цвѣтами радуги, словно въ огнѣ очищенія.

Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Джіорджіо, жена его перестала молиться; теперь руки ея были сложены на груди, но сердце не подсказывало ей ни одного слова, и ей казалось, что умеръ самый смыслъ и идеалъ молитвы.

Внезапно Андреа почти грубо схватилъ ее за руки и увелъ отъ могилы.

Какъ заливались птички въ это весеннее утро!.. Какъ щедро лило солнце свой яркій свѣтъ на роскошь жизни!

Они вышли за рѣшетку и, остановившись у ограды, заглядѣлись въ яркую, взоръ слѣпящую своей яркостью даль.

По шоссе ѣхали двѣ телѣги, не особенно пылившія; возчики, лежавшіе врастяжку на соломѣ, во все горло пѣли пѣсни.

Не выпуская ея руки, онъ увлекъ ее за собою, далеко отъ шоссе, по тропинкѣ, убѣгавшей въ поле; и она, радуясь, что они ушли съ кладбища, съ облегченіемъ повисла на его рукѣ.

— Скажи мнѣ,—судорожно допытывался онъ,—ты, всетаки, хочешь быть моей... *несмотря ни на что?*

Она не поняла вопроса, или не хотѣла понять его, но прижалась головой къ его плечу, нѣжно, покорно, закинувъ голову, чтобъ онъ видѣлъ, что губы ея улыбаются.

— Скажи мнѣ,—съ силой повторилъ онъ,—ты не покинешь меня?.. *Не ненавидишь меня, какъ другіе?..*

Они остановились въ рощицѣ. Вмѣсто отвѣта, она протянула ему свои розовыя губы, свои томные глаза, свою пухленькую шейку, обняла его обѣими руками и всѣмъ тѣломъ крѣпко прижалась къ нему, такъ, чтобы все ея тѣло и душа сказали ему: *нѣтъ!*

— Тогда, слушай,—выговорилъ онъ, блѣдный, какъ мертвецъ.— Ты должна узнать одну вещь... потому что я не въ силахъ больше знать ее одинъ...

— Говори,—отвѣтила она, испуганная, опуская руки.

Онъ остановилъ пустой, пристальный взоръ на лицѣ возлюбленной, на всемъ окружающемъ... хотѣлъ начать... потомъ умолкъ.

— Разсказывай,—говорила она, пытаясь убѣдить его, лаская его блѣдное лицо своими тонкими пальчиками, отъ которыхъ пахло цвѣтами.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—не здѣсь; лучше не здѣсь... Здѣсь слишкомъ много солнца... Ночью...

XII.

Постепенно въ дѣтской задремала и мамка.

Еще нѣсколько секундъ онъ медлилъ въ темнотѣ, одинъ. Изъподъ двери комнаты Новеллы падала полоска свѣта. Онъ хотѣлъ быть готовымъ ко всему, какъ въ часы битвы, передъ этой послѣдней и самой страшной битвой. Но всей его воли ему мало было для того, чтобы заковать себя въ броню неуязвимости, придававшей ему такое самообладаніе.

Онъ выдержалъ борьбу съ собой, чтобы убить,—на это у него хватило силъ; съ другими—чтобъ скрыть свое преступленіе,—и на это тоже силъ хватило; ему стоило тяжкой борьбы сломать свою жизнь и обречь себя на гордое изгнаніе—и на это его хватило... но ежеминутно душить въ себѣ крикъ, рвавшійся изъ его устъ, онъ былъ не въ состояніи—въ этомъ онъ не могъ преодолѣть себя. Бремя слишкомъ тяжело—надо переложить часть его на другія плечи, довершить преступленіе, сдѣлавъ ее соучастницей.

Это жестокое искушеніе—заставить и Новеллу раздѣлить его вину—родившееся въ его душѣ вскорѣ послѣ убійства, не только

не заглохло, но за этотъ бурный годъ съ каждымъ днемъ росло, и, наконецъ, ему стало казаться, что всякая дальнѣйшая проволочка только длительное малодушество. Сколько разъ слово признанія готово было сорваться съ его устъ; среди безумныхъ поцѣлуевъ оно разжигало желаніе, соблазняя болѣе жестокимъ сладострастіемъ. Случалось, онъ даже коварно смущалъ покой возлюбленной двусмысленными намеками, наводящими на подозрѣніе, словно увлекая ее на край бездны, въ которой они должны были погибнуть вмѣстѣ.

Это было зондированіе почвы, попытка узнать, какъ подѣйствовало бы на нее разоблаченіе; но молодая женщина, казалось, все забыла и даже мыслью не хотѣла возвращаться къ тѣмъ далекимъ временамъ.

И въ тотъ періодъ, когда его обвиняли въ убійствѣ Джіорджіо, Новелла избѣгала говорить объ этомъ, а когда это было необходимо, говорила скороговоркой, коротко, заставляя себя глядѣть ему прямо въ глаза, смягчая ласковой улыбкой необдуманное слово и какъ бы пряча за нимъ свою мысль.

Порой ему казалось, что, при всей своей хрупкости, она сильнѣй его.

Это—увы!—бываетъ часто между мужчиною и женщиной, несмотря на нашу безмѣрную гордость мужскими добродѣтелями. Быть можетъ, всю ту силу, которую мы вкладываемъ въ импульсъ, женщина сосредоточиваетъ въ выполненіи; нерѣдко женская душа кажется намъ слишкомъ легковѣсной потому только, что мы, съ нашей слишкомъ скорой на выводы логикой, не успѣваемъ добраться до дна ея.

Всѣ культы позитивнаго, которыми Ференто заполнилъ свою жизнь, возстали, взбунтовались при первой его попыткѣ активно проявить свою свободу; все, что онъ считалъ незыблемымъ, рухнуло; одно устояло, одно осталось неизмѣннымъ: его великая любовь, единственное самодовлѣющее, хоть и само себя не понимающее божество.

„Значитъ,—думалъ онъ,—это чувство должно быть прочнѣй воздушныхъ замковъ, воздвигаемыхъ человѣческимъ умомъ, должно устоять противъ легкаго толчка, котораго оказалось достаточно, чтобы превратить этотъ замокъ въ развалины“.

— Когда я скажу ей: „Я убилъ“, буду ли я послѣ этого любить ее? буду ли по-прежнему любимъ?

Эти два страшныхъ вопроса давили его сердце, какъ двѣ пудовыхъ гири.

Почему онъ, въ сущности, любилъ ее—потому ли, что она соблазнительно-красива, или же потому, что онъ убилъ ради нея? А она, когда узнаетъ все, испугается и перестанетъ любить его? Или же полюбитъ послѣ этого еще сильнѣе?

Онъ не въ состояніи былъ дольше ждать...

Въ спящемъ домѣ царила тишина, глубокая, какъ подземное теченіе рѣки. Андреа направился, было, къ порогу, но почувствовалъ, что ноги не слушаются его и ему хочется одного—бѣжать отсюда.

И, какъ тогда, когда трагическій паяцъ лежалъ недвижный въ креслѣ и надо было унести его, онъ внутренно приказалъ себѣ: „Повинуйся!“

И зашагалъ, какъ автоматъ. Въ щель подъ дверью падала полоска свѣта; въ темнотѣ онъ нащупалъ ручку двери, нажалъ на нее и вошелъ.

Новелла сидѣла на кровати, зацѣпившись каблучками туфелекъ за выступъ дерева, упираясь локтями въ колѣни, закрывъ лицо ладонями,—ждала его.

— Ты слышалъ,—спросила она,—какъ плакалъ мальчикъ?

— Но теперь онъ уснулъ, — сказалъ Андреа. И, помолчавъ, спросилъ:—Ты любишь его?

— Очень!—Она отвела руки отъ лица, выпрямила гибкій станъ и, откинувшись на подушки, повторила:—Очень.

Глубокая складка залегла у него между бровями; лицо такъ исхудало, что ей больно было смотрѣть на него. Рукой она поманила его къ себѣ и еще разъ сказала:

— Очень люблю его, Андреа... но, все же, не такъ, какъ тебя.

Золотистый отблескъ лампадки падалъ на ея обнаженную руку; нѣжная кисть сгибалась и разгибалась, такъ что выступали сухожилія.

— Сядь, — сказала она, ударяя рукой по одѣялу неподалеку отъ того мѣста, гдѣ образовало впадину ея собственное тѣло.

Какъ въ тотъ день, когда родился ихъ мальчикъ, на столикѣ у кровати стояли три розы.

Андреа нагнулся надъ ней, прижимая холодныя руки къ ея теплому, нѣжному тѣлу...

— Давай спать...—шепнула она.

Андреа не отвѣтилъ; смотрѣлъ на нее напряженно, пристально, словно считая біеніе каждой ея жилки.

— Почему ты не раздѣваешься?

Она выговорила это соннымъ голосомъ, растягивая каждый слогъ, словно устала до изнеможенія и не хочетъ уснуть иначе, какъ въ его объятіяхъ.

И, такъ какъ онъ не отвѣчалъ, она коснулась рукой его волосъ.

— Ты не хочешь уснуть со мною вмѣстѣ?... Не хочешь?... Почему?

Дотрогивалась пальчиками до его лба, висковъ, до глазъ и щекъ, до шеи.

— Посмотри на часы. Ужъ поздно, милый... Очень поздно... Зачѣмъ ты такъ засиживаешься, утомляешь себя?

Одну за другой она вынимала изъ волосъ докучныя шпильки и клала ихъ на ночной столикъ. Онѣ ударялись о мраморъ звонко, словно булавки о стекло, и, каждый разъ, какъ она протягивала руку къ столику, на пальцѣ у нея сверкалъ дивный рубинъ.

Потомъ пальцами, словно гребенкой, разгладила себѣ волосы.

— Если ты не ляжешь со мной, я не усну... Раздѣвайся же...

Она развязала ему галстукъ, разстегнула и сняла воротничокъ и притянула его къ себѣ, прижимаясь влюбленными глазами къ его шеѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... раздѣвайся...

Въ голосѣ ея звучали почти слезы, пальцы ея ласкали его сильно, до боли...

Но вдругъ онъ оторвалъ уста отъ ея устъ и приподнялся на рукахъ; глаза его лихорадочно горѣли, перекошенное лицо было блѣдно, грудь тяжело вздымалась, задерживая дыханіе.

— Хочешь,—неожиданно выговорилъ онъ,—хочешь, сдѣлаемъ одну вещь?

Она вытянулась на кровати, улыбаясь пугливо и блаженно, и посмотрѣла на него томными глазами, не понимая хорошенько смысла его словъ.

— Что такое?

— Пойдемъ посмотрѣть комнату Джіорджіо?

Она едва не вскрикнула, уткнулась лицомъ въ подушку и рукою оттолкнула его отъ себя, какъ будто онъ позволилъ себѣ съ нею злую шутку.

— Ты съ ума сошелъ, Андреа!... Андреа?...

Онъ только злобно засмѣялся и, уткнувшись локтями въ одѣяло, схватилъ ее обѣими руками за голову.

— Я не сошелъ съ ума... Нѣтъ. Взгляни на меня.

Она впилась въ его глаза своими, теперь огромными—она глазами слушала его.

— Я люблю тебя, Новелла, крѣпко, крѣпко люблю тебя...—говорилъ онъ, раскачивая ея голову, впиваясь суставами пальцевъ въ ея нѣжную шею,—люблю, а, между тѣмъ, можетъ быть, черезъ часъ, черезъ минуту ты... ты перестанешь быть моей.

Послѣднія слова онъ пролепеталъ, приблизивъ вплотную свое лицо къ ея лицу, стискивая до боли ея шею.

— Андреа, что ты такое говоришь!... Ты понимаешь, что ты говоришь? Да нѣтъ же!... нѣтъ!...

Онъ еще больнѣе стиснулъ ея голову.

— Слушай меня внимательно, постарайся понять, что это значитъ: я люблю тебя и долженъ рисковать утратить тебя... я и потомъ буду тебя любить безумно; ты же, можетъ быть, возненавидишь меня. Любовь, любо́вь моя! ты понимаешь это? Ты слушаешь меня?

Онъ выпустилъ ея голову, приподнялъ ее всю и судорожно прижалъ къ себѣ; глаза его наполнились слезами; потомъ онъ засмѣялся. Она тоже плакала тихонько, сама не зная, почему.

— Все равно, если ты потомъ и возненавидишь меня—все равно... Ты должна узнать одну вещь, которой я не могу больше таить отъ тебя. Настало время намъ полностью узнать другъ друга. Если крикнешь—ничего, только дай мнѣ сказать... дай мнѣ сказать... потому что я люблю тебя и съ ума схожу... и ты должна быть безумной, какъ я... да, безумной...

Полузадушенная, она рыдала, всѣмъ тѣломъ судорожно прижимаясь къ нему, словно въ приливѣ страсти.

Онъ весь выпрямился, натянутый какъ струна, поднялъ ее, прижалъ къ себѣ и почти злобно молвилъ:

— Знай одно: если *потомъ* ты меня возненавидишь и бросишь меня, и будешь принадлежать другому, и позволишь другому цѣловать себя... я убью тебя, убью, *убью... какъ уже сдѣлалъ это разъ.*

И оба такъ, обнявшись, и упали на кровать. Потомъ, не увѣренный, что она поняла его, онъ повторилъ, отчеканивая каждый слогъ:

— *Какъ уже сдѣлалъ это разъ.*

Она была такъ ошеломлена и подавлена, что, вмѣсто отвѣта, тихонько разсмѣялась.

— Ты поняла меня?... Чему же ты смѣешься?

Не дожидаясь отвѣта, онъ вскочилъ на ноги, нагнулся надъ ней и сказалъ:

— Смотри: вотъ этими самыми руками я убилъ.

Ея изумленные глаза приковались къ его рукамъ, постепенно раскрываясь все шире, недвижные, пустые.

— Кого?... — беззвучно прошептали ея губы послѣ долгой паузы.

— Джіорджіо.

Она приподнялась немного и снова откинулась на подушки, содрогаясь всѣмъ тѣломъ, какъ въ предсмертной судорогѣ. Взмахнула руками, словно отталкивая призракъ, и въ страхѣ прижала стиснутые кулаки ко лбу.

— Такъ значитъ...—прошептала она,—значитъ, это правда?...

— Да, правда,—твердо отвѣтилъ онъ.

Онъ точно выстрѣлилъ себѣ въ високъ и ждалъ, когда наступитъ смерть. Но, вмѣсто того, неожиданно постепенно успокаивался, ощущалъ изумительное облегченіе. Послѣ минутнаго перерыва жизнь начиналась снова.

Онъ вынулъ розу изъ бокала, глубоко вдохнулъ въ себя ея ароматъ, зубами прикусилъ стебель. И удивился, что у стебля розы такой непріятный, терпкій вкусъ, не соотвѣтствующій запаху цвѣтка.

Ему захотѣлось посмотрѣть, какъ она отнесется къ нему послѣ этого непоправимаго признанія, и онъ рискнулъ слегка дотронуться до нея. Она не отодвинулась; тогда онъ нагнулся и осторожно прижался губами къ ея лбу.

— Посмотри на меня.

Она опустила руки и, блѣдная, какой онъ никогда ея не видѣлъ, посмотрѣла на него. Во взглядѣ ея свѣтилась вся ея душа. Ему почти жутко стало отъ этого взгляда, и онъ медленно отдалился отъ нея.

Упавшая на полъ роза была раздавлена его ногой.

— Андреа...

Но ей трудно было говорить; челюсти ея неудержимо вздрагивали; все ея тѣло дрожало мелкой дрожью... она потянула на себя одѣяло...

— Андреа... помню... разъ ты мнѣ сказалъ: „*Такъ и еще сильнѣй*“... Такъ и еще сильнѣй... Эти слова: „еще сильнѣй“, врѣзались мнѣ въ память, какъ обѣщаніе, торжественное и зловѣщее... И ты, навѣрно, помнишь это... Но посмотри, я вся дрожу... дай мнѣ платокъ, укрыться...

Онъ оглядѣлся вокругъ, ища шали и не находя ея; потомъ взялъ шелковый пуховичокъ, edrédon, на которомъ лежали ея

ноги, и укрылъ ее до подбородка. И, когда заправлялъ его у шеи, нарочно дотрогивался до нея и прижималъ пальцы къ ея тѣлу, и ощущалъ странную радость отъ того, что ему еще дозволяется ласкать ее.

Она, не глядя на него, закрыла глаза, подобрала ножки подъ подолъ капотика и какъ будто уснула.

Андреа, недвижный, стоялъ и ждалъ. Опять ему казалось, что жизнь начинается снова, но съ мучительной медлительностью, мрачная, однообразная, почти недвижная. На ночномъ столикѣ, между ночникомъ и бокаломъ съ цвѣтами, маленькіе часики тикали, отсчитывая мгновенія, и это раздражало его, какъ насмѣшка.

На обояхъ причудливымъ узоромъ ложился свѣтъ лампадки; около абажурчика кружилась мошка, словно подвѣшенная на ниточкѣ паутины.

Почему-то вспоминалось все далекое, неважное: злая, остроумная сатира, пущенная въ клиникѣ однимъ студентомъ, вышутившимъ въ ней синьору Маджіа; потомъ обликъ самой завѣдующей, съ важностью, закинувъ голову, расхаживающей по коридорамъ, какъ часовой на стражѣ. Потомъ пѣсенки, которыя пѣлъ подъ аккомпанементъ гитары Эдиджіо Розалесъ въ лѣтніе вечера, когда дежурные врачи выходили въ садъ выкурить папиросочку и отдохнуть... Потомъ похороны на пароходѣ, при которыхъ онъ присутствовалъ во время одного своего плаванія, давнымъ-давно.

Тогда онъ былъ еще бѣднымъ, безвѣстнымъ врачомъ, едва окончившимъ курсъ лауреатомъ, и плавалъ въ качествѣ судового врача, чтобы узнать свѣтъ. Умершій былъ чиліецъ, великанъ, плантаторъ, лѣтъ подъ сорокъ; у него осталась жена, маленькая, лимфатическая, близорукая; трудно было понять, что могло въ ней понравиться этому гиганту... Въ открытомъ морѣ онъ заболѣлъ лихорадкой и дизентеріей, все время бредилъ, ругался, богохульствовалъ, и закупорка венъ произошла у него больше отъ приступовъ гнѣва... Ночью его, зашитымъ въ саванъ, четверо матросовъ вынесли на палубу и бросили въ море, предварительно хорошенько раскачавъ надъ палубой.

Ему особенно памятно было это безформенное бѣлое, медленно раскачиваемое въ воздухѣ.

— Андреа!...

Онъ слышалъ, но не отозвался; усиліемъ воли онъ создалъ себѣ оптическій обманъ, и не хотѣлось отрываться отъ него. Ему

казалось, что онъ далеко въ морѣ, подъ звѣзднымъ небомъ... вѣтеръ дуетъ ему въ лицо... Неожиданно во мракѣ вспыхнула яркая заря; на лазоревомъ краѣ неба вырисовались очертанія фантастическихъ городовъ; на залитомъ солнцемъ молѣ бѣсновалась жестикулирующая толпа...

Потомъ другое—темная ночь, городъ безъ огней, путанныя улицы, запертыя ворота... Онъ бѣгомъ бѣжитъ по улицѣ къ своему дому, который, онъ знаетъ, въ эту минуту грабятъ; но темень такая непроглядная, что онъ все время спотыкается и не можетъ найти дороги. Въ лабиринтѣ кривыхъ переулковъ, за запертыми дверями идутъ бѣшеныя, залитыя кровью оргіи; городъ полонъ смятенія; въ каждомъ домѣ, за каждымъ угломъ убиваютъ людей.

Внезапно и это видѣніе исчезло и смѣнилось другимъ: залитая яркимъ электрическимъ свѣтомъ огромная площадь, уходящая въ безконечную даль улица, и по ней, какъ буря, несется разъяренная толпа черни, разбившей свои оковы, крича: „Бей, рѣжь, коли!...“

— Андреа!...

Онъ вспомнилъ, что его уже второй разъ окликаютъ, и, преодолѣвъ въ себѣ этотъ приступъ сомнамбулизма, повернулся къ Новеллѣ, утонувшей въ подушкахъ и пристально глядѣвшей на него пустыми глазами.

— Теперь я освободился,—сказалъ Андреа. И спросилъ ее:—Тебѣ страшно?

— Нѣтъ!—отвѣтила она съ неожиданной силой.—Нѣтъ!

Порывисто приподнялась и въ это мгновеніе вспомнила, какъ однажды Джіорджіо сказалъ ей:

— Какъ ты похожа на *него!*...

Одна ея коса выбилась изъ-подъ одѣяла; Новелла подобрала ее и медленно выговорила:

— Я почти знала это.

— Ты?!

— Да, я. Я угадала это, еще раньше, чѣмъ объ этомъ заговорили другіе, потому что я любила тебя, и порою твоя воля до такой степени подчиняла меня, что она какъ бы становилась и моей. Это было въ послѣдніе дни передъ тѣмъ, какъ... какъ ему умереть; но потомъ, каждый разъ, какъ у меня возникала эта мысль, я гнала ее, душила въ своемъ сердцѣ, такъ усердно, что постепенно почти забыла о ней. Но теперь ты хорошо сдѣлалъ, что сказалъ мнѣ... хорошо... надо было, чтобъ и я знала это... не ты одинъ...

Что-то мужское, безпощадное свѣтилось въ ея преображенномъ лицѣ; ея уста, знавшія только поцѣлуи, ея сердце, такое женское, сумѣли неожиданно найти, сказать эти простыя, ясныя слова. И это мужество налагало какъ бы печать жестокости на ея красоту.

— Да, ты хорошо сдѣлалъ, что сказалъ мнѣ, потому что нечестно было бы, чтобъ ты одинъ мучился угрызеніемъ.

— У меня нѣтъ угрызеній,—перебилъ онъ глухимъ голосомъ.

— *Кто знаетъ, кто знаетъ?...* Не надо заглядывать въ себя слишкомъ глубоко, когда душа прячется и боится... Поди ко мнѣ, мой бѣдный милый, сядь вотъ здѣсь и слушай... не старайся быть сильнѣе, чѣмъ ты есть. Смотри: я только женщина, но я поняла, какая трагедія разыгрывалась изо дня въ день въ твоей душѣ, и молчала только потому, что мнѣ казалось: тебѣ пріятнѣе, чтобъ я не знала. Но теперь, зачѣмъ намъ прятаться, *если даже это не могло убить нашей любви?*

Она спокойно протянула ему безтрепетную руку, какъ бы въ знакъ договора, скрѣпляющаго ихъ сообщничество.

Все сердце его всколыхнулось; обѣими руками онъ схватилъ ея руку и, опустившись на колѣни, спряталъ на ея груди свое измученное блѣдное лицо.

— Такъ значитъ... значитъ, ты не ненавидишь меня... не отталкиваешь... не боишься и въ будущемъ принадлежать мнѣ?

— Нѣтъ... нѣтъ... *Все можетъ статься, только не то, чтобы я тебя разлюбила.*

Онъ поднялъ голову, и уста ихъ слились въ нескончаемомъ поцѣлуѣ; смѣхъ рвался изъ груди; лица были залиты слезами... Въ первый разъ въ жизни Андреа чувствовалъ признательность къ другому человѣку, въ первый разъ въ жизни позналъ радость преклоненія передъ другимъ. Онъ боготворилъ ее, молился на нее въ порывѣ какого-то экстаза, обожалъ ея красоту и ея силу, которая была выше всѣхъ страховъ, всѣхъ цѣпей.

Наконецъ, это была та любовь, которой онъ искалъ! Больше искать нечего и негдѣ, ибо онъ достигъ предѣла. Надъ всѣми фантастическими замками, которые строятъ люди, чтобъ обмануть душу, была истина, обожествляющая эту душу въ ея полетѣ къ смерти.

Въ верхней комнатѣ расплакался ребенокъ: быть можетъ, съ голоду; терпѣливая мамка накормила его грудью и теперь убаюкивала пѣсней.

Fai la ninna, fai la nanna,
Fantolino della mamma
...della mamma.

— Если нужно искупленіе, — говорила Новелла, — мы будемъ нести его вмѣстѣ; у тебя хватило мужества *тогда*—ужели же не хватитъ у меня теперь, когда я впервые стала по-настоящему близка тебѣ?

— Ты думаешь, Новелла, что *надо*, что *можно* забыть?—спрашивалъ онъ, словно цѣпляясь за далекую надежду.

— *Забыть*, можетъ быть, и нельзя, но постепенно память какъ-то притупляется. Время и любовь ткутъ этотъ притупляющій покровъ—надо попробовать помочь имъ. За этотъ годъ я уже не разъ бывала такъ счастлива, такъ безпредѣльно счастлива, что уже ничего не помнила... Это не такъ трудно, какъ ты думаешь...

— Быть можетъ, ты говоришь это, чтобъ обмануть меня?

— Я говорю это, потому что увѣрена, что исцѣлю тебя. Мы еще молоды, у насъ хватитъ силы не оглядываться назадъ, на то, что, конечно, и невозвратно. Развѣ ты не вѣришь, что передъ нами еще много времени и мы можемъ начать съ начала?

Словно солнечный лучъ заблисталъ въ глазахъ Андрѣа.

— Да, моя радость, вѣрю, вѣрю!

— Только тотъ, кто боится,—продолжала она,—не можетъ сдѣлать этого. Мы же съ тобой не знаемъ, что такое страхъ.

Все лицо ея сіяло гордостью—поистинѣ, она походила на него, ясная и непреклонная, какъ онъ.

— Мы уѣдемъ,—говорила она,—я давно уже мечтаю о далекомъ путешествіи; уѣдемъ на край свѣта и, если тебѣ понравится, останемся тамъ навсегда. Ты не изъ тѣхъ людей, которые взаправду могутъ отказаться отъ жизни; пройдетъ время, и тебѣ опять захочется быть сильнымъ и добрымъ, и дѣятельнымъ, какимъ ты былъ. Когда ты мнѣ сказалъ, что бросаешь университетъ и клинику, и свои книги, я не удерживала тебя, но подумала: все это начнется сызнова въ новой жизни, и я сама скажу ему: *уйдемъ*...

Краски жизни вернулись на чело человѣка, который *не могъ* быть побѣжденнымъ.

— Какъ ты добра! какъ ты добра!—горячо воскликалъ онъ.— Да, Новелла, ты права: я хочу снова жить! мнѣ *нужно* быть, какъ ты говоришь, сильнымъ и добрымъ.

Онъ прижалъ ладонь къ пылающему лбу, глубоко перевелъ духъ и прибавилъ:

— Потому что, видишь ли, я, и убивая его, былъ такимъ. Если-бъ у меня была мелкая душа, я могъ бы сложить съ себя отвѣтственность. Но я не хотѣлъ. Теперь, когда я самъ повинился тебѣ, не умаляя ничуть своей вины, я могу сказать тебѣ еще одно, чего ты не знаешь,—вотъ что: Джіорджіо самъ просилъ меня, чтобъ я помогъ ему умереть.

Она изумленно вскрикнула и поднялась съ широко раскрытыми, полными свѣта глазами.

— Нѣтъ, погоди,—прервалъ онъ ее,—было уже поздно. Я уже приговорилъ его къ смерти, уже *началъ* убивать его. Но однажды вечеромъ—помнишь тотъ вечеръ, когда ты услышала его шаги и убѣжала?—Джіорджіо пришелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ: „Здѣсь была Новелла". Кровь его была уже отравлена, силы истощены; но онъ говорилъ такъ, какъ, навѣрное, ни одинъ человѣкъ никогда не говорилъ съ другимъ... Онъ говорилъ: „Вы любите другъ друга, вы оба живы, а я уже мертвецъ, мнѣ надо уйти—помоги мнѣ. Ты, который былъ мнѣ братомъ, помоги мнѣ. У меня не хватаетъ духу самому устранить себя; ты одинъ найдешь въ себѣ такое мужество—дай мнѣ яду". И дальше было вотъ что: я разскажу тебѣ все, слово въ слово; я помню все такъ ясно, какъ будто это было вчера. Ты видишь: это было еще жесточе, чѣмъ если-бъ я убилъ его сразу, схватилъ за горло и задушилъ. Потому что хоть онъ и былъ на краю могилы, и я зналъ, что онъ безнадеженъ, все же онъ могъ бы дожить до рожденія нашего мальчика или, по крайней мѣрѣ, до того, чтобы ты, въ приступѣ отчаянія, что-нибудь сдѣлала съ собой... А я, пойми, именно этого и не хотѣлъ...

Отъ волненія онъ не могъ продолжать; бѣлая, какъ полотно, Новелла слушала, присѣвъ на край постели, подавшись впередъ, цѣпляясь руками за одѣяло... пальцы ея, руки, плечи словно застыли въ этой позѣ.

— Ну, и что же?—тяжело дыша, выговорила она, словно эта пауза была ей нестерпима.

— Онъ любилъ тебя, онъ и меня любилъ, Новелла, и понялъ то, что люди рѣдко понимаютъ—ненужность своей любви. Въ немъ всѣ страсти души были доведены до пароксизма: ревность, любовь, ненависть, малодушіе и доброта. Онъ жаждалъ закрыть глаза, чтобъ не видать нашего счастья... Онъ сказалъ мнѣ: „Я не въ силахъ больше терпѣть эту муку. Имѣй же состраданіе ко мнѣ, сдѣлай такъ, чтобы я умеръ".

— А ты?...

— А я?—я готовъ былъ сказать ему: „Смотри, можетъ быть, и у меня не хватитъ мужества... у меня было искушеніе спасти его, все бросить, дать ему умереть естественною смертью... но умомъ я понялъ, что онъ правъ, что мы оба правы, что въ этомъ мірѣ онъ все равно не найдетъ покоя... и я приготовилъ ему большую дозу яда... ...Какъ сейчасъ вижу его; онъ медленно подошелъ ко мнѣ, безъ страха, но медленно. „*Это* ядъ?“ И дотронулся до него пальцемъ, словно хотѣлъ дотронуться до смерти. Онъ говорилъ, какъ автоматъ; странная улыбка блуждала на его устахъ. Какъ очарованный, онъ смотрѣлъ на блестящій шприцъ, наполненный безцвѣтной жидкостью, на видъ невинной, прозрачной, какъ вода. Потомъ обнажилъ лѣвую руку, медленно завернулъ рукавъ, слегка отвернулъ лицо, перекосилъ ротъ и двумя пальцами взялъ шприцъ. Смѣясь, спросилъ: „Какъ это дѣлается?“— „Вотъ какъ!“ Я выхватилъ у него шприцъ и, крѣпко схвативъ его за руку, на которой кожа сразу сморщилась, словно отъ холода, сказалъ ему: „*Я, я* долженъ докончить убивать тебя, я—не ты!“ И, чтобъ наказать себя, чтобъ не снять съ себя отвѣтственности, я самъ впрыснулъ ему ядъ... сразу все, своею собственной рукой...

Глаза ея, казалось, готовы были выскочить изъ орбитъ, руки комкали одѣяло; готовая упасть, она всетаки удержалась и спросила:

— Потомъ?...

— Потомъ пришлось взять его на руки, перенести къ нему въ комнату, раздѣть, сложить его платье, какъ онъ складывалъ, придать ему въ постели естественную позу... потомъ я позвалъ тебя... Вотъ. Дальше ты знаешь...

Она сидѣла недвижная, пристально глядя передъ собой, и видѣла комнату, ярко освѣщенную луной, заливавшей широкую кровать и мертвое тѣло на ней словно электрическимъ свѣтомъ.

. . . . . .

Въ окно глядѣлъ разсвѣтъ, блѣдный, какъ бѣлый туманъ. Ребенокъ снова проснулся и заплакалъ, быть можетъ, съ голоду.

— Ты слышишь?—прошептала Новелла.—Онъ опять плачетъ.

— Ничего, скоро уснетъ. Ты любишь меня?

Поцѣлуй, и снова пауза.

Но ребенокъ плакалъ все громче, все настойчивѣй. Мать встревожилась, въ первый разъ почувствовала, что онъ ей дорогъ, что это—голосъ ея собственной плоти. И неожиданно предложила Андреа:

— Пойдемъ посмотримъ на него...

— Да? Ты хочешь?...

Это были тѣ самыя слова, тотъ самый голосъ, какъ въ тотъ разъ, когда они пошли смотрѣть на мертваго.

Они встали; онъ накинулъ на нее халатикъ, наскоро одѣлся и, взявъ ее за руку, отворилъ дверь въ коридоръ.

И, какъ *тогда*, шепнулъ ей:

— Иди тихонько, чтобы насъ не услыхали.

Прижимаясь другъ къ другу, вдоль стѣны, они прокрались на площадку, гдѣ было уже почти свѣтло, и поднялись по лѣстницѣ.

Дѣтскій плачъ доносился все слабѣе, покрываемый пѣсенкой мамки. Чтобъ не испугать ея, они сперва постучали въ дверь, окликнули ее:

— Лена, Лена!...

И только тогда вошли. Дѣтская была освѣщена лампадкой, поставленной между кроватью кормилицы и колыбелью; но мамка не лежала на кровати; она ходила босая, въ одной рубашкѣ, по комнатѣ, укачивая на рукахъ ребенка и съ безконечнымъ терпѣніемъ напѣвала ему: *баюшки-баю!*

— Чего вамъ?—почти грубо спросила она господъ и остановилась посрединѣ комнаты, крѣпко упираясь въ полъ босыми пятками.

— Ничего,—не безъ смущенія отвѣтили они.—Почему мальчикъ плачетъ?

— Молочка хотѣлъ; теперь уснулъ; вотъ поглядите сами!

Она была удивлена, но ничуть не стыдилась своего легкаго наряда; сквозь грубую ткань рубашки на свѣту обрисовывались ея крѣпкія формы; въ ней была своего рода красота силы и здоровья.

Фитиль трещалъ, поминутно вспыхивая и выпуская черную струйку дыма.

— Дай мнѣ его подержать,—робко попросила мать.

Ставни были не задвинуты засовомъ, и въ щель просачивался голубоватый свѣтъ.

Мамка неохотно передала Новеллѣ на руки дитя, но при этомъ держала руки подъ ея локтями, словно боясь, какъ бы она не уронила мальчика. Мать поцѣловала его, не дотрогиваясь до него рукой; потомъ сказала Андреа:

— Посмотри на него.

Онъ склонилъ къ ребенку свое трагическое исхудалое лицо и вдругъ почувствовалъ, что это его собственная кровь—самое прекрасное, что можетъ создать человѣкъ: повтореніе самого себя—способъ не вовсе умереть.

Сіяющими радостью глазами онъ смотрѣлъ на спящее дитя, лежавшее на рукахъ женщины, которую онъ любилъ; волна жестокой радости залила его душу и, словно впервые взглянувъ въ лицо истинѣ, красотѣ міра, человѣкъ, искавшій Бога въ матеріи, понялъ, что нашелъ его.

Словно погружая своего мальчика въ прозрачный свѣтъ зари, словно крестя его этимъ свѣтомъ, мать приподняла дитя на рукахъ и съ улыбкой сказала милому:

— Поцѣлуй его—онъ нашъ.

И оба вмѣстѣ, заботливо и улыбаясь, уложили дитя въ колыбельку.

Въ это мгновеніе по всему дому, словно исходя изъ звонкихъ стѣнъ, разнеслась злая пѣсня юродиваго подъ аккомпанементъ рыдающей скрипки.

И пѣсня говорила:

Иду я за гробомъ бѣдняги, убитаго мрачной тоской;
Никто мою бѣдную душу не напутствуетъ въ вѣчный покой;
Никто своими руками не сплететъ на могилу вѣнка...
Увы... но „вчера“ лишь и „завтра“ мѣднымъ звономъ твердятъ вѣка.

И вотъ, я спросилъ у скелета: ты можешь сказать мнѣ, куда же?
Смѣясь, мнѣ скелетъ мой отвѣтилъ: далеко, далеко, кто скажетъ?...

Я—странникъ, не зная покоя, идущій въ царство умершихъ; несу мой скелетъ за спиною;
Онъ горло сдавилъ мнѣ руками; ногами въ колѣни мнѣ бьется...
„Иди!—говоритъ мнѣ со смѣхомъ,—иди... жизнь завтра начнется...“

Иду я за гробомъ бѣдняги; въ могилу свели его нервы.
Никто обо мнѣ не заплачетъ, и самъ не заплачу я первый...

И вотъ, я спросилъ у скелета: ты можешь сказать мнѣ: куда?...
Отвѣтилъ: въ царство живущихъ, а имя ему—Суета...

Рѣка я. Теку безъ истока, затѣмъ лишь, чтобъ въ морѣ исчезнуть,
Безцѣльности въ морѣ широкомъ...

„Бѣги,—говоритъ,—и поспѣешь къ закату иль завтра къ восходу.
Умершую,—мнѣ говоритъ онъ,—любилъ ты. Не сдерживай ходу...

Ты былъ съ ней на праздникѣ, съ нею,—сказалъ онъ,—что тамъ
танцовала,
Какъ вѣтеръ, легко шелестящій, легка, вся одѣтая въ бѣломъ.
Зачѣмъ,—коль побоевъ не хочешь,—въ томъ мірѣ ты свелъ насъ
средь бала?...“

Иду я за гробомъ; бѣднягу презрѣніе къ людямъ сгубило...

„Ты былъ съ ней въ душистой постели; могучею скована силой,
Дрожа, она въ робкомъ смущеньи въ примятое пряталась ложе...
Зачѣмъ,—коль не хочешь побоевъ,—ты далъ мнѣ отвѣдать той
дрожи?...“

Я—странникъ, не знающій цѣли, идущій изъ царства умершихъ
Навстрѣчу далекимъ потомкамъ, чьи души уже отлетѣли...
Скелетъ понукаетъ, смѣется:
„Иди! Жизнь завтра начнется.
Завтра. Да, завтра. Иди!...“

Перев. **З. Журавская.**

НА МЖАЙКѢ.

Очерки жизни на хуторахъ.

I.

— Сидѣли мы на одной усадьбѣ трое на десяти палкахъ...

— Какія палки?

— А это по-нашему, по-здѣшнему—сажени; три брата, стало быть, на десяти саженяхъ. Да чего говорить, по семи грядокъ картошки сажали. А тутъ грѣхъ такой случился — пожаръ. Послѣ седьмого года стало слышно — выселять стали. И къ намъ пріѣхали.

Бесѣда идетъ на новомъ крыльцѣ новой, съ еще не успѣвшими потемнѣть бѣлыми бревнами березовой восьмиаршинной избы. Вмѣсто конопатки неряшливо свисаетъ изъ мелкихъ пазовъ не то мохъ, не то какая-то трава. Вообще, всѣ избы на Мжайкинскихъ хуторахъ имѣютъ недостроенный, недоконченный видъ, хотя стоятъ онѣ уже третій годъ.

Хозяинъ избы—хуторянинъ Илья Ивановъ Лапинъ, высокій мужикъ лѣтъ 30-ти, съ пріятнымъ, красивымъ лицомъ. По случаю праздника онъ не занятъ работою, охотно бесѣдуетъ и отвѣчаетъ на вопросы.

— Кто же пріѣхалъ къ вамъ, Илья?

— А все онъ же самый—Петръ Петровичъ, членъ. Стало быть, землеустроитель.

Это имя я слышу со всѣхъ сторонъ, съ первой минуты моего появленія на хуторахъ.

— Слыхать-то мы въ деревнѣ о немъ и раньше слыхали,— продолжаетъ Илья,—а видѣть не видѣли. А тутъ самъ пріѣхалъ, сходъ собралъ. Съ перваго слова:—„Кто желаетъ на Мжайку?“ Мнѣ мать и говоритъ: уйти отъ тѣсноты, отъ грѣха. А я матушку свою больно уважалъ; заботная была до цыплятъ, до всего. По-

ѣхали землю глядѣть. Петръ Петровичъ и говоритъ: „Я васъ здѣсь, мужички, вò какъ распространю. Кусты порасчистимъ“... Ладно. Стали мы склоняться на ново мѣсто переходить, а чтобы луга за собой на старомъ мѣстѣ оставить. Такъ нѣтъ, говоритъ, нельзя эдакъ. А они—луга-то—заливные, 500 р. десятина. На душу у насъ, почитай, по полудесятинѣ приходилось. Ну, пообѣщали намъ за нихъ по двѣ съ половиною десятины луговъ, здѣсь, стало быть, на Мжайкѣ. Подумали, подумали... И уходить-то не охота, боязно, и на своемъ мѣстѣ послѣ пожара строиться не дозволяютъ.

— Кто же не позволяетъ?

— Да все онъ же, членъ. Вотъ поди-жъ ты! Не дозволю, говоритъ, да и шабашъ. Что тутъ дѣлать! А здѣсь-то обѣщаютъ: „очень сдѣлаемъ хорошо и наградимъ“.

Илья вдругъ задумался и замолчалъ.

— Кабы раньше все знато было, и сейчасъ не тронулись бы ни по чемъ,—рѣшительно заявляетъ онъ.—А то, вѣдь, онъ раньше намъ пообѣщалъ поселкомъ насъ здѣсь поселить.

— Какъ же онъ не исполнилъ обѣщанія?

— А такъ какъ ввѣрились мы ему, на своемъ мѣстѣ пораспродали все, стройку свою сломали, сюда пріѣхали, видитъ онъ—податься намъ некуда, онъ по-иному и разговаривать сталъ. Мы то ему: ваше благородіе, ничего мы съ васъ здѣсь не спросимъ, ни колодцевъ, ни мостовъ, дозвольте намъ строиться, какъ намъ разсудится. А онъ опять же не велитъ такъ-то, какъ мы хотимъ. „Мало ли что вамъ хорошо, да мнѣ-то нехорошо“. Вотъ поди-жъ ты!—съ искреннимъ недоумѣніемъ повторяетъ онъ.—Ну, мы тутъ на первомъ разѣ всѣ уперлись, всѣмъ міромъ: не хотимъ селиться, когда такъ! Домой назадъ уйдемъ. Урядника звали, протоколъ составляли.

— Какъ же все устроилось?

Илья грустно и немного сконфуженно усмѣхается.

— А устроилось такъ, что... Ну, конечно, пріѣхали мы сюда... возы, подводы, крикъ, шумъ... Толчемся на мѣстѣ, а время осеннее, стыдь, незадолго до Покрова. Я народъ въ сторону отвлекъ, хотѣлъ разобраться промежду себя. А онъ-то, членъ: „Не смѣть хорониться! При мнѣ разбирайся!“ Стали при немъ разбираться. Тутъ одинъ... есть у насъ такой с. с. У него и тамъ, дома-то, почитай что, ничего не было и здѣсь тоже скоро ничего не будетъ. Онъ и передался. Согласенъ, говоритъ, на отруба, мнѣ все одно. А Петръ Петровичъ вотъ какъ обрадовался. Мнѣ, говоритъ, на первомъ разѣ и одного довольно. Глядишь, и вѣрно, и другой за нимъ. А тамъ и еще кое-какіе заговорили: что же намъ въ са-

момъ дѣлѣ околѣвать здѣсь въ грязи! Чего ждать, зима на дворѣ. Молитесь Богу! Что людямъ, то и вамъ...

Илья второй годъ выбранъ старостой на Мжайкинскихъ хуторахъ; кромѣ того, онъ служитъ въ кредитномъ товариществѣ въ ближайшемъ большомъ селѣ, верстахъ въ 15 отъ хуторовъ. У него постоянныя сношенія съ сосѣдями по самымъ разнообразнымъ дѣламъ.

Два мужика—одинъ высокій и чисто одѣтый, въ сапогахъ, другой маленькій и взъерошенный, въ рваномъ полушубкѣ, несмотря на теплое время, и въ разбитыхъ лаптяхъ—подходятъ съ противоположной стороны узкой, извилистой рѣчки и съ полуслова присоединяются къ бесѣдѣ.

— Пришлось покориться въ силу необходимости, — подтверждаетъ уже знакомый мнѣ раньше высокій Игнатъ.—Луга наши исключительно тамъ остались.

— Но вѣдь вамъ дали же здѣсь земли вмѣсто луговъ?

— Дали. За тѣ полдесятины и трехъ здѣшнихъ присовокупить мало. Мѣсто тамъ слишкомъ хорошо.

Игнатъ сдвигаетъ со лба шапку и присаживается на ступеньки. На его обвѣтренномъ и красномъ, съ грубыми чертами лицѣ появляется почти нѣжное выраженіе. Я замѣчаю его у всѣхъ здѣшнихъ хуторянъ, когда они вспоминаютъ свою прежнюю Кирсановку.

Мужикъ въ полушубкѣ молчитъ, стоитъ, разставивъ ноги, напротивъ крыльца, докуривая папиросу изъ газетной бумаги и то и дѣло плюетъ по сторонамъ.

— А вы какъ же желали поселиться?—спрашиваю я.

Илья поворачиваетъ голову, мягкимъ взглядомъ окидывая красивую долину вдоль рѣки, всю освѣщенную лучами еще высокаго солнца.

— Мы то... Мы сами просились поселкомъ сѣсть, чтобы всѣмъ на красной сторонѣ, стало быть, на солнечной,—поясняетъ онъ.— Видали, какъ вонъ сейчасъ на выселкахъ у насъ у Дубровскихъ? Они, Дубровскіе-то, они вѣдь наши же. Первая отъ насъ выселка была въ 1876 году, вонъ когда. Мы-то и не помнимъ ничего, старики сказывали. Тогда добровольно переселялись, по согласію, собственно, черезъ тѣсноту. Жеребъ кидали, кому итти. Ну, ты идешь? Иду. Кои пошли, съ тѣхъ оброкъ скинули—на новомъ мѣстѣ поправляйтесь, молъ. Кои остались—три года вдвоя платили. На ново мѣсто пришли, опять жеребъ кинули, кому какое мѣсто достанется на планту. Чередомъ поѣхали, чередомъ построились поселкомъ, всѣ на красной сторонѣ, на горочкѣ. Поля

разбили, прогонъ—скотину гонять, ну и живутъ, и посейчасъ вполнѣ жители. А здѣсь что! За непочтеніе родителевъ... Разметали на четыре вѣтра.

— Да, вѣтры здѣсь и-ихъ!—пожимаясь, говоритъ малорослый мужикъ, бросаетъ окурокъ и садится прямо на землю, подобравъ подъ себя полы коряваго полушубка.

Мѣсто кругомъ высокое и совершенно открытое. Лѣсъ вдали. Въ лощинѣ, то исчезая въ поросшихъ кустарникомъ болотцахъ, то снова показываясь, лѣниво течетъ рѣчка. Съ одной ея стороны разбросаны избы мелкихъ собственниковъ на разстояніи, но все же въ виду одна отъ другой. На противоположной высокой сторонѣ расположились хуторяне съ количествомъ земли въ 16—20 десятинъ. Среди нихъ есть и незанятыя мѣста. Постройки виднѣются далекими отдѣльными пятнами. Въ общемъ, мѣсто все же скорѣе красивое и живописное.

Я говорю свое мнѣніе. Собесѣдники мои соглашаются со мной.

— Мѣсто что говорить, жить можно,—отвѣчаетъ Илья.—А въ томъ обида—для чего этакъ дѣлать-то, супротивъ мірского приговору перегибать? Просили луга хотя бы оставить намъ въ общемъ владѣніи... Опять нельзя. Что же тутъ остается дѣлать! Межевой отнесся хладнокровно. Думали, не обидитъ, вѣдь и тотъ не братъ и этотъ не сватъ, а выходитъ у кого въ карманѣ шевелится...

— Едва ли это возможно,—замѣчаю я, и всегда спокойный, немного флегматичный Илья съ живостью возражаетъ мнѣ.

— По людскому разговору могли межевые взять. Какъ же—угрѣхнули вѣдь земли. По закону-то четверть души у каждаго у нихъ надо бы отнять. У тѣхъ вонъ, что на большихъ душахъ сидятъ,—говоритъ онъ, показывая на противоположную сторону за рѣкой.—Здѣсь вѣдь не какъ въ деревнѣ. Здѣсь вершки всѣ вымѣрены.

— Какъ же, съ цѣпями ходили, вершки мѣрили, а прогону не оставили,—мрачно и вѣско замѣчаетъ Игнатъ.

— Забыли?

— Не забыли. Сейчасъ предлагаютъ согласно иностранному дѣлу скотину въ стойлахъ держать, а того въ разсужденіе не возьмутъ: намъ не то что лѣтомъ въ стойлахъ, намъ зимой ее въ стойлахъ кормить нечѣмъ.

— Травосѣянія у васъ нѣтъ?

— Гдѣ же травосѣянію быть на первые года,—возражаетъ Игнатъ.—Мы-то міромъ такъ было располагали: противъ оконъ у насъ одно поле, на задахъ другое, къ лѣсу—третье. А сейчасъ

здѣсь посѣяно, и тутъ посѣяно, и прогнать некуда. А между прочимъ, надобно же скотинѣ мѣстоположеніе опредѣлить, гдѣ на полдняхъ ей стоять. Когда поля-луга общіе, не замай она и затопчетъ лишнее, все одно—не обида; а когда оно чужое—сейчасъ склока, потрава.

— Штрафы эти пошли, чего раньше въ заводѣ не было,—съ усмѣшкой замѣчаетъ Илья.—Штрафуютъ другъ дружку не судомъ. Ужъ и сами не разберутъ, кто кому платить долженъ.

Въ качествѣ старосты ему приходится разбирать недоразумѣнія съ потравами.

— А другому-то не то что штрафы платить, ему на зубъ положить нечего.

Мужикъ въ полушубкѣ прислушивается и безпокойно вертитъ головой на тонкой шеѣ.

— Раньше господа, помѣщики штрафовали, а сейчасъ свой братъ,—тонкимъ голосомъ вступается онъ.—Да пожалуй, штрафуй. А гдѣ я тебѣ штрафъ возьму! У меня вонъ ихъ самъ-шостъ. Посадили въ неудобное мѣсто...

— А зачѣмъ вы соглашались, если мѣсто неудобное?—необдуманно спрашиваю я и сейчасъ же раскаиваюсь въ вопросѣ.

Фролъ—мужикъ въ полушубкѣ—разомъ приходитъ въ необычайное волненіе. Онъ вскакиваетъ съ земли и подбѣгаетъ ко мнѣ съ такимъ видомъ, какъ будто бы я была виновата въ неудачномъ выборѣ участка.

— Такъ непто насъ спрашивали!—почти кричитъ онъ, подходя такъ близко, что я невольно отодвигаюсь назадъ и вижу его съ красными вѣками возбужденно бѣгающіе глаза и брызгающія слюной, дрожащія губы.

— Насъ обманомъ сюда заманили. Кто? Да все онъ же, членъ. Стали ему говорить: ты что намъ раньше сулилъ? Ты насъ выгналъ въ чистополье.—Молчать такіе да распроэтакіе! Я на васъ средствіе найду. Я васъ...

Тутъ онъ разражается совершенно невозможнымъ выраженіемъ, отъ котораго смущаются оба—Илья и Игнатъ. Они разомъ перебиваютъ и останавливаютъ его.

— Ну-ну, буде! Слышь, будетъ тебѣ, Фролъ.

Но Фролъ не слышитъ.

— Что же ты легчить насъ сюда привезъ! Мы тебѣ не бараны...

— Экой ты, братецъ мой, непонятный какой,—укоризненно замѣчаетъ Илья.

Фролъ моргаетъ красными вѣками, оглядывается и измѣняетъ тонъ.

— Что-жъ я! Я ничего. Нешто не вѣрно? Сами слышали... Послѣ Пасхи тутъ съ лошадью не вылѣзешь и слѣду нѣтъ. Посадилъ въ болото...

— Оно вѣрно-то вѣрно, хуже его участка нѣтъ,—сочувственно говоритъ Илья.—Первое дѣло—топь, низкое мѣсто, а второе—безлюдно, въ дали. Оставили безъ вниманія, а сейчасъ гдѣ же ему? Его духу не хватаетъ. Въ деревнѣ все бы лѣпился кое-какъ кругъ людей.

Фролъ послѣ вспышки опять уже съежился. Онъ возится съ крошечнымъ кусочкомъ газетной бумаги, въ которую старается завернуть остатки табаку.

— Въ деревнѣ какъ можно! Глядишь, какая работенка навернется. А здѣсь народу не сыщешь, гдѣ прислониться, — безнадежно говоритъ онъ.

— Трудно работу найти?

— На кого же тутъ работать! Всѣ на одной ваканціи—голяки. Техники пріѣзжали, мосты строили, а меня онъ отстранилъ, брать не велѣлъ.

— Кто не велѣлъ?

— Да все онъ же, членъ...

II.

Я не знаю, какъ это было въ прежнія времена при крѣпостномъ правѣ: критиковали ли тогда крестьяне между собой дѣйствія помѣщиковъ, или же подчинялись безъ разсужденій, какъ подчиняются люди вообще всему неизбѣжному.

Въ настоящее время на Мжайкинскихъ хуторахъ общее настроеніе можно было бы выразить однимъ словомъ—недоумѣніе. Худо ли, хорошо ли, жили люди на своихъ мѣстахъ въ привычныхъ условіяхъ, подъ наблюденіемъ привычнаго начальства: урядникъ, становой, земскій начальникъ. И вдругъ является откуда-то новое лицо—неизвѣстный человѣкъ—и сразу вмѣшивается въ самую середину и суть деревенской жизни: дозволяетъ и не дозволяетъ строиться, по своему усмотрѣнію распредѣляетъ земли и мѣста, допускаетъ и не допускаетъ къ работамъ.

Кто онъ такой? Членъ. Иначе его не называютъ. Въ подчиненіи у него урядникъ и техники и землемѣры. Фуражка съ кокардой показываетъ, что онъ не самозванецъ, по слухамъ присланъ отъ губернатора, чуть что не отъ самого государя. Въ дѣйствіяхъ его, однако, невольно обращаетъ на себя вниманіе двойственность: съ одной стороны, прямо онъ не приказываетъ пере-

селяться на хутора и отруба; онъ предлагаетъ, убѣждаетъ, „склоняетъ“, по выраженію крестьянъ; и въ то же время онъ постоянно говоритъ о своей власти и проявляетъ ее, эту власть, самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Толки и разсужденія о немъ и его дѣйствіяхъ не прекращаются среди хуторянъ. Бабы заинтересованы не меньше мужиковъ. Важность всего происходящаго для жизни, непосредственно для данной минуты заставила и бабъ выйти изъ привычной роли. Въ деревнѣ, когда обсуждался вопросъ о переселеніи, бабы выходили на сходъ; онѣ ходятъ вмѣстѣ съ мужьями, когда пріѣзжаетъ „членъ“ и вызываетъ къ себѣ мужиковъ.

— Изъ себя какой? Изъ себя хорошій, сытый, мордатый,— отвѣчаетъ на мой вопросъ о наружности землеустроителя бойкая Аксинья, немолодая уже, видная женщина. Когда-то она служила кухаркой въ Москвѣ, потомъ вернулась въ деревню, послѣ городского платья надѣла опять домотканную панёву и попала на отруба вмѣстѣ съ мужемъ, выпивающимъ, безхозяйственнымъ человѣкомъ.

Разсказъ ея о пріѣздѣ „члена“ совершенно согласенъ съ разсказомъ Фрола. Изъ этого можно заключить, что разсказъ приблизительно вѣренъ, несмотря на всю кажущуюся невѣроятность.

— Пріѣзжаетъ... Раньше-то и слыхомъ не слыхали, а тутъ на-ко, повадился, параликъ его расшиби,—съ одушевленіемъ повѣствуетъ Аксинья подъ окномъ четырехоконной, просторной избы, гдѣ мы расположились на завалинкѣ.

Поверхъ земли лежатъ снопы заготовленной свѣжей соломы— удобно сидѣть. Мужиковъ нѣтъ, однѣ бабы да ребятишки, притихшіе къ вечеру.

— Ну, пріѣхалъ сытый, гладкій, глазками-то все моргъ-моргъ, все моргаетъ. Созвалъ стариковъ. Вотъ что, старички, хочу я вамъ выселку сдѣлать. И сталъ самъ фокусы дѣлать — картины показывать: видите, какіе мужички вышли наряжоные, кажный со своей жонкой, со малыми ребятами. Видите, вонъ какъ сидятъ на своей собственности, чаёкъ попиваютъ. И вы вотъ этакъ же будете, когда послушаетесь. Награда будетъ вамъ сто пятьдесятъ рублей на стройку. Отдавать не сейчасъ, отдавать цѣлыхъ десять лѣтъ, по 15 р. въ годъ, а сейчасъ въ руки сразу всѣ денежки, да по одному рублю съ версты на переѣздъ. Какъ онъ сказалъ эти самыя слова, насчетъ денегъ-то, мужики наши уши и развѣсили. Вѣдь и то сказать: у другого-то во всю жизнь не токмо что полутораста рублей, полутораста копеекъ вольныхъ въ рукахъ не было. Мы вѣдь деньги у себя когда видимъ? Когда на

подати собираемъ. А тутъ поди-ка, сразу пятнадцать красныхъ. Ну и обалдѣли, думали и невѣсть сколько. А какъ зачали строиться, ихъ—этихъ денегъ—и на стройку-то не хватило, даромъ что, видишь, какова она стройка.

Я вижу и давно задаю себѣ вопросъ: какъ въ этихъ стройкахъ можно зиму зимовать? Лѣсъ березовый, неровный, тонкій. Нѣтъ ни одной избы проконопаченной, какъ слѣдуетъ, паклей, и нѣтъ двойныхъ рамъ. Несмотря на то, что, по словамъ бабъ, къ полученнымъ деньгамъ прибавлены были еще всѣ вырученныя за продажу усадебъ въ деревнѣ, денегъ все же не хватило.

— Пропить—нѣтъ. Пропить самую малость пропили, а лѣсъ дорогъ, плотники дороги,—объясняютъ онѣ.—Да къ тому же дѣлу вразъ всѣмъ строиться пришлось, да спѣшка — зима на дворѣ. Вотъ они и прижимать стали, купцы и плотники, и лѣсомъ и работою.

Настоящій строевой лѣсъ давно уже сведенъ во всей округѣ, и на стройку идетъ только береза да осина. Жалкій столбикъ толщиною въ руку поддерживаетъ соломенный навѣсъ узкаго крылечка и кажется, что если посильнѣе схватиться за него, то все рухнетъ, какъ карточный домикъ.

Въ избѣ пахнетъ пылью и чѣмъ-то кислымъ, а на волѣ чудесный осенній вечеръ. Скотину уже пригнали, но еще свѣтло. По случаю пребыванія новаго человѣка бабы сходятся передъ вечеромъ и бесѣдуютъ—разумѣется, ближайшія по сосѣдству.

Аксинья, благодаря бойкости и знанію жизни, полученному въ городѣ, говоритъ больше и охотнѣе другихъ.

— Ну что же тутъ остается дѣлать, онъ всѣми словами улещаетъ,—продолжаетъ она.—А у насъ, знаешь, какой народъ—тумаки. Согласны, говорятъ. Пиши въ собственность. Послѣ, какъ сюда-то переходить приневоливать сталъ, письмо послали губернатору. Онъ про письмо про это прослышалъ, на сходъ пріѣхалъ: я, говоритъ, вашими письмами з..... подтираю. У меня еще поговорите, такъ я ваши кишки всѣ на кулакъ себѣ намотаю. Я васъ...

И она спокойно употребляетъ слово въ слово тѣ же нецензурныя выраженія. Они выслушиваются равнодушно въ исключительно женскомъ обществѣ и не вызываютъ ничьего удивленія.

— Неужели же онъ такъ сказалъ?

— Какъ передъ Истиннымъ! Не увидать краснаго солнышка!— Аксинья взглядываетъ въ сторону заходящаго солнца и быстро крестится по платку.—Ужъ и ругатель, и-и! Мужику пьяному подъ стать. Ну, мужики наши обидѣлись въ ту пору на эти его

слова. Мы тебѣ не бараны, говорятъ. А мой-то — онъ выпивши былъ, такъ ему все одно, ни на кого не поглядитъ,—онъ и сталъ на него наступать, да заголился: на, говоритъ, рѣжь! Ну, только смотри, себя береги! Да на него кулакомъ... И другіе за нимъ тоже осмѣлѣли, шумѣть стали, на него наступать. Такъ онъ въ ту пору, матушка ты моя, бѣлый какъ бумага сдѣлался. Послѣ того долго не слыхать его было—глухарькомъ пріѣдетъ, глухаркомъ и уѣдетъ. А сейчасъ опять осмѣлѣлъ, опять покрикивать сталъ. Губернаторъ, слышно, его руку держитъ. Пріѣзжалъ съ нимъ самъ нонѣшнее лѣто.

— Сюда къ вамъ?

— Какъ же, на Мжайку сюда, насъ глядѣть. Мы его, губернатора-то, какъ Бога встрѣчали.

— Что же, онъ разговаривалъ съ кѣмъ-нибудь? Разспрашивалъ?

— Онъ-то не спрашивалъ, да наши, которые сами, было, сунулись, объ своемъ горѣ-дѣлѣ поговорить думали. А Петръ Петровичъ какъ заприметитъ кого, сейчасъ сзади кулакомъ грозитъ. Какіе ужъ тутъ разговоры! Одинъ, было, на это не поглядѣлъ, губернатору прошеніе подалъ, самый вотъ ейный мужъ,—говоритъ Аксинья, указывая на молодую еще, красивую женщину, которая задумчиво и молча стоитъ у крыльца.—Такъ онъ его, милая ты моя, со бѣла свѣта сейчасъ сживаетъ, никакого ходу ему не даетъ.

— Что же онъ дѣлаетъ?

— А что хочетъ, то и дѣлаетъ. Вся его власть. Луга-то не дозволилъ въ міру оставить, сейчасъ дѣлить хочетъ. Ну, кому, говоритъ, противъ оконъ отрѣжу, а его—это, стало быть, Михайлуто—въ болото загоню.

Я давно замѣтила темные глаза, прямой профиль и печальное и тревожное выраженіе лица Прасковьи, красивой молодой женщины. Она все время молчитъ и только при послѣднихъ словахъ какъ бы про себя медленно и тихо говоритъ:

— Въ самую ржавь, говоритъ, загоню. Въ самую ржавь...

III.

Люди, видѣвшіе эмигрантовъ и переселенцевъ, сдѣлали наблюденіе, что это и по наружности большею частью бываетъ сильный и энергичный народъ. Относительно хуторянъ сказать этого нельзя. Переселяются они случайно или поневолѣ и на Мжайкинскихъ хуторахъ, несмотря на признанную красоту типа N-ской губерніи, производятъ впечатлѣніе растерянности и захудалости.

Особенно замѣтно это на женщинахъ. Бойкая на рѣчахъ, видная собой, негодующая и осуждающая Аксинья является исключеніемъ. Аграфена—хозяйка избы, у которой мы собрались,—вдова. Она уже здѣсь на Мжайкѣ схоронила мужа. Это не старая еще, миловидная женщина съ мягкими движеніями и растерянными и робкимъ видомъ. Она никакъ не можетъ освоиться со всѣмъ количествомъ новыхъ навалившихся на нее тяжкихъ обстоятельствъ и впечатлѣній, и кажется, что только присутствіе дѣтей удерживаетъ ее отъ упадка духа и отчаянія. Дѣтей она любитъ страстно, любуется, гордится ими.

— Мои дѣти, какъ огурцы хорошіе!—говоритъ она, опустивъ глаза на младенца у своей груди, дѣйствительно прелестнаго полуторагодового крупнаго мальчика. Онъ уперся ручонкой въ грудь, перехватываетъ губками и строго смотритъ на всѣхъ умными, серьезными глазами.

— Какъ это ты кормишь такого большого?—спрашиваю я.—Его отнимать пора.

— Пора. Сама знаю, что пора. У насъ положеніе кормить три поста, а ему уже вонъ пятый пошелъ, — говоритъ она, прикрывая фартукомъ голыя полныя ножки.—Да какъ отниму, то думаю, чѣмъ я его тогда питать буду? У меня вѣдь ихъ сейчасъ, прямо надо сказать, трое кашниковъ-то: дѣвочка вонъ три годочка, да мальчику пять годковъ, а каши нонѣ у насъ нѣту.

— Почему же нѣтъ?

— Да не родилась вовсе, замокла. Весна холодная была да мочливая, мѣсто низкое. Тѣ-то, большенькіе, попросятъ-попросятъ каши, поплачутъ да хлѣбца пожуютъ, а этотъ съ одного хлѣба какъ бы не зачиврѣлъ, боюсь. Вотъ и не отнимаю, кормлю. Кормилица то у насъ плоха, съ чайную чашку молока даетъ, не больше. Не то что хлебать, забѣлить на всѣхъ не хватаетъ.

— А почему не хватаетъ? — вступается опять Аксинья. — Потому не хватаетъ, прогону настоящаго нѣту. Въ деревнѣ-то улица не мѣрена, а здѣсь вершки всѣ измѣрилъ, дорожки несчастной не оставилъ. Отъ того бы аршинчикъ, отъ другого аршинчикъ, иикто бы не постоялъ, глядишь бы, и собралось. А сейчасъ мы скотину за сколько верстъ гоняемъ. Либо гони, либо на арканѣ держи. Аркановъ не наготовишься. Своей-то пеньки ни у кого нѣтъ, не сѣяли еще, а веревка—поди-ка ее купи. Знаешь, чего она стоитъ, веревка-то.

Вотъ оно! А какъ просто казалось въ брошюрахъ и газетахъ: привязать къ колышку на веревкѣ...

— А веревка-то она плохая—семь гривенъ, да на волѣ-то она,

матушка моя, прѣетъ, скотинина-то ее всякая грызетъ да жуетъ, разорвать норовитъ.

— Ну, а когда свою пеньку заведете, будете коровъ на веревкахъ держать?—спрашиваю я.

Мнѣ сразу отвѣчаютъ нѣсколько голосовъ.

— Нѣтъ, не сручно.

— Какая ужъ скотина на веревкѣ. У кумы теленокъ удавился.

— Мы здѣсь всѣ однодушники,—поясняетъ худая, съ истомленнымъ благообразнымъ лицомъ женщина въ домотканной темной поддевкѣ. — По пяти у насъ десятинъ: тутъ и неудобь, и усадьба, и покосъ. Гдѣ же мнѣ на нихъ лошадь съ коровой пасти. Да вѣдь еще одѣться надо,—прибавляетъ она, проводя худыми, сморщенными пальцами по полѣ своей поддевки.—Сапогъ ли теплый, рукавичка ли, шуба ли—безъ овцы крестьянину невозможно. Во стадѣ-то, въ деревнѣ всѣмъ мѣста хватало, а на веревкахъ гдѣ же мнѣ ихъ всѣхъ навязать? Вотъ и близокъ сейчасъ локоть, а не укусишь. А всего-то свекоръ однимъ словомъ прошибся.

— Какимъ словомъ?

— Да стали его спрашивать: идешь что ли на отруба? Я-то, говоритъ, иду, да вотъ дѣти мои не идутъ. Какъ не идешь такая да распроэтакая! А это видѣла? Да стуломъ на меня какъ замахнется, кулакомъ-то мнѣ прямо къ щекѣ?

— Ударили тебя?

— Не вовсе шибко ударили, а натращали больше того. Я такъ и присѣла, и слова не вымолвлю. Такъ вотъ и пришлось переходить.

Изъ избы выходитъ мальчикъ съ блѣднымъ веснущатымъ лицомъ. Ему всего тринадцать лѣтъ, онъ худенькій и небольшой ростомъ, но у него уже не по-дѣтски серьезный и озабоченный видъ. Послѣ смерти отца ему приходится быть во главѣ семьи изъ шести человѣкъ. Мать съ ея жалкимъ, растерянным лицомъ обращается къ нему, какъ взрослому, совѣтуется съ нимъ и слушается его.

— За кирпичомъ сейчасъ поздно. Я за глиной поѣду,—тихо говоритъ мальчикъ и беретъ хомутъ, прислоненный къ стѣнѣ.

— Поѣзжай, батюшка. Мимо будешь ѣхать, дѣдушку скричи. Скажи, молъ, мать просила прійти печку оглядѣть. Вотъ горе наше—печка поддалась. И съ чего бы такое поддалась?—говоритъ, обращаясь ко всѣмъ, Аграфена и поднимаетъ младенца.—Погоди, Митенька, погоди, батюшка, я сейчасъ въ качку положу, къ тебѣ

выйду. Лошаденка у насъ норовистая,—говоритъ она на ходу и уходитъ въ избу.

Другія женщины также поднимаются вслѣдъ за нею.

Красивая Прасковья идетъ меня провожать.

IV.

— А тебѣ не поздно будетъ возвращаться одной?—спрашиваю я свою спутницу, любуясь ея походкой, тѣмъ, какъ она легко передвигаетъ и ставитъ свои бѣлыя, въ лаптяхъ, стройныя ноги; онѣ всѣ видны у нея изъ-подъ короткой понёвы.

— Я черезъ рѣчку. На прямокъ не далеко.

Прасковья живетъ на хуторѣ за рѣкой, „на большихъ душахъ", какъ здѣсь говорятъ. Всего у нихъ съ мужемъ 20 десятинъ сравнительно хорошей земли, хлѣба хватитъ до нови, и все же, несмотря на такое благополучіе, я ни у кого не вижу здѣсь такого постоянно тревожнаго, печальнаго лица, какъ у нея.

Изъ разсказовъ сосѣдей исторія ея извѣстна мнѣ. Мужъ ея пьетъ и пьяный истязуетъ ее. Я видѣла его мелькомъ, проходя, на работѣ.

Это громаднаго роста, красивый, еще молодой человѣкъ. Голова съ крупными чертами и русыми густыми волосами, раздѣленными на двѣ стороны, могла бы служить моделью для головы Юпитера; только выраженіе не юпитерское, а мягкое и порой уныло-безшабашное. Это же лицо легко представить себѣ ужаснымъ въ состояніи опьянѣнія.

— Что же, ты привыкла на Мжайкѣ? Нравится тебѣ здѣсь?—спрашиваю я, чтобы съ чего-нибудь начать разговоръ.

Прасковья быстро взглядываетъ на меня изъ-подъ платка.

— Ни въ жисть не привыкну. Ухватила бы ребятъ да убѣжала бы на свою сторону.

— Зачѣмъ же ты переходила сюда?

— Черезъ людей. Люди мужа сбили. Да еще такое дѣло—сгорѣли мы. Я просилась: въ землянкѣ жить буду въ Кирсановкѣ, сюда не пойду. А мужъ посулился: я пить брошу. Онъ тамъ шибко пилъ.

— Что же, бросилъ?

— Нѣ, хуже того запилъ. То говорилъ: уѣду, отъ товарищей своихъ отобьюсь; а здѣсь и товарищей нѣтъ, а все пьетъ, не бросаетъ. Съ досады, говоритъ.

— Какая же досада?

Прасковья поднимаетъ на меня свои опушенные черными рѣс-

ницами, чудесные глаза, съ минуту смотритъ, какъ бы размышляя, сказать или нѣтъ, и спрашиваетъ:

— А ты развѣ не слыхала? Большая у насъ досада: изъ земли... Землю у насъ членъ хочетъ отнять.

— Какъ, здѣсь, на хуторѣ?

— А то гдѣ же! Дома-то, на своей сторонѣ сами продали, какъ сюда переходить. Охъ, не охота мнѣ была сюда переходить. Какъ душѣ съ тѣломъ разставаться, такъ мнѣ съ Кирсановкой. Знать, чуяло сердце...

И она, вздыхая и вскидывая изъ-подъ платка и въ сумеркахъ блестящими глазами, разсказываетъ свою исторію.

Получили они большой надѣлъ „по старымъ душамъ, по ревижскимъ. Деверья умерли бездѣтные; все осталось одному сыну—Михайлѣ“, ея мужу. Перешли на Мжайку, стали строиться, двѣ избы постановили, дворъ, ригу, начали ограду городить, какъ вдругъ пріѣхали землемѣры и по-новому перемѣрили земли.

— Пришли мы разъ съ поля, а они у крыльца у нашего ковыряются, ямки копаютъ. Намъ-то и невдомекъ, а какъ протянули цѣпь подъ самыми окошками:—вы что же это, говоримъ, дѣлаете? А они: что нужно, то и дѣлаемъ. На планту, говорятъ, „показано этой землѣ отъ васъ чтобы отойти“.—Какъ, изъ-подъ самыхъ изъ-подъ окошекъ?—Похоже, что такъ.—Господи милостивый! Да гдѣ же вы раньше были? Вѣдь мы не самоволкой строились, мы члена спрашивались. Наше мѣсто отведенное, агенъ и отводилъ. А они и вниманія не берутъ, свое дѣло сполняютъ, копаютъ да размѣряютъ. На ту пору, слышимъ, членъ пріѣхалъ. Михайло мой къ нему побѣгъ. А онъ, членъ-то, на первомъ разѣ еще его запримѣтилъ, какъ сюда только переходить стали. Онъ тогда же уперся, на хутора не желалъ, только и ладилъ, что: „мы всѣ вообче“...—А, это ты всѣхъ на быки становишь! А когда „вообче“, то нѣтъ тебѣ ничего.—Съ той поры его и не взлюбилъ. И отвѣту ему никакого не даетъ. Михайло-то и такъ и эдакъ: ваше благородіе, куда же мнѣ теперь со стройкой своей дѣваться? Неужта же я съ своего крыльца да на чужую землю прыгать буду?—А мнѣ что!— говоритъ.—Куда хошь прыгай, хоть лѣшему въ пасть.—Что же тутъ остается дѣлать! Пріѣхалъ губернаторъ, мой ему прошеніе и подалъ. Тутъ ужъ вовсе намъ плохо пришлось. Губернаторъ вниманія не взялъ. Только и словъ его было: вашего начальника слушайтесь. Уѣхалъ, а членъ-то моему кукишъ кажетъ. Что взялъ, выкуси! Теперь я тебѣ мѣсто найду. Въ самую ржавь тебя загоню. Въ самую ржавь...

Прасковья разсказываетъ съ оживленіемъ, мѣняя интонаціи,

но ужасъ слышится въ ея голосѣ, ужасъ виденъ въ потемнѣвшихъ глазахъ. Я не умѣю найти словъ, чтобы ободрить и утѣшить ее. Тягостны впечатлѣнія всего, что приходится слышать вокругъ.

— Какъ же вы теперь думаете сдѣлать?—спрашиваю я.

— Какъ хошь, такъ и дѣлай, хоть живая въ ямку ложись. Мы, было, съ сосѣдомъ землей мѣняться хотѣли. Не хочетъ. Съ нашей стороны колодезь близко; тутъ и мостъ. Сейчасъ-то не тревожатъ, къ зимѣ дѣло, а на весну не миновать заставятъ ломать да переносить. Съ досады съ эстой онъ и запилъ. А то годъ почти не пилъ, терпѣлъ. Голодный онъ—такихъ людей мало, а какъ напьется...

— Что же ты дѣлаешь тогда?

— То-то дѣло мое плохое,—безпокойно отвѣчаетъ она.—Домато, въ деревнѣ, бывало, придетъ пьяный, я ребятъ оберу, къ сосѣдямъ и убѣжимъ. Кажный пожалѣетъ, пуститъ. Тамъ и ночуемъ. А онъ туда-сюда толконется пьяный — всю деревню не обыщешь. Такъ и не найдетъ насъ. А здѣсь схорониться некуда, всѣ далеко. Убѣжала я разъ къ сестрѣ. У меня тутъ сестра родная на однодушникахъ за рѣкой. Я къ ней. Онъ за мной, да шумѣть сталъ. А она мнѣ: сестрица милая, говоритъ, я тебя жалѣть жалѣю, а своя рубашка ближе. Вѣдь онъ, озорникъ, вонъ что грозится—спалитъ. Такъ и сидимъ теперь, смерти ждемъ. Вѣдь онъ чѣмъ ни попадя бьетъ. Не миновать до смерти забьетъ. Ночь придетъ, ребята поснутъ, взгляну въ окошечко... Господи батюшка, темнымъ темно: ни тебѣ огонечка, ни въ церкви не ударяютъ. Вѣдь оно какъ бывало легко станетъ на сердцѣ, какъ услышишь, на селѣ сторожъ въ колоколъ ударитъ въ ночи. То знаешь, по крайности, не одна ты не спишь. А здѣсь и звону не услышишь вовѣкъ. Одни вѣтры воютъ. О-охъ, вѣтры буйны! Другой разъ сидишь—думаешь, сорвутъ крышу, въ оврагъ снесутъ. Голову всю разломило. Какъ сюда пришла, очень я головой бьюсь.

— Что же ты чувствуешь?

Прасковья не отвѣчаетъ.

Я беру ее за руку, заглядываю въ лицо. Она остановилась на ходу. Все лицо ея видно мнѣ въ красномъ закатномъ освѣщеніи, и опять, какъ и въ первый разъ, поражаетъ выраженіе тоски въ красивыхъ глазахъ.

— А сейчасъ голова болитъ?

Она не смотритъ на меня и качаетъ головой.

— Сейчасъ не болитъ, а... неловко со мной.

— Что же такое?

— Я помолчу...

И дѣйствительно молчитъ нѣсколько секундъ, и потомъ съ умоляющимъ и жалостнымъ выраженіемъ поднимаетъ глаза.

— Боюсь... тронулась я. Макушка болитъ...

Я начинаю успокаивать ее, разубѣждать. Послѣ минутной остановки мы опять идемъ слабо наѣзженной дорогой вдоль рѣки, и она опять говоритъ:

— А почему же такое все представляется мнѣ? Да не во снѣ представляется, а въ явѣ. Я вѣдь чувствую, я не сплю.

— Что же тебѣ представляется?

— Да вотъ давеча, какъ сюда итти: сижу я въ избѣ на лавкѣ, и такъ мнѣ взгрустнулось что-то, про свою судьбу злосчастную я задумалась. Вдругъ гляжу, мужики слѣзаютъ съ печи, да высокіе такіе, долголикіе, а чужіе, незнамые. И все снопы носятъ. И солома такая долгая, рослая... И стали меня снопами закидывать, стали закидывать. А я сижу, думаю: что же это такое, снопы большіе, а не тяжелые. А они еще пуще кидать стали. Тутъ какъ схватитъ меня за сердце, воздохнуть не могу. Батюшки, смерть моя... Умираю! Затряслась вся... Все разомъ и пропало, и нѣтъ никого.

— Давно это бываетъ съ тобой?

— Сроду я думчива, а тутъ шибко въ тоску вдалась. Ну, какъ онъ насъ и вправду въ болото вгонитъ. Вѣдь столбы-то постановили.

— Какіе столбы?

— А съ орлами. Остолбили насъ, матушка, съ четырехъ сторонъ. Утромъ какъ проснусь, въ окошко взгляну, а подъ окномъ онъ, столбъ-то, и стоитъ. Такая досада возьметъ! Господи, не глядѣли бы глаза. Двухъ годовъ не прошло, путемъ не обстроились, опять подымайся, переходи.

— Да можетъ ли онъ заставить переходить?

Прасковья удивленно смотритъ на меня и говоритъ съ убѣжденіемъ.

— Вся его власть.

V.

Помнится, въ давно прошедшія времена (уже послѣ 61 года) приходилось слышать въ деревнѣ разсказы о похожденіяхъ сосѣдей помѣщиковъ, поражавшіе безшабашною несуразностью. Одинъ помѣщикъ, Михаилъ Петровичъ П..., посадилъ станового верхомъ на медвѣдя, другой—Ч—въ, выпоролъ сосѣда, мелко-

помѣстнаго дворянина и продержалъ подъ домашнимъ арестомъ исправника, который осмѣлился пріѣхать въ усадьбу напомнить о недоимкѣ. О ругательствахъ, мордобоѣ и выбиваніи мужицкихъ зубовъ даже не говорилось. Это было явленіе обычное.

Съ теченіемъ времени, однако, разсказовъ этихъ становилось меньше. Самовольная расправа не помогала, приходилось, что слѣдовало, вносить и платить и дорого оплачивать послѣдствія своей несдержанности. Характерныя фигуры въ венгеркахъ, со всегда готовымъ крѣпкимъ словомъ на устахъ и арапникомъ въ рукахъ стали исчезать. Онѣ вспомнились мнѣ среди разсказовъ на Мжайкинскихъ хуторахъ.

Но кто же онъ, этотъ новый, современный герой? Какая у него наружность? Какія выработались бытовыя черты?

Судьба благопріятствуетъ мнѣ на этотъ разъ. Въ одно ясное осеннее утро я узнаю о пріѣздѣ „члена“. Петръ Петровичъ пріѣхалъ и остановился у агронома. Мы знакомы, и я отправляюсь немедленно, чтобы не опоздать. Пріѣзды бываютъ, какъ я слышала, всегда короткіе.

— Повернется и былъ таковъ. По всей губерніи катаетъ. Спервоначалу-то на ямщицкихъ ѣздилъ, а сейчасъ свою троечку завелъ. Ничего, лошадки хороши,—говоритъ сопровождающій меня Фролъ въ неизмѣнномъ рваномъ полушубкѣ и бѣжитъ впередъ, чтобы узнать, гдѣ находится „членъ“.

Въ домѣ его нѣтъ.

— Въ училище ушелъ,—сообщаетъ мнѣ Фролъ.

У него у самого дѣло къ „члену“, и онъ присоединяется къ группѣ мужиковъ, которые собрались и ждутъ у крыльца.

Мнѣ не хочется ожидать. Я иду знакомой дорожкой къ училищу. Оно еще не окончено и стоитъ одиноко въ зарѣчной части хуторовъ.

Передъ зданіемъ съ затѣйливыми крылечками, съ черепичной крышей въ два цвѣта шашками съ весны разбитъ цѣлый цвѣтникъ. Георгины и астры, почернѣлыя отъ мороза, возвышаются въ клумбахъ, обложенныхъ оригинальнымъ бордюромъ изъ вышпленныхъ и раскрашенныхъ буквъ на подставкѣ изъ красной черепицы. Буквы изображаютъ надпись: *N-ская землеустроительная комиссія.* Въ цвѣтникѣ за березовымъ столомъ лѣтомъ угощали чаемъ губернатора; но теперь не лѣто; несмотря на солнце, холодно и, главное, вѣтеръ, который, кажется, никогда не унимается въ здѣшней мѣстности.

И съ удовольствіемъ думаю о томъ, что можно будетъ укрыться

отъ вѣтра въ училищѣ, какъ вдругъ за поворотомъ цвѣтника встрѣчаю незнакомую фигуру, которая спускается съ крыльца.

Передо мною невысокій плотный человѣкъ въ драповомъ пальто и барашковой шапкѣ, съ подстриженной рыжеватой бородой и такими же усами. Онъ внимательно приглядывается ко мнѣ.

Я подхожу, называю себя и спрашиваю:

— Петръ Петровичъ?

— Онъ самый. Слыхалъ-съ о вашемъ пребываніи,—довольно недружелюбнымъ тономъ отвѣчаетъ онъ и подаетъ мнѣ руку въ фильдекосовой перчаткѣ съ продраннымъ большимъ пальцемъ.— Позвольте узнать, что собственно побудило избрать нашу мѣстность?—спрашиваетъ онъ, все такъ же непривѣтливо и внимательно оглядывая меня.

Я говорю о случайности избранія, хвалю мѣстоположеніе и сосѣдей.

— Нестоющій народъ,—замѣчаетъ Петръ Петровичъ.— Чего хотятъ, сами не знаютъ. Другіе въ этакой мѣстности Бога бы благодарили, да и начальство также.

Я пробую замѣтить, что противъ мѣстности никто, кажется, ничего не имѣетъ. Недовольство относится только къ способу переселенія.

Петръ Петровичъ разомъ начинаетъ горячиться.

— А что же способъ! Я его, что ли, этотъ способъ, выдумалъ? Изъ Петербурга приказъ. Намъ что прикажутъ, мы то и дѣлаемъ. Прикажутъ поселкомъ—сдѣлайте ваше одолженіе. Поселкомъ будемъ селить, какъ угодно. Намъ все единственно.

Я сажусь на верхнюю ступеньку крыльца, защищеннаго отъ вѣтра выступомъ стѣны. Петръ Петровичъ вынимаетъ портсигаръ и стоитъ нѣсколькими ступеньками ниже съ папиросой, прислонясь къ стѣнѣ.

Мнѣ теперь хорошо видно пухлое лицо съ мелкими чертами и неспокойными, внимательными глазами. Что за человѣкъ передо мною? Какого онъ происхожденія и образованія? Спросить неловко, а изъ постороннихъ раньше никто не могъ отвѣтить на мои вопросы.

Петръ Петровичъ какъ будто не удивляется вопросамъ и отвѣчаетъ. Самъ онъ не здѣшній, а дальній, изъ-за Перми. Вопросъ объ образованіи онъ обходитъ, но сообщаетъ, что отецъ его былъ чиновникъ. По примѣру отца, онъ также избралъ для себя государственную службу: сперва былъ земскимъ начальникомъ, а послѣдніе года перешелъ въ землеустроительную комиссію.

— Довольны вы своей дѣятельностью?—спрашиваю я.

Петръ Петровичъ снисходительно улыбается. Говоря, онъ жестикулируетъ. Перчатка съ продраннымъ пальцемъ то и дѣло мелькаетъ передъ глазами.

— Какое у чиновника можетъ быть довольство! Что предпишутъ, то и дѣлаемъ. Довольство наше—20-ое число, да чтобы выговора не получить отъ начальства. Да-съ, чиновничья душа! А мерзавцевъ этихъ, я вамъ скажу, вы ничѣмъ не удовлетворите, что имъ ни дай. Да ужъ повѣрьте мнѣ. Знаю я ихъ довольно. Это, я вамъ скажу, такой народецъ... Драть бы ихъ черезъ пятаго, вотъ бы они свою пользу почувствовали. А то, гдѣ бы построже приказать, мы все только склоняемъ да предлагаемъ.

Проговоривъ все это съ большимъ оживленіемъ и самымъ искреннимъ тономъ, Петръ Петровичъ вдругъ будто спохватывается и опять безпокойно и зорко приглядывается ко мнѣ.

— А они вамъ, небось, ужъ невѣсть что напѣли про меня?— неожиданно спрашиваетъ онъ.

Я чувствую себя въ большомъ затрудненіи: спросить или не спросить? Боюсь, какъ бы не повредить бѣдной Прасковьѣ, и въ то же время сознаю, что едва ли будетъ другой случай выяснить себѣ настоящее положеніе дѣла.

„Ну, была не была!“

Но Петръ Петровичъ прерываетъ меня съ первыхъ же словъ:

— Прасковья? Это Михайлова жена? Ужъ и вамъ успѣли нажаловаться! Это, я вамъ скажу, такой с. с., другого такого мерзавца за десять верстъ во всей округѣ не сыскать. Прежде всего, пьяница горчайшій...

Я никого не защищаю и стараюсь вернуть разговоръ къ вопросу о правильности межеванія.

Собесѣдникъ мой смущается на минуту.

— А кто-жъ его зналъ. Я не Богъ, не вездѣсущій. Чуть только отвернулся, а ужъ тутъ пожалуйте, невѣсть чего натворили. Землемѣришки эти... Вѣрите ли, не успѣетъ со школьной скамейки слѣзть, а ужъ его на дѣло ставятъ. Ну, натурально, и путаютъ.

— Но нельзя же, чтобы изъ-за этой путаницы страдала цѣлая семья. Ихъ больше всего безпокоитъ то, что уже поставили межевые столбы.

Петръ Петровичъ бросаетъ папиросу и улыбается.

— Слава Богу, что это ихъ безпокоитъ. Надо же на нихъ какую-нибудь грозу. Поставили, конечно, ну что же, можно и

переставить. Все это въ нашихъ рукахъ, да мужикъ-то самый нестоющій. Пьяница и гордецъ, спесь съ него нужно посбить.

Несмотря на этотъ отзывъ, мнѣ удается получить обѣщаніе пересмотрѣть дѣло и при возможности перенести столбы. Увѣренности въ томъ, что обѣщанное будетъ исполнено, у меня, разумѣется, нѣтъ, но Петръ Петровичъ все же становится любезнѣе. Онъ предлагаетъ мнѣ осмотрѣть училище и идетъ впередъ, отпирая замки рукою въ перчаткѣ съ продраннымъ пальцемъ. Это пустячное обстоятельство, видимо, стѣсняетъ его. Онъ сжимаетъ руку въ кулакъ, но потомъ забываетъ, и опять мелькаетъ передъ глазами покраснѣвшій отъ холода толстый палецъ.

Мнѣ очень хочется спросить, чѣмъ руководствовались строители училища, отнеся его въ пустынное мѣсто за рѣку, гдѣ гораздо меньше жителей и куда трудно будетъ переправляться дѣтямъ въ половодье и въ грязную пору. На все это обратили мое вниманіе крестьяне; но дѣло сдѣлано, училище не столбъ, перенести его нельзя, и я не рѣшаюсь напрасно раздражать своего спутника.

По другую сторону классовъ, рядомъ съ комнатой агронома и учителя, мнѣ показываютъ небольшую комнату для пріѣзда начальства.

— Совершенно необходимо,—съ убѣжденіемъ поясняетъ Петръ Петровичъ.—А то, другой разъ мыкаешься, мыкаешься, а голову негдѣ приклонить. Ей Богу! По правдѣ сказать—собачья служба. Весь день въ ѣздѣ, а ночевка—въ избѣ съ клопами и тараканами. Я съ собою, знаете ли, кровать вожу, да канальи ухитряются, съ потолка падаютъ. Тамъ, въ Петербургѣ, хорошо имъ предписанія писать, а каково ихъ здѣсь въ натурѣ исполнять? Объ этомъ тамъ не думаютъ...

VI.

Незнакомый мнѣ человѣкъ въ сѣрой поддевкѣ принимаетъ изъ рукъ Петра Петровича ключи, запираетъ училище, и мы возвращаемся въ помѣщеніе агронома, около котораго попрежнему ждутъ мужики.

Пользуясь знакомствомъ, я вхожу.

Большая изба разгорожена перегородкой; черезъ сѣни въ другой избѣ живутъ хозяева-хуторяне. Двое маленькихъ дѣтей агронома переправлены къ нимъ по случаю пріѣзда гостя. Хозяинъ въ отъѣздѣ. Хозяйка хлопочетъ у стола съ самоваромъ и раскладываетъ по тарелкамъ свертки въ бумагѣ, аккуратно завязанные тесемками.

Петръ Петровичъ не задерживается и входитъ почти одновременно со мной.

— Усталъ, знаете ли,—говоритъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—Я вѣдь здѣсь съ девяти часовъ, какъ за языкъ повѣшенный. Вы, вѣрно, еще почивать изволили... А теперь уже двѣнадцать. Да, я по желудку чувствую.

Онъ любезно предлагаетъ закусить хозяйкѣ и мнѣ и, когда мы отказываемся, очень ловко начинаетъ хозяйничать самъ: завариваетъ чай, достаетъ изъ свертковъ закуски и цѣлую корзину печенья и кондитерскихъ пирожковъ.

— Я, знаете, алкоголя не употребляю, а сладкое, говорятъ, способствуетъ сохраненію силъ,—поясняетъ онъ, послѣ плотной закуски приступая къ пирожкамъ.—Городишко маленькій, а пирожки не хуже губернскихъ. Напрасно не изволите опробовать. Ну что тамъ еще?—спрашиваетъ онъ, прожевывая пирожокъ съ розовымъ кремомъ, кусочки котораго остаются у него на усахъ.

Человѣкъ въ сѣрой поддевкѣ оказывается подручнымъ его. Онъ самъ также изъ хуторянъ, но сопровождаетъ въ поѣздкахъ Петра Петровича, исполняетъ его порученія, гдѣ нужно сзываетъ крестьянъ.

— Да вотъ все насчетъ крышъ сомнѣваются, ваше высокоблагородіе,—по-солдатски вытянувшись, стоя у двери, отвѣчаетъ онъ.

— Никакъ имъ внушить невозможно.

— Кто же тамъ?

— Тимоша сейчасъ, ваше высокоблагородіе. Прикажете, можетъ, сюда позвать?

— Да ну, пожалуй, зови.

Входитъ старикъ, не сѣдой и еще бодрый, съ морщинистымъ и краснымъ лицомъ. Онъ держитъ шапку въ рукахъ, прижимаетъ ее обѣими руками къ животу и усердно раскланивается.

— Къ вашей милости, батюшка, ваше высокоблагородіе. Какъ же насчетъ крыши-то, батюшка?—спрашиваетъ онъ самымъ заискивающимъ голосомъ.

Петръ Петровичъ не сразу отвѣчаетъ. Онъ чувствуетъ остатки крема на усахъ и напрасно старается слизнуть ихъ языкомъ.

— Ну что крыша? Какая еще тамъ крыша?—спрашиваетъ онъ, схватываетъ, наконецъ, салфетку и вытираетъ усы.

Тимоша переступаетъ сапогами и начинаетъ еще умильнѣе:

— Я, батюшка, такъ говорю: когда мы покрыты, зачѣмъ, говорю, насъ раскрывать? А вотъ онъ—Зайкинъ, стало быть—въ разсужденіе не беретъ. Все насчетъ черепки налегаетъ...

— Да ты самъ-то записывался на черепицу?

— Писать-то меня, батюшка, писали. Да вѣдь я въ ту пору... признаться сказать...

— Ну что еще?

Виноватое выраженіе появляется на обвѣтренномъ, лукаво-добродушномъ лицѣ. Тимоша говоритъ смущеннымъ голосомъ:

— Признаться сказать, въ ту пору выпивши былъ. Люди говорятъ: пишись на черепику. Ну ладно, говорю, пишите. Въ башкѣ-то шибко гудѣло. Ну, а сейчасъ-то она мнѣ въ родѣ какъ ни къ чему. Это, стало быть, черепика-то...

— Ну ты мнѣ, любезный, пѣсни не пой. Комиссіи нѣтъ дѣла до того, былъ ли ты выпивши или нѣтъ. А когда записался на черепицу, то, слѣдовательно, долженъ ее взять и крыть.

Петръ Петровичъ говоритъ очень рѣшительно, но Тимоша все еще никакъ не можетъ повѣрить необходимости подчиниться такому, съ его точки зрѣнія явно несообразному, рѣшенію.

— Батюшка, ваше благородіе! Да вѣдь крыша-то у меня даромъ что соломенная, она подъ щетку крытая, какъ слитая. Ее вонъ не уколупнешь. Да она у меня безъ поправки пятнадцать годовъ простоитъ.

— Ну и стояла бы, кабы не писалъ. За какимъ же лѣшимъ ты писалъ? А уже разъ написано, бумага въ Петербургъ пошла...

— Неужели о каждой крышѣ посылается бумага въ Петербургъ?—не выдерживаю и спрашиваю я.

— А вы какъ думали! Тутъ отчетность такая, не дай Богъ,— отвѣчаетъ мнѣ Петръ Петровичъ и снова обращается къ мужику:

— Ничего не могу сдѣлать. Понимаешь, ни-че-го. Комиссія... Я же тебѣ говорю, бумага пошла. Не могу же я изъ-за тебя бумагу ломать!

Вотъ оно знакомое, подлинное россійское! Можно сломать крышу, сломать благосостояніе цѣлой семьи, жизнь можно сломать, но бумагу ломать нельзя...

Тимоша стоитъ, согнувшись, какъ для поклона, прижавъ шапку къ животу, и недоумѣло бормочетъ про себя.

— Какъ яйцо слитая. Ей-Богу... Не уколупнешь. Не мы, Чагинскіе крыли мастера. Чего же тутъ раскрывать!.. Ваше благородіе!

— Ну еще что?—недовольнымъ тономъ спрашиваетъ Петръ Петровичъ, нагибается подъ столъ и вынимаетъ изъ кулечка небольшой, взрѣзанный уже, красный въ серединѣ арбузъ.

Тимоша вдругъ выпрямляется. Потемнѣвшее, съ мѣшками подъ глазами, лицо его теряетъ разомъ всякую умильность и принимаетъ упорное и рѣшительное выраженіе.

— Воля милости вашей, а раскрывать мы не согласны. Не къ тому дѣло идетъ. Покровъ на дворѣ. Ребятишки... Опять же баба хворая...

Петръ Петровичъ вдругъ отодвигаетъ тарелку съ отрѣзаннымъ кускомъ арбуза и подходитъ къ мужику.

— Ты мнѣ, скотина, долго сказки будешь разсказывать! Мнѣ ихъ слушать некогда. Не хочешь крыть, не кроѝ, а за черепицу деньги уплати. Черепица на твою крышу выписана. Не пропадать ей.

— Зачѣмъ пропадать. Чать не убоина, не протухнетъ. Найдутся покупщики...

— Да понимаешь ли ты—не порядокъ. Болванъ!

— Ужъ какіе это порядки, силомъ крышу раскрывать,—мрачно перебиваетъ мужикъ, злобнымъ взглядомъ окидываетъ фигуру стоящаго передъ нимъ человѣка и прибавляетъ рѣшительно:

— Платить не согласны. Жалиться будемъ, когда такъ.

Петръ Петровичъ хохочетъ и возвращается къ арбузу.

— Жаловаться! На здоровье. Кому угодно, хоть митрополиту Палладію.

VII.

Мнѣ хочется знать, сохранились ли среди отрубниковъ и хуторянъ какіе-либо общіе интересы, которые могли бы требовать общаго разсмотрѣнія и обсужденія? „Разметанные на четыре вѣтра“, по ихъ выраженію, сходятся ли они когда-нибудь вмѣстѣ ради общихъ дѣлъ?

Не сразу удается выяснить себѣ этотъ вопросъ. Одинъ изъ наиболѣе толковыхъ и словоохотливыхъ собесѣдниковъ, высокій Игнатъ, даетъ на него отрицательный отвѣтъ.

— Нонѣшнее время всякъ Ѳадей своимъ владѣй, въ чужое не встрѣвай,—говоритъ онъ мнѣ, ловкимъ движеніемъ завязивъ топоръ въ бревно, и присаживается отдохнуть послѣ тяжелой работы.

Вдвоемъ, съ сыномъ подросткомъ, они все утро перетаскивали обгорѣлыя бревна съ мѣста пожарища на другое мѣсто, гдѣ онъ задумалъ ставить себѣ новый домъ. Со времени переселенія это былъ первый пожаръ на хуторахъ. Сгорѣла всего его одна—Игнатова—изба, хорошо застрахованная. Ходятъ слухи, будто дѣло „не безъ грѣха“, но говорятъ это осторожно, опасаясь и самого Игната и его жены. У нихъ мелочная лавка, при случаѣ можно занять денегъ въ долгъ, и люди они вообще „сурьезные“.

— Такъ точно. Имѣю въ виду здѣсь ассигноваться,—объясняетъ мнѣ Игнатъ, внимательнымъ и довольнымъ взглядомъ окидывая свои владѣнія.—Главное дѣло, овражекъ этотъ для меня неудобенъ былъ. Своя ли лошадь, покупателю ли подъѣхать—все неловко, тѣмъ болѣе въ грязную пору. Съ возомъ не повернешься. А здѣсь-то на всей красѣ.

Я слышала, что онъ купилъ землю подъ стройку рядомъ у сосѣда, и спрашиваю его объ этомъ.

— Совершенно вѣрно-съ. Я стремлюсь пріобрѣсти, тѣмъ болѣе у меня три сына.

— А какъ же это Пименъ рѣшился продать? Вѣдь у него, кажется, всего пять десятинъ?

— А ему и на четырехъ нечего дѣлать. Въ міру былъ не работникъ, а здѣсь тѣмъ болѣе.

— Почему же? Развѣ въ міру легче работать?

Игнатъ посылаетъ мальчишку согнать кобылу съ озимей и возвращается къ разговору.

— Легче не легче, а, когда въ башкѣ не хватаетъ, за народомъ-то и дуракъ пойдетъ. Отъ людей отставать не приходится. Люди пахать, и онъ за людьми. А какъ сейчасъ-то одинъ, да на всей своей волѣ: я погожу, да погляжу... А дѣло-то—оно не ждетъ. День упустишь, въ недѣлю не нагонишь. Самая центра работы, а онъ—мое почтеніе—на базаръ изволилъ уѣхать. Невѣстка, Марья, непутевая, сами можете понять, а у сына глаза неправые. Гдѣ же имъ тутъ землею владать!

— Да вѣдь жили же они раньше.

— Опять же я вамъ докладаю: раньше было одно, сейчасъ—другое. Село у насъ большое, можетъ, тысяча душъ, онъ—сынъ-то Митя—онъ по покойникамъ ходилъ читать, въ церкви подпѣвалъ; по его убожеству ему подавали хорошо. Кто пирожка, кто лепешечки, въ праздникъ всякій подастъ, ну и кормился кое-какъ. А сейчасъ-то куда же онъ здѣсь пойдетъ? Да ему и не дойти ни по чемъ. Тамъ-то дорожка одна, да знакомая, изъ храма да въ храмъ. А здѣсь сколько домовъ, столько и дорогъ. Тутъ и съ глазами-то собьешься. Опять же и храма нѣтъ.

— Петръ Петровичъ говорилъ мнѣ, что храмъ надѣется построить.

Игнатъ приподнимается на бревнѣ и замахивается веревкой на лошадь, которая, прогнанная съ одной, пытается пробраться къ озимямъ съ другой стороны.

Зеленый лоскутъ яркихъ, густыхъ озимей подходитъ почти къ самой стройкѣ.

— Но, дура! Пошла!.. Сперва-то онъ церковь рекомендовалъ на первомъ выселкѣ, на нашемъ, стало быть, а сейчасъ, какъ на насъ озлился, постановилъ, гдѣ собаки бѣгаютъ... Ахъ, подлая! Васенка, подлецъ, гони кобылу!

И, не дождавшись Васенки, онъ самъ бросается за лошадью съ веревкой въ рукѣ.

Разговоръ не удается возобновить. Какъ хорошій хозяинъ, Игнатъ постоянно занятъ. Онъ дорожитъ каждымъ часомъ, чтобы закончить постройку до наступленія холодовъ, и самъ помогаетъ плотникамъ со всей своей семьей.

На мѣстѣ недавняго пожарища работа кипитъ, а рядомъ, черезъ какихъ-нибудь 7—8 десятинъ, на крылечкѣ, въ темныхъ очкахъ сидитъ полуслѣпой бѣдный Митя и вполголоса напѣваетъ „стишокъ“. Всѣ церковныя службы и почти всю псалтирь онъ знаетъ наизусть. На рукахъ у него, предоставленная ему непутевой женой, завернутая въ лоскутное одѣяльце маленькая дочь. Она заснула подъ унылое пѣніе. Тутъ же Пименъ, отецъ его, заплетаетъ у оконъ завалинку и съ видимымъ удовольствіемъ бросаетъ работу, какъ только я подхожу.

Это высокій старикъ, сѣдой, но еще бодрый; у него пріятная улыбка, медленныя движенія и лѣнивая, развалистая походка.

На мой вопросъ, относительно общихъ мірскихъ дѣлъ на хуторахъ, онъ отвѣчаетъ охотно, присаживается на недоконченную завалину и вынимаетъ изъ жестянаго портсигара настоящую папиросу, вѣроятно пріобрѣтенную въ одну изъ своихъ несвоевременныхъ поѣздокъ на базаръ.

— Дѣла... Какъ дѣламъ не быть! Нешто возможно безъ дѣлъ. Чуть что касаемое, сходку соберемъ.

— Кто же васъ собираетъ здѣсь?

— Да кто же! Староста собираетъ—Илья Ивановъ, а то сотскій Иванъ. Въ нонѣшнемъ мѣсяцѣ никакъ уже двѣ сходки были. Первый разъ собирали, вотъ какъ Ѳеклуша-то умомъ повредилась.

Я не слышала про Ѳеклушу и спрашиваю:

— Отчего она повредилась?

— Черезъ свою глупость. Затосковала шибко. Мужъ у ней въ Москву въ капусту ушелъ и дѣвку съ собою забралъ.

— Это что же значитъ: въ капусту?

Пименъ смотритъ на меня съ улыбкою, видимо удивляясь моему непониманію, и Митя улыбается и поворачиваетъ въ мою сторону кроткое блѣдное лицо съ кругами темныхъ очковъ.

— Не слыхали они, папаша. Отъ насъ много ходятъ въ Москву капусту рубить,—объясняетъ онъ.

— На заводахъ больше нанимаются. Недѣли на три, на мѣсяцъ уйдутъ,—продолжаетъ старикъ.—Ну и приносятъ хорошо. Самъ прокормится, да рублей 30, а то и 40 домой принесетъ. Вотъ и онъ этакъ же думалъ—Авдей, анъ дѣло-то не вышло. Дѣвчонку взялъ, въ портнихи отдалъ, а жена-то Ѳеклуша вовсе одна осталась.

— Гдѣ же она жила?

— А не видали къ лѣсу крайній домъ? Самый ея. Сейчасъ онъ заколоченный стоитъ. Ну, конечно, женское дѣло, да еще непривычка. Въ деревнѣ-то привыкла на народѣ, а какъ попала сюда, да еще послѣднюю дѣвчонку увели, все одна да одна, ну умомъ и повредилась. Послѣ-то бабы сказывали, видали ее: выйдетъ, бывало, противъ лѣсу на бугорочекъ, станетъ на колѣночки и вотъ голосить начнетъ: дочка родимая Аннушка! А тамъ и выходить перестала. Съ недѣлю не видать ея было, а никому невдомекъ. Извѣстное дѣло, всякому до себя впору. Хорошо, мимо съ дровами кумъ ѣхалъ. Дай, молъ, заѣду, провѣдаю куму. Постучалъ—не отворяетъ. Заглянулъ въ окошко, а она простоволосая сидитъ на полу, пальцами перебираетъ. А въ избѣ ни синь пороха, крошки хлѣба нѣтъ, и печь не топлена, и духъ тяжкій. Подняли ее, обрядили. Сперва-то ничего, смирная была, а потомъ биться стала, ругаться, кричать. Двоимъ мужикамъ не совладать. Вотъ и собрали сходку, поставили караулъ три смѣны, по три человѣка караулить, пока мужа выписали изъ Москвы. Мужъ пріѣхалъ, въ Москву ее переправилъ.

— Ну, а еще по какому случаю была у васъ сходка?

— Мало ли случаевъ! Да вотъ староста упреждалъ, на недѣлѣ думаетъ сходку созвать. Насчетъ некрута. Некрутъ тутъ у насъ у Ѳомичевыхъ.

— Здѣсь, на Мжайкѣ?

— Да тутъ же, на нашей сторонѣ, однодушники, тоже какъ и мы.

— У нихъ и собираются?

— Зачѣмъ у нихъ! У сотскаго въ сборной.

— А можно мнѣ пойти на сходку?

— Любопытничаете поглядѣть? Что же, милости просимъ.

Я рѣшаюсь спросить Пимена насчетъ проданной десятины.

Въ первую минуту онъ какъ будто смущается, беретъ топоръ и молча и старательно завастриваетъ колышекъ для завалины, но не доканчиваетъ и бросаетъ въ сторону.

— Продалъ... Горе мое продало,—не глядя, отвѣчаетъ онъ.— А къ нотаріусу не ходилъ. Деньги будутъ, назадъ откуплю.

„Благослови, душе моя, Господа“,—качая ребенка, тихо напѣваетъ Митя.

— Собственность. А что она собственность!—ни къ кому не обращаясь, будто думая вслухъ, разсуждаетъ старикъ.—Безъ навозу все одно не родитъ, хоть и собственная. А гдѣ онъ у насъ, навозъ? Сюда переходить, всей скотины было четыре курицы. Сейчасъ лошадь купилъ... Незадашная попалась, съ грибомъ, за 14 рублей, а къ лошади хомутъ нуженъ; телѣжонку дали 10 руб. Стала намъ вся снасть подъ 30 руб. Годъ тяжелъ - перетяжелъ, а работникъ одинъ. По закону-то по прежнему въ міру бы съ меня землю снимать да на молодыхъ накладать. Мнѣ, матушка моя, шестидесятый пошелъ,—уже повернувшись ко мнѣ, сообщаетъ онъ и черезъ минуту, какъ бы оправдываясь, прибавляетъ:—А Игнашка не у меня у одного, онъ у Мироновой у Графены полдесятины отбилъ. Погоди, еще слопаетъ, всѣхъ слопаетъ...

„И вся нутренность моя имя Святое Его. Благословенъ еси Господи...“

VIII.

Такъ называемый агрономическій староста не находится въ прямой зависимости отъ члена землеустроительной комиссіи. Самъ онъ и ближайшій его начальникъ, участковый агрономъ,—люди, повидимому, искренне готовые служить интересамъ хуторянъ; и тѣмъ не менѣе, въ отношеніи къ нимъ крестьянъ не чувствуется расположенія и довѣрія, которое они лично, по всему вѣроятію, могли бы вызвать къ себѣ.

Въ огромномъ большинствѣ мжайкинскіе переселенцы неграмотны. Сбитые съ толку несогласованностью и неожиданностью всего происходящаго съ ними и вокругъ нихъ, крестьяне не могутъ разобрать, отъ кого именно исходитъ каждое отдѣльное мѣропріятіе. Невольно и совершенно естественно они относятъ все происходящее къ одному источнику—велѣнію начальства. Агрономическія улучшенія по самому свойству ихъ не могутъ за краткостью времени обнаружить своего благодѣтельнаго дѣйствія и вызываютъ къ себѣ недружелюбное отношеніе.

— На кой онъ намъ грѣхъ, быкъ-то, нуженъ! Намъ не то быковъ—жрать нечего,—говоритъ мнѣ въ одно раннее погожее утро Фролъ, когда я прохожу мимо его избы и заговариваю съ нимъ. Онъ остался недоволенъ свиданіемъ съ „членомъ“ и, по примѣру другихъ, рѣшилъ ѣхать въ Москву ,тоже въ „капусту“.

— Хоть въ бутылку полѣзай—вынь деньги. Подати спрашиваютъ: хлѣбныя по 2 руб., да иныя поболѣ 5 руб. А гдѣ взять! Противъ Кирсановки вдвоя. Сѣялки, вѣялки—все на нашемъ счету. Руками-то нечего сѣять. Стой, сволочь!—говоритъ онъ, вводя лошадь въ оглобли и прикручивая веревкой жидкую некрашеную дугу.

— Татьяна! Баба, ай не слышишь? Вожжи гдѣ? Вожжи подай.

Но Татьяна не отзывается.

Мы идемъ въ избу. Я въ первый разъ вижу Фрола въ такомъ солидномъ хозяйственномъ настроеніи. Сейчасъ видно, что его заблаговременно собирали въ дорогу. На бѣлясомъ отъ времени полушубкѣ въ разныхъ мѣстахъ, какъ налѣпленныя, новыя желтыя заплаты. Онъ подпоясывается слинявшимъ лиловымъ поясомъ и обертываетъ шею какимъ-то лоскутомъ, не то обрывкомъ шарфа, не то тоже стараго пояса.

Худая, беременная Татьяна выноситъ изъ чулана веревочныя вожжи и женскую клѣтчатую шаль, которою обвязываетъ старшаго мальчика по-бабьи поверхъ шапки, связывая концами на спинѣ.

— Сиверко въ полѣ-то. Не зазябъ бы малый. Взадъ-назадъ не шутка—30 верстъ. А ты лепешки въ пазуху бы, Фролъ,—совѣтуетъ она, подавая свертокъ въ сѣрой тряпицѣ.

Но Фролъ отказывается. Онъ уже собрался, подпоясался, застегнулъ полушубокъ и крестится передъ образомъ, часто кланяясь и встряхивая волосами.

Мать суетъ лепешки мальчику подъ шаль, оба садятся на сѣно, прикрытое кускомъ полосушки, и телѣга выѣзжаетъ, гулко подпрыгивая по земерзшимъ кочкамъ, кудрявымъ отъ инея, и, словно пухомъ выложеннымъ, глубокимъ колеямъ.

Кромѣ уѣхавшаго старшаго, въ избѣ еще четверо маленькихъ дѣтей. Они не отходятъ отъ стола, на которомъ неубранная посуда и остатки ѣды.

Мать возвращается съ довольнымъ лицомъ, наливаетъ въ чашку сѣрой дымящейся жидкости и крошитъ оставшійся на столѣ хлѣбъ.

— Слава те Господи, проводила!—говоритъ она, облегченно вздыхая, и съ маленькимъ на колѣняхъ сама присаживается къ столу.—Ужъ и не чаяла проводить-то. Опасалась, не остался бы. Характерный, бѣда! А капусту пропустишь, больше и кинуться не на что. Въ домѣ, вѣришь ли, Богу на свѣчку нѣтъ. Соли давеча у Игната заняла.

На вопросъ о причинѣ такой скудости она объясняетъ, какъ и всѣ, охотно и подробно разсказывая повѣсть жизни.

— Хорошо-то мы съ нимъ сроду не жили. Въ міру у насъ не было земли.

— Какъ, въ Кирсановкѣ не было? Почему же?

— А такъ что были спервоначалу у отца у его, стало быть, у моего свекра пять душъ, а дѣти мелкія—онъ и отдалъ въ міръ двѣ души. А послѣ-то еще два сына народились, выросли, стали дѣлиться, двоимъ-то души и нѣту—не хватаетъ. Всего у насъ такъ-то въ обществѣ сорокъ душъ по бороздѣ распахали. Ну, собрали сходку, а какъ ихъ выручать? Міръ не отказываетъ. „Твоя душа не умершая, отдадимъ“. А онъ-то у меня въ Москвѣ на фабрикѣ жилъ. Нынче да завтра, такъ и шло дѣло, а тутъ пожаръ... Намъ и дали предлогъ, сюда чтобы переходить. Люди горюютъ, плачутъ, а я всею радостью рада. Хоть и на мелкія души посадили, да очень ужъ я стосковалася по землѣ. И сейчасъ другой разъ сама себѣ не вѣрю, что моя она, земля-то. Сойду съ крыльца, поклонюсь на всѣ четыре стороны... Господи Батюшка! Какъ царица я: что задумаю, то и сдѣлаю. Ужъ такъ, матушка моя, довольна, такъ довольна...

— Наконецъ-то! Слава Богу!

Я съ интересомъ смотрю на довольную женщину.

Худая, съ желтой обтянутой кожей на скулахъ, въ сбившемся полиняломъ повойникѣ, съ огромнымъ животомъ, Татьяна сажаетъ младенца на подоконникъ и принимается за уборку.

Старшія дѣти послѣ ѣды, какъ звѣрьки, мелькая босыми ножками, молча пробираются на печку.

На полу лежатъ связки лыка, на лавкѣ—недоконченный лапоть.

— Это кто же плететъ?

— Кто! Да все я же. А то кому же плесть! Большенькаго мальчика стала обучать, да младъ еще, не смыслитъ. Ну, лыки мнѣ готовитъ, помогаетъ.

Татьяна вытираетъ столъ концомъ фартука, обратившагося въ продольные, скрученные книзу лохмотья, и, поднявъ съ пола лыко, присаживается къ окну.

— Мужъ уѣхалъ, мнѣ и на соль не оставилъ, да я не тужу. Хлѣбъ есть, лапотковъ наплету, продамъ—вотъ мнѣ и на обиходъ. Только бы не загулялъ, спаси Царица Небесная.

— А съ нимъ случается?

— То-то горе наше. А кабы не случалось, жить бы можно,— отвѣчаетъ она, осторожно поддѣвая лыко и пристукивая кочедыкомъ.—Проводила я его такъ-то разъ: мѣсто попалось хорошее на фабрикѣ, хозяинъ—душа, наградныя шли. Что-жъ ты думаешь,

ни на что не поглядѣлъ—загулялъ. Въ Москвѣ-то жилъ съ зонтикомъ, а домой вернулся телешомъ.

— А ты опять въ ожиданіи?

Татьяна съ безнадежнымъ видомъ машетъ рукой.

— Ужъ и не говори. Не по моимъ бы годамъ. Этого родила послѣ десятой ярмонки, да вотъ опять жди.

— Славный у тебя мальчикъ.

Довольная похвалой, мать поднимаетъ подолъ рубашонки и вытираетъ носъ маленькому, приглаживая ему волосы.

— У меня дѣти хоть и плохонькія, а ходить начинаютъ 35-ти недѣль, а этотъ вотъ что-то засидѣлся. Ванюшка! А Ваня...

Блѣдный, съ большимъ животомъ, съ неправильной формы большой головой некрасивый мальчикъ поднимаетъ свѣтлые глазки и улыбается младенческой улыбкой, отъ которой поворачивается сердце. Такъ смотрятъ и такъ улыбаются ангелы на небѣ.

Онъ сидитъ полуголый на голомъ холодномъ подоконникѣ. На ножкахъ у него шерстяные чулочки изъ грубой шерсти и лапотки крохотные, тщательно и тонко сработанные. Ногамъ тепло, но ситцевая смытая рубашечка едва доходитъ до живота, оставляя задокъ и верхнюю часть ногъ совершенно обнаженными.

Въ окно съ одной рамой тянетъ снаружи. Пухлая голая ножка выше колѣна покраснѣла отъ холода, а онъ сидитъ и молчитъ, потому что ничего не умѣетъ сказать, и протягиваетъ въ ручонкѣ черенокъ обломанной ложки, которую только что держалъ во рту съ двумя бѣлыми зубками внизу.

IX.

Тихо на Мжайкѣ. Ни прохожихъ, ни проѣзжихъ. Дорога кончается у послѣдняго отруба, въ болотистой низинѣ. За нею казенный лѣсъ.

Ясные морозные дни смѣнились настоящими осенними, съ неумолчнымъ мелкимъ дождемъ, съ грязью и бездорожьемъ. Въ поляхъ убрали уже и картофель, но подъ зиму такъ называемый черный паръ мало кто вспахалъ. Одни въ отлучкѣ на заработкахъ, другіе работаютъ тутъ же у техниковъ въ землеустроительной комиссіи.

Противъ школы устраиваютъ новый усовершенствованный колодезь: вмѣсто звеньевъ деревяннаго сруба въ него опускаютъ бетонные круги. Ихъ тутъ же дѣлали на хуторахъ.

Незамѣтно среди работъ подходитъ 1 октября, прежній престольный Кирсановскій праздникъ—Покровъ, и такъ же незамѣтно проходитъ онъ, мало чѣмъ отличаясь отъ будней.

— Храма нѣтъ, какъ раскрестились. Звону не слышимъ, пироги поспѣли, и жремъ, — съ сокрушеніемъ качая головой въ праздничномъ цвѣтномъ платкѣ поверхъ высокаго повойника постаринному „съ рогами“, говоритъ чистенькая, худенькая старушка, Тимошина хозяйка Агаѳья.

Всего прелестнѣе на Мжайкѣ послѣ маленькихъ дѣтей старухи. Между ними есть такія, которыя смотрятъ на свое переселеніе почти какъ на подвигъ для-ради спасенія души. У матери двухъ-трехъ сыновей оставалась возможность выбора: жить спокойно въ деревнѣ съ однимъ сыномъ или уходить на новое мѣсто съ другимъ, и она, жалѣя сына или внука, пошла, бросила домъ, хозяйство, родное село.

— И опустилась я въ кусты. Ужъ и не знаю, какъ Господь почтетъ. Степу сожалѣю, внучонка; недужный онъ у насъ сызмалолѣтства, а ко мнѣ привыкъ, все со мной,—говоритъ видная, красивая старуха, перебравшаяся на Мжайку во главѣ семьи изъ пятнадцати душъ.

Деревня перекочевала на хутора со всѣми своими привычными атрибутами. И на хуторахъ есть полоумный солдатъ Семенъ, по всему вѣроятію, прогрессивный паралитикъ, безъ рода и племени, за котораго, однако же, міръ (еще въ прежнемъ полномъ составѣ, Кирсановскій) платитъ Аксиньѣ, его сестрѣ, по шести рублей въ мѣсяцъ на содержаніе. Есть „съ роду дурачокъ“ Степа, испуганный въ зыбкѣ пьянымъ отцомъ, предметъ нѣжныхъ попеченій семидесятилѣтней бабки. Есть полудурачокъ подпасокъ, помогающій мірскому пастуху, потому что скотину на Мжайкѣ пасутъ все же міромъ, сообща. Хозяева пригоняютъ ее каждый отдѣльно къ сборному мѣсту, а затѣмъ пастухи гонятъ всѣхъ вмѣстѣ въ лѣсъ. По уговору міромъ уплачиваютъ одному изъ собственниковъ за потраву его участка, черезъ который приходится гонять, такъ какъ не выдѣлено настоящаго прогона для скота.

На третій день праздника на Мжайкѣ появляется плетеная, съ мѣдными гвоздиками телѣжка, запряженная сытой лошадью не въ веревочной, а въ настоящей сбруѣ. Въ телѣжкѣ сидитъ отецъ дьяконъ съ псаломщикомъ и церковный староста за кучера на козлахъ.

Священникъ хвораетъ; онъ не рѣшается ѣхать за 15 верстъ, и дьяконъ объѣзжаетъ переселенцевъ съ краткимъ молебномъ. По странному противорѣчію церковнаго устава дьяконъ, читающій Евангеліе въ церкви передъ алтаремъ, не имѣетъ права читать Евангелія за молебномъ: изъ службы отпадаетъ, такимъ образомъ,

наиболѣе важная и трогательная ея часть. Но и въ такомъ видѣ переселенцы радуются посѣщенію.

— Хоть и не попъ, а все кадиломъ покадитъ. Все, глядишь, не вовсе отъ церкви отбились, обасурманѣли. Въ храмѣ побываешь — стопудовый камень отвалится. Да какъ добраться-то? Лошадь не овсяная, и съ пустой телѣгой не вывезетъ,—разсуждаютъ бабы, щедрой рукой принося и складывая въ телѣжку лепешки и ситники и вручая дьякону двугривенные за молебенъ.

На перепутьи, объѣхавъ одну сторону, переправившись черезъ мостъ, отецъ дьяконъ заѣзжаетъ къ агрономическому старостѣ.

Молодая чета привѣтливо встрѣчаетъ гостей. Хозяинъ въ суконной блузѣ съ кожанымъ поясомъ, напоминающій великовозрастнаго гимназиста, приглашаетъ закусить.

Дьяконъ, отодвигая рукава, вытаскиваетъ кильку изъ жестяной коробки и опрокидываетъ въ ротъ рюмку.

— Добраго здоровья! — сиплымъ басомъ приговариваетъ онъ, проглатываетъ кильку и подставляетъ рюмку.—А что же сами хозяева? Все воздерживаетесь? Не научились еще въ нашей глуши?

Я дѣлаю замѣчаніе, какъ сравнительно мало пьяныхъ видно на Мжайкѣ.

Агрономъ улыбается.

— Достаточно. Здòрово пьютъ. Такъ, еще не попадались, должно быть, на глаза.

— Да гдѣ же здѣсь водку достаютъ?

— А почти въ каждомъ домѣ. Рѣдкая баба не торгуетъ. Чего другого, а ужъ этого добра...

Самъ онъ не пьетъ и закуриваетъ толстую папиросу.

— Да ужъ это, можно сказать, повсемѣстное зло, хотя бы въ селѣ, хотя бы на хуторахъ,—скромно замѣчаетъ дьяконъ, опрокидывая третью рюмку.—Нѣтъ, будетъ, будетъ. Не согласенъ больше. И такъ, опасаюсь, осудятъ столичные жители,—говоритъ онъ, управляясь съ кускомъ пирога.—А намъ, по нашимъ трудамъ, иначе-то, пожалуй, что и невозможно. Вы не глядите, что морозу нѣтъ. Полемъ ѣхалъ, такъ-то продуло. Вѣтеръ—онъ хуже морозу.

Меня интересуетъ мнѣніе мѣстнаго жителя, и притомъ духовнаго лица, относительно переселенцевъ.

Дьяконъ также вынимаетъ папиросу и, постукавъ ею по плетеному портсигару, отвѣчаетъ:

— Тутъ дѣло не слишкомъ замысловато, сама видимость доказываетъ. Изволили видѣть, какъ сюда ѣхать по лѣвой рукѣ, остатки строенія? У насъ это мѣстоположеніе такъ и называется: брошенный хуторъ.

Я, дѣйствительно, вспоминаю въ сторонѣ отъ дороги разбросанные камни, квадратъ бывшаго фундамента и уцѣлѣвшую низенькую каменную постройку подъ голубой крышей.

— Она, она самая!—радостно восклицаетъ дьяконъ.—Должно быть, не иначе, что кладовая была, а съ виду, можно сказать, на часовеньку похожа. Только одна и уцѣлѣла изо всего, а постройка настоящая была, и человѣкъ поселился обстоятельный, видно, что съ капиталомъ.

— Почему же онъ не остался?

— Стало быть, возможности его не было. Это вѣдь не чемоданъ—взялъ въ руки, да ушелъ. Одинъ, безлюдье, можетъ на сколько верстъ живой души не было. Лѣтомъ-то еще куда ни шло, все терпимо, а по зимамъ, какъ поднимутся метели-вьюги, такъ его, говорятъ, совсѣмъ заносило и съ трубой. По два дня откопаться не могли. Мѣстоположеніе вродѣ какъ подвѣтренное. Что-жъ, терпѣлъ, терпѣлъ, да и сбѣжалъ. Вотъ такъ же и со здѣшнимъ народомъ. Которому попало мѣстечко поскладнѣй, да самъ въ силѣ, человѣкъ семейный—ну, потерпитъ, можетъ, и приладится какъ никакъ. А что эти одиночки, однодушники—это все пропащій народъ.

— Да вѣдь жили же они какъ-нибудь раньше въ деревнѣ!

— Такъ то деревня!—выразительно произноситъ дьяконъ и прибавляетъ:—Въ деревнѣ-то домъ дому защиту даетъ. Стройка хоть и не мудреная, а все же не чистополье, все же вѣтру остановка есть. Такъ же и на счетъ всего прочаго. Пословица не мимо молвится: на людяхъ и смерть красна. А поглядите-ка, что у насъ теперь на селѣ пошло: потребиловка, кредитное товарищество, вродѣ банка. Какъ же, собранія, засѣданія... Ну, только перессорились въ короткій срокъ.

— За что же?

— Да изъ пустяковъ. Баночныя книжки не по формѣ заказали, ну, которые подвохъ увидали, недовольны остались. А еще вотъ тоже насчетъ библіотеки... При училищѣ библіотека у насъ, такъ насчетъ книжекъ разноголосица выходитъ, которыя выписывать. Всякъ на свой вкусъ норовитъ, что кому нравится; а я вотъ про себя скажу,—говоритъ дьяконъ, огромной рукой протягивая къ хозяйкѣ мокрый отъ молока и крошекъ тусклый стаканъ.—Попрошу стаканчикъ. Ахъ, какъ это возможно! Никакъ это невозможно, чтобы мыть, деньги не будутъ водиться,—шутитъ онъ и продолжаетъ:—Да-съ, такъ я опять же скажу, всѣ вотъ говорятъ: Толстой, Толстой! А что Толстой? Я нахожу: Анна Каренина графа Толстого—пустой романъ.

— Помилуйте, почему же?

Агрономъ, молча, внимательно смотритъ на меня, а дьяконъ продолжаетъ:

— Ну, какъ же, лица дѣйствующія все помѣщики да аристократы. А и дѣло-то все вышло изъ женскаго грѣха. Поучительнаго немного.

— Нельзя же все только поучительное,—возражаетъ агрономъ.

По лицу его можно думать, что вкусы у нихъ относительно книгъ различные.

Псаломщикъ, молчаливый пожилой человѣкъ, выходитъ въ сѣни распорядиться насчетъ лошади. За нимъ врывается изъ сѣней неумѣстно громкій голосъ и плясовой мотивъ:

...для дружка, дружка милова,
Гостя дорогого...

— Охъ, не переложилъ бы староста нашъ,—опасливо замѣчаетъ дьяконъ, вставая изъ-за стола, и по приглашенію хозяйки, уже стоя, выпиваетъ рюмочку „на дорожку для тепла“.—Дорога-то, главное дѣло, незнакомая. Не заплутаться бы въ ночи.

Вечеромъ, гуляя, я встрѣчаю быстро, вскачь несущуюся телѣжку. На козлахъ сидитъ подпоясанный поверхъ пальто дьячокъ, а отецъ дьяконъ и церковный староста съ туго набитыми громадными мѣшками передъ собой, обнявшись и раскачиваясь, во весь голосъ поютъ:

Я садила, поливала
Для дружка милова,
Я садила, поливала...

X.

Въ N-ской губерніи есть трогательный и красивый обычай—ставить въ поляхъ и на перекресткахъ деревянные кресты съ деревяннымъ же узенькимъ навѣсомъ надъ ними; подъ двумя наклоненными дощечками прикрѣпляется обыкновенно небольшая икона.

На Мжайкѣ тоже есть такой крестъ. Далеко видна его желтая, не успѣвшая еще потемнѣть, перекладина, а когда случайно попадаетъ въ него солнечный лучъ, маленькій фольговый образокъ горитъ, какъ самоцвѣтный камешекъ.

Я иду въ гости по дорогѣ къ кресту и не сразу узнаю женскую фигуру, которая подвигается мнѣ навстрѣчу.

Вотъ она остановилась у креста, стала дѣлать движенія рукой

и наклоняться. Солнце ярко освѣтило блѣдное—то склоненное, то назадъ откинутое—лицо, какъ въ рамкѣ, въ темномъ платкѣ.

„Ахъ, да это Прасковья!“

— Здравствуй, Прасковья! Далеко ли Богъ несетъ?

Какъ всегда, она не сразу отвѣчаетъ. За тѣ дни, что я не видала ея, она какъ будто похудѣла и кажется еще красивѣй, но все то же неспокойное выраженіе въ темныхъ глазахъ, и она такъ же жалуется на нездоровье.

— Не устала. Я рѣзво ходить не могу. У меня нутренность тронута.

Въ Москву бы ее, въ лѣчебницу, показать психіатру. Но у нея трое маленькихъ дѣтей, послѣдній—грудной. Нельзя на пьянаго мужа оставить домъ.

— И коровами меня давитъ, и хлѣбами горячими меня давитъ, а въ ушахъ все въ большой колоколъ благовѣстятъ. Такъ и хожу.

— Да ты куда сейчасъ-то идешь?

— А къ тебѣ. Дай, думаю, пойду, не обдуетъ ли вѣтеркомъ. Томно въ избѣ.

Мы вмѣстѣ идемъ къ Грунѣ Мироновой, у которой я обѣщала быть.

— Баба смирная,—говоритъ Прасковья и прибавляетъ, помолчавъ,—а сластена. Мужъ живъ былъ, пальцемъ ее не тронулъ, а къ сладкому куску пріучилъ. Сейчасъ и трудно ей безъ мужика. Мальчишечка-то во всякій слѣдъ все одинъ.

На этотъ разъ мы застаемъ все семейство за работой.

Въ полу противъ печи вынуты половицы. Старый, въ посконной рубахѣ, съ густыми желто-сѣрыми волосами, дѣдъ сидитъ въ подпольѣ, при каждомъ движеніи кряхтитъ и отгребаетъ на себя, на рубаху, сухую сѣрую землю отъ печного столба. Столбы перекосило. Отъ нихъ осѣла вся грузная съ почернѣлымъ, продымившимся челомъ печь.

Старшій внукъ, Митя, откинувшись назадъ худенькимъ корпусомъ, какъ заправскій печникъ, носитъ изъ сѣней на дощечкѣ аккуратно наложенные кирпичи; два малыша, сидя въ ямѣ около дѣда, принимаютъ ихъ и такъ же бережно складываютъ внизу.

Сама Аграфена у стола одной рукой разминаетъ скалкой въ чашкѣ картофель, а передъ нею тутъ же на столѣ сидитъ младшій полуторагодовой мальчикъ и, поднявъ обѣими ручонками бѣлую полную грудь, сосетъ ее, дѣловито и строго поглядывая на вошедшихъ.

Дѣдъ кряхтитъ, лѣзетъ на животѣ въ темное пространство

между столбами. По его виду и неувѣреннымъ движеніямъ невольно приходитъ на умъ, что наврядъ ли хорошо знакомо ему это дѣло. Такъ и кажется, что вотъ-вотъ отъ неосторожнаго движенія рухнетъ печь и задавитъ стараго и малыхъ.

— Да, вотъ оно горе-то наше,—встрѣтившись со мной глазами, плаксиво говоритъ Аграфена.—Поддалась печка-то. Давно ли сложена, каки деньги плочены...

— Грунтъ слабый. Упору настоящаго нѣту, вотъ и поддалась,— задохнувшимся голосомъ, не вставая съ колѣнъ, присѣвъ на пятки, отвѣчаетъ снизу дѣдъ.—Не у тебя у одной, по всей Мжайкѣ плохо печи стоятъ. Песокъ...

Меня приводитъ въ ужасъ неотступная мысль: какъ въ этой избѣ, просторной и, видимо, плохо проконопаченной, съ этой печью будутъ проводить зиму эти дѣти съ тринадцатилѣтнимъ хозяиномъ и, видимо, безхозяйственной, безпомощной матерью.

Есть въ ней что-то распущенное, лѣнивое и въ то же время женственно-привлекательное. Съ голой грудью, съ ребенкомъ на колѣняхъ она сидитъ и, молча, растерянно смотритъ на всѣхъ.

— А ты вотъ что, Груня,—неожиданно низкимъ своимъ, грудным голосомъ вступается Прасковья.—Ты меня послухай, что я буду говорить. Нешто тутъ дѣду справиться? Тутъ не дѣдова работа, а спосылай ты малаго за Ареѳіемъ, за печникомъ. Да не тяни волынку. А то померзнете тутъ въ зиму, какъ тараканы. Вѣрно говорю. Вылѣзай, что ли, дѣдушка.

Дѣдъ не сразу вылѣзаетъ. Онъ подсовываетъ по угламъ столбовъ кирпичики, присыпаетъ землицей и поднимается изъ ямы, тощій, блѣдный отъ натуги, длинный и бѣлый въ своей посконной рубахѣ.

Дочь ставитъ передъ нимъ чашку съ мятымъ картофелемъ, а Митя, дѣловито заглядывая ему въ глаза, толкуетъ о ригѣ, которую не успѣлъ докрыть отецъ; ее нужно крыть, чтобы всего не разметало вихремъ.

Пожевавъ недолго беззубымъ ртомъ, старикъ выходитъ въ сопровожденіи двухъ старшихъ мальчиковъ. Младшіе мигомъ садятся къ чашкѣ и руками достаютъ и запихиваютъ въ ротъ оставшіеся куски.

Я спрашиваю Аграфену насчетъ проданной десятины.

Такъ же, какъ старикъ Пименъ, она смущается и начинаетъ оправдываться.

— Что-жъ, что продала! Ну и продала,—недовольнымъ голосомъ начинаетъ она.—А какъ мнѣ не продать! На новй-то все незаведенное, кажная бездѣлюшка все съ купли. А гдѣ взять?

Вдвоемъ съ Прасковьей она съ грохотомъ сбрасываетъ на мѣсто поднятыя половицы и продолжаетъ на ходу.

— Надумала было полушалокъ Игнаткѣ снести, да много ли за него дадутъ? Такъ, зря пропадетъ. А все нужно. Кирпичу вонъ полсотни взяла, да, гляди, мало, еще полсотни потребуется. Да печника вонъ надо позвать. Кабы поденная была, ребятишекъ бы послать, какъ въ Кирсановкѣ, а то нѣтъ ничего и заработать негдѣ.

— За сколько же ты продала?

— Да я не вовсе продала. Я подъ землю взяла.

— Много ли?

— Четвертной билетъ.

Прасковья, которая все время сидитъ молча, уставившись глазами въ уголъ, тихо говоритъ:

— Ну, по то только и видѣла ее, землицу свою. Тебѣ не отдать ни въ жисть, и онъ не выпуститъ ни по чемъ. Что другое, а на это цѣпокъ.

Проходя мимо, я вижу двухъ мальчиковъ на крышѣ большой недокрытой риги, похожихъ на двухъ воробьевъ. Внизу медленно двигается тощая фигура въ полушубкѣ, поднимаетъ съ земли и подаетъ на верхъ шуршащія вѣтки съ почернѣлыми, сухими листьями. Дѣтскія руки проворно подхватываютъ, но тщетно стараются укрѣпить въ широкихъ прогалинахъ между слегами рѣдкаго рѣшетника. Вѣтки сползаютъ или проваливаются внутрь; немногія удерживаются наверху.

Мнѣ это напоминаетъ игрушечныя постройки и дѣтскую, когда-то любимую, игру „въ усадьбу“. Но здѣсь не игра. Это понимаетъ даже Аграфена.

— Вотъ въ каку сторонку заѣхали,—плаксиво и жалобно говоритъ она, провожая насъ, на порогѣ.—И за деньги-то человѣка не сыщешь. Посулился Микита Іоновъ притти рыгу крыть, да вотъ который день и нейдетъ.

XI.

Несмотря на позднюю осень и дурную погоду, на Мжайкѣ продолжаются работы: строятъ колодцы и мосты.

Я собираюсь итти къ дальнему мосту, разыскать тамъ Никиту Іонова и напомнить ему про обѣщаніе насчетъ риги, но пришла Аксинья и отговариваетъ меня:

— И ходить нечего, себя трудить. Не пойдетъ. Не разорваться и ему. На мосту работа день денской, да у самого вонъ безъ двери жена родила.

— Какъ безъ двери? Что это значитъ?—спрашиваю я.

— Да вѣрно вамъ говорю,—подтверждаетъ Аксинья, стоя передо мною съ горстью подсолнуховъ, которые она, по просьбѣ не сорить, выплевываетъ себѣ въ руку.—Можетъ, слыхали, стройку-то онъ, Микита, состроилъ и печь сложилъ, а дверь-то не готова, не поспѣлъ, не навѣсилъ. А въ ночи, какъ на грѣхъ, овца объягнилась, да за бабушкой ѣхать пришлось. Да пойдемте провѣдать. Поглядите, когда охота есть.

— Далеко итти?

— А не близко, туда за крестомъ, къ лѣсу. Солнышко высоко еще, Богъ дастъ, засвѣтло обернемся.

Послѣ нѣсколькихъ сумрачныхъ, дождливыхъ дней опять подморозило, опять солнце и ясное, по-осеннему блѣдное, высокое небо съ остатками разорванныхъ тучъ надъ лѣсомъ на горизонтѣ. Ѣхать въ такое время плохо по кочкамъ и замерзшимъ глубокимъ колеямъ, а итти хорошо. Когда нѣтъ сильныхъ вѣтровъ, Мжайка особенно хороша своимъ высокимъ мѣстоположеніемъ. Ничто не загораживаетъ взора. Далеко видно кругомъ, видны солнце, мѣсяцъ и звѣзды.

Моя спутница непремѣнно требуетъ зайти по дорогѣ навѣстить ея больного брата, разбитаго параличомъ.

— Поглядишь, можетъ, какую помогу найдешь.

Я уже видѣла больного какъ-то разъ на крыльцѣ, проходя мимо, и не сомнѣваюсь въ томъ, что помочь нельзя, но отказывать трудно, и мы идемъ черезъ маленькій яблочный садъ въ избу.

У самыхъ дверей на лавкѣ въ углу въ ситцевой косовороткѣ и заношенномъ городскомъ суконномъ пальто лежитъ грузный, большой человѣкъ. Лѣвая сторона его парализована; правой рукой онъ владѣетъ настолько, чтобы подносить пищу ко рту, но не въ силахъ поднять руку и вычесать себѣ голову. У него густые безъ признака сѣдины, черные волосы; на волосахъ отчетливо видны шевелящіяся крупныя вши.

— Въ Москвѣ жилъ, на фабрикѣ. Говорить давно не говоритъ, а смыслитъ. Все понимаетъ. Ну, чего зенки-то вылупила?—неожиданно кричитъ она на дочь, дѣвочку лѣтъ пятнадцати, которая стоитъ подлѣ и молча смотритъ.—Гдѣ подушка? Опять подъ лавкой? Положь въ голова-то, дура. Семъ! А Семъ!—мѣняя голосъ, обращается она къ больному.—Вотъ тебя провѣдать пришли... Поклонись, скажи: покорно, молъ, благодарю.

Запухшіе словно отъ сна каріе глаза смотрятъ тупо и жалостно, а черноволосая голова наклоняется въ одну сторону и остается такъ.

— Вѣришь ли Богу, — поймавъ мой взглядъ, говоритъ Аксинья.—Кабы не братъ, десяти рублей не взяла бы ходить. Одолѣла вошь. И ничѣмъ, ничѣмъ ты ее не возьмешь. И на гребень наговаривали, и на воду... Погоди, я родильницѣ ситничку захвачу. Можетъ, не пекла, кстати отнесемъ.

Итти далеко и не хочется задерживаться. Сдѣлать ничего нельзя. Съ больнымъ дома остается племянница. Она обѣщаетъ напоить его чаемъ, а мы идемъ.

Послѣ избы съ запахомъ неопрятнаго больного, съ поросенкомъ, загороженнымъ досками въ углу, восхитителенъ свѣжій воздухъ. Пахнетъ лѣсомъ, листомъ, дымкомъ, который откуда-то наноситъ вѣтеръ.

Дорогой Аксинья, какъ и всѣ бабы, жалуется на свою жизнь. Мужъ пьетъ, сыновья непочетчики, не подаютъ въ домъ.

— О себѣ ужъ и не толкую. Дѣвка вонъ невѣста — полушалочка повязать нѣту. Одинъ братъ въ одну сторону, другой въ другую...

— А мужъ гдѣ?

— А вихорь его знаетъ.

— Что же, скучаешь?

— Ну, чего тамъ, о чемъ не слѣдуетъ, соскучиться. Чать придетъ.

Мнѣ не случалось встрѣчать Никиту Іонова, къ которому мы идемъ, и я разспрашиваю о немъ. Участокъ его самый дальній, крайній. Мы давно миновали крестъ, спускаемся подъ гору, а его все еще не видно.

— Ужъ чего тутъ говорить, ужъ худо-худо жить, а все духомъ не упадаю, все сама себя веселю. Когда пѣсни мурчу,— болтаетъ Аксинья.—Еще тому радуюсь, все поближе къ людямъ мѣстечко Господь указалъ. А кабы вотъ этакъ-то отдаля, да къ лѣсу... Ни въ жисть не стала бы жить. Ну, да сейчасъ ужъ недалеко, почитай что и пришли.

Мы сходимъ съ дороги на тропинку, поворачиваемъ къ лѣсу.

— Вонъ и дымокъ видать. День-ночь печка топится, спасибо дрова близко.

На полянкѣ передъ лѣсомъ стоитъ, выдѣляясь на фонѣ не облетѣвшихъ еще почернѣлыхъ вѣтокъ, крытая свѣжей соломой, вся бѣлая новенькая изба. Мѣсто низкое, лѣтомъ, вѣроятно, сырое. Подъ всей усадьбой, подъ избой и просторнымъ не покрытымъ дворомъ возвышеніе, очевидно, искусственное. Земля плотно утрамбована, кое-гдѣ укрѣплена дерномъ и низко вбитымъ, за-

плетеннымъ тыномъ. Съ перваго взгляда бросается въ глаза огромность и трудность произведенной работы.

— Неужели же Никита самъ сдѣлалъ эту насыпь?

— А то кто же! Весь лѣто вдвоемъ съ хозяйкой землю насыпали, возили на лошади. А то въ лукошкѣ бывало носятъ. Трудно тоже было и ей бѣдной. Бабенка-то молоденькая, какъ тростиночка. Сюда пожалуйте! Отсюда ходъ.

Мы поднимаемся на ступеньки крыльца. На мѣстѣ двери—занавѣска изъ обыкновенной крестьянской полосушки, какая употребляется на половики. Нѣсколько сшитыхъ полотнищъ прибиты гвоздями вверху.

Аксинья откидываетъ край занавѣски, придерживая надъ моей головой. Мы входимъ.

Передъ нами обыкновенная чистая съ большой печью изба. Необросшая еще послѣ стрижки сѣренькая овца на тонкихъ ножкахъ встрѣчаетъ насъ жалобнымъ блеяніемъ; за нею подъ лавкой на ветошкѣ поверхъ сѣна шевелится новорожденный ягненокъ, а на лавкѣ рядомъ сидитъ молодая мать.

Солнце освѣщаетъ ее изъ окна. На ней бѣлый грубаго домотканнаго сукна длинный шушпанъ. Голова поверхъ нижняго свѣтлаго повязана другимъ, темнымъ платкомъ. Ноги приподняты слегка и поставлены на березовомъ обрубкѣ. Спеленатый младенецъ лежитъ у нея на рукахъ.

Я останавливаюсь и молчу, пораженная какъ видѣніемъ. Я знаю, помню, я видѣла все это... Но гдѣ же и когда?

...„И родила сына своего первенца и спеленала его“..., вдругъ приходитъ на память, и я слышу за собой тихій и взволнованный голосъ:

— Барыня, вѣдь и Христосъ Спаситель этакъ же народился въ бѣдности, безъ дверей,—говоритъ Аксинья.

Странно! Значитъ и ей, этой солдату-бабѣ, какъ ее называютъ, пришла та же мысль...

Черезъ минуту очарованіе исчезаетъ.

Аксинья садится рядомъ на лавку. Начинаются разспросы и разговоры. Она говоритъ несвойственнымъ ей слащаво-умиленнымъ тономъ.

— И какъ же это тебѣ, милая ты моя Сашенька, тутъ Господь и далъ? Такъ, стало быть, и рожала въ холодномъ углу?

Молодая женщина смущенно улыбается.

— Не дюже холодно было. Бабушка зазябла, а я втѣпоры и не почуяла.

— Младенца не остудить бы.

— Нѣ, ему тепло,—говоритъ она, прижимая къ себѣ неподвижный, аккуратно увернутый свертокъ.—Ночью въ шаль его еще оберну.

Послѣ свѣжаго воздуха наружи, въ избѣ кажется тепло. Занавѣска плотно падаетъ до полу и не колышется.

Мы приносимъ каждая свои дары и спрашиваемъ: не нужно ли въ чемъ-нибудь помочь, что-нибудь сдѣлать въ домѣ или на волѣ?

Аксинья сейчасъ же находитъ себѣ работу: выноситъ лохань, приноситъ сѣна овцѣ, насыпаетъ на помостѣ курамъ овса.

— Не страшно тебѣ такъ одной?—спрашиваю я.

— И страшно, да что же исдѣлаешь,—отвѣчаетъ Саша, краснѣя и не глядя на меня.—Дверь будетъ, тогда запрусь.

— Неловко, неловко безъ двери, что и говорить,—замѣчаетъ Аксинья, останавливаясь съ пустымъ ведромъ.—Пойтить за водой сходить. Что отъ лихого человѣка, что отъ звѣря—безъ двери никакъ нельзя.

Среди хлопотъ и разговоровъ незамѣтно проходитъ время. Когда мы собираемся уже уходить, поднимается занавѣска; сгибаясь у притолоки, входитъ высокій черноволосый человѣкъ и, поклонившись и смущенно оглядѣвъ насъ, подходитъ къ женѣ.

Я давно не видала такой красивой четы. Она—юная, почти дѣвочка на видъ, съ трогательнымъ выраженіемъ материнства въ полудѣтскихъ чертахъ; но особенно хорошъ онъ—стройный, сильный человѣкъ, съ правильнымъ, красивымъ лицомъ.

Я уже нѣсколько разъ здѣсь, на Мжайкѣ, вспоминая нашу городскую гимназическую и университетскую молодежь, задавала собѣ вопросъ: какимъ образомъ при питаніи хлѣбомъ и картошкой, въ тѣснотѣ и грязи жалкихъ избъ, среди таракановъ и вшей вырастаетъ все же такое сильное, стройное, красивое поколѣніе? Нельзя сравнивать ихъ (въ особенности замѣтно это на покосѣ, гдѣ-нибудь на сборищѣ) съ знакомой толпой городскихъ юношей на лекціи, въ аудиторіи, въ театрѣ. Неужели это только вліяніе свѣжаго воздуха и физическаго труда?

Красивое, мужественное лицо Никиты выражаетъ смущеніе. Ему, видимо, тяжело сознаніе своей неисправности, свидѣтелями которой являются чужіе люди. Изъ разговоровъ Аксиньи и молодой женщины мнѣ извѣстно, что онъ взялъ ее изъ богатой семьи, но, женившись, вскорѣ отдѣлился отъ отца, а затѣмъ перешелъ на хутора.

Несмотря на отказъ съ нашей стороны, хозяинъ идетъ насъ провожать. Онъ обѣщаетъ показать другой, короткій путь. Уже вечеретъ, и мы поневолѣ соглашаемся.

Дорогой Никита разсказываетъ о своемъ переселеніи. Главная неудача въ томъ, что участокъ попался сырой и плохой. Пришлось остановиться на немъ, потому что близко вода.

— Раньше-то посулили: какъ два двора, такъ колодезь. А сейчасъ ихъ на всю Мжайку всего два, да и то одинъ Богъ вѣсть куда отнесли—къ училищу. Тамъ и народу-то нѣтъ,—говоритъ онъ, шагая рядомъ по дорогѣ и старательно умѣряя шагъ, чтобы попасть съ нами въ ногу.

— Нельзя же школу оставить безъ колодца,—говорю я.

— Такъ-то оно такъ, да намъ-то съ того прибыли мало. На что было и школу отдаля строить? Спервоначалу мѣсто-то было показано на планту, а спустя время, все перебуровили: что школу, что колодцы, что мосты.

— Да отъ кого же это зависитъ?—спрашиваю я.

— А Господь ихъ вѣдаетъ,—съ горечью отзывается Никита.— Я вотъ и работаю другой мѣсяцъ, а все толковъ у нихъ не найду. Другъ на дружку кажутъ техники и членъ, Петра Петровичъ. Промежду себя перекоряются, а на дѣлѣ выходитъ, гдѣ бы мосту быть—его нѣтъ, а гдѣ ѣздить некому, видали, какой мостище взбодрили?

Я вспоминаю, дѣйствительно, и меня поразившій мостъ. Онъ весь цѣльный дубовый. Не только основаніе, сваи и поперечныя балки, но даже доски въ немъ дубовыя, а построенъ онъ на ручьѣ въ сторонѣ, гдѣ всего только трое отрубниковъ.

— Я о себѣ не толкую, мое дѣло такое—одинъ на отлетѣ,— продолжаетъ Никита. — А видали, гдѣ скотину-то гонятъ, съ той стороны отъ хуторовъ? Тутъ первымъ долгомъ мостъ нуженъ. Овцы-то всѣ обезножили, да и скотину приходится провожать по водѣ, хотя бы бабамъ или ребятенкамъ. Сейчасное время вода-то какъ въ проруби.

— Неужели по водѣ должны проходить?

— А то какъ же! И скотинѣ-то не охота въ воду лѣзть, разбѣжится какъ разъ. Ну, и приходится сзади подгонять. По брюхо бредутъ въ водѣ, что весеннее время, что сейчасъ.

— Чѣмъ бы собрать міръ,—вступается мужественнымъ своимъ, басистымъ голосомъ Аксинья,—спросить бы хотя тому же члену Петру Петровичу: православные, гдѣ, молъ, жалается вамъ мостокъ? Все одно строить-то...

Никита рѣзко перебиваетъ ее:

— Какъ же, спроситъ одинъ такой! Ему міръ-то—самъ говоритъ: плюнуть, да растереть.

Но стереть и уничтожить міръ не такъ легко.

XII.

Я люблю разговаривать со старостой Ильей Лапинымъ. Это мало знакомый мнѣ, для меня новый типъ. Онъ окончилъ курсъ въ земской школѣ въ своей Кирсановкѣ и хорошо грамотенъ, постоянно приходитъ за газетами, читаетъ ихъ, но никогда не употребляетъ некстати и безъ смысла газетныхъ словъ, какъ это дѣлаетъ Игнатъ. Въ разговорѣ его также рѣже, нежели у другихъ, попадаются интересные, колоритные обороты народной рѣчи, но содержаніе разговора интересно для меня.

Вернулся онъ на родину недавно. Раньше жилъ дворникомъ въ Петербургѣ и былъ высланъ послѣ пятаго года.

— Что же, вы провинились чѣмъ-нибудь?

Илья внимательно смотритъ мнѣ въ глаза спокойными голубыми глазами и отвѣчаетъ:

— Вины за мной особой не было, а что на митинговыя сходки ходить—ходилъ, слушать—слушалъ. Ну гдѣ же самому говорить! Нѣтъ, самому не приходилось, а такъ по несчастному случаю попалъ на глаза, кому не слѣдуетъ. Ну и шабашъ, на высылку. Спасибо, похуже-то не случилось чего.

— Что же, послѣ Петербурга трудно было привыкать къ деревнѣ?

Илья качаетъ головой.

— Нѣтъ, не трудно. Сами вѣдь деревенскіе. Послѣ питерской жизни... Я вѣдь и тамъ тоже книжекъ не мало перечиталъ, въ головѣ-то посвѣтлѣло малость; то вижу у себя не такъ, это не эдакъ. Сталъ за всякую работу приниматься... Не до скуки тутъ. А спустя время вотъ потребиловку затѣяли, кредитное товарищество. Дѣло-то и вовсе живѣе пошло.

— Какъ же вамъ удалось все это устроить?

— Да не я одинъ устраивалъ.—Онъ замолкаетъ и по привычкѣ оглядывается кругомъ.—Студенты пріѣзжали, подсобляли, указывали.

— Говорятъ, что все у васъ хорошо идетъ?

Илья улыбается довольной улыбкой.

— Идетъ не худо. Обижаются тутъ которые—проценты велики взымаемъ, восемь процентовъ,—такъ какъ же быть? И товариществу надобно оборотъ имѣть. А поди сунься къ кому, хотя бы къ тому же Игнату—онъ сейчасъ съ нихъ не по восьми, по 15% возьметъ, да и то довольны останутся. Только сдѣлай милость дай, выручи. Замотался, кругомъ задолжалъ народъ.

Причины этой задолженности, кромѣ переселенія и связанныхъ

съ нимъ расходовъ, Илья видитъ въ пьянствѣ. Пьютъ на Мжайкѣ не меньше, нежели пили въ селѣ, пожалуй, что и побольше. Онъ разсказываетъ, что и самъ раньше пилъ.

— Какимъ же образомъ вы перестали?

— Бросилъ, только и всего. Нелюбопытно стало. Вѣдь это пьянство главное дѣло, я такъ располагаю, со скуки. Другого-то полюбопытнѣе не видали ничего, то полагаютъ, что вовсе и нѣтъ ничего, ну, и пьютъ. А кому иному оно и на руку, тѣмъ и промышляетъ и кормится. Сейчасъ у насъ на Мжайкѣ пьяно, а погодите, скоро еще пьянѣе будетъ.

Я знаю, на что онъ намекаетъ. Мимо моихъ оконъ не одинъ разъ въ недѣлю проѣзжаетъ на двухколескѣ, запряженной сытой лошадкой, молодой малый—сынъ Игната. Въ телѣжкѣ у него среди сѣна сплетенный изъ лыка кошель, перегороженный пополамъ. Изъ каждаго отдѣленія, сверкая на солнцѣ голубоватымъ стекломъ, виднѣются горлышки пустыхъ четвертныхъ бутылей; онъ отправляется въ Кирсановку за виномъ и возвращается съ полными.

— Погодите, вотъ построится, выберутъ его въ сотскіе...

— Да зачѣмъ же его выбирать? Развѣ не довольны Иваномъ?

— Зачѣмъ недовольны! Старикъ степенный, старательный, да Игнатъ-то свою линію ведетъ, знаетъ, съ чего начать: сразу сбавилъ мужикамъ восемь рублей. Ивану 20 руб. платили въ годъ. А этотъ: мнѣ по рублю въ мѣсяцъ довольно, было бы на керосинъ. А чего тамъ на керосинъ! Въ томъ мѣсяцѣ на сходкѣ вразъ 18 р. пропили. Онъ имъ спервоначалу по стаканчику поднесетъ, а тамъ въ одинъ день всѣ денежки свои воротитъ. Наши мужики за вино... они душу рады отдать.

Около училища, куда я иду смотрѣть готовый уже колодезь, насъ ждетъ живое подтвержденіе его словъ.

Вокругъ колодца съ выступомъ изъ бетонныхъ круговъ ходитъ техникъ — молодой человѣкъ въ ватномъ пиджакѣ верблюжьяго цвѣта, въ шапкѣ съ мѣховыми ушами, связанными наверху; работникъ носитъ за нимъ ведро съ разведеннымъ цементомъ, а онъ лопаткой подправляетъ, гдѣ нужно, придавая окончательную отдѣлку.

На нечищенныхъ, въ безпорядкѣ сваленныхъ березовыхъ бревнахъ тутъ же рядомъ сидитъ съ почти опорожненной бутылкой, пьетъ изъ горлышка и закусываетъ баранкой молодой незнакомый мнѣ мужикъ; рядомъ, животомъ на землѣ, раздѣтый и растерзанный, лежитъ Михайло, Прасковьинъ мужъ, и, безобразно

ругаясь и отмахиваясь, гонитъ отъ себя дочь, которая желаетъ увести его домой.

— Батюшка! А батюшка! Остудишься, пойдемъ. Батюшка, идемъ домой...

— Не пойду... а... чортовой матери... Пошла, дура!...

— Батюшка...

Высокая, тоненькая дѣвочка не похожа на мать; у нея нѣтъ ея удивительныхъ, какъ бахромой опушенныхъ глазъ, но она прелестна въ своемъ живописномъ нарядѣ съ вышитымъ подоломъ бѣлой рубахи изъ-подъ бѣлаго шушпана, въ красномъ платочкѣ, съ красными бантиками на башмакахъ поверхъ бѣлыхъ шерстяныхъ чулокъ.

Она нагибается, старается поднять отца и ловко увертывается отъ замахнувшейся огромной руки.

Попойка происходитъ по случаю окончанія работъ въ колодцѣ. Ермилъ, молодой мужикъ, не заткнувъ, суетъ бутылку въ карманъ и, пошатнувшись, кланяется.

Не знаю, что сдѣлалъ бы безъ меня Илья, но теперь онъ подходитъ и помогаетъ дѣвочкѣ поднять отца.

— Ну, чего тамъ! Будетъ, будетъ, дядя Михайло, пойдемъ. Ну-ко-ся, я тебя провожу. На, что ли, грамотку, утрись,—говоритъ онъ, поднимая съ земли обрывокъ газеты.

Михайло поднимается—громадный, испачканный землей и изверженіями, безъ шапки, съ обезображеннымъ, опухшимъ лицомъ.

На минуту онъ затихаетъ, даетъ себя одѣть и вести, но съ дороги опять доносятся звуки борьбы, ругательства и безобразная пѣсня, которую я уже слышала здѣсь:

Распремилое винцо
Краситъ шейку и лицо,
Оно грудь мягчитъ
И карманъ легчитъ...

Около моего жилища я застаю двухъ незнакомыхъ мужиковъ, которые, видимо, поджидаютъ меня. Они кланяются, говорятъ, что пріѣхали, собственно, ко мнѣ, но я вижу, что они смущены и чего-то не договариваютъ.

Неподалеку бѣгаютъ, несмотря на холодъ, полураздѣтые чьи-то ребятишки. Игнатъ проѣзжаетъ на пѣгой лошади съ лѣсомъ для стройки.

Я приглашаю пріѣзжихъ войти, и они сразу начинаютъ благодарить меня.

— Вотъ спасибо!—говоритъ худой, съ озабоченнымъ морщи-

нистымъ лицомъ, еще свѣжій старикъ, перекрестившись на образа.—Къ тебѣ, матушка, собственно, да неловко на волѣ-то. Дѣло-то оно такое...

Дѣло, оказывается, въ томъ, что они желаютъ узнать отъ меня, имѣютъ ли они право отказаться отъ переселенія на отруба, или же баринъ—все тотъ же Петръ Петровичъ—можетъ по закону принудить ихъ и заставить переселиться противъ воли.

Я объясняю все, что знаю по поводу вопроса.

— Не имѣетъ полнаго права?—взволнованно и радостно, покраснѣвъ всѣмъ старымъ лицомъ, спрашиваетъ старикъ.

— Та-акъ. И мы вотъ этакъ же располагали. А онъ-то, баринъ, грозится: не пойдете добромъ, я на васъ средствіе найду, силомъ всѣхъ переправлю. Ну, что же такое, Господи Батюшка! Стращаетъ ли такъ зря, али можетъ и вправду? — опять, сморщиваясь весь отъ безпокойной мысли, спрашиваетъ онъ и озабоченно смотритъ мнѣ въ глаза.

На вопросъ, почему собственно вздумали обратиться ко мнѣ, отвѣчаютъ длиннымъ объясненіемъ.

— Толковъ не сыщемъ, родимая. Одинъ одно говоритъ, а иной—другое. Ужъ и не придумаемъ, куда и кинуться. А тутъ прослышали... Сами-то вѣдь мы оттуда же, изъ Кирсановки, Дубровскіе мы. Намъ и выселка-то всего недавно была.

— А какъ недавно?—спрашиваю я.

— Да годовъ 35, а то можетъ 40, не болѣ. Ну, какъ же, старики есть, помнятъ, какъ и выходили-то. По согласію втѣпоры выходили, по-Божью. Сейчасъ живемъ хорошо, мы покойны...

— Ну, такъ въ чемъ же дѣло?

— Разрубить хочетъ насъ на отруба баринъ. Не разстанусь, говоритъ, ни по чемъ. И что такое, кому шибко занадобилось? Мы покойны...

Другой мужикъ, помоложе, съ угрюмымъ и непріятнымъ лицомъ, заговариваетъ въ первый разъ.

— Припентъ, слышно, ему идетъ съ нихъ, съ эстихъ самыхъ отрубовъ. А то изъ чего бы стараться, себя безпокоить? Пріѣзжаетъ который разъ ночь-полночь.

— Что же онъ приказываетъ?

— Приказывать не приказываетъ, а тращаетъ, и сотскій за имъ по его слову: „мотри, робя, опосля хуже не было бы. Спокаетесь...“

— А что, барыня, правда ли, нѣтъ ли? — вдругъ, встрепенувшись, спрашиваетъ старикъ, какъ бы рѣшившись итти до конца, и я вижу, какъ капли пота появляются у него на вискахъ и на красномъ мясистомъ носу.

— Видали домъ-отъ за рѣчкой, на Мжайкѣ здѣсь? И посейчасъ стройка идетъ?

— Какой домъ? Училище?

— То-то, люди баютъ, не училище это. Ишь каки крыльца повыведены, твѣты понасажены. Къ чему бы такое? Тутъ не училищемъ пахнетъ, говорятъ.

— Ну, почему же не быть около училища цвѣтамъ? Будетъ красиво, хорошо пахнуть.

Старикъ недовѣрчиво качаетъ головой.

— Ни къ чему это. Палку опять же постановили. Какъ губернатору пріѣхать, сейчасъ флагъ повѣсили... Къ чему бы такое? Люди сказываютъ, быдто... барскій домъ будетъ. Подъ крѣпость опять подгонять будутъ... Правда ли, нѣтъ ли...

Я смотрю, и вижу выраженіе мучительнаго безпокойства не только въ добродушномъ старомъ лицѣ, но и въ угрюмыхъ и непріязненныхъ чертахъ молчаливаго мужика. Петра Петровича они называютъ не иначе, какъ бариномъ, и послѣ долгаго разговора я разстаюсь съ ними, не убѣжденная въ томъ, что мнѣ удалось вполнѣ разубѣдить и успокоить ихъ.

XIII.

Хозяинъ сборной избы, Иванъ Юрловъ, жилъ раньше въ Москвѣ, въ ломовыхъ. Это рябой, некрасивый, коренастый мужикъ лѣтъ уже подъ шестьдесятъ и притомъ одинокій. Сынъ „удалился на всѣ четыре стороны“ и давно не подаетъ въ домъ. Дочь въ Москвѣ спуталась съ женатымъ, подкинула отцу нагульнаго мальчика и опять уѣхала. Присылаетъ вразбродъ — когда трешну, когда пятишну, а сама не кажетъ глазъ.

Живетъ Иванъ со старухой и мальчикомъ, котораго любитъ безъ памяти, ведетъ хозяйство на своихъ пяти десятинахъ и вспоминаетъ московскую жизнь.

— Отмѣнная была жизнь. Двадцать лѣтъ у одного хозяина выжилъ. Зимой-то больше по вокзаламъ ѣздили, а придетъ весна, тутъ ужъ работа настоящая пойдетъ—на дачи перевозить и съ дачей тоже обратно. Господа все были знакомые и все больше барыни случались, нѣмки. Какъ сейчасъ помню: Румяна Искарьевна, Мила Карповна... Еще другія были, всѣхъ-то нешто упомнишь. Такъ другъ дружкѣ меня и рекомендовали, потому умѣлъ заслужить. Сейчасъ на мѣсто пріѣдутъ, я ужъ тутъ какъ тутъ. Иванъ, гдѣ вещи? А вещи и вотъ онѣ. Много ли будетъ, спрашиваю, барыня, вашихъ мѣстъ? Ну, скажетъ къ примѣру, 22.

Извольте получить 22. Всѣ ли? Всѣ. Получай рубль, а то и два на чай. Хорошо платили. Стало быть, того стоилъ.

— Отчего же уѣхалъ изъ Москвы?

— Года, матушка, вышли, а то бы и сейчасъ жилъ. Мѣста-то все тяжелыя были, грузныя. Какъ-то разъ взвалилъ на спину, и не великъ былъ глядѣть сундучекъ, а хребетъ-то и затрещалъ, ажъ глаза на лобъ полѣзли. Вижу, не выходитъ мое дѣло, шабашъ. За другое приниматься надо. А тутъ старуха письмо присылаетъ: Мишутка захворалъ.

— Жалѣешь мальчика?

— Жалѣю. Вѣ какъ жалѣю. Все одно сиротинка, отца-матери въ глаза не видалъ. Ну, думаю, безъ меня плохо придется, что старухѣ, что малому. Хучь и поздно хозяйствовать начинать, а дѣлать нечего. Вотъ и сюда перебрался. Пока Богъ грѣхамъ терпитъ, кормимся. Избу свою, вишь, подъ міръ отдаю, двадцать рублей мнѣ идетъ; на земи тоже не подымешь. Да никакъ и лампу пора зажигать! Какъ стемнѣетъ, тутъ и народъ идетъ.

Старуха, по-старинному въ понёвѣ и холщевыхъ рукавахъ, зажигаетъ лампу и крестится на огонь.

Черноглазый мальчикъ лѣтъ восьми, худенькій и блѣдный, сидитъ рядомъ съ дѣдомъ съ баранкой въ рукѣ. Въ сѣняхъ грохнуло кольцо, послышался топотъ тяжелыхъ сапогъ. Въ избу, сгибаясь, входятъ разомъ нѣсколько человѣкъ; между ними Илья.

— Здравствуйте! Бабкѣ Аленѣ, Ѳомичу почтенье. А мы прямо изъ лѣсу всей артелью. Какъ дрова сбирали, такъ и пошли. И чайку не попили,—весело говоритъ Илья, присаживаясь на лавку.

— Дюже хорошо нонѣ дрова-то сбирать, — замѣчаетъ другой мужикъ.—Сухо.

— На что лучше. Намедни какъ намочились. Одёжа вся мокрая, да и дровно таскаешь, какъ изъ воды.

Вошедшіе, разстегивая кто полушубки, кто ватные пиджаки, размѣщаются по лавкамъ. Меня приглашаютъ на почетное мѣсто въ уголъ, подъ образа. Я отказываюсь и остаюсь рядомъ съ хозяиномъ въ сторонѣ.

Народъ подходитъ.

— Это не какъ въ селѣ, всѣмъ гдѣ же прійти, — объясняетъ мнѣ Илья.—Далеко. Дальніе-то рѣдко ходятъ. Сегодня, можетъ, и поболѣ соберется, сухо, да и ночь ишь какая. Свѣтло, мѣсяцъ,— говоритъ онъ, нагибаясь и заглядывая въ окно.

Входящіе крестятся на образа. Молодыхъ сравнительно немного, больше люди среднихъ лѣтъ; есть и старики. Многіе уже знакомы мнѣ. Я вижу Никиту, подзываю его и спрашиваю про дверь

— Навѣсилъ давно,—весело улыбаясь и показывая бѣлые зубы, отвѣчаетъ онъ.—Бабушка тамъ, я и пришелъ.

Изба наполняется говоромъ и движеніемъ. Разговоръ идетъ о случаѣ съ лошадью Корейкина, одного изъ крестьянъ. Молоденькую кобылку прогнали съ сосѣднихъ озимей. Она бросилась бѣжать и попала ногой въ мостикъ, перекинутый надъ ручьемъ по дорогѣ въ училище. Мостикъ пѣшеходный, „кволый". Лошадь пробила копытомъ тесину, стала биться и повредила себѣ ногу.

— Нешто мысленное дѣло зря гнать,—съ сокрушеніемъ говоритъ Корейкинъ, молодой блѣдный мужикъ, видимо разстроенный исторіей съ лошадью. — Животная молодая. Чать не Богъ знаетъ, что съѣстъ.

— А что-жъ, такъ на нее и глядѣть? Ты бы у себя, на своихъ зеленяхъ, ее и кормилъ. Только всего и дѣла было, что махнули вожжой,—пренебрежительно оправдывается Игнатъ, хозяинъ озимей.

— Не махнули, врешь. Твои парни ее, можетъ, съ версту гнали. Чать видѣли.

— Кто видѣлъ, а кто и не видалъ...

— Обождите, господа, — своимъ мягкимъ тономъ вступается Илья.—Что же спорить-то. Не для того собрались.

— Такъ-то оно такъ, да и насчетъ лошади надо обговорить, Илья Ивановичъ,—настаиваетъ Корейкинъ.—Самъ знаешь, здѣсь не село, во всѣ стороны распахано. Когда этакъ будутъ люди гнать, всѣ безъ лошадей останемся. Истинно.

— А кто-жъ ее зналъ, что она на мостъ побѣжитъ. Мостокъ пѣшеходный.

— Такъ нешто скотина понимаетъ? Чудакъ!...

Споръ опять разгорается. Его прерываетъ новое появленіе.

Въ дверяхъ показывается мужикъ съ круглымъ веселымъ лицомъ и на порогѣ, снимая шапку, заявляетъ громко на всю избу:

— Явился еси! Честному собранію почтеніе! Объ чемъ споръ, объ чемъ разговоръ?

Никто не отвѣчаетъ, но многіе улыбаются. Видно, что пришелъ мѣстный балагуръ и весельчакъ. Корейкинъ ворчитъ еще про себя:

— Понадѣлали мостовъ, гдѣ не слѣдуетъ...

Никто не возражаетъ ему.

Подъ окномъ слышны звуки гармоники и молодыхъ голосовъ. Они сразу возвращаютъ всѣхъ къ цѣли собранія.

— Вотъ какое дѣло, господа, по какому случаю я васъ сего-

дни собралъ,—спокойно, пощипывая бѣлокурую бородку и обращаясь ко всѣмъ, начинаетъ Илья.—Новобранецъ у насъ есть сичасъ на Мжайкѣ. Такъ какъ угодно будетъ: по примѣру прошедшаго времени оказать какое пособіе или же такъ оставить безъ послѣдствія? Какъ скажете?

Слышатся разомъ нѣсколько голосовъ, вопросы и отвѣты:

— Кто таковъ?

— Степанъ Семеновъ.

— Это, который въ Москвѣ живетъ?

— Онъ самый, другой сынъ.

— Другимъ помогали, за что же этого обижать.

— Обижать не за что,—вступается веселый круглолицый Ермилъ.—Первый разъ отсюда, отъ насъ, можно сказать, за всю нашу Мжайку идетъ.

— Что людямъ, то и ему.

Старикъ Тимоѳей, котораго всѣ почему-то называютъ Тимошей, улыбается и возражаетъ:

— Да мы его еще и въ глаза не видали, новобранца-то свово. Можетъ, еще и не нуждается въ общественной помощи?

— Здѣсь онъ, что ли?—спрашиваетъ Илья.—Скричи его, Ѳомичъ.

Но Ермилъ предупреждаетъ старика.

Въ открывшуюся дверь слышнѣй долетаетъ гармоника. Голосъ Ермила выкликаетъ:

— Ей, некрутъ гдѣ? Степанъ!

Въ сѣняхъ идетъ короткая возня, и затѣмъ въ избу входятъ разомъ три парня. Два изъ нихъ въ полушубкахъ, одинъ съ гармоникой и одинъ въ городскомъ распахнутомъ пальто, въ бѣлой манишкѣ и галстукѣ.

Всѣ три кланяются и останавливаются лицомъ къ столу, за которымъ сидятъ старики и между ними Илья. Новобранецъ выступаетъ впередъ.

Онъ жилъ на фабрикѣ въ Москвѣ, нѣсколько лѣтъ не былъ дома и не видалъ никого изъ своихъ. Лампа въ тускломъ, захватанномъ стеклѣ освѣщаетъ снизу молодое лицо съ черными усиками, съ выраженіемъ любопытства въ не то смущенныхъ, не то смѣющихся глазахъ.

И также съ ласковымъ любопытствомъ, и тоже чуть-чуть насмѣшливо разглядываютъ снизу блѣдное съ подглазинами типичное лицо фабричнаго, прическу и бѣлую манишку и черный галстучекъ люди въ полушубкахъ, съ косматыми головами и лукаво-добродушными, загорѣлыми лицами.

— Ну, видимъ теперь, каковъ,—тряхнувъ головою, заявляетъ Тимоѳей.—Что-жъ, приняли?

— Точно такъ, приняли. Въ Балтійскій флотъ.

— А приняли, служить, братъ, надо. Проси стариковъ.

Степанъ переступаетъ на ногу и кланяется.

— Ужъ пожалуйста!—говоритъ онъ со смущенной улыбкой.

Съ минуту молчатъ всѣ.

— Какое же будетъ ваше рѣшеніе?—спрашиваетъ Илья.

— А что тутъ долго рѣшать! Какъ раньше было, такъ и сейчасъ, — отвѣчаетъ Тимоѳей. — На новобранца по гривеннику съ души. Девяносто человѣкъ—девяносто гривенниковъ. Старостѣ передадимъ. Отъ него получить можешь,—обращается онъ къ новобранцу.

Степанъ еще разъ кланяется. Всѣ трое поворачиваются и исчезаютъ въ дверяхъ. Подъ окномъ гармоника раздается слышнѣй, а Ермилъ, подмигивая, поводитъ плечами въ тактъ мотиву.

Михайло, мужъ красивой Прасковьи, вынимаетъ кисетъ и скручиваетъ папироску, но Илья взглядываетъ на него и спокойно говоритъ:

— Кто желаетъ курить, можно выйти въ сѣни или на волю.

Никто не возражаетъ. Михайло поднимается изъ-за стола своимъ огромнымъ тѣломъ и уходитъ. Нѣкоторые вслѣдъ за нимъ, а Тимоша, повернувшись къ рыжему Семену, отцу рекрута, одобрительно киваетъ головой.

— А новобранецъ-то хоть куда. Не посрамитъ нашей Мжайки.

Семенъ довольно улыбается, но все же машетъ рукой.

— Куды тамъ! Тощой больно.

— Ничего, откормится на царскихъ харчахъ. Собой аккуратенъ, при манишкѣ, ишь ты вѣдь тоже...

— А ты его спроси, что у его подъ манишкой? Есть ли рубаха перемѣнить?—видимо, задѣтый за живое, горячо возражаетъ Семенъ. — А то ма-нишка. Порастрясетъ съ нимъ теперь мать холсты.

— И порастрясешь, братъ. Что-жъ исдѣлаешь! И царю тоже безъ народу нельзя. Какъ слышно, собственно, насчетъ военнаго дѣйствія?—обращается онъ съ вопросомъ ко мнѣ.

Я отвѣчаю и думаю: какъ все спокойно, просто и хорошо. Совсѣмъ хорошо. Вотъ и безъ водки... Вспоминается разсказъ Ильи о первомъ переселеніи, которое было у нихъ въ Кирсановкѣ: „чередомъ поѣхали, чередомъ построились“... Оградить отъ водки и оставить этихъ людей устраивать свою жизнь такъ, какъ они этого хотятъ. Нигдѣ въ мірѣ, кромѣ русской деревни, не выраба-

тано условій, при которыхъ можетъ не погибнуть, не замерзнуть на улицѣ прохожій чужой человѣкъ. Десятскій отведетъ его ночевать по череду въ любой домъ. Эти гривенники, ежегодно отчисляемые новобранцу, передаются ему за то, что онъ идетъ за другихъ, за всю Мжайку, за міръ. Прожившій цѣлую жизнь на фабрикѣ въ Москвѣ, но все же свой односельчанинъ, разбитый параличомъ, не брошенъ, а содержится на общественный счетъ...

Кто знаетъ, какія новыя формы жизни были бы изобрѣтены самимъ народомъ, если бы ему была предоставлена возможность свободно творить ихъ, спокойно, исторически вырабатывая, согласно собственнымъ желаніямъ и измѣняющимся условіямъ времени.

Задумавшись надъ своими мыслями, я теряю нить разговора и не могу сообразить, что именно хочетъ сказать Игнатъ. Какъ всегда, онъ пускаетъ въ ходъ мудреныя слова, которыми надѣется произвести впечатлѣніе на слушателей, говоритъ ихъ черезъ оттопыренную нижнюю губу.

— Коль скоро возможно скопировать, во всякомъ разѣ должны принять во вниманіе слѣдуемое мнѣніе...

Илья равнодушно взглядываетъ на него и продолжаетъ, обращаясь ко всѣмъ:

— А и подати хлѣбныя по 2 рубля. Прочія по 5 руб. 23 копейки. Всѣмъ извѣстно? Къ 15 числу требуется, чтобы полностью внести, — добавляетъ онъ, глядя спокойными голубыми глазами на всѣхъ, и опускаетъ въ карманъ окладной листъ, по которому читалъ, держа его передъ собой.

— Ау, братъ! Ничего не подѣлаешь, плати. Омрачилась теперь мужицкая душа,—смѣясь, замѣчаетъ Ермилъ.

— Что вы называете хлѣбными податями?—спрашиваю я.

— А это, которая была ссуда насчетъ продовольствія въ неурожайные года,—объясняетъ мнѣ Илья.—Мы такъ хлѣбныя ихъ и зовемъ.

— Самыя онѣ и докоряютъ насъ, — вступается Тимоша.—Мы ихъ съ того время, можетъ, по десяти разовъ уплатили, а все никакъ не можемъ скостить. Только думаешь: ну, слава тебѣ Господи, чисто, расплатился, въ расчетѣ теперь. Смотришь, опять пишутъ, сызнова требуютъ. Что тутъ будешь дѣлать, Господи Батюшка!

— Да почему же это?

Тимоша разводитъ руками и щуритъ умные старческіе глаза.

— Почему! Сами не разберемъ. И все такъ-то. Сюда пришли, тамъ земля была 300 рублей десятина, а здѣсь 75 рублей; ду-

мали, здѣсь полегче будетъ, а наконецъ того, надбавка оказывается.

— Уѣздъ дорогой,—подмигивая, говоритъ Ермилъ.

Всѣ смѣются и встаютъ изъ-за стола.

XIV.

На волѣ послѣ душной избы свѣжо и хорошо. Не хочется уходить.

Красивый Никита и другіе, дальніе, прощаются и расходятся въ разныя стороны. Въ ясномъ мѣсячномъ освѣщеніи долго видны ихъ по разнымъ направленіямъ удаляющіяся фигуры. Остаются ближніе сосѣди да молодежь, которая, со времени появленія новобранца, не отходитъ отъ него. Поютъ тутъ же рядомъ за сараемъ. Далеко разносится знакомая рекрутская пѣсня:

Останный радошный денечекъ
Гуляю съ вами я, друзья...

— Ишь, заливается сердешный, — говоритъ Иванъ, бережно укутывая у себя на колѣняхъ мальчика, который не хотѣлъ итти спать и засыпаетъ черезъ минуту, положивъ голову ему на плечо.

— Объ Кирсановкѣ скучаетъ некрутъ-то. Не нравится здѣсь. Отца вишь попрекаетъ, зачѣмъ сюда перешелъ.

— Что-жъ попрекать-то,—замѣчаетъ Илья.— Не своей охотой переходилъ, нужда заставила. Кабы не сгорѣли, и сейчасъ бы всѣ тамъ были.

— Опять же насчетъ денегъ урекаетъ, деньги вишь всѣ истратилъ,—продолжаетъ Иванъ.—А велики деньги! Наградныхъ-то мы и не увидали.

Я уже нѣсколько разъ слышу объ этихъ „наградныхъ“ деньгахъ. Мнѣ хочется выяснить себѣ, что именно они подъ этимъ подразумѣваютъ. Объясненіе даетъ тотъ же Ѳомичъ. Во все время собранія онъ молчалъ и вдругъ сдѣлался разговорчивымъ.

— Какъ сюда переходить намъ, Петра Петровичъ, членъ, форменно обѣщалъ: 150 рублей, это на стройку, стало быть, съ отдачей, а 80 рублей наградныхъ. Ну, эти деньги затоптали.

— Никто не получилъ?

— Ни Боже мой. Говорю, затоптали. Сейчасъ-то слышно, въ Петербургѣ у князя у какого-то человѣкъ одинъ есть, ну, хлопочетъ объ насъ, эти самыя деньги разыскиваетъ. А Петра Петровичъ осердился. Стали ему изъ Петербурга письма слать, а по его наговору могли того человѣка въ четыре часа изъ Петер-

бурга удалить. Князь и спрашиваетъ: почему такое могли его въ четыре часа удалить? Я за нимъ никакихъ препятствіевъ не знаю. Вотъ и неизвѣстно сейчасъ, чья возьметъ: его ли, князева, или же Петра Петровича.

— Развѣ онъ такъ силенъ?

Иванъ удивляется вопросу.

— Нешто не видите. Самъ говоритъ: вся власть моя. Что хочетъ, то и дѣлаетъ. Дана ему сейчасъ власть надо всѣми городами и надо всѣми деревнями. А почему дана? Потому дана...— Онъ останавливается на секунду и продолжаетъ таинственно и слегка понижая голосъ:—Вся эта собственность—это все барская хитрость, господская выдумка, я тебѣ скажу. Раньше-то хотѣлъ царь землю поравнять, ну, господамъ это не пондравилось. Вотъ и удумали эту самую собственность. У мужика нельзя отнять, ну и у нихъ чтобы не отнимали. А то какъ же! Нешто не понимаемъ? Ну, только опять же хорошаго врядъ ли можно приждать. Сейчасъ-то все ничего, все нога ногу минуетъ, а вотъ какъ подродится народу, да повырастутъ, да сыновья-то придутъ къ отцамъ... И гдѣ же онъ имъ тогда землю возьметъ? Вотъ ты мнѣ что скажи,—съ материнской лаской, нѣжно придерживая соннаго мальчика, сурово обращается онъ ко мнѣ.

Я излагаю читанныя въ газетахъ предположенія относительно предѣльнаго дробленія крестьянскихъ надѣльныхъ земель.

— Что-о?—спрашиваетъ Иванъ и отъ изумленія чуть не роняетъ ребенка съ колѣнъ. — Какъ такъ, большому сыну дать, а прочихъ безъ земли оставить? Этакъ дѣло, пожалуй, что на уголовье пойдетъ.

Сдержанный и степенный Илья также пораженъ.

— Какъ же такъ! Вродѣ неловко выходитъ. Одинъ отцовскій сынъ, а другіе чѣмъ же виноваты?

— Въ Англіи давно такъ заведено...

— Это ихъ дѣло, у нихъ свое заведеніе, у насъ иное. Неловко этакъ будетъ. Всѣ вѣдь работаютъ, всѣ отцу подаютъ. Какой палецъ ни укуси, все больно.

— Да вѣдь, если пять десятинъ дѣлить, ну, скажемъ, хоть на троихъ, помногу ли придется?

— Одну душу, чего тутъ! — соглашается Илья. — Раньше-то, какъ въ міру было, со стариковъ складали, на молодыхъ накладали, оно вродѣ и ровнялось по душамъ, а сейчасъ, когда прирѣзки не будетъ... на уголовье пойдетъ... Какъ же такъ безъ земли?

— А когда безъ земли, за кого же они тогда будутъ руку

поднимать? — снова неспокойнымъ голосомъ вступается старикъ. Руки у него заняты отяжелѣвшимъ во снѣ мальчикомъ, онъ не можетъ помочь себѣ жестами, и вся сила выраженія сосредоточилась въ лицѣ, рябомъ, съ приплюснутымъ носомъ, безобразномъ, но полномъ негодованія.

— Какъ руку поднимать? Что это значитъ?—спрашиваю я.

— Какъ руку поднимаютъ, когда крестъ цѣлуютъ. Сейчасъ-то присягу принимаютъ за родину, за свою землю. А когда земли нѣтъ, такъ ему все одно... Когда земли нѣтъ, и защищать нечего.

— Вѣрно,—подтверждаетъ нѣсколько голосовъ, а старикъ прибавляетъ:

— Ужъ это, что за человѣкъ безъ земли! Землю порѣшитъ, какъ заяцъ будетъ бѣгать. Только заяцъ въ лѣсу за кусты схоронится, а ему и схорониться будетъ некуды.

— И кому до насъ дѣло стало съ эстими отрубами? Отрубили намъ головы, — уныло вставляетъ свое слово старуха, бабка Алена.

Она тоже вышла посидѣть и послушать, и сидитъ на завалинкѣ съ темнымъ лицомъ, сложивъ на колѣняхъ темныя руки, облитая вся бѣлымъ мѣсяцемъ.

— Что загодя-то тужить!—отвѣчаетъ старикъ.—Мужикъ—что баранъ, три разъ въ годъ стригутъ, все шерстью обрастаетъ. Чего его рубить! Не отрубятъ...

Л. Нелидова.

Октябрь 1913 г.

Діонисъ въ религіи и поэзіи.

I.

Куда бы мы ни сопровождали мысленно благоговѣйныя шествія эллинскихъ мужей и женъ въ славу ихъ родныхъ боговъ—въ Олимпію ли на праздникъ Зевса, или на аѳинскій Акрополь къ дѣвственной Палладѣ, или въ Дельфы на гору Аполлона,—вездѣ насъ плѣняетъ красивая пластичность воспринимаемыхъ нами образовъ. Повсюду мѣра и опредѣленность; радость со стороны смертныхъ, милость со стороны боговъ; настроеніе приподнятое, безъ сомнѣнія, но лишь въ смыслѣ усиленія сознательности путемъ пріобщенія къ ней праздничнаго расцвѣта чувствъ.

Таковъ греческій Олимпъ, но не таковъ его послѣдній и чуждый членъ Діонисъ. Гомеръ его еще почти не знаетъ; въ тѣ времена, когда преданія о троянской войнѣ облекались въ обезсмертившія ихъ формы героическаго эпоса, поклонниками этого бога были еще почти исключительно дикіе ѳракійцы, жившіе на мгноговодномъ Гебрѣ—нынѣшней Марицѣ. „Праздникъ совершался на горныхъ вершинахъ, въ темную ночь, при невѣрномъ свѣтѣ смолистыхъ свѣточей. Раздавалась шумная музыка—рѣзкій звукъ мѣдныхъ тарелокъ, глухой грохотъ большихъ ручныхъ литавръ и вперемежку „манящее къ изступленію созвучіе“ гудящихъ флейтъ, душу которыхъ пробудили лишь фригійскіе авлеты. Возбужденная этой дикой музыкой, пляшетъ съ ликующими криками толпа празднующихъ. Пѣсенъ не слышно,—вихрь пляски не допускаетъ таковыхъ. Это вѣдь не то размѣренное плясовое движеніе, которымъ, напримѣръ, гомеровскіе греки сопровождаютъ свои пеаны. Нѣтъ, въ безумномъ кружащемся и стремительномъ бѣгѣ мчатся одержимые богомъ по склону горы. Большею частью это женщины, странно переодѣтыя: поверхъ платья у нихъ оленьи шкуры, такъ называемыя небриды, на головѣ нерѣдко рога; ихъ волосы дико развѣваются, въ рукахъ змѣи; иныя потрясаютъ кинжалами, или же тирсами, скрывающими мѣдное остріе подъ зеленью плюща. Такъ они мчатся до крайняго возбу-

жденія всѣхъ чувствъ и въ „священномъ безуміи“ бросаются на пзбранныхъ жертвами животныхъ, схватываютъ, разрываютъ застигнутую добычу и впиваются зубами въ ея окровавленное мясо, чтобы сырымъ его поглотить“.

Несмотря на несогласіе Эрвина Роде, изъ классической книги котораго (Psyche, стр. 301) я заимствовалъ эту выдержку, я продолжаю думать, что первоначально это былъ праздникъ чаемой весны, справляемый около зимняго солнцеворота съ цѣлью придать силы гаснущему солнцу и плодородія землѣ. Именно этой послѣдней цѣли служилъ, какъ особаго рода „симпатичная“ магія, тотъ половой разгулъ, который нѣкогда, несомнѣнно, сопутствовалъ діонисическимъ праздникамъ, но, разумѣется, былъ упраздненъ по появленіи ихъ на греческой почвѣ.

Но по мѣрѣ отступленія этой первой цѣли выдвинулась производная; а ею былъ *экстазъ* какъ таковой, чувство „изступленія“ души изъ предѣловъ тѣла. Въ этомъ состояніи человѣкъ сливался съ чествуемымъ имъ богомъ и переживалъ минуты несказаннаго блаженства. Русскія слова „вакхантъ, вакханка“ недостаточно выразительны: грекъ говорилъ „вакхъ, вакха“, давая этимъ понять, что одержимый богомъ отожествлялся съ нимъ, становился имъ. Какъ таковой, онъ не чувствовалъ грани между собой и остальной природой: она вся въ лицѣ своихъ растительныхъ и животныхъ особей шла ему навстрѣчу, ласкалась къ нему. Діонисическая „оргія“—великій праздникъ примиренія между человѣкомъ и матерью-Землей, искупленія его многовѣкового грѣха передъ ней. И тогда мать ни въ чемъ не отказывала своимъ дѣтямъ: тирсъ вакханки обладалъ чудотворной силой, добывая для нея по желанію молоко, вино, медъ изъ лона Земли. Она же надѣляла ихъ сверхъестественной мощью: въ состояніи одержимости и изступленія нѣжныя руки дѣвъ вырывали деревья изъ земли, разносили на части коровъ и быковъ, обращали въ бѣгство вооруженныхъ мужей. Все это явленія патологическія, объясняемыя нынѣ гипнозомъ, если только это объясненіе, а не замѣна одной неизвѣстной величины другою такою же неизвѣстной. Не всѣ люди къ нимъ приспособлены, почему у грековъ и существовала поговорка: „Много у насъ тирсоносцевъ повсюду, но мало вакхантовъ“.

Эта приспособленность чаще, какъ и нынѣ, встрѣчалась у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ, и вотъ почему не вакхантъ, а вакханка—жрица Діониса и распространительница его культа.

Культъ этотъ доставлялъ справляющимъ его то высшее, ни съ чѣмъ не сравнимое блаженство, которое естественно понималось, какъ милость бога, какъ награда за благочестіе; и все же это непосредственно испытываемое блаженство было лишь залогомъ другого, еще болѣе чуднаго. Опытъ діонисическаго оргіазма сводился къ ослабленію узъ, свя-

зывающихъ душу съ ея тѣлесной оболочкой, къ ея „изступленію“ и самобытному существованію; что же будетъ, когда эти узы будутъ окончательно порваны, когда наступитъ то, что люди обыкновенно называютъ смертью? Будетъ, очевидно, не смерть, а новая жизнь, болѣе полная, яркая, блаженная, чѣмъ та, которую мы ведемъ въ этомъ тускломъ тѣлесно-духовномъ бытованіи. Такимъ-то образомъ діонисическій оргіазмъ сталъ для грековъ откровеніемъ *безсмертія и вѣчнаго блаженства души,* сталъ торжествомъ жизни надъ смертью.

А потому Діонисъ—избавитель и благодѣтель человѣчества. Посвященіе въ его „оргіи“, т.-е. священнодѣйствія, таинства,—высшій актъ милости съ его стороны. Сопротивленіе этому посвященію—неразуміе, если оно исходитъ отъ особи, и высшее нечестіе, если оно исходитъ отъ отвѣтственнаго за свой народъ царя.

II.

Діонисическій оргіазмъ покорилъ Грецію въ вихрѣ безумной пляски въ теченіе VIII и VII вв.; побѣдоносное его вторженіе изъ дикой Ѳракіи вышеназванный Э. Роде справедливо сравниваетъ съ той хореоманіей, которая распространилась по средней Европѣ послѣ „черной смерти“, т.-е. чумы въ XIV в. Народъ Зевса и Аполлона не сдался безъ сопротивленія: тотъ элементъ безумія и изступленія, который былъ центральнымъ въ діонисическомъ оргіазмѣ, былъ органически противенъ гордящемуся своей сознательностью эллину, не говоря уже о вышеупомянутомъ половомъ разгулѣ, несовмѣстимомъ съ гражданскиупорядоченной жизнью въ благоустроенныхъ греческихъ общинахъ.

Но пляска побѣдила; пришлось сдаться. Все же не безъ оговорокъ и условій. Прежде всего былъ упраздненъ половой разгулъ—„пророкъ Аполлона Мелампъ исцѣлилъ дочерей аргосскаго царя Прета отъ безстыдства“, гласитъ по этому поводу символическій греческій миѳъ. Затѣмъ самый оргіазмъ былъ введенъ въ предѣлы времени и мѣста. Временемъ стали *„тріетериды“*, т.-е. справляемыя черезъ годъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ вакханками празднества; мѣстомъ стали верхніе склоны Парнасса надъ Дельфами. Сюда вакханки сходились, если судить по аналогіи Аѳинъ, о которыхъ это намъ засвидѣтельствовано, со всей Эллады; ихъ ночныя радѣнія на озаренной свѣточами нагорной полянѣ представляли красивое зрѣлище, далеко видное съ Коринѳскаго залива и поэтому часто упоминаемое въ греческой литературѣ. Все же происшедшая перемѣна была знаменательна: дельфійскія вакханки были уже не самимъ народомъ, а только представительницами народа, спасавшимися, если можно такъ выразиться, и за себя, и за представляемыя ими общины. Кто хотѣлъ ознакомиться съ первоначальнымъ характе-

ромъ діонисическаго оргіазма, какъ явленія всенароднаго, тотъ долженъ былъ отправиться туда, гдѣ діонисическія празднества справлялись всенародно, т.-е. во Ѳракію или въ сосѣднюю съ ней Македонію.

Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ аполлоновской реформы религіи Діониса было установленіе значительно смягченныхъ гражданскихъ Діонисій, отчасти со слабой примѣсью оргіастическаго элемента, отчасти и при полномъ его отсутствіи. Пріуроченныя къ работамъ винодѣловъ, эти Діонисіи сдѣлали самого бога—богомъ вина, какимъ онъ донынѣ живетъ въ нашемъ сознаніи, но какимъ онъ не былъ въ своемъ первоначальномъ, оргіастическомъ культѣ. Къ Діонисіямъ перваго порядка принадлежали и тѣ, которыя стали колыбелью древне-греческой и нашей трагедіи.

Какъ затѣмъ это смягченіе діонисическаго оргіазма вызвало новую волну, породившую орфическія, а затѣмъ и пиѳагорическія таинства,—это уже не входитъ въ предѣлы настоящей статьи:

Но, ставши греческимъ богомъ, Діонисъ долженъ былъ получить свою греческую родословную и свой греческій миѳъ. Къ Зевсу онъ сталъ, подобно Аполлону, въ сыновнія отношенія; это было вполнѣ понятно. А такъ какъ первымъ центромъ Діонисова культа въ Греціи были беотійскія Ѳивы, то къ нимъ и былъ пріуроченъ миѳъ объ его рожденіи; гласилъ онъ такъ:

У Кадма, основателя Ѳивъ, было нѣсколько дочерей; изъ нихъ старшей была красавица Семела. Ее въ образѣ смертнаго навѣщалъ Зевсъ, не скрывая, однако, отъ нея своей божественности. Узнавъ объ этомъ, ревнивая Гера рѣшила погубить свою соперницу. Явившись къ ней въ образѣ ея старой няни, она заронила ей въ сердце подозрѣніе, подлинно ли Зевсъ тотъ прекрасный мужъ, которому она отдалась. Чтобы убѣдиться въ этомъ, она присовѣтовала ей слѣдующее коварное средство: взявъ съ него предварительно клятву, что онъ исполнитъ ея желаніе, потребовать отъ него, чтобы онъ явился ей уже не въ образѣ смертнаго, а такимъ, какимъ онъ является своей божественной супругѣ Герѣ. Простодушная Семела поступила согласно ея совѣту. Но ея бренная плоть не вынесла прикосновенія перуна: она сгорѣла вмѣстѣ со всѣмъ теремомъ, въ которомъ она дожидалась Зевса, и Гера уже позаботилась о томъ, чтобы вѣчно дымящіяся развалины этого терема стали вѣчнымъ свидѣтельствомъ ея ревнивой мести. Въ живыхъ осталось только ея недоношенное дитя—божественный сынъ Зевса, Діонисъ. Отецъ вынулъ его изъ огня, испепелившаго тѣло его „перуницы"-матери (Κεραυνία) и зашилъ въ своемъ бедрѣ, чтобы онъ въ немъ исполнилъ остающееся время своей зародышевой жизни. А затѣмъ онъ вторично произвелъ его на свѣтъ, на сказочной горѣ *Нисѣ*, нимфамъ которой онъ и отдалъ его на воспитаніе.

Этотъ греческій миѳъ о рожденіи Діониса, часто обработанный поэтами—и Эсхилъ, и Софоклъ посвятили ему по трагедіи—представлялъ, какъ видитъ читатель, своего героя исконно-греческимъ богомъ, и, стало быть, вторженіе его культа въ Элладу—возвращеніемъ бога въ свою исконную родину; это—извѣстное средство, часто примѣняемое и въ греческой миѳологіи, и въ другихъ. Вторую родину бога, гору Нису, выведенную скорѣе всего изъ его загадочнаго имени Dio-nysos, представляли себѣ различно: чаще всего на Евбеѣ, изъ чего мы можемъ заключить, что ѳракійскій культъ проникъ въ Беотію изъ Евбеи. Но Эсхилъ, Еврипидъ и другіе—по причинамъ, выясненіе которыхъ завело бы насъ слишкомъ далеко—считали ее находившейся въ Лидіи; отсюда азіатскій видъ какъ ихъ вакханокъ, такъ и ихъ мнимаго пророка, и нѣкоторое „варварство“ въ ихъ характерѣ.

III.

Сознаніе сравнительной юности религіи Діониса въ Элладѣ сказалось въ цѣломъ рядѣ миѳовъ, описывающихъ сопротивленіе его культу. Миѳотворной религія эта сама по себѣ не была; это объясняется ея характеромъ, такъ мастерски изображеннымъ Фр. Ницше въ его замѣчательной книгѣ о „рожденіи трагедіи“. Только тамъ, гдѣ безформенный хаосъ діонисической возбужденности сталкивался съ внѣшнимъ міромъ, только тамъ она выкристаллизовывалась въ образѣ миѳа.

Трагедія рано воспользовалась этими темами; она даже первоначально жила ими, имѣя своимъ содержаніемъ именно „Діонисовы страсти“ (τὰ Διονύσου πάθη). И притомъ—въ обѣихъ своихъ разновидностяхъ, какъ серьезной, такъ и шутливой. Здѣсь Діониса окружили, какъ спутниками, давнишними „лѣшими“ греческой религіи—сатирами; для серьезной трагедіи они не годились, здѣсь хоръ составлялся чаще и удобнѣе всего изъ вакханокъ.

Впрочемъ, о доисторическомъ періодѣ развитія трагедіи возможны только догадки; на болѣе твердую почву вступаемъ мы съ именемъ *Эсхила*. Онъ обработалъ вакхическіе миѳы въ двухъ тетралогіяхъ: во-первыхъ, въ славной своей „Ликургеѣ“, а затѣмъ и въ той, къ которой принадлежала трагедія „Пенѳей“.

Составъ „Ликургеи“ намъ извѣстенъ благодаря схоліи на Аристофана (Ѳесм., 135); въ нее входили трагедіи „Эдонійцы“, „Бассариды“, „Юноши“ и сатирическая драма „Ликургъ“. Самъ герой былъ царемъ ѳракійскаго народа эдонійцевъ: онъ оказывалъ сопротивленіе Діонису и его таинствамъ и за это былъ богомъ наказанъ. При этомъ насъ не должно смущать то обстоятельство, что строптивый царь управлялъ той самой страной, въ которой греки видѣли родину *культа* Діониса:

для мифа важна только родина самого Діониса, а ею была сказочная Ниса. Ѳракійцы были только первымъ народомъ, который сошедшій съ Нисы богъ пріобщилъ своимъ таинствамъ.

Въ первой трагедіи, „Эдонійцахъ“, хоръ, какъ показываетъ заглавіе, состоялъ изъ подданныхъ самого героя. Они приходятъ къ нему, чтобы разсказать о тѣхъ чудесахъ, свидѣтелями которыхъ они были:

Одного я тамъ видѣлъ съ цѣвницей въ рукѣ,
Токаря измышленіемъ; пальцами онъ,
Проводя по сопѣлкамъ, наигрывалъ имъ
Къ изступленью зовущую пѣсню...
У другого кимвалъ мѣднокованный былъ,
Изъ него извлекалъ онъ безумящій звонъ
И откуда-то—съ тайныхъ, незримыхъ пещеръ—
Точно ревъ угрожающихъ дикихъ быковъ:
Скоморохи то ужаса были.
То опять, словно громъ подъ землей загремѣлъ,
Оглушительный грохотъ тимпановъ.

Разгнѣвался гордый царь на эту безсмысленную силу, невѣсть откуда вторгшуюся въ его владѣнія; и все же худшее было впереди. Владыка чудесъ не удовольствовался дальними „звонами“; все ближе и ближе надвигается его странная дружина, приводящая въ смятеніе все кругомъ; наконецъ, онъ самъ здѣсь... но онъ ли подошелъ къ дому, или самъ домъ, проникнутый его силой, пошелъ ему навстрѣчу? Что-то необъяснимое творится при приближеніи Діониса.

Въ веселье буйномъ заметался домъ...

Появленіе грознаго царя точно леденящей струей развѣваетъ весь этотъ восторгъ. Чего испугались? И домъ на мѣстѣ, и все на мѣстѣ, и въ числѣ прочихъ онъ самъ, женоподобный кудесникъ. И царь его насмѣшливо допрашиваетъ, издѣваясь надъ его длиннополой, неприличествующей мужчинѣ епанчей.

А ты, красавица, откуда къ намъ?
Гдѣ родилась? Кто нарядилъ тебя?

Эта сцена стяжала знаменитость; Аристофанъ ее пародируетъ въ своихъ „Ѳесмофоріяхъ“, а позднѣе и Еврипидъ перенесъ ее въ свою трагедію, гдѣ мы ее читаемъ—ст. 451, сл. Правда, мы не можемъ сказать, предсталъ ли у Эсхила Діонисъ въ своемъ собственномъ видѣ передъ Ликургомъ, или же, какъ у Еврипида, въ видѣ лидійскаго пророка. Знаемъ только изъ схоліи на указанное мѣсто Аристофана, что передъ царемъ былъ, дѣйствительно, плѣнный Діонисъ, а стало быть, что Эсхилъ уклонился отъ гомеровскаго изображенія мифа (Ил., VI, 130, сл., Гн.).

Нѣтъ, и могучій Ликургъ, знаменитая отрасль Дріанта,
Долго не жилъ, на боговъ-небожителей руки поднявшій.
Нѣкогда, дерзкій, напавъ на кормилицъ безумнаго Вакха,
Ихъ по божественной Нисѣ преслѣдовалъ: нимфы-вакханки
Тирсы зеленые бросили въ прахъ, отъ убійцы-Ликурга
Сулицей острой свирѣпо разимыя; Вакхъ устрашенный
Бросился въ волны морскія и принятъ Ѳетидой на лоно,
Трепетный, въ ужасъ введенный неистовствомъ буйнаго мужа.
Всѣ на Ликурга прогнѣвались мирно живущіе боги,
Кроновъ же сынъ ослѣпилъ Дріаитида, и послѣ недолгой
Жизнію онъ наслаждался, безсмертнымъ всѣмъ ненавистный.

Во всякомъ случаѣ, временнымъ торжествомъ Ликурга кончались „Эдонійцы“; священные свѣточи потушены, вакханки схвачены, самъ Діонисъ въ плѣну.

Слѣдующая трагедія была озаглавлена „Бассариды“—такъ назывались ѳракійскія вакханки по тѣмъ мѣховымъ тулупамъ, въ которыхъ онѣ выступали. Ихъ содержаніе, сообщаемое намъ Эратосѳеномъ въ его „Катастеризмахъ“ (24), поражаетъ насъ отсутствіемъ всякой связи съ миѳомъ о Ликургѣ; „Орфей“, сказано тамъ, „Діониса не почиталъ, величайшимъ же богомъ считалъ Геліоса, котораго онъ называлъ также Аполлономъ; вставая ночью, онъ передъ разсвѣтомъ восходилъ на Пангейскую гору и тамъ дожидался восхода, чтобы ему первому увидѣть Геліоса. Поэтому Діонисъ, разгнѣвавшись, напустилъ на него бассаридъ, *какъ говоритъ поэтъ Эсхилъ*, которыя его растерзали и разбросали части его тѣла. Музы же, собравши ихъ, похоронили его въ такъ называемыхъ „Либетрахъ“. Эта несвязанность съ главной фабулой озадачила ученыхъ; Рапшъ (у Рошера, s. v.) поэтому полагаетъ, что участь растерзаннаго Орфея только упоминалась въ хорической пѣснѣ „Бассаридъ“ въ назиданіе неистовствующему Ликургу, но не составляла ихъ содержанія. Но приведенная Наукомъ схолія на Климента Александрійскаго, p. 414, 31, ясно говоритъ, что „растерзаніе Орфея одрисійцами составляетъ содержаніе трагедіи“; кромѣ того, я не могу не придать значенія и слѣдующему совпаденію. Согласно Эратосѳену, къ вакханкамъ-бассаридамъ, составляющимъ хоръ трагедіи, подъ конецъ присоединяются, какъ „пропомпы“, еще и музы. Это, во-первыхъ, чисто эсхиловскій обычай; такой же второй хоръ пропомповъ въ заключеніи драмы имѣемъ мы также и въ „Просительницахъ“, и въ „Семи вождяхъ“, и въ „Евменидахъ“; а во-вторыхъ, въ томъ резюме изъ „Ликурга“ Эсхила, которое Софоклъ даетъ въ своей „Антигонѣ“—мы приведемъ его ниже—тоже рядомъ упоминаются и вакханки, и музы, какъ жертвы Ликургова гнѣва.

Нѣтъ, мы слишкомъ мало освѣдомлены о частностяхъ примѣненія трилогическаго принципа у Эсхила, чтобы оспаривать возможность

также и эпизодической композиціи. Допустимъ же—это будетъ осторожнѣе—что средняя драма трилогіи имѣла содержаніемъ жизнь вакханокъ на Пангеѣ и растерзаніе ими Орфея, каковая расправа должна была служить урокомъ для Ликурга; я думаю, въ „Вакханкахъ“ Еврипида можно будетъ найти подтвержденіе этой догадки. И здѣсь вѣдь мы имѣемъ пространный эпизодъ о жизни вакханокъ на Киѳеронѣ и объ ихъ расправѣ съ врагами, долженствующей служить урокомъ для Пенѳея.

Въ третьей драмѣ трилогіи, „Юношахъ“, дѣйствіе возвращалось къ Ликургу. Содержаніемъ была, конечно, его кара; но въ чемъ состояла она? Приведемъ то резюме изъ „Антигоны“ Софокла, на которое мы уже ссылались (ст. 955, сл.):

Гнѣвенъ былъ онъ и царь Ѳракіи дикой,
Сынъ Дріанта Ликургъ; самъ Діонисъ его
Смѣлость извѣдалъ,
Все же въ затворѣ и онъ окончилъ дни.
Въ хладномъ камнѣ остылъ гнѣва багровый жаръ;
Цвѣтъ дерзанья поблекъ: понялъ тщету мыслей своихъ
Царь, что бога хулилъ въ злобѣ безумной онъ,
Громя вакханокъ грозный пылъ,
Ретивыхъ свѣточей восторгъ,
Святую пѣснь Музъ поляны горной.

Итакъ, раскаяніе, за нимъ — окаменѣніе. Но чѣмъ было вызвано раскаяніе, и почему оно повело къ окаменѣнію? Здѣсь недостаетъ центральнаго мотива—Аты, того дѣянія, послѣ котораго дальнѣйшая жизнь становится невозможной. Агава убила сына, Ніобея стала причиной смерти своихъ дѣтей, а Ликургъ что? Позднѣйшая традиція, представляемая для насъ Аполлодоромъ, говоритъ о томъ, что Ликургъ въ своемъ вакхическомъ изступленіи убилъ своего сына Дріанта, принимая его за винную лозу; полагаю, что и миѳопея Ликургеи нуждается въ этомъ мотивѣ. Это подтверждается косвенно и заглавіемъ третьей трагедіи—„Юноши“. Кто эти юноши? Скорѣе всего—товарищи Дріанта. Все же конецъ трагедіи былъ примирительнымъ: про Ликурга мѣстное преданіе—на него ссылается авторъ „Реса“, ст. 972 — говоритъ, что онъ живетъ въ пещерѣ Пангея вѣчной жизнью, какъ пророкъ Діониса. Итакъ, трилогія кончалась установленіемъ культа—совсѣмъ по-эсхиловски.

Кстати, мы опять на Пангеѣ, тамъ же, гдѣ происходило дѣйствіе также и „Бассаридъ“. Это—подтвержденіе принятой нами гипотезы объ ея содержаніи; въ то же время это обстоятельство дозволяетъ намъ дополнить фабулу трилогіи еще нѣсколькими чертами. По Аполлодору, вмѣстѣ съ Діонисомъ берется въ плѣнъ и вся дружина его вакханокъ; допуская, что и эта черта заимствована изъ Эсхила, мы получаемъ образецъ для чудеснаго освобожденія вакханокъ у Еврипида, ст. 443 сл.

А съ тѣми, царь, вакханками, которыхъ,
Связавши раньше, заперъ ты въ тюрьму,
Случилось чудо: узы ихъ распались,
И убѣжали плѣнницы. Поди,
Теперь онѣ къ полянамъ горнымъ скачутъ
И въ чащу лѣса Бромія зовутъ.
Никто не помогалъ имъ снять оковы,
Съ дверей никто запоровъ не срывалъ.

У Еврипида не говорится, что съ ними случилось дальше — у него этотъ рудиментарный мотивъ не даетъ дальнѣйшихъ ростковъ. Иначе у Эсхила. Его „горныя поляны“ лежали вѣдь на Пангеѣ, а здѣсь происходило дѣйствіе второй трагедіи. Ея бассариды—это и есть освобожденныя вакханки первой трагедіи. Ихъ драма вся была проникнута тѣмъ духомъ діонисическаго экстаза, который и на насъ вѣетъ съ подражанія ей въ Еврипидовыхъ „Вакханкахъ“, ст. 677 сл.

Куда побѣгъ, туда и погоня: вполнѣ понятно, что преслѣдующій бѣглянокъ Ликургъ въ третьей трагедіи и самъ оказывается на горной полянѣ Пангея. Но какимъ образомъ онъ встрѣчаетъ тамъ сына Дріанта и его товарищей—юношей хора? Это опять-таки очень естественно: для царевича съ его сверстниками любимое занятіе—охота, а для охоты горная поляна—самое удобное мѣсто. Мнѣ думается, что отголосокъ этого мотива мы встрѣчаемъ и въ „Вакханкахъ“—въ томъ мѣстѣ, гдѣ безумная Агава говоритъ о своемъ сынѣ (ст. 1252 сл.):

Эхъ, хоть бы сынъ мой въ мать пошелъ и сталъ бы
Охотникомъ лихимъ, за дикимъ звѣремъ
Въ толпѣ гоняясь *молодыхъ ѳиванцевъ.*

Вотъ они гдѣ—юноши хора.

Здѣсь его, значитъ, настигаетъ Ликургъ. Онъ въ вакхическомъ изступленіи, въ рукѣ у него двулезвійная сѣкира. Принимая сына за виноградную лозу, онъ отрубаетъ у него голову... конечно, это происходитъ за сценой, но болѣе, чѣмъ вѣроятно, что онъ возвращается на сцену съ печальнымъ свидѣтельствомъ своего торжества. Здѣсь наступаетъ отрезвленіе—но круто, по-эсхиловски, а не съ той художественной постепенностью, какую мы наблюдаемъ у Еврипида. Послѣ такого открытія долѣе жить нельзя; сами собою понижаются силы сознанія, милосердная скала Пангея обвиваетъ своими каменными побѣгами коченѣющее тѣло — и владыкѣ чудесъ остается только сказать послѣднее слово примиренія у подземнаго терема своего пророка.

IV.

Мы должны были остановиться нѣсколько подробнѣе на „Ликургеѣ“ Эсхила: до „Вакханокъ“ Еврипида это была самая славная діонисическая трагедія-трилогія аѳинской сцены.

Гораздо менѣе знаемъ мы о другой діонисической трилогіи Эсхила—той, частью которой былъ его „Пенѳей“. Къ сожалѣнію, нельзя даже сказать, какія драмы входили въ ея составъ; изъ заглавій потерянныхъ напрашиваются „Вакханки“, „Кормилицы Діониса“, „Семела или Водоносицы“, „Чесальщицы“ (Χαντρίαι). Менѣе всего мы стали бы думать о послѣднихъ, если бы не узнали случайно, что ихъ содержаніемъ была смерть Пенѳея—причемъ имя хора объясняется зловѣщимъ употребленіемъ безобиднаго глагола: „чесать“ (шерсть), „терзать“, „рвать на куски“. О „Кормилицахъ Діониса“ мы узнаемъ, что въ нихъ говорилось о возвращеніи героинямъ съ ихъ мужьями молодости чарами Діониса. Но вопроса о трилогіи намъ не рѣшить; ограничимся двумя драмами: „Пенѳеемъ“ и „Чесальщицами“, соотвѣтствовавшими по содержанію „Вакханкамъ“ Еврипида.

Выше мы пересказали миѳъ о рожденіи Діониса; къ нему довольно близко примыкаетъ миѳъ о Пенѳеѣ.

Когда Семела погибла, а ея младенецъ былъ Зевсомъ спасенъ, ея завистливыя сестры распространили про нее дурную славу. Она, молъ, согрѣшила со смертнымъ; а когда послѣдствія ея грѣха стали обнаруживаться, она для спасенія своей чести, по наущенію Кадма, стала говорить, что ея обольстителемъ былъ самъ Зевсъ. За эту лживую похвальбу Зевсъ и испепелилъ ее своимъ перуномъ вмѣстѣ съ ея недоношеннымъ младенцемъ.

Изъ этихъ сестеръ старшей была Агава; ее отецъ выдалъ за одного изъ „спартовъ“, Эхіона. „Спартами“, т.-е. „посѣянными“, назывались тѣ витязи, которые взошли изъ посѣянныхъ Кадмомъ зубовъ Аресова змѣя; самое слово „эхіонъ“ означаетъ именно змѣя. Выданная за Эхіона, Агава родила отъ него сына Пенѳея; онъ, какъ старшій внукъ Кадма,—естественный наслѣдникъ его престола (Кадмова сына Полидора нашъ миѳъ не признаетъ). Второй дочери, Автоноѣ, не посчастливилось: своему мужу Аристею она родила сына Актеона, а онъ, ставъ смѣлымъ охотникомъ, вызвалъ гнѣвъ Артемиды своей похвальбой, будто онъ своимъ искусствомъ превзошелъ даже ее, и былъ растерзанъ собственными псами. Третья дочь, Инò, выданная позднѣе за орхоменскаго царя Аѳаманта, ко времени нашей трагедіи представлена еще дѣвой.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Діонисъ со своими „азіатскими вакханками“ вернулся изъ Лидіи въ Ѳивы. Узнавъ о клеветѣ, распущенной его тетками про его мать, онъ ихъ заразилъ безумiемъ и за-

ставилъ съ прочими ѳиванскими женщинами бѣжать на Киѳеронъ; это отнынѣ „ѳиванскія вакханки“, отличныя отъ азіатскихъ. Съ Пенѳеемъ, отсутствующимъ, у него разговоръ впереди.

Таково построеніе въ „Вакханкахъ“ Еврипида: было ли оно тѣмъ же и для трилогіи Эсхила, мы сказать не можемъ. Да мы въ сущности ничего про эту трилогію, т.-е. ея несогласіе съ трагедіей Еврипида, сказать не можемъ, кромѣ одной черты. Зато это черта довольно интересная и драгоцѣнная.

А именно: узнавъ о побѣгѣ ѳиванокъ, Пенѳей беретъ съ собой вооруженную дружину, чтобы силой заставить ихъ вернуться въ свои дома. Діонисъ въ свою очередь становится во главѣ вакханокъ; его помощница Лисса (олицетворенное изступленіе) помрачаетъ очи вакханокъ, такъ что онѣ не узнаютъ Пенѳея и разрываютъ его на части „точно зайца“. Я назвалъ эту черту драгоцѣнной, такъ какъ ею доказывается, что данное Еврипидомъ развитіе фабулы, совершенно отличное отъ только что очерченнаго, составляетъ его собственность. А въ этомъ психологически-тонкомъ развитіи—главный интересъ драмы.

Второй трагикъ, *Софоклъ*, спеціально діонисическихъ темъ въ своихъ традегіяхъ не касался; все же вакхическій оргіазмъ въ одной его трагедіи встрѣчался, а именно въ „Тереѣ“. Отсылая читателя къ сказанному въ III томѣ моего „Софокла“ (стр. 363), укажу здѣсь, что вакхическій оргіазмъ въ этой трагедіи долженъ былъ объяснить ужасное преступленіе, совершенное героиней,—дѣтоубійство. Правда, она пылала жаждой мести—ея варваръ-мужъ, ѳракіецъ Терей, изнасиловалъ и изувѣчилъ ея сестру, которую онъ и держитъ узницей въ горной пещерѣ; но то, чего было достаточно для варварки Медеи, недостаточно для аѳинской царевны Прокны. Хоръ состоитъ изъ ѳракійскихъ вакханокъ; повинуясь ихъ увѣщаніямъ, она ѣдетъ на колесницѣ въ горы, за сестрой... На колесницѣ,—Еврипидъ позднѣе не отказалъ себѣ въ удовольствіи подчеркнуть этотъ не совсѣмъ діонисическій элементъ въ трагедіи своего соперника, ст. 191.

Кадмъ. Но до горы не лучше-ль намъ доѣхать?
Тир. А богу тѣмъ почетъ не уменьшимъ?

Важнѣе вотъ что. Изъ „Терея“ намъ сохранились и хорическія пѣсни—вакханокъ, значитъ. И вотъ въ одной изъ нихъ развиваются интересныя мысли о равенствѣ всѣхъ людей:

Одно мы племя; всѣхъ на одинъ образецъ
Отецъ и мать родили насъ, и нѣтъ въ природѣ,
Кто-бъ благороднѣй былъ другого.
Раститъ же въ горѣ рокъ необорный однихъ,
Другихъ—въ богатствѣ; онъ въ ярмо неволи жалкой
Дланью всесильною насъ впрягаетъ.

Онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ демократическому характеру діонисическихъ празднествъ; мы встрѣтимъ ихъ и въ „Вакханкахъ“ Еврипида, ст. 416 сл.

Къ нимъ мы и перейдемъ теперь. [1])

V.

Прологъ произносится *Діонисомъ*, превратившимся въ смертнаго—въ собственнаго своего пророка лидійской наружности. Для чего онъ это сдѣлалъ? Онъ надѣется склонить къ миролюбивымъ мыслямъ своего двоюроднаго брата, молодого царя Пенѳея (ст. 49). Ибо мы должны помнить: посвященіе въ діонисическія таинства — это блаженство, это милость; отъ этого своего намѣренія Діонисъ *не можетъ* отказаться. Пусть же дѣло обойдется безъ жертвъ; это будетъ лучшее для обѣихъ сторонъ.

Пародъ по своей содержательности, а также по звучности размѣровъ (въ подлинникѣ) достоинъ лучшихъ временъ греческой трагедіи. Напоминается миѳъ о рожденіи Діониса, описываются атрибуты его культа; наконецъ, въ заключительной картинѣ намъ представлено буйное ночное веселье на горной полянѣ Киѳерона.

Съ перваго дѣйствія начинается драма. Передъ нами двое: *Кадмъ* и *Тиресій*, оба старцы, но все же мало похожіе одинъ на другого. Примѣняя къ нимъ вышеприведенную поговорку, можно бы сказать: Тиресій—это вакхантъ, но Кадмъ—только тирсоносецъ. Изображая эту фигуру, Еврипидъ уступилъ своей обычной наклонности и снабдилъ ее нѣкоторой примѣсью мѣщанства. Восторгъ, таинства, тріетериды,—все это такъ, но главное это то, что Діонисъ—сынъ его дочери Семелы, а потому надо его возвеличить; это онъ и намѣренъ сдѣлать, но вотъ является помѣха въ лицѣ его внука — *Пенѳея*. Это — истинный герой трагедіи; мы должны немного остановиться на его характерѣ. Ключъ къ его разгадкѣ дастъ только ст. 812; аѳинянамъ—зрителямъ Еврипида—его заранѣе давала игра актера, новѣйшему его читателю его долженъ дать толкователь.

Пенѳей, въ противоположность къ Тиресію, представитель той культуры, которая порвала связь съ природой. Онъ не чувствуетъ того разлада, отъ котораго другіе искали спасенія въ таинствахъ Діониса; онъ для него—полный абсурдъ... А впрочемъ, не совсѣмъ. Есть одна область, въ которой онъ не всегда можетъ сохранить свое равнодушіе: это—та, въ которой царствуетъ Афродита. Къ Афродитѣ не относятся равно-

---

[1]) См. „Вакханки“, трагедія Еврипида. Стихотворный переводъ Иннокентія Анненскаго. Спб., 1894.

душно: или любятъ, или ненавидятъ. Пенѳей ее ненавидитъ. Чувственность, не находя себѣ исхода, бушуетъ въ его сердцѣ; онъ сдерживаетъ ее своей желѣзной волей, но она, помимо его желанія, быть можетъ, даже безсознательно для него самого, вліяетъ на него, настраивая его воображеніе и давая ему направленіе къ той области, о которой онъ хотѣлъ бы забыть. Это — его больное мѣсто, содрогающееся при самомъ легкомъ прикосновеніи.

Вотъ гдѣ сказалось мастерство Еврипида.

Діонисъ для Пенѳея, какъ я сказалъ, — абсурдъ. Но въ его таинствахъ есть нѣчто, не дающее покоя сердцу юноши. Ночь, вино, толпа молодыхъ разгоряченныхъ дарами Діониса женщинъ, а за ними—заросли, ущелья, полное уединеніе. Его воображеніе разыгрывается; онъ видитъ, какъ онѣ, одна за другой, скрываются въ кустарникахъ для службы Афродитѣ... Поэтъ здѣсь искусно воспользовался тѣмъ пережиточнымъ элементомъ полового разгула, о которомъ рѣчь была выше; для *нашихъ* вакханокъ тутъ нѣтъ ни слова правды, какъ это докажетъ дальнѣйшій ходъ трагедіи. Нужды нѣтъ, Пенѳей твердо увѣренъ въ правильности этой картины. Отнынѣ неопредѣленныя чувства, волновавшія его душу подъ вліяніемъ подавленной чувственности, воплощаются въ таинствахъ Діониса; они уже для него не простой абсурдъ,—они помимо его воли *манятъ его къ себѣ*, манятъ той картиной порочной нѣги, подъ которой онъ ихъ себѣ представляетъ. Онъ чувствуетъ это — и вдвойнѣ ихъ ненавидитъ.

Въ этомъ причина его уязвимости.

Теперь, однако, онъ еще силенъ—не Тиресію и подавно не Кадму его сразить. Рѣчь перваго (ст. 266—327) представляетъ своеобразный интересъ, но скорѣе религіозно-историческій, чѣмъ поэтическій; мы переходимъ къ кроткому, старчески доброму слову Кадма, въ которомъ вышеупомянутое мѣщанское соображеніе еще сильнѣе проглядываетъ, законно мотивируя дальнѣйшую вспышку Пенѳея. Ея жертвой дѣлается Тиресій; какъ же отвѣчаетъ на нее вдохновенный старецъ?

Несчастный! Самъ не знаешь, что творишь.
Пойдемъ, мой Кадмъ; *умолимъ Діониса*
И за него, хоть и жестокимъ сталъ онъ,
И за нашъ городъ, чтобы богъ бѣды
Намъ не наслалъ.

Много разъ вчитываешься въ эти слова, чтобы убѣдиться, что дѣйствительно они стоятъ въ этой трагедіи, написанной въ 406 г. до Р. Х. Но Тиресій уходитъ, унося съ собой свое благородство. Будь Софоклъ авторомъ нашей трагедіи, мы знали бы, что онъ вернется въ послѣдней сценѣ и скажетъ свое слово примиренія, какъ Одиссей въ „Аянтѣ“. Но Еврипидъ его не вернетъ—примиренія не будетъ.

Слѣдуетъ *первый стасимъ*. Поручаемъ его для внимательнаго чтенія друзьямъ поэта: это—его исповѣдь. Но прослѣдимъ дальше діонисическую драму.

Коротенькое *второе дѣйствіе* сводитъ обоихъ противниковъ. У каждаго своя тайная цѣль: Пенѳею хочется вывѣдать то, къ чему его такъ мучительно тянетъ; Діонису хочется привлечь царственнаго юношу на свою сторону. Его душу онъ видитъ насквозь, онъ знаетъ, какъ его красота, влажный блескъ его очей дѣйствуютъ на его противника, но онъ пока еще не хочетъ пользоваться этимъ оружіемъ. Въ концѣ сцены оба противника сознаются въ своей неудачѣ. Пенѳей велитъ связать мнимаго волхва; Діонисъ отвѣчаетъ знаменитымъ впослѣдствіи стихомъ 498·

Разъ захочу—самъ Богъ освободитъ.

Второй стасимъ (ст. 518—575) проникнутъ желаніемъ и ожиданіемъ чуда; и дѣйствительно, чудо совершается. Истинно діонисическое чудо: призрачное землетрясеніе, призрачный пожаръ (ст. 576 — 602); когда все кончено, — все остается по-старому, только узникъ Діонисъ стоитъ свободный, передъ дворцомъ Пенѳея.

Третье дѣйствіе опять сводитъ обоихъ противниковъ для новаго поединка; но ихъ силы уже не тѣ. Умъ Пенѳея расшатанъ увидѣнными чудесами, онъ уже боится этого таинственнаго волхва, а тутъ на него производится новый натискъ. Является *киѳеронскій пастухъ* — очевидецъ тѣхъ сладкихъ и страшныхъ радѣній, которыя такъ волнуютъ душу Пенѳея. Пусть же онъ разскажетъ все.

И онъ разсказываетъ (ст. 677—774); поэту поневолѣ пришлось, въ угоду единству мѣста, вставить въ разсказъ то, что Эсхилъ представилъ взору зрителей въ своихъ „Бассаридахъ“. Но зато, что это за живой, наглядный разсказъ! Такъ и хочется разбить его на отдѣльныя картины: вакханки на разсвѣтѣ—мирныя занятія вакханокъ—неудачное нападеніе—нашествіе вакханокъ. Да и поэтъ ихъ такъ дѣлилъ: послѣ каждой картины пастухъ обращается къ царю, точно опуская занавѣсъ.— Не то хотѣлъ услышать Пенѳей; тѣмъ сильнѣе его злоба. Надо разъ навсегда покончить съ этимъ абсурдомъ; ему хочется на волю, въ чистое поле, въ ряды своей доброй дружины. Да, чистое поле, бранный бой—вотъ единственное спасеніе. Съ оружіемъ въ рукахъ онъ смоетъ нанесенное ему оскорбленіе, восторжествуетъ надъ абсурдомъ... усмиритъ мятежныя страсти въ собственномъ сердцѣ.

Не будь этого послѣдняго пункта, Діонисъ не имѣлъ бы теперь власти надъ Пенѳеемъ, не могъ бы его удержать. При эсхиловски цѣльномъ характерѣ Пенѳея и дѣйствіе развилось бы по-эсхиловски: конечно, Пенѳей погибъ бы въ неравномъ бою, но онъ погибъ бы, какъ Тальботъ въ „Орлеанской дѣвѣ“: Діонисъ бы его уничтожилъ, но не

побѣдилъ.—Теперь не то. Діонисъ знаетъ, какое побужденіе самое сильное въ душѣ Пенѳея: что уничтоженіе вакханокъ для него лишь суррогатъ, къ которому онъ прибѣгаетъ лишь потому, что не видитъ возможности прямого удовлетворенія своей роковой страсти. Стоитъ ему представить эту возможность—и мысль о войнѣ будетъ оставлена. Діонисъ это знаетъ: оттого-то онъ и вмѣшивается теперь въ разговоръ.

Здѣсь (ст. 787) начинается игра Діониса съ Пенѳеемъ. Видя его душу насквозь, онъ знаетъ, гдѣ въ немъ покоится живучая искра; знаетъ, какъ въ немъ зажечь такой пожаръ, отъ котораго погибнетъ и его умъ, и онъ самъ. Но онъ знаетъ также, что это средство страшное; даже теперь, когда онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ нему, онъ дѣлаетъ это нехотя и не вдругъ. Еще разъ—въ послѣдній разъ—предлагаетъ онъ ему миръ (ст. 802):

Мой другъ. Еще возможно дѣло сладить.

И лишь послѣ новаго, рѣшительнаго отказа онъ произноситъ тѣ слова которыя дѣлаютъ его господиномъ души Пенѳея (ст. 812):

Послушай:
Хотѣлъ бы ты ихъ видѣть—тамъ, въ дубравѣ?

Этимъ факелъ брошенъ, и пожаръ уже не уляжется до самой смерти героя. Теперь Діонисъ можетъ требовать отъ Пенѳея чего угодно—слово: „ты увидишь вакханокъ“ побѣждаетъ всякое сопротивленіе. Вначалѣ приходится еще щадить его самолюбіе, скрывать настоящую цѣль отправленія подъ маской развѣдокъ передъ битвой—этотъ мнимый предлогъ заставитъ Пенѳея оправдать передъ собственной совѣстью даже самое унизительное для него требованіе—требованіе, чтобы онъ переодѣлся женщиной. Но въ то же время бушующій пожаръ разрушаетъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, и разумъ, и самолюбіе, и совѣсть Пенѳея, превращая его, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, въ безвольное орудіе своего господина.

Третій стасимъ выражаетъ радость вакханокъ по поводу близкаго освобожденія и кончается прославленіемъ діонисической мудрости, велящей не заботиться о завтрашнемъ днѣ и съ благодарностью брать у жизни ея минутные дары.

Четвертое дѣйствіе въ третій и послѣдній разъ сводитъ передъ нашими глазами обоихъ противниковъ; чтобы понять его, надо выяснить себѣ, въ чемъ состоитъ помѣшательство Пенѳея. Оно не столько положительнаго, сколько отрицательнаго характера, сводясь къ временному параличу критическихъ способностей ума. А разъ критика молчитъ,—тѣ страсти, которыя она до тѣхъ поръ сдерживала въ душѣ Пенѳея, могутъ бушевать безпрепятственно. Это, во-первыхъ, неотразимое стремленіе къ тому сладкому невѣдомому, которымъ для него были вакханки

и ихъ таинства; эта картина порочной нѣги теперь постоянно передъ его глазами, такъ какъ умолкъ тотъ голосъ, который до сихъ поръ ему говорилъ: „перестань, это недостойно“,—голосъ стыда. А затѣмъ—та гордость молодого царя, которая представляла послѣднее препятствіе замысламъ Діониса—она была не столько усыплена имъ, сколько превращена изъ враждебной силы въ послушное орудіе. Онъ далъ ей неожиданное направленіе: „ты сначала долженъ отправиться соглядатаемъ; этимъ опаснымъ подвигомъ ты обезпечишь успѣхъ своего похода“. Такимъ образомъ гордость Пенѳея перешла цѣликомъ въ его помѣшательство, онъ сохранилъ сознаніе опасности и величія своего подвига; а такъ какъ критика молчитъ, то и представленіе объ этомъ величіи растетъ до неестественныхъ размѣровъ. Это, такимъ образомъ, настоящая манія величія, но не простая, а осложненная той первой страстью, тѣмъ стремленіемъ къ сладкому невѣдомому, о которомъ сказано выше.

Само дѣйствіе распадается на три акта, при чемъ каждый разъ произнесенное Діонисомъ въ той или иной формѣ „ты увидишь вакханокъ“ усиливаетъ пожаръ и производитъ новыя разрушенія въ душѣ Пенѳея.

Четвертый стасимъ сопровождаетъ Пенѳея на Киѳеронъ; это призывъ Лиссѣ, той богинѣ безумія, которую Эсхилъ въ своихъ „Чесальщицахъ“ представилъ воочію своимъ зрителямъ, какъ она натравляла Агаву противъ ея неузнаннаго сына.

Конецъ трагедіи Пенѳея даетъ появляющійся въ *пятомъ дѣйствіи* очевидецъ его смерти на Киѳеронѣ. Опять передъ нами проходитъ рядъ живыхъ картинъ, сначала идиллическаго, затѣмъ все болѣе и болѣе грознаго характера: долина вакханокъ—Пенѳей и Діонисъ—Діонисъ и вакханки—вакханки и Пенѳей—смерть Пенѳея—торжество Агавы. Чѣмъ далѣе, тѣмъ яснѣе вырисовывается передъ нами то новое лицо, которое должно смѣнить въ нашей симпатіи погибшаго молодого царя; это—*царица-мать Агава*. Вскорѣ она является сама.

Такъ какъ ея помѣшательство тоже вызвано Діонисомъ, то естественнѣе всего допустить, что оно было въ томъ же родѣ, какъ и помѣшательство Пенѳея. И здѣсь, значитъ, манія величія, но только простая, не осложненная той другой страстью, которая бушевала въ груди Пенѳея. Зато эта манія величія здѣсь еще сильнѣе: Пенѳей мечталъ о подвигѣ, который ему предстояло совершить—Агава уже совершила подвигъ, который, такъ какъ критика молчитъ, представляется ей не въ мѣру великимъ; она собственными руками „убила“—такъ думаютъ и она, и ея товарки—„льва-великана киѳеронской горы“.

Слѣдующія сцены представляютъ намъ обратное теченіе того потока, который нарасталъ въ трехъ предыдущихъ дѣйствіяхъ: тамъ—постепенное помѣшательство Пенѳея, здѣсь—постепенное отрезвленіе Агавы.

Ея торжество состоитъ изъ четырехъ послѣдовательныхъ обращеній—къ хору (ст. 1668 — 99), къ гражданамъ (1202 — 15), къ отцу Кадму (ст. 1233—43) и, наконецъ, къ далекому — какъ она полагаетъ — сыну (1251—58). Отсутствіе всякой симпатіи къ ея подвигу раздражаетъ, но не отрезвляетъ ее; отрезвленіе приводитъ слово любви, которое она слышитъ изъ устъ своего отца.

Стоитъ углубиться въ эту сцену, не смущаясь тѣмъ ужасомъ, который смотритъ на насъ съ острія тирса Агавы. Несчастная царица находитъ свое потерянное сознаніе—она находитъ его въ чистыхъ волнахъ голубого эѳира и въ теплой струѣ родительской любви.

Но съ этимъ сознаніемъ дальнѣйшая жизнь невозможна. Слѣдуетъ плачъ Кадма, слѣдовалъ плачъ Агавы, пропавшій съ тѣми листами основной рукописи, которые содержали также ближайшія частицы драмы—отвѣтъ хора на плачъ Агавы (быть можетъ, въ формѣ новаго стасима) и *появленіе Діониса* — на этотъ разъ уже какъ Бога, высоко стоящаго надъ юдолью людей. Онъ возвѣщалъ то, что рѣшено свыше: и Кадмъ, и Агава должны оставить страну; послѣдняя потому, что убійца не можетъ жить тамъ, гдѣ находится могила убитаго.

Жить? Да развѣ возможно жить вообще? Вначалѣ она машинально слѣдуетъ указанію бога, прощается съ роднымъ домомъ, съ родиной, съ отцомъ; затѣмъ она обращается къ своимъ спутницамъ-вакханкамъ: отведите меня къ сестрамъ, на Кѳеронъ. Тутъ ей вспоминается, что и она вѣдь еще вакханка: на ней небрида, въ ея рукѣ ѳбагренный кровью ея сына тирсъ. Все это далъ ей тотъ, что предъ ней, Діонисъ, чтобы сдѣлать ее дѣтоубійцей. И вотъ горечь нарастаетъ въ ея сердцѣ:

Да, найду я тотъ край, гдѣ проклятый меня
Кѳеронъ не увидитъ, гдѣ очи мои
Кѳерона не узрятъ кровавыхъ полянъ,
Гдѣ не вѣдаютъ тирсовъ, не знаютъ небридъ—
Пусть другимъ они служатъ вакханкамъ!

Это—послѣднія слова нашей трагедіи; каковы были ея послѣднія дѣйствія, объ этомъ мы можемъ только догадываться.

VI.

„Вакханки“ вмѣстѣ съ „Ифигеніей Авлидской“—посмертныя трагедіи Еврипида. Онъ написалъ ихъ, уже будучи гостемъ македонскаго царя Архелая,—и несомнѣнно, что именно непосредственное знакомство съ оргіями Діониса, которыя въ Македоніи еще нравились въ своей первоначальной чистотѣ, навело поэта на тему „Вакханокъ“. Намеки на гостепріимную Македонію встрѣчаются въ нашей трагедіи, особенно въ обоихъ первыхъ стасимахъ.

Муза была благосклонна къ нему: обѣ трагедіи принадлежатъ къ лучшимъ въ его наслѣдіи. Но „Вакханки“ занимаютъ въ немъ особое мѣсто; это выразилось, между прочимъ, въ томъ, что ихъ вліяніе ограничивается древней литературой. Причина какъ будто ясна. Герои другихъ трагедій Еврипида—люди; элементы сверхъестественнаго ограничиваются большею частью такъ назыв. deus ex machina, который безъ труда можетъ быть устраненъ. Но какъ устранить изъ „Вакханокъ“ тайно дѣйствующихъ Гею и Зевса и явно—Діониса? А между тѣмъ, кто изъ насъ вѣруетъ въ нихъ?

Отвѣчу: всѣ мы въ нихъ вѣруемъ, приблизительно такъ же, какъ въ нихъ вѣровалъ Еврипидъ,—только мы называемъ ихъ иначе. Гею мы называемъ природою, Зевса—культурой, а Діониса—миромъ между той и другой.

Гея—богиня вѣчная и, какъ таковая, совершенная; отсутствіе всякаго стремленія—первый законъ Геи. Она и мудра, и блаженна, и невинна; вся она живетъ настоящимъ, не думая ни о прошломъ, ни о будущемъ. Было ли время, когда и человѣчество жило по законамъ Геи—инстинктомъ, а не сознаніемъ? Конечно, да: иначе человѣческая порода погибла бы въ самомъ началѣ своего существованія. Это время—золотой вѣкъ, время природной мудрости, блаженства, невинности. Но живетъ ли человѣчество нынѣ по законамъ Геи? Нѣтъ, мы лишены совершенства, мы добываемъ опытомъ и ученіемъ то, что Гея даритъ своимъ дѣтямъ сама; зато мы чувствуемъ въ себѣ стремленіе, думаемъ о завтрашнемъ днѣ, поставили цѣль своей жизни. Не по законамъ Геи живемъ мы, а по законамъ Зевса. Кто такое Зевсъ? Это богъ — представитель отдѣлившагося отъ Геи человѣчества. Онъ повелъ человѣка по пути сознанія, онъ далъ силу слову: „страданіемъ учись“, какъ про него сказалъ тотъ, кто лучше всѣхъ его понялъ—поэтъ-жрецъ Эсхилъ.

Но, отдѣлившись отъ Геи — таковъ смыслъ миѳа о титаномахіи,— Зевсъ непричастенъ болѣе ея совершенству—знанію, невинности, блаженству, вѣчности; его царство, имѣя начало, должно имѣть и конецъ. Придетъ время, и Гея снова поглотитъ то, что отдѣлилось отъ нея,— таковъ смыслъ миѳа о гигантомахіи; прекратится все стремленіе, законъ Геи вновь будетъ властвовать надъ человѣчествомъ. Наступитъ новый періодъ блаженнаго и безцѣльнаго бытія. Эта висящая надъ Богами гибель придаетъ всей религіи Зевса ту трагическую грусть, которую такъ хорошо понялъ, идя слѣдомъ Шопенгауэра, и такъ хорошо изобразилъ въ своей великолѣпной трилогіи Р. Вагнеръ.

Но эллинъ не могъ, подобно германцу, примириться съ мыслью о разрушеніи того, что онъ добылъ своими страданіями, слѣдуя путямъ Зевса; онъ жаждалъ спасенія боговъ отъ грозившей имъ гибели. Отсюда

затаенный элементъ мессіанизма въ религіи Зевса. Мессій явилось двое—Аполлонъ и Діонисъ; здѣсь идетъ рѣчь о послѣднемъ.

Діонисъ обезпечиваетъ царству Зевса вѣчность подъ условіемъ заключенія мира съ Геей; а условіемъ мира поставлено періодическое возвращеніе человѣчества подъ ея законы. Царство Зевса не должно уподобиться духу, заглушающему въ себѣ тѣ невинные позывы, которые влекутъ его къ Геѣ, и этимъ сопротивленіемъ превращающему ихъ въ разрушительныя страсти; оно должно уподобиться духу, уступающему періодически этимъ позывамъ, пока они еще невинны, и этимъ очищающемуся отъ страстей, обезпечивающему себѣ свободу для другихъ своихъ цѣлей.

Такъ разсуждали древніе эллины, или, вѣрнѣе, такъ чувствовали они. Изъ разсужденій создается философія, изъ чувствъ — религія; мы говоримъ о тѣхъ эллинахъ, которые создали религію Діониса.

Но въ этой религіи спасеніе получалось лишь цѣною жертвы; періодическое подчиненіе законамъ Геи было періодическимъ отреченіемъ духа отъ своей самобытности. А гдѣ жертва, тамъ и конфликтъ; гдѣ конфликтъ, тамъ и трагедія. Героемъ трагедіи Діониса, согласно вышесказанному, могъ быть только духъ, возмущающійся противъ всякихъ позывовъ, которыми Гея хочетъ подчинить его своимъ законамъ; духъ, остающійся вѣрнымъ завѣту старинной религіи Зевса, завѣту безустаннаго стремленія—духъ-орелъ, духъ-левъ; духъ, раздѣляющій трагическую грусть, которой проникнута религія Зевса—духъ грустный, духъ мрачный: Pentheus. Такимъ образомъ на почвѣ религіи Діониса должна была зародиться трагедія Пенѳея. Мы видимъ, какъ онъ, стремясь отдѣлиться отъ Геи, разорвать всякую связь между собой и Геей, заглушаетъ въ себѣ всѣ невинные позывы, влекущіе его къ ней, и этимъ превращаетъ ихъ въ разрушительныя страсти, отъ которыхъ онъ гибнетъ.

Но гдѣ же тотъ вопросъ, который такъ живо интересуетъ всѣхъ толкователей нашихъ „Вакханокъ“—вопросъ о томъ, отрекся ли Еврипидъ въ этой трагедіи отъ своихъ вольнодумныхъ убѣжденій, сталъ ли онъ въ нихъ хвалителемъ народной вѣры или нѣтъ? Неправда ли, какимъ мелкимъ кажется этотъ вопросъ, если на него смотрѣть съ той высоты, съ которой открывается истинный смыслъ религіи Діониса и трагедіи Пенѳея. Вѣдь на почву народной вѣры Еврипидъ становится лишь въ заключительной сценѣ трагедіи Агавы, и здѣсь его точка зрѣнія не подлежитъ никакому сомнѣнію: всѣ наши симпатіи на сторонѣ несчастной царицы-матери, всѣ мы чувствуемъ несоразмѣрность постигшаго ее наказанія и сочувствуемъ ея послѣднимъ мятежнымъ словамъ. Что же касается трагедіи Пенѳея, то здѣсь мы на совсѣмъ другой почвѣ.

Духъ, преслѣдующій постоянно высокую цѣль въ своей жизни и жертвующій ради нея всѣми минутными ея усладами,—таковъ Пенѳей. Но таковъ также и Еврипидъ—послѣ перваго и третьяго стасимовъ въ этомъ сомнѣваться нельзя.

Но странное дѣло! Чего не поняли новѣйшіе толкователи Еврипида—что онъ въ Пенѳеѣ изобразилъ самого себя—то понялъ послѣ постановки „Вакханокъ" въ Аѳинахъ умнѣйшій врагъ Еврипида, комическій поэтъ Аристофанъ. Намъ сохранены анекдотическія сказанія о смерти всѣхъ крупныхъ драматурговъ V вѣка, кромѣ самого Аристофана. Уже это исключеніе наводитъ насъ на мысль, что онъ и былъ ихъ авторомъ — имѣются, однако, и другія доказательства. Всѣ эти анекдотическіе разсказы примыкаютъ къ поэтическому творчеству драматурга, къ которому они относятся, причемъ большею частью поэтъ уподобляется герою одной своей драмы. Такъ вотъ сказаніе объ Еврипидѣ гласитъ, что онъ въ Македоніи былъ растерзанъ собаками, точь-въ-точь какъ Пенѳей былъ растерзанъ тѣми быстрыми борзыми (ст. 731), которыми въ ту минуту почувствовали себя вакханки Агавы. Значитъ Аристофанъ отожествилъ Еврипида съ Пенѳеемъ—каковая проницательность, конечно, дѣлаетъ ему честь.

Но съ этимъ отожествленіемъ Пенѳея и Еврипида въ трагедію вводится новый элементъ, который мы не можемъ оставить безъ вниманія, хотя бы для того, чтобы убѣдиться, что имъ не нарушается единство трагедіи Пенѳея, основанной на взаимодѣйствіи трехъ началъ—Геи, Зевса и Діониса.

Что такое Гея? Въ космографическомъ смыслѣ—земля, въ физическомъ—природа. Но это еще не все; чѣмъ для человѣчества въ его совокупности—природа, тѣмъ для отдѣльныхъ, выдающихся его личностей является *народъ:* въ этико-политическомъ смыслѣ Гея это — народъ. Какъ жилище Зевса, гора Олимпъ, отдѣлена отъ земли и все же подвержена ея тягѣ, въ силу которой она со временемъ должна быть ею поглощена; какъ человѣчество отдѣлилось отъ природы и все же тяготѣетъ къ ней, такъ и личность отдѣлилась отъ народа, а народъ стремится поглотить личность. Еврипидъ былъ личностью и сознавалъ это; вся его жизнь была стремленіемъ вверхъ отъ народной массы и борьбою съ тѣми силами, которыя тянули его къ ней. Эта борьба обострилась, когда и народъ позналъ себя, что случилось въ эпоху пелопоннесской войны, и устами своей души, Клеона, провозгласилъ политическую неблагонадежность великихъ умовъ вообще — въ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ рѣчей въ исторіи человѣчества. (Ѳук. III, 37 сл.); не даромъ былъ онъ подъ конецъ вынужденъ оставить Аѳины. Съ этихъ поръ борьба Зевса съ Геей въ этико-политической области не прекращалась. И вотъ, когда она кончится, когда личность будетъ поглощена

народомъ, когда человѣчество растворится въ природѣ, когда горы заполнятъ долы и соединятся съ землей,—тогда торжество Геи будетъ полнымъ. Тогда царству Зевса, основанному на стремленіи и страданіи, наступитъ конецъ, и его мѣсто займетъ опять блаженное и безцѣльное, безсознательное бытіе.

И первая часть этой программы на очереди, кажется, уже теперь. Все слышнѣе и слышнѣе раздаются кругомъ насъ и подъ нами удары заступа; кто способенъ понимать общіе законы природы и исторіи въ смыслѣ того высшаго единства физическихъ и нравственно-политическихъ силъ, тотъ знаетъ, что это—работа Геи, подкапывающейся подъ царство Зевса. Удастся ли спасти это царство отъ угрожающей ему гибели—неизвѣстно; но если удастся, то не путемъ побѣды—Гея великая и святая богиня—а путемъ мира. Какъ ни достойна сочувствія участь Пенѳея, неуклонно боровшагося во имя Зевсовой идеи,—не онъ былъ спасителемъ Зевсова царства, а Діонисъ, примиритель обоихъ высшихъ началъ въ развитіи божьяго мира и человѣческаго духа.

Ѳ. Зѣлинскій.

Война и Франція. [1])

I.

Славянофилы, утверждавшіе, что у Россіи „особенная стать“, что ее „аршиномъ общимъ не измѣришь“, всегда примѣняли этотъ упрощенный аршинъ, когда имъ приходилось касаться Франціи или Запада. Такъ создалось и популяризовалось въ Россіи представленіе о Франціи, какъ о странѣ „духовнаго нигилизма“ и иррелигіозности par excellence. И эта традиціонная характеристика повторяется у цѣлаго ряда писателей самыхъ различныхъ направленій.

Но всѣ эти поверхностныя характеристики должны быть теперь пересмотрѣны, равно какъ старыя формулы о славянской пассивности или „женственности“ и цѣлый рядъ другихъ клише, которыми пользуется культурная масса, не имѣющая ни желанія, ни возможности задумываться надъ такими вопросами.

Всѣ такія оцѣнки упускаютъ изъ виду, что французская душа не менѣе загадочна, чѣмъ русская.

Съ одной стороны, Франція, дѣйствительно, самая раціоналистическая страна въ мірѣ, унаслѣдовавшая свой раціонализмъ еще отъ римлянъ и развившая его до крайнихъ выводовъ. Вся французская культура носитъ отпечатокъ этого раціонализма: начиная съ Декарта и его „cogito ergo sum“, черезъ французскихъ моралистовъ XVII, черезъ просвѣтителей XVIII вѣковъ и фанатическій культъ богини Разума, до скептической ироніи Ренана и Анатоля Франса. Подобно тому, какъ бѣлый цвѣтъ является синтезомъ всѣхъ цвѣтовъ спектра, такъ и французскій раціонализмъ никогда не оставался тождественнымъ себѣ, а принималъ все новыя и новыя формы, проявляясь то въ философіи, то въ искусствѣ, то въ политикѣ, являясь то орудіемъ синтеза (въ эпоху классицизма), то орудіемъ диссолюціи отжившихъ культурныхъ формъ (эпоха Революціи), вызывая иногда болѣзненную гипертрофію интеллектуализма, психологизма и другихъ формъ рефлексіи, подавляющихъ волю. Этимъ свойствомъ французскаго генія объясняется, почему Фран-

[1]) Авторъ этой статьи Г. Э. Тастевенъ скончался, не успѣвъ прочитать ея корректуры. Мы просимъ друзей покойнаго доставить намъ о немъ біографическія свѣдѣнія. *Ред.*

ція всегда являлась въ Европѣ страной перваго шага, неутомимой лабораторіей новыхъ эстетическихъ, политическихъ и моральныхъ системъ, законодательницей модъ и своего рода „arbiter elegantiarum“ Европы. Франція обладала даромъ придавать общечеловѣческое, универсальное значеніе даже принципамъ, выработаннымъ другими культурами (напримѣръ, идеи революціи были высказаны въ Англіи, но именно Франція придала имъ универсальный характеръ).

Эту Францію древней и какъ бы расовой культуры интеллекта, Францію культурной утонченности (morbidezza) и нѣкоторой расшатанности воли любилъ Ницше. И эта Франція мила сердцу тѣхъ маленькихъ эстетовъ, космополитическихъ туристовъ и всевозможныхъ культурныхъ паразитовъ, которые со всего міра стекаются въ Парижъ, привлекаемые туда „запахомъ декаданса“.

Но высказанный тезисъ о Франціи имѣетъ и свой антитезисъ, который не менѣе реаленъ и который можно формулировать такъ: Франція—страна наиболѣе католическая, старшая дочь Церкви, страна крестовыхъ походовъ, Людовика Святого и Жанны д'Аркъ, страна Паскаля, Боссюэ, Ламеннэ, Верлена и Клоделя, страна, всегда стремившаяся сердцемъ къ вѣчному и безусловному, даже когда она отрекалась отъ Бога.

Въ этомъ тезисѣ и антитезисѣ, которые оба одинаково реальны, кроется главная антиномія французской души. Вотъ почему Франціи былъ всегда чуждъ религіозный раціонализмъ и всѣ поверхностные компромиссы между вѣрой и разумомъ, между наукой и религіей, которые столь дороги протестантскому раціонализму. И этимъ объясняется трагедія Паскаля, этого наиболѣе законченнаго выразителя французскаго типа. Величайшій скептикъ, не устрашившійся самаго крайняго отрицанія, Паскаль обладалъ страстной жаждой вѣры, доходящей до экстаза. И путь, которымъ онъ преодолѣваетъ раціонализмъ, его знаменитое „пари“, который часто совершенно невѣрно истолковываютъ, гораздо болѣе глубокъ, чѣмъ приматъ практическаго разума Канта. Какъ извѣстно, сущность пари заключается въ томъ, что разумъ актомъ воли устраняется отъ рѣшенія вопроса о бытіи или небытіи Бога; ему предоставляется лишь опредѣлить практическія послѣдствія того или другого рѣшенія для личности. Но, конечно, этотъ кажущійся утилитаризмъ есть только поводъ для того, чтобы могло проявиться то, что Паскаль называетъ „raisons du coeur“ и что является внутреннимъ мистическимъ актомъ личности, тогда какъ приматъ практическаго разума опять исходитъ изъ общеобязательной логической нормы и возстановляетъ раціональную миѳологію. И это признаніе участія акта воли въ рѣшеніи антиномій разума есть лучшее противоядіе противъ раціонализма и скептическаго дилеттантизма. Пари Паскаля, которое есть

вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно оригинальное рѣшеніе антиноміи свободы и необходимости, является типично французскимъ подходомъ къ вѣрѣ. Мы съ нимъ встрѣтимся у цѣлаго ряда французскихъ мыслителей (начиная съ Руссо въ „Profession de foi d'un vicaire savoyard“, у Ренувье, отчасти у Фулье и другихъ).

Эта антиномичность французскаго сознанія имѣетъ свои корни въ исторіи: Франціи было какъ бы предназначено осуществить синтезъ римскаго раціонализма и кельтійской мистичности.

Вотъ почему и Паскаль, и Вольтеръ, при всей ихъ противоположности, являются въ глубочайшемъ смыслѣ французами. И поэтому Франція могла быть одинаково выразительницей такихъ противоположныхъ теченій, какъ классицизмъ (съ его культомъ разума и девизомъ: „Aimez la raison“) и романтизмъ (съ его антираціоналистической и религіозно-мистической тенденціей.)

Признаки переживаемаго сейчасъ Франціей религіознаго возрожденія явились неожиданностью для тѣхъ, кто хотѣлъ бы ограничить миссію Франціи охраной принциповъ Революціи или проповѣдью космополитическихъ и соціалистическихъ идеаловъ.

Но для тѣхъ, кто имѣетъ въ виду антиномичность французскаго сознанія и кто не вѣритъ, что культурная миссія Франціи исчерпана,— для тѣхъ религіозное возрожденіе Франціи не явится неожиданностью.

Сейчасъ Франція подъ тевтонскимъ натискомъ объединилась во всенародномъ порывѣ, напоминающемъ лучшіе моменты революціи. Но чтобы это объединеніе не явилось лишь внѣшнимъ и временнымъ, Франція должна осознать свою новую миссію въ Европѣ. Она должна открыто исповѣдать тѣ цѣнности, которыя она можетъ противопоставить пангерманизму и которыя обезпечатъ ей побѣду. Современный кризисъ французской культуры не соціальный или политическій, а въ глубочайшемъ смыслѣ кризисъ французскаго сознанія. Можетъ быть, никогда еще Франція не находилась передъ такой рѣшающей гранью, какъ теперь. Сумѣетъ ли Франція выразить новый универсальный синтезъ, уже предчувствуемый современнымъ сознаніемъ, или же она окончательно успокоится на томъ состояніи иррелигіозности, когда человѣкъ не будетъ окончательно приспособленъ къ общественному строю и не будетъ томиться никакими „религіозными неврозами“? Вотъ грозная дилемма, которую теперь предстоитъ рѣшить Франціи.

II.

Чрезвычайно важнымъ культурнымъ симптомомъ момента является во Франціи возрожденіе національной идеи послѣ сумерекъ патріотизма

90-хъ годовъ и появленіе новаго національнаго теченія, демократическаго и универсальнаго. [1])

Это движеніе, извѣстное подъ именемъ „молодой Франціи", возникло послѣ дѣла Дрейфуса, обнаружившаго коалицію эгоистическихъ и узко-классовыхъ интересовъ, прикрывавшуюся національной идеей. Вырвать это великое знамя изъ рукъ реакціонной клики—вотъ цѣль, которую поставила себѣ группа молодежи дрейфусаровъ во главѣ съ недавно геройски погибшимъ въ битвѣ при Марнѣ *Шарлемъ Пеги* [2]).

Для Шарля Пеги дѣло Дрейфуса имѣло не только политическій или культурный смыслъ—оно было дѣломъ религіознымъ. „Мы сознавали,—говоритъ Пеги,—что одна неправда, одно преступленіе, одно беззаконіе, особенно когда оно подтверждено офиціально, когда оно санкціонировано всенародно... достаточно для расторженія соціальнаго договора, достаточно для того, чтобы покрыть позоромъ цѣлый народъ".

Сущность вопроса, который рѣшался въ это время, заключается въ слѣдующемъ: стоило ли изъ-за одного человѣка, вдобавокъ почти полутрупа, подвергать опасности цѣлый народъ, ставить на карту національные интересы? Не совѣтовали ли голосъ благоразумія и государственные интересы итти на компромиссъ? И на это именно указывали антидрейфусары. Но другая великая любовь къ Франціи, напротивъ, побуждала пренебречь всякими компромиссами. „Мы были людьми вѣчнаго спасенья, а наши противники были людьми спасенья временнаго. Мы не хотѣли, чтобы Франція оказалась въ состояніи смертнаго грѣха. Вотъ истинный смыслъ дѣла Дрейфуса", — такъ говоритъ Шарль Пеги (Cahiers de la quinzaine, 17 juillet, 1910). Народъ, который вынесъ такой кризисъ во имя истины, можетъ быть только глубоко религіознымъ.

Моральный исходъ „дѣла" является лучшимъ доказательствомъ, что буржуазнѣйшая и иррелигіознѣйшая Франція, не разъ закрывавшая свои храмы и даже подвергавшая, по выраженію Достоевскаго, баллотировкѣ самого Бога, въ сущности, оставалась въ душѣ безсознательно христіанской.

„Молодая Франція" проникнута тѣмъ идеализмомъ, который объединялъ Францію въ лучшіе, „героическіе" моменты Революціи; она глубоко тяготится сознаніемъ, что вино 1789 года вывѣтрилось и что демократизмъ становится все болѣе бездушной механикой. Они

---

[1]) Характеристику формъ, которыя приняло возрожденіе національнаго сознанія во Франціи, можно найти въ книжкѣ *E. Rey:* „La renaissance de l'orgueil français", 1912 и въ различныхъ анкетахъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны книжка *Агатона:* „Les jeunes gens d'aujourd'hui" и *E. Henriot:* „A quoi rêvent les jeunes gens" (о литературныхъ теченіяхъ.)

[2]) О Шарлѣ Пеги мы дадимъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ *Русской Мысли* спеціальную статью. *Ред.*

сознаютъ, что современная республика, демократическая по формѣ и буржуазно-бюрократическая по существу; республика,—санкціонирующая смертную казнь и механическую борьбу классовъ,—вовсе не является тѣмъ строемъ, за который боролось и умирало столько истинныхъ апостоловъ революціонной идеи. Отъ соціалъ-демократіи ихъ отдѣляетъ стремленіе послѣднихъ свести соціальный вопросъ къ механической борьбѣ классовыхъ интересовъ, къ идеалу средней сытости—тенденція, которая все болѣе и болѣе беретъ верхъ въ революціонномъ синдикализмѣ. Въ противоположность этому „научному", „позитивному" соціализму, они стремятся опереться на всенародное національное сознаніе, а не быть только выразителями классоваго сознанія. Съ другой стороны, отъ соціалъ-демократовъ ихъ отдѣляетъ отношеніе къ національному вопросу. Ихъ глубоко отталкиваетъ упрощенный космополитизмъ, отрицающій національность; они мечтаютъ о синтезѣ національной идеи и демократизма, о священной собственности. Но этотъ юный идеализмъ скоро сталкивается съ господствующимъ духомъ оппортунизма и отсутствія большихъ общественныхъ и политическихъ идеаловъ.

Особенно ясно почувствовалъ Пеги этотъ „grand néant", скрывающійся за демократическимъ фасадомъ, на гражданскихъ похоронахъ Бертло въ Пантеонѣ.

„Въ этомъ гражданскомъ апоѳеозѣ не было ни одного жеста, который не былъ бы оскорбителенъ.

„Нѣкоторые стояли, другіе сидѣли въ ожиданіи. У всѣхъ были шляпы на головѣ, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, кому было жарко. Разговаривали громко, кричали, смѣялись, окликали знакомыхъ, стучали такъ, что переставали слышать другъ друга. И когда почтенный г. Фальеръ показался вблизи и готовъ былъ войти, одинъ изъ курьеровъ, среди общей суматохи женщинъ республиканской охраны, среди шутокъ, раздававшихся въ этомъ площадномъ гамѣ, перенесенномъ внутрь храма,—плохо воспитанный курьеръ, курьеръ безъ стиля, крикнулъ капельмейстеру: «Allons! hop! là-bas! la musique. V'la le président. Vot' Marseillaise. Vous autes»".

Общее измельчаніе интересовъ, отсутствіе большого объединяющаго дѣла, торжество эгоистическихъ классовыхъ интересовъ и всеобщій оппортунизмъ угнетаютъ молодежь, но она не поддается этой мертвящей атмосферѣ.

„Мы поклялись никогда не отчаиваться въ отечествѣ", — говоритъ Gaston Riou, другой представитель этой молодежи.

Однако, временами взятое на себя представителями „молодой Франціи" дѣло кажется имъ слишкомъ грандіознымъ, и унынie готово овладѣть ими:

„Мы—обреченное поколѣніе,—пишетъ Пеги,—мы не только побѣ-

ждены. Это еще ничего. Есть славныя, громкія пораженія, которыя славнѣе побѣды. Но наше пораженіе самое худшее изъ всѣхъ, это абсолютное пораженіе: насъ даже не будутъ презирать—насъ забудутъ".

Однако, чисто религіозная вѣра въ миссію, лежащую на ихъ поколѣніи, поддерживаетъ Пеги и его друзей. Эта вѣра, вмѣстѣ съ чувствомъ глубокой отвѣтственности, присуща всѣмъ представителямъ этой молодой Франціи.

„Мы проникнуты чувствомъ огромной отвѣтственности, тягостной увѣренностью, что на насъ лежитъ тяжелая миссія. Наше поколѣніе, поколѣніе, достигшее возмужалости съ началомъ вѣка, имѣетъ огромное значеніе. На него возложены всѣ наши надежды—мы это знаемъ. Отъ него зависитъ благо Франціи, а слѣдовательно, благо міра и цивилизаціи". Эти слова другого представителя „jeune France", недавно геройски павшаго въ бою лейтенанта Псикари, внука Ренана, [1]) свидѣтельствуютъ о томъ, съ какой серьезностью ставится въ сознаніи молодого поколѣнія проблема культуры.

Безвременно погибшій Псикари является яркимъ типомъ новой молодежи. Еще недавно, незадолго до войны, онъ выпустилъ книгу „L'appel à l'armée", гдѣ выразилъ свою пламенную вѣру во французское возрожденіе. И этой вѣрѣ онъ оставался вѣренъ въ теченіе всей своей короткой, но бурной жизни. Псикари былъ блестящимъ питомцемъ университета, готовившимся защитить диссертацію о банкротствѣ идеализма, и ему, несомнѣнно, была обезпечена блестящая ученая карьера. Но господствующая въ храмѣ буржуазной науки атмосфера официальнаго позитивизма и педантизма его угнетала. И вотъ, подобно Пеги, онъ порываетъ съ университетомъ и поступаетъ въ экспедиціонный корпусъ въ Марокко въ единственной надеждѣ служить Франціи. Все это свидѣтельствуетъ о глубокой нравственной тревогѣ, о существованіи запросовъ, которые не находятъ удовлетворенія въ атмосферѣ буржуазной республики съ ея классовымъ эгоизмомъ, торжествомъ малыхъ дѣлъ и сытаго оппортунизма.

III.

Въ чемъ же заключаются причины упадка и измельчанія демократической идеи, которое проявилось особенно ярко въ послѣднее время въ торжествѣ духа оппортунизма и всевозможныхъ парламентскихъ скандалахъ? Какія причины троекратнаго пораженія демократической идеи въ XIX вѣкѣ (послѣ 89 года—реакція 93 г. и цезаризмъ Наполеона, затѣмъ 48 годъ и вторая имперія, наконецъ 1870 годъ и со-

[1]) Переводъ романа Псикари будетъ напечатанъ въ нашемъ журналѣ. *Ред.*

временныя „стоячія воды“ третьей Республики)?—вотъ вопросъ, который Шарль Пеги и его друзья стремятся разрѣшить съ полной искренностью. И выводъ, къ которому они приходятъ, крайне знаменателенъ. Вотъ что пишетъ Шарль Пеги въ одномъ изъ своихъ „Cahiers“, получившемъ особенное распространеніе вскорѣ послѣ проведенія закона объ отдѣленіи церкви отъ государства:

„Процессъ дереспубликанизаціи Франціи въ глубочайшей своей сущности тождественъ съ процессомъ дехристіанизаціи. Это — одинъ и тотъ же процессъ разложенія мистики (déemystication). Одинъ и тотъ же путь приводитъ къ отрицанію Республики и къ отрицанію Бога, однѣ и тѣ же причины заставляютъ отказываться отъ республиканскихъ формъ и удаляться отъ христіанства. Одно и то же безплодіе поражаетъ общину религіозную и общину политическую, градъ людей и градъ Божій. Это—современное безплодіе. И пусть никто не радуется при видѣ несчастья, постигшаго врага, противника или сосѣда. Ибо то же несчастье, то же безплодіе поражаетъ его самого“.

Въ этихъ словахъ знаменательно, прежде всего, установленіе связи между демократическимъ идеализмомъ и христіанскимъ инстинктомъ французскаго народа и, затѣмъ, отрицаніе возможности осуществить истинно демократическія формы общенія (очень далекія отъ современной буржуазно-парламентарной республики) при помощи одной перемѣны политическихъ конституцій. Крайне важна также переоцѣнка роли политическаго фактора и вѣры въ государство, которая дѣлала французскій народъ самымъ политическимъ между европейскими народами (въ этомъ отношеніи Франція въ полномъ смыслѣ слова—антитеза Россіи). И эта переоцѣнка вѣры въ государство вызвана сознаніемъ другой антиноміи французскаго сознанія. Въ самомъ дѣлѣ, Франція не безъ основанія можетъ быть названа самой свободолюбивой страной въ мірѣ, страной, гдѣ идея индивидуальной и общественной свободы стала какъ бы національной традиціей уже съ XIII вѣка. А съ другой стороны, Франція является страной государственнаго абсолютизма, par excellence, страной, гдѣ принципъ государственности достигъ особенной гипертрофіи и гдѣ интересы личности постоянно приносились въ жертву государственности. Этотъ государственный абсолютизмъ вовсе не былъ похороненъ со старымъ режимомъ: демократія лозунгъ „l'état c'est moi“ превратила въ „l'état c'est nous“. И эта вѣра въ политическій факторъ, эта робеспьеровщина, этотъ духъ „каторжнаго братства“ [1]) одинаково свойствененъ и утопическимъ соціалистамъ, и реакціонерамъ, и даже такимъ радикаламъ, какъ Комбъ, который по духу имѣетъ много родственнаго съ Людовикомъ XIV.

---

[1]) Выраженіе Герцена объ икаризмѣ.

Вотъ почему идея „coup d'état", государственнаго переворота во имя общаго блага, пользовалась одинаковой популярностью и у лѣвыхъ, и у правыхъ.

И не лучше обезпеченъ принципъ индивидуальной свободы въ современной республикѣ съ ея административно-полицейской централизаціей. Для тѣхъ, кто видѣлъ, какъ полиція третьей республики разгоняетъ рабочіе митинги или демонстраціи, неугодныя правительству, для тѣхъ очевидно, что духъ администраціи остался почти тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ при второй имперіи. „Подъ невиннымъ названіемъ „passage à tabac" полицейскій префектъ обладаетъ въ сущности настоящимъ правомъ жизни и смерти надъ мирными прохожими", — замѣчаетъ Лоранъ Тайадъ. А смертная казнь, которою буржуазная демократія думаетъ огородить современный соціальный строй, не является ли она самымъ возмутительнымъ пережиткомъ, посягательствомъ государства на права личности?

Все болѣе крѣпнетъ сознаніе, что антиномія между индивидуальной и общественной свободой можетъ быть разрѣшена только на почвѣ религіозной. Все болѣе растетъ увѣренность, что идеалъ послѣдней свободы не можетъ быть осуществленъ путемъ механическихъ измѣненій конституціи, а только осознаніемъ лежащей въ его основѣ религіозной идеи. Такимъ образомъ, культурная проблема обращается въ проблему религіозную.

Если, такимъ образомъ, болѣе глубоко поставленная общественная проблема привела къ религіи, то, съ другой стороны, въ католичествѣ, начиная съ конца XIX вѣка, происходитъ огромная эволюція, приближающая его къ общественности. Это движеніе обновленія католицизма, извѣстное подъ именемъ модернизма или соціальнаго католицизма, началось при Львѣ XIII, который понялъ необходимость соціальную политику католицизма направить въ сторону демократіи и санкціонировалъ его въ своихъ знаменитыхъ энцикликахъ „Immortale Dei" (о государствѣ), „Libertas" (о человѣческой свободѣ), „Sapientiae" (о соціальныхъ, гражданскихъ обязанностяхъ христіанъ), „Rerum novarum" (о рабочемъ вопросѣ). Въ своемъ романѣ „Rome" Зола изобразилъ въ лицѣ аббата Пьера Фромана типъ такого идеалиста, мечтающаго о возрожденіи Церкви черезъ трудящіяся массы и защищающаго идеалъ европейской демократической федераціи подъ главенствомъ папы.

Книга Фромана „La Rome nouvelle", въ которой онъ выразилъ свою страстную вѣру въ новую миссію католицизма въ общественномъ устроеніи, попадаетъ въ „Index", и онъ ѣдетъ въ Римъ въ надеждѣ лично убѣдить папу въ своей правотѣ. Но драматическая и потрясающая сцена свиданія Пьера Фромана съ Львомъ XIII заканчивается кру-

шеніемъ всѣхъ его иллюзій о возможности сдѣлать папство духовнымъ руководителемъ міровой демократіи.

И тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ запреты, обновленіе католицизма совершается съ той же исторической необходимостью, въ силу которой старый режимъ уступилъ мѣсто новому. Во Франціи это нео-католическое движеніе проявилось въ цѣломъ рядѣ католическихъ демократическихъ организацій, изъ которыхъ особенное значеніе имѣетъ „Le Sillon",—ассоціація, задающаяся цѣлью реализовать идеи христіанской демократіи. Эта организація, насчитывающая до пятисотъ отдѣленій, была закрыта папской буллой въ 1910 году по обвиненію въ „модернизмѣ".

Въ мои задачи не входитъ исчерпывающій историческій обзоръ этого движенія; я отмѣчу лишь одну его существенную черту: въ противоположность католическому движенію начала XIX вѣка, преслѣдовавшему политическія и реакціонныя цѣли, новое католическое движеніе, при всѣхъ своихъ демократическихъ идеяхъ, не стремятся стать политической партіей. Вообще, мысль о созданіи во Франціи католической партіи, наподобіе германскаго центра (мысль, высказанная Піемъ X), совершенно неосуществима. Какъ вѣрно замѣчаетъ Сабатье, „если бы такой центръ, паче чаянія, и образовался и сталъ вершителемъ политическихъ судебъ, то это смѣшеніе политики и религіи вызвало бы такое возмущеніе, что старая католическая закваска, которая еще сохраняется во французской душѣ, внезапно бы дала себя знать и почерпнула бы въ своемъ негодованіи такія творческія силы, которыхъ мы не подозрѣваемъ". [1])

Вообще, въ современномъ католическомъ движеніи во Франціи можно различать слѣдующія группировки:

1) Католическое движеніе среди французской интеллигенціи и, главнымъ образомъ, среди литераторовъ и художниковъ,—движеніе, которое выразилось въ недавнемъ возвращеніи въ лоно католицизма такихъ писателей-символистовъ, какъ Клодель, Рэттэ, Шарль Морисъ; художниковъ, какъ Морисъ Дени и Девальеръ; композиторовъ, какъ Цезарь Франкъ и д'Энди. Сейчасъ во Франціи можно говорить о существованіи католической лирики, которая представлена такими именами, какъ Клодель, Франсисъ Жаммъ, Шарль Пеги, и цѣлой плеядой молодыхъ поэтовъ, изъ которыхъ многіе являются представителями областного возрожденія (mouvement régionaliste). Это движеніе имѣетъ въ своемъ распоряженіи цѣлый рядъ молодыхъ журналовъ, изъ которыхъ наиболѣ значительные: *Revue de France* и *Les marches de l'ouest*.

2) Другую группу составляетъ такъ называемый модернизмъ и „со-

---

[1]) *Sabatier.* L'orientation religieuse de la France actuelle.

ціальный католицизмъ", объединяющій всѣ попытки сближенія съ демократіей и рѣшенія соціальнаго вопроса въ христіанскомъ духѣ.

3) Третью струю образуетъ младо-французское движеніе съ народническимъ оттѣнкомъ.

4) Совершенно особнякомъ стоитъ *Action française*, руководители которой—Морисъ Баррэсъ и Поль Бурже—видятъ въ католицизмѣ прежде всего общественную дисциплину и цѣнятъ въ немъ, главнымъ образомъ, римскую идею принудительнаго универсализма. Эту римскую универсальную идею они соединяютъ съ нео-монархизмомъ въ политикѣ и классицизмомъ въ эстетикѣ. И на этой тріадѣ они основываютъ „французское возрожденіе".

Какъ я уже указалъ выше, „молодая Франція" приблизилась къ католицизму, потому что увидѣла въ немъ неотъемлемую часть національной традиціи, живущей въ душѣ народа. Съ этой традиціей неразрывно связаны вѣчные спутники національнаго сознанія—народные святые—Святая Женевьева и Жанна д'Аркъ, Людовикъ Святой, Паскаль и апостолы религіи человѣчества. И это возрожденіе чувства народной и католической Франціи вызвало среди молодежи многочисленныя присоединенія къ католицизму. Въ этомъ большая разница между современнымъ нео-католическимъ движеніемъ и движеніемъ девятидесятыхъ годовъ, которое явилось результатомъ разочарованія въ наукѣ и господствующемъ позитивизмѣ („банкротство" науки у Брюнетьера) и имѣло идеалистическій и антиобщественный характеръ. Другъ Пеги, Лоттъ, такъ описываетъ публичное присоединеніе послѣдняго къ католицизму.

Пеги облокотился о столъ и съ глазами полными слезъ сказалъ:

„Я тебѣ не все высказалъ, я снова обрѣлъ вѣру, я—католикъ"...

„Это было внезапно и сопровождалось сильнымъ волненіемъ,—добавляетъ Лоттъ.—Сердце мое не выдержало, и, спрятавъ голову въ руки, я сказалъ ему почти противъ моей воли:

„Мой бѣдный другъ, мы всѣ почти пришли къ этому".

Религія для молодежи не является системой абстрактныхъ догматовъ и формулъ. Въ ея основѣ лежитъ религіозное народничество, сознаніе, что только путемъ религіознымъ можетъ быть возстановлено единство Франціи.

Въ своей „Mystère de la Charité de Jeanne d'Arc" Пеги выразилъ эту вѣру, какъ живое и творческое начало, живущее въ душѣ народа. На трогательномъ языкѣ народныхъ молитвъ онъ излагаетъ таинство Евхаристіи и культъ Богородицы, чувство жертвенности и литургіи. И во всемъ этомъ чувствуется великая вѣра въ народъ, какъ носителя нравственной идеи. Какъ пѣснь Сольвейгъ указываетъ путь

Перъ Гинту, такъ пѣсня Франціи, поющая въ душѣ молодежи, указала ей путь въ вѣрѣ.

Шарль Пеги въ своей мистеріи пытается выразить на безыскусственномъ языкѣ народныхъ молитвъ христіанскій инстинктъ, все еще живущій въ душѣ народа.

„Господи, Іисусе, Іисусе, Іисусе, теперь твой народъ алчетъ, и ты не насыщаешь твоего народа. Теперь въ этой странѣ, въ твоей христіанской Лотарингіи, въ твоей христіанской Франціи, твой народъ алчетъ. У него нѣтъ хлѣба духовнаго. И чтобы насытить его, чтобы утолить тотъ и другой голодъ его, чтобы дать ему хлѣбъ плоти и хлѣбъ духа, неужели ты не явишься среди насъ?“

Въ этихъ словахъ Жанны д'Аркъ нельзя не ощутить трагедіи всей современной Франціи.

Ея слова полны великой любви къ Франціи и пламенной вѣры въ ея возрожденіе. И это чувство народной, крестьянской Франціи особенно проявляется, когда она говоритъ о башняхъ „Notre Dame“, о Парижѣ, „столицѣ французскаго королевства, находящейся подъ покровительствомъ Богородицы и великой Святой Женевьевы“, о Реймсѣ, „градѣ вѣнчанія на царство, прекраснѣйшемъ градѣ Франціи“. Только Верленъ умѣлъ въ такой глубокой и проникновенной формѣ выразить вѣру, живущую въ душѣ народа.

Такимъ образомъ, три признака характеризуютъ нео-католическое движеніе въ молодежи: во-первыхъ, *его реалистическій характеръ*, напоминающій средневѣковой „мистическій реализмъ“; объектъ вѣры мыслится не какъ туманная абстракція, какъ идея, а какъ реальность. „Le divin est un sens supérieur du réel“—эти слова одного теоретика молодежи прекрасно характеризуютъ ея реалистическую тенденцію; во-вторыхъ,—реакція противъ римской идеи принудительнаго универсализма, и, въ-третьихъ, національный, народническій характеръ этого движенія (стремленіе къ синтезу національной идеи и христіанскаго универсализма).

IV.

Les champs où nos ayeux semaient le blond
froment,
Chanteront le retour des bons fils à la Terre
Et le bourdon des vents au sein des clairières.
De sa voix millénaire
Sonnera le buccin d'amour et de printemps.
(G. Turpin, La chanson de la vie.)

Появленіе народническихъ настроеній и противопоставленіе интеллигенціи, проникнутой индивидуализмомъ и безпощаднымъ раціонализ-

момъ, народу, какъ хранителю національной идеи, составляетъ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ признаковъ момента.

Вотъ что пишетъ молодой писатель Гастонъ Ріу [1]), разсматривая причины временнаго помраченія національной идеи во Франціи: „Нѣтъ, французскій народъ въ своей массѣ не виновенъ въ этомъ: рабочіе и крестьяне остались достойны имени француза.

„Виноваты мы, интеллигенты (les intellectuels), чья мысль отклонилась отъ прямого пути. Соображенія личной выгоды одержали верхъ надъ нашимъ героизмомъ. Мы не сумѣли воспользоваться урокомъ нашихъ послѣднихъ кризисовъ, мы не исполнили долга французовъ“ („nous avons manqué au devoir français“). Это публичное покаяніе передъ народомъ указываетъ на нарожденіе новаго типа интеллигента, уже не смотрящаго на народъ сверху внизъ. Традиціонное аристократическое отношеніе интеллигенціи къ народу проявляется уже съ XVI вѣка, и дю Баллэ выражалъ настроеніе общее писателямъ „Плеяды“, когда писалъ:

„Мнѣ нравится только то, что претитъ грубому народному вкусу“ [2]). Семнадцатый вѣкъ и просвѣтители не измѣнили этой точки зрѣнія на народъ. „Lorsque la populace se mêle de raisonner, tout est perdu“— говоритъ Вольтеръ. Народничество, какъ идея долга передъ народомъ и, вообще, какъ идеализація народа, совершенно чуждо и французской литературѣ XIX вѣка. Ничего подобнаго той гуманной или религіозно-моральной точкѣ зрѣнія, которая проникаетъ русскій реализмъ отъ гоголевской „Шинели“ до религіи „Униженныхъ и оскорбленныхъ“ Достоевскаго, нельзя найти во французскомъ реализмѣ. Какая презрительная и высокомѣрная усмѣшка чувствуется у Флобера, когда онъ рисуетъ типъ мелкаго мѣщанина въ „Bouvard et Pécuchet“ и когда онъ издѣвается надъ „буржуазной глупостью“. Бальзакъ рисуетъ крестьянъ мелкими хищниками, узко-эгоистичными, лишенными всякихъ нравственныхъ и идейныхъ побужденій. Зола (въ „La Terre“) и Мопассанъ остались вѣрными этому антиидеалистическому изображенію деревни и крестьянина. Для Зола крестьянинъ является воплощеніемъ животнаго, мелкаго эгоизма и грубыхъ плотскихъ инстинктовъ, подавляющихъ въ немъ всякую духовность. Мопассанъ безъ этого романтическаго преувеличенія власти плоти нарисовалъ рядъ типовъ крестьянъ, мелкихъ собственниковъ, батраковъ и хозяйственныхъ мужичковъ, грубыхъ, хитрыхъ, мелочно эгоистичныхъ и какъ бы безликихъ, совершенно подавленныхъ властью земли.

---

[1]) *Gaston Riou.* „ Aux écoutes de la France qui vient“.

[2]) „Rien ne me plaît, fors ce qui peut déplaire
Au jugement du rare populaire“.

Причину этого полнаго отсутствія народничества слѣдуетъ искать не только въ историческихъ и соціальныхъ условіяхъ французской жизни (раннемъ освобожденіи крестьянъ и превращеніи ихъ въ крестьянъ-собственниковъ), но, прежде всего, въ той римской универсальной идеѣ, которая сдѣлала невозможнымъ эмпирическій націонализмъ и которая не позволяла превозносить свой народъ передъ другими. Но этотъ гипертрофированный универсализмъ долженъ былъ вызвать реакцію, которая и проявилась особенно ярко въ моментъ крушенія космополитическихъ идеаловъ и возрожденія національной идеи. Кризисъ раціонализма и позитивизма, являющагося господствующимъ міросозерцаніемъ интеллигенціи девятидесятыхъ годовъ, вызвалъ у молодого поколѣнія кризисъ также вѣры въ соціальную миссію интеллигенціи и появленіе народническихъ настроеній. Такое настроеніе переживаетъ, напримѣръ, Жанъ Кристофъ, герой извѣстнаго романа Ромэнъ-Роллана, когда, прибывъ въ Парижъ, онъ чувствуетъ „запахъ смерти", царящій надъ всей буржуазной культурой, когда онъ сознаетъ внутреннюю пустоту и безплодный развратъ мысли и чувства, проникающій всю современную литературу и искусство. Но Жанъ Кристофъ сознаетъ, что это только накипь и что за этимъ размалеваннымъ трупомъ французской буржуазной культуры, заражающимъ атмосферу, есть еще французскій народъ, тотъ народъ, „который составляетъ одно цѣлое съ землей, который видѣлъ смѣну столькихъ завоеванныхъ расъ, столькихъ властителей и который самъ не проходитъ".

Я уже указалъ на нѣкоторые народническіе элементы въ движеніи „jeune France", противопоставляющемъ интеллигенціи народъ, какъ носителя религіозной идеи. Другую, тѣсно связанную съ первой, народническую струю представляетъ кельтофильское движеніе, которое дало недавно поводъ къ спору кельтофиловъ съ романистами. Вопросъ о кельтскомъ или романскомъ элементѣ французской національности пріобрѣлъ чрезвычайно острое значеніе въ связи съ переоцѣнкой римскаго принудительнаго универсализма. Во главѣ кельтофильскаго движенія стоитъ рядъ молодыхъ ученыхъ и поэтовъ (какъ Пелтье, Александръ Мерсеро, Кросъ, Вандерпиль). Это теченіе недавно организовалось въ „кельтійскую лигу", обладающую своимъ органомъ—*Revue des Nations*, который, кромѣ чисто теоретическихъ вопросовъ, защищаетъ, напримѣръ, идею франко-русскаго союза съ чисто этнической точки зрѣнія (въ славянахъ онъ видитъ народъ, родственный кельтамъ).

Мнѣ лично пришлось присутствовать при необыкновенно страстной схваткѣ между однимъ изъ піонеровъ „кельтизма", молодымъ ученымъ Лепелтье, и критикомъ Гіймомъ Апполинэромъ, защищавшимъ романскую идею. Споръ велся въ очень страстномъ тонѣ, и противники не

разъ обмѣнялись такими лестными эпитетами, какъ „латинствующіе некроманты“ или „кельтоманы“.

Первый, кто сталъ утверждать, что Франція—латинская нація, тотъ,—утверждаютъ кельтофилы,—породилъ одно изъ самыхъ вредныхъ заблужденій. Благодаря этому, повѣрили, что Франція создана римскимъ завоеваніемъ Галліи, что она происходитъ отъ разлагающагося латинства, между тѣмъ какъ ей не менѣе 2500 лѣтъ. Благодаря этому роковому заблужденію, между Франціей и ея кельтійскими предками воздвиглась „китайская стѣна“. Особенно возмущаются кельтофилы культомъ Юлія Цезаря—„le proconsul assassin“, какъ они его называютъ, и которому они противопоставляютъ Верцингеторикса, какъ борца за національную свободу [1]). Отношеніе кельтофиловъ къ Цезарю очень напоминаетъ (mutatis mutandis) отношеніе славянофиловъ къ Петру. Они упрекаютъ Цезаря въ узкомъ самомнѣніи, въ непониманіи очень сложной и древней культуры Галліи, въ которой онъ видѣлъ только варварство.

Совершенно невѣрно, будто галлы быстро подчинились романизаціи,—говорятъ кельтофилы, основательно указывая, что римляне были изгнаны изъ Галліи не только франками Хлодвига, но въ гораздо большей степени самими галлами, борьба которыхъ съ римлянами продолжалась цѣлыхъ четыре вѣка (наиболѣе извѣстныя изъ этихъ попытокъ освобожденія связаны съ именами Виндекса, Цивилиса, Марика постумскаго и Викторіи; наконецъ, съ возстаніемъ Багаудовъ). Съ другой стороны, анализъ „романскаго нарѣчія“ (являющагося прямымъ предкомъ французскаго языка) указываетъ на присутствіе въ немъ огромнаго числа кельтскихъ корней. Большинство грамматиковъ, объяснявшихъ происхожденіе французскихъ словъ отъ латинскихъ корней, совершенно не знали кельтскаго языка и поэтому они дали невѣрное объясненіе происхожденія очень многихъ французскихъ словъ. „Романизировался лишь языкъ клириковъ, писателей, гуманистовъ, и притомъ вовсе не въ такой степени, въ какой это утверждаютъ, ибо французскій синтаксисъ является полной противоположностью латинскому“.

Галлія осталась въ душѣ кельтской,—утверждаютъ кельтофилы,—и наша національная самобытность основывается именно на кельтійскомъ геніи народа. Между тѣмъ, невѣрная оцѣнка значенія романизаціи лишила французскій патріотизмъ его этнической подосновы [2]). Вліяніе римской традиціи на Галлію, по мнѣнію кельтофиловъ, было всегда тормозомъ культурнаго, соціальнаго и политическаго прогресса. Такъ, закрѣпощеніе крестьянъ совершилось подъ вліяніемъ римскаго колоната

---

[1]) „Nous maudissons sans cesse la conquête romaine, nous, qui n'avons qu'un rêve: prendre la revanche définitive de Vercingétorix“ (*Revue des Nations*, Mai—Juin, 1913).

[2]) Такая конкретная этническая подоснова существуетъ въ русскомъ патріотизмѣ (славянство) и, вообще, въ патріотизмѣ почти всѣхъ европейскихъ народовъ.

(это утвержденіе, конечно, сильно преувеличиваетъ значеніе юридическаго фактора и игнорируетъ чисто экономическія причины этого явленія). Тѣмъ не менѣе, Галлія мало-по-малу освобождалась отъ чуждой ей традиціи, и XIII вѣкъ знаменуетъ собою эпоху блестящаго расцвѣта кельтизма въ искусствѣ (готика и живопись примитивовъ) и въ политическихъ формахъ (демократическій характеръ монархіи; свобода профессіональныхъ организацій). Но пятнадцатый вѣкъ является эпохой торжества римской традиціи. Монархія, опираясь на идею римскаго права (юристы тулузской школы), отказывается отъ своихъ демократическихъ традицій и стремится подавить всѣ общественныя и политическія свободы. Возникаетъ глубокій расколъ между интеллигенціей, проникнутой латинской традиціей, и народомъ, сохранившимъ кельтійскую идею.

Главная причина неудачи революціи, съ точки зрѣнія кельтизма, заключается въ томъ, что она не поняла своей миссіи—разрушить политическое и соціальное дѣло Ренессанса и вернуться къ національной кельтской традиціи XIII вѣка. Увлеченіе *римской идеей принудительнаго универсализма* было причиной всѣхъ ея эксцессовъ, которые привели къ наполеоновскому цезаризму, являющемуся возрожденіемъ римской имперіалистической идеи.

Сторонники кельтизма не ограничиваются исторической критикой римской идеи и выступаютъ со своей собственной политической платформой:

„Нужно освободить Галлію, освободить личность, семью, общины, корпораціи и провинціи отъ гнетущей опеки государственности, отъ подавляющей власти денегъ“.

„Нужно измѣнить законы, обычаи прежней кельтской расы, примѣнить ихъ къ XX вѣку, замѣнить ими всѣ учрежденія, всѣ кодексы, враждебные ея духу“.

Борьба кельтофиловъ и романистовъ во многомъ напоминаетъ борьбу славянофиловъ и западниковъ. Какъ у кельтофиловъ, такъ и у славянофиловъ мы наблюдаемъ ту же романтическую идеализацію народныхъ обычаевъ, то же противопоставленіе интеллигенціи народу, какъ хранителю національной идеи. Несмотря на явную преувеличенность своей „романофобіи“, кельтофильство должно, несомнѣнно, способствовать возрожденію интереса къ кельтской культурѣ и болѣе правильному освѣщенію римскаго вліянія. Но главный интересъ кельтофильское движеніе представляетъ, какъ попытка освободиться отъ римской идеи принудительнаго универсализма. Христіанскій и католическій инстинктъ французскаго народа является, съ точки зрѣнія кельтофиловъ, лишь дальнѣйшимъ развитіемъ кельтскаго религіознаго сознанія (кельтофилы доказываютъ это ссылкой на цѣлый рядъ документовъ, вродѣ знаме-

нитыхъ „Тріадъ“, приписываемыхъ Аивелину Сіону, и „Книги Бардизма“, историческая подлинность которыхъ подвержена сомнѣнію). У Рима католицизмъ заимствовалъ лишь папство и идеалъ всемірной теократіи—тотъ духъ принудительнаго универсализма, который долженъ быть замѣненъ кельтской идеей свободнаго общенія на почвѣ признанія абсолютныхъ правъ личности. Въ противовѣсъ римскому культу формы, матеріи и силы, кельтизмъ утверждаетъ религію духа и свободы (т.-е идею христіанскую).

V.

Міровая война объединила Францію въ одномъ всенародномъ порывѣ, но это объединеніе эмпирическое и потому преходящее; истинное и болѣе глубокое единство Франціи основывается на той волѣ къ Ренессансу, которой теперь охвачена Франція. Какъ выразился философъ Бергсонъ, эта воля „является вдвойнѣ счастливымъ чудомъ, которое свидѣтельствуетъ о возстановленіи нашего моральнаго единства и доказываетъ, что геній Франціи попрежнему живъ“. И эта воля не можетъ не восторжествовать надъ тѣмъ историческимъ рокомъ, надъ тѣмъ духомъ декаданса, который еще недавно, казалось, тяготѣлъ надъ Франціей, ибо въ своей основѣ эта воля имѣетъ религіозный характеръ. Вѣдь всякій, кто стремится преодолѣть себя, не только количественно но и качественно, тотъ, можетъ быть, безсознательно, прагматически становится на путь религіозный, онъ утверждаетъ цѣнность высшую, чѣмъ его *я*. Религіозная идея, которая присуща новому французскому патріотизму и которая еще только смутно чувствуется сердцемъ, должна быть осознана и раскрыта. И эта проблема синтеза національной идеи и религіознаго универсализма имѣетъ не только національное, но и міровое значеніе: она является проблемой культуры будущаго. Конечно, этотъ синтезъ не можетъ быть осуществленъ въ одинаковыхъ формахъ различными народами, но именно Франція и Россія должны придать ему наиболѣе универсальное, общечеловѣческое значеніе, ибо самая историческая миссія этихъ странъ имѣетъ универсальный характеръ (освобожденіе славянъ, защита правъ нейтральныхъ странъ).

Но для воплощенія своей миссіи Франція должна разстаться съ римской идеей принудительнаго универсализма, съ этой опасной химерой, которая уже со временъ Карла VIII отклоняла Францію отъ ея національной миссіи. И такой переоцѣнкѣ можетъ содѣйствовать вліяніе русскихъ моралистовъ и такихъ писателей, какъ Толстой и Достоевскій. Франція должна теперь рѣшительно вступить на путь осуществленія идей правъ человѣка въ ихъ послѣднемъ, религіозномъ значеніи.

Мишлэ справедливо назвалъ Францію страной непобѣдимой надежды, страной, которой достаточно крупицы вѣры, чтобы возродиться отъ самыхъ тяжелыхъ бѣдствій.

„Когда наши галльскіе крестьяне (говоритъ онъ) на время изгнали римлянъ и сдѣлали изъ Галліи имперію, они выгравировали на своей монетѣ первое и послѣднее слово этой страны: надежда".

И сейчасъ въ утомленномъ и вѣчно юномъ и любвеобильномъ сердцѣ Франціи трепещетъ та же великая надежда; точно дуновеніе молодости проносится по старой территоріи Галліи, усѣянной обломками столькихъ цивилизацій. Пусть еще новыя и новыя развалины нагромождаютъ неистовые гунны—этой вѣры и надежды они побѣдить не могутъ.

Война потрясла Францію въ самыхъ сокровенныхъ глубинахъ, она зажгла въ ней тотъ огонь вѣры, въ которомъ сгоритъ все, что было мертваго и разлагающагося во французской культурѣ. Пусть же умретъ ветхая Франція, раціоналистическая и скептическая, дщерь разлагающагося латинства, для того, чтобы воскресла Франція вѣры, Франція крестоносцевъ, святыхъ Людовиковъ и апостоловъ человѣчества.

И если Ренессансъ XVI в. былъ индивидуалистическимъ и языческимъ, то новый ренессансъ будетъ религіознымъ, національнымъ и всенароднымъ; онъ одинъ возсоздастъ внутреннее единство Франціи и положитъ предѣлъ тому раздвоенію между личной свободой и общественностью, между культурой и вѣрой, которое являлось нашей великой западно-европейской болѣзнью. И этотъ ренессансъ будетъ истиннымъ духовнымъ реваншемъ Франціи надъ пангерманизмомъ. Въ этомъ ея миссія и залогъ ея побѣды.

† Г. Тастевенъ.

Изъ исторіи прусской реакціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.

Дневникъ Фарнгагена фонъ-Энзе. [1])

I.

Записки и дневники политическихъ дѣятелей наиболѣе ярко могутъ для насъ отразить прошедшія событія политической исторіи. Точныя данныя статистики, холодныя формулы дипломатическихъ документовъ гораздо болѣе важны для объективной картины минувшаго. Но онѣ даютъ намъ только внѣшнее описаніе того, что было. Постигнуть душу живую, понять и почувствовать дѣятелей прошлаго мы можемъ только изъ болѣе интимныхъ страницъ воспоминаній, дневниковъ, писемъ. Безъ писемъ и мемуаровъ Токвиля трудно было бы представить себѣ Францію сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Безъ дневника Фарнгагена фонъ-Энзе у насъ не было бы ключа къ пониманію настроеній прусскаго общества тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ.

Фарнгагенъ далеко не объективенъ. На него нельзя всегда полагаться при оцѣнкѣ значенія какого-нибудь явленія въ жизни Европы. У него свои симпатіи и антипатіи. Онъ не любитъ, напримѣръ, Гладстона и говоритъ о немъ по поводу „Studies on Homer and the Homeric age“: „Я узнаю ученаго педанта, ограниченную голову безъ всякой мысли и полета. [2])

Онъ не понялъ и не разглядѣлъ начинавшаго свою карьеру Бисмарка, смѣшавъ его съ общей массой безцвѣтныхъ прусскихъ реакціонныхъ сановниковъ. Онъ пишетъ, напримѣръ, отъ 10 сентября 1851 г.: „Г-нъ фонъ-Бисмаркъ-Шёнгаузенъ выступилъ 23 августа, какъ дѣйствительный представитель Пруссіи, въ Союзномъ совѣтѣ. Роховъ уходитъ. Одинъ дуракъ на мѣсто другого. Отлично!“ [3])

---

[1]) *Varnhagen v. Ense:* Tagebücher, Bd. 1—6, Hamburg, 1861—62, Bd. 7—8, Zürich, 1865, Bd. 9—14, Hamburg, 1860—1870.

[2]) Tagebücher, Bd. 14, S. 358, 25/VIII 58. Въ дальнѣйшемъ цитирую кратко—томъ и страницу.

[3]) VIII, стр. 327. „Ein Dummer für den andern“.

Не всегда будучи объективно справедливымъ, Фарнгагенъ, однако, всегда субъективно правъ, такъ какъ всегда искрененъ. Онъ дѣйствительно думаетъ то, что говоритъ, и подмѣчаетъ то, о чемъ говорятъ другіе. Ошибаясь въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ людей, онъ рѣдко ошибается въ оцѣнкѣ общественнаго настроенія, является тонкимъ наблюдателемъ тѣхъ переживаній общества и правительства, которыя вокругъ него происходятъ. Фарнгагена иногда обвиняютъ въ личной озлобленности, въ томъ, что онъ въ своемъ дневникѣ сводитъ счеты, мститъ дѣятелямъ прусскаго правительства за то, что самому ему удалось сыграть только незначительную роль. Врядъ ли эти обвиненія справедливы. Фарнгагенъ былъ слишкомъ большимъ философомъ для того, чтобъ личная карьерная неудача могла найти себѣ отраженіе въ его взглядахъ на европейскую исторію. Неудачи его личной карьеры уже потому не могли создать его политическихъ взглядовъ, что не въ одной политикѣ для него смыслъ жизни. Тонкіе литературные вкусы, любовь къ античной поэзіи, увлеченіе неизвѣстными тогда въ Европѣ Пушкинымъ и Лермонтовымъ, удивительный языкъ собственныхъ его писаній—служатъ залогомъ того, что литература представляла для него не меньшую цѣнность въ жизни, чѣмъ политика.

Въ Фарнгагенѣ есть мудрость спокойствія, которая позволяетъ ему стать выше мимотекущихъ мелочей политической повседневности.

„Богъ умнѣе меня“—повторяетъ онъ слова своей раньше умершей жены, талантливой Рахили, въ случаяхъ, когда самъ онъ отказывается понимать поступки реакціонныхъ сферъ. [1])

Любимая его мысль, служащая ему постояннымъ утѣшеніемъ,—та, что переживаемое Германіей не ново. Такъ же плохо было въ другихъ странахъ, и стало лучше. Значитъ, и въ Германіи станетъ легче жить.

11 іюня 1846 г. онъ записываетъ въ своемъ „Дневникѣ“: „Читалъ переписку Вольтера за 1763 и 1764 года. Какія времена! Какая нищета, какое безправіе и угнетеніе! Пусть посмотрятъ на теперешнюю Францію! Отсюда можно надѣяться, что и наше печальное состояніе когда-нибудь улучшится. Только я-то до этого не доживу“. [2])

Рѣзкія и ѣдкія сужденія Фарнгагена о прусскихъ государственныхъ дѣятеляхъ не означаютъ озлобленія противъ Пруссіи. Пруссію Фарнгагенъ любитъ; нѣмецкій и даже именно прусскій патріотизмъ есть у него несомнѣнно.

Разсуждая о Голландіи, онъ не видитъ для нея иного будущаго, какъ присоединиться къ Пруссіи. [3]) Еще въ 1826 г. онъ привѣтствуетъ

---

1) VI, 214.
2) III, 356.
3) I, 13, отъ 1836 г.

попытку замѣнить французское „M-lle“ нѣмецкимъ „Fräulein“, а въ біографіи Блюхера сознательно говоритъ не „Armeekorps“, а „Heertheil“. [1])

Возвращаясь въ Пруссію въ 1837 г., Фарнгагенъ пишетъ: „Я привѣтствовалъ съ восхищеніемъ наши орлы, наши цвѣта, наши мундиры, наши превосходныя дороги, хорошія почтовыя учрежденія, нашу трудолюбивую, воздѣланную и во многихъ отношеніяхъ столь процвѣтающую страну. Я чувствовалъ, какъ въ моемъ сердцѣ бьется радость при мысли о королѣ, всемъ его домѣ, всемъ существующемъ порядкѣ, который не всегда же будетъ столь филистерскимъ и когда-нибудь сможетъ опять стать великимъ (genial)“. [2])

II.

Присматриваясь къ реакціоннымъ кругамъ прусскаго общества: дворянству, военнымъ, центромъ которыхъ былъ королевскій дворъ,—Фарнгагенъ прежде всего ужасается отсутствію въ нихъ опредѣленнаго твердаго политическаго настроенія, ясныхъ навыковъ властованія, живыхъ силъ. Онъ видитъ умираніе политическихъ инстинктовъ, и это его пугаетъ болѣе всего.

„Хоть какое-нибудь правительство—и я буду доволенъ!“—восклицаетъ въ мартѣ 1848 г. прусскій министръ Каницъ. [3]) Эти слова Каница приложимы ко всему дневнику Фарнгагена. Онъ не видитъ никакихъ живыхъ силъ въ правительствѣ.

„Въ политикѣ отвратительно, — записываетъ онъ въ концѣ августа 1835 г. — Въ Испаніи дико! Во Франціи безумно! Въ Германіи вяло! Только въ Англіи хорошо“. [4])

„Въ 1806 г. наше положеніе не было болѣе отчаяннымъ, неразумнымъ и пустымъ, чѣмъ теперь. Мы не имѣемъ никакого направленія, никакой цѣли, никакой воли. Мы живемъ производствомъ прежнихъ силъ и прежняго духа и безпокоимся, что и эти силы еще слишкомъ живучи“. [5])

„Самое худшее въ Пруссіи—это, что все застываетъ, что ни одному направленію не слѣдуютъ съ жизнью и жаромъ, что нигдѣ нѣтъ рѣшительнаго преимущества, явной выгоды, что и наиболѣе благопріятствуемые остаются далеки отъ радостнаго стремленія и сильнаго наслажденія. Что удается, то удается изъ общей силы жизни, безсознательно и ненамѣренно; все—только матеріалъ для будущаго“. [6])

---

[1]) *Varnhagen v. Ense:* Preussische Geschichte, Bd. II, Leipz., 1868, S. 82.
[2]) I, 58.
[3]) IV, 358.
[4]) I, 3.
[5]) I, 9.
[6]) I, 24.

Положеніе это надолго остается безъ перемѣнъ. Въ началѣ 50-хъ годовъ Пруссія такъ же ждетъ своего будущаго, какъ и въ срединѣ 30-хъ. „Особенно безнадежно наше положеніе отъ того общаго затменія, которое всюду распространяется и сдѣлается скоро угрожающимъ. Во всѣхъ областяхъ ничего больше не значатъ духъ и талантъ, горячая способность и истинное достоинство, а только низкое усердіе, раболѣпное настроеніе, ханжество. Если все это есть у знатныхъ, у дворянъ, они имѣютъ рѣшительный перевѣсъ надъ другими, и стоитъ быть обыкновенной посредственностью, чтобъ рѣшительно выдвинуться въ любой области. Въ войскѣ, въ дипломатіи, въ церкви, въ судѣ, въ управленіи—всюду на первомъ планѣ эти посредственности и бездарности. Естественно, что они враждебны духу и таланту, какъ и всякой самостоятельности". [1]) Сила этой цитаты ослабляется для насъ заключительнымъ замѣчаніемъ: „Цвѣтъ нашей дипломатіи составляютъ: въ союзномъ совѣтѣ—Бисмаркъ-Шёнгаузенъ, въ Петербургѣ—Теодоръ фонъ-Роховъ". Повторяю, что Бисмаркъ—рѣдкій примѣръ политической близорукости Фарнгагена. Ошибка въ оцѣнкѣ Бисмарка не является для него характерной. Наоборотъ, было бы доказательствомъ совершенно исключительной политической прозорливости, если бы тогда, въ 1852 году, Фарнгагенъ понялъ и оцѣнилъ личность будущаго объединителя Германіи. Ошибка его — только показатель ненадежности нашихъ мнѣній о личной цѣнности того или иного политическаго дѣятеля. Общее заключеніе Фарнгагена о Германіи 40-хъ годовъ говоритъ намъ все о томъ же безсиліи реакціи, отсутствіи политическаго творчества.

„Большое счастье, что намъ не предстоитъ никакого серьезнаго испытанія, что противъ насъ нѣтъ ни Наполеона, ни свѣжей революціи, потому что революція 1830 г. уже сгнила". [2]) Фарнгагенъ былъ глубоко правъ, потому что „свѣжей" революціи 1848 г. Германія не смогла противиться.

Во всѣхъ правящихъ слояхъ прусскаго общества Фарнгагенъ видитъ то же политическое безсиліе и вялость.

Что такое король, стоящій во главѣ этого общества? Фарнгагенъ отвѣчаетъ слѣдующей шуткой на этотъ вопросъ: „Фридрихъ-Вильгельмъ III былъ на $^3/_4$ солдатъ, на $^1/_4$ попъ; Фридрихъ-Вильгельмъ IV— на $^1/_4$ солдатъ, на $^1/_4$ попъ, на $^1/_4$ любитель искусствъ, на $^1/_4$ всякая всячина (Allerlei)". [3])

По поводу скромныхъ размѣровъ амнистіи 1839 г. Фарнгагенъ записываетъ ходившіе въ обществѣ толки, что это „вполнѣ соотвѣтству-

---

[1]) IX, 138, 28 марта 1852 г.
[2]) I, 333, 1841 г.
[3]) II, 33, 11 марта 1842 г.

етъ характеру короля“ (Фридриха-Вильгельма III): „ничего великаго, свободнаго, свѣжаго, никакой амнистіи для политическихъ преступленій“. [1])

Королю соотвѣтствуютъ его окружающіе. Ансильонъ, скончавшійся въ 1837 г., былъ „не государственный человѣкъ, а придворный“. [2]) Таковы и всѣ остальные министры. Нѣтъ людей, пригодныхъ стоять во главѣ правительства. „Порода изсякла, завода ихъ больше нѣтъ; мы банкроты по части знаній и проникновенія—мы, хваставшіе нѣкогда тѣмъ, что превосходимъ въ этомъ отношеніи всѣ государства“. [3])

Ко всѣмъ прусскимъ государственнымъ людямъ примѣнимо сравненіе Меттерниха съ Дагерромъ, такъ понравившееся Фарнгагену. Дагерръ изобрѣлъ свѣтовые снимки (дагерротипы), а Меттернихъ для всей Германіи изобрѣлъ темную камеру (camera obscura). [4])

Характеренъ разсказъ о томъ, что тайный совѣтникъ Гассенпфлугъ вѣритъ въ существованіе вѣдьмъ. „Будутъ ли ихъ сжигать на кострахъ?“ — „Почему нѣтъ? Можетъ дойти и до этого“,—дается совершенно серьезный отвѣтъ. [5])

Люди, окружающіе короля, не цѣнятъ науки и университетовъ. Берлинскій университетъ, по слухамъ, долженъ быть выселенъ изъ стараго своего зданія только потому, что это зданіе когда-то было королевскимъ замкомъ. [6]) При дворѣ радуются смерти ученаго Ганса, потому что наконецъ „развязались“ съ безпокойнымъ человѣкомъ. [7])

Профессора же, не доставляющіе безпокойствъ правительству,—малоавторитетны.

— Что такое религія?—спрашиваетъ въ Галле проф. Толукъ.—Безусловное подчиненіе Іисусу Христу.

— Что такое Толукъ?—спрашиваютъ въ свою очередь студенты, и сами отвѣчаютъ: „безусловное подчиненіе Эйхгорну“ (министру народнаго просвѣщенія). [8])

Профессоровъ, безпрекословно подчиняющихся министру, не уважаютъ именно потому, что самихъ министровъ не уважаютъ.

Электрическій телеграфъ (тогда поражающее техническое новшество!), проведенный изъ Потсдама въ Берлинъ, называютъ звонкомъ, чтобъ король могъ имъ вызывать министровъ. [9]) На вечерѣ у Эммы

---

[1]) I, 153.
[2]) I, 51.
[3]) III, 302, 1846 г.
[4]) II, 77.
[5]) I, 237.
[6]) II, 166, 1843 г.
[7]) I, 129, 1839 г.
[8]) II, 309.
[9]) IV, 2.

Гервегъ говорятъ, что назначеніе Савиньи [1]) премьеромъ равносильно тому, какъ если бы австрійцы назначили генерала Мака главнокомандующимъ. [2])

Прусскіе дворянскіе круги, прусское офицерство, окружающее короля и поддерживающее его правительство, вызываютъ рѣзко-отрицательную оцѣнку Фарнгагена. „Ужасенъ нашъ большой свѣтъ!—восклицаетъ онъ послѣ вечера у русскаго посланника 28 марта 1847 г.:—все тѣ же лица, все тотъ же разговоръ, безъ прелести и жизни". [3])

Между тѣмъ, Фарнгагенъ вовсе не предвзятый врагъ всякаго аристократизма. Онъ видитъ въ истинной аристократіи больше хорошаго, чѣмъ въ среднемъ сословіи, въ буржуазіи, въ мѣщанствѣ.

„Какъ ошибочно обычное, всюду распространенное мнѣніе о томъ, что такъ называемое среднее сословіе представляетъ наибольшую цѣнность, образуетъ подлинную силу государства, прочнѣйшую опору нравамъ и т. д. Нѣтъ, все въ немъ идетъ на убыль, все становится блѣднымъ и мелкимъ, гдѣ оно царствуетъ. Въ изобиліи богатства и власти, въ бѣдности и приниженности—въ обѣихъ противоположностяхъ чаще и легче развивается великое и прекрасное, чѣмъ въ жалкомъ среднемъ сословіи". [4]) Эта тирада противъ мѣщанства, подъ которой могъ бы подписаться Герценъ, показываетъ, что Фарнгагенъ не былъ слѣпымъ защитникомъ либеральной буржуазіи противъ реакціонной аристократіи. И тѣмъ не менѣе, прусскую правящую аристократію онъ презираетъ, какъ политическую и общественную силу. Нападенія на правительственные круги относятся къ аристократіи, потому что, несмотря на увеличивающееся значеніе денегъ и образованности, [5]) аристократія все же стоитъ во главѣ правительства. „Непосредственно послѣ освободительной войны [6]) въ Пруссіи снова наступило господство аристократіи и съ тѣхъ поръ продолжается безпрерывно, несмотря на очевидные примѣры противнаго, которые можно было бы привести. Д-ръ Эргардъ разсказываетъ объ одномъ молодцѣ, который, выйдя подвыпивши изъ виннаго погреба и услыхавъ канонаду по случаю взятія Парижа, закричалъ: „Слышите, война кончена, дворяне побѣдили". Эргардъ полагаетъ, что этотъ молодецъ доказалъ свой глубокій государственный смыслъ". [7])

---

[1]) Знаменитый ученый, но неудачный государственный человѣкъ.

[2]) Генералъ Макъ, извѣстный по „Войнѣ и миру" бездарный австрійскій генералъ въ войнѣ 1805 г. съ Наполеономъ.

[3]) IV. 49.

[4]) I, 163, 1840 г.

[5]) I, 118, 1839 г.

[6]) 1813 г.

[7]) I, 28, 1836 г.

III.

Если программа реакціи осуществляется блѣдно и вяло, то можетъ быть сама по себѣ она ярка и привлекательна? Посмотримъ, какъ ее рисуетъ Фарнгагенъ.

„Короля можно сравнить съ императоромъ Юліаномъ,—пишетъ онъ въ 1844 году,—подобно тому, какъ послѣдній пытался оттѣснить христіанскій міръ въ изжитое язычество, такъ первый хочетъ отодвинуть нынѣшній міръ въ средніе вѣка". [1])

Но формы язычества уже исчезли, когда Юліанъ хотѣлъ ихъ возстановить. Такъ и подлинные средніе вѣка уже пережиты. Нѣтъ больше истинной религіи, истиннаго руководительства короля всей народной жизнью. Остались на поверхности только трупы прежнихъ идей. Неискренность, ханжество, острая ненависть — вотъ чувства, на которыя осуждены дѣятели реакціи. Эти чувства только и видитъ вокругъ себя Фарнгагенъ.

Религіозная жизнь современнаго протестантизма не заключаетъ въ себѣ ничего подлинно живого. „Ближайшій великій религіозный прогрессъ придетъ не отъ протестантизма, а отъ католицизма—въ немъ больше творческихъ силъ". [2]) Эти слова написаны въ 1836 г. Восемь лѣтъ спустя Фарнгагенъ ничего не ждетъ и отъ католицизма. „Европейское человѣчество въ его цѣломъ... идетъ къ небывалому кризису, безпокойно ищетъ новыхъ формъ жизни. Движеніе это всеобщее, и каждый, кто хотѣлъ бы даже ему препятствовать, способствуетъ ему. Не только земля измѣняется, но и небо, наша вѣра, наша надежда ищутъ новыхъ точекъ опоры. . . . . рядомъ съ прогнившимъ католицизмомъ, въ ядовитой порчѣ находится и протестантизмъ". [3])

Религію стараются оживить правящіе круги, но не могутъ, потому что истинной вѣры въ нихъ нѣтъ. Она замѣняется лицемѣріемъ и ханжествомъ. Строгія рѣчи осужденія противъ развода идутъ изъ придворныхъ и аристократическихъ круговъ, а между тѣмъ, слѣдятъ ли они сами строго за своей нравственностью? „Они постоянно хвалятся своей набожностью и возвеличиваютъ себя за то, что посѣщаютъ, украшаютъ, строятъ церкви". [4]) А между тѣмъ, танцовщицы королевскаго балета—одалиски аристократическихъ гаремовъ.

„Король хочетъ помочь аристократіи и религіи—цѣли почтенныя,—но какъ плохо берутся за дѣло и какъ искаженно все выполняется". [5])

---

[1]) II, 393.
[2]) I, 29.
[3]) II, 378, 1844 г.
[4]) I, 66.
[5]) I, 375.

Въ народѣ относятся съ усмѣшкой къ попыткамъ короля. „Въ одномъ паркѣ складываютъ камни. Прохожій спрашиваетъ: „Зачѣмъ эти камни?“ Другой ему отвѣчаетъ: „Развѣ ты не знаешь, король хочетъ замостить дорогу отсюда въ Іерусалимъ“. [1])

Постоянное недовѣріе къ печатному слову вызываетъ постоянныя строгости цензуры.

„Цензурнымъ горестямъ не видно конца,—жалуется Фарнгагенъ въ 1837 г. [2])—Цензурныя угнетенія все усиливаются; это позоръ для нашего государства“. [3]) „Прусское запрещеніе праздника книгопечатниковъ произведетъ позорное впечатлѣніе въ Германіи и за границей“. [4])

Въ 1843 г. король получаетъ адресъ провинціальныхъ чиновъ Познани объ отмѣнѣ цензурныхъ строгостей. Въ отвѣтъ король угрожаетъ никогда не собирать познанскихъ чиновъ, разъ они такъ плохо настроены. [5])

Недовѣріе къ обществу развивается въ постоянную подозрительность. Всюду представляется крамола, съ которой надо бороться. Въ Ганноверѣ на этой почвѣ разыгрывается знаменитое увольненіе профессоровъ—Дальмана и другихъ—1837 г. Благомыслящіе люди только возмущаются этими мѣрами правительствъ. Въ Куксгавенѣ въ 1838 г. спущенъ на воду корабль, названный „Профессоръ Дальманъ“ въ честь ганноверскаго ученаго. [6])

Студентовъ постоянно въ чемъ-то подозрѣваютъ, ведется настоящая „война противъ студентовъ“. [7]) Бѣгство изъ Франкфурта-на-Майнѣ арестованныхъ студентовъ вызываетъ страшное волненіе. [8])

Бонапартистская попытка въ Страссбургѣ 1836 г., которой французское правительство Луи-Филиппа не придаетъ никакого значенія, при прусскомъ дворѣ возбуждаетъ тревогу.

„Дворъ въ бѣшенствѣ отъ оправданія бонапартистскихъ заговорщиковъ страссбургскими присяжными; кричатъ о безуміи, позорѣ, измѣнѣ, какъ будто подъ угрозой весь порядокъ и законность“. [9])

На каждомъ шагу общество наталкивается на оскорбительныя придирки и мелочныя формальности, вродѣ ревизіи паспортовъ и освидѣтельствованія личностей пассажировъ на берлинскомъ вокзалѣ въ Гамбургѣ. [10])

---

1) I, 380.
2) I, 35.
3) I, 58.
4) I, 163, 1840 г.
5) II, 163.
6) I, 73.
7) II, 238.
8) I, 36.
9) I, 36, 27 янв. 1837 г.
10) VII, 226, 27 іюня 1850 г.

Недовѣріе къ обществу переходитъ въ ненависть къ отдѣльнымъ его слоямъ. Отсюда антисемитизмъ, укоренившійся въ придворныхъ сферахъ. Еврею д-ру Бееру не разрѣшаютъ читать лекцій въ университетѣ. [1]) Говорятъ о желаніи короля—освободить евреевъ отъ воинской повинности. [2])

Всѣ стѣсненія общества вызываютъ только недовольство—начинаются требованія конституціи. Въ началѣ 20-хъ годовъ „единственный конституціонный элементъ въ Пруссіи—это 180 милліоновъ государственнаго долга". [3]) Позднѣе элементъ конституціи—общественное недовольство. Люди ловятъ каждый намекъ, цѣпляются за каждую соломинку, чтобъ подкрѣпить свою надежду на обновленіе государственнаго строя.

Многознаменательный симптомъ духа времени Фарнгагенъ видитъ въ томъ, что Café Royal на Unter der Linden измѣнилъ свою вывѣску такъ: Café National. [4])

Читая въ 1827 г., что на новомъ берлинскомъ музеѣ будетъ надпись: „Friedericus Guilielmus III studio antiquitatis omnigenae et liberalium artium museum constituit 1828", смѣются и толкуютъ эту надпись въ томъ смыслѣ, что въ Пруссіи будетъ конституція 1828 г. [5])

Когда въ 1841 г. больной ганноверскій король пріѣзжаетъ въ Берлинъ, одинъ англичанинъ спрашиваетъ за обѣдомъ, что у него за болѣзнь.

„Il a mauvaise constitution", отвѣчаетъ Фарнгагенъ, и шутка эта, громко повторенная присутствовавшимъ тутъ же Бакунинымъ, имѣетъ огромный успѣхъ. [6])

Фарнгагенъ не является, однако, сторонникомъ всякой конституціи, какова бы она ни была. „Причина, почему теперь лучше вовсе не желать конституціи,—говоритъ онъ въ 1841 году,—та, что въ данный моментъ можетъ возникнуть только твореніе аристократической партіи, которое снова пришлось бы разбивать послѣ упорной борьбы. Нельзя теперь ждать чего-либо настоящаго, достаточнаго, умѣлаго въ этомъ направленіи; уже Россія и Австрія послужили бы препятствіемъ". [7])

Къ концу 40-хъ годовъ растетъ народное возбужденіе, и для Фарнгагена ясно, что правительственный проектъ конституціи 3 февраля 1847 г. не удовлетворитъ общества.

---

[1]) I, 292.
[2]) II, 17, 1842 г.
[3]) Preuss. Gesch. Bd. I, S. 228.
[4]) Preuss. Gesch. Bd. II, 134.
[5]) Preuss. Gesch. Bd. IV, S. 321.
[6]) I, 325.
[7]) I, 263.

„Это подобіе парламента (Parlamentchen), слишкомъ слабое и безсильное для выполненія другихъ великихъ задачъ, будетъ, однако, достаточно сильнымъ, чтобъ бороться противъ правительства и въ этомъ находить поддержку общественнаго мнѣнія“. [1]) Три года тому назадъ этого было бы достаточно; теперь—уже мало. [2]) Въ Бреславлѣ продаютъ „конституціонные“ сладкіе пирожки. „Какіе они?“—Внутри ничего нѣтъ. [3])

Наступаетъ 1848 г. Фарнгагенъ начинаетъ вѣрить въ силу народнаго движенія.

„Les rois s'en vont!“, пишетъ онъ еще въ 1845 г., [4]) и въ этомъ именно видитъ смыслъ развертывающихся теперь событій. „Съ дворянствомъ все покончено“. [5])

При полученіи извѣстія о февральской революціи въ Парижѣ прусскіе реакціонные круги полны воинственнаго пыла и желанія подавить безпорядки въ сосѣдней странѣ.

„Черезъ 14 дней мы выступаемъ, я думаю, въ походъ“, говоритъ прусскій министръ фонъ-Бодельшвинъ. [6]). При этомъ въ прусскихъ аристократическихъ сферахъ не могутъ скрыть своего злорадства по поводу паденія Луи-Филиппа. Принцъ прусскій говоритъ: „Луи-Филиппъ поднялся благодаря баррикадамъ и палъ благодаря баррикадамъ—все въ порядкѣ“. [7])

Въ походъ противъ французскихъ революціонеровъ выступить не удалось. Проходятъ мартовскіе дни — побѣда революціи въ самомъ Берлинѣ. Аристократы и офицеры мечтаютъ теперь о контръ-революціи, о „блестящей побѣдѣ войскъ надъ гражданскимъ ополченіемъ“. [8]) Такъ мысли о войнѣ съ Берлиномъ смѣняютъ мечты объ укрощеніи Парижа.

Но войска ненадежны и сами сочувствуютъ революціи. „Солдаты, дѣйствительно, уже братались съ народомъ, пили кофе съ бюргерами, обѣщали больше не стрѣлять, смѣялись надъ офицерами. Поэтому войска и убрали изъ Берлина“. [9])

Въ 1849 г. реакція всюду опять побѣждаетъ. Австрійскія и русскія войска возстанавливаютъ прежній порядокъ. Потрясающее впечатлѣніе,

---

[1]) IV, 19.
[2]) IV, 23.
[3]) IV, 33.
[4]) III, 221.
[5]) VI, 409.
[6]) IV, 255.
[7]) IV, 261.
[8]) IV, 354.
[9]) IV, 326.

которое производитъ вѣсть о сдачѣ Гёргея Паскевичу [1]), показываетъ, что тамъ, въ Венгріи, рѣшился окончательно исходъ борьбы между нѣмецкой революціей и нѣмецкой реакціей. Аристократія возвращается, пролетаріи идутъ въ ссылку.

Но духъ движенія не сломленъ, и еще въ апрѣлѣ 1851 г. Фарнгагенъ заноситъ въ свой дневникъ слѣдующія строки: „Будущее Европы — соединенные штаты отъ Тахо до Волги, миръ и дружба между свободными народами! Свобода стоитъ выше, чѣмъ народность,—поддерживаетъ ее, но не угнетаетъ". [2])

Мечты Фарнгагена не оправдались: судьба Европы сложилась не такъ, какъ онъ думалъ...

Статья эта была написана до войны. Теперь, когда народъ Фарнгагена зажегъ міровой пожаръ, грозя уничтожить плоды, принесенные всей европейской цивилизаціей, многія слова фонъ-Энзе получаютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ иной смыслъ и значеніе. Но понять, какъ выросла въ семьѣ европейскихъ народовъ и стала такой, какъ есть, Германія,—для насъ теперь, конечно, только болѣе важно, чѣмъ прежде, и изъ всего, способствующаго этому пониманію, ничто не можетъ быть оставлено въ сторонѣ.

Г. Вернадскій.

---

[1]) VI, 327.

[2]) VIII, 132.

Анна Ахматова. [1])

I.

Первый сборникъ стиховъ Анны Ахматовой „Вечеръ“, изданный въ началѣ 1912 года, былъ вскорѣ распроданъ. Затѣмъ ея стихи появлялись въ различныхъ повременникахъ, а въ мартѣ 1914 года вышелъ новый сборникъ „Четки“, въ который включена также значительная часть стихотвореній изъ „Вечера“. Среди неповторенныхъ стиховъ есть казненные съ излишнимъ жестокосердіемъ. [2])

По выходѣ перваго сборника на стихахъ Ахматовой замѣтили печать ея личной своеобычности, немного вычурной; казалось, она и дѣлала стихи примѣчательными. Но неожиданно личная складка Ахматовой, и не притязавшая на общее значеніе, пріобрѣла, черезъ „Вечеръ“ и являвшіеся послѣ стихи, совсѣмъ какъ будто не обоснованное вліяніе. Въ молодой поэзіи обнаружились признаки возникновенія *ахматовской* школы, а у ея основательницы появилась прочно обезпеченная слава.

Если единичное получило общее значеніе, то, очевидно, источникъ очарованія былъ не только въ занимательности выражаемой личности, но и въ искусствѣ выражать ее: *въ новомъ умѣніи видѣть и любить человѣка.* Я назвалъ перводвижущую силу ахматовскаго творчества. Какія точки приложенія она себѣ находитъ, что приводитъ въ движеніе своею работою и чего достигаетъ—это я стараюсь показать въ моей статьѣ.

II.

Пока не было „Четокъ“, вразбродъ печатавшіеся послѣ „Вечера“ стихи ложились въ тѣнь перваго сборника, и ростъ Ахматовой не осо-

---

[1]) Предлагаемая статья была сдана въ редакцію въ апрѣлѣ 1914 г. Напечатаніе ея было задержано преимуществомъ, даваемымъ статьямъ, связаннымъ съ войною.

[2]) Въ концѣ мая 1915 г. вышло второе изданіе „Четокъ“. Выдержки изъ „Четокъ“, приводимыя здѣсь, свѣрены со вторымъ изданіемъ. *Н. Н.*

знавался вполнѣ. Теперь онъ очевиденъ: передъ глазами очень сильная книга властныхъ стиховъ, вызывающихъ очень большое довѣріе.

Оно, прежде всего, достигается свободою ахматовской рѣчи.

Не изъ ритмовъ и созвучій состоитъ поэзія, но изъ словъ; изъ словъ уже затѣмъ, по полному соотвѣтствію съ внутренней ихъ жизнью, и изъ сочетанія этихъ живыхъ словъ вытекаютъ, какъ до конца внутренностью словъ обусловленное слѣдствіе, и волненія ритмовъ, и сіянія звуковъ—и стихотвореніе держится на внутреннемъ костякѣ словъ. Не должно, чтобы слова стихотворенія, каждое отдѣльно, вставлялись въ ячейки нѣкоей ритмо-инструментальной рамы: какъ ни плотно они будутъ пригнаны, чуть мысленно уберешь раму, всѣ слова разскакиваются, какъ вытряхнутый типографскій шрифтъ.

Къ стихамъ Ахматовой послѣднее не относится. Что они построены на словѣ, можно показать на примѣрѣ хотя бы такого стихотворенія, ничѣмъ въ „Четкахъ“ не выдающагося (стр. 23):

Настоящую нѣжность не спутаешь
Ни съ чѣмъ, и она тиха.
Ты напрасно бережно кутаешь
Мнѣ плечи и грудь въ мѣха,
И напрасно слова покорныя
Говоришь о первой любви.
Какъ я знаю эти упорные,
Несытые взгляды твои!

Рѣчь проста и разговорна до того, пожалуй, что это и не поэзія? А что, если еще разъ прочесть, да замѣтить, что когда бы мы такъ разговаривали, то, для полнаго исчерпанія многихъ людскихъ отношеній, каждому съ каждымъ довольно было бы обмѣняться двумя-тремя восьмистишіями—и было бы царство молчанія. А не въ молчаніи ли слово дорастаетъ до той силы, которая пресуществляетъ его въ поэзію?

Настоящую нѣжность не спутаешь
Ни съ чѣмъ,—

какая простая, совсѣмъ будничная фраза, какъ она спокойно переходитъ изъ стиха въ стихъ, и какъ плавно и съ оттяжкою течетъ первый стихъ—чистые анапесты, коихъ ударенія отдалены отъ концовъ словъ, такъ кстати къ дактилической риѳмѣ стиха. Но вотъ, плавно перейдя во второй стихъ, рѣчь сжимается и сѣчется: два анапеста, первый и третій, стягиваются въ ямбы, а ударенія, совпадая съ концами словъ, сѣкутъ стихъ на твердыя стопы. Слышно продолженіе простого изреченія:

нѣжность не спутаешь
Ни съ чѣмъ, и она тиха,—

но ритмъ уже передалъ гнѣвъ, гдѣ-то глубоко задержанный, и все стихотвореніе вдругъ напряглось имъ. Этотъ гнѣвъ рѣшилъ все: онъ уже подчинилъ и принизилъ душу того, къ кому обращена рѣчь; потому въ слѣдующихъ стихахъ уже выплыло на поверхность торжество побѣды—въ холодноватомъ презрѣніи:

Ты напрáсно бережно кутаешь...

Чѣмъ же особенно ясно обозначается сопровождающее рѣчь душевное движеніе? Самыя слова на это не расходуются, но работаетъ опять теченіе и паденіе ихъ: это „бережно кутаешь“ такъ изобразительно и такъ, если угодно, изнѣженно, что и любимому могло бы быть сказано; оттого тутъ и бьетъ оно. А дальше уже почти издѣвательство въ словахъ:

Мнѣ плечи и грудь въ мѣха—

этотъ дательный падежъ, такъ приближающій ощущеніе и выдающій какое-то содроганіе отвращенія, а въ то же время звуки, звуки! „Мнѣ плечи и грудь...“—какой въ этомъ спондеѣ и анапестѣ нѣжный хрустъ все чистыхъ, все глубокихъ звуковъ.

Но вдругъ происходитъ перемѣна тона на простой и значительный, и какъ синтактически подлинно обоснована эта перемѣна: повтореніемъ слова „напрасно“ съ „и“ передъ нимъ:

И напрасно слова покорныя...

На напрасную попытку дерзостной нѣжности данъ былъ отвѣтъ жестокій, и особо затѣмъ оттѣнено, что напрасны и покорныя слова; особливость этого оттѣненія очерчивается тѣмъ, что соотвѣтствующіе стихи входятъ уже въ другую ритмическую систему, во второе четверостишіе:

И напрасно слова покорныя
Говоришь о первой любви.

Какъ это опять будто заурядно сказано, но какіе отвѣты играютъ на лоскѣ этого щита—щитъ вѣдь все стихотвореніе. Не сказано: и напрасны слова покорныя,—но сказано: и напрасно слова покорныя *говоришь*... Усиленіе представленія о говореніи не есть ли уже и изобличеніе? И нѣтъ ли иронiи въ словахъ: покорныя, о первой? И не оттого ли иронія такъ чувствуется, что эти слова выносятся на стянутыхъ въ ямбы анапестахъ, на ритмическихъ затаеніяхъ?

Въ послѣднихъ двухъ стихахъ:

Какъ я знаю эти упорные,
Несытые взгляды твои,—

опять непринужденность и подвижная выразительность драматической прозы въ словосочетаніи, а въ то же время тонкая лирическая жизнь

въ ритмѣ, который, вынося на стянутомъ въ ямбъ анапестѣ слово „эти“, дѣлаетъ взгляды, о которыхъ упоминается, въ самомъ дѣлѣ „этими“, то-есть вотъ здѣсь сейчасъ видимыми. А самый способъ введенія послѣдней фразы, послѣ обрыва предыдущей волны, восклицательнымъ словомъ „какъ“,—онъ сразу показываетъ, что въ этихъ словахъ насъ ждетъ нѣчто совсѣмъ новое и окончательное. Послѣдняя фраза полна горечи, укоризны, приговора и еще чего-то. Чего же?—Поэтическаго освобожденія отъ всѣхъ горькихъ чувствъ и отъ стоящаго тутъ человѣка; оно несомнѣнно чувствуется, а чѣмъ дается? Только ритмомъ послѣдней строки, чистыми, этими совершенно свободно, безъ всякой натяжки раскатившимися анапестами; въ словахъ еще горечь: „*несытые* взгляды твои“, но подъ словами уже полетъ. Стихотвореніе кончилось на первомъ вздрогѣ крыльевъ, но, если бы его продолжить, ясно: въ пропасть отрѣшенія отпали бы дѣйствующія лица стихотворенія, но одинъ духъ трепеталъ бы, вольный, въ недосягаемой высотѣ. Такъ освобождаетъ творчество.

Въ разобранномъ стихотвореніи всякій оттѣнокъ внутренняго значенія слова, всякая частность словосочетанія и всякое движеніе стихового строя и созвучія—все работаетъ въ сообразованіи и въ соразмѣрности съ другимъ, все къ общей цѣли, и береженіе средствъ таково, что сдѣланное ритмомъ уже не дѣлается, напримѣръ, значеніемъ; ничто, наконецъ, не идетъ одно вопреки другому: нѣтъ тренія и взаимоуничтоженія силъ. Оттого-то такъ легко и проникаетъ въ насъ это такое, оказывается, значительное стихотвореніе.

А если обратить вниманіе на его стройку, то придется еще разъ убѣдиться въ вольности и силѣ ахматовской поэтической рѣчи. Восьмистишіе изъ двухъ простыхъ четырехстрочныхъ ритмическихъ системъ распадается на три синтактическихъ системы: первая обнимаетъ двѣ строки, вторая—четыре и третья—снова двѣ; такимъ образомъ, вторая синтактическая система, крѣпко сцѣпленная ритмами съ первой и третьей, своимъ единствомъ прочно связуетъ обѣ ритмическія системы, притомъ хоть и крѣпкою, но упругою связью: выше я отмѣтилъ, говоря о драматической дѣйственности способа введенія второго „напрасно“, что смѣна ритмическихъ системъ тутъ и надлежаще чувствуется и производительно работаетъ.

Итакъ, при разительной крѣпости стройки, какая въ то же время напряженность упругими трепетаніями души!

Стоитъ отмѣтить, что описанный пріемъ, то-есть переводъ цѣльной синтактической системы изъ одной ритмической системы въ другую, такъ, что фразы, перегиная строфы въ срединѣ, скрѣпляютъ ихъ края, а строфы то же дѣлаютъ съ фразами,—одинъ изъ очень свойственныхъ Ахматовой пріемовъ, которымъ она достигаетъ особенной гибкости и

вкрадчивости стиховъ, ибо стихи, такъ сочлененные, похожи на змѣй. Этимъ пріемомъ Анна Ахматова иногда пользуется съ привычностью виртуоза.

III.

Разобранное стихотвореніе показываетъ, какъ говоритъ Ахматова. Ея рѣчь дѣйственна, но пѣснь еще сильнѣе узываетъ душу.

Въ этомъ можно убѣдиться по стихотворенію (стр. 46):

Углемъ намѣтилъ на лѣвомъ боку
Мѣсто, куда стрѣлять,
Чтобъ выпустить птицу—мою тоску
Въ пустынную ночь опять.

Милый, не дрогнетъ твоя рука,
И мнѣ не долго терпѣть.
Вылетитъ птица—моя тоска,
Сядетъ на вѣтку и станетъ пѣть.

Чтобъ тотъ, кто спокоенъ въ своемъ дому
Раскрывши окно, сказалъ:
„Голосъ знакомый, а словъ не пойму“,
И опустилъ глаза.

Въ пѣснѣ, какъ прежде въ рѣчи, та же непринужденность словорасположенія—этихъ словъ, безъ насилія надъ языкомъ, не соединить иначе какъ въ эти стихи: стихи выпѣлись изъ просто сказанныхъ словъ; оттого такими искренними и острыми они воспринимаются. Примѣчателенъ ихъ пѣсенный ладъ: онъ—свободный стихъ дактиле-хореическаго ключа, живой и впечатлительный; начинаясь чисто дактилической строкой и въ послѣдующихъ стихахъ то и дѣло, особенно въ концѣ стиховъ, смѣняя дактили на хореи, стихотвореніе особенную нѣжную томность пріобрѣтаетъ отъ запѣвовъ (анакрузъ) третьяго, четвертаго, шестого, девятаго и десятаго стиховъ, отъ этихъ лишнихъ, до перваго главнаго ударенія, въ началѣ стиха раздающихся слоговъ. Напримѣръ, начало второй строфы:

Милый, не дрогнетъ твоя рука,
И мнѣ не долго терпѣть.

Стихотвореніе сложено въ трехъ строфахъ. Первая построена эподически: четные стихи, трехударные, короче нечетныхъ, четырехударныхъ. Вторая строфа начинается такою же стройкою: второй стихъ трехударенъ; поэтому того же ждешь и отъ четвертаго, но вдругъ онъ оказывается, какъ нечетный, четырехударнымъ. Этотъ стихъ:

Сядетъ на вѣтку и станетъ пѣть,—

на которомъ происходитъ переломъ лирической волны—и значитель-

ность стиха еще приподнимается именно ритмическимъ его перенасыщеніемъ, которое, такимъ образомъ, исполняетъ опредѣленную и необходимую въ цѣломъ стихотворенія работу. Лирическій переломъ именно въ концѣ второй строфы еще яснѣе чувствуется по сопоставленію съ пѣсенною связью двухъ первыхъ строфъ—съ тѣмъ, какъ онѣ склика-ются между собою третьими своими, очень пѣвучими стихами:

Чтобъ *выпустить птицу—мою тоску*
и *Вылетитъ птица—моя тоска.*

Третья строфа, такимъ образомъ, какъ бы обособлена: она снова эподическаго строенія, по образцу первой; только въ послѣднемъ стихѣ первый, вездѣ ударяемый (съ необходимою оговоркою о строкахъ съ запѣвами) слогъ ударѐніе теряетъ (тутъ—не запѣвъ, такъ какъ первое ударѐніе ложится на четвертомъ слогѣ), отчего стихъ становится особенно легкимъ, совсѣмъ летучимъ. И не даромъ, а въ полномъ соотвѣтствіи съ вызываемымъ имъ видѣніемъ; вѣдь это стихъ:

И опустилъ глаза.

Какой онъ нѣжный и скромный, а самое вѣрное—тающій. Въ чемъ же источникъ этого послѣдняго ощущенія? Конечныя созвучія во всемъ стихотвореніи—риѳмы, во всемъ, кромѣ одного созвучія, связующаго именно послѣдній стихъ съ десятымъ: ска*залъ*—гла*за*. Оно—ассонансъ, и несовпаденіе созвучія въ томъ, что въ откликающемся стихѣ не договоренъ, какъ тонкое облако растаялъ послѣдній звукъ *л*, но, чтобы не убыло нѣжности, этотъ нѣжный звукъ вообще не пропалъ: созвучіе начинается очень глубоко, и только первый звукъ слова: „сказалъ“—*с* оставленъ безъ отклика; затѣмъ идетъ созвучіе гортанныхъ *к* и *г*, созвучіе *а*, *з* и опять *а;* а то *л*, которое въ десятомъ стихѣ слышится въ концѣ созвучнаго слова, въ двѣнадцатомъ легло къ началу, между гортаннымъ и первымъ *а:* сказа*лъ*—гла*за*.

Въ дальнѣйшемъ, когда мнѣ случится касаться отдѣльныхъ стихотвореній, я уже не буду говорить о томъ, какъ волнующаяся душа творенія выявляется въ звучащей плоти слова.

IV.

Въ разобранныхъ стихотвореніяхъ и безъ подчеркиванія поражаетъ струнная напряженность переживаній и безошибочная мѣткость остраго ихъ выраженія. Въ этомъ сила Ахматовой. Съ какою радостью, что больше уже не придется, хоть вотъ въ этомъ, въ затронутомъ ею, томиться невыразимостью, читаешь точно въ народной словесности родившіяся реченія (стр. 18):

Безвольно пощады просятъ
Глаза. Что мнѣ дѣлать съ ними,
Когда при мнѣ произносятъ
Короткое, звонкое имя?

Или такое (стр. 27):

Столько просьбъ у любимой всегда,
У разлюбленной просьбъ не бываетъ.

Человѣкъ вѣка томится трудностью рѣчи о своей внутренней жизни: столькаго не выговорить за неустройствомъ словъ—и, прижатый молчаніемъ, духъ медлитъ въ ростѣ. Тѣ поэты, которые, какъ древле Гермесъ, обучаютъ человѣка говорить, на вольный ростъ выпускаютъ внутреннія его силы и, щедрые, надолго хранятъ его благодарную память.

Напряженіе переживаній и выраженій Ахматовой даетъ иной разъ такой жаръ и такой свѣтъ, что отъ нихъ внутренній міръ человѣка скипается съ внѣшнимъ міромъ. Только въ такихъ случаяхъ въ стихахъ Ахматовой возникаетъ зрѣлище послѣдняго; оттого и картины его не отрѣшенно пластичны, но, пронизанныя душевными излученіями, видятся точно глазами тонущаго (стр. 114):

Разсвѣтаетъ. И надъ кузницей
Подымается дымокъ.
Ахъ, со мной, печальной узницей,
Ты опять побыть не смогъ.

Или продолженіе стихотворенія о просящихъ пощады глазахъ:

Иду по тропинкѣ въ поле
Вдоль сѣрыхъ сложенныхъ бревенъ.
Здѣсь легкій вѣтеръ на волѣ
По весеннему свѣжъ, неровенъ.

Иногда лирическая скромность заставляетъ Ахматову едва намекнуть на страданіе, ищущее выраженія въ природѣ, но въ описаніи все-таки слышны удары сердца (стр. 45):

Ты знаешь, я томлюсь въ неволѣ,
О смерти Господа моля.
Но все мнѣ памятна до боли
Тверская скудная земля.

Журавль у ветхаго колодца,
Надъ нимъ, какъ кипень, облака,
Въ поляхъ скрипучія воротца,
И запахъ хлѣба, и тоска,

И тѣ неяркіе просторы,
Гдѣ даже голосъ вѣтра слабъ,
И осуждающіе взоры
Спокойныхъ загорѣлыхъ бабъ.

Однако, слезы текутъ изъ глазъ отъ этого безголосаго вѣтра.

V.

Уже по вышеприведеннымъ стихамъ Ахматовой замѣтно присутствіе въ ея творчествѣ властной надъ душою силы. Она не въ проявленіи „сильнаго человѣка“ и не въ выраженіи переживаній дерзновенно направленныхъ на впечатлительность душъ: лирика Ахматовой полнится противоположнымъ содержаніемъ. Нѣтъ, эта сила въ томъ, до какой степени вѣрно каждому волненію, хотя бы и отъ слабости возникшему, находится слово, гибкое и полнодышащее, и, какъ слово закона, крѣпкое и стойкое. Впечатлѣніе стойкости и крѣпости словъ такъ велико, что, мнится, цѣлая человѣческая жизнь можетъ удержаться на нихъ; кажется, не будь на той усталой женщинѣ, которая говоритъ этими словами, охватывающаго ее и сдерживающаго крѣпкаго панцыря словъ, составъ личности тотчасъ разрушится и живая душа распадется въ смерть.

И надобно сказать, что страдальческая лирика, если она не даетъ только что описаннаго чувства,—нытье, лишенное какъ жизненной правды, такъ и художественнаго значенія. Если ты все стонешь о предсмертномъ страданіи и не умираешь, не станетъ ли презрѣнною слабость твоей дрябло лживой души?—или пусть будетъ очевиднымъ, что, въ нарушеніе законовъ жизни, чудесная сила, не сводя тебя съ пути къ смерти, каждый разъ удерживаетъ у самыхъ воротъ. Жестокій цѣлитель Аполлонъ именно такъ блюдетъ Ахматову. „И умерла бы, когда бы не писала стиховъ“, говоритъ она каждою страдальческою пѣсней, которая оттого, чего бы ни касалась, является еще и славословіемъ творчеству.

VI

Жизнеспасительное дѣйствіе поэзіи въ составѣ лирической личности Ахматовой предопредѣляетъ и кругъ ея вниманія и способъ ея отношенія къ явленіямъ, въ этотъ кругъ входящимъ.

Тотъ, кому поэзія—спаситель жизни, изъ боязни очутиться вдругъ беззащитнымъ, не распуститъ своихъ творческихъ способностей на наблюдательскія прогулки по окрестностямъ и не станетъ писать о томъ, до чего ему мало дѣла, но для себя сохранитъ все свое искусство.

По той же основной причинѣ не съ изслѣдовательскимъ любопытствомъ, въ которомъ мнѣ всегда чудится недоброжелательство къ человѣку, смотритъ она на личную жизнь. Всегда пристрастно и порывисто ея осознаніе жизненнаго мгновенія, и всегда это осознаніе совпадаетъ съ жизненною задачей мгновенія; а не въ этомъ ли источникъ истиннаго лиризма?

Я не хочу сказать, что лиризмомъ исчерпываются творческія способности Ахматовой. Въ тѣхъ же „Четкахъ“ напечатанъ эпическій отрывокъ (стр. 84): бѣлые пятистопные ямбы наплываютъ спокойно и ровно и такъ мягко запѣниваются.

Въ то время я гостила на землѣ.
Мнѣ дали имя при крещеньи—Анна,
Сладчайшее для губъ людскихъ и слуха.

У этого стиха не та душа, что у лирическаго стиха Ахматовой. Судя по этому образцу, не-лирическія задачи будутъ разрѣшаться ею въ пристойной тому формѣ: въ поэмѣ, въ повѣсти, въ драмѣ; но форма лирическаго стихотворенія никогда не является у нея лишь ложнымъ обличіемъ нелирическихъ по существу переживаній [1]).

Творчество Ахматовой не стремится напечатлиться на душу извнѣ, показывая глазамъ зрѣлище отчетливыхъ образовъ или наполняя уши многотонной музыкой внѣшняго міра, но ему дорого трепетать своими созданіями въ самой груди, у сердца слушателя и ласткться у его горла. Ея стихи сотворены, а не сочинены. Во всякомъ случаѣ, она, не губя обаянія своей лирики, не могла бы позволить себѣ того пышнаго красованія сочинительскою силою, которое художнику, отличающемуся бо́льшею душевною остойчивостью, не только не повредило бы, но могло бы явиться въ немъ даже источникомъ очарованія.

Сказаннымъ предопредѣляется безразличное отношеніе Ахматовой къ внѣшнимъ поэтическимъ канонамъ. Наблюденіе надъ формою ея стиховъ внушаетъ увѣренность въ глубокомъ усвоеніи ею и всѣхъ формальныхъ завоеваній новѣйшей поэзіи и всей, въ связи съ этими завоеваніями возникшей, чуткости къ безцѣнному наслѣдству дѣйственныхъ поэтическихъ усилій прошлаго. Но она не пишетъ, напримѣръ, въ каноническихъ строфахъ. Нѣтъ у нея, съ другой стороны, ни одного стихотворенія, о которомъ бы можно было сказать, что оно написано исключительно, или главнымъ образомъ, или хоть сколько-нибудь для того, чтобы сдѣлать опытъ примѣненія того или этого новшества, или использовать въ крайнемъ напряженіи то или иное средство поэтическаго выраженія. Средства, новыя ли, старыя ли, берутся ею тѣ, которыя непосредственнѣе трогаютъ въ душѣ нужную по развитію стихотворенія струну.

Поэтому, если Ахматовой въ странствіи по міру поэзіи случится вдругъ направиться и по самой что ни на есть ѣзжалой дорогѣ, мы и тогда слѣдуемъ за нею съ неослабно бодрой воспріимчивостью. Цѣлѣе

---

[1]) Въ *Аполлонѣ* 1915 г., кн. 3, напечатана превосходная поэма Ахматовой: „У самаго моря“, подтверждающая высказанныя здѣсь соображенія. *Н. Н.*

не подражать ей, если въ своихъ скитаніяхъ руководствуешься картами и путеводителями, а не природнымъ знаніемъ мѣстности.

Когда стихи выпѣваются такъ, какъ у Ахматовой, къ творческой минутѣ примѣнимы слова Тютчева о вещѣ:

Была ль другая передъ нею,
О томъ не вѣдаетъ она.

Естественное дѣло, что, обладая вышеописанными свойствами, ахматовскіе стихи волнуютъ очень сильно и не однимъ только лирическимъ волненіемъ, но и всѣми жизненными волненіями, возбудившими къ дѣятельности творческую способность. Изъ двухъ взглядовъ на поэзію: изъ убѣжденія, что человѣческія волненія должны быть переработаны въ ней до полной незаразительности, такъ, чтобы воспринимающій лишь отрѣшенно созерцалъ ихъ, а трепеталъ только одною эстетической эмоціей, и изъ предположенія, что и самыя жизненныя волненія могутъ стать матеріаломъ искусства, которое тогда одержитъ всего человѣка, гармонизируя его вплоть до физическихъ чувствъ,—я предпочитаю второй взглядъ и хвалю въ Ахматовой то, что можетъ показаться недостаткомъ иному любителю эстетическихъ студней.

Вотъ эта дѣйственность стиховъ Ахматовой вынуждаетъ отнестись ко всему въ нихъ выраженному съ повышенной степенью серьезности.

VII.

Несчастной любви и ея страданіямъ принадлежитъ очень видное мѣсто въ содержаніи ахматовской лирики—не только въ томъ смыслѣ, что несчастная любовь является предметомъ многихъ стихотвореній, но и въ томъ, что въ области изображенія ея волненій Ахматовой удалось отыскать общеобязательныя выраженія и разработать поэтику несчастной любви до исключительной многоорудности. Не окончательны ли такія выраженія, какъ приведенное выше о томъ, что у разлюбленной не бываетъ просьбъ, или такія (стр. 30):

Говоришь, что рукъ не видишь,
Рукъ моихъ и глазъ.

Или (стр. 37):

Когда пришли холода,
Слѣдилъ ты уже безстрастно
За мной вездѣ и всегда,
Какъ будто копилъ примѣты
Моей нелюбви

Или это стихотвореніе (стр. 26):

У меня есть улыбка одна.
Такъ, движенье чуть видное губъ.

Для тебя я ее берегу—
Вѣдь она мнѣ любовью дана.
Все равно, что ты наглый и злой,
Все равно, что ты любишь другихъ.
Предо мной золотой аналой,
И со мной сѣроглазый женихъ.

Много такихъ же, а можетъ быть, и еще болѣе острыхъ и мучительныхъ выраженій найдется въ „Четкахъ“, и, однако, нельзя сказать объ Аннѣ Ахматовой, что ея поэзія—„поэзія несчастной любви“. Такое опредѣленіе, будь оно услышано человѣкомъ, внимательно вникшимъ въ „Четки“, было бы для него предлогомъ къ неподдѣльному веселью,—такъ богата отзвуками ахматовская несчастная любовь. Она—творческій пріемъ проникновенія въ человѣка и изображенія неутолимой къ нему жажды. Такой пріемъ можетъ быть обязателенъ для поэтессъ, женщинъ-поэтовъ: такія сильныя въ жизни, такія чуткія ко всѣмъ любовнымъ очарованіямъ женщины, когда начинаютъ писать, знаютъ только одну любовь, мучительную, болѣзненно-прозорливую и безнадежную. Чтобы понять причину этого, надо въ понятіи поэтессы, *женщины*-поэта, сдѣлать сначала ударепіе на первомъ словѣ и вдуматься въ то, какъ много за всю нашу мужскую культуру любовь говорила о себѣ въ поэзіи отъ лица мужчины и какъ мало отъ лица женщины. Вслѣдствіе этого искусствомъ до чрезвычайности разработана поэтика мужского стремленія и женскихъ очарованій, и, напротивъ, поэтика женскихъ волненій и мужскихъ обаяній почти не налажена. Мужчины-поэты, создавая мужскіе образы, сосредоточивались на общечеловѣческомъ въ нихъ, оставляя любовное въ тѣни, потому что и влеклись къ нему мало, да и не могли располагать необходимой полярной чуткостью къ нему. Оттого типы мужественности едва намѣчены и очень далеки отъ кристаллизованности, полученной типами женственности, приведенными къ законосообразной цѣльности. Довольно вѣдь назвать цвѣтъ волосъ и опредѣлить излюбленную складку губъ, чтобы возникъ цѣлостиый образъ женщины, сразу опредѣлимый въ нѣкоторомъ соотношеніи къ религіозному идеалу вѣчноженственности. А не черезъ эту ли вѣчноженственность мужчина причащается горнихъ сферъ?

И если иной разъ въ различныхъ изломахъ нашей мужской культуры берется подъ сомнѣніе самая допустимость женщины въ горнія сферы, то не потому ли это, что для нея нѣтъ туда двери, соотвѣтствующей нашей вѣчной женственности?

Въ разработкѣ поэтики мужественности, которая помогла бы затѣмъ создать идеалъ вѣчномужественности и дать способъ опредѣлять въ отношеніи къ этому идеалу каждый мужской образъ,—путь женщины

къ религіозной ея равноцѣнности съ мужчиною, путь женщины въ Храмъ. [1])

Вотъ жажда этого пути, пока не обрѣтеннаго,—потому и несчастна любовь—есть та любовь, которою на огромной глубинѣ дышитъ каждое стихотвореніе Ахматовой, съ виду посвященное совсѣмъ личнымъ страданіямъ. Это ли „несчастная любовь“?

Теперь въ томъ же понятіи поэтессы, женщины-*поэта,* надо перенести удареніе на второе слово и вспомнить Аполлона, несчастно влюблявшагося бога-поэта, вспомнить, какъ онъ преслѣдовалъ Дафну и какъ, наконецъ, настигнутая, она обернулась лавромъ—только вѣнкомъ славы... Вѣчное колесо любви поэтовъ! Страхъ, который они внушаютъ глубинностью своихъ поползновеній, заставляетъ бѣжать отъ нихъ: они это сами знаютъ и честно предупреждаютъ. Тютчевъ говоритъ дѣвѣ, приглашая ее не вѣрить поэтовой любви:

Невольно кудри молодые
Онъ обожжетъ своимъ вѣнцомъ.

и дальше:

Онъ не змѣею сердце жалитъ,
Но какъ пчела его сосетъ.

Въ составѣ любовной жажды, выражаемой въ „Четкахъ“, живо чувствуется стихія именно этой пчелиной жажды, для утоленія которой слишкомъ мало, чтобы любимый любилъ. И не темная ли догадка о скудости просто любви заставляетъ мужчину какъ-то глупо бѣжать отъ женщины-поэта, оставляя ее въ отчаяніи непониманія.

Отчего ушелъ ты?
Я не понимаю... (стр. 98).

Или, въ другомъ стихотвореніи (стр. 120):

О, я была увѣрена,
Что ты придешь назадъ.

И что-то, хоть и очень мелко человѣческое, но все-таки понималъ тотъ, кто, какъ сообщается въ одномъ стихотвореніи (стр. 29), въ день послѣдняго свиданія

...говорилъ о лѣтѣ и о томъ,
Что быть поэтомъ женщинѣ—нелѣпость.

Желаніе напечатлѣть себя на любимомъ, нѣсколько насильническое, но соединенное съ самозабвенной готовностью до конца расточить себя, съ тѣмъ, чтобы снова вдругъ воскреснуть и остаться и цѣль-

---

[1]) Въ довольно многочисленныхъ статьяхъ о „Четкахъ“ высказывались подобныя же мысли и притомъ столь часто, что мои соображенія въ настоящее время являются лишь обстоятельной формулировкой общаго мѣста. *Н. Н.*

нымъ, и отрѣшенно яснымъ,—вотъ она, поэтова любовь. Съ путями утоленія этой любви иногда нельзя примириться—такъ оскорбительны они для обыкновеннаго сердца (стр. 73):

Оттого, что стали рядомъ
Мы въ блаженный мигъ чудесъ,
Въ мигъ, когда надъ Лѣтнимъ садомъ
Мѣсяцъ розовый воскресъ,—
Мнѣ не надо ожиданій
У постылаго окна
И томительныхъ свиданій.
Вся любовь утолена.

Невѣрна и страшна такая любовь; но изъ нея же текутъ лучи, обожествляющіе любимое, или, по крайней мѣрѣ, дѣлающіе его видимымъ. Аполлоново томленіе по напечатлѣнію на нѣдрахъ личности сливается съ женственнымъ томленіемъ по вѣчномужественному—и въ лучахъ великой любви является человѣкъ въ поэзіи Ахматовой. Мукой живой души платитъ она за его возвеличеніе.

VIII.

Но не только страданія несчастной любви выражаетъ лирика Ахматовой. Въ меньшемъ количествѣ стихотвореній, но отнюдь не съ меньшею силою выпѣваетъ она и другое страданіе: острую неудовлетворенность собою. Несчастная любовь, такъ проникшая самую сердцевину личности, а въ то же время и своею странностью и способностью мгновенно вдругъ исчезнуть внушающая подозрѣніе въ выдуманности, такъ что, мнится, самодѣльный призракъ до тѣлесныхъ болей томитъ живую душу,—эта любовь многое поставитъ подъ вопросъ для человѣка, которому доведется ее испытать; горести, причиняющія смертельныя муки и не приносящія смерти, но при крайнемъ своемъ напряженіи вызывающія чудо творчества, ихъ мгновенно обезвреживающее, такъ что человѣкъ самъ себѣ являетъ зрѣлище вверхъ дномъ поставленныхъ законовъ жизни; неимовѣрныя воспаренія души безъ способности спускаться, такъ что каждый взлетъ обрывается безпомощнымъ и унизительнымъ паденіемъ,—все это утомляетъ и разувѣряетъ человѣка.

Изъ такого опыта родятся, напримѣръ, такіе стихи (стр. 58):

Ты письмо мое, милый, не комкай;
До конца его, другъ, прочти.
Надоѣло мнѣ быть незнакомкой,
Быть чужой на твоемъ пути.
Не гляди такъ, не хмурься гнѣвно,
Я любимая, я твоя.
Не пастушка, не королевна

И уже не монашенка я—
Въ этомъ сѣромъ будничномъ платьѣ,
На стоптанныхъ каблукахъ...

Кажется, только мертвый съ такою остротою могъ бы вспоминать о жизни, съ какою Ахматова вспоминаетъ о времени, когда она не вошла еще въ свой испепеляющій опытъ; а едва свойства этого опыта будутъ ею опредѣлены, мы увидимъ, что въ мечтахъ огромнаго большинства людей онъ—лучшая доля. Вотъ что говоритъ она, вспоминая Севастополь (стр. 51):

Вижу выцвѣтшій флагъ надъ таможней
И надъ городомъ желтую муть.
Вотъ ужъ сердце мое осторожнѣй
Замираетъ, и больно вздохнуть.

Стать бы снова приморской дѣвчонкой,
Туфли на босу ногу надѣть,
И закладывать косы коронкой,
И взволнованнымъ голосомъ пѣть.

Все глядѣть бы на смуглыя главы
Херсонесскаго храма съ крыльца
И не знать, что отъ счастья и славы
Безнадежно дряхлѣютъ сердца.

И еще—надобно много пережить страданій, чтобы обратиться къ человѣку, который пришелъ утѣшить, съ такими словами (стр. 55):

Что теперь мнѣ смертное томленье!
Если ты еще со мной побудешь,
Я у Бога вымолю прощенье
И тебѣ, и всѣмъ, кого ты любишь.

Такое самозабвеніе дается не только цѣною великаго страданія, но и великой любви.

IX.

Эти муки, жалобы и такое ужъ крайнее смиреніе—не слабость ли это духа, не простая ли сентиментальность? Конечно, нѣтъ: самое голосоведеніе Ахматовой, твердое и ужъ скорѣе самоувѣренное, самое спокойствіе въ признаніи и болей, и слабостей, самое, наконецъ, изобиліе поэтически претворенныхъ мукъ,—все свидѣтельствуетъ не о плаксивости по случаю жизненныхъ пустяковъ, но открываетъ лирическую душу скорѣе жесткую, чѣмъ слишкомъ мягкую, скорѣе жестокую, чѣмъ слезливую и ужъ явно господствующую, а не угнетенную.

Огромное страданіе этой совсѣмъ не такъ легко уязвимой души объясняется размѣрами ея требованій, тѣмъ, что она хочетъ радо-

ваться ли, страдать ли только по великимъ поводамъ. Другіе люди ходятъ въ міру, ликуютъ, падаютъ, ушибаются другъ о друга, но все это происходитъ здѣсь, въ срединѣ мірового круга; а вотъ Ахматова принадлежитъ къ тѣмъ, которые дошли какъ то до его края—и чтобы имъ повернуться и пойти обратно въ міръ? Но нѣтъ, они бьются, мучительно и безнадежно, у замкнутой границы, и кричатъ, и плачутъ. Непонимающій ихъ желанія считаетъ ихъ чудаками и смѣется надъ ихъ пустячными стонами, не подозрѣвая, что если бы эти самые жалкіе, исцарапанные юродивые вдругъ забыли бы свою нелѣпую страсть и вернулись въ міръ, то желѣзными стопами пошли бы они по тѣламъ его, живого мірского человѣка; тогда бы онъ узналъ жестокую силу тамъ у стѣнки по пустякамъ слезившихся капризницъ и капризниковъ.

X.

Конечно, біеніе о міровыя границы—дѣйствіе религіозное, и если бы поэзія Ахматовой обошлась безъ сильнѣйшихъ выраженій религіознаго чувства, все раньше сказанное было бы неосновательно и произвольно.

Но она сама указываетъ на религіозный характеръ своего страдальческаго пути, кончая одно стихотвореніе такими страстями (стр. 50):

Въ этой жизни я не много видѣла;
Только пѣла и ждала.
Знаю: брата я не ненавидѣла
И сестры не предала.

Отчего же Богъ меня наказывалъ
Каждый день и каждый часъ?
Или это ангелъ мнѣ указывалъ
Путь, невѣдомый для насъ?

Какъ Ахматова знаетъ упоеніе молитвы, можно судить по описанію молящихся передъ мощами святой (стр. 52):

И, согнувшись, безслезно молилась
Ей о слѣпенькомъ мальчикѣ мать,
И кликуша безъ голоса билась,
Воздухъ силясь губами поймать.

Нельзя не отмѣтить, какъ здѣсь живетъ напряженіе чуть шевелящихся губъ, свойственное нѣмой молитвѣ: всѣ губные, такъ часто встрѣчающіеся въ этой строфѣ: *б, п* и *м*, стоятъ или въ началѣ, или въ концѣ словъ, или смежны съ ударяемымъ гласнымъ, напримѣръ: губа́ми *п*ойма́ть. Примѣчательно, что ни одного *р* нѣтъ во всей строфѣ.

Наконецъ, весь вышеописанный жизненный опытъ, въ молитвенно покаянномъ осознаніи, приводитъ къ такому смиренію (стр. 53):

Ни розою, ни былинкою
Не буду въ садахъ Отца.
Я дрожу надъ каждой соринкою,
Надъ каждымъ словомъ глупца.

Религіозный путь такъ опредѣленъ въ Евангеліи отъ Луки (гл. 17, ст. 33): „Иже аще взыщетъ душу свою спасти, погубитъ ю: и иже аще погубитъ ю, живитъ ю". Еще въ „Вечерѣ" Ахматова говорила (стр. 102):

Не печально,
Что души моей нѣтъ на свѣтѣ.

А стихи, кончающіеся упоминаніемъ объ указуемомъ ангеломъ пути, начинаются такъ:

Пожалѣй о нищей, о *потерянной*,
О моей живой душѣ...

Для такой души есть прибѣжище въ Таинствѣ Покаянія. Можно ли сомнѣваться въ безусловной подлинности религіознаго опыта, создавшаго стихотвореніе „Исповѣдь" (стр. 60):

Умолкъ простившій мнѣ грѣхи.
Лиловый сумракъ гаситъ свѣчи,
И темная епитрахиль
Накрыла голову и плечи.
Не тотъ ли голосъ: „Дѣва! встань".
Удары сердца чаще, чаще...
Прикосновеніе сквозь ткань
Руки, разсѣянно крестящей.

Не дочь ли Іаира?

XI.

При общемъ охватѣ всѣхъ впечатлѣній, даваемыхъ лирикой Ахматовой, получается переживаніе очень яркой и очень напряженной жизни. Прекрасныя движенія души, разнообразныя и сильныя волненія, муки, которымъ впору завидовать, гордыя и свободныя соотношенія людей, и все это въ осіяніи и въ пѣніи творчества,—не такую ли именно человѣческую жизнь надобно привѣтствовать стихами Фета:

Какъ мы живемъ, такъ мы поемъ и славимъ,
И такъ живемъ, что намъ нельзя не пѣть.

А такъ какъ описанная жизнь показана съ большою силою лирическаго дѣйствія, то она перестаетъ быть только личною цѣнностью, но обращается въ силу, подъемлющую духъ всякаго, воспринявшаго ахматовскую поэзію. Одержимые ею, мы и болѣе цѣнной и болѣе великой видимъ и свою, и общую жизнь, и память объ этой повышенной оцѣнкѣ не изглаживается—*оцѣнка обращается въ цѣнность*. И если мы, дѣй-

ствительно, какъ я думаю, вплываемъ въ новую творческую эпоху исторіи человѣчества, то пѣснь Ахматовой, работая въ ряду многихъ другихъ силъ на возстановленіе гордаго человѣческаго самочувствія, въ какой бы малой мѣрѣ то ни было, но не помогаетъ ли намъ грести?

Въ частности же лирика, такъ много занимающаяся человѣкомъ и притомъ не уединеннымъ *я*, но его соотношеніями съ другими людьми: то въ любви къ другому, то въ любви другого къ себѣ, то въ разлюбленіи, въ ревности, въ обидѣ, въ самоотреченіи и въ дружбѣ,—такая лирика не отличается ли глубоко гуманистическимъ характеромъ? Способъ очертанія и оцѣнки другихъ людей полонъ въ стихахъ Анны Ахматовой такой благожелательности къ людямъ и такого ими восхищенія, отъ которыхъ мы не за года только, но, пожалуй, за всю вторую половину XIX вѣка отвыкли. У Ахматовой есть даръ геройскаго освѣщенія человѣка. Развѣ намъ самимъ не хотѣлось бы встрѣтить такихъ людей, какъ тотъ, къ которому обращены хотя бы такія, уже разъ приведенныя, строки:

Помолись о нищей, о потерянной,
О моей живой душѣ,
Ты, въ своихъ путяхъ всегда увѣренный,
Свѣтъ узрѣвшій въ шалашѣ.

Или такого (стр. 27):

А ты письма мои береги,
Чтобы насъ разсудили потомки,
Чтобъ отчетливѣй и яснѣй
Ты былъ виденъ имъ, мудрый и смѣлый.
Въ біографіи славной твоей
Развѣ можно оставить пробѣлы?

Или такого (стр. 19):

Прекрасныхъ рукъ счастливый плѣнникъ
На лѣвомъ берегу Невы,
Мой знаменитый современникъ,
Случилось, какъ хотѣли Вы.

Или—тутъ уже нельзя отказать себѣ въ приведеніи всего стихотворенія; оно образецъ того, какъ надобно показывать героевъ (стр. 9):

Какъ велитъ простая учтивость,
Подошелъ ко мнѣ; улыбнулся;
Полуласково, полулѣниво
Поцѣлуемъ руки коснулся—
И загадочныхъ древнихъ ликовъ
На меня поглядѣли очи...

(На какую вышину взлетъ, сразу, мгновенно—сила то, значитъ, какая!)

Десять лѣтъ *замираній и криковъ*,
Всѣ мои безсонныя ночи
Я вложила въ *тихое* слово
И сказала его напрасно.
Отошелъ ты, и стало снова
На душѣ и пусто, и ясно.

Не только умомъ, силою, славою и красотой (хоть и излюблены эти качества гуманистами) обильны люди Ахматовой, но и души у нихъ бываютъ то такія черныя, какъ у того, для кого берегутся лучшія улыбки, то такія умилительныя, что одно воспоминаніе о нихъ цѣлительно (стр. 56):

Солнце комнату наполнило
Пылью желтой и сквозной.
Я проснулась и припомнила:
Милый, нынче праздникъ твой.
Оттого и оснѣженная
Даль за окнами тепла,
Оттого и я, безсонная,
Какъ *причастница* спала.

Не должно говорить, чего стоитъ это сравненіе, если только не напрасно я писалъ выше о другомъ Таинствѣ.

Я думаю, всѣ мы видимъ приблизительно тѣхъ же людей, и, однако, прочитавъ стихи Ахматовой, мы наполняемся новою гордостью за жизнь и за человѣка. Большинство изъ насъ пока вѣдь совсѣмъ иначе относится къ людямъ; еще въ умершихъ, такъ-сякъ, можно предположить что-нибудь высокое, но въ современникахъ?—какъ не пожать плечами...

Но вопросъ, не оказываются ли именно стихи Ахматовой вѣрнымъ постиженіемъ настоящаго; если такъ, то она не только помогаетъ плыть къ странѣ новой культуры, но уже завидѣла ее и возвѣщаетъ намъ: „Земля“.

Еще недавно, созерцая происходившія въ Россіи событія, мы съ гордостью говорили: „это—исторія“. Что же, исторія еще разъ подтвердила, что *крупныя* ея событія только тогда бываютъ *великими*, когда въ прекрасныхъ біографіяхъ вырастаютъ сѣмена для засѣва народной почвы. Стоитъ благодарить Ахматову, возстановляющую теперь достоинство человѣка: когда мы перебѣгаемъ глазами отъ лица къ лицу и встрѣчаемъ то тотъ, то другой взглядъ, она шепчетъ намъ: „это—біографіи“. Уже? Ее слушаешь, какъ благовѣстъ; глаза загораются надеждою, и полнишься тѣмъ романтическимъ чувствомъ къ настоящему, въ которомъ такъ привольно расти непригнетенному человѣконенавистничествомъ духу. [1])

[1]) Надобно помнить, что это писалось весною 1914 г. Съ тѣхъ поръ исторія снова заполнила всю жизнь человѣчества такими жертвенными дѣлами и такими роковыми,

XII.

Послѣ всего написаннаго мнѣ странно предсказать то, въ чемъ я, однако, увѣренъ. Послѣ выхода „Четокъ“ Анну Ахматову, „въ виду несомнѣннаго таланта поэтессы“, будутъ призывать къ расширенію „узкаго круга ея личныхъ темъ“. Я не присоединяюсь къ этому зову—дверь, по моему, всегда должна быть меньше храмины, въ которую ведетъ: только въ этомъ смыслѣ кругъ Ахматовой можно назвать узкимъ. И вообще, ея призваніе не въ растеченіи вширь, но въ разсѣченіи пластовъ, ибо ея орудія—не орудія землемѣра, обмѣряющаго землю и составляющаго опись ея богатымъ угодьямъ, но орудія рудокопа, врѣзающагося въ глубь земли къ жиламъ драгоцѣнныхъ рудъ.

Впрочемъ, Пушкинъ навсегда далъ поэту законъ; его, со всѣми намеками на содержаніе строфы, въ которую онъ входитъ, я и приведу здѣсь:

Идешь, куда тебя влекутъ
Мечтанья тайныя.

Такой сильный поэтъ, какъ Анна Ахматова, конечно, послѣдуетъ завѣту Пушкина.

Н. В. Недоброво.

какихъ и видано прежде не бывало. И слава Богу, что люди, дѣйствительно, оказались безпредѣльно прекраснѣе, чѣмъ о нихъ думали; это въ особенности относится къ тому, столь оклеветанному до войны, русскому молодому поколѣнію, къ которому принадлежатъ почти всѣ рядовые и младшіе офицеры нашей арміи и которое, такимъ образомъ, выноситъ на себѣ свѣтлое будущее Россіи и міра. Къ Ахматовой надо отнестись съ тѣмъ большимъ вниманіемъ, что она во многомъ выражаетъ духъ этого поколѣнія и ея творчество любимо имъ. *Н. Н.*

Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры.

Письма Л. Н. Толстого къ Н. А. Некрасову. [1])

Въ архивѣ Н. А. Некрасова, сохранившемся въ с. Карабихѣ (Яросл. губ.), находится семнадцать писемъ Л. Н. Толстого. Сообщаемыя нами пять писемъ относятся къ началу литературной дѣятельности Толстого.

I.

3-го Іюля 1852-го года.

Милостивый Государь!

Моя просьба будетъ стоить вамъ такъ мало труда, что я увѣренъ вы не откажитесь исполнить ее. Просмотрите эту рукопись и ежели она не годна къ печатанію, возвратите ее мнѣ. Въ противномъ же случаѣ оцѣните ее, вышлите мнѣ то, что она стоитъ по вашему мнѣнію и напечатайте въ своемъ журналѣ. Я впередъ соглашаюсь на всѣ сокращенія, которыя вы найдете нужнымъ сдѣлать въ ней, но желаю, чтобы она была напечатана безъ прибавленій и перемѣнъ.

Въ сущности рукопись эта составляетъ 1-ю часть романа—Четыре эпохи развитія; появленіе въ свѣтъ слѣдующихъ частей будетъ зависѣть отъ успѣха первой. Ежели по величинѣ своей, она не можетъ быть напечатана въ одномъ нумерѣ, то прошу раздѣлить ее на три части: отъ начала до главы 17-ой, отъ главы 17-ой до 26-ой и отъ 26-ой до конца.

Ежели бы можно было найти хорошаго писца, тамъ гдѣ я живу, то рукопись была бы переписана лучше и я бы не боялся за лишнее предубѣжденіе, которое вы теперь непремѣнно получите противъ нея.

Я убѣжденъ, что опытный и добросовѣстный редакторъ—въ особенности въ Россіи—по своему положенію постояннаго посредника между сочинителями и читателями, всегда можетъ впередъ опредѣлить успѣхъ сочиненія и мнѣнія о немъ публики. Поэтому я съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего приговора. Онъ, или поощритъ меня къ продолженію любимыхъ занятій, или заставитъ сжечь все начатое.

Съ чувствомъ совершеннаго уваженія, имѣю честь быть, Милостивый Государь, вашъ покорнѣйшій слуга

Л. Н.

Адресъ мой: черезъ городъ Кизляръ въ станицу Старогладковскую, Поручику артиллеріи Графу Николаю Николаевичу Толстому съ передачею Л. Н.—Деньги для обратной пересылки—вложите въ письмо.

---

[1]) Печатаемые документы взяты изъ подготовляемой нами книги „Архивъ с. Карабихи“, выходящей осенью въ кн-вѣ К. Ф. Некрасова. Во всѣхъ письмахъ строго сохранена орѳографія подлинниковъ.

Письмо написано тщательнымъ мелкимъ почеркомъ, очевидно, рукою писаря. Вверху Некрасовъ сдѣлалъ помѣтку: *При этомъ письмѣ прислана повѣсть „Дѣтство“. Авторъ гр. Левъ Толстой.* Помѣтку эту Некрасовъ сдѣлалъ позднѣе, такъ какъ изъ отвѣта его Л. Н. Толстому черезъ Николая Николаевича не видно, чтобы онъ съ увѣренностью могъ назвать автора присланной повѣсти. Въ письмѣ къ И. С. Тургеневу (отъ 21 окт. 1852 г.) Некрасовъ, говоря о повѣсти „Дѣтство“, пишетъ, что настоящее имя автора „гр. Ник. Ник. Толстой, офицеръ служащій на Кавказѣ“.

(*Н. А. Некрасовъ. А. Н. Пыпина*, стр. 110).

Приводимъ отвѣтъ Некрасова полностью.

(*безъ даты*)

Милостивый Государь!

Я прочелъ Вашу рукопись (Дѣтство). Она имѣетъ въ себѣ настолько интереса, что я ее напечатаю. Не зная продолженія, не могу сказать рѣшительно, но мнѣ кажется, что въ авторѣ есть талантъ. Во всякомъ случаѣ направленіе автора, простота и дѣйствительность содержанія составляютъ неотъемлемыя достоинства этого произведенія. Если въ дальнѣйшихъ частяхъ (какъ и слѣдуетъ ожидать) будетъ поболѣе живости и движенія, то это будетъ хорошій романъ. Прошу васъ прислать мнѣ продолженіе. И романъ вашъ и талантъ меня заинтересовали.

Еще я посовѣтовалъ бы Вамъ не прикрываться буквами, а начать печататься прямо съ своей фамиліей, если только вы не случайный гость въ литературѣ. Жду Вашего отвѣта.

Примите увѣреніе въ истинномъ моемъ уваженіи.

Н. Некрасовъ.

(„Литер. прилож. къ *Нивѣ*“ 1898 г., № 2).

Отвѣтъ отъ редактора *Современника* былъ полученъ Л. Н. Толстымъ 28-го августа 1852 г. Получивъ письмо, Л. Н. замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: „Оно обрадовало меня до глупости“. (Л. Н. Толстой. Біогр. П. Бирюкова, т. I, стр. 209).

II.

Милостивый Государь.

Меня очень порадовало доброе мнѣніе, выраженное Вами о моемъ романѣ; тѣмъ болѣе что оно было первое, которое я о немъ слышалъ и что мнѣніе это было, именно, Ваше. Несмотря на это, повторяю просьбу, съ которой обращался къ Вамъ въ первомъ письмѣ моемъ: оцѣнить рукопись, выслать мнѣ деньги, которыя она стоитъ по вашему мнѣнію, или прямо сказать мнѣ, что она ничего не стоитъ.

Принятая мною форма автобіографіи и принужденная связь послѣдующихъ частей съ предъидущею, такъ стѣсняютъ меня, что я часто чувствую желаніе бросить ихъ и оставить 1-ую безъ продолженія.

Во всякомъ случаѣ, ежели продолженіе будетъ окончено, и какъ скоро оно будетъ окончено, я пришлю его Вамъ.

Въ ожиданіи вашего отвѣта, съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь,

Вашъ покорный слуга

Л. Н.

Адресъ: Въ г. Кизляръ. Графу Николаю Николаевичу Толстому, съ передачею *Л. Н.*

15 Сентября
1852.

5-го сентября Некрасовъ пишетъ Толстому второе письмо съ просьбою сообщить настоящее имя автора. „Это мнѣ нужно и по правиламъ нашей цензуры".

Объ этомъ письмѣ Л. Н. такъ отзывается въ своемъ дневникѣ: „30-го сентября. Получилъ письмо отъ Некрасова, похвалы, но не деньги". (Бирюковъ, стр. 211).

Послѣ вторичнаго напоминанія Л. Н., все еще скрывавшаго свое имя, „оцѣнить рукопись и выслать деньги", Некрасовъ пишетъ: „Что касается вопроса о деньгахъ, то я умолчалъ объ этомъ въ прежнихъ моихъ письмахъ по слѣдующей причинѣ: въ лучшихъ нашихъ журналахъ издавна существуетъ обычай *неплатить* за *первую* повѣсть начинающему автору, котораго журналъ впервые рекомендуетъ публикѣ... Я предлагаю Вамъ то же, съ условіемъ, что за дальнѣйшія Ваши произведенія прямо назначу вамъ лучшую плату, какую получаютъ наши извѣстнѣйшіе (весьма немногіе беллетристы) т. е. 50 р. сер. съ печатнаго листа".

Въ концѣ письма Некрасовъ опять дѣлаетъ приписку: „Мы *обязаны* знать имя каждаго автора, котораго сочиненія печатаемъ, и потому дайте мнѣ *положительныя* извѣстія на этотъ счетъ. Если Вы хотите, то никто кромѣ насъ этого знать не будетъ". (Прилож. къ *Нивѣ* 1898—2).

III.

(Начало ноября 1852 г.).

Милостивый Государь!

Очень сожалѣю, что не могу тотчасъ исполнить вашего желанія, приславъ что нибудь новое для напечатанія въ вашемъ журналѣ; тѣмъ болѣе, что условія которыя вы мнѣ предлагаете, нахожу для себя слишкомъ выгодными и вполнѣ соглашаюсь на нихъ.

Хотя у меня кое что и написано, я не могу прислать вамъ теперь ничего: вопервыхъ потому, что нѣкоторый успѣхъ моего перваго сочиненія развилъ мое авторское самолюбіе и я-бы желалъ чтобы послѣдующія не были хуже перваго, вовторыхъ вырѣзки сдѣланныя цензурой въ *Дѣтствѣ*, заставили меня во избѣжаніе подобныхъ, передѣлывать много снова.—Не упоминая о мелочныхъ измѣненіяхъ, замѣчу два которыя въ особенности поразили меня. Это выпускъ исторіи Любви Натальи Савишны обрисовывавшей въ нѣкоторой степени бытъ стараго времени и ея характеръ и придававшей человѣчность ея личности и перемѣна заглавія.—Заглавіе: *Дѣтство* и нѣсколько словъ предисловія объясняли мысль сочиненія; заглавіе же *Ист. М. Д.* напротивъ, противорѣчитъ ей. Кому какое дѣло до исторіи *моего* дѣтства? Послѣднее измѣненіе въ особенности непріятно мнѣ, потому, что, какъ я писалъ вамъ въ первомъ письмѣ моемъ, я хотѣлъ, чтобы *Дѣтство* было первой частью романа, котораго слѣдующія—должны быть: Отрочество, Юность и Молодость.

Я буду просить васъ, Милостивый Государь, дать мнѣ обѣщаніе, насчетъ будущаго моего писанія, ежели вамъ будетъ угодно продолжать принимать его въ свой журналъ—не измѣнять въ немъ ровно ничего. Надѣюсь что вы не откажите мнѣ въ этомъ. Что до меня касается, то повторяю обѣщаніе прислать вамъ первое что почту достойнымъ напечатанія.

Подписываюсь своей фамиліей но прошу чтобы это было извѣстно одной редакціи.

Съ совершеннымъ уваженіемъ
имѣю честь быть
Милостивый Государь
Вашъ покорнѣйшій слуга.

Гр. *Л. Н. Толстой.*

P. S. Будьте такъ добры, пришлите мнѣ экземпляръ моей повѣсти, ежели это возможно.

Письмо это, очевидно,—отвѣтъ на письмо Некрасова (отъ 30 октября 1852 г.), гдѣ онъ проситъ Л. Н—ча выслать повѣсть „или что нибудь въ родѣ повѣсти, романа или разсказа".

„Исторія моего дѣтства" за подписью Л. Н. Т. была напечатана въ сентябрьской книжкѣ *Современника* за 1852 г.

IV.

26 Декабря (1852 г.).

Милостивый Государь!

Посылаю небольшой разсказъ; ежели вамъ будетъ угодно напечатать его на предложенныхъ мною условіяхъ, то будьте такъ добры исполнить слѣдующія мои просьбы: ни выпускайте, не прибавляйте, и главное, не перемѣняйте въ немъ ничего. Ежели-бы что нибудь въ немъ такъ не понравилось вамъ, что вы рѣшитесь печатать безъ измѣненія, то лучше подождать печатать и объясниться.

Ежели, противъ чаянія, цензура вымараетъ въ этомъ разсказѣ слишкомъ много, то пожалуйста не печатайте его въ изувѣченномъ видѣ; а возвратите мнѣ. На послѣдней страницѣ я означилъ ✕ и ✱ два варіанта, которыя я сдѣлалъ въ двухъ мѣстахъ, за которыя я боюсь въ этомъ отношеніи; просмотрите и вставьте ихъ, ежели найдете это полезнымъ.

Я полагаю, что примѣчанія, которыя я сдѣлалъ на послѣднемъ листѣ, или по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ необходимы для Русскихъ читателей.

Я-бы тоже желалъ чтобы дѣленія, означенныя мною черточкой такъ и оставались въ печати.

Извините, что рукопись уродливо и нечисто написана; и то мнѣ стоило ужаснаго труда!

Въ ожиданіи вашего отвѣта и мнѣнія о этомъ разсказѣ, имѣю честь быть, съ совершеннымъ уваженіемъ, вашъ покорнѣйшій слуга

Г. Л. Толстой.

„Небольшой разсказъ", очевидно,—„Набѣгъ". 24-го декабря того же (1852) года Левъ Николаевичъ кончаетъ разсказъ „Набѣгъ" и черезъ два дня отсылаетъ его въ редакцію *Современника*.

(Біогр. Бирюкова, стр. 217).

V.

Милостивый Государь
Николай Алексѣевичъ!

Въ предыдущемъ письмѣ моемъ я мелькомъ писалъ Вамъ, о матерьялахъ набравшихся у меня для военнаго журнала, который предполагалось издавать при арміи и которые—матерьялы—я предлагалъ Вамъ, помѣстить въ Вашемъ журналѣ; теперь подробнѣе поговорю объ этомъ предметѣ.

Въ неудачѣ этого журнала мнѣ не столько жалко даромъ пропавшихъ трудовъ и матерьяловъ, сколько мысли этого журнала, которая стоитъ того чтобы быть осуществленной, хотя отчасти, ежели невозможно было осуществить ее вполнѣ.

Основная мысль этого журнала заключалась въ томъ, что ежели не большая часть, то вѣрно большая половина читающей публики состоитъ изъ военныхъ, а у нихъ нѣтъ военной литературы, исключая офиціальной военной литературы,

почему то не пользующейся довѣріемъ публики и потому не могущей ни давать ни выражать направленія нашего военнаго общества. Мы хотѣли основать *листокъ*, по цѣнѣ и по содержанію, доступный *всѣмъ* сословіямъ военнаго общества, который бы избѣгая всякаго столкновенія съ существующими у насъ военно-офиціальными журналами, служилъ бы только выраженіемъ духа войска.—

Журналъ-бы раздѣлялся на офиціальную и неофиціальную часть. Въ 1-ой помѣщались-бы 1) Извѣстія о военныхъ событіяхъ со всѣхъ театровъ войны.

2) Приказы о наградахъ за заслуги, выходящія изъ общаго разряда отличій. 3) Сентенціи военнаго суда за постыдные поступки. Въ неофиціальной—помѣщались-бы: 1) Современные и историческіе разсказы изъ военнаго быта. 2) Біографіи и некрологи военныхъ лицъ всѣхъ сословій.—3) Солдатскія пѣсни. 4) Популярныя статьи о ученыхъ предметахъ военнаго искусства (тактики, артиллеріи, инженернаго искусства).—Изъ военнаго министерства—гдѣ вы можете найти и подробный проэктъ и пробный листокъ нашъ—отвѣтили намъ, что мы можемъ печатать статьи свои въ *Инвалидѣ*. Но по духу этого предполагавшагося журнала вы поймете, что статьи приготовленныя для него, скорѣе могутъ найти мѣсто въ *Земледѣльческой Газетѣ*, или въ какой нибудь Арабескѣ чѣмъ въ *Инвалидѣ*. Поэтому-то я и прошу васъ дать нѣкоторымъ отдѣламъ — почти всѣмъ неофиціальнымъ мѣсто въ вашемъ журналѣ и не временное а постоянное. Я бы ежемѣсячно взялся доставлять отъ 2 до 5 и болѣе печатныхъ листовъ статей военнаго содержанія, литературнаго достоинства никакъ не ниже статей печатанныхъ въ вашемъ журналѣ—(я смѣло говорю—ибо статьи эти будутъ принадлежать не мнѣ) и направленія такого, что онѣ не доставятъ вамъ никакого затрудненія въ отношеніи цензуры.

Наши выгоды—ежели вы примите—или предложенія будутъ состоять 1) въ томъ что мысль наша основать литературу, служащую выраженіемъ военнаго духа, найдетъ начало осуществленія, которое надѣюсь со временемъ приметъ большіе размѣры и 2) въ томъ что статьи наши будутъ помѣщаться въ лучшемъ и пользующемся наибольшимъ довѣріемъ публики—журналѣ.

Ваши выгоды будутъ состоять 1) въ пріобрѣтеніи образованныхъ и даровитыхъ сотрудниковъ 2) въ увеличеніи интереса вашего журнала и 3) въ отчасти обезпеченномъ заготовленіи матеріаловъ для него. Выгоды на вашей сторонѣ; поэтому и условія которыя я предложу вамъ будутъ для васъ тяжеле тѣхъ которыя возьму на себя.—

Я обязываюсь доставлять вамъ ежемѣсячно отъ 2 до 5 листовъ статей военнаго содержанія, за которыя вы мнѣ платите сколько хотите. Вы же обязываетесь печатать тотчасъ-же все что я ни пришлю вамъ.—Признаюсь условіе это кажется слишкомъ дерзко и я боюсь что вы не захотите принять его. Но ежели вы повѣрите тому какъ много я дорожу достоинствомъ журнала, котораго я имѣю честь быть сотрудникомъ и признаете во мнѣ нѣсколько литературнаго вкуса, надѣюсь, вы не захотите своимъ несогласіемъ разрушить такую обоюдновыгодную для насъ сдѣлку и предпріятіе не лишенное и общей пользы.

Ежели отвѣтъ вашъ будетъ благопріятенъ то на 1-й мѣсяцъ пришлю я вамъ *письмо о сестрахъ милосердія, Воспоминанія о осадѣ Силистріи. Письмо солдата изъ Севастополя.*

Затѣмъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи Вашего отвѣта и согласія на мое предложеніе имѣю честь быть

Вашъ покорнѣйшій слуга
Гр. *Л. Толстой.*

11 Января
1855.

Въ письмѣ (Севастополь, 20 ноября, 1854) къ брату, Сергѣю Николаевичу, Толстой сообщалъ, что проектъ журнала былъ представленъ великому князю, очень ему понравился и былъ переданъ Государю. Деньги на изданіе предполагавшагося журнала давали Столыпинъ и Л. Н. Толстой, который вмѣстѣ съ Константиновымъ (онъ „издавалъ *Кавказъ* и человѣкъ опытный въ этомъ дѣлѣ“) должны были вести редакціонную работу.

Изданіе военнаго журнала, какъ видно изъ письма Л. Н—ча къ Некрасову, не осуществилось, и 30 апр. 1855 г. онъ пишетъ ему изъ Севастополя: „Вы уже должны были получить мою статью Севастополь въ декабрѣ и обѣщаніе статьи Столыпина... Теперь мы всѣ собрались и литературное общество падшаго журнала начинаетъ организовываться и, какъ я вамъ писалъ, ежемѣсячно вы будете получать отъ меня двѣ, 3 или 4 статьи *современнаго* военнаго содержанія“... (Письма Л. Н. Толстого, собр. и ред. П. А. Сергѣенко, т. I., стр. 44—45; 48—49).

Н. Ашукинъ.

Религія воскрешенія.

„Философія общаго дѣла“ Н. Ѳ. Ѳедорова.

I.

„Не стало человѣка изумительнаго, рѣдкаго, исключительнаго. О возвышенномъ умѣ Николая Ѳедоровича Ѳедорова, о его разнообразныхъ, обширныхъ познаніяхъ, о его добросовѣстности, какъ труженика, и объ идеальной нравственной чистотѣ его напоминать людямъ, сколько-нибудь его знавшимъ, излишне: они и безъ того всѣ единогласно скажутъ: „то былъ мудрецъ и праведникъ!“; а болѣе близкіе къ нему добавятъ: „то былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ праведниковъ, которыми держится міръ!“ “ [1]). Такъ начинаетъ В. А. Кожевниковъ свою книгу о Николаѣ Ѳедоровичѣ Ѳедоровѣ, мыслителѣ исключительной оригинальности, дерзновенія и силы. Имя Ѳедорова извѣстно лишь немногимъ, или лично знавшимъ его, или имѣющимъ исключительный интересъ къ тому, чѣмъ жилъ Ѳедоровъ. Да и трудно было узнать его. Всѣмъ существомъ своимъ отрицалъ Ѳедоровъ частную собственность на идеи и на печатныя произведенія. Онъ не только не хотѣлъ получать денегъ за написанное имъ, но и не хотѣлъ повѣдать міру своего личнаго творчества. У него не было этой мучительной и радостной жажды отпечатлѣть на жизни міровой свою индивидуальность и неповторимую тайну зародившейся въ ней мысли. Онъ не только былъ лишенъ честолюбія и славолюбія, какъ дурныхъ страстей,—онъ лишенъ былъ томительнаго желанія увидѣть свою индивидуальность не только въ себѣ, но и въ мірѣ. Онъ не болѣлъ проблемой индивидуальной судьбы. Ѳедоровъ не былъ писателемъ по темпераменту. Писательство не было для него личнымъ творчествомъ, роковой потребностью выразить себя, перелиться въ міръ объективный. Писательство было для него лишь общимъ дѣломъ, вселенскимъ дѣломъ. Онъ писалъ лишь дѣловое и о дѣловомъ.

---

[1]) См. *В. А. Кожевниковъ:* „Николай Ѳедоровичъ Ѳедоровъ“, стр. 1. Книга издана *не для продажи.*

Это совсѣмъ почти не литература. Ѳедоровъ излагаетъ вселенскіе дѣловые проекты, перескакиваетъ отъ Св. Троицы къ устройству музея, отъ метеорологіи къ воскрешенію мертвыхъ, безконечно повторяется, соединяетъ безумную фантастику съ трезвымъ реализмомъ. И всетаки Ѳедоровъ пишетъ своеобразнымъ и сильнымъ языкомъ, и формулы его необыкновенно остры. Первый томъ его „Философіи общаго дѣла“ собрали изъ отдѣльныхъ отрывковъ друзья его В. А. Кожевниковъ и Н. П. Петерсонъ и издали въ 1906 г. не для продажи. Второй томъ появился въ 1913 г. Написано о Ѳедоровѣ очень мало [1]). И вотъ этому почти неизвѣстному человѣку, скромному библіотекарю Румянцевскаго музея, писалъ Вл. Соловьевъ: „Прочелъ я Вашу рукопись съ жадностью и наслажденіемъ духа, посвятивъ этому чтенію всю ночь и часть утра, а слѣдующіе два дня, субботу и воскресенье, много думалъ о прочитанномъ. „Проэктъ“ Вашъ я принимаю *безусловно* и безъ всякихъ разговоровъ... *Со времени появленія христіанства Вашъ „проэктъ“ естъ первое движеніе впередъ человѣческаго духа по пути Христову. Я съ своей стороны могу только признать Васъ своимъ учителемъ и отцомъ духовнымъ* (курсивъ мой. Н. Б.)... Будьте здоровы, дорогой учитель и утѣшитель“ [2]). Л. Толстой говорилъ о Ѳедоровѣ: „я горжусь, что живу въ одно время съ подобнымъ человѣкомъ“ [3]). А Фетъ-Шеншинъ прибавляетъ отъ себя: „Много надо имѣть духовнаго капитала, чтобы заслужить такіе отзывы, ибо не знаю человѣка, знающаго Васъ, который не выражался бы о Васъ въ подобномъ же родѣ“ [4]). Очень высокаго мнѣнія о Ѳедоровѣ былъ и Достоевскій, который писалъ Петерсону: „Онъ (Ѳедоровъ) слишкомъ заинтересовалъ меня... Въ сущности совершенно согласенъ съ этими мыслями. Ихъ я прочелъ какъ бы за свои“ [5]). Н. Ѳ. Ѳедоровъ одно время оказывалъ сильное вліяніе на Вл. Соловьева, и оно особенно сказалось въ статьѣ „Объ упадкѣ средневѣкового міросозерцанія“. Что же это за странный мыслитель, что за необыкновенный человѣкъ, къ которому такъ относились самые большіе русскіе люди?

Николай Ѳедоровичъ Ѳедоровъ—геніальный самородокъ, оригиналъ

---

[1]) Кромѣ основной для ознакомленія съ Ѳедоровымъ книги В. А. Кожевникова „Н. Ѳ. Ѳедоровъ“, систематизирующей міросозерцаніе Ѳедорова, изданной тоже не для продажи, можно указать на статью С. Н. Булгакова „Загадочный мыслитель“ въ сборникѣ „Два Града“, на книжку Н. П. Петерсона „Н. Ѳ. Ѳедоровъ и его книга „Философія общаго дѣла“ въ противоположность ученію Л. Толстого“ и сборникъ „Вселенское дѣло“.

[2]) См. приложеніе къ книгѣ Кожевникова, стр. 318.

[3]) См. тамъ же.

[4]) Тамъ же, стр. 320.

[5]) См. тамъ же, стр. 316. Въ этомъ письмѣ Достоевскаго есть интересное мѣсто: „Предупреждаю, что мы здѣсь, т.-е. я и Соловьевъ, по крайней мѣрѣ, вѣримъ въ воскресеніе реальное, буквальное, личное и въ то, что оно будетъ на землѣ“.

и чудакъ. Это характерно-русскій человѣкъ, русскій искатель всеобщаго спасенія, знающій способъ спасти весь міръ и всѣхъ людей. Въ нѣдрахъ Россіи, въ самой народной жизни немало есть такихъ людей, но въ лицѣ Ѳедорова этотъ русскій типъ нашелъ свое геніальное выраженіе. Вѣдь поистинѣ это характерная черта русскаго духа—искать всеобщаго спасенія, нести въ себѣ отвѣтственность за всѣхъ. Западные люди легко мирятся съ гибелью многихъ. Западные люди больше дорожатъ утвержденіемъ цѣнностей, чѣмъ всеобщимъ спасеніемъ. Но русскому духу трудно примириться не только съ гибелью многихъ, но даже нѣсколькихъ и одного. Каждый отвѣтственъ за весь міръ и всѣхъ людей. Каждый долженъ стремиться къ спасенію всѣхъ и всего. И русская душа ищетъ способовъ всеобщаго спасенія, вырабатываетъ планы и проекты спасенія, то соціальные, то научные, то моральные, то религіозные и мистическіе. Въ этомъ русско-славянскомъ прожектерствѣ всемірнаго спасенія своеобразно сочетаются фантазерство съ практическимъ реализмомъ, мистика съ раціонализмомъ, мечтательность съ трезвостью.

Н. Ѳ. Ѳедоровъ довелъ до послѣдней остроты и предѣльной крайности это русское сознаніе всеобщей отвѣтственности всѣхъ за всѣхъ и долга всеобщаго спасенія. Онъ совершенно отвергаетъ всякую личную, индивидуальную перспективу жизни временной и вѣчной, какъ безнравственную, безчеловѣчную и безбожную. Жить нравственно, человѣчно и божественно можно лишь со всѣми и для всѣхъ, не для другихъ только, но для всѣхъ безъ единаго исключенія. Ѳедоровъ—мыслитель-радикалъ, все доводящій до предѣла, не допускающій никакихъ сдѣлокъ и компромиссовъ. Въ немъ нѣтъ гибкости и пластичности. Это тоже характерно-русская въ немъ черта. Такой радикально-дерзновенный проектъ всеобщаго спасенія, какъ у Ѳедорова, никогда еще, кажется, не былъ высказанъ на человѣческомъ языкѣ. Вѣра Ѳедорова въ свою идею абсолютна, не знаетъ сомнѣній и колебаній; она дерзаетъ противопоставить себя всему міру, всему враждебному этой идеѣ движенію въ мірѣ, всѣмъ повальнымъ мыслямъ людскимъ. Ѳедоровъ—моноидеистъ, онъ не хочетъ знать многаго въ мірѣ. Идея Ѳедорова—полярная противоположность всякому индивидуализму, она для всѣхъ и со всѣми, во имя всеобщаго спасенія. И идея эта противится сознанію всѣхъ людей, движенію всего человѣчества. Это нимало не смущаетъ Ѳедорова. Небывалый утопизмъ, фантазерство, мечтательность соединяются въ Ѳедоровѣ съ практицизмомъ, трезвостью, разсудочностью, реализмомъ. Ѳедоровъ объявляетъ себя врагомъ не только всякаго идеализма и романтизма, но и всякой мистики. Ѳедоровъ вѣритъ въ возможность раціонально регулировать и управлять всей жизнью міра, безъ всякаго ирраціональнаго остатка. Онъ не хочетъ признавать темнаго,

ирраціональнаго истока въ жизни міровой и жизни человѣческой, безосновной воли къ злу, съ которой не можетъ справиться никакой свѣтъ знанія и сознанія. Въ этомъ душа его не современна. Ибо современное сознаніе на самой высокой ступени своей не можетъ вѣрить въ полную и окончательную раціонализацію жизни, въ утопію раціональнаго добра,—оно скорѣе волюнтаристично, чѣмъ интеллектуалистично и раціоналистично, оно видитъ темный истокъ, бездну, не поддающуюся раціонализаціи и моралізаціи, истокъ вѣчнаго движенія и борьбы, остатокъ ирраціональнаго для всякой раціональной и моральной нормы. Ѳедоровъ по духу своему ближе къ мыслителямъ XVIII вѣка и къ утопистамъ въ родѣ Фурье. Онъ безгранично вѣритъ въ возможность установленія естественно-праведнаго міропорядка, вѣритъ въ управляющую силу разума. Но онъ переноситъ центръ тяжести изъ сферы сущаго въ сферу должнаго, въ проективность. Фантазерство и утопичность у Ѳедорова связаны именно съ его реализмомъ, съ его матеріализмомъ. Его дерзновенные проекты направлены именно на этотъ матеріальный, эмпирическій міръ и пытаются его преобразовать, имъ управлять. Онъ врагъ созерцанія міровъ иныхъ, онъ требуетъ дѣйствія въ мірѣ этомъ. Слово „мистическій“ онъ всегда употребляетъ въ отрицательномъ смыслѣ, и оно равнозначно для него съ нереальнымъ, идеалистическимъ, фантастическимъ, хотя его собственная основная идея внѣ мистики лишена всякаго смысла. Ѳедоровъ былъ цѣльной натурой и обладалъ цѣльнымъ сознаніемъ, но объективно онъ раздирался противорѣчіями. Весь онъ есть чудовищная двойственность религіозно-мистическаго и позитивно-раціональнаго, реакціонно-консервативнаго и революціонно-прогрессивнаго. Именно примѣненіе позитивно-раціоналистическаго стиля и позитивно-раціоналистическихъ пріемовъ къ вещамъ мистическимъ и дѣлаетъ Ѳедорова утопистомъ-фантазеромъ. Мистическое воскрешеніе мертвыхъ, какъ бы къ нему ни относиться, во всякомъ случаѣ не можетъ быть названо утопіей или фантазіей. Но научно-позитивное воскрешеніе мертвыхъ есть утопическое фантазерство. Основнымъ моральнымъ и религіознымъ мотивомъ Ѳедорова была невозможность примириться съ вѣчной гибелью и адскими муками хотя бы единаго существа на землѣ. Непримиримую вражду къ смерти временной и смерти вѣчной Ѳедоровъ сдѣлалъ дѣломъ своей жизни. Воскресить для вѣчной жизни всякое существо, скошенное смертью во времени,—вотъ великая идея, которой Ѳедоровъ былъ цѣликомъ захваченъ. Всеобщее спасеніе и воскресеніе зависитъ не только отъ Бога, но и отъ человѣка, отъ его собственной активности. Братское соединеніе людей для общаго дѣла, активная регуляція природы человѣкомъ предотвратитъ страшный судъ и гибель, приведетъ ко всеобщему воскресенію и вѣчной жизни. Для Ѳедорова апокалиптическія пророчества о концѣ міра условны,

они—лишь угроза человѣку. Христіанская идея *воскресенія* мертвыхъ у Ѳедорова превращается въ идею *воскрешенія*, какъ долга человѣка, какъ дѣла его активности. Въ идеѣ этой есть геніальное дерзновеніе, и сознаніе это—одно изъ самыхъ высокихъ, до какихъ только поднимался человѣкъ. Ѳедоровъ—послѣднее явленіе славянофильства, но въ его лицѣ старое въ славянофильствѣ отмираетъ, и рождается новое, еще не бывшее. Но многое осталось въ немъ отъ стараго славянофильства и даже въ преувеличенномъ видѣ. Вражда къ Западу и къ католичеству у него большая, чѣмъ у славянофиловъ. Онъ даже славянофиловъ и Достоевскаго упрекаетъ въ томъ, что они недостаточно русскіе, слишкомъ западные люди; не можетъ простить Хомякову того, что тотъ назвалъ Европу „страной святыхъ чудесъ". Въ католичествѣ онъ видитъ лишь адъ, гибель, месть; въ православіи—всеобщее спасеніе, печалованіе о розни. Онъ очень не любитъ Данте: въ дантовскомъ *Адѣ* видитъ выраженіе католической мстительности, нежеланіе всеобщаго спасенія. Но вѣдь и въ православіи нѣтъ идеи всеобщаго спасенія. А человѣческой активности на Западѣ, въ католичествѣ, больше, чѣмъ на Востокѣ, въ православіи. Отъ славянофиловъ получилъ Ѳедоровъ идеализацію русскаго патріархальнаго быта, какъ нравственной основы жизни, идеализацію нашихъ крестьянско-земледѣльческихъ устоевъ, общины и т. п. Онъ въ гораздо большей степени, чѣмъ славянофилы, исповѣдуетъ религію рода. Онъ—народникъ и демократъ, врагъ всего аристократическаго и утонченно-культурнаго. У Ѳедорова есть характерно-русская нелюбовь къ культу великихъ, къ возвышенію личности. Онъ весь въ народномъ, національномъ коллективѣ и не чувствуетъ личности, какъ начала самоцѣннаго. Онъ совсѣмъ не пережилъ проблемы индивидуальности, индивидуальной судьбы. Не понимаетъ ирраціональной тайны индивидуальнаго. Его не мучила индивидуальная трагедія. У Ѳедорова, какъ и у многихъ русскихъ, слабо выражены нравственныя и религіозныя начала свободы и достоинства личности. Также чуждо ему артистическое воспріятіе жизни. Онъ не любилъ артистизма, какъ начала дарового, а не трудового. Къ своей вѣрѣ онъ пришелъ не черезъ свободу личности, не черезъ рожденіе въ духѣ. Онъ остался въ первомъ рожденіи, въ родѣ, въ родовой преемственности и традиціи. Ѳедоровъ всегда за здоровье, за трезвость. Онъ не понимаетъ болѣзни, духовнаго кризиса, усложненія и утонченія. Ему чуждъ опытъ зла, путь расщепленія. Стремленіе къ полной раціонализаціи и моральзаціи всего связано съ отрицаніемъ таинственнаго въ жизни, индивидуально неповторимаго. Въ немъ самомъ не чувствуется личной драмы, темнаго начала. Онъ былъ аскетомъ въ жизни, жилъ на гроши, спалъ на сундукѣ, но аскетизмъ его былъ легкій, натурально-благостный. Въ сознаніи своемъ онъ отрицалъ аскетизмъ. Ѳедоровъ—природный врагъ діонисическаго

опьянѣнія, избыточности, рождающей трагизмъ. Онъ хочетъ замѣнить все даровое трудовымъ. Исключительно трудовое сознаніе Ѳедорова ведетъ къ отрицанію всего дарового и даровитаго, всякой творческой игры, всякой избыточности. Даровое — аристократично и артистично; оно претитъ моральному сознанію Ѳедорова, возложившему на себя бремя міровой отвѣтственности, активную задачу всеобщаго воскрешенія и спасенія—не личнаго совершенства, а всеобщаго дѣла. Правда о трудовой активности человѣка заслоняла отъ него иную правду—объ искупляющей божественной благодати. Вся философія Ѳедорова—не творческая, а хозяйственная, не легкая, а тяжелая. Это философія трудовой заботы. Его сознанію была чужда евангельская беззаботность птицъ небесныхъ и полевыхъ лилій. И въ этомъ есть что-то характерно-русское, русская безрадостность, подавленность нравственной совѣстью, не допускающей свободной и даровой творческой избыточности, русское исканіе общаго дѣла, дѣла спасенія. Русская душа не можетъ радостно творить культуру; она болѣетъ за міръ и за всѣхъ людей, жаждетъ всѣхъ спасти. Ѳедоровъ былъ антиподомъ Л. Толстого, рѣзко критиковалъ „непротивленіе“, но что-то типически-русское въ обликѣ сближало его и съ Толстымъ. Болѣзнь русской совѣсти, печалованіе о розни людей и гибели людей, жажда спасенія людей и царства Божьяго здѣсь на землѣ—все это выразилось у Ѳедорова необыкновенно сильно, безъ всякаго надрыва и раздвоенія. Ѳедоровъ—исключительно здоровый, трезвый, цѣльный духъ. Онъ не принадлежалъ къ этому распространенному у насъ типу людей, вѣчно мечтающихъ о великихъ дѣлахъ и не способныхъ ничего сдѣлать въ маломъ. Въ самомъ маломъ онъ умѣлъ видѣть великое и міровое. Въ скромномъ дѣлѣ библіотекаря музея, которое Ѳедоровъ исполнялъ съ необыкновенной добросовѣстностью, онъ видѣлъ начало всеобщаго дѣла, воскрешенія мертвыхъ. Онъ былъ и фантазеромъ-утопистомъ, и человѣкомъ дѣла, практическимъ труженикомъ. Въ характерѣ Ѳедорова чувствуется что-то крутое, почти сердитое и очень пристрастное. Онъ требователенъ къ себѣ и требователенъ къ другимъ, не выноситъ праздности и шалостей, ждетъ отъ людей совершеннолѣтія, трудовой зрѣлости. Суровость къ людямъ—обратная сторона его жажды всеобщаго спасенія, всеобщаго воскрешенія. Каждый долженъ быть воскрешенъ, но и каждый долженъ быть воскресителемъ. Для всѣхъ должно дѣлать общее дѣло, но и всѣ должны дѣлать общее дѣло. Жизнь Ѳедорова была суровая, и первыя воспоминанія его дѣтства, захватившія всю его душу, были трудныя. Вотъ что говоритъ онъ объ этихъ воспоминаніяхъ: „Отъ дѣтскихъ лѣтъ сохранились у меня три воспоминанія: видѣлъ я черный, пречерный хлѣбъ, которымъ питались крестьяне въ какой-то, вѣроятно, голодный годъ. Слышалъ я съ дѣтства объясненіе войны, которое привело меня

въ страшное недоумѣніе: „на войнѣ люди стрѣляютъ *другъ въ друга!*“ Наконецъ, узналъ я не о томъ, что есть и не родные, чужіе, а о томъ, что сами родные—не родные, а чужіе“ [1]). Его дѣтская душа была поражена безумной рознью людей и мучительнымъ вопросомъ о хлѣбѣ насущномъ. Ѳедоровъ былъ незаконный сынъ важнаго барина князя Гагарина, родившійся отъ связи его съ простой женщиной. Самодуромъ дѣдомъ онъ былъ оторванъ насильственно отъ матери и удаленъ отъ всего родного. Задачей жизни Ѳедорова стало изслѣдованіе причинъ розни людей, ихъ небратскаго состоянія и изысканіе путей къ братскому, родственному возсоединенію людей для общаго дѣла. Онъ не зналъ радостей родства и пришелъ къ религіи родства, въ родствѣ увидѣлъ основу всякой правды. Ѳедоровъ былъ пламеннымъ оптимистомъ, непоколебимо вѣрившимъ въ свое „общее дѣло“, въ царство Божіе на землѣ; пессимизмъ казался ему презрѣннымъ. Но оптимизмъ его былъ суровый и чистый. И ему пришлось испытать отчаяніе отъ одиночества. Онъ излагалъ свои мысли „подъ вліяніемъ полной безнадежности, зная, что никому эти писанія не нужны, что ученіе объ активномъ отношеніи къ природѣ со всѣми его слѣдствіями будетъ отвергнуто одними, какъ діатриба изъ временъ невѣжества, другими—какъ невѣріе. Есть отчего прійти въ отчаяніе среди такой полной безнадежности, среди такого духовнаго одиночества въ 74 года“ [2]). И всетаки Ѳедоровъ вѣрилъ, какъ никто еще на землѣ, въ полную и окончательную побѣду надъ зломъ и тьмой, въ подчиненіе разуму всей вселенной. Онъ совсѣмъ не хотѣлъ считаться съ темной волей, съ безконечной сложностью жизни. Все злое и темное было для него лишь незнаніемъ, невѣдѣніемъ, недостаткомъ сознанія. Сознаніе, знаніе уже благостно, нравственно, побѣдно. Онъ—раціоналистъ-утопистъ, своеобразный просвѣтитель. Онъ не хотѣлъ знать отпаденія человѣчества отъ христіанства. Ѳедоровъ лишенъ ирраціональнаго чувства зла, непобѣдимаго свѣтомъ сознанія. Онъ совершенно не знаетъ апокалиптической жути. Въ сознаніи Ѳедорова совмѣщаются совершенно несовмѣстимыя, непримиримыя начала: позитивизмъ XIX вѣка, вѣра въ безграничную силу науки и знанія, въ чудеса техники, управляющей слѣпыми силами природы, и христіанство, вѣра въ Христа Воскресшаго, въ Св. Троицу, какъ образецъ родственной общественности. Въ немъ живутъ двѣ души—раціоналистическая и мистическая, научная и религіозная, техническая и теургическая,—живутъ смѣшанно. Мы увидимъ, что двѣ полосы мысли, имѣющія разные истоки, были механически смѣшаны въ міровоззрѣніи Ѳедорова, а не органически претворены въ единство. Проблему зла Ѳедоровъ рѣшалъ,

---

[1]) См. *Кожевниковъ*, стр. 55—6.

[2]) См. *Кожевниковъ*, стр. 213—14.

какъ позитивистъ-раціоналистъ, и природу хотѣлъ регулировать, какъ ученый техникъ. Поэтому и религіозная идея воскрешенія разлагается у него на пласты мысли, не имѣющіе между собой ничего общаго. Но никогда позитивизмъ со своей технической мощью не доходилъ до такого дерзновенія, до котораго дошелъ Ѳедоровъ. Какъ училъ Ѳедоровъ о познаніи?

II.

Философія Ѳедорова—философія общаго дѣла, философія дѣйствія. Онъ—радикальный прагматистъ. Познаніе для Ѳедорова—не созерцаніе, а дѣйствіе. Онъ враждуетъ противъ всякаго гностицизма, какъ познанія пассивно-созерцательнаго, презираетъ всякую теоретическую метафизику, какъ порожденіе оторваннаго отъ жизни ученаго сословія, какъ болѣзненный продуктъ разрыва теоретическаго и практическаго разума. Прагматизмъ Ѳедорова гораздо болѣе радикальный и послѣдовательный, чѣмъ прагматизмъ Джемса или Бергсона. Его прагматизмъ находится въ непримиримой враждѣ съ наукой ученыхъ, какъ профессіональныхъ спеціалистовъ познанія, со всякимъ академическимъ, профессорскимъ, теоретическимъ знаніемъ. Познаніе есть дѣло, общее дѣло всѣхъ людей, всего человѣчества; познаніе основано на опытѣ „всѣхъ, всегда и вездѣ“. Философія должна быть *проэктивной*, активно-дѣйственной. Раздѣленіе на ученыхъ и неученыхъ есть несовершеннолѣтіе человѣчества. Ѳедоровъ пишетъ записку отъ неученыхъ къ ученымъ и предлагаетъ ученымъ, философамъ заняться единственнымъ достойнымъ дѣломъ—изслѣдованіемъ причинъ небратскаго, неродственнаго, немирнаго состоянія міра и изысканіемъ средствъ возстановленія родства. Ученые должны превратиться въ комиссію по изслѣдованію розни. Задача философіи и науки прагматическая, а не гностическая, практическая, а не теоретическая. Философія должна быть активнымъ преображеніемъ дѣйствительности. Ѳедоровъ не признаетъ существованія отвлеченной истины, пассивно воспринимаемой интеллектомъ. Истина не отдѣлима отъ правды, добра. Добываніе истины опредѣляется и волей къ дѣйствію, къ активному добру. Ѳедоровъ не допускаетъ познанія черезъ чистое мышленіе. Познаніе достигается активностью всего человѣческаго существа. „Обращеніе міра въ представленіе есть послѣднее слово ученаго сословія; будучи порожденіемъ праздности, внѣшняго бездѣйствія и индивидуализма, превращеніе міра въ представленіе есть послѣднее исчадіе праздности, какъ матери пороковъ, и солипсизма, какъ отца преступленій“. [1]) Наука — дитя барства, досуга. Университетъ Ѳедоровъ считаетъ от-

[1]) *Н. Ѳ. Ѳедоровъ.* „Философія общаго дѣла“, т. I, стр. 13.

жившимъ учрежденіемъ, попавшимъ въ рабство къ индустріализму. „Только у ученыхъ вѣра отдѣляется отъ дѣла, становится представленіемъ“. [1]) „Философія есть принадлежность несовершеннолѣтія, занятіе мнимое, безъ реальнаго дѣла“. [2]) Ѳедоровъ, въ сущности, провозглашаетъ конецъ философіи и начало дѣла. „Между Мыслимымъ (только) и (уже) Сущимъ, какъ и между Субъективнымъ и Объективнымъ (отнынѣ) должно быть помѣщено Проэктивное“. [3]) Въ этомъ требованіи замѣны философіи дѣломъ Ѳедоровъ страннымъ образомъ сближается съ Марксомъ и Энгельсомъ, которые тоже провозгласили конецъ философіи. Ѳедоровъ терпѣть не можетъ марксизмъ, но съ марксизмомъ у него есть формально общія черты. Знаніе по Ѳедорову доказывается дѣломъ. Мысль—отъ дѣйствія, и въ дѣйствіи лишь познается истина. „Только *дѣлая, осуществляя на дѣлѣ*, можно *понимать*“. [4]) Такъ, напримѣръ, устанавливаются дѣловыя условія пониманія Тріединаго Существа: „Мы поймемъ Его лишь тогда, когда сами сдѣлаемся многоединымъ, или, точнѣе сказать, *всѣ*—единымъ существомъ, и когда единство не будетъ выражаться въ господствѣ, а самостоятельность личностей не будетъ проявляться во враждѣ, когда будетъ полная взаимность, взаимопознаніе“. [5]) Ѳедоровъ постоянно подчеркиваетъ, что догматъ не есть созерцательное знаніе, а дѣйствіе, что догматъ проэктивенъ. Задача—не въ доказательствѣ бытія Божьяго, а въ достиженіи достойнаго состоянія. „Созерцаніе, видѣніе, мысли должны замѣниться проэктами, или, точнѣе сказать, участіемъ во *Всеобщемъ проэктѣ*“. [6]) Вопросъ о тождествѣ бытія и мышленія Ѳедоровъ рѣшаетъ совершенно прагматически: мышленіе и бытіе будутъ тождественны, когда мысль будетъ осуществлена. „Философъ—не идеалъ человѣка, а *односторонность, уродство*; философія,—какъ мысль безъ дѣла,—есть *абсурдъ, порокъ*“. [7]) „Общее свойство всѣхъ категорій знанія есть смертность, а общее свойство всѣхъ категорій дѣйствія—безсмертіе. Вотъ почему разумъ получаетъ значеніе не субъективное и не объективное, а *проэктивное*; и въ этой-то проэктивной способности и объединяются теоретическій разумъ и практическій“. [8]) Философія есть сознаніе паденія человѣка. „Изслѣдованіе причинъ небратскаго состоянія можетъ быть только братскимъ“, [9]) соборнымъ, коллективнымъ, а не индивидуалистическимъ. „Люди въ от-

[1]) „Философія общаго дѣла“, т. II, стр. 3.
[2]) „Философія общаго дѣла“, т. II, стр. 47.
[3]) Тамъ же, т. II, стр. 88.
[4]) Т. I, стр. 71.
[5]) Т. I, стр. 72.
[6]) Т. I, стр. 312.
[7]) Т. I, стр. 581.
[8]) Т. II, стр. 68—9.
[9]) Т. II, стр. 422.

дѣльности не могутъ быть мудрецами". [1]) „Знаніе дѣлается священною, религіозною обязанностью всѣхъ; эта же священная обязанность требуетъ знанія отъ всѣхъ и знанія всего, т.-е. чтобы всѣ стали познающими и все стало предметомъ знанія, и чтобы наука была выводомъ изъ наблюденій не кое-гдѣ, кое-кѣмъ и кое-когда производимыхъ, а изъ наблюденій, производимыхъ всѣми, вездѣ и всегда". [2]) Для Ѳедорова не только метафизика, но и „позитивизмъ основанъ также на отдѣленіи теоретическаго разума отъ практическаго. Безсиліе теоретическаго разума объясняется бездѣйствіемъ или отсутствіемъ общаго дѣла, какъ доказательства. Позитивизмъ—только видоизмѣненіе метафизической схоластики, которая и сама путемъ такого же видоизмѣненія произошла изъ схоластики теологической; поэтому позитивизмъ есть тоже схоластика, и позитивисты составляютъ школу, а не комиссію". [3]) Въ своемъ ученіи о познаніи Ѳедоровъ очень русскій мыслитель: онъ принимаетъ и продолжаетъ традиціи русской мысли, которая всегда стремилась къ знанію того, что должно быть, всегда была существенно проэктивна и прагматична, всегда отвращалась отъ чистой, созерцательной метафизики и гностики. Ѳедоровъ по-своему развиваетъ ученіе славянофиловъ о познаніи цѣлостнымъ духомъ, а не отвлеченнымъ разсудкомъ, но онъ радикальнѣе славянофиловъ, и его философія болѣе активная. Въ сущности и русскіе западники-радикалы всегда стремились къ соединенію истины съ правдой и видѣли цѣль знанія въ его служеніи преобразованію дѣйствительности. У русскихъ въ познаніи всегда преобладали мотивы моральные надъ мотивами метафизическими, и жажда религіознаго преображенія міра вытѣсняла мистическое созерцаніе. Но для русской души характерно не столько само дѣйствіе, сколько мысль о дѣйствіи. И Ѳедоровъ остался не столько дѣйствующимъ, сколько одиноко мыслившимъ о дѣйствіи. Его философія общаго дѣла—не соборная, не коллективная, не братская, а одинокая и практически бездѣйственная.

Свою теорію познанія Ѳедоровъ рѣшительно противополагаетъ античному „познай самого себя". Тотъ, кто начинаетъ съ познанія самого себя, тотъ уже отказывается отъ родства, отъ сыновства. „Познай самого себя — значитъ, не вѣрь отцамъ (т.-е. преданію), не довѣряй и братьямъ (свидѣтельству другихъ), а вѣрь только себѣ, знай только себя („сознаю—значитъ, существую")". [4]) Этой индивидуалистической, эгоистической теоріи познанія Ѳедоровъ противополагаетъ принципъ соборности, братства, сыновства въ познаніи. *Познайте другъ друга* — вотъ чего прежде всего требуетъ Ѳедоровъ. Будьте въ дѣлѣ познанія, какъ

---

[1]) Т. I, стр. 138.
[2]) Т. I, стр. 643.
[3]) Т. I, стр. 14.
[4]) Т. I, стр. 46.

и во всемъ, сынами своихъ отцовъ, помнящими родство. Познать истину можетъ не человѣкъ, не автономная личность, начинающая путь отъ себя, а сынъ человѣческій, принявшій преданіе, завѣты предковъ, познающій со всѣми и для всѣхъ. Ѳедоровъ видитъ дурной индивидуализмъ, отказъ отъ родства въ декартовскомъ cogito ergo sum. Декартъ начинаетъ съ собственной автономной мысли, ни отъ чего не зависящей и ни съ чѣмъ не связанной. Ѳедорову вдвойнѣ противна декартовская исходная точка зрѣнія: ему противно то, что Декартъ убѣждался въ своемъ бытіи черезъ мысль, а не черезъ дѣйствіе, и противно, что дѣлалъ онъ это въ индивидуальномъ отрывѣ, въ самоутвержденіи, а не въ родственномъ братскомъ единеніи. Такъ принужденъ Ѳедоровъ видѣть грѣхопаденіе въ самой основѣ европейской философіи. Всю новую философію создали сыны блудные, измѣнившіе отцамъ, забывшіе родство. „Изъ эгоистическаго—cogito ergo sum—рождается бездушное знаніе, тогда какъ изъ „чувствую утрату“, изъ чувства сиротства, рождается стремленіе къ единенію, къ оживленію и знаніе причинъ неродственности и смерти... При тѣснѣйшемъ соединеніи людей, при единствѣ не только чувства, но и дѣйствія, „сознаю“ будетъ значить „воскрешаю“, участвую въ общемъ дѣлѣ воскрешенія“. [1]) Для Ѳедорова познаніе рождается изъ чувства утраты предковъ, изъ потребности воскресить, познаніе—отъ печалованія, отъ необходимости вернуть жизнь, а не отъ свободы духа, не отъ самоцѣннаго стремленія къ раскрытію тайны бытія. Въ основѣ гносеологіи Ѳедорова лежитъ русская печаль, сознаніе людского горя, бремя отвѣтственности за всѣхъ, потребность помощи. Познаніе есть борьба со смертью. Не радостная избыточная творческая энергія привела Ѳедорова къ познанію, а черный хлѣбъ крестьянъ, неродственность, отчужденность, вражда людей. Ѳедоровъ—противникъ всякаго погруженія внутрь себя, въ глубину духа для познанія міра; онъ не вѣритъ въ этотъ путь. „Чтобы погрузиться внутрь себя, нужно отдаленіе и отдѣленіе, отчужденіе другъ отъ друга, и нѣтъ ни малѣйшей нужды въ соединеніи для возвращенія къ себѣ самому. Иначе сказать, нужно то самое, что требовалось заповѣдью „познай самого себя!“, т.-е., „знай только себя!“—откуда вышла философія Сократа и Платона. Другая же подобная (первой) заповѣдь: „не блуждай внѣ себя, возвратись къ себѣ, ибо во внутреннемъ человѣкѣ истина!“—откуда вышли Августинъ и вся средневѣковая философія; отсюда же—и Декартъ съ его „сознаю,—слѣдовательно, существую!“ [2]) Не менѣе позитивистовъ враждуетъ Ѳедоровъ противъ „внутренняго человѣка“, видитъ въ этомъ внутреннемъ пути лишь эгоистическое самопогруже-

---

[1]) Т. I, стр. 137.
[2]) Т. II, стр. 90.

ніе, сложеніе съ себя бремени отвѣтственности за всѣхъ, освобожденіе отъ родства. Матеріализмъ онъ всегда предпочитаетъ идеализму. Для Ѳедорова былъ закрытъ путь внутренняго раскрытія космоса, познаніе духовной дѣйствительности внутри человѣка. Ему совершенно чуждо сознаніе, что человѣкъ микрокосмъ, что внутри его раскрывается вся полнота бытія. Онъ совсѣмъ былъ отвращенъ отъ той великой истины, которая раскрывалась Парацельсу, Я. Беме, которую зналъ Лейбницъ, которая вновь была оживлена Баадеромъ и Шеллингомъ. Онъ обращенъ къ внѣшнему міру, какъ позитивистъ, наивный реалистъ и натуралистъ. Онъ рѣзко нападаетъ на Вл. Соловьева за то, что тотъ предпочелъ мистическое реальному. „Высшее благо Соловьевъ видѣлъ не въ возстановленіи реальнаго, а въ установленіи мистическаго; онъ не случайно покинулъ физико-математическій факультетъ ради „словеснаго“ и философскаго, ибо дѣйствительная сила, сообщаемая человѣчеству физикою, казалась ему совершенно ничтожною сравнительно съ мнимою силою, даруемою мистицизмомъ, магіей, каббалистикою... *Мистическія средства могутъ быть признаваемы лишь пока не явились средства дѣйствительныя*, а таковыхъ въ настоящее время уже не мало, хотя ихъ должно бы быть несравненно больше: попытки регуляціи метеорическаго процесса, дождя, града, грозъ, полярнаго сіянія; попытки отвода подземныхъ грозъ, землетрясеній; попытки искорененія заразныхъ болѣзней, противодѣйствіе одряхлѣнію организма, наконецъ, попытки оживленія послѣдняго... Вотъ *реальный путь не къ упраздненію, а къ усовершенствованію вещественнаго міра и къ его реальному, не мистическому, одухотворенію и оживленію.* Если Соловьевъ предпочелъ реальнымъ средствамъ міроулучшенія средства каббалистическія и тому подобныя, то, быть можетъ, потому, что они даютъ бо́льшую силу (хотя только мнимую) не всѣмъ, а лишь избраннымъ? Соловьевъ во всю жизнь хотѣлъ быть сверхчеловѣкомъ: то—медіумомъ, то—каббалистомъ, то, наконецъ,—пророкомъ“. [1]) Тутъ Ѳедоровъ противополагаетъ „мистическое“ „реальному“, какъ самый заправскій позитивистъ, какъ человѣкъ раціоналистическаго сознанія, не вѣрящій въ духовный опытъ, раскрывающій иную дѣйствительность, гораздо болѣе подлинную, чѣмъ та, что открывается въ опытѣ внѣшнемъ. Знаніе для него—всегда позитивное научное знаніе. Онъ всегда за позитивную науку противъ науки оккультной. Противъ Вл. Соловьева онъ отстаиваетъ не только позитивизмъ знанія, но и демократизмъ знанія. Все, что доступно немногимъ, открывается избраннымъ, вызываетъ въ немъ отвращеніе и недовѣріе. Чудесное, миѳическое считаетъ онъ мнимымъ. Въ своемъ ученіи о знаніи Ѳедоровъ остается типическимъ человѣкомъ научно-по-

[1]) Т. II, стр. 180—81.

зитивнаго и техническаго XIX вѣка, сформировавшаго свое сознаніе до того духовнаго кризиса, который раскрылъ людямъ XX вѣка, хотя и немногимъ еще, иные міры и иные способы познанія, возродилъ мистику, обратилъ къ тому, что Ѳедоровъ съ такимъ презрѣніемъ называетъ каббалистикой и магіей. Ѳедоровъ исповѣдуетъ расширенный, безграничный, дерзновенный позитивизмъ. „Ученіе о воскрешеніи можно назвать позитивизмомъ, но позитивизмомъ, относящимся къ дѣйствію, ибо по ученію о воскрешеніи не знаніе—миѳическое замѣняется позитивнымъ, а миѳическое фиктивное дѣйствіе замѣняется дѣйствіемъ положительнымъ, т.-е. дѣйствительнымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, ученіе о воскрешеніи не полагаетъ произвольныхъ границъ дѣйствію и имѣетъ въ виду дѣйствіе общее, а не каждаго въ отдѣльности. Воскрешеніе, какъ дѣйствіе, есть позитивизмъ въ области конечныхъ причинъ... Позитивизмъ дѣйствія предшественникомъ своимъ имѣетъ не миѳологію, а миѳическое искусство, ибо миѳологія есть произведеніе особаго класса жрецовъ—народъ же имѣетъ культъ, жертвоприношеніе, что и есть миѳическое искусство, и воскрешеніе есть превращеніе его въ дѣйствительное. Позитивизмъ дѣйствія есть не сословный, а народный“. [1]) Ѳедоровъ вѣритъ въ безграничную силу позитивнаго знанія, вѣритъ, какъ не вѣрилъ ни одинъ позитивистъ. Для него знаніе болѣе основное, чѣмъ воля. Сама смерть для Ѳедорова зависитъ отъ невѣжества, побѣда надъ смертью — отъ знанія и просвѣщенія. Онъ ставитъ дилемму: *„просвѣщеніе или смерть, знаніе или вѣчная гибель,*—другого выхода нѣтъ“. [2]) Братство людей зависитъ отъ знанія, отъ его глубины и широты. [3]) И знаніе это — не мистическое, не гностическое, а позитивное, научное знаніе, демократическое, всенародное естествознаніе. Ѳедоровъ принимаетъ предметно-матеріалистическій реализмъ и все время на немъ основываетъ свои проэкты регуляціи природы черезъ знаніе. Проблема матеріи и матеріальнаго міра у него не ставится и не рѣшается; онъ все время исходитъ изъ объективной реальности матеріальнаго въ смыслѣ наивнаго реализма. Съ этимъ, какъ будетъ видно, у него связана неясность того, что такое матеріальное воскресеніе. Ѳедоровъ приписываетъ колоссальное значеніе коперниканской астрономіи. „Спиритуалистическая, дуалистическая философія есть порожденіе Птоломеевскаго или кажущагося мірозданія, въ коемъ небо отведено духовнымъ существамъ, а земля — тѣлеснымъ“. [4]) „Коперниканская система обращаетъ человѣка *изъ созерцателя въ дѣятеля*, а въ мірѣ видитъ слѣпую силу, признаетъ міръ силою слѣпою... Богъ, по Коперниканской системѣ, есть Отецъ,

[1]) Т. I, стр. 26.
[2]) Т. I, стр. 631.
[3]) Т. II, стр. 418.
[4]) Т. II, стр. 349.

не только дѣлающій все *для* людей, но и *черезъ* людей, требующій, какъ Богъ отцовъ, отъ всѣхъ живущихъ объединенія для воскрешенія умершихъ и для населенія воскрешенными поколѣніями міровъ для управленія сими послѣдними". [1]) Ясно, что Ѳедоровъ придаетъ огромное значеніе внѣшне-эмпирическому положенію человѣка въ мірозданіи, принимаетъ наивный реализмъ и наивный матеріализмъ астрономическаго міровоззрѣнія, строитъ человѣческую жизнь въ перспективѣ опыта внѣшняго, а не внутренняго, раскрывающаго духовную центральность человѣка въ бытіи. Идею регуляціи природы человѣкомъ должно оцѣнить очень высоко, но она имѣетъ глубокій смыслъ лишь въ соподчиненіи самосознанію человѣка, какъ микрокосма, истинѣ, открывающейся въ духовномъ опытѣ. Ѳедоровъ же механически сочетаетъ натурализмъ съ христіанствомъ.

Ѳедоровъ очень не любитъ Канта за раздѣленіе двухъ разумовъ. Кантъ для него идеологъ ученаго сословія, проповѣдникъ пассивной философіи бездѣйствія, врагъ активной, проэктивной философіи. Отдѣленіе теоретическаго разума отъ практическаго — коренной грѣхъ западной философіи. Кантъ—тюремщикъ, ставившій препоны человѣческой активности, дѣйственному познанію. Философія Канта — страшный судъ философіи, конецъ философіи, послѣ котораго должно начаться дѣйствіе. Въ русской философской мысли всегда было противленіе Канту. Но у Ѳедорова критика Канта принимаетъ очень своеобразную форму. Критика его совершенно прагматическая, практическая, дѣйственная. По самому существу міросозерцанія Ѳедорова у него не можетъ быть критики теоретически-философской, онъ отрицаетъ такой подходъ. Очень характерны для Ѳедорова такія слова: „если бы *весь* міръ сталъ предметомъ управленія *всѣхъ* разумныхъ существъ, то и сужденія *о цѣломъ* мірѣ были бы уже синтетическими сужденіями a priori". [2]) Въ словахъ этихъ, которыя останутся непонятными для человѣка западной мысли, для нѣмца, сказался существенно моральный и практическій характеръ русской философской мысли. Русскій умъ не исходитъ изъ мысли, какъ умъ германскій, а изъ самой жизни приходитъ къ мысли, какъ къ орудію жизни. Ѳедоровъ, какъ умъ чисто-русскій, не хочетъ знать самоцѣнности мысли, не стремится къ чистому познанію, свободному отъ цѣлей практическихъ. Знаніе всегда есть лишь средство для цѣлей жизненно-практическихъ. Ѳедоровъ не хочетъ признать даже отрицательной миссіи Канта и критической философіи, черезъ которую должно было пройти европейское сознаніе. Ѳедоровъ твердо стоитъ на первоначальной цѣльности, жизненной органичности и не допускаетъ ника-

[1]) Т. II, стр. 348.
[2]) Т. II, стр. 53.

кого расщепленія и раздвоенія, никакого критицизма, никакого освобожденія духа отъ родовой преемственности, никакой автономіи личности. Кару всей западной философіи Ѳедоровъ видитъ въ Нитцше. Нитцше — результатъ всей западной философіи. Въ немъ разложилась западная мысль, перешла отвлеченная мысль въ волю къ окончательному истребленію отцовъ, прошлаго, преданія. Научному позитивизму Ѳедоровъ сочувствовалъ болѣе, чѣмъ философіи.

Ученіе Ѳедорова о познаніи раздирается однимъ противорѣчіемъ и ужъ во всякомъ случаѣ страдаетъ роковой неясностью. Ѳедоровъ вѣритъ въ безграничную силу знанія и ставитъ передъ знаніемъ активную задачу регуляціи всей природы, преобразованія міра. Но обладаетъ ли познаніе, по Ѳедорову, активной, творческой природой? Что такое познаніе? Ѳедоровъ склоняется къ пониманію познанія, какъ средства для практическихъ цѣлей, какъ прагматическаго орудія. Познаніе—инструментально. Но природы самого познанія Ѳедоровъ совсѣмъ не раскрываетъ. Онъ даже отрицаетъ, что само познаніе что-то измѣняетъ въ міропорядкѣ. Воспитанный на чисто-позитивистическомъ пониманіи знанія, онъ не ставитъ вопроса о томъ, есть ли само знаніе творческій актъ въ мірѣ. Знаніе есть орудіе для активныхъ цѣлей человѣка, но само оно не активно. Но вѣдь возможно творческое пониманіе самого акта познанія. Самъ актъ познанія есть уже творческій актъ, самъ онъ непосредственно измѣняетъ міръ, вноситъ свѣтъ въ бытіе. Для такого сознанія необходимо само знаніе понимать, какъ бытіе, какъ въ нѣдрахъ бытія совершающееся. Знаніе въ томъ лишь случаѣ активно въ бытіи, творчески преображаетъ бытіе, если оно не противостоитъ бытію, какъ внѣположное, а имманентно бытію. Ѳедоровъ же считаетъ активнымъ не само знаніе, а технику, на знаніи основанную. Знаніе не активно, не просвѣтляетъ міра; оно лишь подготовляетъ возможность техники, которая регулируетъ природу. При этомъ знаніе можно понимать пассивно. Само знаніе—активно, свѣтоносно не для ѳедоровскаго прагматизма, а для гностицизма. У Ѳедорова также не выяснено, что такое дѣйствіе. Дѣйствіе онъ понимаетъ въ очень суженномъ смыслѣ, въ практически-реалистическомъ смыслѣ. Поэтому само познаніе онъ принужденъ не считать дѣйствіемъ. Онъ стоитъ за условное и относительное противопоставленіе дѣйствія и созерцанія. Но и само созерцаніе можетъ быть дѣйственнымъ, свѣтоноснымъ, преображающимъ. У Ѳедорова въ сущности нѣтъ философіи познанія. Но въ его требованіи перехода отъ философіи пассивной къ философіи активной есть правда. Что же такое сама философія общаго дѣла, которую онъ противопоставляетъ всей европейской философіи, всей человѣческой мысли до него?

III.

Въ основаніи „Философіи общаго дѣла“ лежитъ своеобразное ученіе о родствѣ. Ученіе Ѳедорова о родствѣ, безъ котораго у него невозможно общее дѣло, есть самая послѣдовательная и радикальная патріархальная теорія жизни общественной, міровой и божественной. Не только въ основѣ жизни человѣческой и жизни міровой, но и въ основѣ жизни самого Бога лежитъ родство—отечество, сыновство, братство. Тріединый Богъ христіанства — совершенный образецъ родства. Отношенія Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Духа Святаго — родственныя отношенія; это—семья, объединенная родственной любовью. По образцу этихъ божественныхъ отношеній должны быть организованы и отношенія человѣческія. Для Ѳедорова догматъ есть заповѣдь. Догматъ Св. Троицы есть заповѣдь родства, родственнаго единенія. „Когда заповѣдь обратилась въ догматъ, исполненіе заповѣди стало мертвымъ, а не живымъ обрядомъ; обрядъ же, сдѣлавшись только сакраментальнымъ, пересталъ быть образовательнымъ; и въ этомъ отношеніи, по формѣ, христіанство стало іудействомъ, хотя содержаніе, забытый смыслъ обряда былъ христіанскимъ; и тогда самая жизнь, дѣятельность, отрѣшившаяся отъ заповѣди, не поставившая себѣ цѣлью исполненіе долга собиранія для воскрешенія, обратилась въ языческую рознь, сдѣлалась идолопоклонствомъ“. [1]) У Ѳедорова не моральное истолкованіе догмата Троичности, а проэктивное. Родственность Божественной Троицы для человѣчества есть проэктъ, заповѣдь, задача, и не моральная задача отдѣльнаго лица, а вселенская задача организаціи жизни. Спасаться нужно не въ одиночку, а всѣмъ вмѣстѣ, въ родствѣ. Аріанство, какъ и всякая ересь, было выраженіемъ интеллигентскаго духа, утерявшаго родство. Родственное возсоединеніе человѣчества будетъ прекращеніемъ всѣхъ ересей. Догматъ Троичности Бога тогда только и будетъ постигнутъ, когда человѣчество соединится въ родственную общественность. Родство есть естественная и божественная основа жизни. Только родство дѣлаетъ жизнь органической. Родство есть общество сыновъ человѣческихъ, помнящихъ отцовъ, и оно противоположно гражданству, какъ обществу сыновъ блудныхъ, забывшихъ отцовъ. Братство невозможно безъ сыновства. Только по отцу люди братья. Категорія сыновства болѣе коренная, чѣмъ категорія братства. Ѳедоровъ враждебно относится къ гуманизму именно потому, что гуманизмъ проповѣдуетъ братство безъ сыновства, братство сыновъ блудныхъ, а не сыновъ человѣческихъ. Ѳедоровъ отрицаетъ человѣка и признаетъ лишь сына человѣческаго. Онъ взялъ у славянофиловъ идею родственной семейственности, какъ

[1]) Т. I, стр. 160.

основы общественности, но очень углубилъ ее, раскрылъ цѣлую метафизику патріархальности. Нравственное для Ѳедорова и есть органически-родовое, родственное. „Только любовь сына и дочери къ ихъ родителямъ, не имѣющая себѣ подобія въ животномъ царствѣ, можетъ служить нѣкоторымъ подобіемъ любви Сына и Духа къ Отцу". [1]) Любовь къ отцамъ, къ предкамъ есть высшее въ человѣкѣ, уподобленіе его Св. Троицѣ. Культъ предковъ—единственная истинная религія. „*Истинная религія—одна, это—культъ предковъ, и притомъ всемірный культъ всѣхъ отцовъ, какъ одного отца*, не отдѣлимыхъ отъ Бога Тріединаго и не сливаемыхъ съ Нимъ, въ Коемъ обожествлена неотдѣлимость сыновъ и дочерей отъ отцовъ и несліянность ихъ съ ними". [2]) Любовь дѣтей къ отцамъ выше любви отцовъ къ дѣтямъ, которая часто бываетъ эгоистической. Ѳедоровъ отрицаетъ человѣка, какъ самоцѣль и самоцѣнность, какъ личность, и признаетъ лишь сына, т.-е. члена рода. Братство по отчеству онъ ставитъ выше равенства и свободы. Совершеннолѣтіе сыновъ человѣческихъ тогда только начнется, когда человѣчество перейдетъ отъ воспитанія дѣтей отцами къ воскрешенію отцовъ дѣтьми. Въ противовѣсъ культу вѣчной женственности, Ѳедоровъ хочетъ утвердить культъ *вѣчной дѣтскости*. Ѳедоровъ—суровый и непримиримый врагъ женолюбія. Сыны блудные покинули отцовъ и прилѣпились къ женамъ, для женъ творятъ культуру. Вся культура капиталистическаго общества основана на женолюбіи и отрицаетъ отцелюбіе. Вся современная культура создана въ угоду женщинѣ; она имѣетъ половой источникъ. Культъ женщины вызвалъ развитіе промышленности. Есть глубина въ этой идеѣ Ѳедорова о связи промышленности съ женолюбіемъ и женопоклонствомъ. Буржуазная культура Франціи подтверждаетъ истинность этой идеи. Роскошь буржуазно-промышленнаго общества создается во имя женщины, и въ ней погибаетъ мужественность духа. Не культъ женственности, а культъ дѣтственности куетъ мужественный духъ. Ѳедоровъ презираетъ современное женопоклонное и женоподобное общество, утерявшее мужество. Ѳедоровъ хочетъ вѣрить въ дѣтственность славянъ и на этомъ основываетъ ихъ высокое призваніе.

„Ученіемъ о Св. Духѣ выясняется планъ общаго дѣйствія, въ которомъ долгъ сыновъ и дочерей человѣческихъ ко всеобщему отечеству беретъ окончательный перевѣсъ надъ обществомъ полового подбора". [3]) Долгомъ воскрешенія отцовъ хочетъ Ѳедоровъ угасить половую страсть: сила, которая идетъ на рожденіе дѣтей, должна быть направлена на воскрешеніе отцовъ. Онъ хочетъ обратнаго движенія въ

---

[1]) Т. I, стр. 36.
[2]) Т. I, стр. 46.
[3]) Т. I, стр. 116.

родовой жизни. Вся родовая энергія должна быть обращена отъ дѣтей къ отцамъ. Съ этимъ связано у Ѳедорова замѣчательное ученіе о дочери человѣческой. Женщина должна быть прежде всего дочерью. Сначала дочь, а потомъ уже мать. Дочь—воскресительница, жена-мvроносица. Въ ученіи о Св. Троицѣ данъ образецъ-примѣръ для жизни человѣческой, въ Ней должны быть и сынъ, и дочь. „Если въ ученіи о Троицѣ Духъ не будетъ представленъ образцомъ для дочери, то сама Троица обратится въ безжизненную, монашескую, платоновскую или платоническую; если же дочь не будетъ подобіемъ Св. Духа, не будетъ духомъ любви, то проникнется духомъ разрушенія, нигилизма". [1]) Св. Духъ—Дочь. Дочь человѣческая имѣетъ образъ Св. Духа, подобно тому, какъ сынъ человѣческій имѣетъ образъ Бога-Сына. Въ откровеніи о Св. Духѣ заключается открытіе, что „женщина, дѣлаясь матерью, не перестаетъ быть дочерью; она есть *приснодщерь*. И это согласно съ другою заповѣдью, но гораздо опредѣленнѣе выраженною, если Богоматерь принять за образецъ для насъ. По этой заповѣди женщина, дѣлаясь матерью, должна оставаться дѣвою, *приснодѣвою*". [2]) Ѳедоровъ предвидитъ, что его ученіе о Дочери-Духѣ очень многихъ смутитъ, покажется еретическимъ. „Очень многіе, вѣроятно, смутятся ученіемъ о Дочери-Духѣ, хотя и не смущаются ученіемъ о Сынѣ-Словѣ; но послѣднее относится къ Троицѣ миссіонерской; дѣло же миссіонеровъ-апостоловъ приходитъ къ концу. Ученіе о Дочери-Духѣ относится къ Троицѣ общаго дѣла, которое есть воскрешеніе и для котораго теперь только наступаетъ время; ученіе о Сынѣ-Словѣ относится къ объединенію живущихъ, ученіе о Дочери-Духѣ къ оживленію умершихъ... Въ Троицѣ общаго дѣла Св. Духъ является... въ видѣ „Дочери человѣческой", означающей не одну дѣвственность, безпорочность, т.-е. личную отрицательную добродѣтель, не отсутствіе лишь порока, а положительное цѣломудріе, замѣну рожденія воскрешеніемъ... По отношенію къ родителямъ умершимъ дочь есть мvроносица". [3]) Своимъ ученіемъ о сынѣ и дочери хотѣлъ побѣдить Ѳедоровъ не только сластолюбіе, женолюбіе, половую страсть, но и властолюбіе, стремленіе къ мощи. „Прежде, нежели къ чему-либо *стремиться*, нужно *родиться;* а родиться—значитъ стать *сыномъ*, явиться прежде всего, какъ *дитя,* которое уже есть тогда, когда еще не раскрывались половыя различія, когда еще не зарождался порокъ властолюбія. Ренегатъ сыновняго долга забылъ, что сынъ-отцелюбецъ предшествуетъ властолюбцу". [4])

Ученіе Ѳедорова о родствѣ, о сынѣ и дочери, какъ началахъ, имѣю-

---

[1]) Т. I, стр. 77.
[2]) Т. I, стр. 120.
[3]) Т. I, стр. 122.
[4]) Т. II, стр. 137.

щихъ свой прообразъ въ нѣдрахъ самой Божественной Троицы, очень оригинально, смѣло, значительно. Но въ самихъ первоосновахъ этого ученія лежитъ смѣшеніе разныхъ плановъ—новаго, пророческаго, обращеннаго впередъ, съ непреодолѣннымъ старымъ натурализмомъ, съ наивнымъ реализмомъ и матеріализмомъ. Родство и сыновство связаны съ рожденіемъ, въ немъ лишь являются. Что такое рожденіе съ христіанской, религіозной точки зрѣнія? Христіанскіе мистики всегда отличали второе рожденіе отъ рожденія перваго. Первое рожденіе есть рожденіе въ родѣ, въ природномъ порядкѣ, рожденіе по плоти и крови, рожденіе натуральное. Второе рожденіе есть рожденіе въ духѣ, въ порядкѣ свободы, рожденіе божественное. Родовой натурализмъ Ѳедорова, скорѣе языческій, чѣмъ христіанскій, мѣшаетъ ему различить рожденіе духовное отъ рожденія натуральнаго, родство по духу отъ родства по плоти и крови. Онъ хочетъ распространить родовой натурализмъ даже на природу Св. Троицы, хочетъ отождествить духовное рожденіе съ рожденіемъ натуральнымъ. Ѳедоровъ обожествляетъ натуральный родъ, не хочетъ знать второго рожденія человѣка въ духѣ: родственность и дѣтскость у него неотрывно связаны съ половымъ актомъ, съ натуральнымъ родомъ. Но самъ же онъ признаетъ рожденіе грѣхомъ и самъ жаждетъ претворить половую страсть, влекущую къ натуральному рожденію, въ силу, воскрешающую мертвыхъ. Ѳедоровъ видитъ зло рожденія и его роковую связь со смертью. Но религіозный натурализмъ повергаетъ его въ порочный кругъ. Въ натуральномъ родѣ неотвратимъ вѣчный круговоротъ рожденія и смерти, предопредѣлена дурная безконечность и дурная множественность. Въ натуральномъ родѣ нѣтъ еще лица, личности, человѣка, нѣтъ свободы. Все ученіе Ѳедорова о родствѣ оказывается смѣсью христіанства съ язычествомъ. Культъ предковъ—языческая религія. Въ этой родовой религіи предковъ нѣтъ мѣста для словъ Христа о томъ, что нужно возненавидѣть отца и мать и что враги человѣку домашніе его, нѣтъ Христовой тайны рожденія человѣческаго лика въ духѣ, нѣтъ свободы. Для христіанскаго сознанія, очищеннаго и освобожденнаго отъ всякаго язычества, невозможенъ возвратъ къ первоначальной естественной родственности, къ религіи рода и предковъ,—необходимо прохожденіе черезъ новое, второе рожденіе лица человѣческаго въ Богѣ, а не въ мірѣ, и различеніе духовнаго родства отъ рода. Христіанство есть откровеніе о *человѣкѣ*, какъ лицѣ, а не человѣкѣ, какъ сынѣ своего рода по плоти и крови. Но Ѳедоровъ не принимаетъ свободы лица, автономіи человѣка, какъ самостоятельнаго религіознаго и нравственнаго начала, связаннаго съ христіанствомъ. Онъ отклоняетъ „гордое“ наименованіе „человѣка“. Только сына человѣческаго онъ принимаетъ, сына, рожденнаго въ родѣ и связаннаго съ отцами по плоти и крови.

Ѳедоровъ принужденъ разомъ и отрицать, и обоготворять рождающій полъ, силу воскрешающую приковывать къ силѣ смертоносной. Онъ натурализируетъ и матеріализируетъ христіанство такъ радикально, какъ никто этого еще не дѣлалъ. Поэтому подлинно новое и возрождающее въ его ученіи порабощено ветхимъ, задерживающимъ всякое свободное движеніе. Очень характерно для его натуралистической религіи рода полное непониманіе любви эротической. Въ этомъ есть не только его индивидуальное, но и что-то характерно-русское. Онъ не принимаетъ роскоши, избыточности, свободы отъ міра, интимной индивидуальности всякой любви, ея связи съ лицомъ, ея противленіе роду и всему родовому.

Патріархально-родственная теологія и метафизика Ѳедорова обосновываютъ патріархально-родственную соціологію. Патріархальная теорія общественности характерна для русской мысли. Семейственно-родственная концепція общественныхъ отношеній вдохновляетъ общественную философію славянофиловъ, и въ русскомъ народничествѣ всегда можно обнаружить этотъ патріархальный источникъ. Много разъ пытались обосновать великія преимущества Россіи передъ Европой на томъ позитивно-матеріальномъ основаніи, что у насъ сохранились еще родственныя общественныя отношенія, патріархальность земельнаго быта, т.-е. на нашей соціальной отсталости. И народники-славянофилы, и народники-позитивисты одинаково держались за этотъ матеріализмъ. Задачей русскаго марксизма было откровенное изобличеніе матеріалистической природы народническихъ иллюзій и матеріальнаго сходства въ соціальной эволюціи всѣхъ народовъ. Какъ это ни странно, но вызывающій матеріализмъ марксизма въ концѣ-концовъ способствовалъ освобожденію отъ духовнаго матеріализма, отъ прикованности духовной жизни, религіозныхъ и моральныхъ идеаловъ къ соціальной матеріи. Марксизмъ реалистически изобличилъ исторически-традиціонное, и была отрицательная освобождающая правда въ этомъ изобличеніи идеологій, въ которыхъ духъ былъ прикованъ къ матеріи. Послѣ отрицательной критики марксизма невозможно уже ни народничество религіозное, ни народничество матеріалистическое, невозможны иллюзіи, скрѣпляющія духовную жизнь съ соціальной матеріей. Этому освобожденію человѣческаго духа лишь косвенно служилъ марксизмъ, самъ отрицавшій всякій духъ; положительно же и непосредственно свобода духовной жизни завоевывалась религіозно-философской работой послѣдняго десятилѣтія, возрожденіемъ мистики.

Ученіе Ѳедорова, вѣроятно, послѣдняя попытка построенія патріархально-родственной общественности—попытка, близкая къ славянофильству, но болѣе радикальная и послѣдовательная. Славянофилы не доходили до такой идеализаціи самодержавія, ибо Ѳедоровъ обосновыва-

етъ русское самодержавіе не національно-исторически,—онъ выводитъ его изъ родственной природы Божественной Троицы, изъ своей религіи рода и культа предковъ. Фантастика самодержавія достигаетъ у него колоссальныхъ размѣровъ. Русскій самодержецъ представляется ему управителемъ и регуляторомъ всей природы, душеприказчикомъ всѣхъ умершихъ предковъ, стоящимъ въ „отцовѣ мѣстѣ“, воспитывающимъ человѣчество для совершеннолѣтія. Онъ распространяетъ самодержавіе на явленія метеорологическія и на небесныя пространства. Самодержецъ—замѣститель всѣхъ отцовъ, представитель всего рода, душеприказчикъ всѣхъ умершихъ поколѣній. Онъ поставленъ отцами, которыхъ должно воскресить, и потому не можетъ быть устраненъ сынами. Не можетъ отъ воли сыновъ зависѣть власть того, кто стоитъ на мѣстѣ отцовъ. Теорія самодержавія у Ѳедорова — натуралистически-родовая. Въ основѣ ея лежитъ все тотъ же религіозный матеріализмъ, матеріализація и натурализація Св. Троицы, матеріализація и натурализація человѣческаго духа. Фантастика самодержавія, распространенная на небесныя пространства и на воскрешеніе мертвыхъ, не заключаетъ въ себѣ ничего реальнаго, не имѣетъ никакой связи съ исторіей и съ конкретной жизнью. У славянофиловъ былъ, по крайней мѣрѣ, бытовой реализмъ, чувствовались національно-историческія традиціи. У Ѳедорова самодержавіе есть просто грандіозная утопія, совершенно иллюзіонистическая. „Для возстановленія братскаго единенія, для постепеннаго расширенія и сохраненія его въ родѣ человѣческомъ, а также и для руководства братскимъ союзомъ сыновъ *умершихъ* отцовъ въ общемъ дѣлѣ отеческомъ—въ дѣлѣ, вызываемомъ утратами, требуется намѣстникъ, душеприказчикъ, *стоящій въ отцовъ мѣстѣ*; это и есть *самодержецъ*“. [1]) Эта философія самодержавія—чисто-проективная. И этотъ проектъ самодержавія не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, чѣмъ самодержавіе было и есть. Воскрешающей силы донынѣ самодержавіе никогда не обнаруживало; оно жило и дѣйствовало по закону міра сего, а не по духу Христову, вызывалось потребностями этого міра, нуждами языческими и къ жизни духа не имѣло отношенія. По Ѳедорову, самодержавіе есть диктатура, вызванная необходимостью бороться съ слѣпыми силами природы и смертью. Самодержавіе есть „сила воспитывающая, т.-е. ведущая къ совершеннолѣтію“. [2]) „Всеобщее обязательное образованіе есть христіанская обязанность царя-воспріемника, заключающаяся въ томъ, чтобы всѣхъ сдѣлать достойными аттестата зрѣлости, свидѣтельствующаго, что получившіе его вышли изъ возраста шалостей и баловства, вышли изъ возраста увлеченія игрушками и,

[1]) Т. I, стр. 367.
[2]) Т. I, стр. 370

какъ участники *общаго великаго дѣла*, не нуждаются ни въ надзирателяхъ, ни въ гувернерахъ, ни въ карцерахъ". [1]) Что самодержавіе фактически соотвѣтствуетъ именно несовершеннолѣтію людей, это нимало не смущаетъ Ѳедорова. „Обязанность самодержца состоитъ въ томъ, чтобы всѣхъ, наконецъ, сдѣлать подобными себѣ, т.-е. отвѣтственными лишь передъ Богомъ и своею совѣстью, способными жить безъ надзора и неспособными къ нарушенію долга, неспособными и оставить долгъ безъ исполненія; слѣдовательно, образцомъ для государства монархическаго можетъ быть лишь полное совершеннолѣтіе". [2]) Совершеннолѣтіе Ѳедоровъ рѣшительно противополагаетъ всякому требованію правъ, свободѣ личности. Правосознаніе онъ считаетъ признакомъ несовершеннолѣтія. Русскій народъ, призванный къ общему дѣлу, требуетъ не освобожденія, а службы, и потому онъ за самодержавіе. Службу царскую, какъ положительное дѣло, онъ противопоставляетъ льготамъ и правамъ. Особенно враждебно онъ относится къ льготамъ дворянскимъ, какъ демократъ и народникъ. Ѳедоровъ рѣшительный и крайній антигосударственникъ. Онъ врагъ всего государственнаго, юридическаго и экономическаго. Все юридическое и экономическое есть признакъ несовершеннолѣтія. Онъ отрицаетъ государство, право и хозяйство во имя патріархальной родственности. Истинное христіанство есть не рабство и не барство, а родство. Общественность должна быть семьей, общественныя отношенія—семейными отношеніями. Это чистославянофильская идея. Но Ѳедоровъ даже славянофиловъ обвиняетъ въ западномъ взглядѣ на самодержавіе, не прощаетъ имъ того, что они учили о происхожденіи русскаго самодержавія изъ народной воли. Ѳедоровъ очень рѣзко критикуетъ конституціонализмъ. „Конституція—это обращеніе сыновъ человѣческихъ въ блудныхъ сыновъ, замѣна жизни для прошедшаго, имѣющаго и долженствующаго имѣть будущность, жизнью для настоящаго, превозношеніе сыновъ передъ отцами, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и безцѣльность существованія". [3]) Конституція—право живущихъ. Самодержавіе—долгъ къ умершимъ: „Православіе требуетъ такого общества, которое не нуждалось бы ни въ наказаніяхъ, ни въ надзорѣ, и по справедливости считаетъ несовершеннолѣтними общества, которыя нуждаются въ дядькахъ, т.-е. общества, въ основѣ которыхъ лежатъ начала юридическія и экономическія, ибо все юридическое и экономическое есть мерзость предъ Тріединымъ Богомъ и многоединымъ человѣческимъ родомъ. Къ многоединству по образу Божественнаго Тріединства самодержавіе и ведетъ родъ человѣческій.

---

[1]) Т. I, стр. 370—71.
[2]) Т. I, стр. 376.
[3]) Т. I, стр. 373.

Санъ самодержца—свойства религіознаго и нравственнаго и предназначенъ для постепеннаго устраненія всего юридическаго, какъ безнравственнаго и антирелигіознаго". [1]) Для общественной философіи Ѳедорова основнымъ является противоположеніе между родствомъ и гражданствомъ. Гражданство есть небратское, неродственное состояніе блудныхъ сыновъ. Только блудные сыны-граждане способны требовать правъ и свободъ. „Запустѣніе кладбищъ есть естественное слѣдствіе упадка родства и превращенія его въ гражданство". [2]) Родственная общественность сыновъ человѣческихъ должна быть перенесена на кладбище, къ могиламъ отцовъ. „Вся нравственность первыхъ трехъ евангелій заключается въ томъ, чтобы обратиться въ дитя, родиться сыномъ человѣческимъ, совершенно не вѣдающимъ земныхъ отличій и, напротивъ, глубоко сознающимъ внутреннее родство, желающимъ служить, а не господствовать... Дитя, какъ критерій, есть отрицаніе неродственности, ранговъ, чиновъ, всего юридическаго и экономическаго, и утвержденіе всеобщей родственности". [3]) Между христіанствомъ и гражданствомъ существуетъ глубочайшее противорѣчіе и несовмѣстимость. Тутъ Ѳедоровъ чуетъ несомнѣнную истину, но прикрѣпляетъ ее къ чему-то ложному. Ѳедоровъ отрицаетъ не только конституцію, гражданственность, свободу и право, какъ несовершеннолѣтіе, незрѣлость для „общаго дѣла",—онъ также отрицаетъ и соціализмъ. Соціализмъ хочетъ утвердить братство и отвергаетъ отечество, онъ хочетъ братства сыновъ блудныхъ, а не сыновъ человѣческихъ,—братства гражданскаго, а не родственнаго,—механическаго, а не органическаго. Но Ѳедоровъ признаетъ силу и значеніе соціализма, видитъ въ немъ напоминаніе христіанскому міру о всеобщемъ дѣлѣ. „Появленіе соціализма можно считать наказаніемъ христіанству за лицемѣрное поклоненіе Троицѣ, признаваемой лишь догматомъ, а не заповѣдью". [4]) „Соціализмъ въ настоящее время не имѣетъ противника; религіи съ ихъ трансцендентнымъ содержаніемъ, „не отъ міра сего", съ царствомъ Божіимъ внутри лишь насъ, не могутъ противостать ему. Соціализмъ можетъ даже казаться осуществленіемъ христіанской нравственности. Нуженъ именно вопросъ объ объединеніи сыновъ во имя отцовъ, чтобы объединеніе во имя прогресса, во имя комфорта, вытѣсняющее отцовъ, выказало всю свою безнравственность". [5])

Великое преимущество Россіи Ѳедоровъ видитъ въ ея соціальной отсталости, въ неразвитости личнаго начала. „Все наше преимущество

[1]) Т. I, стр. 369.
[2]) Т. I, стр. 48—9.
[3]) Т. I, стр. 59.
[4]) Т. I, стр. 69.
[5]) Т. I, стр. 30.

заключается лишь въ томъ, что мы сохранили самую первобытную форму жизни, съ коей началось истинно человѣческое существованіе, т.-е. родовой бытъ. Въ основѣ его лежитъ пятая заповѣдь". [1]) Въ вымирающихъ и разлагающихся остаткахъ русскаго быта, связанныхъ скорѣе съ русскимъ язычествомъ, чѣмъ съ русскимъ христіанствомъ, впдѣлъ Ѳедоровъ залогъ того, что „общее дѣло" начнется въ Россіи. Не разъ уже мессіанскія упованія связывались не съ потенціями русскаго духа, жаждущаго Града Божьяго, а съ особенностями русскаго быта, съ земельной общиной, патріархальной властью и т. п. Такъ было у славянофиловъ, которые роковымъ образомъ смѣшивали христіанскую религію личности, братства по духу и свободы въ духѣ съ языческой религіей рода и натуральнаго родового быта. Это смѣшеніе у Ѳедорова достигло крайнихъ размѣровъ, послѣднихъ предѣловъ. Абсолютизація русскаго родового быта у Ѳедорова и есть чудовищный религіозный матеріализмъ и натурализмъ, смѣшеніе христіанства съ язычествомъ, прикрѣпленіе духа къ соціальной и натуральной матеріи. Земельный бытъ, сельская община, патріархальная семья,—все это—преходящія явленія этого міра, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ христіанству; все это—лишь моменты естественной соціальной эволюціи, совершающіеся въ нѣдрахъ „міра сего" и по законамъ его. Абсолютное не можетъ быть прикрѣплено ни къ чему относительному, духъ не можетъ быть порабощенъ матеріи, божественная свобода неприспособима къ міровой необходимости. По метафизической сущности своей родъ есть матеріальная отяжеленность, давящая необходимость. Мессіанскія упованія, обращенныя впередъ, къ новой жизни, къ преображенію міра, должны быть совершенно очищены и освобождены отъ тяжести и необходимости натуральнаго рода. Въ сущности, Ѳедоровъ не свободенъ отъ смѣшенія духовнаго съ юридическимъ и экономическимъ, какъ бы онъ ни возставалъ противъ этого. Ибо должно быть безпощадно и до конца изобличено, что и патріархальная семья, и родовое самодержавіе, и сельская община, и весь земельный бытъ—все это „мірское", „юридическое" и „экономическое", но въ неразвитой, элементарной формѣ; все это—лишь отсталая, вынужденная необходимостью „гражданственность", и все это несоизмѣримо съ Тріединымъ Богомъ, съ Христомъ, съ Духомъ, съ духовнымъ рожденіемъ, съ духовной свободой и духовнымъ братствомъ. Семейная община находится въ томъ же планѣ, что и капиталистическое хозяйство или соціалистическое хозяйство, а самодержавіе въ томъ же планѣ, что и конституціонное государство или соціалистическая республика. Русскому фантазированію на тему о томъ, что какой-то русскій органическій укладъ жизни, связанный со стари-

---

1) Т. I, стр. 274.

ной, изъятъ изъ природной и соціальной необходимости, изъ общей для всего міра эволюціи, долженъ быть положенъ научный, моральный, религіозный предѣлъ. И этотъ предѣлъ положенъ уже и работой сознанія, и самой жизнью. Концепція Ѳедорова совершенно архаична. Въ такомъ видѣ родовую теорію его никто не станетъ поддерживать. Старая славянофильская мысль о безгосударственности русскаго народа такъ не соотвѣтствуетъ русской исторіи, фактамъ, что требуетъ серьезнаго пересмотра. Русскій народъ создалъ огромное, небывало огромное государство и истратилъ на это дѣло такъ много силъ, что изнемогъ. Русскіе обезсилены огромностью своего государства, оборонительнымъ своимъ положеніемъ въ мірѣ. Подавляющіе размѣры русской государственности, имѣвшей свою сторожевую миссію въ исторіи, порождали своеобразный государственный паразитизмъ и вампиризмъ, диктовавшій разныя обманныя идеологіи. Славянофильская идеологія, требовавшая безвластія народа и общества, была порождена этимъ своеобразнымъ государственнымъ вампиризмомъ. На горе русскому народу, столь несчастному по своему историческому положенію, государственность превратилась изъ средства въ цѣль и получила способность вести самодовлѣющую, почти фиктивную жизнь. Отсюда небывалое развитіе бюрократіи и слабое развитіе самодѣятельности общества и личности. Даже церковь была превращена въ орудіе вампирическаго государственнаго бюрократизма. И безгосударственникъ Ѳедоровъ, любившій лишь родство, находится во власти этого вампиризма, который принуждаетъ русскихъ людей отрицать самостоятельное значеніе свободы, усыпляетъ всякую спонтанность человѣческой воли. Этотъ роковой характеръ русской государственности держитъ насъ въ состояніи вѣчнаго несовершеннолѣтія. Русскіе люди такъ легко исповѣдывали безгосударственные идеалы именно потому, что русская государственность подавляла ихъ своимъ самодовлѣющимъ бытіемъ. Подавленъ былъ и Ѳедоровъ, и его религія рода была своеобразнымъ выраженіемъ этой подавленности.

IV.

Подлиннаго величія и подлинной оригинальности Ѳедорова, затмевающихъ его реакціонную и ветхую родовую идеологію, нужно искать въ его исключительномъ, небываломъ сознаніи активнаго призванія человѣка въ мірѣ, въ его религіозномъ требованіи активнаго, регулирующаго, преображающаго отношенія къ природѣ. Если ученіе Ѳедорова о патріархально-родственной общественности есть лишь перепѣвъ старыхъ славянофильскихъ мотивовъ, потерявшихъ всякое жизненное значеніе, то его ученіе объ активности человѣка, о регуляціи природы

есть уже новое сознаніе, переступающее предѣлы и границы православія, обращенное впередъ, призывающее къ преображенію міра. [1]) Ѳедоровъ вноситъ въ христіанство *активный антропологизмъ*. Онъ радикально возстаетъ противъ той пассивности человѣка, которая въ православіи была возведена почти въ догматъ. Огромное значеніе придаетъ Ѳедоровъ тому, что человѣкъ занялъ вертикальное положеніе. Это оборонительное положеніе есть знакъ того, что человѣкъ призванъ къ активной борьбѣ съ природой и къ управленію ея стихійными силами. Человѣкъ не долженъ пассивно лежать на брюхѣ. Онъ—активный борецъ, повсюду трудомъ своимъ вносящій цѣлесообразность. Пассивное отношеніе къ природѣ Ѳедоровъ считаетъ язычествомъ. Лишь человѣкъ вноситъ въ природу цѣлесообразность. Сама природа безсознательна и нецѣлесообразна. Въ этой безсознательности, слѣпой стихійности природы—источникъ всего зла. „Въ регуляціи, въ управленіи силами слѣпой природы и заключается то великое дѣло, которое можетъ и должно стать общимъ". [2]) Это общее дѣло должно быть распространено не только на всю землю, на явленія метеорологическія, но и на небесныя пространства. Человѣкъ призванъ цѣлесообразно регулировать всю вселенную, внести сознаніе во всю совокупность бытія. Очень красиво говоритъ Ѳедоровъ, что „нашъ просторъ служитъ переходомъ къ простору небеснаго пространства, этого новаго поприща для великаго подвига". [3]) Кто нашъ врагъ?—спрашиваетъ Ѳедоровъ. „Этотъ врагъ—природа. Она—сила, пока мы безсильны, пока мы не стали ея волею. Сила эта слѣпа, пока мы неразумны, пока мы не составляемъ ея разума. Занятые постоянной враждой и взаимнымъ истребленіемъ, исполняя враждебную намъ волю, мы не замѣчаемъ этого общаго врага и даже преклоняемся предъ враждебной намъ силой, благосклонность которой такъ же для насъ вредна, какъ и вражда. Природа намъ врагъ временный, а другъ вѣчный, потому что нѣтъ вражды вѣчной, а устраненіе временной есть наша задача". [4]) Богъ не самъ создаетъ цѣлесообразность и сознательность въ природѣ; онъ поручаетъ это дѣло человѣку, черезъ человѣка заканчиваетъ твореніе. „Богъ—Царь, который дѣлаетъ все не только лишь *для человѣка,* но и *черезъ человѣка;* потому-то и нѣтъ въ природѣ цѣлесообразности, что ее долженъ внести *самъ* человѣкъ, и въ этомъ заключается высшая цѣлесообразность. Творецъ черезъ насъ воссоздаетъ міръ, воскрешаетъ все погибшее". [5]) Въ этой идеѣ Ѳедорова

[1]) Интересно сопоставить взглядъ Ѳедорова съ взглядами, высказанными В. Хлудовымъ въ статьѣ „Чему училъ Іисусъ Христосъ" въ сборникѣ „Вселенское дѣло". Хлудовъ понимаетъ христіанство, какъ *пріобрѣтеніе силы.*

[2]) Т. I, стр. 5.

[3]) Т. I, стр. 282.

[4]) Т. II, стр. 247.

[5]) Т. I, стр. 248.

есть зачатокъ совершенно оригинальной космогоніи, которая, къ сожалѣнію, не раскрыта и не развита имъ вслѣдствіе его отвращенія къ умозрѣнію. Поистинѣ твореніе міра не закончено Богомъ—оно продолжается человѣкомъ. Религіозное оправданіе активности человѣка Ѳедоровъ видитъ въ основномъ христіанскомъ догматѣ о двухъ природахъ Христа, который долженъ быть понятъ практически, какъ заповѣдь. Только монофизитскій уклонъ ведетъ къ отрицанію человѣческой активности, къ поглощенію человѣческой природы природой божественной. „Показывая, что Христосъ былъ не только Богъ, но и дѣйствительный человѣкъ, тѣмъ самымъ доказывалась и необходимость дѣятельности самого человѣка въ дѣлѣ воскрешенія и не только нравственной, но и умственной, и физической, матеріальной. Соединяя во Христѣ два естества, двѣ воли, двойное дѣйствіе, тѣмъ самымъ признавали необходимость въ дѣлѣ искупленія или воскрешенія двухъ воль, дѣйствующихъ въ полномъ согласіи. Но ученіе о двухъ воляхъ, дѣйствующихъ въ согласіи, оставалось только догматомъ, теоріею, не имѣвшею выраженія въ самой жизни; и въ такомъ отпаденіи теоріи отъ практики не видѣли отпаденія отъ христіанства, устраненія отъ дѣла искупленія и воскрешенія, не видѣли отреченія отъ Искупителя и Воскресшаго“. [1]) Остается только невыясненнымъ, въ чемъ, по Ѳедорову, источникъ безсознательной, темной и смертоносной стихійности природы. У него нѣтъ сколько-нибудь развитой космогоніи и антропогоніи. Трудно было бы выискать у Ѳедорова антропологію, ученіе о человѣкѣ, оправданіе исключительной активности человѣка. Проективный характеръ его философіи не допускаетъ такой антропологіи и космологіи. Ему чуждо гностико-мистическое ученіе о человѣкѣ, какъ микрокосмѣ. Между тѣмъ проективная философія общаго дѣла ставитъ передъ человѣкомъ необычайно дерзновенную задачу, предполагающую исключительное самосознаніе человѣка, его микрокосмическую и божественную природу, превышающую всякій натуральный порядокъ. Родовое ученіе о человѣкѣ совершенно не пригодно для оправданія активности человѣка. Только освобожденіе человѣка, его божественнаго образа изъ натуральнаго рода дѣлаетъ человѣка активнымъ, творцомъ, преобразователемъ міра. Членъ рода цѣликомъ еще пребываетъ въ природной необходимости, въ природномъ круговоротѣ.

Ѳедоровъ не хочетъ принять даровой благодати. Все *даровое* должно быть превращено въ *трудовое*. Стихійная, безсознательная, смертоносная сила природы должна быть покорена человѣческимъ трудомъ, а не чудомъ. Ѳедоровъ не хочетъ, чтобы человѣку что-либо досталось даромъ, безъ труда и усилій. „Задача человѣка состоитъ въ измѣненіи всего

[1]) Т. I, стр. 162.

природнаго, дарового въ произведенное трудомъ, въ трудовое". [1]) И праздничный, воскресный день долженъ быть днемъ дѣла, днемъ трудовымъ. „Нирвана—это безусловная, абсолютная Суббота... Для христіанства праздникъ долженъ быть *днемъ дѣла*". [2]) Ѳедоровъ прославляетъ „бездарныхъ", какъ нищихъ духомъ, которые стоятъ выше самыхъ „даровитыхъ". Для него евангелисты — самые безталанные и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самые геніальные. Все даровитое—даровое, а не трудовое, и оно отталкиваетъ Ѳедорова. Ему совершенно чуждъ Карлейлевскій культъ великихъ, призванныхъ людей; онъ—духовный демократъ, народникъ, не хочетъ знать возвышенія личностей. Трудъ для него не квалифицированный, не индивидуальный, а коллективный, всенародный, служба царская. Предрекающія гибель апокалиптическія пророчества даны лишь для увеличенія энергіи человѣка. Въ своемъ проектѣ общаго дѣла Ѳедоровъ очень мало придаетъ значенія богодѣйству, таинству и совсѣмъ никакого значенія не придаетъ мистическому созерцанію. Трудовая научная техника ему нужнѣе благодатной мистеріи. Таинствомъ и созерцаніемъ слишкомъ злоупотребляло даровое христіанство, отрицавшее активность человѣка. Ѳедоровъ хочетъ трудового христіанства. Онъ не принимаетъ дарового спасенія. У него есть очень глубокія мысли о внѣхрамовой литургіи, внѣхрамовой Пасхѣ. „Пока не будетъ внѣхрамовой литургіи, внѣхрамовой Пасхи, т.-е. всесуточнаго и всегодового дѣла (метеорическаго, теллурическаго), до тѣхъ поръ и воскрешеніе останется только обрядомъ, и не будетъ согласія между храмовымъ и внѣхрамовымъ дѣломъ". [3]) Ѳедоровъ хочетъ сдѣлать литургію и Пасху имманентной человѣку, внутреннимъ дѣломъ человѣческой активности. Исключительно трансцендентное принятіе литургіи и Пасхи превращаетъ дѣло воскрешенія въ обрядъ. Научно-техническую активность человѣка въ отношеніи къ природѣ хочетъ претворить Ѳедоровъ во внѣхрамовую литургію. „Литургія должна обнять всю жизнь, не духовную только и внутреннюю, но и внѣшнюю, мірскую, свѣтскую, превращая ее въ дѣло воскрешенія". [4]) Ѳедоровъ не хочетъ рая, созданнаго не самими людьми и потусторонняго. Онъ „требуетъ рая, Царства Божія, не по-ту сторонняго, а по-сю сторонняго, требуетъ преображенія, распространяющагося на всѣ небесные міры... Рай или Царство Божіе не внутри лишь насъ, не мысленное только, не духовное лишь, но и видимое, осязаемое". [5]) Внѣхрамовое дѣло—не чудесное, оно исходитъ отъ человѣка, а не отъ Бога. Ѳедоровъ придаетъ большое значеніе обряду, но въ

---

[1]) Т. I, стр. 283.
[2]) Т. II, стр. 7.
[3]) Т. I, стр. 70.
[4]) Т. I, стр. 176.
[5]) Т. I, стр. 420.

обрядовомъ христіанствѣ онъ видитъ несовершеннолѣтіе. Обрядъ будетъ замѣненъ дѣломъ, трансцендентное станетъ имманентнымъ. Ѳедоровъ призываетъ не къ эксплоатаціи силъ природы, не къ корыстно-хищническому отношенію къ природѣ, всегда ее истощающему, а къ *регуляціи*, къ управленію природой, къ преображенію безсознательнаго въ сознательное, мертваго и смертнаго въ живое и безсмертное. Ему враждебенъ духъ техники XIX вѣка, духъ эксплоататорскій и корыстный. Онъ совершенно отрицаетъ капиталистическую промышленность. Но измѣненія человѣческой жизни и человѣческихъ отношеній онъ ждетъ отъ измѣненія отношенія къ природѣ. Бѣдность и смерть—отъ безсознательности природы, отъ рабства человѣка у природы, отъ пассивнаго отношенія. „Регуляція, въ противоположность эксплоатаціи и утилизаціи, т.-е. въ противоположность расхищенію ея блудными сынами ради женъ, приводящему къ истощенію и смерти,—регуляція ведетъ къ возстановленію жизни". [1]) Въ пассивномъ слѣдованіи природѣ видитъ Ѳедоровъ источникъ старости и смерти. „Въ правилѣ „слѣдуй природѣ"—заключается требованіе подчиненія разумнаго существа слѣпой силѣ. Слѣдовать природѣ, значитъ участвовать въ борьбѣ половой, естественной, т.-е. бороться за самокъ и вести борьбу за существованіе, и признать всѣ послѣдствія такой борьбы, т.-е. старость и смерть; это значитъ поклоняться и служить слѣпой силѣ. Старость же есть паденіе, и старость христіанства наступитъ, если проповѣдь евангелія не приведетъ человѣчество къ объединенію въ общемъ дѣлѣ". [2]) Ѳедоровъ радикально критикуетъ всѣ соціальныя ученія, которыя видятъ въ бѣдности источникъ всѣхъ бѣдствій. Бѣдность—производное явленіе. Бѣдность—отъ смерти, смерть отъ пассивнаго подчиненія безсознательной природѣ. „Пока была смерть, была и бѣдность; когда же наступитъ безсмертная жизнь, трудомъ пріобрѣтенная, тогда уже ни о какой бѣдности и рѣчи быть не можетъ". [3]) Ѳедоровъ предлагаетъ *„замѣнить вопросъ о богатствѣ и бѣдности вопросомъ о смерти и жизни, или о всеобщемъ возвращеніи жизни"*. [4]) Сила, идущая на взаимное истребленіе людей, должна быть направлена на завоеваніе природы, на овладѣніе небесными пространствами, уготовляющими жилище воскрешеннымъ предкамъ. Вопросъ о собственности рѣшится лишь послѣ овладѣнія природой. Соціальный вопросъ можетъ быть рѣшенъ „не соціализмомъ, а только естествознаніемъ". „Только естествознаніе можетъ вести къ мирному рѣшенію вопроса. Дѣло воскрешенія вытекаетъ не изъ сочувствія къ угнетаемымъ рабочимъ, не изъ ненависти къ угнетающимъ капитали-

[1]) Т. I, стр. 48.
[2]) Т. I, стр. 61.
[3]) Т. I, стр. 424.
[4]) Т. I, стр. 424.

стамъ, а изъ сокрушенія о раздорѣ. Иначе говоря, оно происходитъ не изъ общественнаго пауперизма, а изъ естественной слабости, естественнаго несовершенства человѣческой природы, общаго тѣмъ и другимъ, т.-е. изъ ея смертности". [1]) Корень зла Ѳедоровъ видитъ не въ отношеніи человѣка къ человѣку, не въ темной волѣ людей, а въ отношеніи человѣка къ природѣ. Тутъ Ѳедоровъ страннымъ образомъ соприкасается со своимъ антиподомъ—марксизмомъ, хотя само активное отношеніе къ природѣ онъ понимаетъ совсѣмъ иначе, чѣмъ марксизмъ. О фабричной промышленности марксизма онъ говоритъ: „Скажите, чтобы камни сіи сдѣлались хлѣбомъ, — говоритъ сатана: это и есть эксплоатація, утализація, требуемая фабричнымъ производствомъ и ведущая къ истощенію. Регуляція же есть дѣло священное, человѣческое и Божественное". [2]) Регуляція связана съ селомъ, а не городомъ, съ землей, а не промышленностью.

Ѳедоровъ—очень яркій и крайній выразитель русскаго религіознаго народничества. Онъ прикрѣпляетъ христіанство къ земледѣлію и земледѣльческому быту. „Какъ кочевники по природѣ—магометане, такъ горожане по природѣ—язычники, и только земледѣльцы—природные христіане. Хотя на Западѣ крестьянинъ составляетъ синонимъ язычника, но это потому, что тамъ христіанство лишь внутреннее, личное дѣло каждаго; у насъ же крестьянинъ синонимъ христіанина". [3]) Въ земледѣльческихъ религіяхъ „заключаются всѣ задатки истиннаго христіанства, такъ какъ для земледѣльцевъ, живущихъ въ родовомъ, патріархальномъ быту, и въ Богѣ будетъ понятна родственная любовь... Евхаристія и воскресеніе мертвыхъ тоже имѣютъ задатки въ земледѣльческомъ быту". [4]) Ѳедоровъ исповѣдуетъ сельскую, крестьянскую религію. Для него, какъ и для многихъ въ Россіи, христіанство есть религія крестьянства. Россія христіанская страна, потому что она крестьянская страна. Ѳедоровъ натурализируетъ и матеріализируетъ христіанство. Въ чисто природныхъ условіяхъ хочетъ онъ видѣть основу подлиннаго христіанства. Онъ не принимаетъ и не понимаетъ христіанства, какъ сверхприродный, сверхмірный, духовный фактъ. Его религія слишкомъ зависитъ отъ внѣшняго быта и подвергается опасности отъ измѣненія и разложенія быта. Для него „городъ не совмѣстимъ съ христіанствомъ". [5]) Развитіе города, городской промышленности и культуры гибельно для родовой, крестьянской—христіанской религіи. Городъ—измѣна отцамъ, прислужничество женамъ. Село—вѣрность отцамъ. Общее дѣло сыновъ

---

[1]) Т. II, стр. 176.
[2]) Т. II, стр. 272.
[3]) Т. I, стр. 182.
[4]) Т. I, стр. 568.
[5]) Т. I, стр. 573.

человѣческихъ можетъ начаться только въ селѣ, у праха предковъ, близко къ землѣ. Вся оригинальность Ѳедорова въ томъ, что отъ села и земледѣльцевъ требуетъ онъ высочайшаго знанія, развитія активной силы въ отношеніи къ природѣ и регуляціи природы черезъ знаніе. Земледѣлецъ долженъ управлять не только землей, но и явленіями метеорологическими и всей солнечной системой. Идея метеорологической регуляціи, искусственнаго вызыванія дождя была центральной, почти навязчивой идеей у Ѳедорова. Метеорологическая регуляція и будетъ активнымъ отношеніемъ къ природѣ земледѣльца. Городская промышленность занята приготовленіемъ ненужныхъ вещей, игрушекъ, предметовъ роскоши. Въ ней нѣтъ исполненія молитвы „Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь", нѣтъ настоящаго дѣла. Промышленность есть всегда эксплоатація, а не регуляція. Земледѣліе есть зачатокъ истинной регуляціи, подлиннаго дѣла, осуществленіе молитвы о хлѣбѣ насущномъ. Необходимъ переходъ отъ города къ селу. Ѳедоровъ не хотѣлъ считаться съ неотвратимостью промышленнаго развитія, съ невозможностью задержать ростъ городской культуры, съ разложеніемъ капитализмомъ сельскаго быта и натуральнаго хозяйства. Онъ—народникъ-утопистъ. Онъ не хотѣлъ допустить, что въ нѣдрахъ самого города, среди промышленной оргіи можетъ развиваться и крѣпнуть иной, не буржуазно-капиталистическій, не позитивно-утилитарный духъ, что творчество жизни не такъ рабски зависитъ отъ матеріально-бытовыхъ условій. Городская культура представлялась Ѳедорову безнадежно неродственной, корыстно-эгоистической, способной лишь на хищническое отношеніе къ природѣ. Только отъ села можетъ итти та активная регуляція, которая превратитъ солнечную силу въ хозяйственную силу. Въ своихъ проектахъ Ѳедоровъ доходитъ до дерзновенныхъ мечтаній, которыя на иныхъ могутъ произвести впечатлѣніе безумія. „Коперниканское зодчество имѣетъ ближайшее сходство съ первобытнымъ сельскимъ прототипомъ архитектуры — *хороводомъ*, какъ мнимомъ солнцеводомъ: оно будетъ цѣлымъ рядомъ хороводовъ, хоровъ воскрешенныхъ поколѣній, изъ коихъ первый былъ бы *дѣйствительный землеводъ*, а всѣ другіе суть *планетоводы*, также *дѣйствительные*. Всѣ эти хороводы вмѣстѣ составляютъ движущійся уже храмъ, части коего суть дѣйствительно корабли, *эвирозоты*, электроподы, пловцы эвирнаго пространства, свободно движущіеся въ немъ, но не прерывая общенія съ центромъ, съ очагомъ, а всѣ вмѣстѣ, вліяя на центральное тѣло, регулируютъ его ходомъ, а съ нимъ и ходомъ всей системы солнечной, всего хора, всей эскадры вселенной, флота міровъ—звѣздъ. Это тѣ хоры, которые предполагалъ уже осуществленными Пиѳагоръ и его школа,—предшественники Коперника въ древнемъ мірѣ. Только коперниканская архитектура, на небесной механикѣ основанная, можетъ достигнуть архитектурнаго совершенства. Богъ-

Творецъ создаетъ человѣка по своему творческому образу, какъ воссоздателя. Слѣдовательно, искусство начинается вмѣстѣ съ человѣкомъ на землѣ и совершается на небѣ". [1]) Есть красота и величіе въ этомъ міровомъ ритмѣ, совпадающемъ съ ритмомъ земледѣльческаго быта. Ѳедоровъ хочетъ воздвигнуть всемірный, космическій храмъ, который населенъ будетъ не искусственными подобіями, не иконами и картинами, а живыми, воскрешенными предками. „Христіанство не есть лишь жизнепониманіе, а дѣло искупленія, которое и состоитъ въ расширеніи и распространеніи регуляціи на весь міръ... Если съ началомъ міра начинается и кончина, паденіе его, то вмѣстѣ съ человѣкомъ начинается возстаніе. Само вертикальное положеніе человѣка есть уже противодѣйствіе паденію". [2]) Это вертикальное положеніе человѣка Ѳедоровъ хочетъ довести до неба, до способности управлять всей міровой системой. Этой идеѣ нельзя отказать въ захватывающей духъ высотѣ. На какія же силы разсчитываетъ Ѳедоровъ въ дѣлѣ регуляціи?

Въ дѣлѣ регуляціи природы Ѳедоровъ болѣе всего ждетъ отъ войска, которое ни въ коемъ случаѣ не должно быть упразднено, но должно быть преображено изъ силы взаимнаго истребленія людей въ силу борьбы со стихіями природы и управленія природой. Всеобщая воинская повинность должна превратиться въ обязательный для всѣхъ долгъ участвовать въ активной борьбѣ съ безсознательными силами природы и въ активной регуляціи природы. Войска должны заняться изслѣдованіемъ природы. „Спасительная организація уже существуетъ; организація эта— войско... Нужно лишь, чтобы на войска, кромѣ защиты отъ себѣ подобныхъ, была бы теперь же возложена обязанность изслѣдованія и всего того, что можетъ служить для защиты противъ слѣпыхъ силъ природы... Не уничтоженіе войска, этой великой силы, что и невозможно, а превращеніе его въ естествоиспытательную силу сдѣлаетъ войну невозможною". [3]) Армія и война не должны быть замѣнены промышленностью, какъ того хотѣлъ бы ненавистный Ѳедорову буржуазный духъ; онѣ должны обратиться на единственнаго врага, источникъ смерти и всякаго зла, на слѣпыя, безсознательныя силы природы, сохранивъ свой воинскій духъ. Въ этомъ проектѣ Ѳедорова, какъ и во всемъ у него, поражаетъ его раціоналистическій оптимизмъ, его нежеланіе считаться со злой волей людской, съ темнымъ и ирраціональнымъ въ человѣческой жизни. Природная злая стихія есть и въ человѣкѣ. Война и войска зародились отъ злой вражды людей, отъ ирраціональности жизни, несоизмѣримой съ человѣческимъ разумомъ. Ѳедоровъ хочетъ раціонализировать войско и войну, превратить безъ остатка въ чистѣйшее добро.

---

[1]) Т. II, стр. 251.
[2]) Т. II, стр. 254.
[3]) Т. I, стр. 676.

Онъ вѣритъ, что люди потому лишь не направляютъ всѣхъ своихъ силъ на общее дѣло, что они не знаютъ, въ чемъ общее дѣло, не имѣютъ истиннаго сознанія. Тутъ Ѳедоровъ соприкасается съ Л. Толстымъ, который тоже не хотѣлъ считаться съ темной волей и вѣрилъ, что достаточно людямъ сознать божественный законъ жизни, чтобы наступило всеобщее спасеніе и благо. Но вѣдь въ самомъ человѣкѣ хаосъ шевелится. Ѳедоровъ не хочетъ также считаться съ тѣмъ, что ростъ человѣческой активности въ отношеніи къ природѣ совершается въ направленіи прямо противоположномъ тому, котораго онъ желалъ. Техническая власть надъ природой, которая дѣлаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе необычайныя завоеванія, разрушаетъ органическую родовую жизнь, ведетъ къ торжеству механизма надъ организмомъ. Въ ростѣ власти человѣка надъ природой побѣждаетъ „футуризмъ“, который безпощадно враждебенъ всякому родству. Каждый день промышленность и техника наносятъ удары остаткамъ родственно-патріархальныхъ устоевъ жизни, которые Ѳедоровъ считалъ вѣчными, единственно праведными и источники которыхъ видѣлъ въ Божественной Троицѣ. Остается или впасть въ безнадежный пессимизмъ и признать духъ человѣческій обреченнымъ на позорную гибель, или признать независимость духа человѣческаго и вѣчно-божественнаго отъ матеріальныхъ условій жизни, матеріальнаго быта и разлагающихся устоевъ этого міра. Нужно открыто, мужественно и безстрашно признать, что старый органическій синтезъ жизни, синтезъ матеріальнаго міра, родовой тѣлесности расчленяется и разлагается. Духъ человѣка, ликъ человѣка долженъ не только уцѣлѣть въ этомъ мучительномъ процессѣ, но и укрѣпиться въ высшей свободѣ.

Остается еще разсмотрѣть, что же такое сама природа для Ѳедорова, имѣетъ ли она свою внутреннюю жизнь? Ѳедоровъ отвращается отъ созерцанія природы и познанія ея тайнъ, онъ не хочетъ вникновенія въ жизнь природы. Онъ исходитъ изъ того, что природа безсознательна, слѣпа, смертоносна, что она—врагъ человѣка и источникъ зла. И остается впечатлѣніе, что природа для него—не живая, не одухотворенная, а мертвая, механическая. Съ природой невозможно никакое родственное сліяніе и общеніе черезъ созерцаніе ея внутренней таинственной жизни, ея духовной сущности. Къ природѣ возможно лишь практически-активное, хозяйственное отношеніе. Регуляція—единственный способъ отношенія къ природѣ. На природу Ѳедоровъ смотритъ глазами практика-хозяина, устроителя жизни. Для незаинтересованнаго созерцанія, мистическаго и эстетическаго, не остается мѣста. Ѳедоровъ не видитъ въ природѣ живого организма, іерархіи духовъ. Ему непріятна всякая демонологія, какъ остатокъ язычества. Тутъ въ немъ чувствуется непреодолѣнный позитивизмъ XIX вѣка, подавленность механическимъ естествознаніемъ. У Ѳедорова была чисто позитивистическая вражда ко

всему магическому. „Признавъ въ силахъ природы демоновъ и въ этомъ оставаясь языческимъ, христіанство считало нужнымъ бороться съ ними и въ этомъ было истиннымъ христіанствомъ; но боролось оно съ ними лишь знаками, символами (какъ, напримѣръ, крестное знаменіе), въ которыхъ признавало магическую силу. Нынѣшнее же христіанство, отвергнувъ, по крайней мѣрѣ въ высшихъ слояхъ, демоновъ, этимъ возвратилось къ христіанству, но въ то же время оно признало господство надъ человѣкомъ естественныхъ силъ и этимъ опять стало языческимъ". [1]) У Ѳедорова было истинное сознаніе того, что христіанство должно освободить человѣка отъ власти демоновъ природы, которыми былъ подавленъ міръ языческій, должно поднять человѣка. Черезъ этотъ процессъ освобожденія отъ языческаго страха передъ духами природы и отъ власти природныхъ стихій христіанство, въ концѣ-концовъ, механизировало природу, и вторичнымъ результатомъ этого процесса явилось научное естествознаніе и научная техника. Научное сознаніе стоитъ на томъ, что человѣкъ можетъ властвовать надъ природой, какъ механизмомъ, и не можетъ властвовать надъ природой, какъ живой іерархіей духовъ. По своему образованію, по господствовавшему въ его время научному сознанію Ѳедоровъ остался позитивистомъ въ своихъ взглядахъ на природу. Его, православнаго христіанина, отталкивала даже вѣра во власть крестнаго знаменія надъ силами природы. Онъ ни за что не хотѣлъ признать, что поставленная имъ задача активнаго отношенія къ природѣ не можетъ быть исключительно научно-позитивной и не разрѣшима средствами естествознанія и техники, что это задача—магическая, алхимическая. Именно магическое пониманіе регуляціи природы, исходящее изъ познанія природы, какъ іерархіи духовъ, изъ родственнаго и любовнаго общенія съ природными духами, не фантастично и не утопично, ибо фантастичность и утопичность всегда есть результатъ незаконнаго смѣшенія и перенесенія низшаго на высшее. Естественно-научная регуляція всей солнечной системы, всѣхъ небесныхъ пространствъ есть фантастическая утопія. Но магическое пониманіе регуляціи всего космоса, основанной на самосознаніи человѣка, какъ микрокосма, не есть фантастическая утопія и должно быть принято или отвергнуто по другимъ основаніямъ. Утопичны попытки достигнуть мистическихъ цѣлей позитивно-раціональными средствами, но уже не утопія—достиженіе этихъ цѣлей мистическими средствами. Ѳедоровъ не вѣрилъ въ возвращеніе великаго Пана, не хотѣлъ, чтобы природа вновь ожила для насъ и чтобы мы по-новому, уже въ свободѣ получили возможность общаться съ духами природы. Населенность природы духами была для него лишь языческимъ суевѣріемъ. Онъ не чувствовалъ еще, что въ самой наукѣ

---

[1]) Т. I, стр. 230.

совершается глубокій кризисъ, который приведетъ къ краху механическаго міропониманія. Онъ не сознавалъ, что сила, дающая человѣку возможность регулировать природу, обоюдоостра и небезопасна. Сама техника незамѣтно перерождается въ магію. Извѣстный эзотеризмъ въ этой области имѣетъ глубокій смыслъ. Ѳедоровъ же стоитъ на демократически-эзотерической точкѣ зрѣнія. Мы приближаемся къ самой сердцевинѣ ѳедоровской философіи общаго дѣла, къ его „проекту“ воскрешенія.

V

Что же это за проектъ Ѳедорова, который Вл. Соловьевъ считалъ „со времени появленія христіанства первымъ движеніемъ впередъ человѣческаго духа по пути Христову“? У Ѳедорова была своя единственная, центральная идея, которой онъ былъ цѣликомъ захваченъ, для которой все было лишь средствомъ, которую онъ всегда повторялъ. Ѳедоровъ—моноидеистъ. Съ именемъ его навсегда останется связанной духъ захватывающая идея воскрешенія мертвыхъ. Проблема Ѳедорова—не *воскресеніе* мертвыхъ, въ которое всегда вѣрили христіане, а *воскрешеніе* мертвыхъ. Все ученіе Ѳедорова, какъ о родствѣ людей, такъ и объ активномъ отношеніи людей къ природѣ, нужно было для установленія условій активнаго воскрешенія мертвыхъ самимъ человѣчествомъ. Для воскрешенія мертвыхъ необходимо прекращеніе розни, нравственное объединеніе людей въ родство и активная регуляція природы путемъ знанія, науки, техники. Каждый человѣкъ, точнѣе—сынъ человѣческій, живетъ на счетъ предковъ и долженъ уплатить свой долгъ. Рожденіе несетъ съ собой смерть родителямъ. Каждое поколѣніе виновно въ смерти поколѣнія предшествующаго. „Мы живемъ не на чужой только счетъ, не на счетъ лишь слѣпой природы, а также и не на счетъ себѣ подобныхъ, даже самыхъ близкихъ, замѣняя, вытѣсняя ихъ; и такое существованіе дѣлаетъ насъ не только недостойными, но и преступными... Сознаніе, что долгъ этотъ не оплаченъ, есть сознаніе своей зависимости, рабства, невольности, смертности, словомъ,—небратства. Въ неоплаченномъ долгѣ заключается наказаніе рабствомъ, смертію. Оплаченный долгъ есть возвращеніе жизни своимъ родителямъ, т.-е. долга своимъ кредиторамъ, и черезъ то—свободы себѣ“. [1]) Люди смертны потому, что между ними нѣтъ любви. Скорбь сына надъ смертью отца есть жажда побѣды надъ мертвой природой. „Въ мукахъ сознанія смертности и родилась душа человѣка“. [2]) Ѳедоровъ изобличаетъ низость прогрес-

---

[1]) Т. I, стр. 94.
[2]) Т. II, стр. 270.

са, въ которомъ каждое поколѣніе превращается въ средство для послѣдующаго. „Біологически—прогрессъ состоитъ въ поглощеніи младшимъ старшаго, въ вытѣсненіи сынами отцовъ; психологически онъ—замѣна любви къ отцамъ бездушнымъ превозношеніемъ надъ ними, презрѣніемъ къ нимъ, это нравственное, или, вѣрнѣе, самое безнравственное, вытѣсненіе сынами отцовъ... Прогрессъ есть истинный адъ, и истинно божественное, истинно человѣческое дѣло заключается въ спасеніи жертвъ прогресса, въ выводѣ ихъ изъ ада". [1]) „Прогрессъ есть прямая противоположность воскрешенію". [2]) Воскрешеніе есть обратное движеніе совершеннолѣтнихъ сыновъ. „Воскрешеніе есть полное выраженіе совершеннолѣтія, выходъ изъ школы; оно требуетъ общества самостоятельныхъ лицъ, сыновъ, участвующихъ въ общемъ дѣлѣ воскрешенія отцовъ. Съ воспитаніемъ кончается дѣло отцовъ, родителей, и начинается дѣло сыновъ—воскресителей. Въ рожденіи и воспитаніи родители отдаютъ свою жизнь дѣтямъ, а въ дѣлѣ воскрешенія начинается возвращеніе жизни родителямъ, въ чемъ и выражается совершеннолѣтіе". [3]) Апокалиптическія пророчества были условной угрозой для несовершеннолѣтнихъ. „Страшный судъ есть только угроза для младенчествующаго человѣчества". [4]) Смерть и есть выраженіе несовершеннолѣтія, несамостоятельности, неспособности возстановлять жизнь. „Люди еще недоросли, полусущества". [5]) Трансцендентное пониманіе воскрешенія и безсмертія есть несовершеннолѣтіе. Для совершеннолѣтнихъ воскресеніе должно быть имманентнымъ, т.-е. воскрешеніемъ. Человѣческій родъ не долженъ ждать естественнаго конца міра и сверхъестественнаго воскресенія. Къ пассивнымъ апокалиптическимъ ожиданіямъ Ѳедоровъ относился враждебно. Ему былъ чуждъ хиліазмъ, мистическая вѣра въ откровеніе тысячелѣтняго царства Христова на землѣ. Божественное откровеніе закончено, и должно начаться человѣческое дѣло. *Если человѣчество соединится для общаго дѣла и приступитъ къ активному воскрешенію, то оно избѣжитъ конца міра и страшнаго суда и непосредственно перейдетъ въ вѣчную жизнь.* Тогда спасутся для вѣчной жизни не немногіе, а всѣ. Сотрется грань, отдѣляющая этотъ міръ отъ міра иного. Завѣтъ христіанства „заключается въ соединеніи Небеснаго съ земнымъ, божественнаго съ человѣческимъ; всеобщее же воскрешеніе, воскрешеніе имманентное, всѣмъ сердцемъ, всею мыслію, всѣми дѣйствіями, т.-е. всѣми силами и способностями всѣхъ сыновъ человѣческихъ совершаемое, и есть исполненіе этого завѣта Христа—

---

[1]) Т. I, стр. 20.
[2]) Т. I, стр. 21.
[3]) Т. I, стр. 27.
[4]) Т. I, стр. 104.
[5]) Т. I, стр. 91.

Сына Божія и вмѣстѣ Сына Человѣческаго". [1]) Трансцендентное воскресеніе будетъ судомъ надъ человѣчествомъ, не пожелавшимъ воскресенія имманентнаго. Воскресеніе есть „актъ еще неоконченный; какъ Божественное—оно уже рѣшено, какъ человѣческое—еще не произведено". [2]) „Религія есть дѣло воскрешенія, только въ видѣ не полномъ, въ видѣ таинства". [3]) Создатель міра не можетъ быть губителемъ его. Спасеніе всѣхъ, всего міра для Ѳедорова есть не только оправданіе человѣка, но и оправданіе Бога. „Если воскресеніе совершится по нашей доброй волѣ, то оно совершится помимо, вопреки, противъ нашей воли; и въ этомъ случаѣ не всѣ въ разумъ истинный придутъ, всеобщаго объединенія, всеобщаго раскаянія не будетъ, а будетъ неумолимый страшный судъ". [4]) Проектъ Ѳедорова и есть проектъ избѣжанія страшнаго суда. Пониманіе апокалипсиса, какъ угрозы, предупрежденія, какъ притчи, какъ условнаго, а не безусловнаго, т.-е. зависящаго не только отъ Бога, но и отъ человѣка,—самое глубокое у Ѳедорова, поистинѣ геніальное. Пассивное пониманіе апокалипсиса есть результатъ несовершеннолѣтія. Гражданство есть мнимое совершеннолѣтіе. Истинное совершеннолѣтіе есть объединеніе сыновъ человѣческихъ для воскрешенія, для побѣды надъ смертью. „Отказавшись отъ сыновняго дѣла, воскрешенія, мѣняютъ только прямой путь на окольный, очень длинный, если только слѣпота человѣка будетъ не вѣчна; но если она будетъ вѣчною, то міръ будетъ не вѣченъ, т.-е. наступитъ конецъ міра. Отказавшись отъ сыновняго дѣла, т.-е. воскрешенія, замѣняютъ дѣйствительное воскрешеніе мнимымъ—въ *знаніи,* недѣйствительнымъ, или только подобнымъ—*въ искусствѣ, идолопоклонствомъ—въ религіи,* въ смыслѣ *идеолатріи,* или *идоло*-латріи, и только въ послѣднемъ видѣ (въ видѣ идолопоклонства) воскрешеніе и доступно пока всѣмъ, тогда какъ въ первыхъ двухъ лишь немногимъ". [5]) „Если объединеніе живущихъ для всеобщаго воскрешенія не совершается сознательно, то объединеніе сыновъ превращается въ цивилизацію, въ чуждость, враждебность, въ разрушеніе; а вмѣсто воскрешенія является культура, т.-е. перерожденіе, вырожденіе и, наконецъ, вымираніе". [6]) Воскрешеніе противоположно не только прогрессу, но и культурѣ, цивилизаціи, которая есть мнимое воскрешеніе. „Похороненное въ наше время, ученіе о воскресеніи, какъ дѣйствіи трансцендентномъ, воскресаетъ, какъ дѣйствіе имманентное". [7]) „Не уда-

---

[1]) Т. I, стр. 32.
[2]) Т. I, стр. 139.
[3]) Т. I, стр. 69.
[4]) Т. I, стр. 471.
[5]) Т. I, стр. 132.
[6]) Т. I, стр. 132—3.
[7]) Т. II, стр. 268.

лять слѣдуетъ Безсмертное Существо изъ міра, оставляя міръ смертнымъ... Задача заключается въ томъ, чтобы и самую природу, силы природы, обратить въ орудіе всеобщаго воскрешенія и черезъ всеобщее воскрешеніе стать союзомъ безсмертныхъ существъ". [1]) Подобіемъ Троицы въ человѣческой жизни можетъ быть только „церковь воскрешенныхъ". Церковь воскрешенныхъ создается не только Богомъ, но и человѣкомъ. Откровеніе *Сына*—„это величайшее откровеніе со стороны Бога и величайшее откровеніе со стороны человѣка". [2]) Евангеліе—незаконченная книга; ее заканчиваетъ самъ человѣкъ.

Какіе же пути указываетъ Ѳедоровъ къ осуществленію своего головокружительно-дерзкаго проекта воскрешенія мертвыхъ? У народа воскрешеніе находится въ миѳической стадіи, такъ какъ у народа еще нѣтъ знанія. Реальное воскрешеніе будетъ основано на знаніи. Всѣ сдѣлаются учеными. Наука будетъ практически-дѣйственной. Активность человѣчества во всеобщемъ дѣлѣ воскрешенія мертвыхъ сознается Ѳедоровымъ религіозно и обосновывается въ его ученіи о Тріединомъ Богѣ, но пути и способы этой активности у него, прежде всего, научные, естественно-научные, позитивно-техническіе. „Славянскому племени принадлежитъ раскрытіе мысли о всеобщемъ соединеніи". [3]) Въ Россіи видитъ Ѳедоровъ задатки плана воскрешенія—въ ея родовомъ бытѣ, въ общинѣ, въ безсословности, въ служиломъ государствѣ, въ сознаніи русскими не правъ, а вины и повинности и т. п. Это патріархально-родовыя, родственныя, моральныя предпосылки плана воскрешенія. Но когда Ѳедоровъ говоритъ о самомъ воскрешеніи, то онъ почти исключительно останавливается на научно-позитивныхъ методахъ. У него совершенно не выясненъ вопросъ о границахъ дѣйствія позитивно-реалистическаго, техническаго и мистико-теургическаго, магическаго. Въ его пониманіи воскрешенія чувствуется вліяніе позитивизма, научнаго образованія XIX вѣка, необычайная переоцѣнка научнаго знанія.

„Возвращеніе праху жизни, сознанія души, есть высшая ступень, или степень способности, знанія и воли, управленія и самоуправленія. Возвращеніе жизни умершимъ и создастъ существа безсмертныя, не разрушимыя; ибо только тогда, когда станетъ не *возможнымъ только,* но *доказаннымъ*, т.-е. *дѣйствительнымъ*, воспроизведеніе изъ безжизненнаго вещества жизни, только тогда жизнь и получитъ высшую гарантію... и антагонизмъ между человѣческимъ и Божественнымъ окончится". [4]) И Ѳедоровъ предлагаетъ проекты и опыты „воскрешенія изъ безжизненнаго вещества жизни". Для Ѳедорова „безсмертіе не можетъ быть при-

[1]) Т. I, стр. 67.
[2]) Т. I, стр. 78.
[3]) Т. I, стр. 260.
[4]) Т. I, стр. 111—12.

знано, *ни субъективнымъ* только, *ни объективнымъ:* оно *проективно*". [1]) Почти жуткое впечатлѣніе остается, когда Ѳедоровъ говоритъ, что „какъ естественная наука, такъ и приложеніе ея, медицина, должна отъ кабинетныхъ, аптечно-терапевтическихъ опытовъ, производимыхъ въ области больнично-клинической, перейти къ употребленію теллуро-солярной и психо-физіологической силы, регулируемой знаніемъ, должна перейти къ уничтоженію болѣзненности вообще", и предлагаетъ этими способами начать „дѣйствія на трупы въ видахъ изслѣдованія и даже, быть можетъ, оживленія, и не будетъ ли это первымъ шагомъ по пути къ воскрешенію". [2]) Нужно приступить къ психо-физіологическимъ опытамъ воскрешенія подъ руководствомъ врачей и священниковъ, т.-е. въ единеніи науки и религіи. „Для воскрешенія недостаточно одного изученія молекулярнаго строенія частицъ; но, такъ какъ онѣ разсѣяны въ пространствѣ солнечной системы, можетъ быть и другихъ міровъ, ихъ нужно еще и собрать; слѣдовательно, вопросъ о воскрешеніи есть теллуро-солярный или даже теллуро-космическій". [3]) „Мы полагаемъ возможнымъ и необходимымъ достигнуть черезъ всѣхъ, конечно, людей познанія и управленія всѣми молекулами и атомами внѣшняго міра такъ, чтобы разсѣянное собрать, разложенное соединить, т.-е. сложить въ тѣла отцовъ, какія они имѣли при своей кончинѣ". [4]) Ѳедоровъ хочетъ естественнаго воскресенія всѣхъ, а не чудеснаго воскресенія гнѣва Божія, въ которомъ лишь немногіе воскреснутъ. Воскрешеніе устранитъ болѣзненный источникъ мистицизма. „Мистицизмъ если и допускаетъ объединеніе для воскресенія, то это объединеніе совершается мистически, т.-е. способомъ непонятнымъ, изслѣдованію неподдающимся... И самое воскресеніе въ этомъ случаѣ совершается не черезъ естественное познаніе и управленіе слѣпою силою, не путемъ опыта, опытнаго познанія, познанія свѣтлаго, а путемъ таинственнымъ, темнымъ, который можетъ быть представленъ въ видѣ колдовства... Мистицизмъ есть принадлежность еще недозрѣвшихъ народовъ, слабыхъ въ познаніи природы, или же народовъ отживающихъ, отчаявшихся достигнуть путемъ естественнаго знанія разрѣшенія вопроса *„о жизни и смерти"*, т.-е. мистицизмъ не даетъ дѣйствительныхъ средствъ для разрѣшенія вопроса о возвращеніи жизни умершимъ". [5]) Тутъ Ѳедоровъ говоритъ о мистицизмѣ такъ, какъ говорилъ бы какой-нибудь марксистъ-матеріалистъ. Религіозно дерзновенная и новая идея воскрешенія черезъ активность самого человѣка превращается въ матеріалистическую утопію, въ фан-

[1]) Т. I, стр. 207.
[2]) Т. I, стр. 289.
[3]) Т. I, стр. 330—1.
[4]) Т. I, стр. 442.
[5]) Т. I, стр. 439.

тастику позитивизма. Это—небывалое смѣшеніе религіозныхъ пророчествъ и мистическихъ предчувствій съ фантазіями и утопіями ученаго матеріализма, потерявшаго сознаніе всякихъ границъ, отдѣляющихъ позитивистическое отъ мистическаго, матеріальное отъ духовнаго. Сознательное и открытое признаніе магіи было бы менѣе фантастично и болѣе трезво, ибо всякая фантастичность и утопичность основана на смѣшеніи разныхъ сферъ, на абсолютизаціи относительнаго. Задача воскрешенія мертвыхъ, основанная на регуляціи природы, можетъ быть лишь магической задачей, а не позитивно-научной и технической. Задача эта предполагаетъ реальность мистическихъ силъ. Ѳедоровъ же натурализируетъ даже вселенскій соборъ, который превращается у него въ международный съѣздъ или верховную комиссію. [1])

Очень глубоко ученіе Ѳедорова о противоположности между силой рождающей и силой воскрешающей. Тутъ онъ прикоснулся къ великой тайнѣ, и если бы не имѣлъ дурного пренебреженія ко всякой мистикѣ и гностикѣ, то пошелъ бы въ глубь познанія этой тайны. Ѳедоровъ учитъ, что въ христіанскомъ бракѣ „рожденіе есть лишь временное состояніе, остатокъ животнаго состоянія, которое уничтожится, когда дѣло отеческое станетъ воскрешеніемъ". [2]) Въ сознаніи Ѳедорова „истинно нравственно только полное обращеніе слѣпой силы—рожденія въ сознательное дѣйствіе". [3]) Рожденіе есть зло, результатъ слѣпой силы природы; его обратной стороной является смерть. „Отличительною чертою человѣка являются два чувства—чувство смертности и стыдъ рожденія. Можно догадываться, что у человѣка вся кровь должна была броситься въ лицо, когда онъ узналъ о своемъ началѣ, и какъ долженъ былъ онъ поблѣднѣть отъ ужаса, когда увидѣлъ конецъ въ лицѣ себѣ подобнаго". [4]) Животно-подобное рожденіе человѣка есть наказаніе. „Природному размноженію въ христіанствѣ соотвѣтствуетъ въ отрицательномъ смыслѣ—цѣломудріе, т.-е. отрицаніе рожденія, а въ положительномъ—*всеобщее воскрешеніе,* т.-е. воспроизведеніе изъ того излишка, который тратится на родотвореніе, и *изъ праха,* произведеннаго разрушительной борьбой, прежде *живших̀ъ поколѣній*". [5]) Но „отрицательная дѣвственность—еще не небесная добродѣтель, цѣломудріе—еще не дѣятельная мудрость, не рождать еще не значитъ освобождать отъ смерти, воскрешать: нужно, чтобы безсознательное рожденіе замѣнилось дѣломъ воскрешенія". [6]) Первый параграфъ проекта Ѳедорова—

---

[1]) Т. I, стр. 575.
[2]) Т. I, стр. 84.
[3]) Т. I, стр. 279.
[4]) Т. I, стр. 312.
[5]) Т. I, стр. 317.
[6]) Т. I, стр. 421.

„обращеніе рождающей силы въ возсозидающую и умерщвляющей—въ оживляющую". [1]) Дочь, какъ носительница Св. Духа, должна замѣнить жену. Глубокая истина объ антагонизмѣ между силой рождающей и силой воскрешающей и о неразрывности рожденія и смерти не связана у Ѳедорова съ эротикой, какъ у Вл. Соловьева. Онъ отрицаетъ брачную любовь. Бракъ для Ѳедорова есть дѣло, трудъ. Тутъ онъ лишенъ всякихъ прозрѣній. Онъ—прозаически-дѣловой мыслитель до конца. Задача человѣка—не соперничать съ лиліями долинъ и блескомъ солнца, а вносить сознаніе и волю въ слѣпую силу, трудиться. А эротическая любовь—полевая лилія и блескъ солнца, въ ней нѣтъ ничего трудового. Ѳедоровъ не противопоставляетъ личности роду, какъ Вл. Соловьевъ. Эротическая любовь—внѣ рода, въ личности. Ученіе Ѳедорова о воскрешеніи раздирается двойственностью. Съ одной стороны, оно побѣждаетъ родъ, рождающую силу, съ другой—оно остается въ родѣ и родъ укрѣпляетъ навѣки. Идея воскрешенія отцовъ глубже родового начала, ибо все человѣчество—отцы наши.

Остается указать еще на одну сторону ученія о воскрешеніи мертвыхъ. Проектъ Ѳедорова требуетъ, чтобы жизнь человѣчества была сосредоточена на кладбищахъ, около праха отцовъ. На кладбищахъ же должно начаться и общее дѣло воскрешенія. Всѣ храмы должны быть на кладбищахъ, и на кладбищахъ же должна быть сосредоточена наука и техника. „Храмы внѣ кладбищъ—это выраженіе угодливости къ желающимъ забыть смерть... Внѣ кладбищъ—связь всеобщаго воскрешенія съ воскресеніемъ Христа вовсе не замѣтна". [2]) „Смотрѣть на землю, какъ на жилище, а не какъ на кладбище, значитъ, прилѣпиться къ женѣ и забыть отцовъ, а всю землю обратить въ комфортабельное обиталище, т.-е., это значитъ—смотрѣть на нее, какъ на земное, а не какъ на небесное тѣло... Смотрѣть же на землю, какъ на кладбище, значитъ, обратить силы, получаемыя землею отъ небесныхъ тѣлъ, на возвращеніе жизни отцамъ, на обращеніе небесныхъ тѣлъ въ жилища и на объединеніе небесныхъ пространствъ". [3]) Погребеніе есть уже начало воскрешенія. Человѣкъ есть существо, которое погребаетъ—вотъ существенное опредѣленіе человѣка. Съ этимъ связана у Ѳедорова любовь къ музеямъ, какъ зачатку воскрешенія, и нелюбовь къ выставкамъ, какъ измѣнѣ отцамъ и самовозвеличенію. Какъ и храмы, музеи должны быть кладбищенскіе. „Только кладбища могутъ быть превращены въ полные музеи, а не въ музеи-кабинеты лишь рѣдкостей, каковы нынѣшніе музеи. Только кладбищенскіе музеи есть памятники для

---

[1]) Т. I, стр. 426.
[2]) Т. I, стр. 50.
[3]) Т. I, стр. 53.

всѣхъ безъ исключенія людей, а не однихъ только великихъ; только кладбищенскіе музеи все дѣлаютъ предметомъ знанія и всѣхъ познающими, если не отдѣлены отъ школъ". [1]) Воскрешеніе отцовъ на кладбищахъ, около кладбищенскихъ храмовъ и музеевъ Ѳедоровъ противополагаетъ культурѣ, какъ „вымиранію" и „вырожденію". „Культура есть произведеніе эпохи, которая отказалась отъ безсмертной жизни, слѣдовательно, не признавала зла въ умираніи личномъ и въ вымираніи родовомъ. Она хотѣла жить, наслаждаться жизнью, издерживать капиталъ, а не создавать и не возсоздавать его. Кто хочетъ утонченной, интенсивной жизни, тотъ не долженъ жаловаться на скоротечность; даже, вообще, кто не ставитъ цѣлью жизни трудъ, и даже именно трудъ возсозиданія, тотъ не имѣетъ права жаловаться на смерть... Если признать культуру вымираніемъ, то нѣтъ основанія удивляться, что цѣлью жизни будетъ *спасеніе отъ культуры*... Культурность выражается въ самоистребленіи, во взаимоистребленіи, въ истощеніи силы природы". [2]) Нельзя отрицать той истины, что культура основана на поѣданіи прошлаго будущимъ, отцовъ дѣтьми, что она не завоевываетъ безсмертія. Но Ѳедоровъ забываетъ, что культура есть трудъ и усиліе. Культура—трагическій и антиномическій путь человѣка. Въ ея великой неудачѣ достигнуть вѣчнаго бытія есть положительный смыслъ. И путь отъ жизни натурально-родовой къ жизни вѣчной, къ духовной свободѣ лежитъ черезъ культуру. Послѣднимъ плодомъ культуры Ѳедоровъ считаетъ Ницше, котораго называетъ философомъ Чернаго царства, „Чернымъ пророкомъ". Ѳедоровъ совсѣмъ не понимаетъ болѣзни развитія, трагизма и антиномизма исторіи, онъ—прямолинейный апологетъ здоровья. Онъ никогда не прозрѣваетъ, что и смерть, и гибель можетъ быть путемъ къ иной, высшей жизни. У него рѣшительная вражда къ діонисическому, ко всему оргійному и пьянящему; онъ требуетъ отрезвленія, трезвой памяти объ отцахъ. Творчество имѣетъ діонисическіе истоки, и Ѳедоровъ принужденъ отрицать творчество.

Трудно сказать, вѣрилъ ли Ѳедоровъ въ безсмертіе души. Когда онъ говоритъ о смерти и воскресеніи, то онъ все время имѣетъ въ виду тѣло, тѣлесную смерть и тѣлесное воскресеніе. Вопросъ о судьбѣ души и духа имъ даже не поставленъ. Онъ никогда не говоритъ о многосоставности и сложности человѣка. Можно подумать, что для Ѳедорова человѣкъ по преимуществу тѣлесное, матеріальное, физическое существо, и безъ тѣла невозможна духовная жизнь. Воскресеніе для него всегда есть воскресеніе тѣла и достижимо оно тѣлесными средствами. Ѳедоровъ совсѣмъ не выясняетъ вопроса о матеріи и мате-

---

[1]) Т. I, стр. 616.
[2]) Т. I, стр. 625.

ріальномъ тѣлѣ. Для философіи христіанства это очень сложный вопросъ. Врядъ ли возможно поддерживать идею воскресенія въ матеріальномъ, физическомъ тѣлѣ. Тѣло, въ которомъ воскресъ Христосъ, не могло быть матеріальнымъ, физическимъ тѣломъ,—то было просвѣтленное и преображенное тѣло, болѣе тонкое, побѣдившее всякую матеріальную тяжесть, тѣло духовное. [1]) Ѳедоровъ же требуетъ физическаго, грубо-матеріальнаго воскрешенія мертвыхъ. Онъ — вѣрующій православный христіанинъ—философствуетъ, какъ чистый матеріалистъ. Ахиллесова пята Ѳедорова—въ его религіозномъ матеріализмѣ, совершенно наивномъ. Онъ противоестественно соединяетъ два матеріализма—матеріализмъ религіозный и матеріализмъ научный. Такъ затемняется истинное зерно великой и дерзновенной идеи воскрешенія, въ которой есть непреходящая духовная правда. Ѳедоровъ все время черпаетъ изъ двухъ источниковъ. Образъ его мыслей двоится. Временами кажется, что онъ не признаетъ ни духа, ни иного міра, а только этотъ міръ, прикованный къ физической тѣлесности. Если бы Ѳедоровъ былъ болѣе обращенъ къ жизни духовной, то онъ не могъ бы видѣть единственную и исчерпывающую цѣль жизни въ воскрешеніи отцовъ. Есть еще самоцѣнная жизнь личности, ея индивидуальная судьба, ея духовная жизнь — жизнь творчески-положительная. Ѳедоровъ очень суживаетъ смыслъ тайны искупленія. Искупленіе для него цѣликомъ исчерпывается воскресеніемъ. Но искупленіе есть также новое рожденіе, духовное рожденіе человѣка; оно имманентно и трансцендентно разомъ. И само воскрешеніе стоитъ въ зависимости отъ духовнаго рожденія и возрожденія—рожденія новаго человѣка во Христѣ. Ѳедоровъ очень преуменьшаетъ значеніе благодати Христовой въ дѣлѣ воскрешенія. Правда его въ томъ, что онъ выдвинулъ активность человѣка и имманентный характеръ воскрешенія, но эта правда не можетъ быть оторвана отъ другой своей стороны, отъ благодатной Христовой силы, въ которой и черезъ которую только и возможно для человѣка воскресеніе и воскрешеніе. Воскресеніе можетъ быть только мистическимъ, въ плоти мистической.

VI.

Ѳедоровъ говорилъ: „Путемъ самоосужденія и критики открывается, что мѣсто, лишенное свѣта, т.-е. адъ, и есть весь міръ, природа, какъ слѣпая сила, и въ особенности мы сами“. [2]) Мы и такъ живемъ въ

[1]) Прекрасная глава о воскресеніи есть въ книгѣ католика-модерниста Леруа: „Догматъ и критика“, которая скоро выходитъ по-русски въ книгоиздат. „Путь“ съ моей вступительной статьей.

[2]) Т. I, стр. 307.

аду. Мы должны активно выйти изъ этого ада, помочь всѣмъ и всему выйти изъ ада, а не въ ужасѣ склоняться передъ перспективой ада вѣчнаго. Это сознаніе Ѳедорова должно быть признано очень высокимъ, превышающимъ обычное сознаніе православное и католическое. Ѳедоровъ думалъ, что самые крайніе матеріалисты могутъ предварять въ царствѣ Божьемъ оставшихся вѣрными принципамъ христіанства. Всѣ наши пороки онъ считалъ лишь извращенными добродѣтелями. „Даже громадная сила, проявляющаяся въ сладострастіи, найдетъ себѣ эквивалентное выраженіе въ возсозиданіи". [1]) Ѳедоровъ никогда не анаѳемствовалъ, онъ лишь печалился о розни и о смерти, жаждалъ воссоединенія и воскрешенія. Онъ безпощадно рѣзокъ и суровъ въ оцѣнкахъ идей и мыслителей; въ этомъ отношеніи онъ почти никого не признавалъ, даже близкихъ ему славянофиловъ. Но религія его была религіей абсолютной жизни для всѣхъ, она не терпѣла осужденія и гибели. Съ этимъ было связано его невѣріе въ діавола, его упорное нежеланіе признать темную волю къ злу, ирраціональный хаосъ. Онъ упрямо не хочетъ видѣть, что человѣчество уходитъ отъ его родового христіанства, что противорѣчія и антагонизмы жизни растутъ. Нѣкоторая слѣпота Ѳедорова, его негибкость и упрямство опредѣлялись его безконечной и безграничной волей къ добру. Его собственная воля не была усложнена темнымъ потокомъ, льющимся изъ бездны. Онъ обреченъ былъ на непониманіе всего ирраціональнаго, темнаго, бездоннаго, безумно-страстнаго. Необычайная высота его моральнаго сознанія поставила ему границы и сдѣлала его раціоналистомъ-утопистомъ. Это— одна изъ антиномій жизни. Ему не дано было познаніе зла. Въ сущности, Ѳедоровъ почти не понимаетъ тайны Голгоѳы, мистеріи креста и распятія. У него было отталкиваніе отъ того мистическаго пути, на которомъ внутренно неизбѣжно прохожденіе черезъ вольную смерть, черезъ таинственную жертву, черезъ распятіе къ воскресенію. Голгоѳа есть вѣчный путь человѣческаго духа, она—свершающаяся вездѣ, всегда и со всѣми внутренняя мистерія, безъ которой невозможно воскресеніе. Но для Ѳедорова христіанство не было жертвенной мистеріей искупленія, внутренней мистеріей духа, преодолѣвающей саму противоположность дарового, благодатнаго и трудового, человѣчески-активнаго. Для Ѳедорова христіанство есть, прежде всего, общее дѣло, трудъ, активность нравственная и техническая. Онъ рѣшительный врагъ пониманія христіанства, какъ мистеріи духа. Онъ рѣшительно не принимаетъ автономіи человѣческаго духа и потому приковываетъ человѣка къ внѣшнему міру. Онъ—врагъ развитія способностей на свободѣ, на досугѣ, такъ какъ боится дарового. Онъ обреченъ на объективно-предметное,

[1]) Т. II, стр. 13.

матеріалистическое пониманіе религіи. Онъ объективируетъ и матеріализируетъ христіанскую мистерію еще болѣе, чѣмъ православіе и католичество, и, въ концѣ-концовъ, принужденъ базироваться на естественномъ, натуральномъ. Онъ смѣшиваетъ духовную соборность съ натуральнымъ родомъ. Неясно, что такое для него „родовое“ и „матеріальное“. Второе рожденіе во Христѣ, о которомъ учатъ всѣ мистики, есть выходъ изъ рода и родовой необходимости, преодолѣніе религіознаго матеріализма, который всегда эзотериченъ. Истинный путь лежитъ отъ первоначальнаго натуральнаго родства черезъ свободную гражданственность къ общенію въ Духѣ. Но Ѳедоровъ самъ хочетъ остаться и всѣхъ оставить въ родовомъ и матеріальномъ. Основывать нравственность на натуральномъ родствѣ—значитъ подчинять духъ матеріи. Здѣсь скрыто основное противорѣчіе Ѳедорова: родственность основана на половомъ актѣ рожденія въ матеріальной природѣ, которая ведетъ къ смерти и должна быть преодолѣна, и эта же родственность есть единственная основа всякой правды и добра. Ѳедоровъ не видитъ разложенія натуральной родственности и гибели старыхъ устоевъ жизни. Вѣчная дѣтскость, въ которой Ѳедоровъ видитъ чистѣйшую сущность христіанства, совсѣмъ не тождественна съ родовымъ, родственнымъ сыновствомъ и дочеринствомъ. Евангельская дѣтскость не натуральна, какъ хочется Ѳедорову, а духовна.

Мы подходимъ къ послѣднему и коренному вопросу, который ставитъ религія воскрешенія. Ѳедоровъ призываетъ къ исключительной активности человѣка, онъ вѣритъ, что человѣкъ можетъ управлять вселенной. Но признаетъ ли Ѳедоровъ творчество человѣка? Воскрешеніе умершихъ предковъ само по себѣ еще не творческое дѣло—слишкомъ обращенное назадъ, а не впередъ. Творческая задача жизни не можетъ ограничиться воскрешеніемъ, т.-е. возсозданіемъ погибшаго бытія. Многія мѣста „Философіи общаго дѣла“ убѣждаютъ, что Ѳедоровъ не допускалъ возможности творчества человѣка. „*Творить* мы *не можемъ*, а *возсоздавать сотворенное* не нами, но разрушенное нами или разрушившееся по нашему невѣдѣнію или по нашей винѣ,—*мы должны*“. [1]) „Самая высшая ступень управленія есть не созданіе, а возсозданіе“. [2]) „Человѣкъ—*управляющій*, приказчикъ, *возсоздатель*, а *не Творецъ и не Создатель*“. [3]) Основнымъ для Ѳедорова является *трудъ*, а не *творчество*. Трудовому сознанію Ѳедорова творчество представляется роскошью, избыткомъ, чѣмъ-то даровымъ. Онъ не принимаетъ той мистеріи искупленія, которая черезъ жертву освобождаетъ творческую энер-

---

[1]) Т. II, стр. 47.
[2]) Т. II, стр. 254.
[3]) Т. II, стр. 279.

гію человѣка. Возсозданіе погибшей жизни, побѣда надъ смертью, надъ зломъ есть дѣло искупленія, предполагаетъ божественную благодать. Человѣческое творчество, человѣческая активность, созидающая новое, небывалое, лежитъ по ту сторону искупленія зла, предполагаетъ пройденный путь искупленія—путь божественной жертвы. Новое рожденіе человѣка есть рожденіе творца, творящаго; оно предполагаетъ выходъ изъ рода и родовой необходимости. Только эзотерическому христіанству раскрывается тайна творчества человѣка, его творческаго призванія въ мірѣ.

Великое значеніе имѣетъ человѣческое самосознаніе Ѳедорова, сознаніе активнаго призванія человѣка управлять міромъ, всѣхъ и все въ мірѣ спасать и воскрешать. Это поистинѣ новое религіозное самочувствіе человѣка. Религіозная и моральная правда этого сознанія, которое обозначаетъ наступленіе совершеннолѣтія человѣка, превышаетъ временную оболочку натурализма и матеріализма. Протестъ Ѳедорова противъ пассивнаго недѣланія, противъ буддійскихъ настроеній внутри христіанства имѣетъ огромное значеніе. Ѳедоровъ глубоко и праведно чувствовалъ, что христіанство не можетъ быть лишь религіей личнаго совершенствованія. Подъ позитивно-матеріалистическимъ обличіемъ ѳедоровской философіи скрыты пророческія чаянія новой религіозной эпохи. „Проектъ“ Ѳедорова въ томъ видѣ, какъ онъ его развиваетъ, совершенно непріемлемъ; это утопія и фантастика, рожденная дурнымъ натурализмомъ и матеріализмомъ въ религіи, смѣшеніемъ разныхъ плановъ. Но за „проектомъ“ этимъ скрыта праведная воля человѣка, созрѣвшаго для совершеннолѣтней жизни, новое религіозное сознаніе, сознаніе—имманентное. На философіи общаго дѣла сказались всѣ противорѣчія мысли XIX вѣка, всѣ смѣшенія въ немъ ветхаго и стараго съ новымъ и грядущимъ. Въ XX вѣкѣ философія будущаго выдѣлитъ истинное зерно „философіи общаго дѣла“ и отброситъ ветхую оболочку. И во всякомъ случаѣ, явленіе Ѳедорова будетъ признано знаменательнымъ для духа Россіи, для ея сокровенныхъ стремленій и чаяній.

Николай Бердяевъ.

ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Обзоры и замѣтки.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.

1. Соннино. **А. Коральника.** — 2. Философія войны. **И. О. Левина.** — 3. Кооперативы и ихъ враги. **І. Кулишера.**

II. Литература и искусство.

Памяти Г. Э. Тастевена. **Георгія Чулкова.**

III. Философское движеніе.

О русской философіи во Франціи. **С. Аскольдова.**

IV. Школа и воспитаніе.

Японскій университетъ. **Бориса Шацкаго.**

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.

1. Соннино.

Послѣ паденія кабинета лорда Биконсфильда и побѣды либеральной, гладстоновской, гомрульской партіи, въ Англіи была пущена въ ходъ мѣткая политическая острота: „Трудный же языкъ англійскій: пишется Гладстонъ, а выговаривается Парнель“...

Итальянскій языкъ, хотя и отличается ясностью и недвусмысленностью произношенія, но политическіе, министерскіе термины Италіи—по крайней мѣрѣ, за послѣднія десять лѣтъ — страдали „англійской болѣзнью“—расхожденіемъ орѳографіи съ произношеніемъ. Кабинеты могли называться какъ угодно, носить любую фирму, но произносились всегда одинаково: Джолитти.

Въ Италіи такъ уже привыкли къ этой странной фонетикѣ, что никто не удивлялся больше этому. И когда Антоніо Саландра былъ—по милости Джолитти—призванъ ко власти, то вся Италія произносила имя Саландры опять-таки: Джолитти. Джолитти позволялъ кабинету существовать и въ любой моментъ могъ смѣнить милость на гнѣвъ и свергнуть Саландру.

Но совершенно неожиданно измѣнились правила итальянской политической фонетики. Произошло видоизмѣненіе произношенія, и вдругъ вся Италія стала выговаривать имя Саландры по иному. Оно зазвучало, какъ—Соннино.

Хотя Антоніо Саландра и стоитъ во главѣ правительства, открывающаго новую эру итальянской жизни, но главнымъ творцомъ, двигателемъ, вдохновителемъ этой новой, героической итальянской политики является министръ иностранныхъ дѣлъ — баронъ Сидней Соннино.

Самая любопытная, интересная личность современной Италіи. Одна изъ тѣхъ политическихъ фигуръ, истинное значеніе которыхъ узнается поздно, накладывающихъ печать на жизнь цѣ-

лаго историческаго періода. Личность, надъ которой можетъ и долженъ задуматься философъ или психологъ политическихъ явленій.

Политика не всегда—искусство. Она чаще всего лишь — искусность. Ловкость, увертливость, умѣніе ловить моментъ, использованье всякихъ средствъ для достиженія той или другой цѣли, минутной, маленькой, — въ этомъ искусство большинства политиковъ. Таковъ, напримѣръ, Джолитти. Политическій фокусникъ, или, если хотите, практикъ. По существу, заурядный человѣкъ, средній, сѣрый представитель сѣраго большинства, безъ фантазіи, безъ запросовъ, а потому и безъ смѣлости. Его амплитуда качаній очень маленькая — между мягко-войлочнымъ либерализмомъ и разбавленнымъ водичкой „соціализмомъ“. Все вмѣстѣ взятое получаетъ потомъ кличку: реформизмъ.

Джолитти кокетничалъ съ соціалистами не потому, что ихъ программа была ему по душѣ, но потому, что онъ совершенно не принималъ въ серьезъ ихъ программу. Онъ предлагалъ соціалистамъ во время триполитанской войны „отправить Маркса на чердакъ“, присоединить его къ старому хламу всѣхъ теорій и утопій. Ибо для Джолитти всякая теорія—утопія, а утопіи людямъ его типа органически чужды, враждебны. „Утопія“ всегда — „внѣ пространства“, по крайней мѣрѣ, внѣ даннаго мѣста, данной маленькой точки, на которой онъ—Джолитти—стоитъ. А вѣра, идеалъ, теорія, словомъ, все неразмѣнное или не обладающее немедленной биржевой, мѣновой цѣнностью, кажутся ему просто чѣмъ-то дѣтскимъ, лишнимъ.

Джолитти чуть ли не совратилъ цѣлое политическое поколѣніе Италіи. Онъ лишилъ политическую жизнь страны прелести борьбы, вѣры, наконецъ,—вкуса. Все такъ измельчало и опошлилось.

И онъ не боялся своихъ противниковъ слѣва. Лишь одинъ противникъ былъ ему опасенъ, противникъ справа—Соннино, вождь такъ называемой конституціонной оппозиціи, иначе говоря, консерваторовъ.

Когда спросите итальянца любой политической окраски, кто такое Соннино, онъ вамъ скажетъ: итальянизированный англичанинъ, или же англизированный итальянецъ. Даже имя Соннино (Сиднеи) англійское, и мать его была англичанка. Въ Италіи его представляютъ себѣ охотно чѣмъ-то въ родѣ тори, перенесеннаго на итальянскую почву и примѣняющаго къ итальянской жизни принципы англійскаго торизма. На внѣшній видъ оно, пожалуй, и такъ. Съ перваго дня своего вступленія въ политическую жизнь онъ ярко и опредѣленно занялъ позицію критика и поборника романской демократіи, расплывчатой, патетической и, въ конечномъ счетѣ, анархоидальной. Итальянская политика восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка представляла собою странную смѣсь доктринерства и карьеризма. Молодое государство, связанное завѣтами крайнихъ демократовъ-освободителей, Гарибальди, Мадзини, Саффи, Пизакане и т. п., обязанное итальянской и европейской демократіи своимъ происхожденіемъ, связанное традиціями старо-итальянскихъ республикъ и вольныхъ городовъ, поставленное въ необходимость постоянно бороться противъ стараго общественнаго строя и историческаго наслѣдія — Папства, не могло, однако, справиться съ задачей пересозданія народной жизни, народной психики чистыми средствами демократіи. Настоящая демократія, народовластіе въ его ранне-аѳинской или флорентійской формѣ возможно, въ сущности, лишь при условіяхъ цѣльнаго, однолитнаго жизненнаго уклада. Равенство правъ переходитъ лишь тогда изъ области словъ и пожеланій въ сферу воплощенія, когда оно соотвѣтствуетъ равенству общественныхъ функцій разныхъ слоевъ общества. Иначе говоря, настоящая демократія возможна или въ странѣ чисто аграрной (какъ, напримѣръ,

современной Скандинавіи) или промышленной по преимуществу (современная Англія). Италія же до недавняго времени состояла изъ двухъ, рѣзко разграниченныхъ и непримиримыхъ въ различіи интересовъ, половинъ, полосъ, если хотите, странъ: Сѣверная Италія—промышленная, организованная, болѣе или менѣе дисциплинированная, — и югъ—съ чисто-аграрнымъ, первобытнымъ укладомъ жизни. Въ Миланѣ и до сихъ поръ говорятъ: южнѣе Рима начинается Африка.

Между сѣверно-итальянской психикой и южно-итальянской лежитъ прямо пропасть. Сравните ломбардскихъ мастеровъ XVI вѣка, хотя бы Бернардино Луини, съ неаполитанцемъ Сальваторъ Роза или съ Риберой. Это не только двѣ школы, два способа воспріятія и передачи впечатлѣній, — это два міра: Европа и Африка. Или романизированные сѣверяне и латинизированные африканцы.

Итальянскій югъ далъ Италіи почти всѣхъ мыслителей, отъ Кампанеллы, Джордано Бруно и Вико вплоть до современныхъ вожаковъ итальянской неоидеалистической мысли. Итальянскій сѣверъ далъ организацію и соціальный строй. Онъ далъ и политиковъ. Изъ Пьемонта вышла итальянская династія, изъ Сициліи—легендарный борецъ Гарибальди.

Югъ далъ импульсъ, но сѣверъ далъ поэтической мечтѣ плоть. Иначе говоря, югъ начертилъ схему машины, наваемой Италіей, сѣверъ создалъ машину и привелъ ее въ движеніе...

Задача итальянской политики—согласованіе двухъ противорѣчивыхъ началъ—оказалась не по плечу старой итальянской демократіи, такъ наз. „Sinistra Storica“, „исторической лѣвой“, представителемъ и олицетвореніемъ которой былъ Агостино Депретисъ. Эта „лѣвая“ бросалась и металась изъ одной стороны въ другую, дѣлала консервативную политику подъ ярлыкомъ демократіи, истощала себя и страну въ безплодныхъ поискахъ пути. А „правая“, т.-е. партія Мингетти, Квинтино Селла и т. д. не имѣла вообще никакой программы. Это была настоящая партія „болота“, какъ говорили во времена Конвента. Въ это время—въ 80-е годы прошлаго вѣка—на политическую арену выступилъ Соннино. Человѣкъ безъ традицій и безъ предразсудковъ, сынъ еврея, родившійся въ Александріи, воспитанный въ Флоренціи, англичанинъ по матери,—Соннино, собственно, космополитъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Или, точнѣе, истинный типъ *еврея* въ политикѣ.

Почему-то принято полагать, что евреи, какъ таковые, демократы и революціонеры въ душѣ. Причины этого общераспространеннаго мнѣнія черезчуръ живы. На протяженіи всей европейской исторіи евреи находились и находятся въ состояніи людей съ „моральнымъ векселемъ“, какъ выражается одинъ изъ ибсеновскихъ героевъ. Они требуютъ правъ на жизнь, правъ на равенство; а что такое революціонность, какъ не требованіе, постоянное и неусыпное?

Непосредственно они являются тѣмъ тараномъ, который рушитъ крѣпость традицій или, если выразиться точнѣе, той каплей, которая постоянно долбитъ гранитную твердь современнаго строя.

Все это, конечно, такъ, но оно лишь, если можно такъ выразиться, „акцидентально“, оно не присуще еврейской психикѣ, какъ таковой. Мнѣ кажется, что трудно найти болѣе консервативно настроеннаго человѣка, чѣмъ еврея. Консерватизмъ, истинный, а не поддѣльный, кричащій, уличный, хулиганскій, не есть отрицаніе будущаго, динамики жизни, возможности измѣненій, а признаніе необходимости, а потому и разумности, момента. Консерватизмъ ничего не имѣетъ общаго ни съ застоемъ, съ самодовольностью юнкеровъ и бароновъ, ни съ холопствомъ Ивашки, ни съ реакціей наймитовъ, власть пре-

держащихъ. Все это пародія, подтачиванье, отрицанье консервативной идеи.

Даже самое слово—консерватизмъ—не исчерпываетъ сути и содержанія принципа. Не консервированье, сохраненіе, удержаніе является основной, отправной идеей консерватизма, а признаніе правъ каждаго историческаго момента на существованіе.

Между консервативнымъ и революціоннымъ мышленіемъ стоитъ преграда: отношеніе къ принципу *воли*. Говорили, что основой французской революціи былъ раціонализмъ англійской и французской философіи XVIII вѣка. Это опредѣленіе, на мой взглядъ, неточно.

Раціонализмъ ничего не объясняетъ. Все католическое мышленіе въ основѣ раціоналистично. Разница между консерваторами и революціонерами состоитъ въ томъ, что первые ставятъ необходимость надъ волей, другіе—не признаютъ необходимости. Можно быть революціонеромъ съ консервативной психикой,—таковымъ является, напримѣръ, Марксъ,—можно быть революціонеромъ съ консервативными методами—таковы всѣ реакціонеры.

Основная же черта еврейской психики: подчиненіе волевого элемента началу необходимости.

Краеугольнымъ камнемъ еврейскаго мышленія является слово: „Есмь“. Не „fieri“, а „esse“. И подчиненіе этому основному „esse“. Индусское, греческое религіозное мышленіе знаетъ развитіе, переходъ, логику, принципіальное раздвоеніе и извѣчную борьбу міровыхъ волей. Еврейство исходитъ изъ отрицанія борьбы и раздвоенности, изъ недѣлимости мірового разума—воли.

Это, такъ сказать, расовое мышленіе еврейства. А „race is all“, раса—все“, заявлялъ Дизраэли, этотъ типичнѣйшій представитель еврейскаго политическаго мышленія. Современники Дизраэли удивлялись его торизму, недоумѣвали, какъ еврей можетъ быть консерваторомъ, считали его торизмъ фразой, оригинальничаньемъ, наконецъ, карьеризмомъ. И лишь историки нашихъ дней начинаютъ понимать всю глубину, всю естественность биконсфильдовскаго торизма. Начинаютъ постигать, что та „тайна Азіи“ („the Asian mystery“), которую онъ проповѣдывалъ (въ „Tancred“), вовсе не фраза, а пророчество, что его консерватизмъ куда демократичнѣе, глубже, чѣмъ либерализмъ Гладстона и Рэсселя, или даже Джонъ Брайта. Современники Дизраэли, описывая его оригинальную чисто-семитическую наружность, выдвигаютъ одну его характерную особенность: мечтательный взоръ. Когда онъ сидѣлъ на „Treasure-bench“ или на „front-bench“, т.-е. на скамьѣ министерства или оппозиціи, слушалъ страстныя рѣчи Гладстона или Лоу, Брайта или Кобзена, въ его глазахъ свѣтился какой-то огонекъ тоски. Чувствовалось, что онъ *самъ*, его истинное „я“, гдѣ-то вдали, что ему чуждъ Вестминстеръ и торизмъ и виггизмъ и все прочее. И собственно эта „отдаленность“, этотъ душевный „détachement“, стоянье надъ настоящимъ моментомъ, дало ему мощь и власть надъ людьми.

Со стороны все виднѣе. Настоящій британецъ—вигъ или тори—слишкомъ былъ связанъ узами традицій, укоренившихся ассоціацій мыслей, чтобы охватить съ птичьяго полета *весь* комплексъ политической жизни страны. Дизраэли смотрѣлъ со стороны. И видѣлъ яснѣе. И понялъ, что надъ партіями дня, или даже вѣковъ, есть нѣчто высшее, постоянное—жизнь самой націи. Онъ видѣлъ насквозь *англичанина*. И понялъ, что судьба и будущность Англіи требуютъ возсоединенія либерализма съ консерватизмомъ, перевоплощенія ихъ въ новой творческой политикѣ, не разрушающей, а создающей, строющей, расширяющей предѣлы. И онъ создалъ имперіализмъ, т.-е. показалъ Англіи необходимость уже существующаго факта...

Сидней Соннино—въ болѣе скромныхъ рамкахъ итальянской жизни—является

Дизраэли Италіи. Консерваторъ по кличкѣ, но истинный демократъ по существу. Человѣкъ „sans phrases“. Его первая работа была посвящена Сициліи и южно-итальянскому вопросу. Онъ, можно сказать, первый обратилъ вниманіе на эту органическую болячку Италіи; болѣе того, онъ первый понялъ, что итальянская жизнь не можетъ уложиться исключительно въ сѣверно-итальянскія формы, что южную Италію надо иначе строить, по иному воспитывать, что въ Италіи тоже „два народа“, какъ говорилъ Дизраэли про Англію (въ романѣ „Libil“), съ разной экономической и психической структурой. И онъ—какъ человѣкъ со стороны—понялъ, что либерализмъ стараго типа, исключительно формальный, ни къ чему не можетъ привести, что для здоровой демократіи, т.-е. народовластія, нуженъ здоровый народъ. Отсюда и его консерватизмъ.

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ я впервые увидѣлъ Соннино во Флоренціи. Это былъ какъ разъ годъ отчаянной борьбы между Джолитти-Занарделли, лидерами лѣвыхъ, и Соннино. Всѣмъ было еще памятно министерство Пеллу—Соннино, попытавшееся подтянуть „разгулявшуюся“ демократію. И я себѣ рисовалъ Соннино въ родѣ типичнаго „охранителя устоевъ“, насильника и реакціонера. Улицы Италіи оглашались тогда криками: „Abbasso Sonnino, долой Соннино“ и „Viva Giolitti“.

И вотъ представился случай впервые увидѣть Соннино воочію. Дѣло въ томъ, что Соннино между политикой и экономикой занимается также Данте. Это, собственно, обычная итальянская слабость, въ особенности флорентійская. И я тогда не могъ еще вполнѣ оцѣнить и понять значенія Данте вообще, а въ особенности для Италіи, и посмѣивался надъ экзальтированными „дантистами“. Мнѣ трудно бывало дослушать до конца лекцію хотя бы самаго знаменитаго „дантиста“ проф. Піо Райны о Данте.

Но лекція „яраго реакціонера“ Соннино о Данте—это было уже слишкомъ заманчиво! И я пошелъ слушать. „Magnaaula“ флорентійскаго университета была переполнена. Студенты смотрѣли исподлобья и сердито на знаменитаго лектора. Среди слушателей были также верхи общества, власти, масса иностранцевъ. На каѳедру взошелъ высокій, худой господинъ лѣтъ пятидесяти, съ ярко выраженнымъ еврейскимъ носомъ и съ задумчивыми еврейскими глазами. Онъ читалъ одну изъ пѣсней „Paradiso“ изъ „Божественной комедіи“ и комментировалъ ее. Читалъ плавно, безъ паѳоса, безъ жестикуляціи, безъ „каденцій“. И его рѣчь—комментарій къ пѣсни Данте — была проста, изящна, умна и глубока.

Я всматривался въ лицо лектора и съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя: неужели этотъ человѣкъ реакціонеръ, юнкеръ, насильникъ? Что его тянетъ къ Данте? Что его влечетъ къ красотѣ Беатрисы? Я, конечно, не прилагалъ къ нему родныхъ масштабовъ и не ожидалъ встрѣтить въ его лицѣ какого-нибудь министерскаго Держиморду, но я мысленно сравнивалъ его съ другими вожаками консерватизма, хотя бы съ высококультурнымъ знаменитымъ испанскимъ министромъ Кановасъ де Кастильо, каждая строчка котораго дышитъ традиціонализмомъ, преклоненіемъ предъ старыми словами. А между тѣмъ, на флорентійской каѳедрѣ стоялъ человѣкъ свободный, „новый“, сильный и интеллектуальный. Я уловилъ его „мечтательный“, умный взоръ, устремленный куда-то въ даль, и мнѣ уже тогда что-то подсказало, что „vox populi“ неправъ, что пути Соннино ведутъ куда-то дальше, не по проторенным дорожкамъ...

Дальнѣйшая политическая карьера Соннино оправдала мои догадки. Не только потому, что онъ дважды былъ призванъ къ власти, предсѣдательствовалъ въ двухъ кабинетахъ, хотя и кратковременно (каждое министерство Сон-

нино длилось по 100 дней), а главнымъ образомъ потому, что вся нація стала иначе, справедливѣе относиться къ нему, что народъ понялъ, что „консерватизмъ“ Соннино во сто кратъ выше, чище, демократичнѣе и глубже, чѣмъ „демократія“ тертаго парламентскаго калача — Джолитти. Всѣ чувствовали, что Соннино еще предстоитъ огромная, рѣшающая роль въ жизни Италіи. И когда часъ насталъ, часъ рѣшенія судьбы Imperium Рима, Римъ передалъ свою судьбу въ руки Соннино.

Иронія исторіи: „Aquila Romana“— несетъ еврей!...

А. Коральникъ.

Копенгагенъ.

2. Философія войны.

Объективное отношеніе къ явленіямъ возможно лишь при соблюденіи извѣстнаго разстоянія между ними и наблюдателемъ. Поэтому объективность такъ рѣдка въ отношеніяхъ къ современнымъ событіямъ, не дающимъ намъ отойти на надлежащее отъ нихъ разстояніе. Въ настоящее время, напримѣръ, когда война обрушилась такой огромной давящей тяжестью на насъ, задѣвая всѣхъ той или иной своей стороной, требуется невѣроятное усиліе для того, чтобы спокойно разобраться въ проблемѣ войны,—не въ особыхъ, частныхъ, вопросахъ нынѣшней войны, а войны вообще. Въ этой войнѣ личныя судьбы десятковъ милліоновъ людей тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ исходнымъ результатомъ борьбы народовъ. Вслѣдствіе этого въ настоящій моментъ труднѣе, чѣмъ когда-либо раньше, можно формулировать безпристрастное мнѣніе о томъ, слѣдуетъ ли считать войну желательнымъ и положительнымъ явленіемъ или, наоборотъ, отрицательнымъ. Поэтому съ очень смѣшанными чувствами закрываешь книгу извѣстнаго *голландскаго* ученаго Штейнмеца, одного изъ первыхъ въ Европѣ знатоковъ этнологіи и сравнительной соціологіи, „Философія войны“, написанную въ 1907 г. и теперь появившуюся въ русскомъ переводѣ г. Абрамова.

Штейнмецъ говоритъ, что его задачей является „не произнесеніе хвалебныхъ рѣчей, а научныя изслѣдованія“. Онъ въ самомъ дѣлѣ старается по возможности объективно разсматривать дурныя и хорошія послѣдствія войны и формулируетъ въ связи съ собранными фактами свои заключенія. Въ одностороннемъ подборѣ фактовъ его, дѣйствительно, упрекать нельзя, но, тѣмъ не менѣе, во всей книгѣ, въ рѣзкихъ сужденіяхъ объ ученіяхъ, которыя автору не нравятся, напримѣръ, о соціализмѣ, всетаки проявляется предвзятое страстное убѣжденіе его въ неизбѣжности войны и невозможности ея упраздненія. Штейнмецъ заранѣе до такой степени убѣжденъ въ необходимости войны, что не считаетъ нужнымъ прибѣгать въ своихъ разсужденіяхъ къ одностороннему освѣщенію фактовъ исторіи. „Все, что происходитъ въ мірѣ,— говорится въ первыхъ же строкахъ книги, — происходитъ по необходимости“, и война, какъ всякое явленіе, необходима. Это основное его убѣжденіе проходитъ черезъ всю книгу, а не вытекаетъ a posteriori изъ собранныхъ имъ фактовъ, которые являются только иллюстраціей къ основной мысли.

Приносятъ ли войны дѣйствительно такой вредъ, какъ обыкновенно принято думать? На этотъ вопросъ Штейнмецъ отвѣчаетъ отрицательно. Жертвы войны далеко не такъ велики, какъ это себѣ представляютъ. Штейнмецъ это устанавливаетъ прежде всего относительно самой невознаградимой изъ всѣхъ потерь на войнѣ—человѣческихъ жертвъ. Обращаясь къ послѣднимъ войнамъ, гдѣ число жертвъ точно установлено, онъ находитъ слѣдующія цифры. „Общая сумма потерь нѣмецкихъ армій въ войнѣ 1870—71 гг. состояла изъ 24,031 чел. убитыми и 89,728 чел. ранеными; всего, вмѣстѣ съ 14,138 пропавшими безъ вѣсти,—127,897, изъ ко-

торыхъ умерло всего 40,881, т.-е. 1 на 1,000 чел. народонаселенія Германіи въ 1871 г., или 2,03 на 1,000 мужского населенія". Французы, по свѣдѣніямъ Ланьо, которыя другими изслѣдователями признаются, однако, преувеличенными, потеряли 139,000 убитыми и 143,000 ранеными. „Въ прусско-австрійской войнѣ 1866 г. прусскія арміи потеряли 2,910 чел. убитыми и 15,554 ранеными. Кромѣ того, умерло отъ болѣзней 6,427 чел., а изъ раненыхъ умерло 1,519. Согласно болѣе провѣреннымъ статистическимъ даннымъ вся потеря убитыми составляла 10,877 чел. Въ итальянской войнѣ 1859 г. общее число потерь у французовъ, итальянцевъ и австрійцевъ вмѣстѣ составляло 8,963 чел. убитыми и 48,125 чел. ранеными. Цифру потерь убитыми и ранеными во время Крымской войны исчисляютъ въ 175,000 чел. По Бериду союзники потеряли убитыми 17,200 чел., но умерло отъ болѣзней 69,200 чел., а русскіе потеряли убитыми 21,000, умерло отъ ранъ 14,700 и отъ болѣзней—37,500 чел.".

Эти войны были самыми значительными по числу жертвъ въ Западной Европѣ во второй половинѣ прошлаго вѣка и „если допустить, что въ прусско-австрійской войнѣ на австрійской сторонѣ пало въ три раза больше, чѣмъ на прусской, что приблизительно соотвѣтствуетъ потерямъ обѣихъ сторонъ въ битвѣ при Садовой, и что въ Крымскую войну число убитыхъ составляло одну треть всей потери, то названныя четыре войны поглотили 284,721 человѣка убитыми". Разбирая число человѣческихъ жертвъ войны на разныхъ ступеняхъ культуры, Штейнмецъ приходитъ къ заключенію, что войны, которыя велись племенами на самомъ низкомъ уровнѣ развитія, напримѣръ, австралійцами и т. д., были весьма мало кровавы. На слѣдующей ступени развитія обнаруживается болѣе военный духъ, а въ то же время поводы къ войнѣ стали болѣе частыми. Эта ступень поэтому характеризуется почти непрекращающимися кровопролитными войнами, при которыхъ главной цѣлью войны является полное уничтоженіе врага. „Только строй рабства вноситъ здѣсь извѣстное смягченіе правовъ", такъ какъ погоня за наивозможно большимъ количествомъ рабовъ должна была вести къ уменьшенію числа убиваемыхъ, но въ то же время рабство „значительно умножало поводы къ чрезвычайно жестокимъ хищническимъ нападеніямъ".

Съ ростомъ же современнаго государства, съ ростомъ благосостоянія и раздѣленіемъ населенія на мирныхъ жителей и профессіональныхъ воиновъ войны постепенно должны были становиться менѣе кровавыми. „Когда орда очень мала, всѣ ея члены суть, можно сказать, пограничные жители, между всѣми ими постоянно возникаютъ тренія съ членами другой группы. Когда же группа возрастаетъ въ числѣ, происходитъ нѣчто противоположное: число нейтральныхъ возрастаетъ да и тренія уменьшаются значительно сравнительно съ числомъ населенія. Въ результатѣ уменьшеніе числа поводовъ къ войнѣ". Съ ростомъ порядка въ государствѣ армія становится болѣе дисциплинированной, перестаетъ опустошать безцѣльно не только собственную страну, но и страну враговъ. Такимъ образомъ, войны становятся болѣе рѣдкими и вызываютъ меньше жертвъ.

Возвращаясь снова къ франко-прусской войнѣ, въ которой, какъ мы видѣли, Германія потеряла около 40,000 убитыми и умершими отъ ранъ, т.-е. по одному человѣку на 1 тысячу населенія, Штейнмецъ обращаетъ вниманіе на то, что изъ числа мобилизованныхъ солдатъ нѣкоторая часть въ теченіе шести мѣсяцевъ войны все равно бы умерла, такъ что дѣйствительныя потери немного слѣдуетъ уменьшить. Кромѣ того, вслѣдствіе улучшенія лѣченія ранъ и продовольствія арміи число смертей отъ ранъ и заболѣваній должно въ будущихъ войнахъ сократиться, такъ что въ бу-

дущемъ количество потерь пропорціонально должно стать еще меньше. Такимъ образомъ, онъ приходитъ къ заключенію, что число жертвъ войны само по себѣ менѣе значительно, чѣмъ принято думать, и что жертвы войны, какъ обыкновенно выражаются, „страшны“, по другимъ причинамъ. На насъ дѣйствуетъ: „прежде всего, характеръ смерти, множество умершихъ въ одномъ мѣстѣ отъ одной только, хорошо намъ извѣстной, причины, между прочимъ, и тотъ фактъ, что причиной этого числа смертей являемся мы сами съ нашими человѣческими рѣшеніями“.

Штейнмецъ далѣе опровергаетъ доводъ, что война производитъ „обратный отборъ“, т.-е. что на войнѣ гибнутъ наиболѣе здоровые и талантливые, такъ что слѣдствіемъ ея является ухудшеніе расы и пониженіе уровня ея развитія. Говорятъ, что „тѣ, которые гибнутъ въ современной битвѣ, не слабѣе тѣхъ, которые выживаютъ; офицерскій корпусъ терпитъ значительно больше потерь, чѣмъ армія простыхъ солдатъ; болѣе здоровые мужчины отправляются на войну, а болѣе слабые остаются дома“

Штейнмецъ признаетъ, что равномѣрное распредѣленіе шансовъ смерти на войнѣ у даровитыхъ и бездарныхъ людей безспорно есть явленіе обратнаго отбора. Но онъ утѣшается тѣмъ, что число гибнущихъ такимъ образомъ даровитыхъ людей не можетъ быть велико, прежде всего потому, что, какъ уже доказано выше, число жертвъ на войнѣ вообще не очень велико; кромѣ того, „не только геніевъ, но и вообще даровитыхъ людей на свѣтѣ довольно мало. Такимъ образомъ, гибель даровитыхъ людей не должна быть чрезмѣрно великой“. Точно такъ же лишь отчасти вѣрно и то соображеніе, что поступаютъ въ армію и гибнутъ на войнѣ наиболѣе здоровые люди. „Въ нѣкоторыхъ государствахъ достаточно уже наличности весьма незначительныхъ физическихъ недостатковъ, чаще всего не оказывающихъ никакого вліянія на здоровье человѣка, чтобы быть исключеннымъ изъ военной службы. Исключенные въ такихъ случаяхъ вовсе не должны быть признаны людьми нездоровыми“. Убыль офицеровъ пропорціонально дѣйствительно выше убыли нижнихъ чиновъ. По свѣдѣніямъ, относящимся къ франко-прусской войнѣ, число павшихъ на сторонѣ нѣмцевъ военныхъ разныхъ ранговъ выражалось въ слѣдующихъ цифрахъ (на тысячу каждой категоріи): генераловъ—46, штабъ-офицеровъ—105, старшихъ офицеровъ—86, младшихъ офицеровъ—89, унтеръ-офицеровъ и солдатъ—45. Но тутъ Штейнмецъ устанавливаетъ очень интересное различіе въ отношеніи интеллектуальнаго уровня офицерскаго корпуса въ государствахъ милитаристическихъ и немилитаристическихъ. Въ первыхъ вслѣдствіе почета, которымъ пользуется военное сословіе, офицерская карьера выбирается многими даровитыми и благородными людьми, не считающимися съ невыгодными сторонами ея. Вслѣдствіе этого въ милитаристическихъ государствахъ даровитость офицеровъ должна быть нѣсколько выше средняго уровня прочихъ образованныхъ классовъ населенія. Наоборотъ, въ немилитаристическихъ странахъ она должна быть нѣсколько ниже общаго уровня образованныхъ классовъ, хотя, конечно, и въ нихъ могутъ быть блестящія исключенія. Въ этихъ государствахъ большая смертность офицеровъ „вѣроятно, не является столь большимъ зломъ, какъ это кажется. Что же касается до странъ милитаристическихъ, то здѣсь намъ приходится утѣшаться тѣмъ соображеніемъ, что врядъ ли наше современное общество въ талантахъ милитаристическаго дворянства нуждается больше всего“.

Переходя затѣмъ къ экономическимъ жертвамъ, связаннымъ съ войной, Штейнмецъ подробно останавливается какъ на хроническомъ вредѣ войны, т.-е. на расходахъ, вызываемыхъ вооруженіями въ мирное время, такъ и

на остромъ, однократномъ вредѣ во время самой войны. Послѣдній слагается изъ прямыхъ расходовъ на веденіе войны и изъ убытковъ, причиняемыхъ мирному населенію. Такъ, напримѣръ, франко-прусская война 1870 г. стоила Франціи, включая и уплаченную Германіи контрибуцію, 8739,3 милліоновъ франковъ. По исчисленію Леруа-Болье Крымская война стоила шести государствамъ, принимавшимъ въ ней участіе, 8,5 милліардовъ франковъ, русско-турецкая война 1877—78 гг. обошлась обѣимъ сторонамъ въ 6452 милліона фр. По даннымъ Giffen'a расходы Англіи въ бурской войнѣ достигли 100 милліоновъ ф. ст. Въ русско-японской войнѣ Японія израсходовала 116 милліоновъ іенъ, а Россія—1330 милліоновъ руб.". Не менѣе огромны расходы на военныя надобности и въ мирное время. Но,—говоритъ Штейнмецъ,—они велики лишь абсолютно. Принимая же во вниманіе національные доходы современныхъ государствъ, нельзя говорить объ ихъ непосильности. Диксъ, напримѣръ, исчисляетъ ежегодный доходъ Германіи въ концѣ XIX в. въ 26 милліардовъ марокъ; на армію же и флотъ Германія въ бюджетномъ 1894—5 г. израсходовала 657 милліоновъ марокъ, т.-е. $^1/_{39}$ своего національнаго дохода. Точно такъ же и Франція, истратившая въ 1893 г. 750 милліоновъ марокъ на армію и флотъ изъ 20 милліардовъ марокъ своего національнаго дохода, удѣлила, слѣдовательно, военному бюджету лишь $^1/_{26}$ своего дохода. Конечно, и эти доли огромны, но Штейнмецъ обращаетъ вниманіе на то, что народы тратятъ не менѣе колоссальныя суммы на другіе, отнюдь не необходимые расходы. „Населеніе Германіи истратило въ теченіе одного года на пиво, вино и водку около 1911 милліоновъ марокъ, т.-е. почти столько же, сколько далъ весь урожай за этотъ годъ. Бельгія, Франція и Данія пьютъ еще больше и, слѣдовательно, тратятъ на спиртные напитки еще больше денегъ, а Великобританія лишь немногимъ менѣе. Въ Германіи расходъ на спиртъ составляетъ въ среднемъ 37,21 марокъ на человѣка, а на армію и флотъ—13,4 марки. И если бы потребленіе спирта уменьшилось на $^1/_3$, то этимъ былъ бы покрытъ весь военный бюджетъ. Потребленіе табаку во Франціи въ 1899 г. покрыло $^2/_3$ военныхъ расходовъ, т.-е. дало около 410 милліоновъ фр. Въ Австріи доходы отъ табачной монополіи покрываютъ всѣ расходы на армію и флотъ, а если вычесть расходы по табачной монополіи, то—$^3/_4$ этихъ расходовъ; въ Италіи они даютъ $^4/_5$ расходовъ на армію; въ Англіи обложеніе табаку даетъ почти половину расходовъ на флотъ и больше половины расходовъ на армію".

Но на-ряду съ отрицательными явленіями, связанными съ войной, у нея, несомнѣнно, говоритъ Штейнмецъ, есть положительныя стороны. Прежде всего, безъ войны нѣтъ государства. Это одинаково справедливо какъ на первобытной ступени развитія народовъ, такъ и для культурнаго человѣчества. Война содѣйствовала дифференцированію человѣчества въ отдѣльныя самостоятельныя группы, въ которыя спаивались отдѣльные индивиды. Безъ агрессивности и безъ войны не было бы изолированной жизни отдѣльныхъ группъ, не было бы и своеобразія народныхъ характеровъ. Исторія всѣхъ періодовъ развитія человѣчества даетъ намъ сотни примѣровъ образованія народовъ и государствъ подъ вліяніемъ войны. Во взаимной борьбѣ группъ каждый индивидъ научается приносить себя въ жертву интересамъ всей группы, и, такимъ образомъ, постепенно вырабатывается идея человѣчества и любви къ человѣчеству. Этой борьбѣ мы, слѣдовательно, обязаны „всей культурой, всѣмъ, чѣмъ мы отличаемся отъ низшихъ животныхъ". Война производитъ коллективный отборъ народовъ. „Побѣждаетъ тотъ, кто долженъ былъ побѣдить", т.-е. тотъ народъ, который сильнѣе физически, бога-

че, культурнѣе, государственный строй котораго наиболѣе соотвѣтствуетъ предъявляемымъ къ нему требованіямъ. „Общество съ крупными ошибками въ государственномъ строѣ не можетъ, по крайней мѣрѣ, на долгое время, сохранить сильную побѣдоносную армію за отсутствіемъ для этого какъ моральныхъ, такъ и экономическихъ силъ". Если-бъ не было войны и, слѣдовательно, государства, обязаннаго ей своимъ существованіемъ, не было бы и того постояннаго, продолжающагося всю жизнь „величайшаго отказа отъ эгоизма, на какой человѣкъ вообще способенъ", вытекающаго изъ жизни въ государствѣ. Но государство имѣетъ возможность справиться со своими функціями только тогда, когда оно живетъ собственной мощной жизнью. Оно должно для этого обладать твердой волей къ самозащитѣ, къ отграниченію себя отъ другихъ и къ расширенію своихъ предѣловъ. Война является величайшимъ напряженіемъ всѣхъ силъ государства и поэтому она для его жизни такъ же нужна, какъ нужны борьба и опасность для того, чтобы отдѣльная личность жила интенсивной жизнью. На войнѣ государства - соперники борются не только своими арміями и флотомъ, но „также и напряженіемъ всѣхъ своихъ производительныхъ силъ и даже выносливостью всѣхъ женщинъ и дѣтей". „Борьба индивидовъ между собой есть только эгоизмъ, а борьба въ рядахъ собственнаго народа противъ иноземцевъ есть въ значительной своей части альтруизмъ, требуя отъ участниковъ больше преданности интересамъ цѣлаго, чѣмъ своимъ собственнымъ". Будучи единственной существенной формой конкуренціи коллективовъ, война „не можетъ быть упразднена безъ незамѣнимыхъ потерь для человѣчества", ея упраздненіе было бы „первымъ симптомомъ смерти народа".

Въ неумолимомъ судѣ войны осуществляется историческая справедливость. „Всѣ великія войны замыкаютъ собою цѣлые періоды въ исторіи народовъ". Развѣ можетъ быть что-нибудь болѣе справедливаго, чѣмъ приговоры исторіи надъ отсталымъ прусскимъ государствомъ въ сраженіи при Іенѣ, надъ второй французской имперіей при Седанѣ или потеря Польшей своей самостоятельности въ концѣ XVIII в.? „Приговоръ войны потому справедливъ, что онъ есть не что иное, какъ необходимый результатъ всего внутренняго развитія народовъ, результатъ не надуманный, ничуть не зависящій отъ личнаго разумѣнія или неразумѣнія нѣсколькихъ лицъ... Побѣда и пораженіе суть конечные результаты естественно необходимыхъ процессовъ, между тѣмъ какъ всевозможные приговоры суть плоды человѣческаго размышленія, человѣческихъ предразсудковъ и склонностей".

Штейнмецъ далѣе доказываетъ чрезвычайную практическую трудность осуществленія проектовъ разоруженія, невозможность контроля надъ соблюденіемъ подобнаго рода международныхъ сдѣлокъ о сокращеніи вооруженій даже въ случаѣ, если-бъ онѣ были заключены, невозможность разбора международныхъ конфликтовъ третейскими судами и т. д., и приходитъ къ заключенію, что упраздненіе войны не только невозможно, но и нежелательно.

Разсужденія Штейнмеца производятъ очень сильное впечатлѣніе, несмотря на то, что противъ многихъ изъ нихъ можно привести существенные доводы. Достаточно хотя бы указать, напримѣръ, на то, что основная его мысль, которую онъ выражаетъ словами: „побѣждаетъ тотъ, кто долженъ побѣдить", едва ли можетъ быть признана вѣрной въ такомъ общемъ видѣ. Очевидно, что ее нельзя понимать такимъ образомъ, что побѣждаетъ тотъ, кто болѣе силенъ, ибо въ такомъ случаѣ это положеніе было бы лишено всякаго смысла. Если же придавать этой формулѣ то содержаніе, которое ей дѣйствительно даетъ голландскій ученый, т.-е. что на войнѣ побѣждаетъ всегда та

сторона, которая культурнѣе, лучше и болѣе современнымъ образомъ организована, богаче и т. д., то это едва ли примѣнимо ко всякой войнѣ. Варвары, разрушившіе Римскую имперію, не были „лучше“ римлянъ, и строй государствъ, которыя они могли воздвигнуть, несомнѣнно, былъ ниже римскаго. Побѣда варваровъ доказала лишь то, что римская имперія была уже настолько расшатана, что не была въ силахъ выдержать ударовъ, нанесенныхъ ей варварами, но изъ этого никакъ нельзя дѣлать вывода, что готы, вандалы, гунны и т. д. были „лучше“,—даже въ такомъ специфическомъ смыслѣ,—римлянъ. Татары при Батыѣ не были выше Руси удѣльнаго періода, которую они, однако, побѣдили. Нельзя сказать, что государство какого-нибудь Чингисхана было лучше тѣхъ, которыя онъ покорилъ. И если искать примѣровъ въ очень недавнемъ еще прошломъ, то можно было бы указать на пораженіе въ англо-бурской войнѣ. Оно было, конечно, объективно неизбѣжно вслѣдствіе огромнаго превосходства силъ на сторонѣ англичанъ, но было бы совершенно ошибочно сказать, что государство буровъ было нежизнеспособно. Война безспорно является серьезнымъ экзаменомъ государству, его внѣшнимъ и внутреннимъ силамъ, но результатъ этого экзамена не такъ уже безпристрастно-справедливъ, какъ это изображаетъ Штейнмецъ.

Можно было бы сдѣлать еще много замѣчаній противъ книги Штейнмеца, но именно настоящій моментъ представляется для полемики съ нимъ до крайности неблагопріятнымъ. Какъ ни велико внутреннее сопротивленіе противъ его положеній, какъ ни сильно желаніе думать, что война не неизбѣжна и не желательна и что человѣчество отъ нея должно и можетъ въ концѣ концовъ освободиться, все же трудно спорить противъ того убѣдительнаго аргумента, который дали въ пользу Штейнмеца 1914—15 годы.

И. О. Левинъ.

3. Кооперативы и ихъ враги.

Еще не далеко то время, когда подъ кооперативами понимались почти исключительно производительныя товарищества,—въ сущности „кооперація“ обозначаетъ сотрудничество, соединеніе труда многихъ,—когда соціальный вопросъ думали разрѣшить путемъ образованія производительныхъ ассоціацій, члены которыхъ являлись бы и предпринимателями и рабочими одновременно. Такимъ путемъ отецъ французскихъ кооперативовъ Бюше надѣялся осуществить идеалы свободы, равенства, братства. На образованіи такихъ ассоціацій настаивалъ Лассаль, при чемъ правительство, по его мысли, должно снабдить ихъ необходимымъ капиталомъ; „этимъ оно дастъ рабочимъ возможность сѣсть на коня, больше имъ ничего не нужно, ѣхать уже рабочіе и сами сумѣютъ“. Напротивъ, къ потребительнымъ кооперативамъ Лассаль относился отрицательно: эти лавочки, удешевляя предметы потребленія рабочихъ, лишь вызываютъ соотвѣтствующее пониженіе заработной платы, слѣдовательно, выгодны для однихъ лишь предпринимателей.

Но попытки рабочихъ стать собственными господами, создать небольшія „промышленныя республики“ въ видѣ производительныхъ товариществъ оказались, какъ извѣстно, неудачными. Исторія производительныхъ кооперацій являлась почти сплошнымъ некрологомъ; оставшіяся же въ живыхъ товарищества обнаруживали поразительное сходство съ потогонной системой посредниковъ — sweater'овъ.

Отрицательное отношеніе къ нимъ современныхъ экономистовъ тѣмъ болѣе понятно, что другой видъ кооперації—потребительныя товарищества дѣлали и продолжаютъ дѣлать большіе успѣхи. Если первоначально трудно было отучить публику отъ того, чтобы она по привычкѣ не „бѣгала къ сосѣднему торговцу“, если вначалѣ бывали случаи,

когда члены весьма мало интересовались обществомъ и все предоставляли завѣдующему лавкой, который „удиралъ вмѣстѣ съ кассой... и даже съ кассиршей (своеобразная форма кооперации!)“, то вскорѣ все это измѣнилось. И въ настоящее время число членовъ потребительныхъ кооперативовъ въ Европѣ и Америкѣ составляетъ, по различнымъ подсчетамъ, не менѣе 5 милл.; а считая семью въ пять душъ, получимъ, что въ этомъ движеніи заинтересовано 25 милліоновъ человѣкъ — цифра весьма внушительная. Мало того, на почвѣ организованнаго потребленія, т.-е. посредствомъ мастерскихъ при потребительныхъ обществахъ, та же цѣль, которую преслѣдовали производительные кооперативы,—устраненіе предпринимателя—оказывалась достижимой. „Если путь различный, то все же конечная цѣль одна и та же. До тѣхъ поръ,—говоритъ Шарль Жидъ,—пока мореплаватели искали новыя страны къ востоку, ихъ попытки оказывались неудачными; когда же Колумбъ отправился инымъ, западнымъ путемъ, онъ достигъ Новаго Свѣта. Будемъ же дѣйствовать,—заключаетъ онъ,—такъ же, какъ Колумбъ: переставимъ паруса, направимъ носъ въ противоположную сторону, и мы вѣрнѣе и скорѣе откроемъ нашу Америку“.

Съ ростомъ потребительской кооперации измѣнилось и отношеніе къ ней экономистовъ: наука признала ихъ жизнеспособность и полезность. Во Франціи возникло новое направленіе въ экономической наукѣ съ Шарлемъ Жидомъ во главѣ, которое, отрицая какъ индивидуалистическій хозяйственный строй, такъ и коллективизмъ, ставитъ своей цѣлью „кооператизмъ“ или кооперативный соціализмъ, построенный на принципѣ соціальной солидарности, съ девизомъ: одинъ за всѣхъ, всѣ за одного. Но и соціалисты, прежде отрицавшіе потребительную кооперацію, признали, что она содѣйствуетъ поднятію уровня жизни рабочаго класса и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ его силу сопротивленія. На сторону потребительныхъ кооперативовъ выступили ревизіонисты съ Бернштейномъ во главѣ. Кооперація,—говоритъ Бернштейнъ,—соціализируетъ и потребленіе и производство. Она даетъ рабочему классу возможность завладѣть значительною частью общественнаго богатства, не прибѣгая къ насильственнымъ дѣйствіямъ (Voraussetzungen des Sozialismus, p. 159). На ту же точку зрѣнія сталъ и Вандервельде (Le socialisme en Belgique) и даже Каутскій (Konsumgenossenschaften und Sozialdemokratie), отводя кооперации въ освободительномъ движеніи рабочаго класса важную роль, наравнѣ съ соціалистической партіей, съ профессіональными союзами и съ учрежденіемъ государственныхъ и муниципальныхъ предпріятій. Наконецъ, международный соціалистическій конгрессъ 1910 г. въ Копенгагенѣ какъ бы „узаконилъ“ потребительные кооперативы; онъ призналъ, что пользованіе ими въ классовой борьбѣ представляетъ огромный интересъ для рабочаго класса, и приглашалъ всѣхъ соціалистовъ участвовать активно въ кооперативномъ движеніи.

Наиболѣе яркимъ выраженіемъ этого измѣнившагося отношенія науки къ потребительной кооперации является, пожалуй, вышедшая въ 1908 году книга Лаверня „Le régime coopératif“, по мнѣнію котораго „кооперативный принципъ“ осуществляется лишь потребительными товариществами и притомъ только тѣми изъ нихъ, которыя организованы по рочдельской системѣ, т.-е. распредѣляютъ дивидендъ исключительно между покупателями по цѣнности купленныхъ товаровъ. Прочіе виды товариществъ (производительныя, сырьевыя, магазинныя и т. д.) Лавернь не признаетъ кооперативными, ибо прибыль попрежнему остается и лишь переходитъ въ руки самостоятельныхъ производителей—ремесленниковъ, крестьянъ и т. д.

Такимъ образомъ, потребительная

кооперація пріобрѣла много друзей самыхъ разныхъ направленій; но она нажила себѣ и много враговъ. Если однимъ ростъ потребительныхъ кооперативовъ открылъ глаза, выяснилъ огромное общественное значеніе этихъ ассоціацій, даже представлялся необходимостью, вытекающей изъ „вѣчныхъ“ законовъ экономическаго развитія народовъ,—то среди другихъ круговъ населенія онъ вызвалъ переполохъ: мелкіе розничные торговцы, которыхъ стараются элиминировать потребительные кооперативы, объявили имъ войну, какъ вреднымъ, опаснымъ явленіямъ хозяйственной жизни. Вѣдь кооперативы признали розничную торговлю тѣмъ „экономическимъ отросткомъ слѣпой кишки“, который можетъ быть удаленъ безъ всякаго ущерба для организма. „Торговля, которая вѣками играла важную роль въ жизни народовъ, вынуждена теперь доказывать свое право на существованіе; торговцевъ называютъ отпадающими листьями на древѣ экономическаго развитія“. Дѣйствительно, говорятъ противники кооперативовъ, если развитіе послѣднихъ пойдетъ и дальше такимъ же темпомъ, то черезъ 15—20 лѣтъ о мелкой розничной торговлѣ будутъ упоминать лишь историки; въ особенности погибнетъ вся торговля съѣстными припасами и колоніальными товарами: „скоро послѣдній торговецъ этими товарами будетъ посаженъ въ банку со спиртомъ и помѣщенъ въ музей древностей“. Но торговля не можетъ, не должна сдаться безъ борьбы; она должна объявить открытую войну кооперативамъ, какъ и универсальнымъ магазинамъ и другимъ опаснымъ конкурентамъ.

Какъ же велась и ведется эта борьба? До сихъ поръ она почти всецѣло сводилась къ тому, что противники кооперативовъ указывали правительству на вредность и опасность ихъ для существующаго хозяйственнаго уклада и требовали всевозможныхъ ограниченій для нихъ. Сами торговцы въ свою защиту почти ничего не дѣлали, а лишь униженно молили государство о помощи, подавая десятки самыхъ разнообразныхъ петицій. Такъ, они настаивали и продолжаютъ настаивать на томъ, чтобы учрежденіе потребительныхъ товариществъ допускалось въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ лишь постольку, поскольку доказано существованіе потребности въ кооперативѣ; иначе говоря, устройство каждой кооперації зависѣло бы отъ произвола администраціи, тогда какъ въ настоящее время они учреждаются повсюду на Западѣ явочнымъ порядкомъ, путемъ занесенія въ судебный реестръ кооперативовъ.

Конечно, такое требованіе не осуществимо, какъ не осуществима и другая резолюція, принимаемая ежегодно на съѣздахъ розничныхъ торговцевъ,—воспретить чиновникамъ и офицерамъ участіе въ потребительныхъ обществахъ и закрыть экономическія общества чиновниковъ и офицеровъ. Торговецъ платитъ налоги государству, на которые содержатся чиновники и войско. „Онъ не можетъ допустить, чтобы деньги, взятыя изъ его кармана, служили для того, чтобы создавать ему же конкуренцію; онъ утверждаетъ, что въ этомъ случаѣ его обманываютъ“. Онъ открыто требуетъ, чтобы часть суммъ, уплачиваемыхъ имъ въ видѣ налоговъ, возвращалась обратно въ его лавку въ видѣ прибыли, уплачиваемой при покупкѣ товаровъ чиновниками и офицерами. Конечно, выполненіе такого требованія было бы равносильно тому, „какъ если бы чиновникамъ дозволялось ѣздить только на извозчикахъ, но ни въ коемъ случаѣ не пользоваться трамваемъ“.

Но третье пожеланіе, выраженное неоднократно торговцами различныхъ странъ и по своему характеру нисколько не отличающееся отъ первыхъ двухъ, оказалось въ Германіи осуществимымъ: потребительныя общества могутъ сбывать свои товары исключительно своимъ членамъ, имъ запрещено

продавать постороннимъ лицамъ. Любопытно, что еще въ 1889 году, когда происходилъ пересмотръ закона о кооперацiяхъ, германское правительство не считало возможнымъ ввести такого рода ограниченiе, находя, что „въ возможно лучшемъ использованiи имѣющихся въ распоряженiи товарищества запасовъ и приспособленiй заинтересованы сами кооперативы и въ то же время солидность товарищества нисколько не страдаетъ отъ того, что оно расширяетъ свои операцiи за предѣлы своихъ членовъ". Но то, что германское правительство еще въ 1889 году признавало непрiемлемымъ, оно, спустя семь лѣтъ, въ 1896 г., сочло вполнѣ цѣлесообразнымъ: продажа товаровъ не-членамъ запрещена и объявлена наказуемой. При этомъ такое ограниченiе установлено для однихъ только потребительныхъ кооперативовъ: сырьевая кооперацiя въ правѣ сбывать сырые матерiалы постороннимъ лицамъ, магазинное товарищество можетъ покупать товары у не-членовъ. Правда, опытъ показалъ, что въ большинствѣ случаевъ это постановленiе не нанесло ущерба потребительнымъ обществамъ, ибо тѣ, кто ранѣе покупалъ у нихъ, не будучи членами, вошли теперь въ составъ членовъ. Но исключительный законъ все-таки получился; принципъ свободы для однихъ и стѣсненiй для другихъ былъ осуществленъ.

Но этимъ дѣло не ограничилось. Противники потребительныхъ товариществъ произвели нападенiе на нихъ и съ другой стороны—со стороны фискальной, податной. И бельгiйскiй законъ 1891 года и французскiй законъ 1905 г. облагаютъ всѣ потребительныя товарищества промысловымъ налогомъ—въ томъ числѣ и тѣ изъ нихъ, которыя ограничиваютъ операцiи кругомъ своихъ членовъ. Между тѣмъ, въ послѣднемъ случаѣ получается явная несправедливость, ибо прибыли — а только прибыль подлежитъ промысловому налогу—здѣсь нѣтъ никакой: одни и тѣ же лица являются и покупателями, и продавцами—въ обоихъ случаяхъ это члены товарищества. Но можно ли извлекать прибыль отъ продажи товаровъ самому себѣ? Можно ли получать прибыль отъ самого себя, а не отъ третьихъ лицъ? Во многихъ случаяхъ товарищества выдаютъ дивидендъ къ концу года, но этотъ дивидендъ представляетъ собою не прибыль, а сбереженiе, полученное вслѣдствiе того, что товаръ отпускается членамъ не по цѣнѣ пріобрѣтенiя, а по рыночнымъ цѣнамъ.

Очевидно, облагая промысловымъ налогомъ всѣ потребительные кооперативы, Францiя и Бельгiя исходятъ изъ того предположенiя, что эти товарищества имѣютъ возможность сбывать товары и постороннимъ лицамъ, ибо имъ не запрещено производить операцiи съ не-членами,—хотя справедливость требовала бы облагать только тѣ изъ нихъ, которыя дѣйствительно продаютъ товары не-членамъ. Но что сказать о законодательствѣ, которое и облагаетъ потребительныя общества, и въ то же время запрещаетъ имъ отпускать товары постороннимъ лицамъ? Такъ это дѣлается въ Германiи. Какъ мы видѣли выше, въ Германiи запрещено потребительнымъ кооперативамъ, подъ страхомъ наказанiя, сбывать товары лицамъ, не входящимъ въ составъ членовъ кооператива; слѣдовательно, тамъ потребительныхъ операцiй, извлекающихъ прибыль, быть не можетъ. И все-таки тамъ (и въ Пруссiи, и въ Баваріи, и въ Баденѣ, и въ другихъ государствахъ) всѣ кооперативы, имѣющiе лавку, подлежатъ промысловому налогу. Наличность такой лавки—такъ мотивируется это постановленiе—вызываетъ предположенiе, что нарушается законъ и постороннiя лица проникаютъ въ потребительную лавку. „Съ такой же послѣдовательностью податные органы могли бы заставить владѣльца желѣзныхъ инструментовъ платить налогъ съ дохода, выручаемаго имъ отъ кражъ, ибо при помощи этихъ инструментовъ онъ мо-

жетъ совершить кражу; установить же наличность кражи весьма трудно". Законодательство не даетъ даже кооперативамъ возможности очиститься отъ подозрѣнія, доказать, что они не нарушаютъ закона, а продаютъ только своимъ членамъ. Доказательство не допускается; потребительныя общества просто должны платить, ибо это выгодно для ихъ конкурентовъ—розничныхъ торговцевъ.

Но и фискальныя мѣры не привели къ цѣли: онѣ могли сократить выдаваемый кооперативами дивидендъ, но не способны были затормозить кооперативное движеніе. Тогда розничные торговцы пошли по другому пути въ борьбѣ съ кооперативами. Притягательной силой послѣднихъ является выплачиваемый ими къ концу года дивидендъ: хозяйка къ Рождеству получаетъ свои сбереженія изъ товарищества. Нужно создать, очевидно, нѣчто подобное и въ области торговли, бороться съ кооперативами ихъ же оружіемъ. Подъ вліяніемъ этихъ соображеній и стали возникать въ послѣднее десятилѣтіе т. наз. Rabattsparvereine, т.-е. союзы торговцевъ, члены которыхъ дѣлаютъ покупателямъ однообразную, установленную союзомъ, скидку (обыкновенно въ 5 проц.) и выдаютъ послѣднюю въ формѣ марокъ, отпечатанныхъ союзомъ; къ концу года предъявитель этихъ марокъ получаетъ въ управленіи союза соотвѣтствующую сумму наличными деньгами.

Скидки покупателямъ или выдача имъ „подарковъ" (театральныхъ билетовъ, календарей, кофейниковъ и т. д.) производились торговцами и раньше, причемъ каждый старался опередить другого и привлечь этимъ путемъ покупателей. Возникали и предпріятія, которыя имѣли своей спеціальной цѣлью извлеченіе прибыли изъ этого: они раздавали марки торговцамъ, которые ихъ должны были выдавать покупателямъ. Эти предпріятія разсчитывали на то, что, вслѣдствіе утраты марокъ покупателями, лишь часть марокъ будетъ предъявлена къ уплатѣ. Нажива ихъ, и весьма крупная, основывалась какъ на этомъ, такъ и на томъ, что они нерѣдко вмѣсто уплаты наличными выдавали предъявителямъ марокъ ничего нестоящія вещи, за безцѣнокъ пріобрѣтенный залежавшійся товаръ. Въ противовѣсъ какъ неорганизованной выдачѣ скидокъ отдѣльными торговцами, такъ и этимъ предпріятіямъ, наживающимся на выдачѣ марокъ торговцами, и возникли союзы послѣднихъ, которые устанавливаютъ однообразный размѣръ скидки для всѣхъ своихъ членовъ и имѣютъ въ виду не наживу, а дѣйствительную уступку въ цѣнѣ товара.

Въ Германіи первые такого рода союзы торговцевъ возникли въ 1898—1899 гг.; съ 1902 г. они стали быстро возрастать и въ 1909 г. число членовъ этихъ ассоціацій составляло около ста тысячъ торговцевъ. Уже въ 1903 г. 30 обществъ образовали союзъ (Verband der Rabattsparvereine Deutschlands); въ 1911 году въ союзъ входило 387 товариществъ, оборотъ которыхъ, подлежавшій скидкѣ, составлялъ 620 милліоновъ марокъ; изъ него 31 милл. въ качествѣ 5 проц. скидки былъ выданъ наличными покупателямъ. Съ 1909 года Rabattvereine или Sparvereine торговцевъ (иногда они именовали себя Konsumvereine, очевидно, для того, чтобы ихъ смѣшивали съ потребительными обществами) стали возникать и въ Швейцаріи. Они существуютъ также въ Австріи, Голландіи, въ видѣ исключенія въ Бельгіи. Здѣсь, какъ и во Франціи, учрежденію ихъ препятствуетъ крайнее развитіе индивидуализма среди торговцевъ; въ Англіи ихъ нѣтъ—тамъ кооперативы въ послѣднее время развиваются весьма медленно. И кооперативы, и мелкую розничную торговлю вытѣсняютъ крупныя предпріятія съ многочисленными отдѣленіями [1]).

---

[1]) См. мою ст. Концентрація и интеграція въ области торговли. *Русская Мысль*, янв. 1914 г.

Движеніе среди розничныхъ торговцевъ, несомнѣнно, заслуживаетъ вниманія, какъ проявленіе въ этой области того стремленія къ объединенію, которое уже давно охватило другіе круги населенія; торговцы должны были послѣдовать примѣру производителей и потребителей; солидарность необходима, когда ихъ со всѣхъ сторонъ тѣснятъ универсальные магазины, филіальныя предпріятія, кооперативы. Но пока въ этомъ отношеніи еще сдѣлано очень мало—возникшія ассоціаціи торговцевъ обнаруживаютъ крупные недостатки. Во многихъ Rabattsparvereine проявляется стремленіе къ исключительности; они стараются возможно ограничивать число своихъ членовъ (новые члены не принимаются, если ихъ лавки находятся по близости отъ предпріятій старыхъ членовъ, напр., на той же улицѣ), обнаруживаютъ антисемитскія тенденціи, вражду къ полякамъ и т. д. Результатомъ этого являлось то, что въ различныхъ городахъ рядомъ съ однимъ союзомъ торговцевъ возникалъ еще второй союзъ изъ торговцевъ, не допущенныхъ въ первый, и вмѣсто объединенія торговцевъ получалось распыленіе ихъ силъ. Подъ вліяніемъ подобной политики этихъ ассоціацій возникло и движеніе среди торговцевъ, направленное противъ такого рода организацій, образовались въ отдѣльныхъ случаяхъ Antirabattvereine торговцевъ, усилилась борьба въ ихъ же собственной средѣ.

Въ области выдачи скидки покупателямъ образъ дѣйствій этихъ союзовъ весьма часто является недобросовѣстнымъ: скидка оказывается фиктивной. При покупкѣ многихъ товаровъ марки не выдаются (ссылаются на незначительную прибыль, выручаемую на этихъ товарахъ) или же онѣ вообще выдаются лишь по требованію покупателя. Иногда члены этихъ союзовъ соотвѣтственно повышаютъ цѣну или уменьшаютъ вѣсъ товара, или предлагаютъ покупателю взамѣнъ марки въ 5 проц. цѣны немедленную скидку наличными въ 2—3 проц.

Но и цѣль, ради которой возникли эти союзы торговцевъ, — уничтоженіе потребительныхъ союзовъ — оказалась неосуществимой. До сихъ поръ организаціи торговцевъ учреждались лишь тамъ, гдѣ существовали уже потребительные кооперативы или гдѣ они должны были возникнуть, и лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ имъ удавалось затруднить появленіе новаго кооператива. Но нигдѣ они не могли воспрепятствовать окончательно его учрежденію; и во всякомъ случаѣ ни на чемъ не основаны утвержденія о многочисленныхъ „убитыхъ“ ими кооперативахъ.

Эта невозможность бороться съ кооперативами заставила въ самое послѣднее время союзы торговцевъ измѣнить свою тактику; многіе изъ нихъ заявляютъ, что никогда и не думали вести борьбу съ кооперацией, что ихъ цѣлью является лишь объединеніе торговаго класса, сохраненіе жизнеспособной розничной торговли рядомъ съ кооперативами и универсальными магазинами. Въ связи съ этимъ обнаруживается стремленіе къ созданію закупочныхъ товариществъ торговцевъ, къ элиминированію оптовой торговли и сокращенію этимъ путемъ издержекъ по пріобрѣтенію товаровъ. Торговецъ, пріобрѣтающій товары въ небольшомъ количествѣ, не пользуется скидкой у фабриканта или получаетъ ее въ незначительномъ размѣрѣ, онъ вынужденъ считаться съ большими расходами по перевозкѣ товаровъ и т. д.,—все это отпадаетъ при пріобрѣтеніи товаровъ оптомъ универсальными магазинами, кооперативами и... закупочными товариществами. Уменьшеніемъ издержекъ— какъ указываетъ Фошеръ (Faucherre. Die Händler-Rabattsparvereine. 1912.)— обусловливается возможность выдачи покупателямъ дѣйствительной, а не фиктивной лишь скидки при покупкѣ товаровъ. Но Фошеръ считаетъ необходимымъ участіе и самихъ покупателей въ

Rabattsparvereine на равныхъ съ торговцами основаніяхъ. Въ базельскомъ Rabattverein торговцевъ и потребители являются членами; третья часть правленія состоитъ изъ нихъ. Но эти представители потребителей выбираются торговцами! Потребителямъ же самое существованіе ихъ неизвѣстно. Нужна, конечно, совершенно иная организація. Потребителямъ удавалось уже въ отдѣльныхъ случаяхъ при повышеніи цѣнъ на съѣстные припасы путемъ бойкота заставлять торговцевъ итти на уступки. Но такой контроль ихъ долженъ быть постояннымъ; потребители обладаютъ достаточной силой для того, чтобы заставить торговцевъ подчиниться ихъ надзору и чтобы принимать участіе въ установленіи цѣнъ на товары, а не соглашаться на тѣ цѣны, которыя односторонне устанавливаются торговцами.

І. Кулишеръ.

II. Литература и искусство.

Памяти Г. Э. Тастевена.

(† 12 іюня 1915 г.)

Въ Москвѣ скончался Генрихъ Эдмундовичъ Тастевенъ. Покойному было тридцать четыре года. Человѣкъ незаурядный, писатель умный и талантливый, онъ не успѣлъ, однако, высказать все то, что было у него на душѣ. Но тотъ, кто ближе къ нему стоялъ, кто зналъ его, какъ дѣятеля культурнаго, какъ литературнаго товарища и какъ человѣка, приметъ вѣсть о его кончинѣ съ глубокою печалью.

Филологъ по своему образованію и педагогъ по профессіи, Г. Э. Тастевенъ выступилъ въ литературѣ сравнительно поздно: первая замѣтная статья его „Ничше и современный кризисъ“ появилась въ 1907 году въ журналѣ *Золотое Руно*. Съ этого времени онъ принимаетъ въ этомъ журналѣ ближайшее участіе и даже завѣдуетъ редакціей въ теченіе 1908 и 1909 гг. Журналъ, до того времени эклектичный, пріобрѣтаетъ опредѣленное лицо. На его страницахъ появляется рядъ значительныхъ статей по вопросамъ общей эстетики и теоріи символизма, а также ведется рѣшительная и твердая полемика противъ декадентства, претендовавшаго тогда на первое мѣсто въ искусствѣ и литературѣ.

Въ это время Г. Э. Тастевеномъ были напечатаны и его собственныя статьи: „Импрессіонизмъ и новыя исканія“, „По звѣздамъ“, „Возрожденіе стиля“, и цѣлый рядъ замѣтокъ, полемическихъ и критическихъ.

Дилетантъ въ хорошемъ смыслѣ этого слова, Тастевенъ съ необыкновенною чуткостью отзывался на всѣ культурныя явленія современности: онъ хорошо зналъ Канта и вообще нѣмецкую философію, и это позволяло ему свободно оріентироваться во всѣхъ новѣйшихъ идейныхъ теченіяхъ; онъ могъ быть также компетентнымъ судьей въ области пластическихъ искусствъ и посвящалъ немало времени организаціи выставокъ „Золотого Руна“, на которыхъ появлялись полотна такихъ живописцевъ, какъ Matisse, Rouault, Van-Dongen и др., а изъ русскихъ мастеровъ—работы Сарьяна, Павла Кузнецова и многихъ иныхъ художниковъ, „преодолѣвшихъ импрессіонизмъ“.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ Г. Э. Тастевенъ неоднократно выступалъ, какъ лекторъ, и сдѣлалъ докладъ о современной французской культурѣ въ московскомъ религіозно-философскомъ Обществѣ. Кромѣ того, Г. Э. организовалъ общество „Les Grandes Conférences“, задача котораго—въ томъ, чтобы знакомить русскую интеллигенцію съ культурною современностью Запада при посредствѣ лекцій француз-

скихъ писателей у насъ, въ Москвѣ и Петроградѣ, и французское общество съ нашею національною культурою путемъ поѣздокъ съ тою же цѣлью русскихъ литераторовъ въ Парижъ. Начало этому было положено лекціями „короля поэтовъ“, Поля Фора.

Но, несмотря на эту внѣшнюю дѣятельную жизнь и свойственный ему оптимизмъ въ оцѣнкѣ новѣйшихъ явленій въ области пластическаго искусства и литературы, Генрихъ Эдмундовичъ переживалъ глубокую душевную драму. Я зналъ покойнаго со школьной скамьи, и это даетъ мнѣ право сказать съ увѣренностью, что „преодолѣніе индивидуализма“ было для него не только литературною формулою, но и вопросомъ жизни. До послѣдняго времени, рѣшивъ этотъ вопросъ идейно и принципіально, онъ не находилъ, однако, въ себѣ самомъ той внутренней силы и того религіознаго опыта, который удовлетворилъ бы его нравственно. Отсюда нѣкоторая шаткость въ его оцѣнкахъ современности. Отсюда его желаніе отыскать признаки „преодолѣнія индивидуализма“ даже тамъ, гдѣ такого преодолѣнія вовсе нѣтъ. Такъ случилось, напримѣръ, съ его благожелательною оцѣнкою Маринетти и западно-европейскаго футуризма. Но вотъ началась великая война, и въ Г. Э. Тастевенѣ проснулся патріотъ-французъ. Онъ понялъ по-своему „реваншъ“, нужный Франціи. Онъ видѣлъ его, прежде всего, въ религіозно-нравственномъ обновленіи страны; но, по его убѣжденію, нужно было „принять войну“, и онъ рѣшилъ вернуться во Францію и стать солдатомъ. Этому сначала мѣшали внѣшнія обстоятельства, а потомъ болѣзнь, подстерегавшая Генриха Эдмундовича, свалила его въ постель, съ которой ему уже не суждено было встать.

О той душевной драмѣ, которую пережилъ Г. Э. въ годъ войны, можно судить по его письму ко мнѣ по поводу его послѣдней статьи, напечатанной въ этой же книжкѣ *Русской Мысли*. Я позволю себѣ привести выдержку изъ этого письма: „Вы совершенно вѣрно замѣтили,—пишетъ онъ,—что въ моей статьѣ слишкомъ много объективности, но эта объективность въ значительной степени умышленная: я говорю о возрожденіи Франціи, прежде всего, какъ объ общественно-культурномъ явленіи, но у меня есть и субъективные прогнозы и выводы (тамъ, гдѣ я говорю объ антиноміяхъ французской души, о пари Паскаля, какъ французскомъ подходѣ къ религіи, о кельтійской идеѣ въ противоположность римскому принудительному универсализму и т. д.). Но субъективнаго подхода къ религіи тутъ нѣтъ, и вы до извѣстной степени правы, когда спрашивете меня: *откуда свѣтъ?*“

И далѣе онъ пишетъ о томъ, чего онъ не успѣлъ высказать въ своей статьѣ: „На христіанство я долго смотрѣлъ только, какъ на историческій синтезъ (вродѣ александрійства), уже сыгравшій свою роль, да, кромѣ того, я вѣрилъ, подъ вліяніемъ Ничше, что иррелигіозность и имморализмъ—признаки свободы и силы личности и, какъ говоритъ Штирнеръ, „Ich habe meine Sache auf Nichts gestellt“. Для того, чтобы понять христіанство не только исторически, но внутренне, интуитивно, нужно было убѣдиться, что этотъ путь ведетъ не къ свободѣ, а къ рабству. И въ результатѣ я долженъ былъ сжечь то, чему поклонялся, произвести новую переоцѣнку цѣнностей, которая и привела меня къ убѣжденію, что только христіанство можетъ обезпечить осуществленіе свободы личности и возстановить органическую гармонію между сознаніемъ и волею и между инстинктами. Ибо только христіанство даетъ намъ вѣру въ конечную побѣду личности надъ временемъ и матеріей—вѣру, которая необходима, чтобы не смотрѣть на жизнь, какъ на тяжелый сонъ“... „И когда я убѣдился въ этомъ, мнѣ захотѣлось измѣнить и перестроить всю мою жизнь такъ, чтобы она имѣла не только временный и преходящій смыслъ.

Конечно, это только начало пути, который мнѣ предстоитъ совершить".

Генрихъ Эдмундовичъ написалъ „огромнаго пути" и потомъ зачеркнулъ слово „огромнаго", какъ будто онъ предчувствовалъ, что путь его будетъ кратокъ.

Георгій Чулковъ.

III. Философское движеніе.

О русской философіи во Франціи.

Русская философія едва ли не самая младшая въ Европѣ. Систематическое изученіе философіи въ Россіи началось только съ 60-хъ годовъ. Занимались философіей и въ эпоху Бѣлинскаго, и ранѣе, но случайно, увлекаясь отдѣльными теченіями Запада. Неудивительно, что, имѣя такое короткое прошлое, русская философія не только не вліяла на западно-европейскую, но даже была за границей почти совсѣмъ неизвѣстна. Между тѣмъ, съ самаго начала ея возникновенія въ ней раздались вполнѣ самостоятельные голоса славянофиловъ, обѣщавшіе что-то свое, незаимствованное. Надежды на русскую философію имѣютъ опору и въ русскихъ писателяхъ-поэтахъ и романистахъ. Конечно, Пушкинъ, Некрасовъ, Гоголь и Достоевскій не были философами. Однако, въ ихъ творчествѣ есть нѣчто, что требуетъ своей философіи, что не можетъ гармонировать и уживаться ни съ Ог. Контомъ или Спенсеромъ, ни съ Кантомъ или Фихте. Отвѣчаетъ ли этимъ надеждамъ современная русская философія? Объ этомъ можно спорить. Одно лишь кажется безспорнымъ—она имъ не противорѣчитъ. Если за полвѣка своего существованія русская философія имѣла всего лишь одного мыслителя исключительной глубины, таланта и обширности замысловъ въ лицѣ Вл. Соловьева, то самостоятельныхъ, серьезныхъ и талантливыхъ изслѣдователей по основнымъ философскимъ вопросамъ она имѣетъ уже не мало; въ качествѣ же вполнѣ оригинальной философской теоріи въ Россіи, несомнѣнно, можно указать на интуитивизмъ Н. О. Лосскаго. Все это дѣлаетъ русскую философію уже къ началу текущаго столѣтія вполнѣ полноправной участницей въ философской работѣ всѣхъ націй и во всякомъ случаѣ не оправдываетъ то гипнотическое вліяніе германскихъ школъ, которое чувствовалось у насъ послѣднее десятилѣтіе. Хотя русская философская мысль еще и не разрослась въ видѣ чего-либо вполнѣ своеобразнаго и достаточно цѣльнаго, однако, мы позволяемъ себѣ думать, что ея побѣги въ послѣднее время гораздо свѣжѣе, чѣмъ на Западѣ. Позднее русское ученичество въ философіи, несомнѣнно, все же связано съ бо́льшей освобожденностью отъ нѣкоторыхъ вкоренившихся шаблоновъ и предразсудковъ европейской мысли. Все это даетъ право русской философіи не оставаться въ положеніи свѣтильника, стоящаго подъ кроватью. Къ сожалѣнію, освѣдомленности о русской философіи за границей мѣшаютъ очень многія причины чисто-внѣшняго характера, изъ которыхъ главной является незнаніе иностранными учеными русскаго языка. Конечно, это препятствіе не является неодолимымъ въ отношеніи корифеевъ русской литературы. Но для его преодолѣнія и въ сферѣ спеціально философской мысли необходимо ею заинтересовать и общество, и ученыхъ западныхъ государствъ. Этой цѣли, повидимому, и служатъ статьи о русской философіи, появившіяся во Франціи въ журналѣ Рибо *Revue Philosophique* въ 1912 и 1914 гг. Статьи принадлежатъ нашему соотечественнику, г. Селиберу, жившему въ послѣдніе годы до войны въ Парижѣ. Спеціалистъ по біологическимъ наукамъ, Селиберъ въ то же

время весьма основательно знакомъ съ философіей и послѣдніе годы изучалъ русскихъ философовъ. Результатомъ этого изученія и явились эти статьи. Въ послѣдней изъ нихъ, носящей заглавіе: „La pensée russe présente-t-elle des tendances originales en philosophie?“, Селиберъ задается цѣлью выдѣлить наиболѣе характерныя особенности русской философіи. Селиберъ полагаетъ, что даже настолько разнородныя теченія русской мысли, какъ соціологическій субъективизмъ, группа писателей, близкихъ къ Вл. Соловьеву, и такіе изолированные философы, какъ Козловъ и Лопатинъ, имѣютъ печать нѣкоторой общей идейной устремленности. Наиболѣе характерную черту русской философіи онъ видитъ въ проведеніи принципа *всеобщности* во всѣхъ областяхъ философской мысли. И въ исканіи жизненной соціальной правды, и въ открытіи теоретической истины, и, наконецъ, въ религіозной мысли русскій мыслитель, по мнѣнію Селибера, тяготѣетъ всегда къ универсальному космическому. Это желаніе автора выдѣлить общую тенденцію русской философіи кажется намъ наименѣе удавшимся и по существу преждевременнымъ. Быть можетъ, въ одномъ лишь правъ Селиберъ, а именно въ томъ, что для большинства русскихъ философовъ имѣется нѣкоторый общій исходный пунктъ ихъ философствованія. Этотъ пунктъ—вопросъ о жизненной правдѣ или, иначе, вопросъ о томъ, какъ жить общественно и индивидуально. И Селиберъ въ этомъ смыслѣ удачно указалъ на мысль Михайловскаго о „правдѣ-истинѣ“, какъ на нѣчто, могущее служить девизомъ русской философіи вообще. Но, повторяемъ, общій духъ русской философіи опредѣлять еще рано. Россія идейно находится еще въ періодѣ броженія и внутренней борьбы. Она въ одно и то же время и подчиняется чужероднымъ вліяніямъ и противъ нихъ возстаетъ. Что выйдетъ изъ этой сложной закваски, покажетъ будущее. Оригинальное въ русской философіи и въ ея тенденціяхъ, несомнѣнно, есть, но его можно обнаруживать лишь изолированно и обособленно. И въ этомъ отношеніи трудъ Селибера не пропалъ даромъ. Быть можетъ, онъ чѣмъ-либо и заинтересуетъ круги французскихъ философовъ, тѣмъ болѣе, что условія для взаимнаго интереса сейчасъ на почвѣ общей войны наиболѣе благопріятныя. Селиберу нельзя не поставить въ заслугу весьма внимательное отношеніе къ излагаемымъ имъ теоріямъ. Онъ беретъ, дѣйствительно, наиболѣе важное и характерное у излагаемыхъ авторовъ. При этомъ Селиберъ отдаетъ явное предпочтеніе русскимъ метафизикамъ спиритуалистическаго направленія, излагая по преимуществу ихъ воззрѣнія. Впрочемъ, онъ посвящаетъ много вниманія и позитивисту Н. К. Михайловскому, и такому осторожному и далекому отъ всякой метафизики мыслителю, какъ М. И. Каринскій, упоминаетъ часто о Плехановѣ. Остается лишь поставить вопросъ, правильно ли оцѣнилъ Селиберъ явленія русской философской жизни по ихъ достоинству и значительности, соблюдена ли имъ надлежащая перспектива въ изложеніи однихъ и умолчаніи о другихъ. Объ этомъ мы не беремся судить, такъ какъ наше сужденіе, какъ и всякаго имѣющаго живые философскіе интересы, будетъ непремѣнно съ точки зрѣнія *своей* философской перспективы. Но если эта перспектива неизбѣжна для всякаго судящаго о русской философіи, то, конечно, она неизбѣжна, а потому и дозволительна и для Селибера.

С. Аскольдовъ.

IV. Школа и воспитаніе.

Японскій университетъ [1]).

Подобно всѣмъ американскимъ университетамъ, краса и гордость молодой Японіи, основанный гр. Окума Waseda University находится въ сторонѣ отъ сутолоки столичной жизни—на созданномъ какъ будто бы самою природой рубежѣ между извилистой линіей широко раскинувшагося Токіо и незабываемымъ очарованіемъ причудливой японской природы. Полтора часа, если не больше, ѣдешь на неутомимомъ рикшѣ изъ центра города къ этой прославленной цитадели японскаго просвѣщенія. Послѣ строгихъ очертаній каменныхъ зданій центральныхъ кварталовъ, послѣ мрачныхъ гранитныхъ стѣнъ императорскаго дворца, на которыхъ чудомъ пробившіеся зеленые ростки растеній вышили затѣйливые узоры, такими маленькими и бѣдными кажутся наспѣхъ сколоченные домики загородной мѣстности. Глазъ больше не встрѣчаетъ сѣрыхъ тоновъ казарменныхъ построекъ; на смѣну имъ приходятъ далеко другъ отъ друга разбросанные домики, голубоватая гладь воды и привѣтливая зелень лужаекъ.

Вотъ и университетъ. Массивныя желѣзныя ворота, одиноко поставленныя вдали отъ университетскихъ зданій, охраняютъ входъ въ это святилище науки. Караульный подходитъ съ вопросомъ; русскому посѣтителю нетрудно разгадать значеніе послѣдняго. Не добившись вразумительнаго для него отвѣта, караульный идетъ, придерживая саблю, къ своему начальнику, который, предварительно освѣдомившись о цѣли моего посѣщенія, затѣмъ очень любезно проводитъ меня къ помѣщенію юридическаго факультета.

Какъ безконечно непохожъ внѣшній видъ этого замкнутаго въ себѣ университетскаго міра на наше петербургское старинное зданіе „двѣнадцати коллегій“ на Васильевскомъ островѣ. Нѣтъ и въ поминѣ той системы централизаціи, которая такъ характерна для всего нашего университетскаго преподаванія. Удобныя просторныя помѣщенія вперемежку съ маленькими коттэджами сверкаютъ на солнцѣ ослѣпительной своей бѣлизной. Каждое имѣетъ свое спеціальное назначеніе, каждое живетъ своей обособленной жизнью. Захожу въ канцелярію юридическаго факультета. Здѣсь, прежде всего, поражаетъ то своеобразное mixtum compositum западныхъ и туземныхъ порядковъ, которое вездѣ и всюду сразу бросается въ глаза въ Японіи.

Какъ заведенная машина идетъ столь знакомая намъ обычная процедура канцелярской работы. Такъ же низко склоняются головы одѣтыхъ въ европейское платье и занятыхъ исполненіемъ скучныхъ обязанностей служащихъ. Та же атмосфера канцеляріи, заваленной бумажнымъ дѣлопроизводствомъ. Но рядомъ маленькая переносная печка, на которой грѣютъ свои ноги приходящіе по дѣламъ студенты, оставляющіе на порогѣ свои деревянные ботики-подставочки. Часто, часто кланяются по церемоніалу пришельцы всѣмъ находящимся въ залѣ и, шумно втягивая въ себя воздухъ, что, повидимому, считается въ Японіи своего рода признакомъ хорошаго тона, обращаются съ вопросами къ начальнику канцеляріи.

Раздается звонокъ, возвѣщающій о концѣ лекціи, выходитъ деканъ факультета юридическихъ и политическихъ наукъ, профессоръ Шіозава, и мы отправляемся обозрѣвать обширную площадь Waseda University. Вездѣ по дорогѣ толпятся студенты, одѣтые въ однообразныя черныя пелерины. Несмотря на высокія деревянныя подставочки, замѣняющія имъ обувь, всѣ

[1]) Замѣтка эта написана до великой европейской войны. *Ред.*

студенты кажутся удивительно низкими, когда сравнишь ихъ мысленно съ нашей или американской учащейся молодежью.

Наше приближеніе не оставляетъ японскихъ студентовъ безразличными. Любопытство ихъ сильно задѣто, но врожденная дисциплина заставляетъ студентовъ воздерживаться отъ громкихъ восклицаній даже на родномъ языкѣ. Только всѣ какъ-то стягиваются въ кругъ при нашемъ приближеніи и, чуть слышно обмѣниваясь между собой замѣчаніями, почтительно раскланиваются съ деканомъ факультета. Полная противоположность американской молодежи, которая, какъ мнѣ уже приходилось писать въ *Русской Мысли*, [1]) просто не замѣчаетъ прихода профессоровъ. Тамъ, согласно основному принципу американской жизни, каждый думаетъ, что онъ такъ же хорошъ, какъ и всякій другой („а можетъ быть, и немного лучше“,—„perhaps, a little better“); здѣсь повсюду проникла строгая дисциплина, къ счастью не доходящая до наиболѣе уродливыхъ формъ. Тамъ, въ Америкѣ, даже солдатъ чувствуетъ себя, прежде всего, самостоятельной личностью, только на время связавшей свою волю договоромъ о службѣ; здѣсь, въ Японіи, и учащіеся, и преподаватели чувствуютъ себя только частью огромнаго цѣлаго, интересамъ котораго они должны служить „не за страхъ, а за совѣсть“.

Постепенно мы обходимъ отдѣльныя помѣщенія юридическаго факультета, отведенныя представителямъ различныхъ спеціальныхъ дисциплинъ. Каждая каѳедра располагаетъ здѣсь собственнымъ изолированнымъ помѣщеніемъ, въ которомъ профессора читаютъ лекціи и ведутъ практическія занятія со студентами, пробующими свои силы на докладахъ и рефератахъ. Въ этомъ же помѣщеніи находится и библіотека по данной отрасли науки, судя по двумъ осмотрѣннымъ мною кабинетамъ (государственнаго и международнаго права), очень тщательно и съ большимъ знаніемъ дѣла подобранная. Преобладающее количество иностранныхъ книгъ составляютъ труды, напечатанные на англійскомъ языкѣ. Нѣмецкая наука принуждена здѣсь отойти на второе мѣсто, далеко позади себя оставивъ литературу французскую и еще дальше русскія сочиненія.

Большинство профессоровъ, съ которыми мнѣ удалось познакомиться при любезномъ содѣйствіи декана, свободно объясняется по-англійски и лишь немногіе предпочитаютъ французскій языкъ. Съ наружной скромностью, но внутреннимъ восторгомъ выслушиваютъ они комплименты пришельца по поводу внѣшняго вида Waseda University и съ нѣкоторымъ недоброжелательствомъ—чтобы не сказать: съ недовѣріемъ—относятся къ моему замѣчанію о большемъ количествѣ учащихся въ петербургскомъ университетѣ по сравненію съ токійскимъ, послѣдовавшему въ отвѣтъ на утвержденіе профессора гражданскаго права о томъ, что Waseda University больше всѣхъ университетовъ въ мірѣ.

Представитель каѳедры конституціоннаго права обнаружилъ незаурядное знаніе государственнаго строя Россіи, детально развивая выставленное Гачекомъ положеніе о томъ, что Россія является абсолютнымъ государствомъ, хотя и обладающимъ представительными учрежденіями, уже вслѣдствіе принятаго въ ней порядка преслѣдованія членовъ Государственной Думы за преступленія по должности. Въ обмѣнъ мнѣній по этому вопросу оказались вовлеченными и другіе (по преимуществу молодые) японскіе ученые, которые въ общемъ не соглашались съ точкой зрѣнія своего старшаго товарища, а усматривали даже нѣкоторую аналогію между положеніемъ бюрократіи въ Японіи и въ Россіи и программами главныхъ

[1]) Б. Шацкій, „Американскій университетъ“. *Русская Мысль*, февраль 1913 г.

оппозиціонныхъ партій обѣихъ странъ (Сейо-Кай и конституціонно-демократической). Въ отвѣтъ на это я позволилъ себѣ замѣтить, что положеніе японской оппозиціи одновременно лучше и затруднительнѣе положенія русской оппозиціи; лучше—въ томъ отношеніи, что блестящее финансовое (бюджетное) состояніе страны облегчаетъ русской бюрократіи задачу борьбы съ оппозиціей; затруднительнѣе—въ томъ смыслѣ, что въ добавленіе къ тѣмъ средствамъ, примѣняющимся въ борьбѣ съ русской оппозиціей, которыя суммируются въ понятіи „Zwang“, японская бюрократія располагаетъ для борьбы съ прогрессивными теченіями японской общественности еще и примѣненіемъ „Lohn“, совершенно неизвѣстнымъ въ Россіи. Усмотрѣвъ въ первой части моего отвѣта больше ироніи, чѣмъ въ ней дѣйствительно заключалось, одинъ японецъ замѣтилъ, что финансовое положеніе Японіи вовсе не такъ плохо, какъ это кажется „достопочтенному джентльмену“, но тутъ же былъ остановленъ оппозиціонеромъ, категорически заявившимъ, что Японія никогда не переживала болѣе тяжелаго финансоваго кризиса. По поводу же принципа „награжденія“, широко практикующагося въ японской дѣйствительности, всѣ какъ будто бы сошлись на томъ, что это новая *темная* сторона функціонированія представительнаго строя, которая такъ же быстро исчезнетъ, какъ и появилась на поверхности японской политической жизни, чему порукой служитъ уходъ группы депутата Осаки изъ партіи Сейо-Кай.

Интересно отмѣтить, что, въ противоположность Соединеннымъ Штатамъ, гдѣ различнаго рода businessmen'ы до послѣдняго времени на политической аренѣ далеко назадъ оттѣсняли представителей либеральныхъ профессій, въ Японіи ученые (какъ и въ Россіи), занимаютъ передовую линію въ японской общественности. Иногда они даже выступаютъ отъ имени всего общества съ заявленіями, разсчитанными на непосредственный политическій эффектъ. Такой фактъ имѣлъ, напримѣръ, мѣсто наканунѣ русско-японской войны, когда семь наиболѣе популярныхъ профессоровъ Японіи путемъ открытаго письма въ газеты потребовали разрыва дипломатическихъ сношеній съ Россіей и немедленнаго открытія военныхъ дѣйствій. [1])

Простившись съ профессорами, иду къ недавно выстроенному помѣстительному зданію общей библіотеки университета. Просторный двухсвѣтный залъ. Длинный рядъ шкафовъ съ наиболѣе необходимыми книгами къ услугамъ посѣтителей. Чувствуется атмосфера комфорта и уюта, столь полезная при продолжительныхъ занятіяхъ.

Неизбалованные роскошью японцы все же признаютъ необходимость внѣшнихъ удобствъ, какъ условія творческой и производительной работы, безъ котораго умственный трудъ требуетъ тягостнаго физическаго напряженія.

Итакъ, внѣшняя оболочка университетской жизни имѣетъ свои весьма привлекательныя стороны. Соотвѣтствуетъ ли послѣднимъ и внутреннее содержаніе,—вопросъ, на который трудно отвѣтить человѣку чуждой крови и культуры.

Вѣдь невольно при такой сравнительной оцѣнкѣ у посторонняго наблюдателя является мысль о томъ, какое положительное значеніе имѣетъ то, что

---

[1]) Одинъ изъ авторовъ этого открытаго письма, авторитетный профессоръ международнаго права Такахаши, сравнительно недавно выпустилъ фундаментальный трудъ (Takahashi: „International law applied to the Russo-Japanese war“), который, къ сожалѣнію, пока еще не нашелъ противовѣса въ русской наукѣ. Въ предисловіи къ этому дѣйствительно чрезвычайно обстоятельному труду профессоромъ Такахаши поставлено число „10 апрѣля 1908 г.“, подъ которымъ, можетъ быть, не безъ задней мысли пояснено „325 годовщина со дня рожденія Гуго Гроція“.

японцы усвоили съ Запада—съ точки зрѣнія самобытной культуры, а не простой умственной гимнастики. Въ длительномъ процессѣ исторической эволюціи въ народномъ сознаніи иногда вырабатываются такія цѣнности, исключительнаго значенія которыхъ не можетъ замѣнить пріобрѣтеніе самыхъ сложныхъ техническихъ навыковъ. Если бы, въ частности, въ результатѣ перенесенія на Востокъ богатыхъ пріобрѣтеній западной цивилизаціи подвергся не умаленію только, но и прямому уничтоженію органически выросшій въ народномъ сознаніи неписанный кодексъ чести „Бушидо“,—это было бы такой потерей для туземной культуры, которая могла бы быть наверстана только путемъ чудодѣйственнаго претворенія западныхъ идей въ плоть и кровь японскаго народа.

Борисъ Шацкій.

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Іюль 1915 года.

Содержаніе: I. **Книги:** Литература, исторія литературы и литературная критика.— Правовѣдѣніе.— Педагогика и народное образованіе.—Естествознаніе. — Справочныя изданія. II. **Книжныя новости.** III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюня по 1 іюля 1915 года.**

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА.

В. И. Масловъ. Начальный періодъ байронизма въ Россіи. Критико-библіографическій обзоръ. — Временникъ Пушкинскаго Дома. — Собраніе сочиненій Аполлона Григорьева подъ ред. В. Ѳ. Саводника. Вып. I. Автобіографія. „Мои литературныя и нравственныя скитальчества“. (Съ біографическимъ очеркомъ В. Саводника.) Изд. бр. Башмаковыхъ.—*Аполлонъ Григорьевъ.* Мои литературныя и нравственныя скитальчества. Съ послѣсловіемъ и примѣчаніями Павла Сухотина. — Тургеневскій Сборникъ. (Тургеневскій кружокъ подъ руководствомъ Н. К. Пиксанова.)

В. И. Масловъ. **Начальный періодъ байронизма въ Россіи. Критико-библіографическій обзоръ. Кіевъ. 1915 г. Стр. 132. Цѣна не обозначена.**

Молодой кіевскій историкъ литературы, В. И. Масловъ, заявившій себя спеціальной монографіей о Рылѣевѣ и нѣкоторыми другими опытами, и въ новой своей работѣ придерживается облюбованнаго имъ пріема—критико-библіографическаго. Въ изученіи русскаго байронизма онъ уклоняется отъ вопросовъ и оцѣнокъ формально-литературныхъ, эстетическихъ, психологическихъ, культурно-общественныхъ. Такъ, отмѣтивъ, что „у насъ привились не всѣ стороны байронизма, а нѣкоторыя изъ нихъ получили даже своеобразное отраженіе, часто не соотвѣтствовавшее своему источнику“, авторъ не предлагаетъ своего собственнаго объясненія этому любопытному факту. Не останавливается онъ и на другомъ фактѣ: что Пушкинъ, страннымъ образомъ, не оцѣнилъ въ полную мѣру глубочайшаго произведенія Байрона—„Каина“. Даже въ простомъ изложеніи „Цыганъ“ Пушкина онъ прибѣгаетъ къ ссылкамъ на статью Н. И. Стороженка. Это лишаетъ трудъ В. И. Маслова научной обобщенности и оригинальности. Но авторъ и не претендовалъ на это. Свою задачу онъ понималъ проще и у́же. Осмотрѣвшись въ исторіографіи русскаго байронизма, онъ нашелъ, что обслѣдованы, собственно, только крупнѣйшіе изъ русскихъ „байронистовъ“: Пушкинъ, Лермонтовъ да еще два-три второстепенныхъ. „Другіе вопросы, — пишетъ В. И. Масловъ,—тѣсно связанные съ исторіей разсматриваемаго

теченія, какъ, напр., отношеніе русскаго общества къ Байрону, критическая литература о немъ, переводы и подражанія его произведеніямъ, до сихъ поръ остаются еще не изученными. Въ значительной мѣрѣ не приведенъ даже въ извѣстность самый матеріалъ, подлежащій изученію". „Не разсчитывая, — продолжаетъ онъ, — на библіографическую полноту, которой невозможно было достигнуть при занятіяхъ въ кіевскихъ библіотекахъ, мы даемъ перечень литературы о Байронѣ въ началѣ XIX в., указываемъ переводы и подражанія его произведеніямъ въ надеждѣ, что, можетъ быть, эти свѣдѣнія пригодятся для лицъ, которыя болѣе подробно остановятся на изученіи русскаго байронизма".

Внѣ всякаго сомнѣнія, работа г. Маслова пригодится многимъ. Матеріалы собраны имъ съ большой тщательностью, въ изобиліи, и описаны со строгой библіографической точностью. Обозрѣватель не только перечелъ работы своихъ предшественниковъ и суммировалъ ихъ результаты; онъ самъ наново пересмотрѣлъ вереницу книгъ, альманаховъ, журналовъ десятыхъ и двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка и извлекъ оттуда много новыхъ и цѣнныхъ фактовъ. Порою сообщаемыя имъ данныя любопытны не только для спеціальной темы о байронизмѣ, но и для общей исторіи русской литературной критики, для характеристики отдѣльныхъ поэтовъ. Авторъ начинаетъ свое обозрѣніе съ первыхъ откликовъ русскихъ читателей на поэзію Байрона—не въ печати, а еще въ дружеской перепискѣ. Однимъ изъ первыхъ энтузіастовъ оказался кн. П. А. Вяземскій. Онъ ознакомился съ Байрономъ не въ подлинникѣ, а во французскихъ переводахъ, и крайне объ этомъ сожалѣлъ. Въ 1819 году онъ пишетъ А. И. Тургеневу: „Я все время купаюсь въ пучинѣ поэзіи, читаю и перечитываю лорда Байрона, разумѣется, въ блѣдныхъ выпискахъ французскихъ... Кто въ Россіи читаетъ по-англійски и пишетъ по-русски? Давайте мнѣ его сюда! Я за каждый стихъ Байрона заплачу ему жизнью своею". А Тургеневъ ему отвѣчалъ, что и всѣ его петроградскіе друзья зачитываются Байрономъ: „Жуковскій имъ бредитъ и имъ питается. Въ планахъ его есть много переводовъ изъ Байрона". Однако, Жуковскій обманулъ ожиданія друзей, обманулся и самъ: его поэтическое дарованіе, весь его душевный складъ не въ силахъ были отозваться на многіе, на самые глубокіе мотивы байроновскаго творчества. Любопытны и другія заявленія въ письмахъ литераторовъ двадцатыхъ годовъ объ увлеченіяхъ Байрономъ; они цѣнны своей непосредственностью и искреннимъ тономъ. По нимъ лучше слѣдить за нарастаніемъ байроновскаго вліянія, чѣмъ по критическимъ статьямъ того же времени.

Но любопытны и эти послѣднія. Перечитывая ихъ теперь въ обильныхъ извлеченіяхъ, предлагаемыхъ г. Масловымъ, порой удивляешься свѣжести мыслей, мѣткости опредѣленій, достоинству стиля. Многія изъ нихъ были, правда, переводными (главнымъ образомъ, съ французскаго), но и выборъ, и достоинства перевода хорошо рекомендуютъ вкусъ переводчика. Порой онъ вступалъ даже въ полемику съ переводимымъ критикомъ, считая его оцѣнку скупой, недостаточно хвалебной. Такова, напр., замѣтка нѣкоего К. П. Б. въ *Соревнователѣ Просвѣщенія* 1820 г.: „Лордъ Байронъ, конечно, человѣкъ необыкновенный. Несчастія, увеличенныя пылкимъ и мрачнымъ воображеніемъ, необузданнымъ сердцемъ, имѣли большое вліяніе на его разсудокъ. Влекомый страстями и во-

ображеніемъ, онъ писалъ все, что чувствовалъ и думалъ. Кочующая жизнь его доказываетъ, что онъ врагъ всякаго ига. Итакъ, можно ли удивляться проваламъ, въ которыхъ онъ чистосердечно признается? Если во многихъ своихъ сочиненіяхъ лордъ Байронъ не соблюдаетъ строгихъ правилъ словесности, можно его извинить тѣмъ, что онъ, кажется, объявилъ себя врагомъ всякой принудительности и что онъ хочетъ рѣшительно окончить поприще свое, не бывъ ни подражателемъ, ни подражаемымъ". Каждое поколѣніе самомнительно, и мы, конечно, убѣждены, что понимаемъ Байрона и пишемъ о немъ лучше, чѣмъ наши предшественники. Но право же, критика 20-хъ годовъ прошлаго вѣка судила и чувствовала поэзію Байрона не худо, и теперь о немъ иной разъ говорится какъ новое то, что давно уже было сказано. Въ тѣ годы подъ впечатлѣніемъ Байрона быстро, стремительно перерабатывались старыя опредѣленія поэтики, больше того—въ душевный обиходъ культурнаго общества вводились новыя и высокія идеи и настроенія. Этотъ приростъ сознанія и чувства отчетливо наблюдается въ критическихъ статьяхъ русскихъ журналовъ. Любопытно, что Байронъ же содѣйствовалъ и дифференціаціи общественно-политическихъ настроеній. Большинство русскихъ читателей было на сторонѣ смѣлой музы британскаго поэта, но были и ненавистники. Таковъ пресловутый Руничъ, который въ письмѣ къ издателямъ *Русскаго Инвалида* заявлялъ, что „прославлять поэзію Байрона есть то же, что выхвалять и превозносить убійственное орудіе, изобрѣтенное на погибель человѣчества".

Въ критическихъ статьяхъ о Байронѣ въ 20-хъ годахъ успѣли высказаться Веневитиновъ, Полевой, Сомовъ, Надеждинъ; особенно много отзывовъ относится къ 1824 году, году кончины великаго поэта. Параллельно шли переводы Байрона и переработка его вліяній въ творчествѣ русскихъ писателей. В. И. Масловъ слѣдитъ за переводами и подражаніями Байрону у Жуковскаго, Батюшкова, И. И. Козлова, Боратынскаго, Пушкина, Рылѣева и еще у многихъ другихъ второстепенныхъ поэтовъ; Лермонтова онъ совсѣмъ не затрогиваетъ, какъ относящагося къ слѣдующему періоду. Наиболѣе подробно охарактеризованъ байронизмъ Пушкина; здѣсь у обозрѣвателя было много предшественниковъ, послѣ коихъ трудно сказать что-нибудь новое. Зато о другихъ русскихъ байронистахъ Масловъ собралъ много свѣжихъ наблюденій. Тщательность его библіографическихъ разысканій сказалась не только въ примѣчаніяхъ къ тексту очерка, но и въ приложеніяхъ. Ихъ нѣсколько. Въ первомъ предлагается библіографическій перечень критическихъ отзывовъ о Байронѣ въ русской литературѣ 10—20-хъ годовъ; во второмъ зарегистрованы переводы и подражанія Байрону за то же время; наконецъ, въ третьемъ, собрана цѣлая хрестоматія русскихъ стихотвореній начала XIX в., посвященныхъ Байрону. Это была очень удачная мысль—составить такой изборникъ; передъ нами проходятъ здѣсь Козловъ, Кюхельбекеръ, Пушкинъ, Вяземскій, Рылѣевъ, Веневитиновъ и такіе безвѣстные стихотворцы, какъ Габбе, М. Бестужевъ-Рюминъ, Б. Ѳедоровъ, А. Крюковъ. Эти поэтическія обращенія къ Байрону еще разъ вводятъ насъ въ сферу его вліянія на русскую литературу.

Книжка издана очень опрятно. Приложены два портрета Байрона и рисунокъ Нью-Стидскаго аббатства, взятые изъ старинныхъ русскихъ изданій.

Н. Пиксановъ.

Временникъ Пушкинскаго Дома. Петроградъ, 1914 г.

Это уже второй выпускъ изданія, отмѣченнаго нами годъ назадъ. Коллекціи Пушкинскаго дома растутъ и растутъ; частныя лица и даже казенныя учрежденія, соревнуя, несутъ въ него свои литературныя драгоцѣнности, по собственному ли почину, ради свѣтлой памяти Пушкина, или уступая настояніямъ энергичныхъ руководителей Пушкинскаго дома. Второй выпускъ „Временника“ богатъ содержаніемъ: здѣсь дано точное историко-литературное описаніе первой серіи пріобрѣтеній Пушкинскаго дома, составленное Б. Л. Модзалевскимъ и Е. П. Казановичъ,—работа выдающаяся по тщательности, полнотѣ и освѣдомленности,—а въ Приложеніи, занимающемъ цѣлую половину книги, помѣщены три статьи, о которыхъ въ предисловіи къ книгѣ акад. Н. А. Котляревскій пишетъ: „Такому, уже богатому собранію литературныхъ матеріаловъ, какимъ является рукописный отдѣлъ Пушкинскаго Дома, пора имѣть свое повременное изданіе, въ которомъ читатель могъ бы найти и перечень, и копіи интересныхъ, еще не опубликованныхъ памятниковъ русской словесности XIX вѣка, не дожидаясь, пока они появятся въ какихъ-нибудь другихъ изданіяхъ. Редакція „Временника“ пошла дальше и признала возможнымъ допустить при издаваемыхъ текстахъ и ученый комментарій. Такимъ образомъ, „Временникъ“ начинаетъ мало-по-малу приближаться къ типу ученаго сборника и становится въ ряды изданій, представляющихъ не только частный, но и общій интересъ“. Мы горячо привѣтствуемъ этотъ благой починъ; если „Временнику“ удастся расширить этотъ отдѣлъ и если печатаніе неизданныхъ матеріаловъ и впредь будетъ стоять въ немъ на той же научной высотѣ, какъ въ настоящемъ выпускѣ, онъ легко затмитъ всѣ другія существующія изданія этого рода, историческіе журналы и пр., и можетъ сдѣлаться первокласснымъ источникомъ для умственной и литературной исторіи русскаго общества. Изъ трехъ статей, составляющихъ Приложеніе, пальма первенства должна быть отдана первой, работѣ Е. П. Казановичъ „Къ исторіи сношеній Гоголя съ Погодинымъ“. 24 записочки Гоголя и Погодина, писанныхъ на лоскуткахъ, обыкновенно очень краткихъ, въ 2—4 строки, посылавшихся со слугою въ томъ же домѣ и, конечно, не датированныхъ, авторъ сумѣлъ связать такимъ чудеснымъ комментаріемъ, что записки эти, расположившись въ хронологической послѣдовательности, ожили вновь и открываютъ предъ нами картину взаимныхъ отношеній Гоголя и Погодина съ тою яркостью, съ какой подъ рукою искуснаго реставратора выступаетъ изъ-подъ наноснаго слоя первоначальный ликъ. Эту работу можно безъ преувеличенія назвать образцовою по тонкости, остроумію и осторожности. „Неизданное письмо Гоголя къ императору Николаю I“ напечаталъ г. М. Гофманъ съ дѣльнымъ поясненіемъ. Письмо Гоголя, вѣрнѣе, прошеніе о выдачѣ ему чрезвычайнаго паспорта на поѣздку къ Святымъ Мѣстамъ (декабрь 1846 года), очень замѣчательно. Это—меньше всего шаблонное прошеніе: съ начала и до конца, на протяженіи печатной страницы, Гоголь говоритъ о себѣ, о своихъ душевныхъ дѣлахъ, какъ будто самъ не сознавая, на какое исключительное вниманіе государя онъ претендуетъ этимъ. Указавъ на свою „незамѣтность“, какъ чиновника и писателя, онъ продолжаетъ: „Но не я причиной ничтожности моей: десять лѣтъ тяжкихъ недуговъ оторвали меня отъ тѣхъ трудовъ, къ которымъ я порывался; десять лѣтъ тяжкихъ внутреннихъ

страданій душевныхъ лишили меня возможности подвизаться на полезныхъ поприщахъ предъ Вами. Но не пропали эти годы: Великой Милостью Бога устроено было такъ, чтобы совершалось въ это время мое внутреннее воспитаніе, безъ котораго не принесла бы пользы отечеству моя наиревностнѣйшая служба; великой милостью Бога вложены въ меня нѣкоторыя необщія другимъ способности, которыхъ не слѣдовало мнѣ выказывать, покуда не вызрѣютъ они во мнѣ и не воспитаются, и которыми по возвращеньи моемъ изъ Святой Земли я сослужу Вамъ службу такъ же вѣрно и честно, какъ умѣли служить истинно Русскіе духомъ и сердцемъ". Третья часть Приложенія содержитъ большое собраніе писемъ И. А. Гончарова къ разнымъ лицамъ, снабженное въ высшей степени цѣннымъ реальнымъ комментаріемъ,—область, въ которой Б. Л. Модзалевскій, послѣ В. И. Саитова, не имѣетъ у насъ соперниковъ. Какъ и въ прошломъ году, „Временникъ" украшенъ превосходно исполненными портретами и факсимиле, въ томъ числѣ съ рукописей Пушкина, Бѣлинскаго, Крылова, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Гоголя, Рылѣева, Туманскаго.

М. Гершензонъ.

Собраніе сочиненій Аполлона Григорьева подъ редакціей В. Ѳ. Саводника. Выпускъ I. Автобіографія. „Мои литературныя и нравственныя скитальчества". (Съ біографическимъ очеркомъ В. Саводника.) Изд. бр. Башмаковыхъ. М., 1915 г. I. IV+104 стр. и портретъ. Ц. 60 к.

Аполлонъ Григорьевъ. **Мои литературныя и нравственныя скитальчества. Съ послѣсловіемъ и примѣчаніями Павла Сухотина. Москва. Книгоиздательство К. Ф. Некрасова. 1915 г. 253 стр. и 4 рисунка. Ц. 1 р.**

Россія таитъ въ глубинахъ своихъ сокрытыя молчаливо богатства. Наша великая страна хороша возможностями открытій повсюду, въ любой области жизни. Недавно мы узнали, что у насъ есть геніальный Константинъ Леонтьевъ. Въ прошломъ году—Григорьевъ. Въ этихъ моихъ словахъ нѣтъ и тѣни ироніи. Развѣ можемъ мы не гордиться тѣмъ, что на долю именно нашего поколѣнія выпало счастье быть свидѣтелями признанія большихъ заслугъ Григорьева передъ русской литературой? Любовная преданность національному, упорное собираніе русской земли въ ея культурныхъ цѣнностяхъ развѣ не сдѣлали въ наше время крупнаго шага впередъ? И положеніе: чѣмъ выше національная культура, тѣмъ шире ея значеніе какъ культуры міровой, кажется, скоро станетъ безспорнымъ. Можно пожалѣть, лишь ради самого Григорьева, что мысли его войдутъ въ общій оборотъ пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ того, какъ были сказаны. Но тогда онѣ были не нужны, теперь же мы безъ нихъ обойтись или, по крайней мѣрѣ, не признать ихъ не можемъ. До чего былъ забытъ Григорьевъ, показываетъ хотя бы книга, лежащая передъ нами. Эти воспоминанія „безпутнаго" Григорьева никого не привлекали. Загляните въ послѣдній библіографическій трудъ по литературѣ мемуаровъ, составленный г. Минцловымъ,—ни звука о Григорьевѣ. Спросите завзятыхъ чтецовъ, и—два года тому назадъ—большинство изъ нихъ отзывалось невѣдѣніемъ. Въ этомъ году въ короткій промежутокъ вотъ уже второе изданіе этой книги.

Трудно, разумѣется, говорить въ мимолетной замѣткѣ о всей значительности этого бытового документа, и мемуарной ли только значимости „Скитальчествъ" Григорьева?! Какъ „Дѣтскіе годы" Аксакова,

какъ „Былое и Думы“ Герцена вошли въ нашу плоть и кровь, такъ, думается, будетъ и съ Воспоминаніями Григорьева. Тамъ было дворянство, землевладѣльческое и городское; здѣсь—совершенно новый, неожиданный міръ, міръ чрезвычайно своеобразный, міръ городского мѣщанства 30-хъ годовъ, показываемый минутами съ изумительною силою таланта. И сила эта настолько велика, что, захваченный образами, рисуемыми авторомъ, забываешь его подчасъ весьма неряшливый стиль.

Что касается до самыхъ книжекъ, то оба изданія не удовлетворяютъ до конца. Оба редактора какъ будто забыли, что Григорьевъ лицо новое въ литературѣ, что о немъ мало что извѣстно: ни точнаго текста, ни сколько-нибудь систематическихъ примѣчаній, ни характеристики Воспоминаній ни однимъ изъ редакторовъ не сдѣлано. Біографическій очеркъ г. Саводника написанъ нестройно и компилятивно. О Воспоминаніяхъ г. Саводникъ сказалъ, что они представляютъ „не только частный, но и болѣе общій, историческій интересъ“ и что они искренни и правдивы. Г. Сухотинъ назвалъ Воспоминанія „самымъ типичнымъ“ для Григорьева произведеніемъ. Это не очень много. Если въ примѣчаніяхъ г. Саводника не замѣтно до конца проведенной систематичности, то у г. Сухотина примѣчаній въ сущности нѣтъ. Взяты три отрывка: изъ Страхова, изъ Фета и изъ самого Григорьева. Произведеніе писателя, неизвѣстнаго громадному большинству читающихъ, требуетъ обстоятельныхъ разъясненій, или ужъ не надо никакихъ ни „примѣчаній“, ни „послѣсловій“. Пусть читатель разбирается самъ! Текстъ автобіографической замѣтки Григорьева „Краткій послужной списокъ“ напечатанъ съ пропусками, правда небольшими, но пора привыкнуть печатать съ рукописи, тамъ, гдѣ она есть, и тамъ, гдѣ это необходимо. Текстъ самыхъ Воспоминаній данъ по журналамъ *Время* и *Эпоха*. Но этотъ текстъ коварный. Плохая корректура въ журналахъ братьевъ Достоевскихъ и не всегда внимательное отношеніе гг. редакторовъ испортили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текстъ въ томъ и другомъ изданіи. Такъ, на стр. 10 изданія Некрасова напечатано „исключительной мѣры“—нужно „вѣры“; на стр. 28 „Росладъ“—„Россіадъ“; на стр. 29 „домашнихъ своръ“—„сваръ“; на стр. 31 „странную бездну“—„страшную бездну“; на стр. 127 „Собраніе разныхъ театральныхъ и литературныхъ воспоминаній Аксакова“—такой книги нѣтъ; на стр. 133 „Симеонъ Кирдяна“—„Кирдяга“; на стр. 134 „очеркахъ“—„Очеркахъ“; на стр. 134 же „возстаетъ“—„возстанетъ“; на стр. 137 редакторомъ во фразѣ „или, какъ шутилъ самъ издатель въ предисловіи, „Вѣника Грацій“ исправлено „Вѣнка грацій“, что совершенно невѣрно и доказываетъ, что редакторъ не видѣлъ самого предисловія къ альманаху „Вѣнокъ Грацій“; на стр. 156 пропущено послѣ словъ „а диссертаціею“ названіе ея „De poesia Romantica“, и т. д. [1]). Нѣкоторыя изъ указанныхъ недосмотровъ допущены также и г. Саводникомъ. Портретъ Григорьева въ изданіи бр. Башмаковыхъ взятъ съ изданія 1876 г. (Соч., т. I, ред. Страхова). Сходства, конечно, ни малѣйшаго; воспроизведеніе лубочное. Изъ 4 рисунковъ изданія К. Ф. Некрасова интересны: „А. Григорьевъ въ 50-хъ гг.“ и

---

[1]) Отмѣтимъ также одну существенную описку Г. Сухотина на стр. 249: напечатано—„Е. С. Бибиковой“, нужно—„Е. С. Протопоповой“. Бибикова—нѣчто совсѣмъ другое въ жизни Григорьева.

„Домъ Григорьевыхъ на Малой Полянкѣ“. Что касается до снимка „Ап. Григорьевъ въ юности“, то онъ воспроизведенъ не съ оригинала, а съ какой-то плохой копіи рисунка Бруни, воспроизведенъ не полностью, безъ автографовъ Григорьева, лишь съ его факсимиле. Исполненіе рисунковъ въ техническомъ отношеніи блѣдное, вялое.

Влад. Княжнинъ.

Тургеневскій Сборникъ. (Тургеневскій кружокъ подъ руководствомъ Н. К. Пиксанова.) Кн-во „Огни“. 215 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Послѣ важныхъ писемъ къ графинѣ Ламбертъ, недавно изданныхъ въ Москвѣ Г. П. Георгіевскимъ,—новое цѣнное пріобрѣтеніе тургеневской литературы, трудъ петербургскихъ курсистокъ. Въ этой книгѣ все любопытно и нужно, но въ разной степени. Наименѣе нужное въ ней—перепечатка (съ дополненіями) воспоминаній Н. А. Островской, когда-то напечатанныхъ въ провинціальной газетѣ. Эти воспоминанія любопытны и легко читаются, но такихъ воспоминаній о Тургеневѣ, и часто болѣе интересныхъ, разсѣяно въ нашей печати множество (Половцева, г-жи Луканиной, и т. п.), и едва ли слѣдовало отводить этой перепечаткѣ цѣлую треть небольшой книги, тѣмъ болѣе, что въ матеріалѣ у составителя книги, повидимому, недостатка не было. Зато всѣ остальныя статьи свѣжи и новы. Работа г-жи Малышевой, основанная на неизданной перепискѣ В. П. Тургеневой съ сыномъ, впервые выводитъ въ истинномъ свѣтѣ фигуру матери писателя и рисуетъ образъ вполнѣ жизненный, очень яркій—и діаметрально противоположный тому, который намъ издавна знакомъ по сообщеніямъ самого Тургенева, г-жи Житовой и др. Можно только пожалѣть о краткости этого очерка и о сравнительной скудости помѣщенныхъ въ немъ выдержекъ изъ писемъ Варвары Петровны [1]). Эти письма ея, пріобрѣтенныя Императорской Публичной библіотекой, должны быть изданы цѣликомъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, потому что они представляютъ вдвойнѣ большую цѣнность: какъ первостепенный источникъ для біографіи Тургенева и какъ благодарнѣйшій матеріалъ для бытового, историко-психологическаго портрета. Прекрасную находку сдѣлала г-жа Петрашкевичъ; въ библіографической литературѣ уже раньше мелькали догадки о принадлежности перу Тургенева нѣкоей французской статьи объ Александрѣ III, но самая статья оставалась неизвѣстной и авторство сомнительнымъ; г-жа Петрашкевичъ собрала указанія, неопровержимо устанавливающія авторство Тургенева, и разыскала самую статью, которую и публикуетъ здѣсь (изъ *Revue Politique et Littéraire,* 1881) въ сопровожденіи русскаго перевода. Статья Тургенева интересна не только для его біографа; въ ней *заранѣе* данъ столь вѣрный прогнозъ царствованія Александра III, такъ точно изображены его характеръ, идеи и вкусы, что съ трудомъ вѣришь ея датѣ; это не характеристика, а пророчество. Цѣнны по матеріаламъ и дѣльно составлены двѣ небольшія статьи г-жъ Богдановой и Малышевой. Первая публикуетъ, съ необходимыми поясненіями, два письма Тургенева къ его пріятелю И. И. Маслову, 1865 г., изъ которыхъ мы впервые узнаемъ хотя скудныя, но точныя свѣдѣнія о связи Тургенева (въ 1851 — 53 гг.) съ дворовой дѣвушкой

---

[1]) См. теперь статью *И. М. Малышесой* въ іюньской книжкѣ *Русской Мысли* за текущій годъ. *Ред.*

Ѳеоктистой Петровной; вторая приводитъ рядъ выдержекъ изъ неизданныхъ писемъ Тургенева къ его управляющему Кишинскому на тему: „Тургеневъ въ заботахъ о народномъ образованіи“. Но какъ ни цѣнны всѣ эти новые матеріалы, безъ сравненія важнѣйшей частью сборника является выдѣленная въ приложеніе *библіографическая* работа той же г-жи Петрашкевичъ: „Библіографія воспоминаній о Тургеневѣ“. Этотъ списокъ не исчерпывающій, но онъ очень полонъ—въ немъ 132 номера, книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей. Будь онъ даже только простымъ перечнемъ, и тогда онъ представлялъ бы уже немалую цѣнность, какъ библіографическая сводка; но онъ даетъ безконечно больше, онъ разработанъ съ такой полнотой, съ такою, можно сказать, щедростью, къ какимъ мы вовсе не привыкли: подъ каждымъ номеромъ даются, сверхъ заглавія и мѣста напечатанія, сжатое „содержаніе“, указатель писемъ Тургенева, вставленныхъ въ мемуары, и, съ указаніемъ страницъ, алфавитный указатель именъ, упоминаемыхъ въ статьѣ.

Какъ видно изъ сказаннаго, Тургеневскій Сборникъ есть серьезный вкладъ въ тургеневскую литературу. Но онъ интересенъ еще въ другомъ отношеніи. Эти статьи возникли въ связи съ работою въ „Тургеневскомъ семинаріи“, который велъ Н. К. Пиксановъ послѣдніе два года на петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Не удивительно, что курсистки съ увлеченіемъ работали надъ Тургеневымъ; но зрѣлость ихъ работъ, совершенная освѣдомленность въ литературѣ, навыкъ въ научной разработкѣ матеріала свидѣтельствуютъ о такой высокой постановкѣ семинарскихъ занятій, какую не часто можно встрѣтить и въ университетахъ. Разумѣется, опубликованіе во что бы то ни стало неизданныхъ матеріаловъ не должно составлять цѣли семинарія; но при разумномъ руководствѣ работа надъ неизданнымъ матеріаломъ повышаетъ интересъ и увлекательность занятій, чѣмъ нельзя не дорожить. Именно такъ, очевидно, ставитъ дѣло г. Пиксановъ, на новомъ матеріалѣ обучая своихъ слушательницъ строго-научной работѣ. Книгѣ предпослано очень содержательное предисловіе г. Пиксанова, намѣчающее очередныя задачи по изученію жизни и творчества Тургенева. Настоящій сборникъ—только начало; намъ обѣщаютъ рядъ другихъ работъ изъ того же семинарія, работъ важныхъ по темамъ, какъ-то: библіографію писемъ Тургенева, новую, болѣе полную, чѣмъ у г. Гутьяра, „хронологическую канву“ Тургенева, изслѣдованіе личныхъ отношеній его съ представителями западныхъ литературъ и пр. Пожелаемъ успѣха этому хорошему дѣлу. Первый опытъ даетъ право съ полнымъ довѣріемъ и съ надеждою ждать дальнѣйшихъ выпусковъ.

М. Гершензонъ.

ПРАВОВѢДѢНІЕ.

Проф. бар. С. А. Корфъ. Русское государственное право. Ч. I.—*О. І. Авербахъ.* „Законодательные акты, вызванные войною 1914 г.“. „Важнѣйшія узаконенія (1914—1915 гг.)“. „Важнѣйшія узаконенія о воинской повинности“. „Важнѣйшія узаконенія“.—*А. Г. Гойхбаргъ.* „Землевладѣніе и землепользованіе подданныхъ враждебныхъ державъ и нѣмецкихъ выходцевъ“.—*Л. М. Роговинъ.* „Налоги и сборы военнаго времени“.

Проф. бар. С. А. Корфъ. Русское государственное право. Ч. I.

Новая работа проф. С. А. Корфа преслѣдуетъ прежде всего и главнымъ образомъ цѣли учебно-вспомогательнаго характера, но такъ какъ

многіе вопросы русскаго и иностраннаго государственнаго права были уже прежде разработаны авторомъ монографически, то въ результатѣ получился трудъ, который, несмотря на нѣкоторую неизбѣжную для учебнаго пособія конспективность изложенія, съ интересомъ и не безъ пользы будетъ прочитанъ и болѣе широкими кругами русской читающей публики. Въ извѣстномъ—правда, условномъ—смыслѣ слова такая конспективность изложенія, сознательно допущенная авторомъ, даже имѣетъ свои преимущества, позволяя дать въ руки учащейся молодежи руководство, которое соединяетъ съ отсутствіемъ того, что нѣкоторые ученые склонны пренебрежительно называть „балластомъ“ цитатъ, точность и отчетливость въ изложеніи институтовъ русскаго государственнаго права.

Эти послѣднія свойства, столь выгодно отличающія новую книгу проф. С. А. Корфа, почему-то сравнительно меньше обнаруживаются въ отдѣлѣ, трактующемъ о происхожденіи государства. Такъ, напримѣръ, говоря о договорной теоріи, авторъ, можетъ быть, справедливо указываетъ, что ею въ одинаковой степени пользовались два противоположныхъ лагеря: проповѣдниковъ абсолютной власти монарха и защитниковъ правъ народа (напр., такъ называемыхъ монархомаховъ); но развѣ не было бы осторожнѣе и исторически правдоподобнѣе другое противопоставленіе: защитниковъ абсолютной власти короля и сторонниковъ сословной монархіи. Если быть особенно придирчивымъ къ новому труду плодовитаго русскаго ученаго, то можно пожалѣть и о формулировкѣ понятія общественнаго договора, которымъ, по мнѣнію автора, „обосновывались государственная власть, съ одной стороны, и обязанность повиновенія ей—съ другой“ (стр. 19). Въ этомъ утвержденіи схематизмъ изложенія поворачивается къ читателю уже своей оборотной, менѣе привлекательной стороной, оставляя неопытнаго студента въ полной неизвѣстности относительно исторически крайне важнаго различія между договоромъ о соединеніи (pactum unionis) и договоромъ о подчиненіи (pactum subjectionis).

Можно было бы сдѣлать и еще нѣсколько замѣчаній такого же характера, но къ чему безцѣльно плодить ихъ число, разъ въ конечномъ итогѣ всетаки приходится съ удовлетвореніемъ констатировать, что работа проф. С. А. Корфа даетъ въ руки русской учащейся молодежи краткое, добросовѣстно составленное и вполнѣ научное руководство?

Къ числу достоинствъ рецензируемой книги слѣдуетъ отнести и то обстоятельство, что, высказывая свое личное мнѣніе по какому-либо вопросу, авторъ менѣе всего склоненъ выдавать его за непререкаемую истину и поэтому въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ выясненіемъ своей точки зрѣнія даетъ мѣсто и изложенію господствующаго ученія.

Б. Шацкій.

О. І. Авербахъ. **„Законодательные акты, вызванные войною 1914 г.“. Вильна, 1915 г. Ц. 2 р. „Важнѣйшія узаконенія (1914—1915 гг.“). Одесса, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к. „Важнѣйшія узаконенія о воинской повинности“. Одесса, 1915 г. Ц. 60 к. „Важнѣйшія узаконенія“. Одесса. Ц. 25 к.** А. Г. Гойхбаргъ. **„Землевладѣніе и землепользованіе подданныхъ враждебныхъ державъ и нѣмецкихъ выходцевъ“. Петроградъ, 1915 г. Ц. 50 к.** Л. М. Роговинъ. **„Налоги и сборы военнаго времени“. Петроградъ, 1915 г. Ц. 75 к.**

Чрезвычайное законодательство военнаго времени, на основаніи 87 ст. осн. гос. зак., сильно разрослось. Собрать всѣ законодательные акты въ

одномъ изданіи, снабдивъ ихъ соотвѣтствующими указателями, представляется сейчасъ дѣломъ весьма желательнымъ. Спросъ на такое изданіе, повидимому, значительный; мы судимъ объ этомъ по обилію разныхъ изданій законодательныхъ актовъ, которыя попали въ наши руки, а въ нашемъ распоряженіи имѣются завѣдомо не всѣ изданія. Изъ перечисленныхъ въ заголовкѣ изданій весьма удовлетворительнымъ является вышеупомянутое изданіе А. Г. Гойхбарга, въ изданіи „Права“. Значительно уступаетъ этому изданію, но все же болѣе или менѣе удовлетворительнымъ является составленный Л. М. Роговинымъ сборникъ налоговыхъ актовъ, изданный С. Г. Цукерманъ. Достоинствомъ этого изданія по сравненію съ аналогичнымъ одесскимъ изданіемъ „Практическаго правовѣдѣнія“ является алфавитный предметный указатель, коимъ снабженъ сборникъ Л. М. Роговина.

Весьма мало пригодны для пользованія и другія интересующія насъ изданія „Практическаго правовѣдѣнія“. Просматривая наиболѣе крупный сборникъ подъ заглавіемъ „Важнѣйшія узаконенія (1914—1915 гг.)“, вы остаетесь въ полномъ невѣдѣніи, какими, собственно, соображеніями руководствовались составители, включая тотъ или другой законъ и опуская другіе. Затѣмъ составители не потрудились даже снабдить свое изданіе какими-либо указателями, облегчающими пользованіе книгой.

Съ перваго взгляда, поставленной задачѣ—дать сборникъ всего законодательства военнаго времени—какъ будто отвѣчаетъ изданіе г. Авербаха. Къ сожалѣнію, однако, и этотъ сборникъ, являющійся пока единственнымъ болѣе или менѣе полнымъ, составленъ чрезвычайно небрежно. Въ предисловіи указано, что „сборникъ заключаетъ въ себѣ акты за періодъ времени съ 16 іюля 1914 г. по февраль 1915 г.“. На самомъ дѣлѣ февральскаго законодательства въ сборникѣ нѣтъ. Вы найдете незначительное постановленіе министра финансовъ отъ 11 февраля о сохраненіи вексельной силы за обязательствами, писанными на гербовой бумагѣ существующаго образца, и не найдете законовъ 2 февраля о землевладѣніи и землепользованіи подданныхъ враждебныхъ державъ, не говоря уже о болѣе позднихъ актахъ того же февраля, какъ, наприм., о патентахъ. Затѣмъ, справочникомъ, содержащимъ 678 стр., можно пользоваться только въ томъ случаѣ, если онъ снабженъ подробнымъ предметнымъ указателемъ. Г. Авербахъ указатель составилъ, но столь невнимательно, что польза отъ этого указателя весьма сомнительна. Въ указателѣ вы найдете распоряженіе о срокѣ храненія на ст. Николаевской ж. д. арбузовъ, но нѣтъ никакихъ слѣдовъ крупнаго законодательнаго акта 11 января о выборкѣ промысловыхъ свидѣтельствъ непріятельскими подданными, положившаго основаніе ликвидаціи означенныхъ предпріятій. Законъ 20 августа (объ ограниченіи торговыхъ правъ подданныхъ иностранныхъ государствъ, не предоставляющихъ русской торговлѣ и мореплаванію равноправности съ торговлею и мореплаваніемъ наиболѣе благопріятствуемой страны), аннулирующій дѣйствіе торговыхъ договоровъ съ Германіей и Австро-Венгріей, отмѣченъ въ указателѣ малопонятнымъ терминомъ „торговыя права“. Далѣе, лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ указателѣ отмѣчены ссылки на всѣ акты, относящіеся къ соотвѣтственному предмету; въ большинствѣ же случаевъ вы этихъ ссылокъ на всѣ содержащіеся въ сборникѣ акты и относящіеся къ одному и тому же предмету не найдете. Небрежность чувствуется на каждомъ шагу.

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, почти всѣ имѣющіеся сборники законодательства, мы ни на одинъ не можемъ указать, какъ на полный и, главное, такой, какимъ можно пользоваться. А между тѣмъ, повторяемъ, такой сборникъ является сейчасъ необходимымъ. Сборники же до сихъ поръ изданные не избавляютъ отъ необходимости обращаться за разысканіемъ интересующихъ законовъ къ „Собранію узаконеній и распоряженій правительства".

Як. Розенфельдъ.

ПЕДАГОГИКА И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Родной языкъ въ школѣ. Ежемѣсячный журналъ, подъ редакціей А. М. Лебедева. №№ 1—8.

Родной языкъ въ школѣ. Ежемѣсячный журналъ, подъ редакціей А. М. Лебедева, №№ 1—8, 1914—1915 гг. Ярославль.

Первые восемь номеровъ новаго педагогическаго журнала даютъ возможность составить отчетливое представленіе о немъ, и слѣдуетъ вполнѣ сочувственно отнестись къ новому изданію. Это не первый періодическій органъ, посвященный спеціально русскому языку и словесности. Десятки лѣтъ существуютъ такіе извѣстные журналы, какъ *Филологическія Записки* въ Воронежѣ и *Русскій Филологическій Вѣстникъ* въ Варшавѣ. Въ общихъ педагогическихъ журналахъ, каковы, напр., *Русская Школа*, *Педагогическій Сборникъ*, *Вѣстникъ Воспитанія*, родному языку, естественно, отводится очень много мѣста. Однако, редакторъ-издатель новаго журнала сумѣлъ такъ поставить дѣло, что его изданіе становится необходимымъ звеномъ въ цѣпи педагогическихъ журналовъ. Свое заданіе А. М. Лебедевъ формулируетъ такъ: „Сейчасъ въ Россіи выходитъ около пятидесяти спеціальныхъ педагогическихъ изданій, не говоря уже о толстыхъ журналахъ, гдѣ преподаватель родного языка найдетъ для себя не мало интереснаго и поучительнаго. На книжномъ рынкѣ ежегодно появляется много цѣнныхъ работъ по разнообразнымъ вопросамъ воспитанія и преподаванія. Къ сожалѣнію, учитель средней и начальной школъ, занятый своимъ труднымъ и отвѣтственнымъ дѣломъ, не имѣетъ возможности по разнымъ причинамъ разобраться во всемъ этомъ книжномъ богатствѣ и быть всегда въ курсѣ современныхъ педагогическихъ исканій". Новый журналъ и ставитъ своей задачей знакомить учительство средней и начальной школы со всѣми новостями въ области родного языка и литературы, „поскольку онѣ находятъ отраженіе въ педагогическихъ журналахъ, отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ и руководствахъ и въ общей печати". Другими словами, „Родной языкъ въ школѣ" хочетъ быть „журналомъ журналовъ" въ одной спеціальной области. Нельзя не признать разумной практичности такой задачи. Что она жизненна, показываетъ примѣръ журнала „*Бюллетени литературы и жизни*", имѣющаго другую программу, но осуществляемаго тѣмъ же пріемомъ. Имѣются въ новомъ журналѣ и оригинальныя, т.-е. для него собственно написанныя, статьи, но большинство матеріала—пересказы и перепечатки изъ другихъ изданій. Редакторъ широко понимаетъ задачи такого обозрѣнія текущей печати, и въ журналѣ мы находимъ какъ статьи по разнообразнымъ вопросамъ преподаванія

языка и словесности, такъ и постоянные отдѣлы: „Литературная хроника“, „Отзывы о книгахъ“, „Новости учебной и научной литературы“, „Изъ практики преподавателя родного языка“, „Офиціальныя извѣстія и распоряженія“, списки книгъ, допущенныхъ учебными комитетами, и др. Такимъ образомъ, читатель-педагогъ держится въ курсѣ всѣхъ новостей—научныхъ, учебныхъ, общественныхъ, административныхъ, по своей спеціальности. Съ большимъ сочувствіемъ слѣдуетъ отмѣтить широкую терпимость и безпристрастіе редакціи въ спорныхъ вопросахъ, которыхъ такъ много въ педагогическомъ дѣлѣ; при обсужденіи ихъ слово предоставляется обѣимъ спорящимъ сторонамъ. Перепечатывая рецензіи на книги, редакція примѣняетъ тотъ же принципъ: audiatur et altera pars.

„Родной языкъ въ школѣ“ уже получилъ, и по заслугамъ, значительное распространеніе среди преподавателей-словесниковъ. Намъ хотѣлось бы обратить вниманіе на этотъ журналъ также родителей и воспитателей. Въ немъ мало цеховыхъ тонкостей, доступныхъ только спеціалисту; наоборотъ, много статей и матеріаловъ, полезныхъ и въ семейномъ, и даже въ общекультурномъ обиходѣ.

Н. Пиксановъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Проф. Кольраушъ. Краткое руководство къ практическимъ занятіямъ по физикѣ. Перев. подъ ред. проф. Н. П. Кастерина.—*А. Р. Хинксъ.* Астрономія. Перев. съ англ. В. Е. Мурашкинскій.—*Проф. К. Д. Покровскій.* Знаніе для всѣхъ. Нашъ вѣчный спутникъ.

Проф. Кольраушъ. **Краткое руководство къ практическимъ занятіямъ по физикѣ. Перев. подъ редакц. проф. Н. П. Кастерина. Изд. Mathesis. Одесса, 1914 г. Стр. VII+288. Ц. 2 р. 25 к.**

Труды проф. Кольрауша давно уже стали настольными для всякой лабораторіи по физикѣ; необыкновенная простота изложенія, умѣлый подборъ работъ, систематизированный матеріалъ—вотъ ихъ отличительныя черты; изд. Mathesis отчасти восполнило пробѣлъ, выпустивъ „Краткое руководство“ автора въ хорошемъ переводѣ и превосходной внѣшности. Говоримъ „отчасти“, такъ какъ полное руководство того же автора до сего времени остается непереведеннымъ на русскій языкъ. Авторъ предпосылаетъ своему труду цѣлую главу, посвященную вопросамъ измѣренія, и въ частности—объясненію системы мѣръ по тремъ основнымъ единицамъ: сантиметръ, граммъ, секунда, или какъ ее обозначаютъ CGS—система мѣръ. Тутъ же мы находимъ вполнѣ достаточное освѣщеніе вопроса объ ошибкахъ наблюденій и о возможной ихъ оцѣнкѣ. Всѣ отдѣлы физики представлены своими наиболѣе существенными опытами; въ концѣ книги приложены таблицы, вполнѣ исчерпывающія весь необходимый матеріалъ при постановкѣ практическихъ работъ по физикѣ. Можно пожелать возможно полнаго успѣха этому давно желанному переводу.

А. Лѣтникъ.

А. Р. Хинксъ, старшій ассистентъ кэмбриджской обсерваторіи. **Астрономія. Перев. съ англ. В. Е. Мурашкинскій. Книгоиздательство „Печатникъ“. Москва. Стр. 250. Ц. 95 к.**

Новое книгоиздательство, народившееся въ Москвѣ, выпустило въ свѣтъ цѣлый рядъ книгъ главнымъ образомъ по астрономіи; лежащая

передъ нами небольшая, in 8°, книжка, принадлежащая перу извѣстнаго англійскаго астронома-наблюдателя А. Р. Хинкса, даетъ очень хорошо составленный очеркъ современныхъ астрономическихъ знаній въ томъ объемѣ, который необходимъ для выясненія основныхъ законовъ этой науки. Первая глава, разсматривающая устройство обсерваторій, представляетъ особый интересъ, такъ какъ этотъ вопросъ обычно не освѣщается въ различныхъ популярныхъ книгахъ по астрономіи; здѣсь же помѣщена сводка тѣхъ требованій, которыя предъявляются обычно штату астрономовъ любой обсерваторіи. Послѣдующія главы заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о движеніи и строеніи солнца, луны, планетъ съ ихъ спутниками, кометъ, звѣздъ и туманностей. Послѣдняя глава разсматриваетъ примѣненіе астрономіи въ обыденной жизни: опредѣленіе широты и долготы мѣста, исправленіе часовъ и т. д. Книжка снабжена хорошо исполненными фотографіями астрономическихъ установокъ и различныхъ небесныхъ объектовъ. Къ сожалѣнію, переводъ неудаченъ. Можно предположить, что переводчикъ плохо знакомъ съ русскимъ языкомъ, такъ какъ только такимъ соображеніемъ можно объяснить рядъ совершенно непонятныхъ фразъ или неудобныхъ выраженій (стр. 1, 2, 3, 4, 5, 10 и т. д.).

А. Лѣтникъ.

Проф. К. Д. Покровскій. Знаніе для всѣхъ. Нашъ вѣчный спутникъ. Съ 36 рис. въ текстѣ и 2 картинами въ краскахъ. Спб., 1913 г. Стр. 32. Ц. 50 к.

Лежащій передъ нами очеркъ проф. Покровскаго посвященъ описанію спутника Земли—Лунѣ. Въ сравнительно короткомъ разсказѣ авторъ очень популярно излагаетъ всѣ наши свѣдѣнія о Лунѣ, добытыя упорнымъ трудомъ астрономовъ. Мы знакомимся здѣсь съ ученіемъ о фазахъ луны, съ объясненіемъ солнечнаго и луннаго затменій; наконецъ, получаемъ свѣдѣнія о строеніи луны, ея поверхности и о способахъ ея изученія. Книжка издана очень хорошо, а приложенныя двѣ картины въ краскахъ (затменія солнца—для земли и для луны) только увеличиваютъ цѣнность книжки.

А. Лѣтникъ.

СПРАВОЧНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Русская Ривьера. Вѣстникъ Черноморскаго побережья, Кавказа и Крыма. Журналъ курортнаго дѣла и культурно-промышленной жизни юга Россіи. №№ 1--2.

Русская Ривьера. Вѣстникъ Черноморскаго побережья, Кавказа и Крыма. Журналъ курортнаго дѣла и культурно-промышленной жизни юга Россіи. №№ 1—2. Петроградъ, 1915 г.

Давно мы владѣемъ богатымъ по природѣ побережьемъ Чернаго моря, давно раздаетъ тамъ правительство земли на льготныхъ условіяхъ частнымъ лицамъ. Но пока такъ мало тамъ благоустроенныхъ курортовъ, что массы нашихъ больныхъ для лѣченія и отдыха направлялись не туда, а за границу. Нужно было разразиться міровой войнѣ, чтобы мы вспомнили, что и у насъ имѣются прекрасныя мѣста для курортовъ. Осенью прошлаго года въ Петроградѣ образовалось всероссійское общество для развитія и усовершенствованія русскихъ лѣчебныхъ мѣстно-

стей. Общество это уже успѣло въ нѣкоторыхъ городахъ открыть свои отдѣлы. Въ первыхъ числахъ января настоящаго года состоялся въ Петроградѣ съѣздъ по улучшенію отечественныхъ лѣчебныхъ мѣстностей.

На съѣздѣ было прочитано не мало докладовъ. Тутъ же возникла мысль объ изданіи спеціальнаго органа, посвященнаго обсужденію нуждъ *Русской Ривьеры*. Правительство также выказало готовность прійти на помощь дѣлу благоустройства русскихъ курортовъ. Но все же нѣтъ увѣренности, что частная иниціатива получитъ въ данномъ случаѣ широкое развитіе. Все дѣлается какъ будто безъ строго продуманнаго плана, безъ достаточной организаціи мѣстныхъ общественныхъ силъ.

Новый журналъ предлагаетъ для развитія мѣстной самодѣятельности преобразовать упрощенныя самоуправленія въ „нормальныя общественныя самоуправленія“, но тутъ же спѣшитъ прибавить, что „гдѣ таковыхъ не будетъ, на обязанности соотвѣтственныхъ правительственныхъ учрежденій лежитъ принятіе мѣръ, клонящихся къ развитію и улучшенію курортовъ“. Безъ благодѣтельнаго начальства журналъ какъ будто не можетъ представить себѣ благоустройства курортовъ.

Что сказать о самомъ журналѣ? Онъ, по всѣмъ видимостямъ, робкое начинаніе. Первый № долженъ былъ выйти въ январѣ, а вышелъ только въ маѣ, и притомъ въ видѣ двойного выпуска (№ 1—2). При этомъ редакція добавляетъ, что къ концу года, можетъ быть, выйдутъ не всѣ 12 №№. Почти вся книжка посвящена только Туапсе, приморскому пункту Черноморскаго побережья, который соединенъ съ владикавказской жел. дорогой рельсовымъ путемъ, но правильное движеніе по этому пути все не можетъ до сихъ поръ открыться, и даже неизвѣстно, когда откроется. О Крымѣ въ журналѣ говорится очень мало, а о Закавказьѣ почти ничего не сказано.

Желательно, чтобы редакція всѣ подобные дефекты устранила въ дальнѣйшей своей дѣятельности, такъ какъ въ обществѣ дѣйствительно существуетъ насущная потребность выслушать здравыя сужденія и получить поболѣе свѣдѣній о такихъ богатыхъ нашихъ окраинахъ, какъ Кавказъ и Крымъ.

Журналъ снабженъ немалымъ числомъ иллюстрацій и чертежей, и все же намъ кажется, что цѣна на журналъ назначена нѣсколько высокая: въ годъ—6 р., за №—60 коп. Первый двойной № представляетъ собой небольшого объема тетрадку въ 42 страницы.

Г. Тумановъ.

Книжныя новости.

(Вышедшія по 9-е іюня 1915 года.)

I. Литература.

§ 1. Беллетристика: а) русская; б) переводная. § 2. Языковѣдѣніе. § 3. Теорія словесности. § 4. Исторія всеобщей литературы. § 5. Исторія русской литературы. § 6. Критика; библіографія.

§ 1. **Аверченко, А.** Чернымъ по бѣлому. Разсказы. Петроградъ, 1915. Изд. 8-е, журн. „Нов. Сатириконъ". 207 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Альманахи стиховъ. Вып. I. Подъ ред. Дмитрія Цензора. Петроградъ, 1915. Изд. из-ва „Цѣвница". 32 стр. Ц. 40 к.

А. П. К. Народныя пѣсни, записанныя въ Подольской губерніи (съ приложеніемъ пословицъ, поговорокъ и пр.). Одесса, 1915. Изд. автора. 65 стр. Ц. 50 к.

Архиповъ, Е. Миртовый вѣнецъ. М., 1915. Изд. кн-ва „Жатва". 86+5 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к.

Арцыбашевъ, М. Ревность. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Универсальная библіотека, № 968. Изд. кн-ва „Польза". 123 стр. Ц. 10 к.

Блокъ, А. Стихи о Россіи. Петроградъ, 1915. Изд. журн. „Отечество". 43 стр. Ц. 40 к.

Брусянинъ, В. Опустошенныя души. М., 1915. Изд. московскаго кн-ва. 268+16 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Будищевъ, Ал. Лунный свѣтъ. Разсказъ. М., 1915. Изд. московскаго кн-ва. 296+16 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Буховъ, А. Тихія непріятности. Юмористическіе разсказы. Петроградъ, 1915. 191 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Вербицкая, А. Огни заката. Романъ въ 3-хъ книгахъ. Продолженіе романа Иго любви. Ч. I и II. М., 1915. 171+1 нен. стр. Ц. 1 р. 60 к.

Влагинъ, М. Разсказы. На зарѣ жизни. Рождественскій дѣдъ. Исторія. Благодарная. Весною. Петроградъ, 1915. Изд. „Лукоморье". 166 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Въ годъ войны. Сборникъ. Артистъ солдату. Подъ ред. Л. Ю. Рахмановой и А. В. Руманова. Петроградъ, 1915. Изд. „Уніонъ". 284 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Гаринъ-Михайловскій, Н. Въ сутолокѣ провинціальной жизни. Полное собраніе сочиненій. Т. VIII. Петроградъ, 1915. Изд. „Освобожденіе", 3-е. 267 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Гребенщиковъ, Г. Въ просторахъ Сибири. Повѣсти и разсказы. Т. II. Петроградъ, 1915. Изд. из-ва писателей. 293 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Грей, С. Исторія Римскаго Права. (Укромный уголокъ.) Картинка въ 1 дѣйствіи. Кіевъ, 1915. И. И. Самоненко. 9 стр. Ц. 25 к.

— Кривое зеркало. Этюдъ въ 1 дѣйствіи. Кіевъ, 1915. Изд. И. И. Самоненко. 11 стр. Ц. 25 к.

— Первая защита. Шутка въ 1 дѣйствіи (2 картины). Кіевъ, 1915. Изд. И. И. Самоненко. 12 стр. Ц. 25 к.

— Передъ развязкой. Драматическій эскизъ въ 1 дѣйствіи. Кіевъ, 1915. Изд. И. И. Самоненко. 9 стр. Ц. 25 к.

— Подарокъ молодымъ хозяйкамъ. Комедія въ 1 дѣйствіи. Кіевъ, 1915. Изд. И. И. Самоненко. 12 стр. Ц. 25 к.

— Пожара угасшаго искры... Драматическій этюдъ въ 1 дѣйствіи. Кіевъ, 1915. Изд. И. И. Самоненко. 15 стр. Ц. 40 к.

Грибоѣдовъ, А. С. Горе отъ ума. Комедія въ 4 дѣйствіяхъ. Текстъ комедіи, объяснительный словарь къ ней, біографія А. С. Грибоѣдова, его портретъ, крити-

ческіе отзывы Пушкина, Гоголя и Бѣлинскаго. Кіевъ, 1915. Изд. П. И. Бондуреръ. XXI+127 стр. Ц. 20 к.

Nemo (В. В. Григорьевъ). Долина смерти. (Легенда изъ временъ Александра Македонскаго.) Ташкентъ, 1914. 101 стр. Ц. 50 к.

Григорьевъ, А. Мои литературныя и нравственныя скитальчества. Съ послѣсловіемъ и примѣчаніями П. Сухотина. М.-Ярославль, 1915. Изд. К. Ф. Некрасова. 253+1 нен. стр. Ц. 1 р.

Голицынъ, Н. К. Смерть и воскресеніе. Драма въ 2 дѣйствіяхъ. Орѣхово, 1915. Изд. кн. маг. Е. М. Палладиной. 28 стр. Ц. 10 к.

Головина, М. Ѳ. Стихотворенія. Петроградъ, 1915. 25 стр.

Городецкій, С. Стихотвореніе съ примѣчаніями А. С. Пушкину. Петроградъ, 1915. Изд. книг-ва „Краса". 17+4 нен. стр. Ц. 60 к.

Гуліевъ, М. За свободу. Драма въ 1 дѣйствіи. Изъ современныхъ событій во Франціи. Тифлисъ, 1915. Изд. Г. С. Маркозова. 31 стр. Ц. 15 к.

Гуревичъ, И. Сигнальныя ракеты. Юмористическіе разсказы. Петроградъ, 1915. Изд. журн. „Новый Сатириконъ". 140 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Долиновъ, М. Радуга. Элегіи, идилліи, буколики, оды и мадригалы. Петроградъ, 1915. Изд. „Лукоморье". 63 стр.

Егоровъ, Е. Третій сборникъ. (Армейскіе разсказы, очерки и шаржи.) Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, В. А. Березовскаго. 240 стр. Ц. 1 р.

Залѣскій, В. Ф., проф. Отклики войны (десять стихотвореній). Казань, 1915. 31 стр. Ц. 20 к.

Ивановъ, Г. Памятникъ славы. Стихотворенія. Петроградъ, 1914. Изд. „Лукоморье". 79 стр. Ц. 1 р.

Икскуль, В. Я., баронъ. Полное собраніе сочиненій. Т. VIII. Стихи. Перев. Вл. Волынцева. Ревель, 1915. 95 стр. Ц. 1 р.

Ирасекъ, А. Песьи головы. Война и народъ. № 12. Петроградъ, 1915. Изд. М. Н. Слѣпцовой. 107 стр. Ц. 28 к.

Ковальскій, К. Жизнь—мгновенье. Военные разсказы. Въ осажденной крѣпости. Гуси. Ушли. Универсальная б-ка, № 585. М., 1915. Изд. 2-е, кн-ва „Польза". 94 стр. Ц. 10 к.

Козловъ, П. Разсказы. Петроградъ, 1915. 113 стр. Ц. 1 р.

Колесниковъ, Н. Сказки войны. Эскизы и аккорды. Казань, 1915. Изд. автора. 88 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Короленко, В. Очерки и разсказы. Кн. II. 1) Рѣка играетъ. 2) На затменіи. 3) Атъ-Даванъ. 4) Черкесъ. 5) За иконой. 6) Ночью. 7) Тѣни. 8) Судный день (Іомъ-кипуръ). Петроградъ, 1915. Изд. 10-е. 370 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Короленко, В. Очерки и разсказы. Кн. III. Огоньки. Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегулы. Парадоксъ. Государевы ямщики. Морозъ. Послѣдній лучъ. Марусина заимка. Мгновеніе. Въ облачный день. Петроградъ, 1915. Изд. 6-е, редак. журн. „Русское Богатство". 337 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Кошкаровъ, С. Н. Набатъ (часть первая), 13. М., 1915. Изд. Суриковскаго литер.-музык. кружка въ Москвѣ. 40 стр.

Криницкій, М. Вами казненный. Романъ. М., 1915. Изд. „Современная б-ка". 215+1 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Кудринскій (Богданъ Степанецъ). Первый урокъ о любви. Разсказы. Образцовая б-ка. Вильна, 1915. Изд. кн-ва „Эдиторъ". 71 стр. Ц 15 к.

Кудрявцевъ, В. Первая ласточка. Сборникъ поэзій. Полтава, 1915. 42 стр.

Купринъ, А. И. Осенніе цвѣты. Сантиментальный романъ. Черный туманъ. Господня рыба. Универсальная б-ка, № 1041. М., 1915. Изд. кн-ва „Польза". 58 стр. Ц. 10 к.

Курловъ, Е. Полымя. М., 1915. Изд. кн-ва „Жатва". 47+5 нен. стр. Ц. 2 р.

Кушнеръ, Б. Тавро вздоховъ. Поэма. Заставка и марка работы М. Синяковой. М., 1915. Изд. кн-ва „Авентюра". 16 стр. Ц. 50 к.

Лажечниковъ, И. И. Басурманъ. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Петроградъ, 1915. Изд. М. О. Вольфъ, 7-е. 276+279 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

— Ледяной домъ. Романъ въ 4-хъ частяхъ, Петроградъ, 1915. Изд. т-ва М. О. Вольфъ, 6-е. 250 + 242 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Лаппо-Данилевская, Н. А. Русскій баринъ. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е. 479 стр. Ц. 2 р.

Лауринъ, Ев. Только о ней. Стихи. М., 1915. 14 стр. Ц. 20 к.

Лебедевъ, И. В. (Дядя Ваня.) Гладіаторы нашихъ дней. Сборникъ разсказовъ. Петроградъ, 1915. Изд. кн-ва „Рубиконъ". 189 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

Ленскій, Вл. Любовь - мечта. Повѣсти и разсказы. М., 1915. Изд. московск. изд. 230+17 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Иллюстрированное полное собраніе сочиненій. Редакція В. В. Каллаша. Т. IV. М., 1915. Изд. „Печатникъ". IX+330 стр. Съ рис.+13 лист. рис.

Ложкинъ, Н. Л. Годы прозы. Стихи. Вильна, 1915. 18 стр.

Магская, В. А. Реквіемъ (женскіе силуэты). Петроградъ, 1915. 32 стр. Ц. 40 к.

Маръ, А. Тебѣ Единому согрѣшила. Ро-

манъ. М., 1915. Изд. „Наши Дни“. 108+4 нен. стр. Ц. 1 р.

Маръ, А. Тебѣ Единому согрѣшила. Повѣсть. Петроградъ, 1915. Изд. кн-ва „Прометей“. 147+12 нен. стр. Ц. 80 к.

Мейснеръ, А. Ф. Въ паутинѣ религій. Думы и краски. Шестая книга стиховъ. Петроградъ, 1915. Изд. об-ва „Ars“. 92 стр. Ц. 80 к.

Мельниковъ, П. И. (Андрей Печерскій). На горахъ. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Т. I и II. Петроградъ, 1915. Изд. 6-е, товар-ва М. О. Вольфъ. 568+483 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Невскій Альманахъ. Жертвамъ войны писатели и художники. Петроградъ, 1915. Изд. о-ва русск. писателей для помощи жертвамъ войны. 102 стр.+17 лист. рис. Ц. 1 р. 50 к.

Никитинъ, И. С. Полное собраніе сочиненій и писемъ. Провѣренный по рукописямъ и первопечатнымъ источникамъ текстъ и варіанты. Подъ ред. съ біограф. очеркомъ, статьями и примѣчаніями А. Г. Ѳомина. Вступительная статья Ю. И. Айхенвальда. Т. III. Петроградъ, 1915. Изд. товар-ва „Просвѣщеніе“. 416 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Орская-Ардарова, А. Около счастья. Разсказы. Петроградъ, 1915. 119 стр. Ц. 1 р.

Остенъ-Сакенъ, Е., бар. Рожд. Зыбина. Поэма дѣтства. Петроградъ, 1915. 47 стр. Ц. 50 к.

Пингукъ, Н. Исканья (третья книга стиховъ). Съ предисловіемъ Леонида Андреева. Петроградъ, 1915. Изд. кн-ва „Молодыхъ“. 29 стр. Ц. 45 к.

Потапенко, Н. Пламя вѣчное. Петроградъ, 1915. 138 стр. Ц. 1 р.

Ренниковъ, А. Сѣятели вѣчнаго. Сатирическій романъ. 1915. Изд. 2-е. 347 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Рославлевъ, А. Солдатъ и черти. (Новыя сказки въ стихахъ.) Ярославль, 1915. Изд. К. Ф. Некрасова. 16 стр.

— Царь Лукоперъ. (Новая сказка въ стихахъ.) Ярославль, 1915. Изд. К. Ф. Некрасова. 16 стр.

Ростовцевъ, А. Миніатюры военной жизни. Разсказы. Образцовая б-ка, № 71. Вильна, 1915. 43 стр. Ц. 10 к.

Русскіе—героямъ Сербіи и Черногоріи. Литературно-художественный альманахъ. Подъ ред. Ив. Лазаревскаго. М., 1915. Изд. Д. Я. Маковскаго. 58 стр. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к.

Савельевъ, И. Г. Народныя пѣсни и частушки. Съ портретомъ и біографіею автора. Петроградъ, 1915. Изд. И. Г. Малмыго, 5-е, испр. и доп. 63 стр. Ц. 75 к.

Сборникъ „Лукоморье“. Военные разсказы. Петроградъ, 1915. Изд. кн-ва „Лукоморье“. 340 стр. Ц. 2 р.

Сладкопѣвцевъ, В. В. Мои разсказы. Т. I. М., 1915. Изд. 2-е. 184+6 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

„Слово“. Сборникъ четвертый. Бунинъ, Ив. Весенній вечеръ. Зайцевъ, Б. Мать и Катя (повѣсть). Толстой, А. Н., гр. Четыре вѣка. Яблочковъ, Г. Въ плѣну (повѣсть). Треневъ, К. Мокрая балка. Сургучевъ, И. Пѣсни о любви (повѣсть). Вересаевъ, В. Марья Петровна. М., 1915. Изд. 2-е, кн-ва писателей въ Москвѣ. 292 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Сочъ, А. Германіада (Иліада XX вѣка). М., 1915. Изд. т-ва И. М. Машистова. 16 стр. Ц. 5 к.

Строевъ, В. Переломъ. Третья часть романа Надрывъ. М., 1915. Изд. универсальнаго кн-ва А. А. Столяръ. 252 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Сургучевъ, И. Осеннія скрипки. Пьеса въ 5-ти дѣйствіяхъ. Петроградъ, 1915. Изд. журн. „Театръ и Искусство“. 39 стр.

Тарханова, Н. и Шагіахметовъ, И. Драма брака. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Петроградъ, 1915. 84 стр. Ц. 70 к.

Телешовъ, Н. Книга вторая. Черною ночью. Разсказы. М., 1915. Изд. 2-е, кн-ва писателей въ Москвѣ. 231+9 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Толстой, А. Н., гр. Дни войны. Обыкновенный человѣкъ. Старушенка. Все полетѣло кверхъ ногами. Разсказы. Универсальная б-ка, № 1032. М., 1915. Изд. кн-ва „Польза“. 55 стр. Ц. 10 к.

— Хромой баринъ. Романъ. Универсальная б-ка, № 1034—1036. М., 1915. Изд. кн-ва „Польза“. 225 стр. Ц. 10 к.

Толстой, Л. Н. Собраніе сочиненій. Редакція, выступительныя статьи и примѣчанія А. М. Хирьякова. Серія II. Т. IX. Петроградъ, 1915. Изд. кн-ва т-ва „Просвѣщеніе“. 382 стр. Съ 1 портр. Ц. 1 р.

Трилицкій, В. М. Человѣкъ общества. Романъ. Петроградъ, 1915. 261 стр. Ц. 2 р.

Тэффи. Карусель. Петроградъ, 1915. Изд. 3-е, „Новый Сатириконъ“. 202 стр. Ц. 1 р. 25 к.

— Юмористическіе разсказы. Кн. I. Петроградъ, 1915. Изд. 8-е, „Шиповникъ“. 220 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Урванцевъ, Л. Вѣра Мирцева (уголовное дѣло). Пьеса въ 4-хъ актахъ. Петроградъ, 1915. Изд. „Театръ и Искусство“. 58 стр.

Цѣхановичъ, А. Н. Лишніе люди. Романъ. Петроградъ, 1915. Изд. Н. И. Холмушина. 134+56 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Чернобаевъ, И. К. Стихотворенія. М., 1915. 138 стр.

Шебуевъ, Н. Собраніе сочиненій. Т. III. Дьяволица. Чрезвычайно уголовный романъ. Петроградъ, 1915. Изд. М. И. Семенова. 244 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Шмелевъ, И. На томъ берегу. Непастье.

Въ деревнѣ. Универсальная б-ка, № 1020. М., 1915. Изд. кн-ва „Польза“. 67 стр. Ц. 10 к.

Этманъ, Ю. А. Мендель Шнеерсонъ. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Вильна, 1915. 30 стр.

Юшко, В. К. Вѣнокъ героямъ. Сборникъ стихотвореній. Одесса, 1915. Изд. 2-е, значительно доп. XIII+289+8 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Яворскій, Ю. А. Памятники галицко-русской народной словесности. Легенды, сказки, разсказы и анекдоты. Вып. I. (Записки Императорскаго русскаго географическаго общ-ва по отдѣленію этнографіи. Т. XXXVII. Подъ ред. А. А. Шахматова.) Кіевъ, 1915. 336 стр.

§ 1б. Бьернстьерне-Бьернсонъ. Когда цвѣтетъ новое вино. Комедія. Пер. съ норвеж. Я. Сегаль. Универсальная б-ка, № 324. М., 1915. Изд. 2-е, кн-ва „Польза“. 95 стр. Ц. 10 к.

Вальми, П. Погоня за любовью. Романъ. Пер. съ франц. Бр. Рунтъ. Съ предисл. В. Брюсова. Универсальная б-ка, № 1005—1007. М., 1915. Изд. кн-ва „Польза“. 266 стр. Ц. 30 к.

Винниченко, В. Божки. Романъ. Ч. I. Авторскій переводъ съ украинскаго. 243+14 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к. Ч. II. М., 1915. Изд. моск. кн-ва. 243+14 нен. стр.

Гамсунъ, Кнутъ. Новь. Романъ. Пер. съ норвежск. М. П. Благовѣщенской. Универсальная б-ка, № 341—344. М., 1915. Изд. 4-е, акц. общ. универсальная б-ка. 318+2 нен. стр. Ц. 40 к.

— Подъ осенними звѣздами. Разсказъ странника. Пер. съ норвежск. Я. Сегель. Универсальная б-ка, № 129—130. М., 1915. Изд. 4-е, кн-ва „Польза“. 163 стр. Ц. 20 к.

— Послѣдняя отрада. Пер. съ норвеж. М. Благовѣщенской и А. Каарана. Универсальная б-ка, № 936—938. М., 1915. Изд. кн-ва „Польза“. 304 стр. Ц. 30 к.

Гедеванишвили, І. Свѣтъ (Синатле). Сказка-феерія въ 3-хъ дѣйств. и 7 карт. Пер. съ грузинск. стихами. Ник. Реулло. Тифлисъ, 1915. Изд. Гедеванишвили. 76 стр. Ц. 30 к.

Гюго, В. Несчастные. Собраніе сочиненій. Т. X. Подъ ред. П. Когана. Ч. III. Марій. Спб., 1914. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“. Ц. 1 р. 25 к.

Джеромъ, К. Джеромъ. Человѣкъ, который не вѣрилъ въ счастье. Юмористическіе разсказы. Пер. съ англ. В. Ногина. Универсальная б-ка, № 1046. М., 1915. Изд. кн-ва „Польза“. 84 стр. Ц. 10 к.

Золя, Э. Нана. Романъ. Пер. съ франц. А. С. Б. Петроградъ, 1915. Изд. 3-е, Н. И. Холмушина. 353 стр. Ц. 1 р. 51 к.

Ибаньесъ-Бласко, В. Мертвые повелѣваютъ. Романъ. Пер. съ испанск. Л. Б. Хавкиной. Универсальная б-ка. М., 1915. Изд. кн-ва „Польза“, 2-е. 332+4 нен. стр. Ц. 40 к.

Ибсенъ, Г. Брандъ. Драматическая поэма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Пер. Г. Галиной. Универсальная б-ка, № 143—149. М., 1915. Изд. 2-е, кн-ва „Польза“. 230 стр. Ц. 20 к.

Кастельнуово, Энрико. Рыцари непорочной. Новеллы. Пер. съ итальян. Н. Багатуровой. Универсальная б-ка, № 767. М., 1915. Изд. 2-е, книг-ва „Польза“. 96 стр. Ц. 10 к.

Келлерманъ, Б. Ингеборгъ. Романъ. Пер. съ нѣм. В. А. Восходова. Универсальная б-ка, № 251—253. М., 1915. Изд. 4-е, кн-ва „Польза“. 238 стр. Ц. 30 к.

Крагъ, Томасъ. Стефанъ Іёрнъ. Собака. Авторизованный пер. съ датск. Я. Сегаль. Универсальная б-ка, № 714. М., 1915. Изд. 2-е, кн-ва „Польза“. 91+1 нен. стр. Ц. 10 к.

Лондонъ, Д. Морской волкъ. Романъ. Пер. съ англ. С. Займовскаго. Универсальная б-ка, № 840—843. М., 1915. Изд. кн-ва „Польза“, 2-е. 409+2 нен. стр. Ц. 40 к.

— Путешествіе на „ослѣпительномъ“. Повѣсть. Пер. съ англ. В. Романова. Собраніе сочиненій, съ предисловіемъ Леонида Андреева. Т. XVIII. Петроградъ, 1915. Изд. „Прометей“ И. И. Михайлова. 197 стр. Ц. 1 р.

Лукіанъ. Сочиненія. Біографія. Религія. Переводъ членовъ студенческаго общества классической филологіи при петроградскомъ университетѣ. Подъ ред. Ѳ. Зѣлинскаго и Б. Богаевскаго. (Памятники міровой литературы. Античные писатели.) М., 1915. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. VI+319+1 нен. стр. Ц. 2 р. 25 к.

Мирбо, О. Очагъ. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. (Съ приложеніемъ дѣйствія, выпускаемаго при представленіи.) Единственный разрѣшенный авторомъ переводъ съ франц. В. Бинштока и З. Венгеровой. Универсальная б-ка, № 259 — 260. М., 1915. Изд. 2-е, кн-ва „Польза“. 159 стр. Ц. 20 к.

Мопассанъ, Гюи, де. Иветта. Перев. съ франц. С. Лоріе. Универсальная биб-ка, № 720. М., 1915. Изд. 3-е, кн-ва т-ва „Польза“. 91 стр. Ц. 10 к.

— Миссъ Гэрріетъ. Разсказы. Пер. съ франц. Э. Пименовой. Универсальная б-ка, № 1037. М., 1915. Изд. кн-ва „Польза“. 87+1 нен. стр. Ц. 10 к.

— Монтъ-Оріолъ. Перев. съ франц. М. Шишмаревой Универсальная биб-ка, № 1011—1014. М., 1915. Изд. „Польза“. 402+2 нен. стр. Ц. 40 к.

— Нездѣшній (Le Horla). Разсказы. Перев. съ франц. П. Кожевникова. Уни-

версальная б-ка, № 717. М., 1915. Изд. 3-е, книг-ва „Польза“. 94+2 нен. стр. Ц. 10 к.

Прево, М. Мѣщаночка. Разсказъ. Пер. съ франц. Л. Горбуновой. Универсальная б-ка, № 212. М., 1915. Изд. 3-е, кн-ва „Польза“. 72 стр. Ц. 10 к.

Пшибышевскій, С. Пляска любви и смерти. I. Золотое руно. II. Гости. Пер. съ польск. Е. и И. Леонтьевыхъ. Универсальная б-ка, № 73. М., 1915. Изд. 3-е, кн-ва „Польза“. 96+4 нен. стр. Ц. 10 к.

— Синагога Сатаны. Перев. съ нѣмец. А. Койранскаго. Универсальная б-ка, № 254. М., 1915. Изд. 3-е, кн-ва „Польза“. 90 стр. Ц. 10 к.

Ржимовскій, В. Варшава—Россіи. Пер. съ польск. Варшава, 1915. 29 стр.

Сетэлэ, Хельми. Дитя горя. Перев. съ финск. М. П. Благовѣщенской. Универсальная б-ка, № 355. М., 1915. Изд. 3-е, кн-ва „Польза“. 76 стр. Ц. 10 к.

Тагоръ, Р. Гитанджали. Жертвопѣсни. Пер. подъ ред. Ю. Балтрушайтиса. Собраніе сочиненій. Кн. I. М., 1915. Изд. 2-е, В. Португалова. 125 стр. Ц. 60 к.

— Изъ жизни Бенгаліи. Разсказы. Пер. А. И. и А. Ѳ. Слудскихъ. М., 1915. Изд. В. Португалова. 314 стр. Ц. 1 р. 30 к.

— Лирика любви и жизни (Садовникъ). II. Читра. Перев. В. Спасской. М., 1915. Изд. кн-ва „Соврем. Проблемы“. 205 стр. Ц. 75 к.

— Почта. Пьеса. Перев. М. Родонъ. М., 1915. Изд. В. Португалова. 75 стр. Ц. 30 к.

— Садхана. Постиженіе жизни. Пер. В. Погосскаго. Собраніе сочиненій. Кн. X. М., 1915. Изд. 2-е, В. Португалова. 208 стр. Ц. 1 р.

— Собраніе сочиненій. Кн. III. Лунный серпъ. Поэмы о счастьѣ. Перев. М. Ликіардопуло. М., 1915. Изд. В. Португалова, 2-е. 90 стр.+7 лист. рис. Ц. 60 к.

Уайльдъ, О. Легкомысленная комедія для серьезныхъ людей (тривіальная комедія). (Какъ важно быть серьезнымъ.) Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Перев. съ англ., исправленный и сокращенный М. Ликіардопуло. М., 1915. Изд. театр. б-ки бывшей М. А. Соколовой. 64 стр.

Уэллсъ, Дж. Г. Освобожденный міръ. Повѣсть о человѣчествѣ. Авторизованный переводъ съ англ. М. Ликіардопуло. Универсальная б-ка, №1016—1018. М., 1915. Изд. кн-ва „Польза“. 311 стр. Ц. 30 к.

§ 2. **Богородицкій, В. А.,** проф. Лекціи по общему языковѣдѣнію. Казань, 1915. Изд. 2-е, доп. II+332 стр. Ц. 2 р.

Корвинъ-Веледницкій, Д. І. Международный языкъ, критика „Эсперанто“ и алфавиты. Тифлисъ, 1915. Изд. автора. 16 стр. Ц. 20 к.

Ушаковъ, Д. Н. Краткое введеніе въ науку о языкѣ. М., 1915. Изд. В. С. Спиридонова, 2-е. 120 стр. Ц. 65 к.

§ 3. **Гинцбургъ, Д. Г.** О русскомъ стихосложеніи. Опытъ изслѣдованія ритмическаго строя стихотвореній Лермонтова. Подъ ред. и съ предисловіемъ Г. М. Князева. Петроградъ, 1915. LXIII+268 стр. Съ 1 портр.

Поповъ, А. Методика русскаго языка. М., 1915. Изд. бр. Башмаковыхъ, 4-е, испр. и доп. 261+3 нен. стр. Ц. 1 р. 20 к.

§ 4. Исторія чешской литературы. Казань, 1915. 96 стр.

Исторія сербской литературы. Сербохорватская литература. Казань, 1915. 71 стр.

Лаутенбахъ, Я. И. Очерки изъ исторіи литовско-латышскаго народнаго творчества. Опытъ сравнительнаго изученія. Параллельные тексты и изслѣдованія. Юрьевъ, 1915. XVII+15 стр.

Погодинъ, А. Л., проф. Лекціи по исторіи польской литературы съ извлеченіями изъ писателей и пособій. Харьковъ, 1915. 765 стр.

Розановъ, М. Н., проф. Исторія англійской литературы XIX вѣка. Пособіе къ лекціямъ, читаннымъ въ университетѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ въ 1914—15 ак. году. М., 1915. 196 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Энциклопедія славянской филологіи. Подъ редак. ордин. акад. И. В. Ягича. Вып. IV_1. П. А. Лавровъ. Палеографическое обозрѣніе кирилловскаго письма. Вып. IV_2. Е. Калужняцкій. Кирилловское письмо у румынъ. Петроградъ, 1914. Изд. отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Ак. Наукъ. 342+22 стр. Съ рис. Ц. 3 р.

§ 5. **Венгеровъ, С.,** проф. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. (Отъ начала русской образованности до нашихъ дней.) Т. I. Вып. I—III. Предварительный списокъ русскихъ писателей и ученыхъ и первыя о нихъ справки. (Ааронъ-Куликовъ.) Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, перер. LXIX+436 стр. Съ XVIII табл. рис. Ц. 6 р.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. XIII. М., 1915. Изд. т-ва „Міръ“. 113—192 стр.

Миллеръ, О. Русскіе писатели послѣ Гоголя. Чтенія, рѣчи и статьи. Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ проф. И. А. Шляпкина. Т. II. Н. А. Гончаровъ. А. Ѳ. Писемскій, М. Е. Салтыковъ, гр. Л. Н. Толстой. Петроградъ, 1915. Изд. 6-е, т-ва М. О. Вольфъ. IV+443 стр. Съ портр. Ц. 1 р. 75 к.

Покровскій, В. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ, его жизнь и сочиненіе. Сбор-

никъ историко-литературныхъ статей. М., 1915. Изд. 2-е, доп. 552 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Саводникъ, В. Забытыя страницы И. С. Тургенева. М., 1915. 16 стр. Ц. 20 к.

Семенниковъ, В. П. Матеріалы для исторіи русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. На основаніи документовъ архива конференціи Императорской Академіи Наукъ. Спб., 1914. 161 стр.

Энгельгардтъ, Н. Исторія русской литературы XIX столѣтія. Т. II. 1850—1900. (Критика, романъ, поэзія и драма.) Съ приложеніемъ: синхронистической таблицы, хронологіи писателей, полной библіографіи алфавитнаго указателя къ обоимъ томамъ и очерка развитія формъ направленій новѣйшей русской литературы. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, испр. и доп. VIII+692 стр. Ц. 3 р. 50 к.

§ 6. **Григорьевъ, А.** Собраніе сочиненій. Подъ ред. В. Ѳ. Саводника. Вып. II. О національномъ значеніи творчества А. Н. Островскаго. (Двѣ статьи.) М., 1915. 61 стр.

— Собраніе сочиненій. Подъ ред. В. Ѳ. Саводника. Вып. XIV. Русскія народныя пѣсни съ ихъ поэтической и музыкальной стороны. М., 1915. IV+60 стр. Ц. 30 к.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Т. V. Герценъ, Бѣлинскій, Добролюбовъ, Михайловскій, Короленко, Чеховъ, Горькій, Андреевъ. Петроградъ, 1915. Изд. И. Л. Овсянико-Куликовской, 2-е, доп. 210 стр. Ц. 1 р.

II. Философія.

§ 1. Гносеологія, онтологія, этика, философія религіи. § 2. Исторія философіи. § 3. Логика. § 4. Психологія. § 5. Педагогика.

§ 1. **Боголюбскій, Н. И.,** прот. Вопросъ о міровоззрѣніи въ виду современной войны. Христіанство, какъ вѣчный и животворный источникъ правильнаго міровоззрѣнія. М., 1915. Изд. Златоустов. религ. филос. кружка. 19 стр. Ц. 15 к.

Брорсъ, Ф. Сомнѣнія старыхъ и юныхъ. Бесѣды доктора, профессора и студента. Пер. Ф. А. Гильберта. Подъ ред. А. Введенскаго. Одесса, 1915. 295 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Гонтаревъ, Д. А. О взаимодѣйствіи матеріи. Варшава, 1915. 207 + 3 нен. стр.

Минковскій, Г. Пространство и время. Пер. У. В. Яшунскій. Съ біографическ. очеркомъ. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, кн-ва „Физика“. 55 стр. Съ 1 портр. Ц. 45 к.

Нравственныя обязанности человѣка. (Краткій катехизисъ.) Перев. съ англ. М. Э. Михайлова. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, В. И. Губинскаго. 48 стр. Ц. 15 к.

Пѣвницкій, П. И. Религія. (Сборникъ статей.) Елецъ, 1915. 60 стр.

Смайльсъ, С. Долгъ (duty). Пер. Н. Надеждина. Спб., 1914. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 396 стр. Ц. 75 к.

— Жизнь и трудъ. (Life and labour.) Пер. А. Н. Линдегренъ. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, М. О. Вольфъ. 493 стр. Ц. 75 к.

Тихомировъ, Л. А., Ѳеофанъ, еп. Альтруизмъ и христіанская любовь. Приложеніе: Мысли преп. Исаака Сирина о христіанской любви, милосердіи и милостынѣ. Религіозно-философская б-ка. Вып. IX. Сергіевъ посадъ, 1915. Изд. 2-е. 63+1 нен. стр. Ц. 20 к.

Циглеръ, Генрихъ Эрнстъ, проф. Инстинктъ. Понятіе инстинкта прежде и теперь. Пер. съ нѣм. М. А. Энгельгардта. Б-ка знанія. Петроградъ, 1915. Изд. П. П. Сойкина. 128 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Штейнеръ, Р. Теософія. Введеніе въ сверхчувственное познаніе міра и назначенія человѣка. Петроградъ, 1915. Изд. „Духовное знаніе“. 185 стр. Ц. 1 р. 25 к.

§ 2. **Поповъ, А.** Таблицы по исторіи философіи. Таблица II. Средневѣковая философія. Таблица IV. Послѣ-кантовская философія. Петроградъ, 1915. 2 табл.

Трубецкой, С. Н., кн. Курсъ исторіи древней философіи. Ч. I. М., 1915. Изд. 3-е, т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 255 стр. Ц. 1 р. 25 к.

§ 3. **Кантъ, И.** Логика. Пер. и вступительная замѣтка И. К. Маркова. Подъ ред. А. М. Щербины. Петроградъ, 1915. 147 стр. Ц. 70 к.

Поварнинъ, С. И. Логика. Общее ученіе о доказательствѣ. Петроградъ, 1915. Изд. О. В. Богдановой. XVI+206 стр. Ц. 1 р. 50 к.

§ 5. **Бутовскій, А. Д.** Воспитаніе и тѣлесныя упражненія въ англійскихъ школахъ. Петроградъ, 1915. 65 стр.

Буйо, В. Сотрудничество семьи и школы. Пер. А. Н. Теръ-Карапетовой. Подъ ред. д-ра А. А. Шхіяна. № 1. Тифлисъ, 1915. Изд. Родит. кружка при 1-й тифлиск. гимназіи. 179+2 нен. стр. Ц. 75 к.

Демковъ, М. И. Курсъ педагогики для учительскихъ институтовъ, высшихъ женскихъ курсовъ и педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій. Ч. I. Основы педагогики, дидактики и методики. М., 1915. Изд. т-ва В. В. Думновъ, 4-е. VIII+234 стр. Ц. 1 р. 60 к.

Джонсонъ, I. Воспитаніе посредствомъ игръ и забавъ. Съ введеніемъ профессора Г. Стэнлей Холла. Вып. I. Теорія, исто-

рія и значеніе игръ и забавъ въ воспитаніи. Съ рисунками. Съ англ. В. Кошевичъ. Б-ка новаго воспитанія и образованія. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. CI. М., 1915. 43 + 1 нен. стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Естествознаніе въ школѣ. Общіе вопросы преподаванія естествознанія III. Подъ ред. В. А. Вагнера и Б. Е. Райкова. Петроградъ, 1915. Изд. „Образованіе". 116+48 стр. Ц. 80 к.

Лебедевъ, А. Религіозно-нравственное воспитаніе въ средней школѣ. М., 1915. 7 стр.

Лобода, А. М., проф. Лекціи по методикѣ преподаванія русскаго языка и литературы. Кіевъ, 1915. Изд. Слушательницъ кіевск. женскихъ курсовъ. 60 + 1 нен. стр.

Милевская-Шмидтъ, Е. И. Пробѣлы въ образованіи интеллигентныхъ матерей по даннымъ перваго всероссійскаго съѣзда по семейному воспитанію. Петроградъ, 1915. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 23 стр. Ц. 15 к.

Носкова, Е. К. Кукольная комната. Альбомъ легкихъ работъ для дѣтей. Петроградъ, 1915. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 15 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Общедоступные курсы по дошкольному воспитанію. № 1. Лекціи, организованныя кружкомъ совмѣстнаго воспитанія и образованія дѣтей и читанныя въ московск. городскомъ университетѣ имени А. А. Шанявскаго. Рубинштейнъ, М. М. Эстетическое воспитаніе дѣтей. М., 1915. Изд. кн-ва „Практическ. Знанія". 130 стр.

Ругевичъ, Е. Н. Педагогическая гимнастика. Ч. I. Руководство для веденія педагогической гимнастики по шведской системѣ съ дѣтьми школьнаго возраста. Петроградъ, 1914. Изд. 2-е, испр. и доп. 255 стр. Съ 97 рис. Ц. 2 р.

Рукавишниковъ, Г. Воспитаніе вялыхъ дѣтей. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. 16 стр. Ц. 15 к.

Флёровъ, Н. А. Уголки природы въ школѣ. Изъ практики преподавателя естествознанія. М., 1915. Изд. автора. 72 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

III. Исторія.

§ 1. Археологія, антропологія, первобытная культура. § 2. Всеобщая исторія. § 3. Русская исторія. § 4. Исторія славянъ. § 5. Современная исторія (записки, очерки). § 6. Исторія религіи и исторія церкви. § 7. Философія исторіи. § 8. Методологія и методика исторіи.

§ 1. **Буассье, Г.** Археологическія прогулки по Риму. Перев. М. Безобразовой. М., 1915. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 352 стр.+1 карты. Ц. 1 р. 25 к.

§ 2. **Адонцъ, Н.** Діонисій Ѳракійскій и армянскіе толкователи. Петроградъ, 1915. CXCIII+305 стр. Ц. 5 р.

Бергъ, Л. Фельдмаршалъ Мольтке. (Война и культура. № 24). М., 1914. Изд. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 56 стр. Ц. 18 к.

Бронниковъ, Н. А. Къ исторической географіи тюркскихъ народовъ, извѣстныхъ на европейской территоріи подъ именемъ печенѣговъ. (Изъ записокъ Императорскаго московскаго археологическаго института вып. 1915 г.). М., 1915. 63 стр.

Вукичевичъ, М. М. Король Петръ I и Сербія. Петроградъ, 1915. 109 стр. съ 1 портр. Ц. 80 к.

Ивановъ, К. А. Средневѣковый монастырь и его обитатели. Петроградъ, 1915. Изд. 4-е. Петрог. учебн. магазина. 197 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Карсавинъ, Л. П. Основы средневѣковой религіозности въ XII—XIII вѣкахъ, преимущественно въ Италіи. Записки историко-филологическаго факультета Имп. петроградскаго университета. Ч. CXXV. Петроградъ, 1915. XVI+360 стр. Ц. 3 р.

Карскій, Е. Ѳ. Очеркъ славянской кирилловской палеографіи. Лекціи, читанныя въ 1914—1915 акад. году. Варшава, 1915. Изд 5-е слушат. 211+1 нен. стр.

Костанянцъ, К. Краткій очеркъ исторіи Арменіи. М., 1915. Изд. кн-ва Н. Н. Орфенова. 63+1 нен. стр. Ц. 40 к.

Кулаковскій, Ю., проф. Исторія Византіи. Т. III. Кіевъ, 1915. XIV + 431 + 1 нен. стр. съ 1 карт., рис. и 1 таблиц. Ц. 3 р. 50 к.

Minerva. Вып. V. Сборникъ, издаваемый при историко-филологическомъ семинаріи высшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ. Голубовская, Н. П. „Владиміръ Мономахъ". Подъ ред. прив.-доц. В. Е. Данилевича. Кіевъ, 1915. VIII+120 стр. Ц. 80 к.

Муриновъ, И. Галичина. Историческій очеркъ. Подъ ред. А. Н. Стеблева. М., 1915. Изд. 2-е, испр. и доп. В. Д. Карчагина. 89 стр. Съ рис.+1 карта. Ц. 35 к.

Остриковъ, Евгеній. Нѣгоши (Черногорская королевская династія). Историческая памятка. Съ портретомъ короля Николая Черногорскаго и гербомъ дома Нѣгошей. Пятигорскъ, 1914. 17 стр. Съ 1 портр.

Ошеровскій, Л. Я. Идея автономнаго строя въ Турецкой Арменіи подъ протекторатомъ Россіи. Пятигорскъ, 1915. Изд.

Пятигорскаго армянскаго комитета пом. армянамъ. 15 стр. Ц. 15 к.

Поль-де-сенъ-Викторъ, Варвары и бандиты. (Пруссія и коммуна.) Пер. съ фран. Л. Горбуновой. М., 1915. Изд. кн-ва К. Ф. Некрасова. 382+5 нен. стр. Ц. 90 к.

Розенъ, Эрвинъ (Карлэ). Изъ воспоминаній добровольца. Изъ эпохи войны 1898 г. между Америкой и Испаніей. Съ нѣмец. Ад. Острогожской. (Б-ка юнаго читателя). Петроградъ, 1915. 136 стр. Ц. 45 к.

Рубакинъ, Н. Великій инквизиторъ (подъ гнетомъ времени). Историческая хроника XIII вѣка о лангедоксхихъ еретикахъ, извлеченная изъ архивовъ книжнымъ червякомъ. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, испр. и доп. т-ва „Просвѣщеніе". 124 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Смолинъ, В. Ѳ. О передвиженіи геродотовскихъ скиѳовъ въ передней Азіи. Съ предисловіи проф. М. М. Хвостова. Казань, 1915. 21 стр. Ц. 35 к.

Якушкинъ, В. Балканскія войны и ихъ результаты. (Война и культура № 34). М., 1914. Изд. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 25 стр. Ц. 10 к.

Яриновичъ, Ан. Галичина въ ея прошломъ и настоящемъ. Очеркъ исторіи національной жизни русинъ въ Австро-Венгріи. М., 1915. Изд. „Задруга". 67 + 1 нен. стр. Ц. 30 к.

§ 3. **Ѳирсовъ, Н. Н.**, проф. Чтенія по исторіи Сибири. Вып. I. М., 1915. Изд. Имп. москов. археол. инст. им. Николая II. 2 нен.+86 стр.—13 лист. рис.

Дживелеговъ, А. К. Александръ I и Наполеонъ. Историческій очеркъ. М., 1915. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. VII+301+6 нен. стр. Ц. 1 р. 75 к.

Зерцаловъ, Г. В. Юбилей крестьянской реформы въ Тифлисской губерніи. Что дало помѣщичьимъ крестьянамъ Тифлисской губ. Положеніе 13 октября 1864 г. Тифлисъ, 1914. Изд. журн. „Кавказское хозяйство". 18+1 нен. стр.

Иконниковъ, В. С. Максимъ Грекъ и его время. Историческое изслѣдованіе. Собраніе историческихъ трудовъ. Т. I. Кіевъ, 1915. Изд. 2-е, испр. и доп. IV+II+604+21+7 нен. стр.+1 порт. Ц. 4 р. 50 к.

Иконниковъ, И. М. Отечественная война 1915 года. Н.-Новгородъ, 1915. 42 стр.

Кукель. Графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ, знаменитый герой русскій. Разсказъ. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр.

Мятлева, Т. П. Владиміро-Суздальскій край и Начало Московской Руси отъ вокняженія Дмитрія Іоанновича Донского до Іоанна Грознаго. Вып. III. Ч. III. Петроградъ, 1915. 488—XXXVI стр. Ц. 1 р. 20 к.

Новгородскія писцовыя книги въ статистической обработкѣ. I. Погосты и деревни Шелонской пятины по письму 1498—1501 гг. Табличный матеріалъ съ предисловіемъ и „Статистическими итогами", проф. А. А. Кауфмана. Петроградъ, 1915. 52+129 стр.

Рубцовъ, М. Религіозныя исканія Ѳ. М. Достоевскаго. Черниговъ, 1914. Изд. братства св. Михаила, кн. Черниговскаго. 55 стр.

Рункевичъ, С. Г. Святой великій князь Владиміръ Равноапостольный и сущность историческаго его значенія. Петроградъ, 1915. 30 стр.

Савельевъ, Е. П. Древняя исторія казачества. (Историческое изслѣдованіе). Ч. I. Вып. II. Новочеркасскъ, 1915. Изд. автора. 120 стр. Ц. 30 к.

Сборникъ статей. Вып. VII. Студенческій историко-этнографическій кружокъ при Имп. университетѣ св. Владиміра, подъ руководствомъ профессора М. В. Довнаръ-Запольскаго. Кіевъ, 1915. 208+1 нен. стр. Ц. 2 р.

Сватиковъ, С. Г. Русскіе университеты и ихъ историческая библіографія. Петроградъ, 1915. 20 стр.

Семеновъ. Вл. Бой при Цусимѣ. Расплата. Трилогія II. Петроградъ, 1915. Изд. 7-е, т-ва М. О. Вольфъ. 154 стр. Съ рис. и планомъ. Ц. 1 р.

§ 4. **Селищевъ, А. Н.** С. Державинъ „Болгарско-сербскія взаимо-отношенія и македонскій вопросъ". Казань, 1915. 15 стр.

Ястребовъ, Н. В. Лекціи по исторіи западныхъ славянъ (студенческія записи, просмотрѣнныя лекторомъ). Лекціи, читанныя въ 1910—11 уч. г. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, испр. и доп. 400 стр.

§ 5. „Альманахъ войны". Иллюстрированный сборникъ. Манифесты. Портреты. Военный обзоръ. Разсказы раненыхъ. Юмористическій отдѣлъ. 19 іюля—19 ноября 1914 г. Вильна, 1915. Изд. А. Я. Марголина, Н. Данцига и А. Капильмана. 91+4 нен. стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Б. Иванъ Логгиновичъ, Горемыкинъ 27 октября 1839 г. LXXV. 27 октября 1914 г. Петроградъ, 1915. 47 стр. Съ портр.

Бѣловъ, Вадимъ. Евреи и поляки на войнѣ. Впечатлѣнія офицера участника. Петроградъ, 1915. Изд. „Б-ки Великой войны". 163 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Вакуловскій, А. Германская имперія и война 1914 года. Историческій очеркъ. Петроградъ, 1915. Изд. постоянной коммиссіи народ. чтеній. 54 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Взятіе русскими войсками крѣпости Перемышль. Великая война. М., 1915. XVI стр.

Война. Хроника и отклики. Петроградъ, 1915. Изд. „Историческаго Вѣстника". 58+10 стр. Съ рис.

Германская бѣлая книга. По представленнымъ рейхстагу матеріаламъ. Петроградъ, 1915. Изд. кн-ва „Освобожденіе“. 63 стр. Ц. 50 к.

Грэвсъ, А. К. Тайны германскаго военнаго министерства. (Записки бывшаго нѣмецкаго шпіона.) Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, из-ва „Б-ки Велик. войны“. 232 стр. Ц. 1 р.

Дубенскій. Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ въ дѣйствующей арміи ноябрь—декабрь 1914 г. Петроградъ 1915. Изд. Министерства Имп. двора. 187 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 20 к.

— Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ въ дѣйствующей арміи сентябрь—октябрь 1914 г. Вып. I. Петроградъ, 1915. Изд. Штаба верховнаго главнокомандующаго. 14 стр. Съ рис.

Жаворонковъ, Б. Франція и Россія. (Война и культура № 23). М., 1914. Изд. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 31 стр. Ц. 10 к.

Животовъ, Николай. „Походъ въ Галицію“. Батальные эскизы. 1914—1915 г. Кіевъ, 1915. 29 стр.

Истоминъ, В. А. Великая война, ея особенности и значеніе. Изъ чтеній по всеобщей исторіи. М., 1915. Изд. Комиссіи по организ. общеобразов. чтеній для рабочихъ г. Москвы. 84 стр.

Катаевъ, И. М. Россія и Австрія. (Война и культура. № 30). М., 1914. Изд. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 48 стр. Ц. 15 к.

Кондурушкинъ, С. С. Вслѣдъ за войной. Очерки Великой европейской войны. (Августъ, 1914 г.—мартъ 1915 г.). Петроградъ, 1915. 277 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Кунъ, Н. А. Италія. Война и культура, № 33). М., 1914. Изд. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 43 стр. Ц. 18 к.

Ладыженскій, А. М. Тройственный союзъ и тройственное согласіе. (Война и культура, № 22). М., 1914. Изд. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 40 стр. Ц. 15 к.

Левитинъ, С. Педагогика и милитаризмъ въ Германіи. Петроградъ, 1915. Изд. б. М В. Попова. 126 стр. Ц. 1 р.

Мазуркевичъ, Н. И. Календарь войны. Сборникъ. Отклики міровой войны. Годовой вып. № 6. Хут. Тихорѣцкій, 1914. Изд. автора. 30+4 нен. стр. Ц. 35 к.

Маргулисъ, М. О. Бельгія. (Война и культура, № 35). М., 1914. Изд. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 42 стр. Ц. 15 к.

Нѣмецкія звѣрства во Франціи. Отчетъ, представленный господину предсѣдателю совѣта министровъ французской республики комиссіей, учрежденной для изслѣдованія дѣяній, совершенныхъ непріятельскими войсками въ нарушеніе нормъ международнаго права. (Извлеченіе изъ „Правительственнаго Вѣстника“ французской республики отъ 8 января 1915 г.). Одесса, 1915. Изд. Одесскаго общества распространенія французскаго языка. 16 стр. Ц. 5 к.

Паутина. Система германскаго шпіонажа. Перев. М. Кугульскаго и Б. Лепковскаго, М., 1915. Изд. В. П. Португалова. 125+3 нен. стр. Ц. 75 к.

Пименова, Э. К. Вильгельмъ II. (Война и культура, № 29). М., 1914. Изд. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К.°. 46 стр. Ц. 15 к.

Полуботко, А. І. Война Россіи съ Германіей, Австріей и Турціей. Сборникъ разсказовъ характеризующихъ нашихъ воиновъ и непріятеля, а также описаній важнѣйшихъ сраженій съ приложеніемъ хронологіи войны. Вып. II. Петроградъ, 1915. 112 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Резановъ, А. С. Нѣмецкое шпіонство. (Книга составлена по даннымъ судебной практики и другимъ источникамъ). Петроградъ, 1915. Изд. М. А. Суворина. 336 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— Нѣмецкое шпіонство. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е. XI+336 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Саймондсъ, Френкъ Г. Великая война. Первая фаза. Перев. съ англ. Петроградъ, 1915. Изд. Б-ка Великой войны. 219 стр. Съ 8 картами. Ц. 1 р. 50 к.

С. Г. На развалинахъ Калиша. (Записки очевидца.) Петроградъ, 1915. Изд. т-ва „Союзъ“. 56 стр. Ц. 25 к.

Серповскій, Н. Гр. Наканунѣ войны у галицкихъ греко-уніатовъ. (Изъ поѣздки по Галиціи.) Петроградъ, 1915. Изд. В. М. Скворцова. 76 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Сочъ, А. Паденіе Перемышля, грозной австрійской твердыни. М., 1915. Изд. т-ва И. М. Машистова. 16 стр. Ц. 5 к.

Сѣверцевъ-Полиловъ, Г. Т. Въ борьбѣ съ коварнымъ врагомъ. (Эпизоды и разсказы изъ текущей войны.) Петроградъ, 1915. 277 стр. Ц. 1 р. 25 к.

§ 6. Гассіевъ, А. Іуда предатель. Великая загадка или вымыселъ. Разборъ сказанія. Владикавказъ, 1914. Изд. автора. 37 стр. Ц. 30 к.

Пурэнасъ, А. Изъ польско-литовскихъ церковныхъ отношеній Виленской р.-католической епархіи. (Перев. съ литовск.). Вильна, 1915. 24 стр.

IV. Политическая экономія и финансы.

§ 1. Политическая экономія; экономія сельскаго хозяйства; промышленность; торговля; кредитное дѣло; исторія политической экономіи. § 2. Статистика. § 3. Финансы и финансовое право. § 4. Городское и земское хозяйство.

§ 1. **Бекетова, М.** Нефть и нефтяное дѣло въ Россіи. Очеркъ. Петроградъ, 1915. 44 стр. Ц. 10 к.

Брагинъ, И. П. Состояніе и нужды экспортной лѣсной торговли въ западныхъ губерніяхъ Россіи по отзывамъ представителей мѣстнаго лѣсовладѣнія. Петроградъ, 1915. 94 стр.+1 карта.

Истоминъ, Вл. Нефтяная промышленность Галиціи. Съ приложеніемъ нефтепромышленной карты Галиціи. Петроградъ, 1915. Изд. журн. „Теплоходъ". 5 стр.+1 карта.

Кассисъ, Ж. Я. Экономическое положеніе современной Персіи. Торговые и финансовые интересы Россіи на персидскомъ рынкѣ. Кіевъ, 1915. 154 стр.

Костровъ, Н. И. Торговля Россіи съ Италіей и нашъ вывозъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ эту страну. Семинарій по политической экономіи при московскомъ университетѣ. Вып. XI. Секція подъ руководствомъ І. М. Гольдштейна. М., 1915. IX+248 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Кулишеръ, І. М. Германскій экспортъ и борьба съ нимъ. 1) Общіе принципы постановки информаціоннаго дѣла въ области экспорта. II) Комивояжеры, реклама, склады товарныхъ образцовъ. III) Торговые музеи. Петроградъ, 1915. 61 стр.

Масловъ, Семенъ. Крестьянское хозяйство. Очерки экономики мелкаго земледѣлія. М., 1915. Изд. 2-е, перераб. и доп. комит. о сельскихъ ссудо-сбер. и промышл. т-вахъ. 180+III стр. Ц. 80 к.

Соболевъ, М. Н. Перестройка принциповъ торговой политики Россіи въ связи съ вопросомъ о протекціонизмѣ. Областной комитетъ по пересмотру русско-германскаго торговаго договора. Вып. IX. Харьковъ, 1915. Изд. об-ва сельскаго хоз. 32 стр.

Ѳоминъ, Г. А. Ликвидація монополіи и вызванныя ею экономическія проблемы. Екатеринославъ, 1915. Изд. автора. 62+2 нен. стр. Ц. 60 к.

§ 2. Донесенія Императорскихъ консульскихъ представителей за границей по торгово-промышленнымъ вопросамъ 1915 г. № 49. Китай. Кантонъ. Петроградъ, 1915. 183 стр. Ц. 20 к.

Желѣзная промышленность южной Россіи въ 1913 году. Харьковъ, 1915. Изд. статист. бюро сов. съѣзда горнопром. юга Россіи. XXXII+96 стр. Ц. 1 р.

Матеріалы къ пересмотру торговаго договора съ Германіей. Вып. V. Россія. Привозъ, вывозъ и направленіе вывоза главнѣйшихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ за 1884—1910 гг. Петроградъ, 1915. Изд. Г. У. З. и З. 48 стр.

Прегеръ, Р. И. Производство главнѣйшихъ хлѣбовъ въ Россіи за двадцатипятилѣтіе 1888—1912 гг. Матеріалы къ пересмотру торговаго договора съ Германіей. Вып. XIX. Петроградъ, 1915. Изд. Г. У. З. и З. Деп. Земледѣлія. 98 стр.

Сводъ статистическихъ данныхъ по желѣзодѣлательной промышленности, издаваемый на средства промышленниковъ, подъ руководствомъ особаго совѣщательнаго комитета изъ представителей министерства финансовъ, министерства торговли и промышленности и представителей горнозаводской промышленности. Выпуски V, VI, VII, VIII, X, XII. Май, іюнь, іюль, августъ, октябрь, декабрь 1914 г. Петроградъ, 1915. 66+43+47+77+27+59+43+27 стр.

Сводъ статистическихъ данныхъ по желѣзодѣлательной промышленности, издаваемый на средства промышленниковъ, подъ руководствомъ особаго совѣщательнаго комитета изъ представителей министерства финансовъ, министерства торговли и промышленности, представителей горнозаводской промышленности. Вып. XI, ноября 1914 года. Петроградъ, 1915. XXVII стр.

Статистическій сборникъ министерства путей сообщенія, выпускъ сто тридцать второй. Перевозки по желѣзнымъ дорогамъ въ 1912 г. Ч. I. Петроградъ, 1915. 211 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Тимоееевъ, С. Н. Статистика хлопководства въ Закавказскомъ краѣ за 1913 г. Тифлисъ, 1915. Изд. Г. У. З. и З. VI+94 стр.+2 табл.+1 карта.

§ 3. **Дмитріевъ-Мамоновъ, В. А.** гр. и **Евзлинъ, З.** Деньги. Подъ ред. проф. М. И. Боголѣпова. „Банковское Дѣло" теорія, практика и техника операцій коммерческихъ банковъ. Петроградъ, 1915. VIII+308 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Кенуатовъ, К. кн. Законъ объ устройствѣ мелкаго кредита и земство. Петроградъ, 1915. Изд. журн. „Земское Дѣло". 36 стр.

Петрусевичъ, Г. И. Сравнительное обозрѣніе ставокъ дѣйствующихъ таможенныхъ тарифовъ разныхъ государствъ на главнѣйшіе продукты сельскаго хозяйства. Петроградъ, 1915. Изд. отд. Сельск. экон. и сельскох. статист. 111 стр.+3 чертежа.

V. Соціологія и соціальная политика.

§ 1. Ученіе объ обществѣ. § 2. Соціализмъ и соціалъ-демократія; синдикализмъ, анархизмъ и пр. § 3. Рабочій вопросъ; фабричное законодательство; страхованіе рабочихъ; профессіональные союзы; кооперація. § 4. Крестьянскій и аграрный вопросы.

§ 3. **Анцыферовъ, А. Н.** Очерки по кооперації. Сборникъ лекцій и статей 1908—1914 гг. М., 1915. Изд. 2-е, пересм. и доп., комит. о сельскихъ ссудо-сбер. т-вахъ. 335+VIII стр. Ц. 1 р. 50 к.

Веббъ, Е. Жизнь великихъ людей. Герои и друзья кооперації. Краткія біографіи съ портретами: Р. Оуэна, В. Коббета, Е. Фрей, Р. Кобдена, Э. Ванситартъ-Нила, Дж. Дж. Холіока, Ч. Кингслея, Т. Юза, Дж. Рескина и В. Морриса. Краткія біографіи нѣкоторыхъ героевъ и друзей кооперації. Авторизованный пер. съ англійскаго М. Розенфельдъ. Подъ ред. В. Ѳ. Тотоміанца. М., 1915. Изд. „Трудъ". XII+179 стр. Съ портр. Ц. 75 к.

Никитинъ, А. М. Какъ организовать общество взаимопомощи. М., 1915. Изд. Московскаго союза потребит. обществъ. 32 стр. Ц. 10 к.

Пекарскій, В. Ф. Задачи и основные принципы организаціи союзовъ и кооперативовъ (главнымъ образомъ потребительныхъ). Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, пер. и доп. 31 стр. Ц. 15 к.

Семинарій В. Ѳ. Тотоміанца по политической экономіи и кооперації при Московскомъ университетѣ. Сборникъ по вопросамъ экономики кооперації. М. С. Кугульскій. Ливерпульская биржа и хлопковое дѣло въ Россіи. А. Т. Теръ Оганесьянцъ. Кооперація въ Эриванской губ. Д. З. Корневъ. Кооперація въ Терской области. Н. А. Котельниковъ. Кредитныя и ссудосберегательныя товарищества Астраханской губ. С. І. Тибо-Бриньоль. Кредитныя товарищества Пермской губ. Ѳ. П. Лапицкій. Кооперація въ Могилевской губ. П. І. Шальтюсъ. Кооперація въ Литвѣ. М., 1915. 241+1 нен. стр. Ц. 1 р.

Тотоміанцъ, В. Ѳ. Курсы по кооперації. Потребительныя общества на Западѣ. (Московскій городской народный университетъ имени А. Л. Шанявскаго.) М., 1915. 112+3 нен. стр. Ц. 70 к.

Труды кооперативныхъ совѣщаній I въ 1908 году и II въ 1915 году представителей кооперативовъ Вельскаго уѣзда. Вельскъ, 1915. Изд. Агроном. отд. зем. упр. 140 стр.

Ушаковъ, И. О проектѣ общаго кооперативнаго закона. М., 1915. Изд. к-та о сельск. ссудо-сберегательн. и примышл. товариществахъ при М. О. С. Х. 63 стр. Ц. 20 к.

— О проектѣ общаго кооперативнаго закона. М., 1915. Изд. к-та о сельск. ссудо-сберегательн. и промышл. товариществахъ. 63 стр. Ц. 20 к.

VI. Правовѣдѣніе.

§ 1. Философія права; общая теорія права. § 2. Исторія права и исторія политическихъ ученій. § 3. Государственное, административное и международное право. § 4. Уголовное, гражданское, торговое право и судопроизводства. § 5. Церковное право. § 6. Тексты законовъ, матеріалы и справочныя изданія.

§ 2. **Синайскій, В. И.,** проф. Древне-римская община въ сравненіи съ казачьей общиной. VI очеркъ изъ исторіи землевладѣнія и права въ древнемъ Римѣ, съ приложеніемъ матеріаловъ по исторіи казачества. Кіевъ, 1915. 140+81 стр.+1 планъ. Ц. 2 р.

§ 4. **Бѣляцкинъ, С. А.** Гражданскій оборотъ и война. Петроградъ, 1915. 80 стр. Ц. 75 к.

Гринъ, И. В. По поводу процесса Муленъ и Джамгарова. М., 1915. 15 стр. Ц. 30 к.

Исаченко, В. Л. Русское гражданское судопроизводство. Практическое руководство для студентовъ и начинающихъ юристовъ. Т. I. Судопроизводство исковое. Петроградъ, 1915. Изд. 4-е. XIII+259 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Кальманъ, Е. И. Пороки воли. (Ст. 26—33 проекта обязательственнаго права.) Кіевъ, 1915. 28 стр. Ц. 25 к.

Кочергинъ, П. Краткій курсъ русскаго гражданскаго процесса. Дополненія и измѣненія къ первому изданію въ связи съ введеніемъ новыхъ законовъ и новыхъ налоговъ. Кіевъ, 1915. Изд. книжн. маг. К. К. Семинскаго. 38 стр. Ц. 30 к.

Лабейновскій, В. И. „Отступленіе" отъ договора и „задержаніе" его исполненія.

(Критическій анализъ сенатской практики.) Кіевъ, 1915. 15 стр.

Митковскій. Записки по законовѣдѣнію и администраціи для школъ прапорщиковъ кіевскаго военнаго округа. Подъ ред. генералъ-маіора Карлстеутъ. Кіевъ, 1915. 28+5 нен. стр.

Рейсъ. Основныя правила развѣдки и практическіе пріемы выслѣживанія. Вильна, 1915. 100+II стр. Съ черт. Ц. 50 к.

Симолинъ, А. Памяти Александра Владиміровича Завадскаго. Казань, 1915. 23 стр. Съ 1 портр. Ц. 40 к.

Соболевъ, А. Н. Очерки призового права. Экономическое значеніе призового права. Историческій очеркъ. О принадлежности непріятелю. Перемѣна флага. Блокада. Военная контрабанда. Длящееся плаваніе. Уничтоженіе призовъ. Вознагражденіе за убытки и пр. Петроградъ, 1915. 120 стр.

Труды перваго съѣзда дѣятелей по вопросамъ суда для малолѣтнихъ. Петроградъ, 1915. Изд. Общ. правовой охран. малолѣтнихъ. 279 стр.

Улинскій, А. И. Очерки вексельнаго права въ его теоретическихъ основаніяхъ, экономическомъ значеніи, историческомъ развитіи и современномъ положеніи. Курскъ, 1915. VI+5+306+XII стр. Ц. 2 р. 50 к.

Фойницкій, И. Я. Курсъ уголовнаго судопроизводства. Т. II. Доп. и пер. П. И. Люблинскимъ. Петроградъ, 1915. Изд. Изд. Юрид. общ. при петроградск. унив. 608 стр. Ц. 4 р.

Хазинъ. Я. А. Право судебной защиты контрагентовъ казны. Кіевъ, 1915. 96 стр.

Шефтель, Я. М. Русское призовое право. Петроградъ, 1915. 39 стр. Ц. 30 к.

§ 6. **Бертгольдтъ, Г. В.** Уставъ Гражданскаго Судопроизводства по официальному изданію 1914 года. Съ приложеніемъ алфавитнаго предметнаго указателя въ видѣ конспекта. М., 1915. Изд. Юрид. книж. маг. „Право" Ф. В. Бусыгина. 725+XV+1 нен. стр.

Вержбицкій, І. С. Новыя узаконенія о пошлинахъ съ безмезднаго перехода имуществъ и о судебныхъ пошлинахъ. (Дополненіе къ книгѣ того же составителя „О пошлинахъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами. и о судебныхъ пошлинахъ", изданіе 1913 г.). Петроградъ, 1915. Изд. И. И. Зубкова. 69 стр. Ц. 50 к.

Вилейшисъ, Я. М. Призрѣніе нижнихъ воинскихъ чиновъ и ихъ семействъ. Систематическій сборникъ законовъ, инструкцій, разъясненій Прав. Сената, М. В. Д., М. Ф., Глав. Шт. и др. учр. Руководство для воинскихъ начальниковъ, воинскихъ присутствій, казенныхъ палатъ, крестьянскихъ учрежденій, волостныхъ правленій и др. учр. Херсонъ, 1915. Изд. автора. VII+308 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Заверуха, П. Исполненіе рѣшеній волостныхъ судовъ. Руководство для предсѣдателей волостныхъ судовъ, образованныхъ по закону 26-го іюня 1913 г. Лохвица, 1915. Изд. 2-е. VI+107 стр. Ц. 1 р.

Защукъ, І. Пенсіи офицерамъ и врачамъ. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е доп., В. Березовскаго. 128 стр. Ц. 75 к.

Ивановъ, Н. И. Отсрочка и разсрочка обязательствъ и судебныхъ рѣшеній по закону 6-го апрѣля 1915 г. Издан. на основ. 87 ст. Осн. Гос. Зак. (Св. зак. т. I, ч. I, изд. 1906 г.). Образцы прошеній. Одесса, 1915. Изд. автора. 16 стр. Ц. 20 к.

Инструкція о порядкѣ отпуска средствъ на выдачу семействамъ нижнихъ воинскихъ чиновъ продовольственнаго пособія, а равно о веденіи счетоводства и отчетности по расходамъ на призрѣніе семействъ призванныхъ. Ростовъ на/Д., 1915. 6 стр.

Какъ русскому солдату и его семьѣ получить пенсію и пособіе. М., 1915. Изд. Попечит. комит. при особомъ комитетѣ Е. И. В. Вел. Кн. Елизаветы Ѳеодоровны. 48 стр. Ц. 5 к.

Каулинъ, А. П. Справочная книжка по гербовому сбору для лицъ торгово-промышленнаго класса. Рига, 1919. Изд. Рижск. купеческ. камеры. X+142 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Лебединскій, В. Законъ 9-го января 1915 г. о сборѣ съ капиталовъ, обезпеченныхъ въ качествѣ долговъ на недвижимыхъ имуществахъ съ разъясненіями министерствъ: финансовъ и юстиціи и приложеніемъ извлеченій изъ законовъ. Орелъ, 1915. Изд. автора. 64 стр.

Левинъ, С. М. Важнѣйшіе законы, указы и распоряженія военнаго времени. Сборникъ законовъ, манифестовъ, указовъ Правит. Сенату и Министрамъ. Высочайшихъ повелѣній, постановленій Совѣта Министровъ, Военнаго и Адмиралтействъ-Совѣта, инструкцій и распоряженій Министровъ, изданныхъ во время войны съ Германіей, Австро-Венгріей и Турціей, съ приложеніемъ предметнаго указателя. Петроградъ, 1915. Изд. Н. К. Мартынова. XXVIII+728 стр. Ц. 2 р.

Маматовъ, Г. А. Положеніе о землеустройствѣ (т. X, ч. 3 св. зак., изд. 1912 г., по прод. 1912 и 1913 гг.) съ включеніемъ законодательныхъ соображеній, указовъ 2-го Департамента Правительствующаго Сената, разъясненій Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія по 1 апрѣля 1915 г. М., 1915. Изд. И. К. Голубева, „Правовѣдѣніе". 462+2 нен. стр. Ц. 3 р.

Новый законъ о воинской повинности

съ подробными разъясненіями о досрочномъ призывѣ новобранцевъ 1916 года. Одесса, 1915. Изд. из-ва М. С. Айзенберга. 32 стр. Ц. 10 к.

Рудинъ. Н. Пенсіи и пособія солдатамъ, вдовамъ и сиротамъ нижнихъ воинскихъ чиновъ. Сборникъ законоположеній, инструкцій и правительственныхъ распоряженій, послѣдовавшихъ по 20 апр. 1915 г., о призрѣніи нижнихъ чиновъ и ихъ семействъ, съ законодательными мотивами, постатейными разъясненіями и приложеніями. Петроградъ, 1914. Изд. „Сотрудникъ". 140 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Сборникъ законоположеній, циркуляровъ и формъ для руководства при освидѣтельствованіи призываемыхъ къ исполненію воинской повинности, а также находящихся на излѣченіи въ лѣчебныхъ заведеніяхъ больныхъ и раненыхъ воинскихъ чиновъ. Тверь, 1915. Изд. Тверского губ. комитера всерос. зем. союза. 70 стр.

Сборникъ рѣшеній Правительствующаго Сената по первому общему собранію и департаментамъ первому, второму и герольдіи. 1907 г. Часть II. Петроградъ, 1915. 254+XXVIII стр.

Студенцовъ, А. П. и Стурцель, Б. Ф. Уставъ о гербовомъ сборѣ (Св. Зак., т. V, Уставы о пошлинахъ, изд. 1903 г. по прод. 1912 и 1913 гг. ст. 1—20), дополненный позднѣйшими узаконеніями по 11-е февр. 1915 г., инструкціями Министра Финансовъ и алфавитнымъ перечнемъ бумагъ, актовъ и документовъ, подлежащихъ гербовому сбору и отъ него изъятыхъ исправленныхъ по нынѣ дѣйствующимъ ставкамъ. Подъ ред. В. Я. Крюковскаго. Петроградъ, 1915. Изданіе т-ва А. С. Суворина. 326+157 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Судебные уставы, Уставы Гражданскаго Судопроизводства, съ приложеніемъ закона 15 іюня 1912 г. для мѣстностей, въ коихъ законъ о преобразованіи Мѣстнаго Суда введенъ въ полномъ объемѣ. Съ алфавитнымъ указателемъ, составленнымъ присяжными повѣренными М. В. Беренштамомъ и В. Н. Новиковымъ. Петрог., 1915. Изд. 4-е. CXLIII+601 стр. Ц. 1 р.

Твардовскій, П. Новый налогъ съ закладныхъ. Законъ 9 января 1915 г. и инструкція 2 марта 1915 г. о сборѣ съ денежныхъ капиталовъ, обезпеченныхъ въ качествѣ долговъ на недвижимыхъ имуществахъ. Петроградъ, 1915. Изд. Юрид. книж. маг. В. П. Анисимова. 47 стр.

VII. Современная общественная жизнь.

§ 1. Публицистика. § 2. Народное образованіе. § 3. Церковь и сектантство. § 4. Національный и инородческій вопросы. § 5. Женскій вопросъ. § 6. Половой вопросъ. § 7. Армія и флотъ.

§ 1. **А. Л.** Какъ работаютъ наши земства. Симбирскъ, 1915. 6 стр.

Апанасенко, С. И. Земскіе пути къ народному богатству. Звенигородка, 1915. 49 стр.

Армянскій сборникъ. Обложка работы Наталіи Гончаровой. Веселовскій, Ю., Дживелеговъ, А., Кара-Мурза, С., Костанянцъ, К., Симсоньянцъ, А., свящ., Тотоміанцъ, В., Чобаньянъ, А. М., 1915. Изд. кн-ва „Звѣзда" Н. Н. Орфенова. 266+IV стр. Ц. 1 р. 50 к.

Ашевскій, С. Русскіе писатели и война. М., 1915. Изд. „Задруга". 127+1 нен. стр. Ц. 60 к.

Аванасьевъ, Г. Наканунѣ войны. Кіевъ, 1915. Изд. Кіев. об-ва друзей мира. 19 стр.

Бертенсонъ, Левъ. Могутъ ли излюбленныя русскими паціентами иностранныя лѣчебныя мѣста быть замѣнены отечественными? Петроградъ, 1915. 7 стр.

Бочкаревъ, В. Н. Россія и Германія. (Война и культура, № 21). М., 1914. Изд. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 67 стр. Ц. 15 к.

Бузескулъ, В., проф. Современная Германія и нѣмецкая историческая наука XIX столѣтія. Къ происхожденію современной германской идеологіи. Петроградъ, 1915. 72 стр. Ц. 60 к.

Веніаминовъ, Б. Алкоголизмъ и кооперація. М., 1915. Изд. Моск. союза потр. обществъ. 32 стр. Ц. 20 к.

Вергунъ, Дмитрій. Что такое Галиція? Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, испр. и доп. 64 стр. Съ рис. Ц. 35 к.

Вопросы міровой войны. Сборникъ статей подъ ред. М. И. Туганъ-Барановскаго. Петроградъ, 1915. Изд. юрид. книжн. маг. „Право". XIV + 675 стр. Съ рис. Ц. 4 р.

Война и жизнь. Литературно-публицистическій сборникъ. Статьи, разсказы, стихи. Саратовъ, 1915. 122+6 нен. стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Гуляевъ, А. А. Курорты и санаторіи Россіи. Пермь, 1915. 120 стр. Ц. 40 к.

Дживелеговъ, А. Будущее турецкой Арменіи. М., 1915. Изд. кн-ва „Звѣзда", Н. Н. Орфелова. 44+4 нен. стр. Ц. 30 к.

Діаконенко, К. П. Обзоръ дѣятельности московскаго общества содѣйствія и развитія лѣчебныхъ мѣстъ Россіи со времени

его возникновенія (3 января—20 апрѣля 1915 г.). М., 1915. 18 стр.

Диканскій, М. Г. О русскихъ курортахъ. По поводу перваго съѣзда по улучшенію отечественныхъ лѣчебныхъ мѣстностей. Харьковъ, 1915. 80 стр. Ц. 50 к.

Део. Тайна графа С. Ю. Витте. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е. 15 стр. Ц. 20 к.

Ивановъ, В. Что такое хулиганство? Оренбургъ, 1915. 13 стр. Ц. 10 к.

Кудряшовъ, П. Идейные горизонты міровой войны. М., 1915. Изд. книжн. маг. „Трудъ". 206+8 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Литвиновъ-Фалинскій, В. Война и промышленность. (Девятый очередной съѣздъ представителей промышленности и торговли.) Петроградъ, 1915. 21 стр.

Любомудровъ, С. Изнанка нѣмецкой культуры. Русскій учитель—жертвамъ войны. Варшава, 1915. 62 стр.

Мачаваріани, К. Цѣлебные минеральные источники въ Кутаисской губерніи. Кутаисъ, 1915. Изд. т-ва Ѳ. А. Мтавріева. 60 стр. Ц. 20 к.

Паршинъ, А. Англія, какъ примѣръ для экономическаго возрожденія Россіи. М., 1915. 23 стр. Ц. 20 к.

Перовскій-Петрово-Соловово, М. М., гр. Подъ знакомъ скепсиса. Вып. I. Петроградъ, 1915. 165 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Петръ Олимпійскій. Вопль русской души. Харьковъ, 1915. 36 стр.

Ревиньи-де, Ш. Кто добивался войны? (Сопоставленіе Голубой, Оранжевой, Сѣрой, Бѣлой и Желтой дипломатическихъ книгъ.) Перев. Б. Н. Мальгинова. Симбирскъ, 1915. Изд. Б. Н. Мальгинова. 36 стр. Ц. 30 к.

Рэссель, Джорджъ. Кооперація и національныя задачи. Руководство для сельскихъ реформаторовъ нынѣшняго и грядущаго поколѣнія. Авториз. пер. съ англ. М. Розенфельдъ. Подъ ред. прив.-доц. В. Ѳ. Тотоміанца. (Универсальная б-ка, № 637—638.) М., 1915. Изд. кн-ва „Польза". 157+3 нен. стр. Ц. 20 к.

Скворцовъ, Ѳ. Ѳ. Великая Русь въ борьбѣ съ нѣмцами. На память русскому народу. Петроградъ, 1915. 87 стр. Ц. 40 к.

Страховъ, П., проф. Зло Германіи и его религіозно-философскія причины. М., 1915. 48 стр. Ц. 35 к.

Тихомировъ, А. Настоящая война и взглядъ на природу человѣка. М., 1915. Изд. Ком. по орган. общеобраз. чтеній для фабр.-заводск. рабочихъ г. Москвы. 44 стр. Съ рис.

Трубецкой, Е. Н. Война и культура. Отечественная война и ея духовный смыслъ. (Публичная лекція.) М., 1915. 32 стр. Ц. 20 к.

Хинтонъ, С. Г. Четвертое измѣреніе и эра новой мысли. Петроградъ, 1915. Изд. кн-ва „Новый человѣкъ". VII+256+8 стр. Съ 88 рис. Ц. 1 р. 75 к.

Червинка, Я. В. Мечты славянъ. Кіевъ, 1915. Изд. Славянскаго издат-ва. 134 стр.

Чиркинъ, Г. Ф. Колоніальные интересы въ современной войнѣ и наши задачи на ближнемъ востокѣ. Петроградъ, 1915. 25 стр.

Яковлевъ, А. Церковная политика Государственной Думы въ сопоставленіи съ иностранными парламентами. Петроградъ, 1915. 143+III стр. Ц. 50 к.

§ 2. **Синюхаевъ, Г. Т.** По школамъ Англіи. Отчетъ о лѣтней командировкѣ 1914 г. Петроградъ, 1915. 42 стр. Ц. 25 к.

§ 3. **Айвазовъ, И. Г.** Какъ вести съ заблуждающимся пренія о вѣрѣ. (Миссіонерская методика.) Петроградъ, 1915. Изд. В. М. Скворцова. 23 стр.

Введенскій, А. Сектанты о сектантахъ. Одесса, 1915. 190+2 нен. стр. Цѣна 1 р. 25 к.

Гринякинъ, Н. „Новый завѣтъ" у соціалъ-анархистовъ, или „Уставъ Голгоѳскихъ Христіанъ" при свѣтѣ Христова Евангелія. Петроградъ, 1915. 70 стр. Ц. 50 к.

§ 4. **Витте, Е., де.** Происхожденіе и развитіе Украинофильства. Шамордино, Калужск. г. 1915. Изд. Е. де-Витте. 20 стр.

Ландау, Гр. Польско-еврейскія отношенія. (Статьи и замѣтки.) Петроградъ, 1915. 119 стр. Ц. 60 к.

Трубецкой, Е. Н., кн. Національный вопросъ. Константинополь и святая Софія. (Война и культура.) М., 1915. Изд. 2-е. 32 стр. Ц. 20 к.

§ 5. **Келенджеридзе, М., свящ.** Роль женщины въ судьбахъ міра. Кутаисъ, 1915. 10 стр.

§ 7. Россійскій Императорскій флотъ и флоты Германіи и Турціи. Подъ ред. К. Г. Житкова и Н. Н. Нордмана. Петроградъ, 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 239 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 75 к.

VIII. Искусство.

§ 1. Общія сочиненія; эстетика. § 2. Исторія изобразительнаго искусства; біографіи; переписка. § 3. Исторія русскаго изобразительнаго искусства; біографіи, переписка. § 4. Техника; обученіе искусству. § 5. Музыка. § 6. Драматическое искусство; хореографія. § 7. Прикладное искусство.

§ 1. **Лаврскій, Н.** Искусство и евреи. М., 1915. Изд. кн-ва „Искусство и Жизнь". 57 стр. Ц. 50 к.

Романовъ, Н. И. Введеніе въ исторію искусства. Лекціи, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ, 1914—1915 гг. М., 1915. Изд. о-ва моск. высш. женск. курсовъ. 95 стр. Ц. 80 к.

Самсоновъ, Н. В. Исторія эстетическихъ ученій. Лекціи, читанныя на моск. высш. женск. курсахъ. 1914—15 гг. Ч. II. М., 1915. Изд. издат. о-ва моск. высш. женск. курсовъ. 178 стр.

Тугендхольдъ, Я. Проблемы и характеристики. (Сборникъ художеств. критическихъ статей). Петроградъ, 1915. Изд. „Аполлона". 108 стр. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к.

Тэнъ, Ипполитъ. Лекціи объ искусствѣ (Философія искусства). Ч. IV. Ваяніе въ древней Греціи. Перев. съ франц. Н. Соболевскаго. (Универсальная б-ка, № 664). М., 1915. Изд. 2-е, кн-ва „Польза". 118+2 нен. стр. Ц. 10 к.

§ 2. **Зилоти, А. А.** Нѣсколько словъ о связующемъ веществѣ въ картинкахъ братьевъ Ванъ-Эйкъ. Петрог., 1915. 26 стр.

Лукомскій, Г. К. Галиція въ ея старинѣ. Очерки по исторіи архитектуры XII—XVIII вв. и рисун. Петрогр., 1915. Изд. т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ. 125 стр. Съ рис.

Роланъ, Ромэнъ. Микель Анджело. Пер. А. Заржевской. Подъ ред. П. Юшкевича. Петроградъ, 1915. Изд. М. М. Семенова. 313+7 нен. стр. Съ рис. Ц. 2 р.

§ 3. **Николай Михайловичъ, великій князь.** Русскій Некрополь въ чужихъ краяхъ. Вып. I. Парижъ и его окрестности. Петроградъ, 1915. 101 стр.

§ 5. **Саккетти, А. А., проф.** Исторія музыки всѣхъ временъ и народовъ. Вып. III. Петроградъ, 1915. Изд. „Шиповника". 202—296 стр. Съ рис.

IX. Математика и естествовѣдѣніе.

§ 1. Математика; механика. § 2. Астрономія, міровѣдѣніе, космографія. § 3. Физика, химія, кристаллографія. § 4. Геологія, минералогія, физическая географія (метеорологія, климатологія). § 5. Біологія, ботаника, зоологія, сравнительная анатомія, палеонтологія, біологическая географія. § 6. Физіологія, анатомія человѣка; гигіена. § 7. Географія, этнографія, путешествія. § 8. Исторія математическихъ и естественныхъ наукъ; біографіи; общія сочиненія по философіи естествознанія. § 9. Методика естественныхъ и математическихъ наукъ.

§ 1. **Мордухай-Болтовской, Д.** проф. Систематическій сборникъ элементарныхъ упражненій по дифференціальному и интегральному исчисленію. Т. II. Интегральное исчисленіе. Петроградъ, 1915. Изд. К. Л. Риккера. XV+512 стр. Съ чертеж. Ц. 4 р. 80 к.

Петровичъ, С. Г., проф. Основы механики сплошныхъ массъ. Петроградъ, 1915. IV+292 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Станкевичъ, И. К. Конспектъ лекцій по теоретической механикѣ, читанныхъ въ Московскомъ институтѣ инженеровъ путей сообщенія. Ч. II. М., 1915. Изд. С. М. Талакина. 51 стр. Съ чертеж.

Фанъ-деръ-Флитъ, А., проф. Краткій курсъ аналитической геометріи. Петроградъ, 1915. 143 стр.

Фогель, Р. Сферическая тригонометрія. Кіевъ, 1915. Изданіе 2-е, доп. 112 стр. Ц. 1 р. 30 к.

§ 2. **Барановъ, В. А.** Курсъ описательной астрономіи. Лекціи, читанныя въ 1913—14 учебномъ году, въ Имп. казанскомъ университетѣ. Ч. I. Солнечная система. Законъ всемірнаго тяготѣнія. Ч. II. Астрофизика. Казань, 1915. Изд. Студенч. физико-матем. кружка. 216+VI+325 стр. Съ чертеж.

§ 3. **Зиловъ, П. А., проф.** Курсъ физики. Ч. II. Звукъ. Свѣтъ. Электричество. Кіевъ, 1915. Изд. 6-е. VIII+706+VII стр. Съ рис. Ц. 3 р. 50 к.

Крапивинъ, С. І. Матеріалы по кинетикѣ химическихъ реакцій. Экспериментальное изслѣдованіе. М., 1915. 209 стр.+1 портр.

Хвольсонъ, О. Д. Курсъ физики. Т. IV. Ученіе о магнитныхъ и электрическихъ явленіяхъ. Вторая половина. При участіи Л. П. Аѳанасьева, К. К. Баумгарта, проф. А. Л. Гершуна, проф. А. А. Добіаша, проф. А. Ф. Іоффе, Л. С. Коловратъ-Чер-

винскаго, проф. Д. А. Рожанскаго и прив.-доц. Д. С. Рождественскаго. Петроградъ, 1915. Изд. К. Л. Риккера. XI+393 — 1,030 стр. Съ рис.

§ 4. Геологическія изслѣдованія въ золотоносныхъ областяхъ Сибири. Ленскій золотоносный районъ. Вып. X. Мейстеръ, А. К. Восточная Окраина Ленскаго золотоноснаго района. Петроградъ, 1914. IV+222 стр.+10 табл. рис.

Геологическія изслѣдованія въ золотоносныхъ областяхъ Сибири. Ленскій золотоносный районъ. Вып. X. Мейстеръ, А. К. Восточная Окраина Ленскаго золотоноснаго района. Петроградъ, 1914. IV+222 стр.+10 табл.

Мушкетовъ, Д. И. Чиль-Устунъ и Чиль-Майрамъ. Труды геологическаго комитета. Новая серія. Вып. 100. Петроградъ, 1915. 122 стр. 9 табл. и 2 рис. Ц. 2 р. 75 к.

Мушкетовъ, И. В. Туркестанъ. Геологическое и орографическое описаніе по даннымъ, собраннымъ во время путешествій съ 1874 г. по 1880 г. Т. I, ч. I. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, доп. XXI+558 стр.

Петровскій, Н. Замѣтки о зеравшанскомъ и о другихъ ледникахъ Самаркандской области. Ивановъ, Д. Л. Къ статьѣ Н. Петровскаго о зеравшанскомъ ледникѣ. (Отд. оттискъ изъ т. LI Извѣстій Имп. русскаго географ. об-ва № 789.) Петроградъ, 1915. 14 стр.+XX табл. Ц. 65 к.

Чернышевъ, Ѳ. Н. Фауна верхне-палеозойскихъ отложеній Дарваза. Вып. I. Труды геологическаго комитета. Вып. 104. Петроградъ, 1914. VI+66 стр. Съ X табл. рис. Ц. 2 р. 50 к.

§ 5. **Аверинцевъ, С. В.** Основы зоологіи. (Курсъ сельско-хозяйственныхъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній.) I. Общая зоологія. Петроградъ, 1915. VIII+394 стр. Съ 244 рис. Ц. 2 р. 65 к.

Гертвигъ, Р., д-ръ. Учебникъ зоологіи. Вып. III. Переводъ съ 10-го значительно переработаннаго изданія Н. С. Грезе. Подъ редакціей, съ примѣч. и доп. проф. Г. А. Кожевникова. М., 1915. Изд. „Современныя проблемы". 93 — 691 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Маевскій, П. Весенняя флора средней Россіи. Таблицы для опредѣленія растеній, цвѣтущихъ въ мартѣ, апрѣлѣ и началѣ мая. М., 1915. Изд. 8-е, М. и С. Сабашниковыхъ. 120 стр. Ц. 30 к.

Никольскій, А. М. Chelonia и Sauria. Пресмыкающіяся. Т. I. (Фауна Россіи и сопредѣльныхъ странъ. Подъ ред. Н. В. Насонова.) Петроградъ, 1915. III+532 стр. Съ IX табл.

Новая идея въ біологіи. Общіе вопросы біологіи. Общіе вопросы эволюціи. I. Подъ ред. проф. В. А. Вагнера. Петроградъ, 1915. 118+48 стр. Ц. 80 к.

§ 6. **Александровскій, А.,** д-ръ. Гигіе чтенія. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е. 23 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Зерновъ, Д., проф. Руководство описательной анатоміи человѣка. Ч. III. Анатомія нервной системы и органовъ чувствъ. (Неврологіи и эстэзіологіи.) М., 1915. Изд. 12-е. IV+791—1,089 стр. Съ рис. Ц. 2 р. 75 к.

§ 7. **Боголѣповъ, М. А.** Китай и Японія. Пособіе для самообразованія и старшихъ классовъ средней школы. М., 1915. 94+II стр.+2 листа рис.+1 карта. Ц. 85 к.

Гольденбергъ, І. Бельгія. (Дешевая библіотека, кн. 62.) Петроградъ, 1915. Изд. т-ва „Жизнь и Знаніе". 44 стр. Ц. 10 к.

Ковалевскій, М. О. Древній Востокъ и первобытная Грецiя. Казань, 1915. Изд. 3-е, М. А. Голубева. V+154 стр. Съ рис.+1 карта. Ц. 70 к.

Корвинъ-Веледницкій, Д. І. Классификація и численность народовъ земли. Географическія названія. Тифлисъ, 1915. Изд. автора. 32 стр. Ц. 15 к.

Корольковъ, Н. Ѳ. Соловецкая обитель. Петроградъ, 1915. Изд. постоян. ком. нар. чт. М. Н. П. 62 стр. Съ рис. Ц. 8 к.

Круберъ, А. А. Карстовая область горнаго Крыма. М., 1915. VIII+319 стр. Съ рис.+2 карты.

Лалаянъ, Е. А. Айсары Ванкскаго вилайета. (Записки кавказскаго отд. Имп. русскаго географич. об-ва. Кн. XXVIII. Вып. IV. Редакторъ А. Ф. Ляйстеръ.) Тифлисъ, 1914. 38 стр.+14 листовъ рис. Ц. 40 к.

Мечъ, С. Испанія и Португалія. М., 1915. Изд. 2-е. 118 стр. Ц. 40 к.

Нансенъ, Ф. Въ страну будущаго. Великій Сѣверный путь изъ Европы въ Сибирь черезъ Карское море. Авторизованный перев. съ норвежскаго А. и П. Ганзенъ. Петроградъ, 1915 г. Изд. К. И. Ксидо. 454 стр. Съ 155 рис. и 3 карт. Ц. 3 р. 50 к.

Оборинъ, Ак. Въ вольномъ просторѣ Сибири. (Б-ка „Спутника" М. Е. Стожъ.) Иркутскъ, 1914. Изд. 2-е. 26 стр. Ц. 20 к.

Обручевъ, В. А. Пограничная Джунгарія. Отчетъ о путешествіяхъ, совершонныхъ въ 1905, 1906 и 1909 гг. на средства томскаго технологическаго института. Т. I. Путевыя наблюденія. Вып. III. Дневники, касающіеся горныхъ системъ Семис-тая, Уркашара, Коджура, Восточнаго Тарбагатая, Саура и Манрака и долины Кобу съ горами Хара ардыкъ. Томскъ, 1914. II+574—758+IX стр. Съ 17 табл.

Островидовъ, В. А. Дальній Востокъ и путевыя впечатлѣнія отъ Владивостока до Петрограда. Одесса, 1915. 40 стр. Ц. 30 к.

Преображенскій, И. В. Царьградъ и святая Софія. Петроградъ, 1914. 28 стр. Ц. 20 к.

Реклю, Э. Исторія горы. Пер. Д. А. Ко-

ропчевскаго. М., 1915. Изданіе 3-е, к-ва К. П. Тихомирова. 141 стр. Съ рисунк. Ц. 50 к.

Рудневъ, Д. и **Куликъ, Н.** Матеріалы къ изученію Сѣвернаго морского пути изъ Европы въ Обь и Енисей. Петроградъ, 1915. 127 стр. Ц. 1 р.

Тимоновъ, В. Е., проф. Міровой водный путь чрезъ Панамскій перешеекъ. Историческое обозрѣніе постройки Панамскаго канала. Общая организація работъ. Техническая организація. Санитарно-медицинская организація. Предположенія объ эксплуатаціи канала. Главнѣйшія цифровыя данныя. Законъ о Панамскомъ каналѣ. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, Института Инж. Пут. Сообщ. VIII + 165 стр. Съ 40 табл. рис. Ц. 2 р. 50 к.

Филипповъ, С. Константинополь, его окрестности и Принцевы острова. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е испр., Березовскаго. 278 стр. Ц. 1 р. 50 к.

§ 8. **Анучинъ, Д. Н.** Александръ фонъ-Гумбольдъ, какъ путешественникъ и географъ и въ особенности какъ изслѣдователь Азіи. М., 1915. 225 стр.

Качоровская, А. С. Гипотеза роста, развитія, размноженія и продленія жизни. Съ предисловіемъ проф. Жакова. Петроградъ, 1915. 46 стр. Ц. 40 к.

§ 9. **Александровъ, И.** Къ методикѣ ариѳметическихъ прогрессій. М., 1915. 3 стр.

X. Книги для дѣтей.

Аксаковъ, С. Т. Біографія и его произведенія. Родные писатели. (Библіотека для школъ и народа, подъ ред. Ѳ. П. Борисова и Н. И. Лаврова.) М., 1915. Изд. т-ва В. В. Думновъ. 108 стр. Ц. 20 к.

Алтаевъ, А. Гарибальди. Біографическая повѣсть. („Б-ка всходовъ".) Петроградъ, 1915. Изд. 2-е. 140 стр. Съ рис. и портр. Ц. 40 к.

— За лаской. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. журн. „Юная Россія". 16 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— Костры покаянія. Историческая повѣсть. Б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. журн. „Юная Россія", 3-е. 190 стр. Съ рис. Ц. 60 к.

— Лулу. Изъ жизни одной обезьянки. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. журн. „Юная Россія". 32 стр. Ц. 10 к.

— Янъ Гусъ изъ Гусинца. Историческая повѣсть. Б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. 4, журн. „Юная Россія". 139 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Амичисъ, Э., де. Отъ Апеннинъ до Андовъ. Въ поискахъ за матерью. Разсказъ для дѣтей. Пер. Н. И. Перелыгина. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа.) М., 1915. Изд. 6-е, М. В. Клюкина. 48 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Школьный годъ. Изъ дневника ученика 3-го отдѣленія городской школы. Пер. съ итальян. М. Ватсонъ. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 461 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

Андерсенъ, Г. Дочь болотнаго царя. Сказка. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр.

— Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ. Сказка. Б-ка сказокъ. М., 1915. Изд. М. В. Клюкина, 2-е. 16 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— Гадкій утенокъ. Навозный жукъ. Двѣ сказки. Перев. Н. И. Перелыгина. Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа. М., 1915. Изд. 5-е, М. В. Клюкина. 32 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— Соловей. Сказка. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 20 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Сундукъ самолетъ. Снѣжный болванъ. Сказки. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр.

— Три сказки. 1) На птичьемъ дворѣ. 2) Сундукъ самолетъ. 3) Снѣжный болванъ. Пер. Н. Васина. Б-ка сказокъ. М., 1915. Изд. М. В. Клюкина, 2-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Анненская, А. и **Бекетова, А.** Христоферъ Колумбъ. Открытіе Америки. Историческій разсказъ. Петроградъ, 1914. Изд. Н. С. Аскарханова. 64 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Беннетъ, Джонъ. Жаворонокъ. Разсказъ. Перев. съ англ. А. Н. Рождественской. (Б-ка для семьи и школы.) М., 1915. Изд. 5-е, журн. „Юная Россія". 239 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Берлинъ, Я. А. Старшіе братья въ семьѣ народовъ (очерки современной культуры передовыхъ странъ). Первый очеркъ. Хозяева земли. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. журн. „Юная Россія". 48 стр. Съ рис. Ц. 8 к.

Бичеръ-Стоу, Г. Хижина дяди Тома. Романъ. Съ англійскаго Е. Б. Горбуновъ-Посадовъ, И. Освободители черныхъ рабовъ. Очерки. Б-ка И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества. № 20. М., 1915. Изд. 4-е. 455+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 1 р. 30 к.

Вагнеръ, П. Лиса и журавль. Лиса и кувшинъ. Двѣ сказки. Съ рис. П. Литвиненко. Сказки въ картинкахъ. М., 1915. Изд. М. В. Клюкина. 16 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Весельгофтъ, Л. Джекъ — пожарная собака. Повѣсть. Пер. съ англ. П. Булан-

же. Б-ка И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества. № 164. М., 1915. Изд. 2-е. 112 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Вудъ, Генри. Семейство Чаннинговъ. Романъ. Въ передѣлкѣ для дѣтей А. Н. Анненской. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е. 394 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Гемпель, Р. Подъ огненнымъ дождемъ. Разсказъ изъ послѣднихъ дней Помпеи. Перев. съ нѣм. А. Острогорской. (Б-ка юнаго читателя.) Петроградъ, 1915. Изд. 3-е. 111 стр. Съ рис. Ц. 35 к.

Генкель, А. Г. Колина экскурсія. Поѣздка по Волгѣ, Крыму и Кавказу. (Описаніе поѣздки гимназиста по Россіи) 26 писемъ къ другу. Петроградъ, 1915. Изд. А. Ф. Девріена. 264 стр. Съ рис. Цѣна 1 р. 60 к.

Гоголь, Н. В. Тарасъ Бульба. Жизнь. Сочиненія. Третій сборникъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. журн. „Юная Россія", 3-е. 159+2 нен. стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Гриммъ, бр. Скатерть самобранная, золотой оселъ и дубинка изъ мѣшка. Сказка. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр.

Диккенсъ, Ч. Колокола. Волшебный разсказъ о колоколахъ, звонившихъ въ концѣ стараго и началѣ новаго года. Пер. съ англ. Н. Пушешникова. Универсальная б-ка, № 758. М., 1915. Изд. 2-е, кн-ва „Польза". 104 стр. Ц. 10 к.

— Домби и сынъ. Романъ. Сокращенный перев. Н. Цвѣтиневичъ для дѣтей средняго возраста. М., 1915. Изд. „Сотрудникъ школъ", А. К. Залѣсской. 162+2 нен. стр.+16 лист. рис. Ц. 50 к.

— Приключенія Оливера Твиста. Романъ. Въ изложеніи В. Лукьянской. Съ рис. Бернарда и другихъ. М., 1915. Изд. „Посредника". 252+4 нен. стр. Съ рис. Ц. 60 к.

Дмитріева, В. І. Горюнъ и другіе разсказы для дѣтей. 1. Горюнъ. 2. Елка въ лѣсу. 3. Дикій мужичокъ. 4. Мартышка и барабанъ. 5. Рождество у дѣдушки. 6. Иванъ Кривецъ. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 222+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Дудоровъ, П. Въ горахъ. Очерки и разсказы. М., 1915. Изд. М. В. Клюкина. 47+1 нен. стр. Ц. 15 к.

Елисѣевъ, П. Вѣстовой Брылкинъ. Разсказъ изъ жизни на морѣ. М., 1915. Изд. М. В. Клюкина. 24 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Въ чужихъ краяхъ. Разсказы изъ жизни на морѣ. М., 1915. Изд. М. В. Клюкина. 72 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

— Мичманъ Бодягинъ. Разсказъ изъ жизни на морѣ. М., 1915. Изд. М. В. Клюкина. 27 стр. Съ рис. Ц 10 к.

— На морскомъ берегу. Разсказъ изъ жизни на морѣ. М., 1915. Изд. М. В. Клюкина. 30+2 нен. стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Ермиловъ (Владиміръ). Кто написалъ „Фрегатъ Палладу". Дѣтство и юность И. А. Гончарова. О чемъ писалъ Гончаровъ. Съ портр. и факсимиле И. А. Гончарова. Для дѣтей школьнаго возраста. М., 1915. Изд. А. С. Панафидиной. 48 стр. Съ портр. Ц. 5 к.

Коровинъ, В. Двѣ капельки. (Метаморфозы воды.) Разсказъ для дѣтей. М., 1915. Изд. „Сотрудникъ школъ", А. К. Залѣсской, 8-е. 150 стр. Съ рис. Ц. 75 к.

Коропчевскій, Д. А. Арапы. Петроградъ, 1915. Изд. М. Н. Слѣпцовой. 47 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Кругловъ, А. В. Всякому гвоздю свое мѣсто. Повѣсть для дѣтей средняго и старшаго возраста. Въ 2-хъ част. Съ рис. худ. П. Е. Литвененко. М., 1915. Изд. 4-е, М. В. Клюкина. 175 стр. Ц. 1 р.

— Божій человѣкъ. Разсказъ. Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа. М., 1915. Изд. М. В. Клюкина, 5-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Круковскій, М. А. Буланко. Разсказъ. Съ 5 рис. худ. Н. В. Пирогова. М., 1915. Изд. 2-е, кн-ва К. И. Тихомирова. 12 стр. Ц. 4 к.

— Въ снѣгахъ. Разсказъ. М., 1915. Изд. 2-е, кн-ва К. И. Тихомирова. 22 стр. Съ рис. Ц. 7 к.

— Зябликъ. Разсказъ. М., 1915. Изд. 2-е, кн-ва К. И. Тихомирова. 72 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Кугушевъ, А. (Ал. Саранскій). Мечтатель вьюнокъ. Разсказы для дѣтей средняго возраста. Б-ка „Новой народной школы" подъ ред. Ѳ. П. Борисова и Н. И. Лаврова. М., 1915. Изд. т-ва В. В. Думновъ. 49+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 12 к.

Лукашевичъ, К. Любимые друзья. Сборникъ разсказовъ для дѣтей младшаго возраста. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 7-е. 127+3 нен. стр. Съ рис. 15 лист. рис. Ц. 1 р.

— Сказки для самыхъ маленькихъ дѣтей. М., 1915. Изд. 3-е, доп. т-ва И. Д. Сытина. 124+II стр. Ц. 85 к.

Макарова, С. М. Канунъ Рождества. Повѣсть для дѣтей. Петроградъ, 1915. Изд. 3-е, т-ва М. О. Вольфъ. 48 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

— Крестьянская свадьба. Разсказъ для дѣтей. Петроградъ, 1915. Изд. 3-е, т-ва М. О. Вольфъ. 63 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Бѣлое Золото. Повѣсть. Б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. 10-е, журн. „Юная Россія". 136 стр. Ц. 50 к.

— Былинки. Разсказы для маленькихъ дѣтей. Буканъ. Гостья. Признанія кота Васьки. Лучшій другъ. Б-ка для семьи и

школы. М., 1915. Изд. журн. „Юная Россія“, 6-е. 56 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Дѣдушка. Разсказъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. журн. „Юная Россія“, 2-е. 30+2 нен. стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— Послѣдняя треба. Разсказъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. журн. „Юная Россія“, 9-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 6 к.

— Сумасшедшій звонарь. Святочный разсказъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. журн. „Юная Россія“, 2-е. 15+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— Упрямый козелъ. Сказка. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. журн. „Юная Россія“. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Массонъ, Ж. Пушокъ и Пушинка или сама себя выручай. Вольный перев. съ франц. Е. В. Лавровой. Петроградъ, 1915. Изд. О. Н. Поповой, 7-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

Маша и Оля. Разсказы и стихи для маленькихъ дѣтей. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 20 стр.

Милль, К. Сказочки Полярнаго. М., 1915. 112+1 нен. стр.

Мировичъ, В. Снѣжинки. Б-ка нашихъ дѣтей. Петроградъ, 1915. Изд. т-ва О. Н. Поповой, 2-е. 102 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Наживинъ, Ив. Давно это было. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. журн. „Юная Россія“. 12 стр. Съ рис. Ц. 2 к.

— За глушанами. Изъ серіи „крестьянскія дѣти“. Съ рис. П. Глаголева. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. журн. „Юная Россія“. 30 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Марѳутка. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. журн. „Юная Россія“. 12+3 нен. стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— Петро Куликъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. журн. „Юная Россія“. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Слава человѣческая. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. журн. „Юная Россія“. 12+4 нен. стр. Ц. 5 к.

Наши лошадки. Б-ка для дѣтей. И. Горбунова-Посадова. М., 1915. Изд. И. Горбунова-Посадова. 15 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. Дѣти Конунга. Повѣсть. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. ред. журн. „Юная Россія“. 30+2 нен. стр. Ц. 10 к.

— Затерянные въ океанѣ. Повѣсть. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. редак. журн. „Юная Россія“, 3-е. 32 стр. Ц. 10 к.

— Черный графъ. Очеркъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. журн. „Юная Россія“. 2-е. 40 стр. Ц. 12 к.

Носиловъ, К. Д. Въ лѣсахъ. Разсказы и очерки. Съ рис. Б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. ред. журн. „Юная Россія“, 3-е. 72 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Опочининъ, Евг. Зимній баринъ и другіе разсказы. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. 2-е, журн. „Юная Россія“. 77+3 нен. стр. Ц. 15 к.

— Рождественское богомолье воеводы. Легенда. Дешевая б-ка для семьи и школы. Изд. ред. журн. „Юная Россія“. 16 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

Ордынцевъ-Кострицкій, М. Д. Волшебныя сказки нашихъ дней. Повѣсти и разсказы изъ жизни южно-американскаго материка. Съ рисунками худ. С. Ф. Плошинскаго. Петроградъ, 1915. Изд. т-ва А. С. Суворина. 312+4 нен. стр. Съ 1 портр. Ц. 2 р.

Орловецъ, П. Двѣ доли и знахарь. Двѣ сказки. № 15, „Въ школѣ и дома“. М., 1915. 23+1 нен. стр. Съ рис.

— Заморышъ. Сказка. „Въ школѣ и дома“, № 11. М., 1915. 16 стр. Съ рис.

— Колобокъ. Сказка. Съ рис. П. Литвиненко. Сказки въ картинкахъ. М., 1915. Изд. М. В. Клюкина. 16 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Мѣна. Сказки въ картинкахъ. М., 1915. Изд. М. В. Клюкина. 20 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Никитушка и пѣтушокъ. Сказки въ картинкахъ. М., 1915. Изд. М. В. Клюкина. 16 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Трудолюбивый работникъ. Вагнеръ, П. Овца, лиса и волкъ. Двѣ сказки. № 13, „Въ школѣ и дома“. М., 1915. 16 стр. Съ рис.

— Хитрая наука. Сказка. М., 1915. 16 стр. Съ рис.

Пальмъ, Ами. Лалли и ея щеночекъ Звѣздочка. Сказка. Б-ка для дѣтей. Подъ ред. И. И. Горбунова-Посадова. М., 1915. 24 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Поѣхали! Б-ка для дѣтей. И. Горбунова-Посадова. М., 1915. 15 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Ремезова, Н. Л. Экзамены. Дѣтская пьеска въ 1-мъ дѣйствіи. Житомиръ, 1915. 20 стр.

Рогова, О. И. Хлѣбъ, какъ онъ растетъ и его обработка. Разсказъ для дѣтей. М., 1915. Изд. А. Д. Ступина, 2-е. 61+3 нен. стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Родные писатели. Н. В. Гоголь. Біографія и смыслъ его произведеній. Вып. I. Б-ка для школъ и народа. Подъ редак. Ѳ. П. Борисова и Н. И. Лаврова. М., 1915. Изд. т-ва В. В. Думнова. 67 стр. Съ рис. и 1 портр. Ц. 15 к.

Слѣпцова, М. Взаимная помощь у животныхъ. Петроградъ, 1915. Изд. Н. Слѣпцовой. 31 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Смирновъ, Ил. Дм. Христославы. Раз-

сказъ. Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа. М., 1915. Изд. 3-е, М. В. Клюкина. 82 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Соловьевъ, М. Въ сельской школѣ. Разсказъ. Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа. М., 1915. Изд. 3-е, М. В. Клюкина. 16 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

Сысоевъ, В. М. Путешествіе. Разсказъ для дѣтей. М., 1915. Изд. М. В. Клюкина, 2-е. 48 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Тагинъ, Ѳ. А. Какъ жили на Руси въ старину. Б-ка другъ школы. Петроградъ, 1915. Изд. К. Н. Кубинскаго. 29 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Кіевъ—мать городовъ русскихъ. Б-ка другъ школы. Петроградъ, 1915. Изд. К. В. Кубинскаго. 59 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Твенъ, М. Принцъ и нищій. Перев. съ англ. М. А. Шишмаревой. Петроградъ, 1915. Изд. 3-е, вят. т-ва „Народн. б-ка". 233 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Толстой, Л. Н. Для дѣтей. Кн. I. Кавказскій плѣнникъ и другіе разсказы. Универсальная б-ка, № 546. М., 1915. Изд. 2-е, кн-ва „Польза". 104+1 нен. стр. Ц. 10 к.

— Для дѣтей. Кн. II. Басни, былины и разсказы изъ естественной исторіи. Универсальная б-ка, № 547. М., 1915. Изд. 2-е, кн-ва „Польза". 102 стр. Ц. 10 к.

Трояновскій, И. И. Курсъ природовѣдѣнія. Ч. II. Растеніе и его жизнь. Для младшихъ классовъ среднихъ учебн. заведеній, торговыхъ школъ и городскихъ училищъ. М., 1915. Изд. 5-е, И. Д. Сытина. 170+II стр. Съ рис. Ц. 95 к.

Тулуповъ, Н. В. Собраніе родныхъ сказокъ. Т. I. По Аѳонасьеву и другимъ сборникамъ. Рис. С. И. Ягужинскаго. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 8-е. 230+II стр. Съ рис. Ц. 1 р. 20 к.

Уйда. Приключенія маленькаго графа. Пер. съ англ. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, В. И. Кубинскаго. 47 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Ульяновъ, А. Заячья елка. Сказочка. М., 1915. Изд. 3-е, С. Курнинъ и К°. 19 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Пушокъ. Разсказъ. Рис. А. Комарова. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 63+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Шведеръ, Е. Въ заревѣ войны. Разсказъ. М., 1915. 47+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 20 к.

— Въ лазаретѣ. Разсказы. Б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. журн. „Юная Россія". 56 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

— На ржаномъ полѣ. „Родная природа". Популярная биб-ка естествознанія. Вып. VIII. Рига, 1915. Изд. К. Г. Зихмана. 40 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Шкляръ, Н. Сказка о прекрасномъ королѣ Альбертѣ. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 67+1 нен. стр. Съ рис.+3 лис. рис. Ц. 50 к.

Шмелевъ, И. Одной дорогой. Разсказъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. ред. журн. „Юная Россія", 2-е. 48 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Послѣдній выстрѣлъ. Разсказъ. Съ рис. Н. Богатова. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1915. Изд. ред. журн. „Юная Россія", 2-е. 44+4 нен. стр. Ц. 12 к.

XI. Справочныя изданія общія.

§ 1. Энциклопедіи. § 2. Словари. § 3. Библіографическіе справочники.

§ 1. **Итоги науки въ теоріи и практикѣ.** Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. О. М. Шимкевича. Т. I. М., 1915. Изд. т-ва „Міръ". 130 стр.+6 иллюстр.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ. Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Н. Морозова и проф. О. М. Шимкевича. М., 1915. Изд. т-ва „Міръ". 145—256 стр. Съ рис.+15 лист. рисунк.

§ 2. **Мазоръ, И.** Словарь Лилипутъ. Латино-русскій. Кіевъ, 1915. Изд. П. И. Бонадуреръ. 874 стр. Ц. 45 к.

Преображенская, А. Этимологическій словарь русскаго языка. Вып. XI (плѣсеньпытать). М., 1915. 81—160 стр. Ц. 65 к.

Фомицкій, Д. И. Латино-русскій карманный словарь. Кіевъ, 1915. Изд. П. И. Бонадуреръ. 585 стр. Ц. 60 к.

Вознесенскій, С. Славянство въ русской журналистикѣ 1896 — 1914 гг. (указатель статей). Петроградъ, 1915. Изд. Н. Карбасникова. 63 стр. Ц. 25 к.

§ 3. **Рубакинъ, Н. А.** Среди книгъ. Опытъ обзора русскихъ книжныхъ богатствъ въ связи съ исторіей научно-философскихъ и литературно-общественныхъ идей. Справочное пособіе для самообразованія и для систематизаціи и комплектованія общеобразовательныхъ библіотекъ, а также книжныхъ магазиновъ. Т. III, ч. I. М., 1915. Изд. 2-е, доп. кн-ва „Наука". 200+10+12 стр. Ц. 2 р.

Систематическій указатель литературы по искусству. Вып. I. Исторія искусства.— Живопись. — Рисованіе книжнаго склада Э. Мейеръ. М., 1915. Изд. Э. Мейеръ. 16 стр.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюня по 1 іюля 1915 г.

Амфитеатровъ, А. В. Тайны боговъ. Кн-во „Просвѣщеніе“. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Архангельскій, П. Г. Выборы въ екатерининскую комиссію отъ крестьянъ двинскаго сѣвера. Отд. отт. изъ XX т. „Историческаго Обозрѣнія“. Петроградъ, 1915 г.

Бархинъ, Константинъ, Избранныя произведенія А. В. Кольцова. „Родные писатели“. Вып. II. Изд. „Порядокъ“. Одесса, 1914 г. Ц. 25 к.

— Избранныя баллады В. А. Жуковскаго. „Родные писатели“. Вып. III. Изд. „Порядокъ“. Одесса, 1914 г. Ц. 30 к.

Бергъ, Л. Фельдмаршалъ Мольтке. Изд. Историческая комиссія О. Р. Т. З. М., 1914 г. Ц. 18 к.

Бертенсонъ, Л. Б. Еще къ вопросу о замѣнѣ иностранныхъ лѣчебныхъ мѣстъ и водъ русскими. Отд. отт. изъ „Русскаго Врача“, № 26. 1915 г.

Блонскій, П. О національномъ воспитаніи. Оттискъ изъ журн. „Вѣстникъ Воспитанія“, № 4, 1915 г.

Бочкаревъ, В. Н. Россія и Германія. „Война и культура“. Изд. Исторической комиссіи О. Р. Т. З. М., 1914 г. Ц. 15 к.

Бузескулъ, В., проф. Современная Германія и нѣмецкая историческая наука XIX столѣтія. Петроградъ, 1915 г. Ц. 60 к.

Букшпанъ, Я. М. Міровая дороговизна. Отд. отт. изъ №№ 21, 22 и 23 „Вѣстн. Финан.“ за 1915 г. Петроградъ, 1915 г.

Быкъ, І. М., д-ръ. Спутникъ на холеру, чуму, сыпной тифъ и дизентерію. Изд. Сытина. М., 1915 г. Ц. 50 к.

Веббъ, Е. Жизнь великихъ людей. Герои и друзья кооперації. Кн-во „Трудъ“. М., 1915 г. Ц. 75 к.

Влагинъ, М. Разсказы. Из-во „Лукоморье“. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вопросы финансовой реформы въ Россіи подъ редакціей проф. В. Я. Желѣзнова. Т. I. Вып. I. Изд. о-ва имени А. И. Чупрова. М., 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Воспламеняемость каменно-угольной пыли. Изд. съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи. Харьковъ, 1914 г.

Гардеръ, Николай. Оргіи. Изд. „Современная Библіотека“. М., 1915 г. Ц. 60 к.

Григорьевъ, Аполлонъ. Мои литературныя и нравственныя скитальчества. Изд. Некрасова. Москва. Ц. 1 р.

Данія. Страна моря. Изд. датскаго союза туристовъ. Копенгагенъ.

Жаворонковъ, Б. Н. Франція и Россія. Изд. Исторической комиссіи О. Р. Т. З. М., 1914 г. Ц. 10 к.

Жуэнъ, Алиса. Женщина и кооперація. Изд. „Трудъ“. Ц. 15 к.

Казиміровъ, Н. Я. Земство и Всероссійскій земскій союзъ. Изд. Исторической комиссіи О. Р. Т. З. М., 1914 г. Ц. 12 к.

Караваевы Л. и **Ж.** Какъ сдѣлать самому простые летательные аппараты. Изд. Горбунова-Посадова. М., 1915 г. Ц. 20 к.

Катаевъ, И. М. Россія и Австрія. Изд. Исторической комиссіи О. Р. Т. З. М., 1914 г. Ц. 15 к.

Книга короля Альберта. Дань королю и народу Бельгіи представителей всего міра. Изд. В. Португалова. М., 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Козловъ, В. Подъ грозою. Разсказы. Из-во „Лукоморье“. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Коломаровъ, Н. П. Теперь или никогда. (Война за трезвое счастье Россіи.) Изд. „Всероссійскаго трудового союза христіанъ-трезвенниковъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 30 к.

Кончакъ, Вл. Сказка любви. М., 1915 г. Ц. 50 к.

Костровъ, Н. И. Торговля Россіи съ Италіей. Семинаріи по политической экономіи при московск. университетѣ. Вып. XI. М., 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Краткій обзоръ дѣятельности рижской городской управы за 1914 г. Рига, 1915 г.

Криницкій, Маркъ. Вами казненный. Романъ. Изд. „Современная б-ка". М., 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Критскій, П. Какъ устроить и вести народный домъ. Общедоступный справочникъ. Изд. Некрасова. Ярославль, 1915 г. Ц. 25 к.

Кулишеръ, А. М. Автономія Ирландіи. Отд. отт. изъ журнала „Юридическій Вѣстникъ", 1914 г. кн. VI (II) и 1915 г. кн. IX (I). М., 1915 г.

Кунъ, Н. А. Италія. Изд. Исторической комиссіи О. Р. Т. З. М., 1914 г. Ц. 18 к.

Ладыженскій, А. М. Тройственный союзъ и тройственное согласіе. Изд. Исторической комиссіи О. Р. Т. З. М., 1914 г. Ц. 15 к.

Левитинъ, С. Педагогика и милитаризмъ въ Германіи. Кн-во М. В. Попова. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р.

Луццати, Л. Избранныя рѣчи по кооперація и экономикѣ. Изд. „Трудъ". М., 1915 г. Ц. 1 р.

Лѣтнія колоніи для московскихъ школьниковъ за двадцатипятилѣтіе (1888—1912). Изд. Кружка лѣтнихъ колоній для учащихъ москов. гор. училищъ. М., 1915 г. Ц. 75 к.

Люповъ, С. Н. Жигулевское сказаніе. Нижній-Новг., 1915 г.

Маргулисъ, М. О. Бельгія. Изд. Исторической комиссіи О. Р. Т. З. М., 1914 г. Ц. 15 к.

На морѣ и на землѣ. Сборникъ географическихъ разсказовъ. Изд. Горбунова-Посадова. М., 1915 г. Ц. 70 к.

Нансенъ, Фритіофъ. Въ страну будущаго. Изд. Ксидо. Петроградъ, 1915. Ц. 3 р. 50 к.

Немировичъ-Данченко, В. И. Исповѣдь женщины. Романъ. Кн-во „Просвѣщеніе". Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Новалисъ. Фрагменты въ переводѣ Григорія Петникова. Кн-во „Лирень". М., 1914 г. Ц. 70 к.

Опись дѣлъ архива Государственной Думы. Т. II. (20 февр.—2 іюня 1907 г.) Петроградъ, 1915 г.

Опытъ постановки земельно-межевого дѣла въ петроградскомъ округѣ путей сообщенія. Очеркъ I. Петроградъ, 1915 г.

Ортъ, Ф. Бесѣда съ сыномъ по поводу опасной привычки. Перев. Горбуновой. Изд. Горбунова-Посадова. М., 1915 г. Ц. 12 к.

Отрезвленіе рабочихъ. Изд. „Бюро о-ва заводчиковъ и фабрикантовъ". М., 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Отчетъ о состояніи кредитныхъ товариществъ и земскихъ кассъ мелкаго кредита по даннымъ на 1 января 1912 г. Петроградъ, 1913 г.

Отчетъ о состояніи кредитныхъ товариществъ по даннымъ на 1 января 1913 г. Петроградъ, 1914 г.

Отчетъ о состояніи крестьянскихъ общественныхъ учрежденій мелкаго кредита по даннымъ на 1 января 1912 г. Петроградъ, 1913 г.

Отчетъ о состояніи крестьянскихъ общественныхъ учрежденій мелкаго кредита по даннымъ на 1 января 1913 г. Петроградъ, 1914 г.

Отчетъ о состояніи ссудосберегательныхъ товариществъ по даннымъ на 1 января 1912 г. Петроградъ, 1913 г.

Отчетъ о состояніи ссудосберегательныхъ товариществъ и земскихъ кассъ мелкаго кредита по даннымъ на 1 января 1913 г. Петроградъ, 1914 г.

Отчетъ по операціямъ больничной кассы за время съ 1 іюня по 31 декабря 1914 г. при рудникѣ азовской угольной компаніи. Александровскъ-Грушевскъ, 1915 г.

Петрова, Н. Б. Изъ дневника народной учительницы. Изд. Горбунова-Посадова. М., 1915 г. Ц. 65 к.

Пименова, Э. К. Вильгельмъ II. Изд. Исторической комиссіи О. Р. Т. З. М., 1914 г. Ц. 15 к.

Пожарова, М. Бубенчики. Стихи. Библіотека „Тропинки". Изд. И. Д. Сытина. М., 1915 г. Ц. 1 р.

Покровскій, М. Н. Очеркъ исторіи русской литературы. Ч. I. Изд. т-ва „Міръ". М., 1915 г. Ц. 2 р.

Поповъ, П. И. Шоссейнодорожное дѣло. Изд. т-ва Сытина. М., 1915 г. Ц. 1 р.

Прашница духовная Питирима архіепископа нижегородскаго и духовное дѣяніе на Мартина Армянина. М., 1915 г. Ц. 5 р.

Протасовъ, И. Тайны загробнаго міра. Изд. „Мечъ". М., 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Санаторія „Александробадъ". М., 1915 г.

Саундерсъ, Джаружъ. Послѣдній изъ гуновъ. Изд. кн. маг. „Трудъ". М., 1915 г. Ц. 75 к.

Семеновъ, Л. Къ вопросу о вліяніи Марлинскаго на Лермонтова. Оттискъ изъ „Филолог. Записокъ" за 1914 г.

Семеновъ, Л. М. Ю. Лермонтовъ. Статьи и замѣтки. М., 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Соболевъ, М. Н., проф. Исторія русско-германскаго торговаго договора. Изд. Министерства финансовъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Соколовъ, Вас. Апостолъ Павелъ. Характеристика личности. Петроградъ, 1915 г. Ц. 20 к.

— Мысль и догматъ. Докладъ, читанный въ религіозно-филос. об-вѣ. Б-ка „Религія и Жизнь". Вып. I. Петроградъ, 1915 г. Ц. 15 к.

Спеціальная карта турецкаго театра военныхъ дѣйствій. Изд. т-ва Марксъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 2 р.

Спеціальная карта франко-прусскаго театра военныхъ дѣйствій. Изд. т-ва Марксъ. Петроградъ, 1914 г. Ц. 1 р.

Степановъ, П. К. Исторія русской одежды. Петроградъ, 1915 г.

Тагоръ, Рабиндранатъ. Изъ жизни Бенгаліи. Изд. 2-е, В. Португалова. М., 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Лунный серпъ. Изд. 2-е, В. Португалова. М., 1915 г. Ц. 60 к.

— Почта. Изд. 2-е, В. Португалова. М., 1915 г. Ц. 30 к.

— Садовникъ. Изд. 2-е, В. Португалова. М., 1915 г. Ц. 75 к.

— Читра. Изд. 2-е, В. Португалова. М., 1915 г.

— Штанджали. Изд. 2-е, В. Португалова. М., 1915 г. Ц. 60 к.

Термитинъ, Ф. Е. Голосъ народа. Результаты анкеты объ отношеніи населенія къ прекращенію продажи крѣпкихъ напитковъ. Изд. Губ. земства. Пенза, 1915 г. Ц. 30 к.

Толстой, Л. Н. Собраніе сочиненій. Т. V, VII, VIII и IX. Кн-во „Просвѣщеніе". Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р.

Треневъ, К. Владыка. Разсказы. Изд. 2-е. Кн-во писателей въ Москвѣ. 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Фальковичъ, Павелъ. Политическая жизнь Германіи. Изд. Исторической комиссіи О. Р. Т. З. М., 1914 г. Ц. 10 к.

Хозяйственно-статистическій обзоръ Уфимской губерніи за 1913 г. Изд. Уфимск. губ. земск. управы. Уфа, 1915 г.

Цвѣтаева, Анастасія. Королевскія размышленія. М., 1915 г. Ц. 1 р.

Чарналускій, В. К. Съѣзды по народному образованію. Изд. журн. „Вѣстникъ Народнаго Образованія". Петроградъ, 1915 г. Ц. 3.

Чаяновъ, А. В. Война и крестьянское хозяйство. Изд. Исторической комиссіи О. Р. Т. З. М., 1914 г. Ц. 8 к.

Чемоданова-Услаль, Е. Кавказъ и Закавказье. Изд. Исторической комиссіи О. Р. Т. З. М., 1914 г. Ц. 18 к.

Штейнеръ, Рудольфъ, д-ръ. Теософія. Введеніе въ сверхчувственное познаніе міра и назначенія человѣка. Изд. „Духовное Знаніе". М., 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Эрнъ, Владиміръ. Время славянофильствуетъ. Война, Германія, Европа и Россія. Изд. „Война и Культура". Ц. 30 к.

— Мечъ и крестъ. Статьи о современныхъ событіяхъ. М., 1915 г. Ц. 40 к.

Якушкинъ, В. Балканская война и ея результаты. Изд. Исторической комиссіи. О. Р. Т. З. М., 1914 г. Ц. 10 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Критическаго обозрѣнія.

I. Книги.

Стр.

Литература, исторія литературы и литературная критика: *В. И. Масловъ.* Начальный періодъ байронизма въ Россіи. Критико-библіографическій обзоръ.—Временникъ Пушкинскаго Дома.—Собраніе сочиненій Аполлона Григорьева подъ ред. В. Ѳ. Саводника. Вып. I. Автобіографія. „Мои литературныя и нравственныя скитальчества". (Съ біографическимъ очеркомъ В. Саводника.) Изд. бр. Башмаковыхъ. — *Аполлонъ Григорьевъ.* Мои литературныя и нравственныя скитальчества. Съ послѣсловіемъ и примѣчаніями Павла Сухотина. — Тургеневскій Сборникъ. (Тургеневскій кружокъ подъ руководствомъ Н. К. Пиксанова) 1

Правовѣдѣніе: *Проф. бар. С. А. Корфъ.* Русское государственное право. Ч. I.—*О. І. Авербахъ.* „Законодательные акты, вызванные войною 1914 г.". „Важнѣйшія узаконенія (1914—1915 гг.)". „Важнѣйшія узаконенія о воинской повинности". „Важнѣйшія узаконенія". — *А. Г. Гойхбаргъ.* „Землевладѣніе и землепользованіе подданныхъ враждебныхъ державъ и нѣмецкихъ выходцевъ".— *Л. М. Роговинъ.* „Налоги и сборы военнаго времени" 8

Педагогика и народное образованіе: Родной языкъ въ школѣ. Ежемѣсячный журналъ, подъ ред. А. М. Лебедева. №№ 1—8 11

Естествознаніе: *Проф. Кольраушъ.* Краткое руководство къ практическимъ занятіямъ по физикѣ. Перев. подъ редакц. проф. Н. П. Кастерина.— *А. Р. Хинксъ.* Астрономія. Перев. съ англ. В. Е. Мурашкинскій.—*Проф. К. Д. Покровскій.* Знаніе для всѣхъ. Нашъ вѣчный спутникъ 12

Справочныя изданія: Русская Ривьера. Вѣстникъ Черноморскаго побережья, Кавказа и Крыма. Журналъ курортнаго дѣла и культурно-промышленной жизни юга Россіи. №№ 1—2 13

II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 іюня по 1 іюля 1915 года.

Редакторъ-издатель П. Б. Струве.

28/VI

29/VIII

28/VII

26/X

8/XI

5/XII

4/XII

13/IV

30/V

30/VI

21/VIII

26/XI

9/XI

17186/c

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 047417933